ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФИНИ А. Д. БЛУДОВОЙ.

ГЛАВА IV.

1831 годъ *).

Тяжело начинался для насъ новый 1831 годъ; всѣ письма отзываются этимъ грустнымъ настроеніемъ. Къ тому же посольскій священникъ занемогъ, и мы были безъ обѣдни: Потсдамскому священнику нельзя было пріѣхать. Одно утѣшеніе находили мы въ перепискѣ съ Россіею. Мое здоровье стало измѣнять мнѣ; я страдала настоящей Швейцарской ностальгіей: тоской по отчизнѣ, по дому. Русской пѣсни я не могла слышать безъ рыданія и такого разстройства нервовъ, что нужно было нѣсколько дней, чтобы немного успокоиться. Между тѣмъ именно къ музыкѣ я пристрастилась болѣе чѣмъ когда либо и находила какое-то горькое утѣшеніе въ этихъ звукахъ, которые разстраивали сердечную боль. Пріѣзду батюшки препятствовали обстоятельства, а леченіе сестры затягивалось, и уже нельзя было опредѣлить времени нашего возвращенія. Заѣдающая, безотчетная тоска овладѣла мною; началась изнурительная лихорадка, стали повторяться галюцинаціи. Далекіе, но близкіе сердцу, люди стали являться мнѣ на яву, особенно мой старикъ Гаврило *), такъ ясно, почти осязательно, что я не могла различить живаго существа отъ этихъ представленій и только тѣмъ удостовѣрялась въ ихъ призрачности, что ихъ движеніямъ не мѣшало никакое матеріальное препятствіе, и они проходили сквозь стѣны, затворенныя двери, столы, клавикорды, прямою линіею ко мнѣ, безъ всякой остановки. Первый случай было меня испугалъ. Это было вечеромъ; я играла на арфѣ урокъ, заданный учителемъ наканунѣ; сестра и братья сидѣли въ той же комнатѣ за столомъ и тоже готовили уроки; дверь въ сосѣднюю, неосвѣщенную комнату стояла полуоткрытая прямо передъ моими глазами. Вдругъ увидѣла я Гаврилу входящаго въ дверь, съ его кроткимъ, добрымъ, любящимъ лицомъ, съ его морщинами и сѣдинами, въ его длинномъ сертукѣ. Онъ задумчиво улыбался мнѣ и сталъ подходить все ближе и ближе, пока не взошелъ въ струны арфы, подлѣ самой моей руки и тутъ исчезъ. Зная его безграничную преданность и любовь къ намъ, дѣтямъ от-

*) Глава эта служитъ продолженіемъ Воспоминаній графини Антонины Дмитріевны Блудовой, напечатанныхъ въ Русскомъ Архивѣ 1872 года. Читатели припомнятъ, что семейство Блудовыхъ находилось въ началѣ 1831 года въ Берлинѣ. *П. Б.*

*) Дворецкій. *П. Б.*

ца моего, я была увѣрена, что онъ въ это время скончался и сильнымъ желаніемъ проститься со мной, такъ сказать, вымолилъ возможность такого явленія. Я ужасно испугалась и огорчилась, но не смѣла объ этомъ говорить, чтобъ не испугать сестру и братьевъ и уже послѣ сказала m-lle du Tour и матушкѣ и должна сознаться, что до полученія извѣстій изъ Петербурга отъ этого числа, мы всѣ тревожились на счетъ Гаврилы; но съ нимъ не было ничего особеннаго. Съ тѣхъ поръ такого рода видѣнія повторялись и тоже безъ всякаго повода, почти безпрестанно, когда я слышала музыку, или сама играла, или пѣла. Въ концертѣ, въ театрѣ, на балѣ, далекіе пріятели, а иногда и простые знакомые входили и выходили непринужденно, безъ церемоній среди присутствующихъ въ самомъ дѣлѣ лицъ, но такъ ясно, что я рѣшительно не могла различить ихъ другъ отъ друга. Это продолжалось нѣсколько лѣтъ, и я такъ свыклась съ этими призраками, что не обращала на нихъ никакого вниманія. Я объ этомъ упоминаю только какъ объ любопытномъ, нервномъ явленіи и потому, что положеніе это испугало очень мать мою. Стали меня лечить. Я вполнѣ сознавала несущественность этихъ призраковъ, и это сознаніе вѣроятно спасло меня отъ умопомѣшательства. Гораздо серьезнѣе болѣзнь была ностальгія, съ ея изнурительной лихорадкой, которую ничѣмъ не могли прекратить. Доктора стали по обыкновенію совѣтовать развлеченіе. Матушка писала обо всемъ не ясно разумѣется, настаивала на мое представленіе ко двору и просила батюшку поговорить съ княземъ Кочубеемъ о пожалованіи меня во фрейлины, вмѣсто другой какой награды ему по службѣ. Все это я впрочемъ узнала только недавно, прочитавъ письма того времени. Въ моемъ душевномъ настроеніи тогдашнемъ, одна мысль о балахъ и выѣздахъ, тогда какъ началась междоусобная война у насъ, эта мысль меня мучила, пугала и, не зная объ опасеніяхъ матушки и совѣтахъ доктора, я не могла понять, на что, для кого и по какой причинѣ должно начинать свѣтскую жизнь въ чужихъ краяхъ, въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Какъ часто господа-медики присуждаютъ къ такимъ безполезнымъ страданіямъ своихъ больныхъ, воображая, что они поняли моральную болѣзнь, воздѣйствующую на физическое разстройство, и что нашли истинное лекарство противъ сердечнаго недуга. Къ этимъ обстоятельствамъ относится многое въ слѣдующихъ письмахъ.

С.-Петербургъ, $\frac{2}{14}$ Января 1831 г. Вчера начался новый годъ по старому стилю. Поздравлять ли васъ, себя, кого бы то ни было, съ этимъ началомъ? Богъ знаетъ. Кто-то сказалъ: qu'elle soit la bienvenue cette nouvelle année, mais surtout qu'elle soit un jour la bienpassée *). Въ самомъ дѣлѣ, кажется, можно безъ нескромности пожелать, чтобы 1831 годъ, по крайней мѣрѣ, былъ легче предшедшаго, котораго первые мѣсяцы ознаменованы шумнымъ веселіемъ, а послѣдніе всякими бѣдствіями, физической холерой и нравственной горячкой. Нынѣшней зимою у насъ въ нѣкоторомъ смыслѣ очень тихо. Императрица была нездорова, кашляла и хотя ей гораздо лучше, хотя теперь она и совсѣмъ хорошо себя чувствуетъ, какъ мнѣ самъ Государь сказывалъ сего дня ввечеру; однакожъ осторожность и дов-

*) Привѣтствуемъ этотъ новый годъ; но въ особенности желаемъ, чтобы онъ прошелъ благополучно.

тора недозволяютъ ей выходить изъ своей комнаты: оттого въ новый годъ не было собранія или, какъ здѣсь говорится, выхода. Я слушалъ обѣдню въ миніатюрной университетской церкви, почти одинъ, на хорахъ. Бороздины пришли поздно.

Бороздинъ былъ тогда попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа; онъ былъ близокъ съ батюшкой по служебнымъ отношеніямъ, а матушка была на пріятельской ногѣ со всѣмъ его семействомъ; онъ былъ женатъ на Львовой, милой, доброй, даровитой, какъ всѣ Львовы, въ родствѣ съ Державинымъ, который былъ дядей моего отца, такъ что выходило родъ свойства между нами. Университетъ тогда помѣщался въ весьма некрасивомъ и неудобномъ зданіи за Владимірской, около Загороднаго Проспекта, гдѣ теперь такъ называемое Синодальное Подворье; церковь была гораздо меньше чѣмъ теперь и плохо отдѣланная, во вкусѣ, или лучше сказать съ безвкусіемъ style de l'Empire, то есть Наполеоновскаго, которое въ царствованіе Александра Павловича вкралось даже въ наши православные храмы. Посѣщая нынѣшнюю церковь, устроенную въ той же комнатѣ, нельзя не порадоваться успѣхамъ зодчества у насъ. Самый университетъ, какъ извѣстно, переведенъ на Васильевскій островъ, въ великолѣпное помѣщеніе, при Николаѣ Павловичѣ. Кто посмотритъ на него и на столь же великолѣпное зданіе университета Св. Владиміра и вспомнитъ, что въ Кіевѣ совсѣмъ не было высшаго образовательнаго заведенія до Николая Павловича, невольно задумается надъ клеветою и несправедливостію, съ которыми преслѣдуютъ память покойнаго Государя въ поколѣніи среднихъ лѣтъ, раздраженномъ нелѣпостями нѣкоторыхъ цензоровъ *) въ послѣдніе годы царствованія его, когда съ одной стороны неурядица въ Европѣ, бѣшенныя выходки иностранной прессы, а съ другой стороны дома усердіе не по разуму, съ его медвѣжими услугами, тормозили все свѣтлое въ нашей литературѣ вмѣстѣ съ вреднымъ. Императоръ Николай Павловичъ не былъ ненавистникомъ просвѣщенія своей страны; напротивъ, съ самаго начала царствованія своего, онъ сталъ распространять училища, поддерживать университеты, готовить разсадники будущихъ хорошихъ профессоровъ изъ Русскихъ, посылая лучшихъ студентовъ за границу для слушанія знаменитѣйшихъ ученыхъ, для изученія всѣхъ новыхъ методовъ, системъ и открытій, дабы образовать истинно-ученыхъ преподавателей въ своемъ собственномъ народѣ, вмѣсто того чтобы вызывать только иностранцевъ, не знающихъ нашего языка и по этому самому не приносящихъ всей желаемой пользы для Россіи. Николай Павловичъ первый обратился съ уваженіемъ къ остаткамъ нашей старины; онъ основалъ собранія достопамятностей старыхъ временъ; сохранилъ отъ вандализма прежней эпохи прекрасныя историческія зданія, спасъ отъ разрушенія оставленные на съѣденіе червей и гнили драгоцѣнные исторические документы **); посылалъ уче-

*) Между прочимъ напр. въ серьезномъ и вполнѣ приличномъ сочиненіи Куторги «Исторія Аѳинской Республики», все прошло кромѣ заглавія, въ которомъ зачеркнуто слово «республика» и оставлено заглавіе такое: «Исторія Аѳинской». Въ одной повѣсти гр. Алексѣя Кон. Толстаго вездѣ гдѣ находилось слово: «убійца» цензоръ замѣнялъ его словомъ «Итальянецъ». Ужъ конечно Государь объ этомъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній!

**) Между прочимъ драгоцѣнная, можетъ быть единственная въ мірѣ, избирательная

ныя экспедиціи въ глубь Россіи; назначалъ спеціалистовъ для раскопки древностей на нашихъ южныхъ берегахъ; словомъ, знакомилъ Русскихъ съ Россіей. Все это дѣлалось широко и щедро, награждалось деньгами и почестями. Болѣе четверти столѣтія такого направленія, такого поощренія, такихъ дѣйствій, лучше всякихъ фразъ доказываетъ стремленіе Государя просвѣщать свой народъ. И съ какимъ интересомъ, съ какимъ живымъ сочувствіемъ относился онъ къ открытіямъ исторической науки. Объ этомъ часто говаривалъ отецъ мой, которому онъ передавалъ всѣ свѣдѣнія и документы по отечественной исторіи, радуяся, вмѣстѣ съ нимъ, всему что́ могло подвинуть впередъ эту отрасль человѣческихъ знаній у насъ. Кажется, пора было бы нѣсколько серьезнѣй относиться къ этой недавней эпохѣ и не стараться потопить въ потокѣ брани, за мелочи, драгоцѣнный умственный грузъ, такъ тщательно собранный. Одинъ изъ ученыхъ членовъ Академіи Наукъ говорилъ мнѣ, по поводу цензурныхъ притѣсненій тогдашнихъ: „Конечно это было неловко и неполитично, но все же мыслить и учиться намъ не мѣшало. Правда, мы меньше болтали всякаго вздору, и легкая литература страдала; но за то спросите, сколько Русскихъ именъ записано на страницахъ общей Европейской науки, истинной, серьезной, въ теченіи этого времени, и вы увидите, что оно не пропало для умственнаго запаса поколѣній, слѣдующихъ за нами, не пропало для науки“, той науки, die nie ermattet,

Die langsam schafft, doch nie zerstört,
Die zu dem Bau der Ewigkeiten
Zwar Sandkorn, nur zu Sandkorn reicht,
Doch aus der grossen Schuld der Zeiten
Minuten, Stunde, Jahre streicht *).

Намъ, старымъ людямъ, хорошо помнящимъ добро, и добрыя намѣренія, и неутомимую дѣятельность прошлаго царствованія, грустно и дико слышать, какъ охуждаютъ все и вся, изъ за ошибокъ послѣднихъ тяжелыхъ годовъ, тяжелыхъ по обстоятельствамъ, не зависившимъ отъ Россіи и ея Государя. Всѣ письма, нами собираемыя, доказываютъ, что совершенно иначе смотрѣли тогда на лица и дѣятельность того времени. Впрочемъ письма эти гораздо болѣе семейнаго свойства и имѣютъ развѣ тотъ интересъ, что живо рисуютъ характеръ покойнаго отца моего, который имѣлъ немало важное вліяніе на государственныя дѣла, рисуютъ характеръ домашняго воспитанія въ Петербургѣ, которое тогда было почти общее, въ кругу людей достаточныхъ: ибо мало посылали даже мальчиковъ въ гимназіи (объ женскихъ гимназіяхъ не было и помину) и только съ университета начиналось для нихъ публичное преподаваніе. Отецъ мой продолжалъ такъ свое письмо новаго года: „Прибавлять ли, что я душою былъ съ Вами и вынимая часы думалъ: вотъ теперь можетъ быть и у нихъ начинается обѣдня, если стужа не помѣшала имъ выѣхать и если преподобной Чудовскій не болѣетъ“. (Кстати о Чудовскомъ, Нессельроде обѣщалъ мнѣ завтра непремѣнно снова доложить о немъ). Я также спрашивалъ себя, какимъ образомъ вы проводили этотъ день. Первое наше Генваря не праздникъ въ

грамота на царство Михаила Ѳеодоровича Романова.

*) Кому святая власть дана
Всегда творить, не разрушая,
Мирить печальнаго съ судьбой
И, силу въ сердце водворяя,
Беречь въ немъ ясность и покой.

Берлинѣ; слѣдственно весь праздникъ вы были дома; но что же дѣлали? Не была ли у Васъ маленькая лотерея? Или что нибудь похожее на старое? *) Я не суевѣренъ: знаю, что всѣ дни у Бога равны и что нѣтъ настоящаго начала года; не смотря на то, однакожъ, я вчера чувствовалъ необыкновенную грусть и въ церкви, и дома, и въ каретѣ между визитами, у меня почти безпрестанно навертывались на глазахъ, а иногда и катились слезы. Признаться ли, къ этому грустному расположенію прибавилъ меланхолическій тонъ послѣдняго письма Антуанеты, не ко мнѣ, а къ Телешову, которому она разсказываетъ, для чего она не хочетъ представляться ко Двору и выѣзжать въ свѣтъ. Милая Антуанета! Не давай своему воображенію увлекать тебя слишкомъ далеко. Будущее въ рукахъ Бога; плѣняться мечтами о немъ есть дѣтство, но не надобно и бояться его. Ты не хочешь выѣзжать, между прочимъ, для того чтобы не разорять насъ: повѣрь, если мы разоримся, такъ не отъ того, что купимъ тебѣ флеровое платье, шаль или даже бриліантовый головной уборъ. Ты спрашиваешь, думаю ли я, что, при вынѣшнихъ обстоятельствахъ, тебѣ въ свѣтѣ будетъ весело? Я отвѣчаю: можетъ быть невесело, но полезно, потому что умъ и характеръ совершенно образуются только въ свѣтѣ; и этотъ свѣтъ, пустой, вѣтренный, часто жесткій и несносный, также нуженъ для души нашей, какъ и занятіе въ уединеніи. Сохрани Богъ влюбиться въ него, но не должно его чуждаться. И такъ еще разъ послушай меня; я не безъ причины, а разсмысливъ, желаю, чтобъ ты познакомилась со свѣтомъ и дворомъ, нынѣ же въ Берлинѣ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; пусть не для своего, а для моего удовольствія. Я этого прошу у тебя, какъ подарка на новый годъ. Отъ Антуанеты перехожу къ другимъ нашимъ милымъ. Что Лидинька? Что ея грудь? Наконецъ и что ея танцы, съ новымъ танцмейстеромъ? *) Андрюша не сочинилъ ли стиховъ на конецъ 1830 года или начало 31-го года? И Вадимъ не положилъ ли ихъ на музыку? Началъ ли ходить къ вамъ Неволинъ?

Въ этихъ письмахъ, сквозь мелкія извѣстія частной жизни и семейныя заботы, ясно видятся непреодолимая грусть и безпокойство о дѣлахъ политическихъ. Бунтъ въ Польшѣ не прекращался. Онъ уже переходилъ на окраины имперіи, въ лѣса Жмудскіе и на Волынь, куда ретировался Великій Князь Константинъ Павловичъ. Онъ еще прежде стоялъ на Волынѣ, командуя войскими, расположенными тамъ въ мирное время. Въ нынѣшнемъ году случилось мнѣ проѣзжать черезъ Тучинъ, мѣстечко Ровенскаго уѣзда. Стоитъ тамъ, тихо и уединенно, довольно большой господской домъ съ флигелями и службами, съ красивымъ запущеннымъ садомъ. Преданіе еще не совсѣмъ исчезло о веселой гостепріимной жизни у Великаго Князя и миловидной, привѣтливой княгини Ловичь. Вообще замѣчательно, что, не смотря на неровности характера и непослѣдовательность дѣйствій Константина Павловича, Поляки вообще относятся, и даже въ то время относились, къ нему скорѣе дружелюбно. Женатый на Полькѣ, расположенный къ Полякамъ, даже до несправедливости къ Русскимъ, онъ какъ бы сроднился съ ними; а войско ихъ любилъ какъ свое твореніе, какъ балованныхъ дѣтей. Достовѣрно, что разъ во время войны онъ воскликнулъ: „Видите, какъ хорошо дерутся мои Поляки“. Когда само Польское войско желало участвовать въ Турецкой войнѣ, увѣряютъ, что онъ воспротивился, жалѣя

*) Матушка обыкновенно въ новый годъ дѣлала лотерею (безденежную разумѣется) для насъ.

*) Гимнастическія упражненія, которыя тогда были новостію.

ихъ и даже сказалъ, что ничто не портитъ такъ армію какъ война. Правдивъ ли этотъ разсказъ, не ручаюсь. Въ обществѣ онъ былъ блистательный, оригинальный, очаровательный по своему остроумію и любезности съ женщинами, какъ отецъ его Императоръ Павелъ, а въ Польшѣ женщины извѣстны своимъ вліяніемъ на общее мнѣніе и на политику. Волынь тогда считалась Польшею не только Поляками, которые и теперь не оставляютъ притязаній на нее, но и самими Русскими. Всѣ высшіе классы принадлежали Римской церкви, воспитывались ксендзами или монахами, а пагубное управленіе Чарторыжскаго министерствомъ просвѣщенія, еще болѣе вредная дѣятельность Чацкаго съ его Кременецкимъ Лицеемъ, совратили въ полонизмъ и средній и даже отчасти нижній классъ, т. е. дворовыхъ людей. Между прочими доказательствами этого вліянія, которыя понынѣ встрѣчаемъ на каждомъ шагу, припоминаю одинъ случай. Въ 1865 году я останавливалась на квартирѣ въ домѣ князя Яблоновскаго; у него жилъ управляющій домомъ, старый служитель, Полякъ и католикъ, вѣрный, привязанный къ своему барину. Онъ чисто и правильно говорилъ порусски, какъ человѣкъ, съ издавна привыкшій къ языку. Тутъ же былъ молодой камердинеръ лѣтъ 25, туземецъ изъ Малороссіянъ: онъ былъ грамотный, но только на Латинскія буквы, говорилъ и читалъ попольски какъ на родномъ языкѣ и конечно не забылъ Малороссійскаго нарѣчія, но на общерусскомъ языкѣ съ большимъ трудомъ объяснялся, коверкая его. Такъ наглядно было для меня, какимъ образомъ успѣли ополячить Русскія губерніи, именно съ тѣхъ поръ, какъ онѣ были возвращены Россіи. На наше счастіе, феодальное и аристократическое чувство Польское относилось съ презрѣніемъ къ массѣ народа и къ нашему сельскому духовенству; закрѣпощенное крестьянство и заброшенное духовенство спасли западную Русь. „Камень его же небрегоша зиждущіе, сей бысть во главу угла“.

И опять Государь Николай Павловичъ, неподготовленный, непосвященный въ тайны бюрократическихъ интригъ предшествовавшаго времени, можно сказать инстинктивно, силою своего Русскаго чувства и любовію къ церкви, понялъ истинное положеніе дѣлъ и подалъ руку помощи изнемогающему въ борьбѣ духовенству, къ возвращенію уніатовъ; а нынѣшнее царствованіе, освободивъ крестьянъ, поставило крѣпкій оплотъ противъ козней враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Но во время пребыванія Константина Павловича въ Тучинѣ, о забитомъ Русскомъ народѣ никто и не думалъ; за то и память о томъ времени и о тѣхъ лицахъ въ народѣ не сохранилась. И какъ-то уныло смотритъ вся эта мѣстность (comme si l'on avait passé une éponge sur tout ce passé), столь оживленная и веселая во время оно. Однако въ Январѣ 1831 года еще тяжелѣ и болѣе мрачно было тамъ. Русская армія ретировалась чрезъ границу Царства Польскаго, оставляя его такимъ образомъ въ полномъ распоряженіи заговорщиковъ и иностранныхъ агентовъ. Изъ Русскихъ многіе попались въ плѣнъ, другіе оставались безъ службы. Батюшка писалъ: Скажи Бюцову, что я говорилъ графу Нессельроду и показалъ ему письмо его. Вице-канцлеръ очень хорошо къ нему расположенъ, но еще не знаетъ какъ ему удастся устроить будущую судьбу всѣхъ тѣхъ,

которые принадлежали къ канцеляріи Цесаревича.

9/21 Генваря 1831 г. С.-Петербургъ.

..... Разсказывать почти или вовсе нечего. Новости политическія мы получаемъ отъ васъ въ вашихъ Берлинскихъ газетахъ, даже о дѣлахъ Польскихъ столь близкихъ намъ, объ Французскихъ, объ Англійскихъ и подавно. Здѣсь новаго нѣтъ ничего, кромѣ выступленія полковъ гвардіи одного за другимъ. Говорятъ о свадьбахъ; сказываютъ, что княжна Александра или Алина Волконская выходитъ за Дурново, брата того, который убитъ подъ Варной; сказываютъ также, то есть мнѣ сказывалъ только одинъ человѣкъ, что гр. Шереметевъ женится на Новосильской, новой фрейлинѣ. Правда ли, не знаю. Послѣ завтра спектакль въ Эрмитажѣ, 1-ый нынѣшней зимою. Вчера былъ раутъ у князя Сергѣя Михайловича Голицына. Завтра раутъ у Потоцкаго *). Вотъ все и, какъ видишь, не весьма любопытное. О себѣ мнѣ сказывать также почти нечего; я все болѣнъ и продолжаю тянуть свой гужъ если не съ удовольствіемъ, то по крайней мѣрѣ съ терпѣніемъ, съ покорностію волѣ Провидѣнія. Дашковъ будетъ завтра, но Богъ знаетъ, отдохну ли я и послѣ его пріѣзда. Дѣло Чудовскаго не успѣли рѣшить до отправленія курьера. Святѣйшій Синодъ немножко задержалъ его, однако же наконецъ сегодня я получилъ отвѣтъ князя Мещерскаго и сегодня же передалъ его графу Нессельроде. Надѣюсь видѣть его завтра или послѣ завтра и еще поговорить о Чудовскомъ и о Бюцовѣ. Послѣднему буду отвѣчать, какъ только вице-канцлеръ скажетъ мнѣ что нибудь утѣшительное."

До Берлина тоже не доходили никакія важныя извѣстія. Была какая-то тишь передъ грозой. Я нахожу въ письмахъ только упоминанія о разныхъ проѣзжихъ или новыхъ знакомыхъ, объ знаменитостяхъ театральныхъ и объ учителяхъ нашихъ. Матушка пишетъ о проѣздѣ хорошаго знакомаго нашего графа Сергѣя Григорьевича Строгонова, о пріятельскихъ посылкахъ изъ Дрездена, отъ семейства Бека, перваго мужа княгини Марьи Аркадьевны Вяземской (рожденной Столыпиной). Матушка писала:

Сегодня балъ у принца Вильгельма, но видно король тамъ не будетъ, потому что мы сей часъ видѣли его во Французскомъ театрѣ, который онъ очень любитъ и не пропускаетъ почти ни одного представленія. Скажи Полетикѣ, что я часто вижу его пріятеля Мальтица, съ его женой Американкой, съ которой я короче всѣхъ здѣсь знакома; она очень нравится мнѣ: добрая и милая дама; жаль только, что слабаго здоровья. Посылаю тебѣ письма дѣтей; мальчики отмѣнно довольны, что учатся ружью и маршировать.

Я писала о представленіи въ Opernhause: „Мы только что воротились изъ театра, гдѣ видѣли знаменитую M-me Schröeder Dervient въ Весталкѣ. Съ тѣхъ поръ какъ мы ее видѣли въ Дрезденѣ; она очень потолстѣла; ей не къ лицу Римское платье, отъ котораго она ка-

*) Графъ Станиславъ Потоцкій жилъ тогда въ собственномъ домѣ на Англійской набережной, много и любезно принималъ, давалъ блистательные праздники и, владѣя большими имѣніями въ Имперіи, считалъ себя если не Русскимъ, то безспорно подданнымъ Русскаго царя и единоплеменникомъ съ нами. На возстаніе въ Польшѣ онъ смотрѣлъ какъ мы, какъ многіе другіе. Это былъ бунтъ, вспышка злоумышленниковъ, противъ которыхъ негодовали и должны были бороться всѣ честные люди, вѣрные данной присягѣ; это было прискорбное происшествіе. Но не ожидали національной войны. Неоспоримо, что рьяный патріотизмъ послѣдующихъ поколѣній тогда не существовалъ между поклонниками времени Потоцкаго, изъ тѣхъ, которые не были исключительно владѣльцами и подданными Царства Польскаго. Ненависть къ Россіи и къ Русскимъ было чувство напускное, навѣянное изъ-за границы, но увы! сѣмя принесло плодъ сторицею, и дочь Потоцкаго и ея сверстники, а ихъ потомство и подавно, уже непримиримо относятся къ намъ.

жется еще толще. Голосъ у нея такой же какъ и прежде, очень большой, очень сильный, но не очень пріятный: она хорошо играетъ и прекрасно драпируется, но за то ужъ драпируется безпрестанно. Вообще она для меня не увлекательна".

Впрочемъ такое сужденіе объ одной изъ тогдашнихъ знаменитостей сцены могло зависить просто отъ печальнаго настроенія духа моего. Я жила или въ прошедшемъ, или въ отдаленномъ настоящемъ, т. е. въ Россіи и въ Польшѣ.

Но, обѣдни, какъ я вамъ уже писала, у насъ не было, потому что Чудовскій серьезно болѣнъ, а Потсдамской священникъ не пріѣхалъ по весьма уважительной причинѣ: тамошняя колонія имѣла конечно болѣе права на обѣдню въ ихъ церкви. Мы это слышали отъ Русскихъ солдатъ-колонистовъ, пріѣзжающихъ въ Берлинѣ представляться королю всякій годъ 1-го Генваря стараго стиля. Вечеромъ они пришли къ намъ поздравить съ праздникомъ и принесли очень вкусный Вѣнскій пирогъ, на которомъ былъ огромный двуглавый орелъ изъ сахару съ вензелемъ Н. I. въ серединѣ. Это было хлѣбъ-соль. Матушка стала ихъ распрашивать объ ихъ житьѣ-бытьѣ; они говорятъ, что король очень милостивъ къ нимъ, что имъ очень хорошо и удобно жить, „но все таки (прибавили они грустно) мы вамъ завидуемъ, что можете когда нибудь воротиться домой, а у насъ нѣтъ надежды увидѣть опять Россію". Правду говоритъ пословица: „какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ". Одинъ изъ нихъ, унтеръ-офицеръ разсказалъ по своему весь разговоръ (по поводу ихъ колоніи) между Александромъ Павловичемъ и королемъ; они говорили по-французски, но онъ кажется понимаетъ этотъ языкъ, потому что жена его Француженка, объ которой онъ говоритъ: „я завоевалъ ее въ Парижѣ", гдѣ онъ былъ въ плѣну. Посѣщеніе этихъ солдатъ было большимъ удовольствіемъ для насъ: такъ утѣшительно видѣть соотечественниковъ въ чужихъ краяхъ *). ..... Пишу съ курьеромъ сегодня и могу разсказать анекдотъ, который неловко было бы писать по почтѣ. Есть дама въ Прусской Польшѣ, кажется Мильчевская ея фамилія, которая позвала всѣхъ своихъ крестьянъ къ себѣ въ усадьбу, когда узнали объ Варшавскихъ событіяхъ, вышла къ нимъ на балконъ и начала говорить имъ объ вольности, объ освобожденіи ихъ Польскихъ братьевъ, объ общемъ возстаніи. Но крестьяне преспокойно отвѣчали: „Ужъ вы простите насъ, но на этотъ разъ мы васъ слушаться не можемъ; мы не пойдемъ противъ королевской арміи"; и разошлись по своимъ домамъ, къ великому негодованію своей воинственной барыни, не ожидавшей, что теперешніе Поляки до такой степени выродились. Много разсказывали случаевъ такого же рода и увѣряютъ, что они совершенно достовѣрны. Одинъ Полякъ, служащій въ здѣшнемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, получилъ вскорѣ послѣ возстанія въ Варшавѣ какое-то письмо, и нѣсколько минутъ послѣ того какъ оно было ему передано, камердинеръ его услышалъ пистолетный выстрѣлъ, вбѣжалъ въ комнату и нашелъ своего господина уже мертвымъ; только конвертъ лежалъ на столѣ, а на полу слѣды сгорѣвшей бумаги указывали на сожженіе самаго письма. Разсказываютъ еще, что молодой офицеръ Прусской службы уѣхалъ лѣтомъ въ отпускъ къ отцу и недавно писалъ сюда къ своему командиру, что, не смотря на его сопротивленіе и просьбы (потому что онъ не хотѣлъ измѣнить присягѣ), отецъ его непремѣнно требо-

*) Разговоръ, переданный солдатомъ, я теперь не помню, да и вѣроятно онъ не очень точно его передавалъ. Помнится, что это было что-то въ родѣ подарка на память искренняго союза во время войны; но у этихъ бѣдныхъ людей согласія не спросили, и они трудно мирились съ этимъ изгнаніемъ. Такъ странно и дико казалось мнѣ все это тогда и непонятно кажется теперь.

валъ, чтобы онъ подалъ въ отставку, даже схватилъ кинжалъ, объявляя, что онъ слишкомъ любитъ отчизну, чтобъ колебаться принести въ жертву сына, недостойнаго Польши. Зная, что отецъ его способенъ привести въ исполненіе такую угрозу, онъ написалъ прошеніе объ отставкѣ, увѣряя командира, что, получивъ ее, надѣется ускользнуть отъ надзора отца и воротиться въ Берлинъ, хоть переодѣтый нищимъ, если нужно; отставку выслали, но я не знаю, воротился ли онъ, или все это только выдумка, чтобъ избавиться отъ службы.

Уже тогда я начинала подозрѣвать обманъ такого рода; теперь я такъ наглядѣлась на врожденную фальшь и театральность Польскихъ патріотовъ, что вѣрю въ исторію кинжала, но только какъ въ эфектную замашку этого современнаго Брута.

Берлинъ 16/28 Генваря 1831 г.

Дѣти наши всѣ, благодаря Бога, здоровы (писала матушка). Дѣвочекъ возила сегодня въ оперу Ифигенія Глюка; а мальчикамъ лучше захотѣлось въ Французскій театръ, куда они ѣздили съ своимъ новымъ учителемъ Калмыковымъ, который съ нами и обѣдалъ. Наконецъ онъ пріѣхалъ, явился ко мнѣ въ Субботу и сегодня началъ 1-ый урокъ съ дѣвочками нашими, а въ Пятницу будетъ къ мальчикамъ. — Графъ находитъ, что Лидіи гораздо лучше, хотя у насъ все это время были морозы отъ 10—12—15 градусовъ. Антуанета начала веселѣе смотрѣть на свое явленіе ко двору и въ свѣтъ.

Надѣюсь, что ее ласково примутъ, какъ и меня принимаютъ до сихъ поръ. У насъ въ семьѣ по Воскресеньямъ всегда праздникъ: какъ принесутъ твое письмо, я велю позвать всѣхъ нашихъ дѣтей, и мы вмѣстѣ читаемъ; но нынѣшнее Воскресенье не весело было, потому что не было писемъ..... Вчера я обѣдала у принца Вильгельма (нынѣшній Императоръ) который спрашивалъ, кто писалъ манифестъ и говорилъ, какъ онъ хорошъ; я ему сказала, что ты. Онъ отвѣчалъ: je l'ai pensé, mais je n'en étais pas sûr, parceque je sais que m. Spéranskij écrit aussi les manifestes quelquefois. N'est-ce pas que c'est aussi votre mari qui a fait le rapport de l'enquête, qui est si bien écrit *)? Въ Субботу я звана на завтракъ, déjeuner dansant, къ принцессѣ Луизѣ Радзивилъ. Мнѣ очень жаль, что Антуанета не успѣла еще представиться. Обѣ дочери принцессы очень милы. Здѣсь всѣ утвердительно говорятъ объ отъѣздѣ Государя къ арміи и всѣ у меня спрашиваютъ, правда ли это, и не пишешь ли ты ко мнѣ.

(28 Генваря) 9 Февраля, Берлинъ 1831 г.

Въ Воскресенье я была на балѣ у графини Люксбургъ **), гдѣ были принцы и принцессы, и я первая сказала о благополучномъ разрѣшеніи Великой Княгини (Елены Павловны) дочерью ***). Никто даже изъ нашихъ Русскихъ не зналъ. Принцъ Карлъ очень много говорилъ со мной о Великой Княгинѣ и распрашивалъ про нее. Да еще не знаю, кто ему сказалъ, вѣроятно Мейендорфова, что я хочу представить Антуанету; говорилъ, что она очень молода, на видъ 14 и много 15-ти лѣтъ; я сказала, что уже 19-й. Онъ мнѣ сказалъ: „что же вы ее не представляете, скоро и зима пройдетъ“. Это правда; но ей что-то все не здоровится: сегодня очень болѣла голова, и у мальчиковъ тоже; говорятъ, что это въ воздухѣ. Вчера мнѣ сказывали тоже, что пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что Бельгійцы выбрали королемъ герпога Немурскаго; но неизвѣст-

*) Выписываю эти строки, чтобы показать, что принцъ читалъ и слѣдилъ если не за нашей литературой, то по крайней мѣрѣ за правительственными распоряженіями и сочувственно относился къ нимъ. Онъ вообще любилъ Русскихъ и былъ особенно друженъ съ своей сестрой императрицей Александрой Ѳеодоровной.

**) Жена Баварскаго посланника.

***) Великая Княжна Александра Михайловна, умершая въ дѣтствѣ.

но еще, король согласится ли, чтобы его сынъ принялъ. Чѣмъ все это кончится? Въ здѣшнихъ газетахъ пишутъ что баронъ Дельвигъ, стихотворецъ, умеръ. Не ужели это нашъ знакомый? Если онъ, жалко очень его бѣдной жены.

Не было важныхъ извѣстій и въ письмахъ батюшки. Онъ писалъ 14-го Генваря: Я не имѣлъ времени отвѣчать на одну статью твоего письма, отвѣчаю теперь. J'ai fait auprès du C-te Kotshoubey la démarche, que tu as désirée (опять относится къ фрейлинскому вензелю) но тебѣ извѣстны мои правила, или если угодно, моя стыдливая неловкость въ дѣлахъ такого рода. Я побѣдилъ ее: на что не рѣшился бы для себя одного, то долженъ былъ сдѣлать для тебя, и сдѣлалъ, хотя признаюсь и не безъ труда, не безъ сильной борьбы съ самимъ собою. И не даромъ ли? Точно ли будетъ нужно и полезно? Дашковъ наконецъ возвратился; отдыхъ и деревенская почти беззаботная жизнь, а можетъ быть и воздухъ, который даже въ Рязани лучше, чѣмъ въ Петербургѣ, кажется совершенно поправили его здоровье. Онъ завтра вступаетъ въ исправленіе своей должности, и при семъ случаѣ я получилъ отъ Государя милостивый рескриптъ, съ котораго посылаю тебѣ копію.

$^{16}/_{28}$ Генваря 1831. С. Петербургъ.

Наконецъ нашъ преподобный добрый Чудовской пожалованъ кавалеромъ Св. Анны 2-й степени. Посылаю тебѣ копію съ указа о немъ. Другихъ новостей покуда нѣтъ. Военныя дѣйствія на западныхъ границахъ еще не начались, и какъ слышно начнутся не прежде конца Генваря стараго стиля; впрочемъ вѣроятно, что вы объ нихъ узнаете прежде насъ. Мы здѣсь живемъ по прежнему довольно тихо, однако же есть и веселья: театры, рауты, какъ я кажется сказывалъ тебѣ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ. Я сдалъ Министерство Юстиціи Дашкову, но еще не отдыхаю; у меня и теперь и впереди много другихъ дѣлъ обыкновенныхъ и экстраординарныхъ.

21 Генваря 1831 года. С.-Петербургъ.

.....Спѣшу сказать тебѣ, мой милый другъ, что графъ Кочубей сдержалъ свое слово, вчера докладывалъ Государю о дѣлѣ, которое лежитъ у тебя на сердцѣ. Государь принялъ просьбу благосклонно, прибавивъ, что желаемое нами будетъ сдѣлано au premier jour de fête, по заведенному для сего порядку. О семъ милостивомъ обѣщаніи дозволено объявить мнѣ, и я вчерась же благодарилъ Государя, сначала письменно, не зная, что въ тотъ же вечеръ буду имѣть счастіе видѣть Его Величество, а потомъ на словахъ при докладѣ *).

Новыхъ извѣстій въ такъ называемомъ свѣтѣ нѣтъ никакихъ, какъ мнѣ кажется, кромѣ смерти двухъ стариковъ изъ первыхъ чиновъ двора: оберъ-шенка графа Чернышева и оберъ-камергера князя Якова Лобанова; третій старикъ, Мятлевъ, также умираетъ, но успѣлъ выдать послѣднюю дочь свою, которую хотѣли сосватать съ Дашковымъ, за Бибикова. И Чернышева дочь, четвертая или пятая, не задолго до смерти отца вышла замужъ за графа Ѳеодора Палена, того, который управлялъ Княжествами (Молдавіей и Валахіей) и подписалъ вмѣстѣ съ Орловымъ славный Адріанопольскій трактатъ. Дашковъ, со вчерашняго дня, въ большемъ горѣ. Онъ получилъ извѣстіе о смерти матери своей, къ которой ѣздилъ, съ которой такъ долго жилъ нынѣшнею осень, какъ будто предчувствуя ея близкую

*) Особаго дня для доклада у батюшки не было, а Государь часто за нимъ посылалъ то по утрамъ, то по вечерамъ, какъ случалось, давая ему разныя порученія и работы, сверхъ обыкновенныхъ, по главному управленію иностранныхъ исповѣданій, какъ статсъ-секретарю.—Помнится, что при первомъ назначеніи батюшки статсъ-секретаремъ, въ началѣ царствованія, Государь сказалъ ему: «Вы статсъ-секретари, мои гражданскіе генералъ-адъютанты; готовь себя къ различнымъ порученіямъ».

кончину и не успѣвъ сказать ей послѣднее прости. Умерли тоже на этихъ дняхъ двое изъ нашихъ литераторовъ: бассейникъ Измайловъ и баронъ Дельвигъ, издатель Сѣверныхъ Цвѣтовъ, зять Михаила Александровича Салтыкова. Вдова его ждетъ отца и вѣроятно поѣдетъ съ нимъ въ Москву.

(28 Генваря) 9 Февраля 1831 г. С.-Петербургъ.

Посылаю тебѣ, мой милый другъ, или къ вамъ всѣмъ, новый манифестъ о дѣлахъ Польскихъ. Онъ одобренъ и подписанъ Государемъ въ прошедшее Воскресенье, послѣ спектакля въ Эрмитажѣ, а вчера прочтенъ въ Сенатѣ и обнародованъ. Вы въ немъ увидите тѣже чувства великодушнаго и благоразумнаго милосердія, но и туже сообразную съ достоинствомъ Монарха твердость, коими ознаменованы всѣ дѣйствія нашего Государя въ отношеніи къ несчастному краю, приведенному на край погибели толпою злодѣевъ и безумцевъ. Надѣюсь, что мнѣ удалось не совсѣмъ слабо выразить всѣ эти прекрасныя чувства. Государь былъ очень доволенъ моимъ проэктомъ и сказалъ: „Въ изъявленіе благодарности, обнимаю тебя.

Послѣ долгаго политическаго затишья въ Польшѣ, вдругъ стали распространять вслѣдъ за манифестомъ, различныя болѣе или менѣе невѣрныя или преждевременныя извѣстія. До тѣхъ поръ все, кажется, надѣялись, что не дойдетъ до открытой войны. Такъ легко совершилась революція во Франціи, въ Бельгіи, такъ по видимому равнодушно всюду смотрѣли на самые коренные перевороты, что привыкли ожидать крайней уступчивости со стороны правительствъ. Россію мало знали вообще; она и по сихъ поръ осталась закрытой книгой для иностранцевъ; да не есть ли она загадка и для насъ самихъ? На каждомъ шагу нашей исторіи мы встрѣчаемся съ неожиданностію, становимся лицемъ къ лицу съ незнакомою или забытою чертою народнаго характера. Мы люди, называемые образованными, ходимъ, такъ сказать, въ потемкахъ по своей землѣ даже и теперь, послѣ 40 лѣтъ изслѣдованій, изысканій и добросовѣстныхъ стараній понять самихъ себя и отчужденную отъ насъ народную массу. Только нѣкоторые изъ насъ, въ минуту великихъ событій, очнутся и, свѣтлымъ инстинктомъ сердечнаго чувства, понимаютъ свое родное и идутъ дружно съ народомъ къ цѣли. Мнѣ кажется иногда, что мы живемъ въ какомъ-то сомнамбулизмѣ съ способностію ясновидѣнія у иныхъ изъ насъ.

Такимъ ясновидѣніемъ національнымъ, въ роковыя минуты, былъ въ высшей степени одаренъ Николай Павловичъ; даже когда можетъ быть такое увлеченіе было важною ошибкою (какъ напримѣръ Іерусалимскій вопросъ въ началѣ послѣдней войны), все же эти порывы были согласны съ порывами народнаго чувства. Такъ случилось и въ 1831-мъ году. Многіе (въ Берлинѣ напримѣръ), понимали требованія государственнаго достоинства и самосохраненія верховной власти въ Русскомъ правительствѣ; но казалось невѣроятно, чтобъ ему отвѣчало такое единодушіе во всемъ народѣ. Воображали въ Россіи борьбу между монархизмомъ и революціею,— а у насъ не было и вопроса о монархіи. Само собой разумѣлось, что, безъ Царя ничего и немыслимо, что Царь и Россія это одно и тоже и что Онъ олицетворяетъ въ себѣ Отечество и народъ. Не за свою личную обиду, не за абстрактную теорію монархіи приходилось ему выступать на бой. Это была обида общая всѣхъ и каждаго, и долгія столѣтія кровавой борь-

бы смутно, но неотразимо овладѣвали душей всякаго Русскаго, и безсознательные Минины и Хмѣльницкіе шли въ рядахъ рекрутовъ, вызванныхъ на войну съ Ляхами. Мы тогда не были въ Россіи, но знали это отъ отца и отъ многихъ другихъ. Тоже самое повторилось въ 1863 году, не смотря на всѣ происки, на всю подпольную работу, продолжавшіяся цѣлую четверть вѣка.

На этотъ разъ (1863) мы были во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, а лѣто провели въ деревнѣ въ Смоленской губерніи. Передъ тѣмъ казалось, что всякое (въ Смоленскѣ) воспоминаніе о Польскомъ насиліи давно исчезло. Въ простонародіи, Шеина проломъ неизвѣстенъ, и взрывъ собора забытъ. Въ этой губерніи нашествіе Французовъ и разоренный годъ (1812) изгладили всѣ прежніе ужасы, всѣ прежнія страданія. Но вдругъ, при первой попыткѣ бросить шайку повстанцевъ чрезъ Смоленскую границу—встрепенулся народъ какъ одинъ человѣкъ, и откуда взялась энергія, и ивиціатива, и ненависть противъ забытаго врага Поляка, и ревностное стремленіе отдать себя всецѣло Царю, вождю прирожденному, вѣрному, единственно надежному. Въ каждомъ селѣ, въ каждой деревушкѣ собирались сходки „писать письмо“, какъ они выражались, Государю, чтобъ сказать Ему непремѣнно: „Обожаемый Мо„нархъ, мы на все готовы за тебя, мы „всѣ до послѣдняго пойдемъ съ тобой; „не отдадимъ ни пяди земли Русской?“— Во всѣхъ возможныхъ варіантахъ, предложенныхъ писарями, крестьяне вставляли непремѣнно: „Обожаемый Монархъ, всѣ до послѣдняго пойдемъ съ Тобой; ни пяди земли не отдадимъ“. Дворяне по своему (покрайней мѣрѣ въ Смоленской и Нижегородской губерніяхъ) тоже самое высказали и искренно готовы были подтвердить на дѣлѣ. А между тѣмъ, прислушиваясь къ обычному ворчанію и фрондёрству, читая между строками печатныхъ и рукописныхъ сочиненій, можно ли было ожидать такого единодушія и преданности? Этаго и не ожидали Поляки, ни въ 1863, ни въ 1831 году, и манифестъ о военныхъ дѣйствіяхъ засталъ ихъ въ расплохъ. Все вниманіе было опять обращено на насъ; опять слухами стала земля полниться.

Берлинъ $^{10}/_{22}$ Февраля 1831 г.

Здѣсь говорятъ, что нѣкоторыя части нашихъ войскъ въ 6 или 4-хъ миляхъ отъ Варшавы; что были сраженія, что мы побили часть непріятеля. Ты это увидишь въ Берлинскихъ газетахъ и вѣрнѣе нашего все узнаешь по донесеніямъ изъ арміи. А въ Варшавскихъ газетахъ пишутъ, что они насъ побили и ретировались потомъ съ честью; но мнѣ кажется, что ничего вѣрнаго мы не знаемъ, хотя говорятъ, что скоро должно ожидать чего нибудь важнаго. Мнѣ принцесса Радзивилъ сказывала, что Императрица беременна двумя мѣсяцами; ты объ этомъ ничего не пишешь. Священникъ Чудовской черезъ силу пріѣзжалъ ко мнѣ, чтобы я къ тебѣ написала его величайшую благодарность; онъ безъ памяти доволенъ. Благодарю тебя за копію манифеста, который я нашла прекраснымъ: онъ меня до слезъ тронулъ; но можетъ быть я судья пицепріятный.

Берлинъ $^{11}/_{23}$ Февраля 1831 г.

.....Вчера вечеромъ на балѣ, Мейендорфъ меня просилъ написать тебѣ, что онъ показывалъ манифестъ и говорилъ съ знатоками такихъ документовъ, которые сказали, что онъ чрезвычайно хорошъ; нельзя лучше написать, и всѣ его очень хвалятъ, между прочимъ графиня Алопеусъ, которая проситъ тебѣ

напомнить, что ты ея старый знакомый, что она тебя знала еще молодымъ. Еще мнѣ было отмѣнно пріятно, что Мейендорфъ, бывшій секретарь Императрицы, пишетъ къ брату увѣдомить меня, что всѣ вообще служащіе въ Министерствѣ Юстиціи не нахвалятся твоимъ правленіемъ и пріѣзжали къ тебѣ прощаться и благодарить. Ремеръ также говорилъ и Телешевъ писалъ, что все было въ такомъ порядкѣ, что такое огромное министерство ты передалъ въ 24 часа. Надѣюсь, что теперь ты хоть нѣсколько имѣешь отдыху. Мы здѣсь ожидаемъ извѣстій изъ нашей арміи; всѣ тѣ, которыя въ здѣшнихъ газетахъ, кажется, невѣрныя, тѣмъ болѣе, что большая часть взята изъ Варшавскихъ журналовъ. Нѣмецкій учитель сегодня сказывалъ, что слухи прошли, будто Варшава взята, но это кажется неправда. Я видѣла Мальтица, спрашивала, нѣтъ ли какихъ новостей, ожидаютъ завтра; слѣдственно это вздоръ. Я даже не хотѣла писать, но дай Богъ, чтобы пословица сбылась: гласъ народа, гласъ Божій. Одинъ здѣшній офицеръ мнѣ сказалъ: говорятъ, что вы побили Поляковъ, я очень радъ, je suis royaliste dans l'âme. Мальчики пишутъ къ тебѣ сегодня полатини, по предложенію ихъ учителя. Они ѣздили со мной въ Воскресенье на дѣтскій балъ у графини Оріоли (нашей Стокгольмской знакомой), гдѣ ихъ очень обласкали и нарочно для нихъ танцовали мазурку; старшій сынъ Оріоли сказалъ имъ: „Faites la cour aux demoiselles; on aime beaucoup les Russes, et vous serez très bien reçus“.—Они говорятъ, что подъ конецъ имъ было весело. Сегодня Калмыковъ давалъ урокъ и обѣдалъ у меня; сказывалъ, что ему предложили давать уроки Русскаго языка принцу Альберту, который уже началъ учиться въ Петербургѣ. Завтра у нихъ первый урокъ. Я очень удивилась на одномъ балѣ, когда адъютантъ принца началъ говорить со мной порусски очень изрядно и видно съ удовольствіемъ, потому что когда я съ нимъ говорила пофранцузски, онъ все отвѣчалъ порусски; сказывалъ, что онъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи, служилъ въ нашей арміи во всю Турецкую кампанію и былъ въ Одессѣ, когда тамъ была Императрица.

*

Мнѣ хотѣлось бы отвѣчать дѣтямъ порознь на ихъ милыя письма, но теперь право я не въ состояніи; за то я къ мальчикамъ посылаю другой пріятнѣйшій отвѣтъ: Великаго Князя Наслѣдника въ томъ самомъ пакетѣ, въ которомъ получилъ его. За болѣзнію я не могъ еще благодарить Его Высочество.

*

Берлинъ (18 Февраля) 2 Марта 1831 г.

Завтра пошлю письмо съ Сергѣемъ Григорьевичемъ Строгоновымъ, который у насъ былъ сегодня и хотя жалуется на здоровье, il est plus bel homme que jamais. Фракъ ему такъ пристадъ. Видѣть его мнѣ было такъ радостно и завидно: онъ какъ будто частицу роднаго дома (home) привезъ съ собой, и онъ, счастливецъ, ѣдетъ домой. Боже мой, когда мы васъ увидимъ!

Такъ писала я коротко и печально, въ непреодолимо-грустномъ настроеніи, забывая даже разсказать про свои впечатлѣнія при самомъ началѣ этаго важнаго перехода изъ дѣтской комнаты въ большой свѣтъ, изъ жизни семейной и школьной въ жизнь общественную, даже для женщины болѣе дѣятельную и самостоятельную. Но для меня на чужбинѣ, въ тяжелыхъ обстоятельствахъ Отечества, въ отдаленіи отъ отца и отъ всего нашего милаго, дружескаго круга, этотъ большой свѣтъ въ Берлинѣ былъ только, по выраженію Бакона „the gallery of printed pictures (галлерея живописныхъ картинъ), между которыми для меня были интересны развѣ Вандиковы портреты, т. е. живыя историческія лица. За то всякій пріѣзжій изъ Россіи, даже малознако-

мый или незнакомый человѣкъ, былъ для насъ неоцѣненно дорогимъ гостемъ, графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгоновъ подавно; онъ бывалъ часто у батюшки, и его пріятный разговоръ, любовь къ просвѣщенію и къ художествамъ, мягкое, привѣтливое обращеніе, въ которомъ изысканность стараго Французскаго тона смѣшивалась съ военной простотой, все это составляло весьма привлекательную личность, и у насъ всѣ, и батюшка, и матушка, и дѣти его любили *). Не помню, гдѣ онъ служилъ въ это время, но онъ когда-то былъ губернаторомъ въ Минскѣ и оставилъ по себѣ самую добрую память, особенно между Польками, очарованными его вѣжливостью и любезностію **). Между прочими восхищались имъ, хотя только по наслышкѣ, три очень молоденькія Польки, которыя жили въ одномъ домѣ съ нами. Нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, одинъ разъ утромъ, увидѣли мы передъ окошками старый семейный рыдванъ, несомнѣнно отечественнаго издѣлья; заложенный шестеркой долгогривыхъ, мохнатыхъ коней, тоже Русской породы, между тѣмъ какъ кучеръ, форейторъ и лакей были типы Польскихъ дворовыхъ людей, полузабитыхъ, полузадорныхъ. Это была г-жа Н., пріѣхавшая на своихъ, изъ нашихъ сѣверозападныхъ губерній, для леченія своихъ трехъ дочерей, Стефаніи Валеріи и Басси, т. е. Варвары. Она сама, какъ свой рыдванъ, была образецъ деревенской барыни тѣхъ мѣстностей, пожилая и болѣзненная. У нея однако же были слѣды не красоты, а миловидности, и эта пріятная вкрадчивость въ манерахъ, которая такъ привлекательна въ молодыхъ Полькахъ и напоминаетъ грацію котенка. Ея дорожный костюмъ былъ изношеный, засаленый, воротничекъ давно не мытый и измятый, и на немъ какъ-то странно отдѣлялись своей бѣлизною дорогія нитки крупнаго жемчуга. Она была родственница графа N. хорошаго знакомаго нашего, по вѣроисповѣданію кальвинистка. Узнавъ, что мы живемъ въ домѣ доктора Блюмера, она рѣшилась нанять у него квартиру, ссылаясь на наше короткое знакомство съ ея родственникомъ, просила матушку взять подъ свое покровительство дочерей ея, ибо сама принуждена была по домашнимъ дѣламъ воротиться въ деревню. Какъ я говорила прежде, мы привыкли смотрѣть на Поляковъ какъ на соотечественниковъ и скоро подружились съ нашими сосѣдками. Старшая, лѣтъ 16-ти, была очень болѣзненная, съ мистическимъ направленіемъ протестантскимъ, искренно вѣрующая, чистая душа; вторая хорошенькая дѣвочка 14-ти лѣтъ; третья Басся, умный живой и страстный ребенокъ; всѣ три экзальтированныя Польки, такъ что Басся приходила въ отчаяніе, что она протестантка: потому, говорила она, что настоящій Полякъ непремѣнно долженъ быть католикъ. Такъ тѣсно связано у нихъ, какъ у насъ, вѣроисповѣданіе съ національностію; и что̀ ни говори, никакіе переводы молитвъ не могутъ измѣнить это вѣковое, историческое значеніе. У этихъ барышенъ было много Польскихъ книгъ, особенно стихотворныхъ; мнѣ пришла мысль учиться у нихъ по-

*) Надѣюсь, что графъ Сергѣй Григорьевичъ не взыщетъ съ меня за мою тогдашнюю оцѣнку. Все это такое далекое прошлое, что кажется будто и онъ и я, тогдашняго времени, совсѣмъ другіе люди,—отжившіе.

**) Говорили даже съ восхищеніемъ о томъ, что въ противуположность Евгенію Онѣгину: «Онъ дамамъ къ ручкѣ подходилъ». Вообще въ то время старыя дамы очень обижались shakehands-ами.

польски, и скоро мы стали читать съ наслажденіемъ стихи Мицкевича, для нихъ особенно дорогаго, какъ земляка-Литовца. Все это было, разумѣется, до начала войны; я впрочемъ продолжала чтеніе и послѣ, но мы безпрестанно ссорились съ ними и слышали отъ нихъ самыя сумазбродныя сужденія и неимовѣрныя извѣстія. У нихъ встрѣчали мы еще одну Польку лѣтъ 28 или 30, которая страдала падучей болѣзнію, и ея изнуренный видъ, страшная блѣдность, впалые черные глаза, совершенное одиночество (кромѣ трехъ сестеръ N*** у нея не было знакомыхъ) и стѣсненныя обстоятельства сблизили насъ. Ея патріотизмъ нѣсколько охладѣлъ, въ теченіе войны, отъ тяжелыхъ извѣстій въ письмахъ тѣхъ лицъ, которыя высылали ей деньги. Одно за другимъ писали они, что все имущество отбирается въ пользу отчизны. Разъ она пришла даже въ раздраженіе: 20 коровъ и 10 лошадей были пожертвованы на провіантъ и экипировку патріотической шайки. Наши три сестрицы напали на нее за ея скупость; но это былъ послѣдній скотъ у нея въ деревнѣ, и она съ тяжелымъ вздохомъ отвѣчала: c'est très beau la patrie, mais elle ne rend jamais ce qu'elle prend". Бѣдная B! Она была обречена на страданіе, и я не забуду ея томнаго убитаго взгляда, когда мы съ ней прощались! Теперь, когда я ближе ознакомилась съ Поляками, я вижу въ ней образецъ цѣлаго разряда людей между ними, которые отчасти по религіознымъ предразсудкамъ (если можно такъ выразиться), отчасти по безнадежной любви къ родинѣ, отчасти по свойственной имъ податливости крикунамъ, уныло и безотвѣтно покоряются роли патріотовъ, безъ увлеченія, безъ восторга, безъ убѣжденія даже. Много такихъ слабыхъ жертвъ находится между средними классами, но, какъ говорилъ графъ Северинъ Потоцкій: nous ne vivons que pour la gallerie; voilà pourquoi en tête à tête avec un Polonais, vous pouvez le convaincre, et il vous donnera raison; mais dès que nous sommes trois ou quatre ensemble, nous perdons la tête, parcequ'il faut poser." И вправду, это сдѣлалось у нихъ вторая натура; многіе даже рисуются безсознательно, и очень, очень мало между ними такихъ, у которыхъ хватаетъ на столько мужества, чтобъ быть всегда правдивыми; оттого, можетъ быть, и столько враліей — весьма забавныхъ впрочемъ — у нихъ. Театральность, mise en scène для нихъ наслажденіе, между тѣмъ какъ Русскій человѣкъ, даже оевропеизованный, всегда неловко и какъ-то несерьезно принимаетъ всякую театральную обстановку.

Не знаю что̀ сталось съ нашей больною B.*** Изъ трехъ же сестеръ N старшая умерла въ ранней молодости; Валерія воротилась въ деревню и вышла замужъ; про Бассю мы, послѣ ихъ отъѣзда домой, ничего не слыхали; да и попольски я забыла. Осталось памятью объ этихъ довольно короткихъ отношеніяхъ только два томика Мицкевича (купленныхъ мною, уѣзжая изъ Берлина), которые я бы плохо поняла теперь, еслибъ вздумалось перечитать ихъ.

Видѣли мы очень часто барона Александра Казимировича Мейендорфа и его жену. Такъ живо вспоминаются они мнѣ! Оба были довольно молоды, довольно привлекательной наружности; онъ, со всегда поднятой головой, comme s'il humait l'air, съ особенной походкой какъ-то немножко

раскачиваясь, съ добродушною улыбкою, съ готовностію всякому протянуть руку помощи, если не дружбы. Любознательный, дѣятельный и веселый, онъ всюду собиралъ новости и щедро расточалъ ихъ потомъ, не справляясь о ихъ истинѣ, такъ что никто, кажется, больше его не разсказывалъ небывальщины, хотя онъ не лгалъ и не выдумывалъ. Онъ былъ добрый и привѣтливый до безконечности, и я никогда не забуду, какъ онъ и жена его меня призрѣли и пригрѣли въ первые скучные, грустные дни выѣзда моего въ большой свѣтъ, гдѣ все было такъ чуждо и холодно для меня. Баронесса Мейендорфъ была гораздо умнѣе мужа и одарена замѣчательнымъ талантомъ живописи. Она была скорѣе дурна, нежели хороша; но черные оживленные, смѣющіеся глаза, роскошные волосы, умѣнье одѣваться къ лицу, составляли все вмѣстѣ наружность болѣе привлекательную, нежели иной холодной и чопорной красавицы. Она была весьма любима въ Берлинѣ и имѣла большой успѣхъ въ модномъ свѣтѣ. Хотя отецъ ея былъ Голандецъ (О'геръ), однако она была совершенно Русская и по душѣ и по воспитанію. Странно, какъ со временемъ теряешь другъ друга изъ виду. Я не знаю даже, жива ли она и гдѣ она, если жива? Другая полуголандка, хотя Русскаго имени, часто ѣзжала къ матушкѣ; это графиня de Bruges; она была рожденная графиня Головкина, но изъ Головкиныхъ переродившихся въ Голландіи, такъ что съ Русскимъ именемъ она порусски даже не знала, а мужъ ея съ Бельгійскимъ именемъ Bruges былъ Французъ. Она была вдова съ двумя дѣтьми: дочерью замужнею m-me De La Roche Lambert, и сыномъ Joseph de Bruges, о которомъ часто упоминается въ нашихъ письмахъ, потому что онъ часто бывалъ у насъ. Красивый собою, весьма неглупый, съ Французской ловкостью и веселостію, онъ былъ весьма пріятный собесѣдникъ, но, поступивъ въ Прусскую службу, онъ былъ еще рядовымъ и потому не могъ ѣздить ко Двору, ни на большіе вечера; а такъ какъ мать его все же была Русскаго происхожденія, то онъ очень много бывалъ между Русскими. Къ тому же ему очень нравилась одна молодая дѣвушка Емилія Цейнеръ, съ которой я коротко познакомилась, и это конечно тоже привлекало его. Онъ впослѣдствіи на ней женился, а черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ. Это семейство были совершенные légitimistes, и сестра его тоже переѣхала на жительство въ Берлинъ. Она была очень остроумная, разговорчивая, съ достаточнымъ кокетствомъ, чтобы придать привлекательность весьма незамѣчательной наружности, и скоро у нея составился центръ для всѣхъ пріѣзжихъ и проѣзжихъ Французовъ опозиціи. Она имѣла большой успѣхъ при дворѣ, и бывало на частныхъ балахъ или вечерахъ, знакомила принцевъ съ ея соотечественниками, не признававшими Луи-Филиппа и потому не представляемыми офиціально черезъ посольство. Это дало поводъ Французскому посланнику Bresson отвѣчать однажды кому-то, кто спрашивалъ объ одномъ Французѣ, бывшемъ на балѣ у кронъ-принца: Je ne le connais pas, monsieur; il est de l'ambassade de m-me De La Roche Lambert. Она не была вдова и не была разведена съ мужемъ, но о немъ никто никогда не говаривалъ, и не знаю, пріѣзжалъ ли онъ въ Берлинъ и что онъ былъ за человѣкъ. Она и ея мать принадлежали къ маленькому круж-

ку старыхъ дамъ и дѣвицъ, родственныхъ между собою, жившихъ очень дружно, такъ что они безпрестанно бывали вмѣстѣ; съ ними матушка очень скоро сошлась: это были m-me de Berg съ дочерью и сестра ея m-me Pappenheim, умная, веселая, забавная старушка съ дочерью уже почтенныхъ лѣтъ, очень дурной собою и нѣсколько сентиментальной, но тоже доброй и привѣтливой, m-lle Zeuner. Ея сестра, старая дѣвица, добрѣйшая, неглупая и всегда готовая сочувствовать молодымъ дѣвушкамъ, веселиться съ ними, приголубить ихъ и поощрить. У нея жила ея молоденькая племянница Емилія Цейнеръ, хорошенькая, полненькая блондинка, свѣжая, умная, добродушная, вся жизнь и радость, какъ олицетвореніе весны. Съ нею я очень сошлась, и мы бывали неразлучны въ танцахъ и на вечеринкахъ. У нихъ была очень близкая родственница, чуть ли не двоюродная сестра, m-lle Pauline Néal, старая дѣвица, умная, образованная, хорошо разговаривающая, но далеко не такая добродушная, съ притязаніями на политическую ролю при псевдо-дворѣ Радзивиловъ, которыхъ она была другъ, наперсница и сеидъ, отдавшись душей и тѣломъ Польшѣ и ея освобожденію. Странное положеніе было Радзивила! Князь Антонъ, старикъ съ остатками красоты, d'un grand air, любезный и добродушный, былъ женатъ, не знаю какими судьбами, на принцессѣ Прусскаго королевскаго дома, Луизѣ. Она, въ то время, была толстая, некрасивая дама, похожая на жену бюргера Берлинскаго, скорѣе чѣмъ на принцессу крови, впрочемъ очень учтивая и совершенно ополяченная (въ политическомъ отношеніи), смотрящая на Радзивиловъ какъ на изгнанную вѣтвь царственнаго дома въ силу того, вѣроятно, что каждый Польскій шляхтичъ могъ, во время оно, претендовать на избраніе въ короли. У нихъ было нѣсколько сыновей вѣроятно малолѣтнихъ (ибо не помню, чтобъ случалось видѣть ихъ) и двѣ дочери Елиза и Ванда; послѣдняя пошла въ мать и въ 16 лѣтъ уже казалась не молодою; именемъ и направленіемъ она представляла Польскій элементъ семейства. Старшая Елиза была уже тогда въ чахоткѣ, но еще очень хороша; исхудалыя благородныя черты лица, впалыя щеки, покрытыя лихорадочной краской, томные, усталые голубые глаза, узкія плечи и нѣсколько нагнутый впередъ станъ, все носило отпечатокъ какого-то грустнаго утомленія, утомленія ли отъ борьбы молодости съ смертельнымъ недугомъ, или борьбы сердца съ измѣнившими ей надеждами любви. Хотя она скорѣе была похожа на отца, чѣмъ на мать, однако ея красота была положительно Нѣмецкая, полная мечтательности и простоты, будто изъ какой нибудь Рейнской легенды. Помнится она мнѣ особенно на одномъ балѣ: вся въ бѣломъ, съ букетомъ зелени и какихъ-то бѣлыхъ цвѣтовъ въ кудряхъ свѣтлыхъ волосъ. Вижу я ее передъ собой грустно облокотившуюся на спинку стула, подлѣ своего кавалера, съ видомъ такого безсильнаго унынія, такой безнадежной тоски, что казалось:

Стояла Пери молодая
У вратъ потеряннаго рая;
И тихо плакала она
О томъ, что рая лишена *).

Не я одна, кажется, была поражена ея выраженіемъ. Прияцъ Вильгельмъ

*) Мнѣ вспомнилось тогда, что я видѣла ея портретъ въ этой роли, въ живыхъ картинахъ, представленныхъ гораздо прежде.

не танцовалъ *); онъ стоялъ поодаль въ дверяхъ и долго грустно смотрѣлъ на Елизу. Было ли то простое родственное чувство сострадания?... Или была тутъ-болѣе глубокая грусть?— трудно сказать; посреди шума музыки и говора, среди кружащихся въ вальсѣ веселыхъ лицъ, нельзя было не вздохнуть, глядя на этихъ двухъ молодыхъ людей, разлученныхъ политическимъ положеніемъ принца. Въ Берлинѣ тогда увѣряли, что княжна Радзивилъ, дочь Прусской принцессы, воображала себя ebenbürtig..... (ровная по происхожденію) и крѣпко полюбила принца, въ увѣренности, что онъ на ней женится. Говорятъ, что принцъ самъ считалъ бракъ съ своей кузиной не только возможнымъ, но и весьма приличнымъ. Можетъ быть, оно бы такъ и вышло, еслибъ у кронъ-принца были сыновья; но онъ былъ бездѣтный, и принцъ Вильгельмъ долженъ былъ (послѣ него) наслѣдовать престоломъ. Возвести дочь Польскаго магната въ королеву Прусскую не было въ видахъ осторожнаго и благоразумнаго короля Фридриха Вильгельма III. Онъ зналъ, какъ бы оно показалось неумѣстнымъ, опаснымъ и можетъ быть обиднымъ его народу, и сколько интригъ и безразсудныхъ надеждъ оно бы возбудило между Поляками при Берлинскомъ дворѣ. Онъ рѣшительно отказалъ въ своемъ согласіи и вскорѣ просваталъ сына на принцессѣ Августѣ Веймарской, дочери Великой Княгини Маріи Павловны. Принцъ тогда былъ женатъ болѣе года. Все это впрочемъ разсказывалъ мнѣ Мейендорфъ и можетъ быть мое воображеніе мнѣ представило то чего и не было.—Княжна Елиза не долго прожила, умерла въ чахоткѣ. А принцъ Вильгельмъ, нынѣ король Прусскій, императоръ Германскій. Равно въ испытаніяхъ и успѣхахъ жизни онъ сохранилъ благородство и прямоту своей молодости, ту искренность и сердечность, которыя были такъ симпатичны въ немъ; кто зналъ его прежде, тотъ не усумнится ни минуты въ полной правдивости и истинномъ убѣжденіи, съ которыми онъ выражалъ свои вѣрованія и чувства въ телеграммахъ, такъ рѣзко окритикованныхъ журналами, воображающими въ нихъ коварство и лицемѣріе, пороки, совершенно ему чуждые.—Сначала Радзивилы и г-жа Полина Неаль были не только сносны, но и любезны съ Русскими, хоть Полина всегда была нѣсколько кислая и раздражительная по всѣмъ правиламъ прежняго типа старыхъ дѣвицъ, которыхъ всегда представляли сентиментальными, чопорными, огорченными и желчными, завистливыми и свято хранящими въ глубинѣ сердца память о какомъ нибудь неудачномъ романѣ своей молодости. Онѣ теперь совсѣмъ перевелись; и мы, нынѣшнія старыя дѣвушки, почти не отличаемся отъ всякой устарѣлой женщины: ворчимъ на свѣтъ и критикуемъ молодежъ, конечно, ни болѣе ни менѣе какъ всѣ люди старые, но миримся ранѣе съ потерей молодости, съ достохвальной рѣшимостью надѣваемъ если не „на ватѣ шлафрокъ...., то чепецъ“ по крайней мѣрѣ, и находимъ убѣжище отъ скуки въ безчисленныхъ благотворительныхъ обществахъ, употребляя всю дѣятельность ума и всю страстность характера на обираніе ближняго посредствомъ разныхъ сборовъ, лотерей, кон-

*) Онъ не былъ никогда красавцемъ; но статный ростъ, благородная осанка, откровенное выраженіе лица и что-то искреннее, сердечное въ его глазахъ и обращеніи, привлекали къ нему больше, нежели ко многимъ другимъ, слывущимъ красавцами.

дертовъ. Правда, и замужнія женщины и даже молодыя также занимаются благотворительностью; но для нихъ это второстепенная обязанность, а для насъ это увлекательно, или это по крайней мѣрѣ главное лекарство отъ скуки и бездѣлія въ одиночествѣ. Точно ли благотворительность выигрываетъ отъ этого? Или бѣдные обошлись бы лучше безъ нашихъ хлопотъ? Не беру на себя рѣшенія столь щекотливаго вопроса. Полина Неаль мало занималась благотворительностію, и хотя въ то время были уже дамскія общества въ Берлинѣ, не помнится, чтобъ она налагала какіе нибудь оброки такого рода на насъ; но скоро, т. е. вслѣдъ за непонятными дѣйствіями Дибича послѣ Грохова, она и весь Радзивиловскій дворикъ стали нестерпимы, не скрывая своего торжества, ни своего презрѣнія къ Русской арміи, и я подъ конецъ не могла выносить ея, не ручаясь за собственную сдержанность и учтивость. Мнѣ даже теперь, черезъ 40 лѣтъ, непріятно вспоминать г-жу Неаль!

Въ письмахъ матушки упоминается о гофъ-мейстеринѣ короля; странно звучитъ такое названіе, но по настоящему его и не было. Не припомню имени этой дамы, она была гофъ-мейстерина у покойной королевы, и такъ какъ дамы представлялись королю, то и гофъ-мейстерина сохранила свою должность и содержаніе, и къ ней обращались дамы. Король, какъ извѣстно, былъ женатъ вторымъ бракомъ на молодой графинѣ Гаррахъ, пожалованной имъ княгиней Лигницъ. Увѣряли, что выборъ короля палъ на графиню Гаррахъ стараніями Жордана, Прусскаго посланника при Саксонскомъ дворѣ, который испугался расположенія короля къ одной Русской дѣвушкѣ высшаго общества и вліянія ея семейства, если король на ней женится. За то не только ея семейство, но и сама княгиня Лигницъ не имѣли никакого вліянія на ея царственнаго мужа, кромѣ добраго вліянія скромной преданной жены на его домашнюю обстановку. Сказывали, что сначала королевскому семейству и вообще всѣмъ въ Пруссіи было непріятно, что онъ замѣнилъ новой подругой королеву Луизу, эту героиню, этотъ идеалъ всей Германіи, которую боготворили еще и въ наше время, лѣтъ 20 послѣ ея кончины. Фальшивое и безъ того положеніе женщины въ морганатическомъ бракѣ было для княгини Лигницъ еще тяжелѣе средимногочисленнаго блистательнаго королевскаго семейства, дружнаго и согласнаго между собой, смотрящаго на нее какъ на лишнюю, какъ на лицо не существующее для нихъ. Всѣ, которые говорили намъ о всемъ этомъ, заодно признавали кротость, терпѣніе и незлобіе молодой хорошенькой женщины, не попытавшейся ничѣмъ отмстить за холодность и презрѣніе къ ней. Она понимала, какъ они должны думать о честолюбіи и корыстолюбіи, подвигнувшихъ ее на бракъ неравный столько же по лѣтамъ, сколько по положенію. Однако короля она искренно полюбила и все сносила кротко и безотвѣтно ради его. Не знаю, сколько времени послѣ ихъ сватьбы онъ занемогъ внезапно, опасно. Все семейство съѣхалось, его окружило и въ страхѣ и молитвѣ ожидало поворота болѣзни. Про бѣдную княгиню Лигницъ забыли и крайне удивились, когда она вошла въ комнату, принесла свою подушку и расположилась занять на долго мѣсто сидѣлки при больномъ. Хотѣли ей дать чувствовать, что уже есть уходъ за нимъ всѣхъ его дѣтей, что она лишняя

тутъ опять. Но она на этотъ разъ твердо настояла на своемъ. „Я жена больнаго, сказала она просто, мое мѣсто при немъ, и никто не можетъ оспаривать мое право: я остаюсь". Принцы и принцессы были слишкомъ добры, слишкомъ понимали святость семейныхъ узъ, чтобъ спорить съ ней въ эту минуту. Она осталась и съ такой преданной любовью и самоотверженіемъ ходила за нимъ, что, когда онъ выздоровѣлъ, не было уже и тѣни недоброжелательства къ ней. Опасенія, безпокойство за короля, любовь къ нему ихъ сблизили окончательно, и мы уже нашли ее въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ ко всей королевской фамиліи. Она принадлежала къ одному изъ знатныхъ домовъ въ Богеміи. Когда мы ее видѣли, она была хорошенькая, свѣженькая брюнетка, средняго роста, довольно полная, но стройная; въ разговорѣ она была проста и любезна, какъ благовоспитанная женщина, но блистательнаго въ ней не было ничего; ревновать не кстати было, какъ и сравнивать съ королевой Луизой. Эта послѣдняя оставила во всѣхъ, кто ее хоть разъ видѣлъ, неизгладимую память. И придворные, и военные, и учителя наши, и прислуга дома, всѣ съ одинаковой любовью и увлеченіемъ говорили о ней въ Берлинѣ, а на улицахъ еще пѣвали, подъ музыку шарманки, пѣсни безыскусно сложенныя о прощаніи ея съ королемъ, о завѣщаніи ему отъ нея хранить, освободить отечество, Германію. Еще живы были люди къ ней приближенные, и вотъ опять приходится мнѣ записать чудесный случай (бывшій съ нею), который матушка слышала отъ ея фрейлины Бишофсвердеръ (или Фоссъ, если не ошибаюсь въ имени), бывшей очевидицей. Это было въ послѣдніе мѣсяцы жизни королевы, въ тѣ тяжелые дни, когда все, казалось, рушилось, и отечество погибало. Какъ тяжки были эти дни и какъ мужественно, можно сказать, съ мужествомъ мученицы, древней христіанки, она ихъ переносила, ясно видится въ ея перепискѣ съ отцемъ ея. Королева уже собиралась переѣхать на лѣто въ Потсдамъ, и время шло какъ-то разсѣянно-заботливо; по наружности въ приготовленіяхъ къ отъѣзду, а въ сущности въ отчаянной внутренней борьбѣ со „злобой дневи того". По простонародному выраженію, онѣ ходили какъ во снѣ. Королева была съ m-lle Bichofswerden въ большой комнатѣ дворца, занятыя обѣ какимъ-то дѣломъ, но мысль была далеко. Вдругъ королева вздрогнула и сказала, показывая на противуположную сторону комнаты. „Видите ли"? Фрейлина повернула голову. Вдоль стѣны шла, или лучше сказать, двигалась, медленно и плавно, незнакомая женщина, вся въ бѣломъ, съ бѣлыми волосами и блѣднымъ какъ смерть лицемъ. Дрожь пробѣжала по кожѣ фрейлины. „Еще грозитъ бѣда"! сказала королева. Обѣ поняли, что это привидѣніе, именно Бѣлая Дама (маргграфиня Бранденбургская - Баройтская). Это случилось среди бѣла дня, безъ всякой игры тѣней и свѣта, безъ обманчивыхъ лучей лампы или свѣчи. Душевное состояніе обѣихъ дамъ было такое, что это видѣніе только прибавило нѣсколько болѣе грусти къ ихъ грусти постоянной, нѣсколько болѣе увѣренности въ ожиданіи ежеминутно новыхъ напастей. Черезъ два-три дня королева собралась въ Потсдамъ и Шарлотенбургъ, откуда въ послѣдствіи поѣхала къ отцу въ Мекленбургъ. Она сошла съ лѣстницы садиться въ карету. Фрейлина шла за ней; уже отворены бы-

ли дверцы экипажа, кто-то изъ придворныхъ чиновъ подалъ руку, чтобы посадить королеву, она уже подняла ногу, чтобы стать на подножку и вдругъ попятилась и остановилась въ дверяхъ. Фрейлина думала, что она оступилась, поспѣшила подойти и остолбенѣла. Между дверями сѣней и дверцами кареты, у самой подножки, медленно и плавно, глядя прямо въ глаза королевѣ, проходила таже бѣлая, безжизненная фигура. Фрейлина видѣла ее своими глазами. Черезъ минуту королева поспѣшно сѣла въ карету, и фрейлина съ ней. „Слава Богу“, сказала Луиза, „это до меня касается: я не ворочусь живой“.

Въ самомъ дѣлѣ, это было ея послѣднее путешествіе. Въ то время, когда намъ это разсказывали, въ Берлинѣ почти всѣ вѣрили въ явленія Бѣлой Дамы, и даже литографированный посмертный портретъ ея продавался въ книжныхъ лавкахъ, съ описаніемъ ея явленій. Какъ ни отрицай связь міра видимаго съ невидимымъ, душа человѣческая, воображеніе и сердце чуятъ возможность или, лучше сказать, нормальность сношеній между этими двумя мірами, того что̀ принято называть чудеснымъ. Протестанты не признаютъ явленій Божіей Матери, а вѣруютъ въ явленіе Бѣлой Дамы; отрицаютъ заступленіе молитвы святыхъ угодниковъ, а признаютъ безцѣльные разговоры со стучащими духами. Много ошибочнаго, много произвольнаго въ нашихъ понятіяхъ о загробной жизни; но это упрямое, невольное, отъ самихъ себя иногда скрываемое, убѣжденіе въ чемъ-то̀ послѣ смерти, кажется лучшее, несокрушимое доказательство безсмертія нашей души. Никакая сила на свѣтѣ не можетъ примирить человѣка съ вѣчнымъ исчезновеніемъ, съ превращеніемъ въ ничто. Это непобѣдимое, безсознательное чувство, залогъ жизни вѣчной, само по себѣ; оно выше и крѣпче всѣхъ мудрованій, и церковь наша только освящаетъ и успокоиваетъ тревожныя опасенія передъ безвѣстностію этого состоянія; но врожденное чувство безконечности и безсмертія самимъ Богомъ вложено въ насъ, при рожденіи человѣка на свѣтъ.

Къ Бѣлой Дамѣ я вирочемъ относилась довольно скептически, но все касающееся королевы Луизы меня плѣняло до высшей степени. Многіе помнили ея посѣщеніе въ Петербургѣ; я объ немъ слыхала отъ тетушки моей Марьи Андреевны Поликарповой, которая была въ свитѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ то время.

Это было Декабря 26-го 1808 года. Пріѣхали въ Петербургъ король и королева Прусскіе; весь дворъ собрался въ сѣняхъ у посольскаго подъѣзда. Государь выѣхалъ на встрѣчу, императрицы Марія Ѳеодоровна и Елисавета Алексѣевна ожидали на верху великолѣпной лѣстницы. Тетушка была тутъ и разсказывала весь этотъ пріемъ. Изъ кареты вышла королева Луиза. Государь подалъ ей руку, и они съ королемъ вошли на лѣстницу. Королева была во всемъ блескѣ своей молодой, необыкновенной красоты; ослѣпительная бѣлизна и свѣжесть ея лица выступали еще ярче на темномъ фонѣ синей бархатной шубы на собольемъ мѣху (подарокъ Императора). Ласковымъ взглядомъ и привѣтливымъ склоненіемъ головы отвѣчала она на поклоны ожидавшихъ ее придворныхъ, на которыхъ оставила впечатлѣніе самое симпатичное. Для королевской четы бы-

ли приготовлены комнаты, носившія потомъ названіе „Короля Прусскаго“*). Нечего говорить о роскоши, съ которою онѣ были отдѣланы; я еще хорошо помню ихъ; особенно каріатиды въ спальнѣ, отдѣланной атласными шпалерами, въ позолоченныхъ рамахъ съ тяжелыми атласными занавѣсками. Шкапы и комоды были наполнены дорогими подарками; въ однихъ висѣли разныя бархатныя и шелковыя одежды, подбитыя мѣхомъ; въ другихъ лежали Турецкія шали, Сибирскіе камни въ бриліантовой отдѣлкѣ, которою такъ славились Петербургскіе бриліантщики. Гостепріимство истинно-царское, со всею утонченностію пріемовъ Европейскихъ и почти сказочной роскошью Азіатской. На другой день или на третій, было большое представленіе королевѣ, всѣхъ „ко двору имѣющихъ пріѣздъ“. Королева Луиза, съ ногъ до головы облитая золотомъ и бриліантами, была еще болѣе ослѣпительна своею юною царственною красотою, чѣмъ нарядомъ; прекрасный станъ, нѣжный оттѣнокъ бѣлокурыхъ волосъ, свѣтлый взглядъ голубыхъ глазъ и особенная грація и достоинство, ей свойственныя, обращали на нее всѣ глаза; не могли на нее налюбоваться: „Красавица изъ красавицъ! Ей нѣтъ соперницы кажется во всемъ мірѣ“, поговаривали въ нарядной, раззолоченной толпѣ. Всѣ дамы постарались въ этотъ день быть особенно богато одѣтыми; бархаты, парчи, золотое шитье, жемчуги, бриліанты, драгоцѣнныя каменья пестрѣли всюду кругомъ. Вдругъ подошла поклониться королевѣ другая знаменитая красавица того времени Марья Антоновна Нарышкина. Такая же ослѣпительная свѣжесть, такая же безукоризненность формъ, такія же тонкія черты, только темные волосы и совершенная простота наряда: вся въ бѣломъ, ни золота, ни бриліантовъ, никакихъ дорогихъ украшеній; на головѣ простой вѣнокъ изъ васильковъ. Королева невольно выпрямилась, и одну секунду онѣ молча поглядѣли другъ на друга. Рѣшительно нельзя было сказать, кто лучше. Умная уловка Нарышкиной была верхъ искусства кокетки. Это презрѣніе всякаго украшенія было высшее торжество красоты. Ихъ въ то время считали соперницами, не только какъ знаменитыхъ красавицъ, но и въ отношеніи къ Государю. Хотя конечно никто и не думалъ упрекнуть королеву въ легкомысліи и кокетствѣ, но знали, какъ восторженно Государь поклонялся ея великимъ качествамъ, ея возвышенному настроенію духа, ея геройской иниціативѣ и терпѣнію; и многіе были увѣрены, что Государь былъ въ нее влюбленъ. Можетъ быть и Марья Антоновна опасалась вліянія этой идеальной привязанности и думала, что, унося его далеко, въ высшую сферу политическую, она отвлечетъ его отъ земной любви. Все это весьма интересовало тогдашнее высшее общество въ Петербургѣ.

И до сихъ поръ тетушка съ увлеченіемъ разсказываетъ про красоту королевы. Переписка королевы Луизы такъ мало извѣстна у насъ и вообще нынѣшнее поколѣніе такъ мало знакомо съ этой прелестной исторической личностью, что кажется интересно будетъ прочитать нѣкоторые отрывки писемъ Луизы, характеризующихъ ее

*) Однако не тутъ останавливалась королева: тетушка сказала мнѣ, что кто-то изъ приближённыхъ императрицѣ, осматривая комнаты замѣтилъ, что эти бѣлыя каріатиды у постели королевы могли бъ ей напомнить Бѣлую Даму и сдѣлать непріятное впечатлѣніе. Тогда приготовили комнаты для нея и короля въ Эрмитажѣ.

я ея время. Теперь идеальныя стремленія рѣдкость; пускай наше положительное поколѣніе хоть изъ любопытства посмотритъ на прежній строй жизни; да, кстати, призадумается передъ кровавымъ воздаяніемъ Франціи за ея насилія и передъ неумолимымъ ходомъ Исторіи, которая чрезъ полвѣка послѣ безжалостныхъ оскорбленій Прусской королевы Наполеономъ въ Тильзитѣ, приводитъ Францію, въ лицѣ Жюль-Фавра и Тьера, въ ставку безжалостнаго Бисмарка подъ Парижемъ.

Вотъ отрывки писемъ королевы къ своему отцу и къ другимъ близкимъ ей людямъ и ихъ разсказы объ этомъ времени.

Въ 1806 году, когда одна за другой крѣпости Прусскія переходили въ руки врага, и малодушіе нѣкоторыхъ начальниковъ разстроило почти всю армію, королевская фамилія переѣхала въ Кёнигсбергъ, куда множество людей изъ разныхъ мѣстностей начали спасаться бѣгствомъ, и въ переполненномъ всякимъ сбродомъ городѣ воздухъ сталъ заражаться тифомъ. Маленькій сынъ короля, принцъ Карлъ занемогъ нервической горячкой такъ опасно, что вызвали съ курьеромъ доктора Гуфланда.

„Въ два часа ночи пріѣхалъ я (писалъ докторъ) и нашелъ ребенка больнымъ при смерти. Я рѣшился посадить его въ ароматическую ванну, хотя при его ужасной слабости онъ могъ и не вынести ея. Но Богъ благословилъ, и съ этой минуты началось выздоровленіе. Почти всѣ переселенцы подверглись заразительному тифу; почти цѣлые дни и ночи просиживалъ я у больныхъ и только по какому-то чуду я уцѣлѣлъ. Наконецъ наша безподобная королева заразилась злокачественнымъ тифомъ; она слегла опасно больная, и я не забуду никогда ночь на 22-е Декабря 1806 г., когда жизнь ея висѣла на ниточкѣ; я сидѣлъ у изголовья, а на дворѣ ревѣла и рвалась страшная буря и снесла шпиль стараго замка, въ которомъ лежала королева; и корабль, нагруженный цѣнными вещами, послѣдними драгоцѣнностями, которыя спасли отъ непріятеля, находился въ морѣ. Однако и тутъ Господь благословилъ леченіе, и ей стало лучше. Въ самое это время пришло извѣстіе, что Французы наступаютъ. Королева объявила рѣшительно: „Лучше отдамъ душу Богу, нежели отдамъ себя въ руки этихъ людей“. И такъ пришлось снести королеву на рукахъ изъ ея комнаты и положить въ карету, укутанную одѣялами и подушками, 3-го Генваря 1807 г. въ сильный морозъ, въ страшную бурю и снѣжную мятель, и везти ее по берегу Куришгафа за 20 миль (140 верстъ) до Мемеля. Ѣхали мы три дня и три ночи на самыхъ плохихъ ночлегахъ. Первую ночь королева провела въ комнатѣ, гдѣ стекла окошекъ были выбиты и заносило снѣгомъ кровать, на которой больная лежала, и лежала даже безъ подкрѣпляющей пищи. Я тутъ сидѣлъ около нея въ безпрестанномъ тревожномъ опасеніи, чтобъ у нея не сдѣлалось паралича. Но и въ этомъ положеніи она сохраняла всю бодрость духа, всю свою свѣтлую вѣру въ милость Божію и упованіе на Него. И Онъ насъ всѣхъ сохранилъ. Даже этотъ слишкомъ свѣжій воздухъ благодѣтельно подѣйствовалъ; вмѣсто того чтобъ ухудшиться, здоровье стало исправляться въ это бѣдственное путешествіе. Наконецъ увидѣли мы издали Мемель на другомъ берегу залива; въ первый разъ проглянуло солнце сквозь ту-

манъ и тучи, освящая тихимъ свѣтомъ городъ, который долженъ былъ сдѣлаться нашимъ убѣжищемъ и главной квартирой. Съ какой радостію мы привѣтствовали этотъ добрый признакъ".

Въ теченіи весны королева оправилась, и дворъ воротился въ Кенигсбергъ, но не на долго: 2-го Іюня пришлось ей опять уѣхать съ дѣтьми въ Мемель. Послѣ Фридландскаго сраженія, когда Пруссія была на половину уже завоевана Наполеономъ, она писала изъ Мемеля къ отцу 17-го Іюня:

„Со слезами благодарности за вашу любовь и отеческую доброту читала я Ваше письмо отъ Апрѣля мѣсяца, мой добрый, любезный отецъ! Какое оно принесло мнѣ утѣшеніе въ моей горькой скорби и печали; какъ оно меня укрѣпило! Та, которая такою любовію любима, не можетъ быть совершенно несчастлива. Еще новыя бѣды обрушились на насъ, и мы наканунѣ выѣзда изъ королевства, за границу. Подумайте, какъ я страдаю! Но ради Бога, не считайте меня недостойной называться вашей дочерью. Не думайте, что меня сломило малодушное чувство. Меня поддерживаютъ выше всякаго несчастія два убѣжденія, первое: что мы не игралище слѣпаго случая, но всѣ ходимъ подъ Богомъ, и Его Провидѣніе ведетъ насъ за руку. Второе: что мы погибаемъ честно. Король доказалъ всему свѣту, что онъ не соглашается на постыдныя сдѣлки. Пруссія не хотѣла добровольно принять рабства. Король не могъ ни на одинъ шагъ пойти другой дорогой, не сдѣлавшись измѣнникомъ своему народу. Какую силу и терпѣніе это даетъ, могутъ понять тѣ, которые больше всего дорожатъ своей честію.

Послѣ несчастнаго Фридландскаго сраженія Кенигсбергъ достался въ руки Французовъ. Непріятель преслѣдуетъ насъ и если еще приближится, я буду принуждена, съ дѣтьми, Мемель тоже оставить. Король опять соединитъ свои силы съ императоромъ (Александромъ I). Мнѣ придется, можетъ быть, бѣжать въ Ригу; конечно мнѣ Богъ поможетъ пережить ужасную минуту, когда надобно будетъ переѣхать границу. Тутъ нужна будетъ сила духа! Но обращаю взглядъ и мысль къ Небу, откуда намъ посылается и счастіе и горе, въ твердой вѣрѣ, что Господь не посылаетъ намъ испытаній сверхъ нашихъ силъ. Еще разъ, дорогой отецъ мой, мы погибаемъ съ честью и сохраняемъ нашихъ друзей, потому что сохранили ихъ уваженіе. Я все это переношу съ такимъ спокойствіемъ, какое дать могутъ только чистая совѣсть и полная вѣра. И потому, милый мой отецъ, будьте увѣрены, что мы ни въ какихъ обстоятельствахъ не можемъ быть совершенно несчастными и что иной, увѣнчанный властію и успѣхами, не такъ спокоенъ духомъ какъ мы. Пошли Господь всякому доброму человѣку лишь миръ душевный, и всегда найдется ему источникъ чистыхъ радостей. Не принимайте къ сердцу мелочныя лишенія для насъ; но утѣшайте себя мыслію, что, съ нашей стороны, ничего не случится что бы не было строго согласно съ честію.

24-го Іюня.

Иногда проясняется небо, въ то самое время, когда ожидаемъ грозы! Оно и съ нами можетъ быть; но желанія, только желанія, а не залогъ будущаго. Только въ Тебѣ надежда, Боже. Отче нашъ! Въ послѣднемъ письмѣ я все высказала. Прочитавъ его, вы вполнѣ узнаете все о моемъ душевномъ состояніи. Не покидая ни на шагъ пути истины и чести умереть,—а, если нужно, жить на хлѣбѣ и на водѣ; въ такомъ положеніи я не могу никогда быть совершенно несчастлива; но надѣяться на будущее я уже не могу. Еслибъ воротилось къ намъ счастіе—о! конечно нѣтъ человѣка на свѣтѣ, который бы принялъ удачи съ такимъ восторгомъ бла-

годарности, но ожидать счастія уже я не въ силахъ! Новая ли, худшая бѣда нагрянетъ—она можетъ удивить меня на мгновеніе, но унизить меня или сломить уже не можетъ, пока она не заслуженая. Только безчестный поступокъ съ нашей стороны свелъ бы меня въ могилу. Но этаго не бывать, и вы видите, милый отецъ мой, что вражья сила не имѣетъ надо мною власти. Король съ 19-го соединился съ Императоромъ въ Таурогенѣ, небольше двухъ милей отъ Тильзита, гдѣ находится Французскій императоръ.

2-го Іюля.

Рѣшено, что я должна ѣхать въ Тильзитъ. Тяжелѣе этой жертвы нѣтъ для меня, и одна лишь надежда этимъ какую нибудь пользу доставить моему народу дастъ мнѣ силу это перенести.

11 Іюля (послѣ Тильзитскаго свиданія).

Чтобъ смягчить участь Пруссіи, черезъ какую пытку я прошла, знаетъ цѣлый свѣтъ; и какъ мало пользы изъ всего этого! Я должна была исполнить мою обязанность, какъ вѣрная жена къ мужу, какъ любящая мать къ моимъ дѣтямъ, какъ королева къ моему народу. Но чувство исполненія долга одно служитъ мнѣ наградой!...

Миръ подписанъ, но дорого стоитъ онъ намъ. Наша граница теперь идетъ только до Эльбы; а все таки король стоитъ выше противника. Послѣ Ейлау онъ бы могъ болѣе выгодный миръ заключить; но тогда онъ бы добровольно шелъ на сдѣлку со зломъ и долженъ былъ бы со злыми началами войти въ союзъ и съ ними дѣйствовать за одно; теперь же нужда заставила согласиться на договоръ, но союза съ нимъ, содѣйствія ему, король не заключалъ и не обѣщалъ. Это призоветъ на Пруссію благословеніе и счастіе.....

Владычество такой темной силы на землѣ, какъ ни кажется оно прочно основано, не можетъ длиться безконечно. Вглядимся въ общій ходъ исторіи, за всѣ прошедшіе вѣка, дадимъ времени время дать плоду созрѣть, а до тѣхъ поръ будемъ молчать, терпѣть! Пускай всѣ крѣпкіе твердою вѣрою въ Бога составятъ собою невидимую церковь, другъ друга утѣшающую, другъ друга возвышающую духомъ, другъ друга укрѣпляющую, чтобы великія грядущія событія застали ихъ готовыми на все.

Въ Сентябрѣ 1807 года.

Что съ нами дѣлается, даже невѣроятно. Вчера получили мы извѣстіе отъ генерала Кнабельсдорфа изъ Парижа, гдѣ съ нимъ обращаются какъ съ лакеемъ. Champagny ему сказалъ, что, хотя трактатъ и подписанъ, но съ Пруссіей будутъ обращаться, смотря по ея поведенію, т. е. податливости. И такъ еще часть Шлезіи у насъ отнимается, хотя она подъ названіемъ „Новая Шлезія“, закрѣплена за нами статьей трактата. Champagny отвѣчалъ, что „это была ошибка писца“. Скажите сами, можно ли не придти въ отчаяніе? Ахъ, Боже мой, вскую оставилъ насъ еси!“

Октябрь 1807.

Послѣднія предложенія, или лучше сказать, приказанія, которыя намъ присланы уже въ видѣ формальной конвенціи, такого свойства, что я въ первый разъ видѣла, какъ баронъ Штейнъ остолбенѣлъ *). Контрибуція требуется до 154 милліоновъ, въ три срока платежа. Въ обезпеченіе, Французы требуютъ, въ видѣ залога, занятія ими пяти крѣпостей: Грауденца, Кольберга (этихъ двухъ, которыя такъ отважно защищались противъ непріятеля и не были взяты имъ), Штетина, Кюстрина и Глогау. Они должны быть заняты 40 тысячами Французовъ, въ числѣ коихъ 10 тысячъ кавалеріи, должны быть обмундированы, вооружены и содержимы на счетъ короля, и для этого онъ долженъ представить въ ихъ распоряженіе особую сумму въ 12 милліоновъ талеровъ.

*) Dass Stein zum ersten Mal wie zu Stein wurde.

Королевскія имущества Магдебургскія между Ельбою и Одеромъ, также въ Помераніи, должны быть представлены въ распоряженіе Наполеона, съ правомъ управлять ими и дарить часть изъ нихъ, въ зачетъ послѣднихъ 50 милліоновъ. Такія предложенія невозможно принять, и потому принцъ Вильгельмъ (братъ короля) ѣдетъ особеннымъ уполномоченнымъ съ другими предложеніями отъ насъ, редижированными Штейномъ. Слава Богу, что Штейнъ съ нами. Я считаю это залогомъ, что Богъ еще не совсѣмъ оставилъ насъ! *)

Вотъ страшное положеніе, въ которомъ мы находимся. Все сокрушено.. И меня послѣднія силы покидаютъ. Тяжело, страшно тяжело; тѣмъ болѣе, что не заслужено нами.

Савари увѣряетъ, что посредничество Россіи не поможетъ, а совѣтуетъ намъ лучше свои драгоцѣнности и бриліанты вытащить изъ кладовыхъ и продать. Оскорбительная насмѣшка!

Король и королева уже отказали себѣ во всякой роскоши и до того ограничили свои издержки, что очевидцы говорили послѣ посѣщенія ихъ величествъ въ Мемелѣ: „обѣдъ у нихъ тамъ такой простой и несытный, что у любаго мѣщанина тогда лучше ѣли“. Часто случалось, что, за неимѣніемъ наличныхъ денегъ, даже самаго нужнаго не доставало имъ, а драгоцѣнный золотой столовый сервизъ, родовое наслѣдство отъ болѣе счастливыхъ предковъ, былъ давно расплавленъ на монетномъ дворѣ не для собственныхъ нуждъ, но на расходы для подданныхъ, обремененныхъ тяжестію военныхъ издержекъ. Но эти лишенія они оба сносили покойно и почти весело!!

„Я читаю много и много размышляю, писала королева (все изъ Мемеля) и, среди нашихъ душевныхъ страданій, бываютъ дни, которые вполнѣ удовлетворяютъ жажду души. Правда, люди къ этому состоянію не причастны: это совершенно внутренній міръ мой. Изъ внѣшняго, только любовь короля, его довѣріе и дружба даруютъ мнѣ счастіе. Король всякій день болѣе и болѣе сердечно добръ ко мнѣ. Великое для меня счастіе и награда черезъ 14 лѣтъ замужства“! Она много читала историческихъ книгъ и лекцій профессоровъ и передавала эти послѣднія Штейну читать въ Кёнигсбергѣ, куда они переѣхали: „Съ искренней вѣрою, на колѣняхъ у алтаря, въ старой капеллѣ замка, молилась я Вседержителю о лучшихъ временахъ. Если мнѣ не дожить, то чтобъ дѣти мои увидѣли ихъ, и черезъ дѣтей моихъ посчастливилось бы когда нибудь моему народу! Я знаю, времена и годы не проходятъ сами собою; люди должны привести времена хорошія за собой; потому да будутъ дѣти мои хорошіе люди, чтобы благодѣтельно дѣйствовать на ихъ время (эпоху). Мы заснули на лаврахъ Фридриха Великаго, и какое пробужденіе!.... Я читаю усердно исторію и живу въ прошедшемъ: ибо чувствую, что будущаго на земли для меня нѣтъ. Одинъ лишь Богъ можетъ возродить человѣчество. Вѣетъ новый духъ все живѣе и живѣе въ народахъ. Духъ Божій дышетъ въ томъ вдохновеніи, съ которымъ крестьянинъ въ тюрьмѣ и крестьянинъ въ Испаніи *) возстаютъ противъ иноземнаго ига.“

На дачѣ лѣтомъ 1808 года.

„У меня здѣсь хорошія книги, чистая совѣсть, хорошее фортепіано, и съ этимъ, среди бурей міра сего, можно жить отраднѣе, нежели живутъ тѣ, которые эти бури вызываютъ“.

Возвратясь изъ Петербурга въ Февралѣ 1809-го года: „Я воротилась съ тѣмъ же предчувствіемъ бѣды. Ничто

*) По требованію Наполеона (назвавшаго его при этомъ: ce nommé Stein) король долженъ былъ удалить его отъ себя.

*) А потомъ и крестьянинъ въ Россіи.

теперь не можетъ ослѣпить меня, и еще разъ скажу: мое царство уже не отъ міра сего".

Послѣ неудачной попытки Шилли, королева писала: „Боже! сколько я перетерпѣла! Въ Тебѣ одномъ помощь! Я не вижу для себя будущаго на землѣ. Гдѣ меня положатъ? Врядъ ли въ Прусской землѣ будетъ моя могила. Вотъ и Австріи лебединая пѣснь, и тогда прощай Германія"!.....

Нѣсколько позже писала она къ отцу: „Для насъ все кончено, если не на всегда, то по крайней мѣрѣ теперь. На мою жизнь достанетъ. Я предала себя всецѣло Богу и, отдавъ себя божественной Его волѣ, чувствую полное спокойствіе. Въ такомъ спокойствіи если не вкушаю земнаго счастія, за то въ душѣ блаженство.

Для меня все становится болѣе и болѣе ясно, что все должно было случиться, именно какъ оно случилось. Нельзя сомнѣваться, что Провидѣніе Божіе ведетъ къ новому строю всемірной исторіи, и неминуемо долженъ возсоздаться новый порядокъ вещей, ибо старый міръ себя пережилъ и, какъ отжившій, распадается. Мы заснули на лаврахъ Фридриха Великаго, который былъ властелиномъ своего столѣтія и сотворилъ новую эпоху. Мы съ этой новой эпохой не пошли въ уровень, и потому она насъ опередила. Никто это не видитъ яснѣе короля. У насъ сейчасъ былъ длинный разговоръ съ нимъ объ этомъ, и онъ задумавшись нѣсколько разъ повторилъ: „Да, намъ тоже слѣдуетъ много у насъ перемѣнить". Самое лучшее, наиболѣе искусно веденное не удается, и Французскій императоръ если не умнѣе, то по крайней мѣрѣ лукавѣе и ловчѣе. Даже тогда, когда Русскіе и Прусаки дрались какъ львы и не были разбиты, приходилось намъ оставить поле сраженія, и всѣ выгоды выходили на сторону непріятеля. У непріятеля этого намъ нужно многому поучиться, и не должно пройти даромъ для насъ все что онъ сдѣлалъ и устроилъ. Было бъ кощунствомъ сказать, что съ нимъ Богъ; но ясно вижу, что онъ орудіе въ рукахъ Всемогущаго, орудіе, черезъ которое все прежнее, отжившее свой вѣкъ, но еще такъ крѣпко сплетённое съ ежедневною жизнію, должно быть схоронено въ могилѣ.

Вѣрую, что это будетъ къ лучшему. Но истинное добро можно дѣлать только чистыми руками. Оттого я не вѣрю, чтобъ императоръ Наполеонъ Бонапарте остался для сего на престолѣ, какъ ни блистателенъ онъ теперь. Крѣпки и неколебимы только правда и справедливость, а онъ знаетъ только политику и дѣйствуетъ не по законамъ вѣчной правды, а по обстоятельствамъ, какъ случится, и запятналъ свое правленіе преступленіями.... Я вѣрую твердо въ Бога, слѣдовательно въ нравственный порядокъ управленія всѣленной. Такого порядка не могу признать, гдѣ царствуетъ насиліе. Вотъ почему надѣюсь, что за этимъ злымъ временемъ настанетъ время лучшее. Всѣ лучшіе люди надѣются, желаютъ и съ вѣрою ожидаютъ этаго, и не должно увлекаться лестію, прославляющею днешній день и героя онаго. Очевидно, все что случается нынѣ и случилось недавно, не есть послѣднее выраженіе добра и благоустройства, но только очищаетъ путь къ лучшей цѣли. Однако цѣль эта кажется мнѣ неизмѣримо далека, и мы вѣроятно не достигнемъ ея, а умремъ въ дорогѣ. Да будетъ воля Божія, во всемъ да будетъ воля Его. Я же нахожу утѣшеніе, силу, твердость и радость въ этой несомнѣнной надеждѣ, которая глубоко запала мнѣ въ душу. Вѣдь все на свѣтѣ только переходъ. Мы и теперь должны пройти, пробиться. Да будетъ наша печаль только о томъ, чтобъ душа зрѣла и очищалась болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ. Вотъ, дорогой отецъ мой, политическое мое исповѣданіе, во сколько женщинѣ можно составить его себѣ и выразить. Можетъ быть, многаго не достаетъ въ немъ, но мнѣ отъ

него хорошо. Вы видите по крайней мѣрѣ, что и въ несчастіи дочь ваша усердно вѣрующая, и что правила христіанской богобоязненности, которымъ вы учили меня вашимъ словомъ и добрымъ примѣромъ, принесли свой плодъ и будутъ приносить до послѣдняго моего издыханія.

Вы будете рады слышать, милый отецъ, что несчастія, которыя обрушились на насъ, не проникли въ нашу домашнюю жизнь; напротивъ, они связали насъ крѣпче другъ съ другомъ, и мы стали другъ другу еще дороже. Король, добрѣйшій изъ людей, еще добрѣе ко мнѣ и нѣжнѣе со мной. Часто мнѣ кажется, онъ опять влюбленный, какъ въ нашей первой молодости, женихъ мой. Вы знаете, что онъ не словоохотливъ, но еще вчера сказалъ онъ съ своей простотой и правдивостью, глядя мнѣ въ глаза своимъ честнымъ, нельстивымъ взглядомъ: „Ты, милая Луиза, стала мнѣ еще дороже и милѣй въ несчастіи. Теперь знаю я по опыту, что́ за сокровище я имѣю въ тебѣ. Пускай шумитъ гроза надъ нами — лишь бы въ нашей супружеской жизни было ясно и тихо и ничего не измѣнилось“.....

„Дѣти наши истинное богатство наше, и мы можемъ на нихъ смотрѣть съ полной надеждой будущаго. Наша дочь Шарлота *) все больше и больше меня радуетъ; она очень сдержанна, но такъ какъ отецъ ея, скрываетъ подъ кажущейся холодностію самое теплое, сочувствующее сердце. Ходитъ она будто равнодушная ко всему, а между тѣмъ полна любви и участія; это придаетъ ей что-то особенно привлекательное. Если Богъ сохранитъ ее, я предвижу, что ее ожидаетъ блистательная будущность..... Вы подумаете: вотъ мать влюбленная въ своихъ дѣтей, которая видитъ въ нихъ совершенство. Они конечно, какъ всѣ дѣти рода человѣческаго, имѣютъ и свои недостатки и дурныя стороны; но это можно исправить со временемъ, когда онѣ будутъ, съ лѣтами, благоразумнѣе. Обстоятельства и жизненная среда всего больше вліяютъ на воспитаніе человѣка; и такъ для нашихъ дѣтей можетъ быть полезно, что они въ дѣтствѣ уже ознакомились съ трудной стороной жизни. Еслибъ они выросли среди роскоши и удобствъ, они бы воображали, что такъ и должно быть. Что жизнь, напротивъ, можетъ со всѣмъ иначе быть, видятъ они теперь на скорбномъ лицѣ отца ихъ и въ грустныхъ слезахъ матери. Особенно благодѣтельно для кронъ-принца, что онъ рано узналъ скорбь, еще какъ наслѣдникъ трона; онъ потомъ дороже будетъ цѣнить счастіе и зорко беречь его. Сохрани ихъ всѣхъ Господь! Въ нихъ сохраню я наши лучшія сокровища, которыхъ люди отнять у меня не могутъ. Пусть случится что Богу угодно; пока наши дѣти съ нами, мы все таки будемъ счастливы.

Теперь я вдумалась и прониклась 126 псалмомъ *). Чѣмъ я больше перечитываю и углубляюсь въ него, тѣмъ болѣе увлекаюсь высокими и утѣшительными словами, и нѣтъ ничего, что бы такъ глубоко тронуло меня и отвѣчало моему душевному настроенію“.

Ея послѣднія старанія и разговоры со Штейномъ были направлены къ той программѣ, которую онъ такими словами обозначилъ: „Воспитать въ народѣ духъ нравственности, вѣры и любви къ отечеству, возвратить ему самосознаніе, готовность на всякую жертву для независимости отъ иностранца и развить въ немъ чувство разумнаго національнаго достоинства“.

Въ Декабрѣ 1809 года воротились они въ Берлинъ.

„Наконецъ буду я опять въ Берлинѣ и ворочусь къ столькимъ вѣрнымъ серд-

*) Въ послѣдствіи Императрица Александра Ѳеодоровна.

*) По счисленію протестантскаго псалтыря: «сѣяй во слезахъ, пожнетъ въ радости.»

намъ, любящимъ и уважающимъ меня. Сколько слезъ я уже выплакала при мысли, что все опять найду по прежнему, и даже каждую вещь на мѣстѣ, и однако все такъ перемѣнилось, что не могу вообразить что со мною будетъ. Печальныя предчувствія тревожатъ меня".

Это повторила она въ Мартѣ, въ день, когда праздновали ея рожденіе. „Мнѣ кажется (сказала она) что я въ послѣдній разъ праздную день рожденія." Передъ отъѣздомъ въ Потсдамъ на лѣто (въ тотъ 1810 годъ пасха была поздняя) она пріобщилась святыхъ таинъ въ Николаевской церкви. Въ этотъ день и въ предшествующіе (писала ея другъ г-жа Бергъ) въ ея душѣ все земное какъ будто уже исчезло,—она какъ будто преобразилась и вся отдалась святой любви и общенію духовному съ причащающимися съ нею изъ той же чаши; и истинно, это причащеніе было такое, какъ Божественный Учредитель совершилъ въ первый разъ: „вечеря прощанія и любви". Королева еще успѣла видѣть основанія, такъ сказать, положить первый камень къ возстановленію зданія разрушеннаго королевства, назначеніемъ отъ короля 10 Іюля барона Гарденберга канцлеромъ, управляющимъ общими дѣлами правительства; а 19 Іюля, послѣ мучительной агоніи, она скончалась со словами: „Господи Іисусе! Іисусе! Поспѣши!"

Но до такого смиренія, покорности и отданія своей воли и себя въ руки Божіи, королева достигла только послѣ отчаянной борьбы съ самой собою. Здѣсь христіанка покорилась и побѣдила всякое земное чувство; но нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, послѣ сраженія подъ Іеною, королева, супруга и мать, иначе выражалась; негодованіе брало верхъ надъ всѣмъ. „Ахъ! дѣти мои, сказала она своимъ старшимъ сыновьямъ, кронъ-принцу и принцу Вильгельму. Вы оба въ такомъ возрастѣ, что уже можете понять великость событій, которыя насъ сокрушаютъ! Когда уже не будетъ въ живыхъ вашей несчастной матери-королевы, припомните этотъ несчастный день! Плачьте по мнѣ горючими слезами, какъ тѣ слезы, которыя не выплакать мнѣ никогда, которыми теперь, въ вашихъ глазахъ, въ этотъ роковой часъ, я оплакиваю паденіе моего отечества и народа! Но не довольствуйтесь слезами. Трудитесь, работайте, развивайте ваши молодыя силы. Богъ дастъ, ангелъ-хранитель Пруссіи осѣнитъ васъ! Тогда освободите народъ вашъ отъ позора, упрековъ и униженія, въ которые онъ впалъ нынѣ! Умѣйте завоевать и возвратить отъ Франціи славу предковъ вашихъ, какъ прадѣдъ вашъ, великій курфирстъ умѣлъ при Фербеллинѣ отмстить Шведамъ за пораженіе и срамъ своего отца. Принцы мои! Не забывайте достоинства вашего званія, не увлекайтесь развратомъ нашего вѣка. Будьте мужественны (пускай человѣкъ въ васъ будетъ выше принца), стремитесь къ славѣ военачальниковъ, героевъ. Еслибъ не было у васъ такого честолюбія, вы были бъ недостойны званія царскаго и названія внуковъ великаго Фридриха. Но, если не возможно будетъ никакими жертвами, никакими усиліями, возстановить разрушенное, униженное царство, тогда, дѣти мои, ищите смерти, какъ принцъ Лудвигъ Фердинандъ искалъ ее и нашелъ".

И сыновья Луизы не забыли ея завѣщанія. Пять лѣтъ спустя послѣ ея смерти, кронъ-принцъ и принцъ Вильгельмъ почти отроками вступали побѣдителями въ Парижъ съ много-

испытаннымъ отцемъ своимъ и съ императоромъ Александромъ, этимъ восторженнымъ другомъ ея послѣднихъ печальныхъ дней. Я помню, какъ меня удивилъ принцъ Вильгельмъ, когда въ разговорѣ объ войнѣ съ Наполеономъ, онъ мнѣ какъ-то сказалъ, что и онъ былъ въ арміи и при взятіи Парижа. Онъ мнѣ казался слишкомъ молодъ для этого, но ему было тогда уже 17 или 18 лѣтъ.

Не удивительно, что въ спасенной и воскресшей Пруссіи въ 30-хъ годахъ такъ любовно относились къ памяти еще недалекихъ событій и лицъ. Къ тому же времени принадлежала еще одна личность, сильно заинтересовавшая меня: княгиня Гацфельдъ (Hatzfeld) Когда Пруссія была завоевана Наполеономъ, ея мужъ князь Гацфельдъ былъ арестованъ, обвиненъ въ измѣнѣ и приговоренъ къ смерти. Жена его въ отчаяніи прибѣгла къ великодушію императора, который при ней бросилъ въ пылающій каминъ уже подписанный имъ смертный приговоръ и помиловалъ его. Такъ описывался этотъ случай въ мемуарахъ и брошюрахъ. Точно ли такъ это происходило, мнѣ было неловко спросить у княгини; но я замѣтила, что она — можетъ быть одна въ Берлинѣ—никогда ни словомъ, ни намекомъ не относилась враждебно къ Наполеону и Франціи. Она была женщина пожилая, но еще миловидная; худощавая, бѣлокурая, съ благородными чертами, съ осанкой граціозной, съ достоинствомъ и вмѣстѣ съ сердечностію въ обращеніи, которыя уже тогда вырождались, такъ сказать, даже въ лучшемъ обществѣ и совсѣмъ перевелись теперь. Ея разговоръ былъ умный и любезный; она относилась съ участіемъ ко всѣмъ происшествіямъ, ко всѣмъ литературнымъ произведеніямъ современнымъ, съ живостію, но безъ запальчивости и суеты. Не было въ ней ничего угловатаго, все было въ гармоніи, все привлекало въ ней. Мнѣ до сихъ поръ отрадно вспомнить объ ней, наряду съ другими, милыми, изящными образами прошедшаго. Она, какъ многіе старые люди, была особенно ласкова со мною. Можетъ быть, старые люди чуяли, какъ я ихъ любила. Исключая, конечно, порочныхъ людей (которые отвратительны во всякомъ возрастѣ) есть что-то трогательно-почтенное въ человѣкѣ преклонныхъ лѣтъ. Сколько опыта, сколько искушеній, сколько борьбы, сколько страданій пережиты и, не взирая на грѣхопаденія, неизбѣжныя даже для лучшихъ изъ насъ, душа чистая, перенесшая жизнь, кладетъ отпечатокъ свой на наружность, и трогательно, и грустно-свѣтло озаряетъ лице старческое, привлекая уваженіе и любовь.

Жизнь пережить-не поле перейдти, говоритъ пословица. Жизнь есть подвигъ, даже самая счастливая жизнь; и вотъ передъ этимъ подвигомъ и преклоняется юность, еще готовящаяся къ борьбѣ *). Княгиня Гацфельдъ

*) Я съ молодости, съ дѣтства даже, смотрѣла съ нѣжностію на стараго человѣка какъ на стараго солдата, покрытаго ранами и медалями; и они меня любили, т. е. старые люди, и старые солдаты.

Не давно одинъ почтенный и уже старѣющійся человѣкъ, князь [illegible], сказалъ съ грустнымъ убѣжденіемъ: «какъ печально положеніе «старыхъ людей, когда они довольно умны, «чтобы понять его. Они чувствуютъ, что они «лишніе, что они всѣмъ въ тягость, всѣмъ «надоѣдаютъ».

Какъ это былобъ страшно, еслибъ это было вѣрно! Еслибъ старые люди потеряли сознаніе своей пользы и необходимости, а общество, осталось бы безъ авторитета старости и опытности, это было бы великое зло; это дерево безъ корней, это «хра-

была вдовою въ наше время; при ней былъ сынъ, Максъ, очень молодой,— красивый, привѣтливый, образованный и умный. Онъ былъ утѣшеніемъ и гордостію ея. Княгиня давно умерла. Кажется, и Макса уже нѣтъ на свѣтѣ, какъ многихъ и многихъ другихъ, которые какъ будто выступаютъ изъ гроба и другъ за другомъ проходятъ мимо моей памяти по мѣрѣ чтенія нашихъ писемъ, навѣвая на меня тогдашнюю атмосферу молодой воспріимчивости, тревоги, досады, опасеній и любви!

Книги, милыя книги, все занимали насъ. Матушка писала:

Берлинъ 21 Февраля (5 Марта) 1831.

„Я дала коммиссію выписать мнѣ изъ Парижа Шатобріанову книгу о четырехъ Стюартахъ; когда получу, съ первой оказіей пришлю къ тебѣ. Сегодня сказывалъ мнѣ молодой графъ Брюжъ, который недавно поступилъ въ здѣшнюю военную службу, будто бы одинъ корпусъ Польской арміи пошелъ въ Калишъ съ тѣмъ, чтобы пройти черезъ Пруссію въ Дрезденъ на помощь мятежникамъ, а оттуда въ Италію помогать тамошнимъ возмутителямъ, и что посланы въ Прусскую Польшу два полка съ артиллеріею, и еще собираются послать; онъ надѣется, что и онъ пойдетъ и очень радуется. Однако сегодня послѣ обѣда была у меня m-me Вицлебенъ, жена генералъ-адъютанта короля, и объ этомъ ничего не говорила, а сказывала, что въ Дрезденѣ было еще очень сильное возмущеніе, но что она не знаетъ подробностей. Тотъ же Брюжъ сказывалъ, что бѣднаго короля прогнали и назначили принца Фридриха регентомъ; но еще разъ не знаю, справедливо ли все это и пишу къ тебѣ какъ о здѣшнихъ слухахъ, которые часто бываютъ ложные.

P. S. Еще новость: Папа и Гагаринъ выѣхали изъ Рима, все идетъ хуже и хуже; что-то будетъ! Одна надежда на милость Божію".

Всѣ эти волненія и перевороты, въ которыхъ, разумѣется, молодость, вспыльчивая и неосторожная, заносчивая и неосмотрительная, какъ всегда, принимала участіе, если не серьезное, то по крайней мѣрѣ шумное, заставили наше правительство призадуматься надъ воспитаніемъ вообще и мальчиковъ въ особенности, и дало поводъ къ новому и довольно важному узаконенію. Вотъ письмо батюшки.

20 Февраля (4 Марта) 1831 г. С.-Петербургъ.

.....Мы сегодня получили интересное, важное извѣстіе о новой побѣдѣ, одержанной надъ мятежниками $^{13}/_{25}$ Февраля, *) и о взятіи Праги **); но мы не знаемъ никакихъ обстоятельствъ дѣла, и слухъ о немъ конечно дошелъ до васъ прежде чѣмъ сюда. Да вотъ еще новость, объ которой можно уже объявить, потому что сегодня вышелъ указъ: запрещеніе воспитывать дѣтей мужскаго пола отъ 10 до 18 лѣтъ въ чужихъ краяхъ, и всѣ тѣ, которые въ сихъ лѣтахъ за границей, должны возвратиться черезъ 6-ть мѣсяцевъ. Съ первымъ курьеромъ я пришлю тебѣ составленную по волѣ Государя записку о причинахъ сего запрещенія. Вотъ и для меня новая причина ѣхать къ вамъ и, дай Боже, чтобъ

мина юже мужъ юродивый созда на несцѣ:— «и храмина падеся: и бѣ разрушеніе ей вѣліе». Нѣтъ! Не дай Богъ поддаваться такому покорному чувству передъ кичливостію вѣтренниковъ; такое сознаніе грѣшно. Это: лѣнь и уныніе. Люди старые не должны способствовать этому великому разрушенію общества человѣческаго въ Россіи, не потому что они стары, а потому что правда и истина не старѣютъ и только опытомъ и размышленіемъ достигается понятіе ясное о нихъ, да потому еще, что людей неспособныхъ и въ молодѣжи тьма.

*) Грохово подъ Варшавой.

**) Слухъ оказался ложнымъ. Могли бы взять Прагу, да не взяли.

я могъ не однихъ мальчиковъ, а всѣхъ васъ привезти съ собой".

22 Февраля (12 Марта 1831). С.-Петербургъ.

Графа Сергѣя Строгонова еще я не видалъ. Несмотря на масляницу, наши обыкновенныя и чрезвычайныя занятія по службѣ не прекращаются. Вчера я провелъ почти все утро въ особенномъ комитетѣ у князя Голицына, а третьяго дня у другаго князя, Ливена, въ главномъ правленіи училищъ, и въ этомъ засѣданіи ко мнѣ приступило такое страшное колотье, по обыкновенію въ правомъ боку, что я не знаю, какъ доѣхалъ домой. Арендъ полагаетъ, что причина этаго въ воздухѣ, въ ужасной стужѣ, которая возвратилась къ намъ послѣ нѣсколькихъ дней оттепели и нѣсколькихъ недѣль мягкой погоды. Вообрази, что вчера и сегодня поутру было до 20 градусовъ морозу, да еще съ довольно сильнымъ вѣтромъ. Графъ Кочубей въ самомъ Совѣтѣ занемогъ и уже десять дней лежитъ въ постелѣ; впрочемъ со вчерашняго утра ему лучше. Дочь его также оправляется, хотя довольно медленно. Зять Александръ Строгоновъ назначенъ членомъ временнаго правленія Царства Польскаго, въ которомъ Енгель будетъ предсѣдателемъ *); вѣроятно они скоро отправятся къ мѣсту своего назначенія. Графиня также собирается ѣхать сначала вслѣдъ за мужемъ, а весною въ Карлсбадъ **). Надобно ли при семъ случаѣ повторить, что и я собираюсь, т. е. думаю ѣхать къ вамъ, между прочимъ и для того, чтобъ исполнить обязанность, возложенную на родителей новымъ указомъ. Я, кажется, уже сказывалъ тебѣ, что онъ писанъ мною. Государь былъ очень доволенъ имъ и чтеніе онаго произвело замѣчательное дѣйствіе въ Совѣтѣ. Прости, ma bonne, еще разъ благодарю тебя и всѣхъ васъ за ваши милыя письма. Андрюшу и Вадима еще особенно за ихъ Латинскія грамотки, и за выставленный въ одной современно Римской датумъ; но только нѣтъ ли въ немъ ошибки? Кажется нынѣшній годъ не 2580, а уже 2582-й отъ построенія Рима".

*) Фамилія Енгеля и имя Чарторыжскаго, главнаго дѣльца революціи, подали поводъ къ слѣдующей игрѣ словъ: Государь посылаетъ ангела, чтобы выгнать Адама изъ рая.

**) Такъ были увѣрены въ сдачѣ Варшавы и окончаніи войны, что сдѣлали всѣ назначенія и распоряженія объ управленіи Царствомъ.

Записка для указа о воспитаніи дѣтей Русскихъ въ Россіи.

Государь Императоръ, обращая непрестанное вниманіе на все что можетъ способствовать или препятствовать утвержденію благоденствія и нравственному улучшенію ввѣренныхъ ему отъ Бога подданныхъ и принимая въ соображеніе важность воспитанія вообще и въ особенности людей высшихъ состояній, съ прискорбіемъ замѣтилъ часто оказывающіяся невыгодныя послѣдствія образованія, полученнаго внѣ отечества. Многіе молодые люди, иногда одаренные отъ природы хорошими свойствами и отличными способностями ума, будучи воспитаны за границей, привыкнувъ въ такомъ возрастѣ, когда разсудокъ еще слабо дѣйствуетъ, къ образу жизни и правиламъ иностранцевъ, принимаютъ безъ разбора всѣ ихъ мнѣнія, и возвращаются въ Россію съ самыми ложными о ней понятіями. Не зная ея истинныхъ потребностей, законовъ, нравовъ, нерѣдко языка, не умѣя постигать всѣ выгоды существующаго у насъ общественнаго порядка, ни указанныхъ правительствомъ и временемъ средствъ для устраненія или исправленія замѣчаемыхъ въ семъ порядкѣ неудобствъ, они являются чуждыми посреди всего отечественнаго. Нѣкоторые благоразумнѣйшіе, почувствовавъ свои недостатки, стараются хотя съ трудомъ и сожалѣніемъ о потерянныхъ лучшихъ годахъ жизни, исправлять ихъ и успѣваютъ пріобрѣсти необходимыя для Русскаго свѣдѣнія; но другіе и можетъ быть большая часть остаются въ заблужденіи, или съ гордостію мечтаютъ о преобразованіи государства по своимъ неосновательнымъ теоріямъ; или по крайней мѣрѣ страдаютъ, какъ отъ несогласія своихъ навыковъ и образа мыслей съ нашими установленіями и нравами, такъ и отъ чувства своей неспособности къ полезной гражданской дѣятельности. Для предупрежденія столь печальныхъ слѣдствій одной почти всегда невинной ошибки, впрочемъ благомыслящихъ, родителей, нужны скорыя и сильныя мѣры: онѣ нужны особенно въ наше время, когда во многихъ Европейскихъ государствахъ господствуютъ мнѣнія часъ отъ часу болѣе удаляющіяся

отъ тѣхъ началъ политическаго порядка, кои всегда были твердымъ основаніемъ могущества и славы Россіи. Его Императорскому Величеству угодно, чтобы Государственный Совѣтъ немедленно занялся изысканіемъ удобнѣйшихъ къ сему способовъ, впрочемъ безъ стѣсненія по возможности свободы дѣйствія родителей въ воспитаніи дѣтей своихъ и безъ вреда для успѣховъ просвѣщенія.

Правительство наше не щадитъ попеченій и издержекъ на учрежденіе и улучшеніе учебныхъ заведеній. Средства для пріобрѣтенія не только необходимыхъ въ общежитіи и на службѣ, но и самыхъ высшихъ свѣдѣній, находятся въ Россіи. Для посвящающихъ себя какому либо особенному роду учености, можетъ иногда быть еще нужно посѣщеніе славнѣйшихъ университетовъ и другихъ источниковъ знанія; но сіе, такъ сказать, дополнительное ученіе, будучи только усовершенствованіемъ, начинается уже по окончаніи того истиннаго воспитанія, въ коемъ съ самаго младенчества, и не одними наставленіями, но черезъ всѣ внѣшнія впечатлѣнія развиваются понятія, образуется характеръ, и часто рѣшается на будущее судьба человѣка. Сіе воспитаніе должно быть непремѣнно отечественное, и на семъ основаніи, разсмотрѣнію и разрѣшенію Государственнаго Совѣта предложенъ вопросъ, не нужно ли будетъ для пользы обучающагося юношества и общихъ пользъ государства, постановить слѣдующія правила:

1-е) Что дѣти и юноши мужескаго пола высшихъ въ Россіи состояній и въ особенности дворянскаго, имѣющаго высокое назначеніе быть во всѣхъ случаяхъ первою подпорою Престола, должны быть воспитаны предпочтительно въ нашихъ публичныхъ учебныхъ заведеніяхъ или хотя въ домахъ своихъ подъ надзоромъ родителей или опекуновъ, но всегда въ Россіи.

2-е) Что временемъ необходимымъ для воспитанія должны быть почитаемы всѣ лѣта отрочества и первой молодости, именно отъ 10-ти до 18-ти.

3-е) Что вслѣдствіе сего всѣ Русскіе подданные высшихъ состояній, дворянства, духовенства и знатнаго купечества, коихъ сыновья или питомцы, имѣющіе болѣе 11 и менѣе 18-ти лѣтъ отъ роду, находятся за границею, обязаны возвратить ихъ въ Россію для воспитанія, въ положенный для того срокъ, не позднѣе какъ черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ полученія ими надлежащаго о семъ предписанія.

4-е) Что всѣ тѣ, кто не исполнитъ сего предписанія или впослѣдствіи не будутъ сообразоваться съ постановленными въ 1 и 2-мъ пунктахъ правилами, подвергнутся сами невыгоднымъ замѣчаніямъ правительства, а дѣти ихъ или питомцы, воспитанные за границею, лишатся права вступать въ какую либо военную или государственную службу; наконецъ

5-е) Что изъ сихъ правилъ могутъ быть дѣлаемы нѣкоторыя исключенія въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, какъ напримѣръ: по болѣзни самаго молодаго человѣка, коего воспитаніе еще не кончено, или же родителей яли опекуновъ его, и по другимъ сего же рода причинамъ; но что сіи исключенія будутъ допускаемы не иначе какъ вслѣдствіе особенныхъ разрѣшеній, испрашиваемыхъ установленнымъ для сего порядкомъ.

Его Величество повелѣваетъ Государственному Совѣту разсмотрѣть сверхъ того, не нужно ли постановить также, что чрезъ семь лѣтъ послѣ введенія новаго устава учебныхъ заведеній во всѣхъ губерніяхъ никто уже не будетъ принимаемъ ни въ какую гражданскую службу, не совершивъ съ успѣхомъ полнаго курса ученія въ одномъ изъ нашихъ университетовъ, или въ одной изъ нашихъ гимназій; или же доказавъ вмѣсто того на строгомъ испытаніи, что имѣетъ достаточное познаніе по крайней мѣрѣ въ тѣхъ наукахъ, кои преподаются въ гимназіяхъ.

„Извѣстіе о новомъ указѣ не порадовало меня, хотя многіе, и я также, находимъ, что это весьма хорошо для тѣхъ, которые, пренебрегая нашимъ отечествомъ, находятъ, что Русскіе не въ состояніи воспитать дѣтей и везутъ или посылаютъ ихъ въ чужіе края. Но тѣ, которые по обстоятельствамъ, весьма противъ своего желанія, принуждены жить не въ своемъ отечествѣ, должны теперь отправлять своихъ дѣтей и оставлять въ отдаленности, на чужихъ рукахъ, беспрестанно безпокоясь о ихъ здоровьи и о правилахъ, которыя будутъ имъ внушены; это будетъ очень тяжело. Не говоря ужъ о разлукѣ, кто можетъ заботиться о дѣтяхъ, какъ родители? Они не имѣютъ никакихъ побужденій кромѣ счастья своихъ дѣтей. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ обѣщанную тобою записку, чтобы узнать подробности“. Такъ писала матушка.

Матушка не позволяла намъ писать по почтѣ все что разсказывали въ городѣ, потому что большею частію слухи были не въ нашу пользу, а у нея было болѣзненное отвра-

щеніе отъ мысли, что вскрываютъ письма. За то при всякой возможности писать помимо почты, мы сообщали всякія извѣстія и сплетни политическія, которыя передаю здѣсь въ цѣломъ рядѣ писемъ, какъ отголосокъ того времени о состояніи умовъ.

«Берлинъ $^{8}/_{20}$ Марта.

.....Графъ Галленъ, attaché Прусскаго посольства, ѣдетъ завтра или послѣ завтра въ Петербургъ, и я спѣшу передать вамъ новѣйшія извѣстія наши. Правда, что они противурѣчатъ другъ другу. Первое, что Австрійскій посолъ выѣхалъ изъ Парижа, а бѣдный Поццо ди Борго чуть не умеръ со страха отъ камней (pavés), которые разбили у него стекла и влетѣли въ комнату. Вслѣдствіе сего общая война неизбѣжна. Большая радость между принцами и молодыми офицерами, большое неудовольствіе въ ландверѣ, который со всѣмъ не желаетъ быть im activen Dienste, и большой переполохъ между старыми бюргерами національной гвардіи, которые не могутъ забыть зимовку Французскихъ войскъ въ Берлинѣ во время оно. Вотъ послѣдствія этого слуха. Другое извѣстіе нелѣпо даже до смѣшнаго; увѣряютъ, что вслѣдствіе вмѣшательства Франціи и Англіи, Государь призналъ независимость Польши!!! Была ли когда нибудь другая такая нелѣпая выдумка? Нашъ Государь, признающій независимость этого края въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, и тогда какъ Пруссія и Австрія оставляютъ за собою свои части бывшихъ Польскихъ владѣній: какъ это правдоподобно! Еще сказывали вчера, что перемѣна министровъ во Франціи. Это вышло вздоръ: они только помѣнялись министерствами. Лидія говоритъ: qu'ils ont seulement joué à la toilette de madame. Еще разсказываютъ, что недавно появилась, не знаю въ какой Англійской газетѣ, статья о Петербургскомъ обществѣ, похожая на ту изъ Messager des Chambres о Берлинѣ, которую мы вамъ послали. Эта послѣдняя статья не писана Борнстетеномъ, какъ я сперва вамъ сообщала: ее писалъ одинъ Еврей (Прусскій) по порученію Французскаго secrétaire d'ambassade Murat (безобразный господинъ, котораго терпѣть не могутъ и очень холодно принимаютъ въ здѣшнемъ обществѣ; говорятъ, онъ очень дерзокъ и такой лгунъ, что въ его устахъ искажается самое достовѣрное извѣстіе). Хотѣли было подарить его Россіи, въ качествѣ attaché, однако его назначили къ какому-то другому двору, и одинъ г-нъ Андре, который тоже былъ здѣсь нынѣшнюю зиму, но котораго я не видала, назначенъ въ Петербургъ. Скажите, когда герцогъ Мортемаръ „l'homme nécessaire pour toutes les négociations contre la Russie qu'il connait à fond", покинетъ эту Россію „qui lui doit tant", по увѣренію газетъ? Скажите тоже, видѣли ли вы или слышали объ La Roche Jaquelin? Каковъ онъ вамъ показался? Вы знаете, какъ меня интересуетъ всякій Шуанъ, Вандеецъ, а имени La Roche Jaquelin подавно. $^{16}/_{28}$ Марта. Вмѣсто вашего, матушка получила письмо графини Вьельгорской. Она, кажется, очень испугалась народными волненіями въ ихъ сосѣдствѣ; она пишетъ „Les émeu„diants et la canaille, les infernaux, gou„vernent Wurzbourg, comme ils gouvernent „Paris, et Louis de Bavière n'a guère plus „de pouvoir sur eux que Louis Philippe. „Quant à l'histoire de nos défaites en Po„logne, ce sont des contes bleus, mais ces „benêts d'Allemands sont d'une crédulité „étonnante, il n' y a rien d'assez absurde pour „leur paraître incroyable. Jusque là il n'y a „rien de bien effrayant, car ils sont les „maîtres de croire à de faux bruits; mais „ce qui passe la plaisanterie, c'est que la „populace et les étudiants (все это несчастные студенты) sont venus crier sous „mes fenêtres: „Vive les Polonais, mort aux „Russes", et ils sont capables de tenir pa„role et de nous assassiner. Aussi j'ai „trouvé plus prudent de quitter ces heureux „pays constitutionels, où personne n'est „sûr pendant une heure de son existence

„et de me réfugier à Berlin, où l'on est „assez sage pour n'avoir pas de constitution „et où, par conséquent, on dort tranquil„le“. Бѣдный король Лудвигъ! Не смотря на свои стихи и на либеральный образъ мыслей, противъ него тоже возмущенія, и сколько онъ ни выгоняетъ слушателей изъ своихъ университетовъ, революція все возраждается опять; какъ гидра Лернская, по мѣрѣ того какъ падаетъ одна глава, другая выростаетъ на ея мѣсто. Кто будетъ тотъ Геркулесъ, который побѣдитъ духъ безпорядка и анархіи?..... Можетъ быть, это будетъ пресловутая комета, которая должна явиться въ будущемъ году (а не въ 36-мъ, какъ говорили) и положить конецъ всему этому броженію, покончивъ съ существованіемъ земнаго шара. Кажется, право, что это единственное средство возстановить миръ и добрыя отношенія людей другъ къ другу; — человѣчество такъ строптиво“.

$^{19}/_{31}$ Марта.

„Ахъ! милый папенька, я сей часъ узнала новость, но какую новость!!! Одно изъ тѣхъ происшествій, которыя были очень обыкновенны въ среднихъ вѣкахъ, особенно въ Германіи, но которыя въ наше время неслыханная рѣдкость. Я считаю, что мнѣ особенно посчастливилось быть въ Берлинѣ въ эту минуту. Это не было pendant l'horreur d'une profonde nuit, но въ прекрасную лунную ночь, такую свѣтлую, что все видно было какъ днемъ: двое солдатъ стояли по обыкновенію на часахъ у большаго дворца, который вы помните, можетъ быть, и который очень похожъ на нашъ Зимній Дворецъ. Не знаю именно, въ которомъ часу это было, но вдругъ почти невольнымъ движеніемъ часовые сомкнули штыки, чтобъ остановить женщину, которая хотѣла пройти въ дверь; однако она, не обращая на нихъ вниманія, прошла сквозь ихъ ружья и дверь. Вообразите смущеніе бѣдныхъ солдатъ! Живое существо не могло бы пройти, не раздвинувъ штыковъ; но что особенно ужаснуло ихъ, это что женщина была вся въ бѣломъ, съ бѣлымъ вуалемъ на головѣ, съ лицемъ блѣднѣе смерти, съ волосами бѣлыми какъ снѣгъ. Теперь весь городъ объ этомъ говоритъ съ трепетомъ и страхомъ, но скрываютъ отъ короля, въ опасеніи слишкомъ большаго на него впечатлѣнія. Мнѣ обѣщали литографированный портретъ Бѣлой Дамы Бранденбургской“.

О тревожныхъ слухахъ про наши военныя дѣйствія, которыя собственно были только стычки съ шайками мятежниковъ, но которыя Поляки преувеличивали до размѣровъ ужасныхъ пораженій, въ Петербургѣ еще не слыхали, и батюшка писалъ въ грустномъ, но спокойномъ тонѣ о семейныхъ дѣлахъ и чувствахъ. Привожу эти письма, какъ образецъ его воззрѣній на жизнь и его религіозныхъ правилъ.

«Санктпетербургъ $^1/_{13}$ Марта 1831 года.

Милая Антуанета, какъ бы мнѣ хотѣлось въ эту минуту посредствомъ волшебнаго прутика, или хоть животнаго магнетизма, перенести себя въ Берлинъ, обнять въ самомъ дѣлѣ тебя, твою маменьку, сестру, братьевъ, и не на холодной бумагѣ, а лицемъ къ лицу сказать тебѣ, какъ я желаю, какъ молю Бога, чтобъ ты была счастлива; счастлива тѣмъ немечтательнымъ, необманчивымъ счастьемъ, которое ты однажды сама описала въ двухъ словахъ. Мы всѣ больше или меньше можемъ находить его, ибо оно не въ внѣшнемъ мірѣ, а въ душѣ нашей, въ исполненіи долга, во внутреннихъ независимыхъ отъ рока наслажденіяхъ добродѣтели, постепенномъ, но непрестанномъ совершенствованіи нашего нравственнаго существа и въ данныхъ намъ для того средствахъ: драгоцѣнной способности постигать истину и высокія мысли отличныхъ умовъ, ею вдохновенныхъ; и въ другой еще драгоцѣннѣйшей,—чувствовать въ сердцѣ своемъ чистые, чуждые всякаго своекорыстія порывы къ добру и вѣчному его источнику, которые хотя мгновенно,

но заставляютъ насъ забывать, что мы на землѣ и слабы. Прибавимъ къ сему и непритворную, но умѣренную и благоразумную любовь ко всему прекрасному въ природѣ и въ произведеніяхъ искусства, ее повторяющихъ; вотъ элементы блаженства, сколько оно возможно для насъ, пока мы на землѣ. Даруй Боже, чтобы всѣ они и всегда украшали жизнь твою, милая Антуанета..... Мнѣ вдругъ приходитъ въ голову странная мысль. Говорятъ, что слова умирающихъ бываютъ пророчествами, а я, ты знаешь, давно уже считаю себя умирающимъ; сверхъ того нынѣ, и во всѣ эти для меня немаслянічные дни, что-то очень не хорошо себя чувствую".

Для меня лично, было тогда происшествіе довольно важное, мое представленіе королю и принцессамъ, словомъ то что называется первый выѣздъ въ свѣтъ. Это было на маленькомъ балѣ у короля, въ его собственномъ дворцѣ Unter den Linden. Къ грусти, которая уже давно мною владѣла, прибавилось еще стеченіе мелкихъ обстоятельствъ непріятныхъ для меня. Мое имя было уже давно внесено въ списокъ представленій, и нельзя было отказаться отъ приглашенія короля; но это случилось какъ нарочно въ нашъ великій постъ, а мы съ дѣтства привыкли считать обязанностію отказываться отъ театровъ и баловъ въ это время. Я очень хорошо знала, что въ сущности тутъ не было смертельнаго грѣха, что обязанность повиноваться родителямъ стояла гораздо выше. Все таки какъ-то было тревожно на совѣсти и неловко, особенно потому, что въ чужихъ краяхъ и при дворѣ дѣлалось то что не дѣлалось дома; сверхъ того, мнѣ въ бальной залѣ приходилось быть какъ въ лѣсу: я еще никого не знала кромѣ семействъ Папенгеймъ и Мейендорфъ. Ужъ конечно не съ такимъ ожиданіемъ блаженства и страхомъ умереть наканунѣ какъ княжна Софья *** о которой я вспомянула тогда *), встрѣтила я этотъ день, и съ тяжелымъ тревожнымъ чувствомъ вошла я въ комнату не ярко освѣщенную, весьма не затѣйливаго убранства, съ довольно простою мебелью, по тогдашнему обычаю чинно разставленною около стѣнъ. Тутъ ожидали выхода короля. Поклонившись придворнымъ дамамъ, которымъ мы уже сдѣлали визиты, матушка вошла въ разговоръ съ ними, а я оглянулась: все чужія, незнакомыя лица. Мысль перенеслась въ Петербургъ: если бъ это было тамъ! Сколько моихъ сверстницъ, сколько привѣтливыхъ старшихъ лицъ матерей и отцовъ ихъ я бы встрѣтила. И Кочубеевы, и Строгоновы, Наталья Ѳедотовна Плещеева, Гагарина, Мердеровы, Жуковскій, Перовскій, Адлербергъ, Уваровъ, Бутеневъ; и сколько лицеистовъ, которые должны были около этого времени уже быть кавалерами на балахъ, и столько, столько другихъ знакомыхъ съ дѣтства лицъ! Такая взяла меня тоска, хоть вонъ бѣги, хоть зарыдай. На мое счастіе въ эту минуту взошелъ король, за нимъ принцы и принцессы и княгиня Лигницъ. Это былъ очень маленькій балъ. Король былъ во фракѣ; я его видала часто издали въ театрѣ. Меня поражали неподвижность и какое-то равнодушіе въ выраженіи его лица. Когда онъ вошелъ въ комнату, у него былъ тотъ же видъ безучастія къ окружающему; но вблизи, когда меня представили ему, я увидѣла такое доброе, искреннее, отечески-привѣтливое выраженіе въ его глазахъ. Онъ милостиво сталъ распрашивать меня, сказавъ, что надѣется, что мнѣ бу-

*) См. Р. Архивъ 1872, стр. 1236.

детъ хорошо въ Берлинѣ, что Русскимъ должно быть, почти дома у него. Было такъ много добродушія въ тонѣ его голоса, что нельзя было принять его слова за пустую вѣжливость; въ нихъ слышалась нѣжная любовь къ своей царственной дочери и истинная дружба къ Государю, чувства которыя въ правду сближали его съ Россіей. Мнѣ стало легче на душѣ: такъ дорого было мнѣ сочувствіе далекому отечеству въ то время, когда слишкомъ часто встрѣчали мы вражду.

Когда король отошелъ, принцъ Вильгельмъ обратился къ матушкѣ и сказавъ: представьте меня вашей дочери, пригласилъ меня на вторую кадриль. Адъютанты короля, нѣкоторые изъ другихъ принцевъ позвали на другіе кадрили и прочее, и когда мы взошли въ свѣтлую веселую танцовальную залу, я уже была обезпечена на весь вечеръ въ отношеніи къ танцамъ. Это не была случайность: на этихъ малочисленныхъ вечеринкахъ, и дамы и мужчины, начиная съ королевской фамиліи, самымъ любезнымъ образомъ заботились о томъ, чтобъ было привольно и весело гостямъ, особенно вновь выѣзжающимъ дѣвушкамъ, понимая, какъ дороги въ эти лѣта ласковый пріемъ и внимательность. Увы! Не всегда встрѣчается это теперь. Я еще обрадовалась тому, что можно было часть вечера и за ужиномъ говорить порусски съ однимъ изъ Прусскихъ офицеровъ, Рейтенштейномъ, который очень свободно и бѣгло изъяснялся. Онъ былъ въ нашей арміи въ Турецкую кампанію. Принцъ Альбертъ тоже нѣсколько словъ сказалъ мнѣ порусски, и мы съ перваго разу очень хорошо съ нимъ познакомились. Добродушный, веселый, онъ былъ особенно привѣтливъ къ Русскимъ, любилъ танцовать и очень хорошо танцовалъ. Мы были оба очень молоды и подружились, танцуя постоянно мазурку вмѣстѣ, потому что ее не очень хорошо танцовали тамошнія дамы, такъ что принцы выбирали все Полекъ или Русскихъ. Принцъ Карлъ, остроумный и веселый, однако внушалъ мнѣ что-то въ родѣ страха, потому что онъ былъ насмѣшливъ и любилъ дразнить (taquiner). Кронъ-принцъ, впослѣдствіи король Фридрихъ Вильгельмъ IV, былъ одинъ изъ самыхъ блистательныхъ умовъ, которыхъ я когда либо встрѣчала. Вотъ что королева Луиза объ немъ писала, когда онъ былъ еще ребенкомъ: „Нашъ кронъ-принцъ живой и умный мальчикъ, у него замѣчательныя способности, онъ искренен во всѣхъ своихъ впечатлѣніяхъ и словахъ, онъ учится съ особеннымъ успѣхомъ исторіи, и съ идеальнымъ настроеніемъ его ума все великое и доброе привлекаетъ его; онъ любитъ остроуміе и часто самъ насъ занимаетъ своими насмѣшками и неожиданными выходками.“

Замѣчательно, какъ вѣрна была и осталась эта оцѣнка; но, кажется, воображеніе и поэзія въ немъ брали перевѣсъ надъ болѣе положительными сторонами ума; отъ того, можетъ быть, и привѣтливость его переходила границы, и часто любезность казалась даже лестью. Больше всѣхъ принцевъ мнѣ приходилъ по сердцу принцъ Вильгельмъ. Онъ былъ далеко не такъ даровитъ какъ старшій братъ, не такъ остроуменъ и забавенъ какъ принцъ Карлъ, но во сто разъ симпатичнѣе обоихъ. Объ немъ также вѣрно судила королева Луиза. „Нашъ сынъ Вильгельмъ, писала она къ отцу, если я „не ошибаюсь, будетъ, какъ отецъ его „мужественный, благородный и разумный, съ душевной простотой. По

„наружности тоже онъ всѣхъ больше „похожъ на отца, только, кажется, не- „будетъ такъ хорошъ, какъ онъ".

Кронъ-принцесса, рожденная принцесса Елисавета Баварская, была тогда очень привлекательной наружности; у вея были темные волосы и темные большіе, добрые глаза, правильныя черты, и выраженіе лица нѣсколько грустное. Она обожала мужа и, впослѣдствіи мнѣ казалось, что въ выраженіи ея лица было безсознательное предчувствіе невыносимо-горькаго испытанія, черезъ которое ей было суждено пройти, во время его предсмертной болѣзни. Принцесса Августа, нынѣшняя императрица, была тогда очень молода, очень худощава и миловидна, но не хороша. Лѣтъ десять спустя, видѣла я ее въ Веймарѣ и съ трудомъ узнала. Она развилась въ замѣчательно-красивую женщину. Сестра ея принцесса Карлъ (Марія Веймарская) была тогда совершенная красавица, но довольно безжизненная. Принцесса Маріанна, молодая супруга принца Альбрехта, была всѣхъ моложе и дурна собой, за то остроумная, забавная, занимательная до высшей степени. Она была тоже очень богата, и при ихъ дворѣ давались въ то время блистательные праздники. Помню между прочимъ спектакль любителей: давали маленькую веселую пьесу, сочиненіе тоже любителя, на ухо говорили, что принца Карла Мекленбургскаго, хотя отвѣтственный авторъ былъ его адъютантъ. Самъ принцъ игралъ нѣсколько сценъ изъ трагедіи „Императоръ Фридрихъ и его сынъ", и игралъ замѣчательно хорошо. Вообще онъ былъ даровитый и пріятный старикъ, съ военными талантами, какъ говорили, и очень храбрый. Онъ былъ братъ королевы Луизы и отличился не разъ во время войны съ Французами. У него лице было очень круглое, усы очень прямые, и потому его прозвали die alte Katze, находя сходство съ кошкою, но его вообще, даже между бюргерами, любили и почитали. О княгинѣ Лигнипъ я уже говорила прежде, также какъ и о Радзивиловыхъ. Вотъ лица болѣе замѣчательныя, которыя помнятся мнѣ съ этаго вечера. За нимъ слѣдовали вечера и балы похожіе на всѣ балы и на всѣ вечера.

Дѣти всегда обезъяничаютъ, и маленькіе братья мои, слыша, какъ мы читали Фигаро и La Mode, стали писать политическія статьи, а меньшой Вадимъ даже завелъ себѣ домашній сатирическій журналъ Калейдоскопъ, въ три или четыре экземпляра. Наша гувернантка M-lle du Tour и учителя воспользовались этимъ, чтобы всѣхъ насъ вызвать быть сотрудниками и такимъ образомъ упражняться въ слогѣ; мы же были и подписчиками, а батюшка получалъ даровой экземпляръ безъ платы за пересылку. Скоро братъ былъ обрадованъ честью имѣть взрослаго подписчика, который вмѣстѣ былъ и сотрудникомъ. Въ томъ же домѣ какъ мы, въ бель-этажѣ, жилъ Неаполитанскій посланникъ, il avaliere don Carlo Ruffo dei principe Castelcicalla онъ былъ сынъ князя Castelcicalla, посла въ Парижѣ, котораго либеральныя газеты очень много бранили; заслуженная ли была эта брань, я не знаю; сынъ его во всякомъ случаѣ не былъ ни фальшивый, ни жестокій человѣкъ, а добродушіемъ, веселостію и простотою обращенія, также какъ огромными чертами смуглаго лица, былъ настоящій Неаполитанецъ, истый соотечественникъ полишинеля. Онъ очень часто у насъ бывалъ и подружился даже съ братьями; хотя шутки его были не очень

остроумныя, разсказы не затѣйливые, но его веселость и ваша молодость довольствовались всякимъ предлогомъ, что-бы посмѣяться; и старые анекдоты, даже извѣстные стишки, которые онъ присылалъ въ Калейдоскопъ, казались братьямъ, да и мнѣ съ сестрою, такимъ украшеніемъ журнала, что нѣкоторые помнятся мнѣ до сихъ поръ, какъ напримѣръ:

„Le monde est plein de fous, et qui n'en veut pas voir
Doit s'enfermer chez lui et casser son miroir".

Правда, какъ ни стара эта истина, она на каждомъ шагу намъ глаза колетъ и вновь напоминаетъ о себѣ. У Руффо было еще чисто-Итальянское качество, весьма симпатичное: его развязность и laisser aller никогда не переходили границъ приличія съ женщинами. Руффо въ послѣдствіи былъ посланникомъ въ Петербургѣ, но не долго.

Между тѣмъ политическій горизонтъ все больше и больше покрывался тучами, и всѣ тревожно ожидали какого нибудь взрыва, который привелъ бы за собою общую Европейскую войну. Какъ сказано выше въ одномъ изъ моихъ писемъ, въ Берлинѣ военная молодежь, въ томъ числѣ и „принцы, желали ея; ландверы ея опасались, а національная гвардія (Берлинскіе бюргеры) страшились ея и стали ненавидѣть Россію, воображая, что мы будемъ причиной такого несчастія. Нѣмецко-Польскій дворикъ, Радзивиловъ и вся Польская партія разжигали эту ненависть, всякаго рода преувеличенными и даже выдуманными извѣстіями о пораженіи и бѣгствѣ нашихъ войскъ, о положеніи оружія, будто бы, цѣлыми полками и тому подобное. Изъ Гіелгута и Дверницкаго дѣлали геніальныхъ полководцевъ во главѣ цѣлыхъ армій *); во Франціи говорили, что сформировался цѣлый легіонъ бѣглыхъ солдатъ изъ нашей арміи (la corps des déserteurs), и маленькій братъ мой, подъ вліяніемъ Цицерона, говорилъ съ ужасомъ: c'est l'armée de Catilina, des vagabonds, des déserteurs et des parricides. Это смутное время за границей, вмѣсто того чтобы совратить нашихъ мальчиковъ съ правилъ монархическихъ, во сколько дѣти могутъ ихъ понять, напротивъ внушило имъ отвращеніе отъ революцій и во всѣхъ насъ возбудило восторженный патріотизмъ. Въ сущности эти пресловутыя пораженія нашихъ войскъ были ничто иное какъ первыя неудачи регулярныхъ войскъ въ непривычной партизанской войнѣ, въ незнакомыхъ мѣстностяхъ, въ дремучихъ лѣсахъ и болотахъ. Но правда не доходила до насъ, и мы всѣ были полны смущенія и негодованія, начиная съ матушки и кончая нашей Русской прислугой, въ томъ числѣ буфетчика, бывшаго деньщика Суворова. Этимъ настроеніемъ отзываются всѣ послѣднія письма Марта мѣсяца. Я писала:

»Берлинъ 25 Марта (6 Апрѣля) 1831 года.

По нашему разсчету это письмо придетъ въ Петербургъ наканунѣ вашего рожденья. Поздравляю васъ и не могу найти словъ, чтобъ выразить вамъ, сколько я вамъ желаю счастья. Еслибъ

*) Вся кампанія Дверницкаго состояла въ одной стычкѣ кавалерійской подъ Боромлею, гдѣ гр. Чацкій со своими гостями гарцовалъ нѣсколько часовъ передъ Ридигеромъ и гдѣ удалось маленькому отряду схватить врасплохъ нѣсколько нашихъ пушекъ, съ которыми на другой же день Дверницкій ускакалъ отъ нашего войска, пошелъ поспѣшно на Берестечко и Кременецъ и, настигнутый нашимъ войскомъ за мѣстечкомъ Вышегородомъ, былъ разбитъ и перешелъ обратно черезъ Австрійскую границу. Вотъ побѣда!

вы знали, какъ мнѣ грустно думать, что вы будете еще заняты (5-го Апрѣля) непріятнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ безъ сомнѣнія и въ Петербургѣ, извѣстіемъ о постыдномъ нашемъ пораженіи; но какъ получите это письмо, подумайте, что когда оно до васъ дойдетъ; мы уже будемъ радоваться побѣдѣ, которая должна быть наиблистательнѣйшая, чтобы загладить такой позоръ. Вы не можете вообразить, какъ я и всѣ здѣшніе Русскіе раздражены, car on ne prend pas la peine de nous cacher qu'on est enchanté de nous voir battus; cela siérait bien à tous autres qu'aux Prussiens; за то добрый король за насъ горой стоитъ. Между прочимъ Берлинцы дѣлаютъ каламбуры (Berlinerwitz) изъ названія Забалканскаго: So bald kann er nicht сладить съ Поляками. Но довольно о семъ. Какъ вамъ нравится Вадима поэтическое поздравленіе? Не нужно говорить, что мы всѣ съ нимъ вмѣстѣ съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидаемъ счастливаго часа свиданія съ вами. Всякій день приближаетъ насъ къ этому прекрасному дню, а покуда надобно довольствоваться надеждою и ожиданіемъ Мая мѣсяца."

„Князь Суворовъ былъ у насъ два раза и очень, очень огорченъ; но говоритъ, что надѣется на Русскаго Бога, какъ помните бѣдный Северинъ Потоцкій говаривалъ [1]). Богъ будетъ намъ прибѣжище и сила. Онъ намъ поможетъ. Иванъ Сергѣевъ [2]) страхъ какъ сердится тоже и, глядя на Суворова, говоритъ: „Еслибъ живъ былъ дѣдъ его, не быть бы всему этому! Такъ всѣ и смѣются надъ нами."

Скоро получили мы такія же унылыя письма отъ батюшки.

[1]) Mon cher, je compte sur le Roussky Bog- И въ прежнія времена, одинъ Русскій (кажется, князь Волконскій) говорилъ, что когда шумъ на землѣ разбудитъ Русскаго Бога, и Ему докладываютъ, что это Русскіе воюютъ съ кѣмъ нибудь, онъ говоритъ: Ну, пора вставать! Эти безъ меня ничего не сдѣлаютъ.

[2]) Нашъ буфетчикъ.

«С. Петербургъ (28 Марта) 9 Апрѣля 1831 года.

Сего дня, мой милый другъ, я могу отвѣчать тебѣ только на твое письмо отъ $^{11}/_{23}$ Марта. И оно дошло до меня довольно поздно за распутицей, а то, котораго я могъ бы ожидать вчера ввечеру или нынѣ по утру, вѣроятно остановлено въ Мемелѣ, по другимъ, непріятнѣйшимъ причинамъ. Вы конечно уже знаете, что въ 3-хъ уѣздахъ Виленской губерніи, Шавельскомъ, Россіенскомъ и Тельшевскомъ, въ томъ краѣ, который мы называемъ Жмудью, а иностранцы Самогиціей, вспыхнуло возмущеніе. Нѣсколько тамошнихъ шляхтичей, а можетъ быть и прокравшихся тайно Варшавскихъ агентовъ успѣли возбудить глупый черный народъ, который въ сихъ мѣстахъ живетъ до нынѣ почти также, какъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ, въ лѣсахъ, въ болотахъ, въ невѣжествѣ удивительномъ даже и для простолюдиновъ. Ихъ увѣрили, что наша армія въ Царствѣ Польскомъ истреблена, что Россія не имѣетъ уже никакихъ силъ и что они могутъ дать волю своимъ страстямъ. Безумцы вооружились, бѣснуются, грабятъ, жгутъ и на сихъ дняхъ заняли Полангенъ. Такимъ образомъ мы, на время, отрѣзаны отъ прямыхъ сообщеній съ Пруссіей; но уже посланы войска для усмиренія мятежниковъ и скоро положатъ конецъ симъ новымъ, неожиданнымъ безпорядкамъ. Между тѣмъ почта будетъ ходить моремъ изъ Либау въ Мемель и на оборотъ. Но все это очень огорчаетъ Государя и всѣхъ благомыслящихъ. Утѣшь Его Богъ: Его и Россію, какъ только Онъ одинъ, одно Его Провидѣніе, умѣетъ утѣшать".

„Послѣ этихъ вѣстей, мнѣ что-то и не хочется и совѣстно говорить, даже и думать о себѣ. Что касается до нашихъ общихъ знакомыхъ, до тѣхъ по крайней мѣрѣ, которые больше интересуютъ тебя, я объ нихъ недавно тебѣ разсказывалъ что зналъ, и теперь ничего не могу прибавить".

„Здоровье Великой Княгини худо по-

правляется. Кажется рѣшено, что въ началѣ весны она отправится моремъ въ Брайтонъ или Рамзгетъ брать морскія ванны; говорятъ, что это необходимо. При ней будутъ графиня Нессельроде и князь Николай Гагаринъ, тотъ, который женатъ на толстой графинѣ Бобринской. Нашему Полетикѣ очень хотѣлось быть также въ свитѣ Ея Высочества и опять не удалось. Прости, ma bonne. Скажи Антуанетѣ, что я вчера видѣлъ графа Галлена и что онъ исправно доставилъ мнѣ ея письмо. Скажи ей также, въ отвѣтъ на ея вопросъ, что всѣмъ принцамъ, и невладѣтельнымъ и не королевскимъ высочествамъ *), надобно говорить „Monseigneur“: этого требуютъ обычай и слѣдственно учтивость. Радуюсь, что ея первое появленіе въ свѣтъ было совсѣмъ не такъ тяжело, какъ она воображала и что ее приняли благосклонно. Еще разъ: Богъ любитъ покорныхъ дѣтей, и потому я смѣю надѣяться, что, не смотря на мои грѣхи положительные и отрицательные, Онъ помилуетъ и будетъ покровительствовать мою милую Антуанету и всѣхъ нашихъ милыхъ, что Онъ доставитъ имъ счастіе и въ такъ называемомъ свѣтѣ, и особливо во внутреннемъ мирѣ ихъ сердецъ“.

«С. Петербургъ. (31 Марта) 12 Апрѣля 1831.

Новыхъ извѣстій изъ арміи мы доселѣ не имѣемъ и ждемъ ихъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ ежедневно, ежечасно. Дай Боже, чтобы удачный, рѣшительный ударъ скорѣе положилъ конецъ этимъ Польскимъ дѣламъ, безпокойству Государя, страданію цѣлаго обширнаго и столь недавно еще цвѣтущаго края и происходящему отъ того волненію умовъ“.

«О будь же Русскій Богъ намъ щитъ!
Прострешь Твою десницу,
И мститель громъ Твой раздробитъ
Коня и колесницу.
Какъ воскъ передъ лицемъ огня,
Растаетъ врагъ предъ нами».

Въ дополненіе къ разсказу о томъ времени и людяхъ въ Пруссіи, считаю не излишнимъ привести здѣсь разсказъ А. С. Стурдзы, свидѣтеля, отчасти сотрудника барона Штейна, во сколько можно быть сотрудникомъ такого человѣка, молодому секретарю дипломатической канцеляріи.

„Штейнъ (какъ и Гарденбергъ) еще тѣмъ для насъ интересенъ, что онъ былъ сѣятелемъ того семени народнаго сознанія и тѣснаго братства между Нѣмцами (сѣверными по крайней мѣрѣ) и Прусской династіей, которое на нашихъ глазахъ приноситъ такой обильный плодъ. — Надобно замѣтить еще и то, что глубокая, нѣсколько мистическая вѣра, относящая все къ Провидѣнію Божію и отдающая имени Его славу и благодареніе въ успѣхѣ и въ испытаніяхъ, есть характеристика времени и воспитанія людей такихъ, какъ Штейнъ, какъ Мольтке, какъ король Вильгельмъ, и отнюдь не похожа на комедію или фразы, какъ воображаютъ нѣкоторые корреспонденты нашихъ журналовъ“.

„Въ эпохи переходныя,“ пишетъ Стурдза,“ Господь призываетъ человѣковъ особаго, необыкновеннаго закала, на служеніе страждущему человѣчеству и озаряетъ умъ ихъ пониманіемъ прошедшаго и настоящаго, даетъ имъ силу вліять на будущее народовъ земныхъ. Такіе люди умѣютъ сохранять все дорогое въ сокровищницѣ преданій и вмѣстѣ сознаютъ нужды наступающаго вѣка. Ихъ убѣжденія не измѣняются, но преобразовываются черезъ строгіе уроки Исторіи, тогда какъ люди дюжинные жертвуютъ своими, ради удобствъ и мелочей жизни. Эти избранники виднѣются намъ какъ маякъ надъ опасною скалою, у входа моря, нами еще неизвѣданнаго; они освѣща-

*) Въ то время Нѣмецкіе герцоги и гроссъ-герцоги не носили титула королевскаго высочества.

ютъ путь среди мраковъ непогоды и бурь и угасаютъ, когда новыя поколѣнія достигли далекой пристани новаго склада жизни. Предать забвенію такихъ лицъ значило бы утратить часть лучшаго достоянія человѣчества. Между такими свѣтлыми лицами никто болѣе барона Штейна не заслуживаетъ памяти и славы въ потомствѣ. Штейнъ съ ранней молодости настрадался и провелъ лучшіе годы своей жизни въ борьбѣ; за то́ рано окрѣпъ и возмужалъ: въ немъ такъ и виденъ былъ моральный загаръ тѣхъ дѣятелей, которые вынесли тяготу и варъ лѣтнихъ страдъ историческаго дня."

Первая встрѣча Стурдзы съ барономъ Штейномъ была въ Петербургѣ въ 1811 году. Онъ былъ тогда изгнанникомъ изъ всей Французской имперіи, объявленный Наполеономъ внѣ закона. Имѣнія его на Рейнѣ и въ Вестфаліи были конфискованы. Пруссія, какъ я уже говорила, принуждена была тогда удалить его и Гарденберга по приказанію Наполеона. Хотя уже готовилась война съ Россіею, однако посланники Французской и Рейнской конфедераціи еще оставались въ Петербургѣ. „Штейнъ", пишетъ Стурдза, „явился между ними, какъ живой упрекъ, какъ предвѣстникъ народныхъ воздаяній, предъявляя, вмѣсто довѣрительной грамоты, раковину Аристида съ ея остракизмомъ, которымъ онъ былъ въ полномъ правѣ гордиться".

Императоръ Александръ Павловичъ принялъ его съ отличіемъ и довѣріемъ, пожаловалъ ему Андреевскую ленту и неразъ совѣтовался съ нимъ о планахъ защиты. „Штейнъ не былъ ни основателемъ, ни главою тугендбунда или какого нибудь другаго тайнаго общества, но онъ былъ носителемъ той общей національной ненависти, которая безъ всякой тайны жила и развивалась въ народѣ противъ насилія иноземнаго ига. Его искреннія, вдохновенныя рѣчи звучали какой-то воинской трубою, призывающей народъ свой къ сраженію".

„Штейнъ былъ похожъ на его портреты. Круглая голова съ лысиной, живость и любовь во взглядѣ, Римскій носъ, ростъ средній, плечи Атлета; особенная живость и впечатлительность выражались въ его лицѣ и въ скорой увлекательной рѣчи, а во всей его наружности проглядывала душа человѣка честнаго, чувствительнаго и умнаго".

Съ 1807 по 1809 годъ онъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ Пруссіи; его управленіе въ такое бѣдственное время положило основаніе ея возстановленію и самосознанію всего Нѣмецкаго народа; онъ поднялъ духъ общества, примирилъ общее мнѣніе съ королемъ и умѣлъ посѣять начатки новыхъ лучшихъ учрежденій. Конечно другіе благородные бойцы добраго дѣла помогали барону Штейну и заслужили благодарность и славу. Но это именно отличительная черта истинно великихъ людей: они не остаются одиноки въ своемъ вѣкѣ; у нихъ двоякая способность привлекать другихъ даровитыхъ дѣлателей, а обыкновеннымъ или посредственнымъ людямъ, составляющимъ большинство человѣчества, указывать путь къ спасенію среди бѣдствій народныхъ.

Говоря о своемъ управленіи, Штейнъ разсказалъ Стурдзѣ слѣдующее. Разговоръ былъ въ 1826 году съ Каподистріею. Штейнъ сильно нападалъ на бюрократію. „Когда я принялъ министерство въ Пруссіи, сказалъ онъ, моимъ первымъ дѣйствіемъ было пересмотрѣть всю массу дѣлъ, т. е. бумагъ, которыми оно было завалено. 30 тысячъ № въ годъ, вотъ какая была обыкновенная норма приказовъ, отношеній и писемъ, подписанныхъ моими предшественниками. Я содрогнулся и, судя о положеніи больнаго по числу рецептовъ, поспѣшилъ тутъ-же сократить лишнюю переписку; я велѣлъ передать прямымъ начальствамъ множество дѣлъ, которыя были по ихъ вѣдомству и которыя у нихъ отнимали только ради централизаціи".

„Что-же вышло изъ моего распоряженія? Дѣла упростились и ускорились, а у меня оставался досугъ обдумывать и добросовѣстно судить о важныхъ дѣлахъ, вмѣсто того, чтобы тратить цѣлые дни на подписаніе имени своего подъ пустыми бумагами по текущимъ дѣламъ. За то когда въ концѣ года мнѣ удалось бывшія 30 тысячъ бумагъ сократить на 14 тысячъ №, великая была мнѣ радость, и въ этомъ явленіи, неважномъ въ глазахъ многихъ людей, я увидѣлъ вѣрный залогъ успѣха и улучшеній по министерству моему.“

„Когда общій Европейскій союзъ сталъ наступать на Наполеоново войско, барону Штейну передали управленіе возвращенныхъ отъ Франціи Нѣмецкихъ земель. Онъ самъ выбралъ себѣ помощниковъ, взялся энергически за дѣло, направилъ общее мнѣніе, подготовилъ успѣхъ и не поколебался неудачами кампаніи 1813 года, всюду поддерживая великодушныя усилія Императора Александра въ этой послѣдней гигантской борьбѣ, когда не легко было отвлечь Австрію отъ Наполеона и соединить всѣ силы коалиціи подъ Лейпцигомъ. Его дѣятельность, его находчивость и бдительность были изумительны, и никто не умѣлъ такъ вѣрно отгадать козни фальшивыхъ друзей и сдѣлать ихъ безвредными.“

„На Вѣнскомъ конгрессѣ баронъ Штейнъ явился представителемъ моральныхъ интересовъ Германіи и хотя не имѣлъ офиціальнаго званія, но былъ признанъ таковымъ съ общаго согласія. Нельзя было не благоговѣть передъ его настойчивостію, откровенностію и нравственнымъ авторитетомъ“.

„Онъ и Каподистрія оба чуяли недоброе отъ коварныхъ интригъ Талейрана въ это время, и Штейнъ первый предупредилъ Александра Павловича о существованіи секретнаго трактата Парижскаго 15 Января 1815 года. Этотъ тайный союзъ былъ заключенъ между Франціей (Бурбонами), Австріей и Англіей подъ предлогомъ охраненія Европы противъ будущихъ притязаній Россіи и когда король Прусскій отказался отъ всякихъ интригъ, то и противъ будущихъ притязаній Пруссіи. Голландія и Баварія присоединились къ трактату. Александръ Павловичъ не повѣрилъ возможности такого совершенства неблагодарности, предательства и неосторожности, когда Штейнъ ему сказалъ о немъ. Но вскорѣ Наполеонъ, возвратившись въ Парижъ съ острова Эльбы, нашелъ подлинный трактатъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ: въ поспѣшности своего бѣгства въ Гентъ Людовикъ XVIII и его дворъ забыли захватить его съ собою“.

Графъ Каподистріа разсказывалъ отцу моему, что въ это время, однажды рано утромъ, Государь послалъ за нимъ, приказывая явиться немедленно какъ есть, не перемѣняя платья *), по экстренной надобности. Каподистріа побѣжалъ къ Государю въ сюртукѣ, безъ всякихъ приготовленій. Онъ нашелъ его въ своемъ кабинетѣ. Государь ходилъ скорыми шагами по комнатѣ, и уши у него горѣли. **) Онъ остановился и, подходя къ письменному столу, сказалъ Каподистріи: „Вы были правы (онъ и Штейнъ); вотъ что получилъ я отъ Наполеона“. Это былъ подлинный трактатъ и при немъ письмо Наполеона, который указывалъ на ненадежность союзниковъ императора Александра. Каподистріа прочелъ съ омерзеніемъ, но безъ удивленія этотъ возмутительный документъ.

„Какія же намѣренія Вашего Величества?“ спросилъ Каподистріа. Помолчавъ немного, Государь отвѣчалъ: „Пока Наполеонъ будетъ живъ и въ силѣ, никогда не будетъ мира въ Европѣ, а миръ нуженъ истощенному человѣчеству, я все таки пойду противъ него со всѣми этими малодушными правительствами. Дѣло должно быть общее,

*) Тогда являлись всегда въ мундирѣ.

**) Александръ Павловичъ очень сдерживался въ выраженіи гнѣва, но по мѣрѣ того какъ онъ сердился, уши у него все болѣе и болѣе краснѣли.

или мы всѣ пропадемъ. — Пускай никто не знаетъ, что этотъ трактатъ дошелъ до моего свѣдѣнія.“

Каподистріа долженъ былъ согласиться, что это воззрѣніе справедливо; однако когда Александръ Павловичъ послѣ окончательнаго пораженія Наполеона польстилъ себя надеждою, что съ такими политическими лицами возможенъ христіанскій священный союзъ, Каподистріа, повинуясь Государю, исполнилъ всѣ формальности, но никогда не ошибался въ несостоятельности дѣла. Одна только Россія и ея Государи вѣрили и держались его. Личныя отношенія съ королями Пруссіи сохранили союзъ съ ними, а не трактатъ; между тѣмъ какъ Австрія только въ свою пользу и въ ущербъ Россіи съумѣла разработать его, продолжая подъ другими формами и съ большей осторожностію свои предательскія интриги 1815 года и увѣнчала ихъ гнусной неблагодарностію въ Крымскую кампанію.

Но возвращаюсь къ разсказу Стурдзы. „Когда Штейнъ увидѣлъ, что правительства Германіи не искренно исполняли свои обѣщанія и что горячія головы учащейся молодежи готовили безпорядки, которые-бы привели опять къ Французскимъ притязаніямъ на его родину, Рейнскія провинціи, — Штейнъ удалился отъ дѣлъ, откровенно высказывая порицаніе и правительствамъ и дѣйствіямъ недовольныхъ. Вотъ почему обѣ партіи на него сердились: одни, упрекая его какъ народнаго трибуна, другіе, какъ аристократа“.

„Въ его уединеніи въ Нассаускомъ герцогствѣ, (говоритъ Стурдза) я посѣщалъ его часто въ 1826 году. Онъ любилъ предаваться размышленію или работѣ въ башнѣ своего дома, среди бюстовъ и портретовъ великихъ мужей Германіи“.

„Его двѣ дочери г-жи Гихъ (Giech) и Килмансегъ жили тогда у отца, успокоивая и утѣшая его старость, и своею любезностію и умомъ еще украшали прекрасный его пріютъ. Къ нему съѣзжались и старые пріятели и всѣ замѣчательные люди, проѣзжающіе или живущіе по близости, и поистинѣ поучительны и сладки были эти бесѣды съ великодушнымъ защитникомъ Германской свободы. Умъ барона Штейна, свѣжій и юный, не смотря на преклонныя лѣта его, блисталъ и искрился, неисключая однако добродушной наивности, которая часто замѣчается у Нѣмцевъ и придавала какую-то особую прелесть его остроумію. Жертвовавъ всегда собою для пользы отечества въ настоящемъ и будущемъ, онъ на старости предался всецѣло историческимъ изысканіямъ о древней Германской Имперіи и ея памятникахъ. Выбранный предводителемъ Вестфальскихъ штатовъ, Штейнъ не пренебрегалъ этой чисто совѣщательной должностію, изучалъ глубоко и добросовѣстно хронику и обычаи этой провинціи и подавалъ всегда голосъ по своему неизмѣнному убѣжденію въ пользу развитія тѣхъ общественныхъ формъ и учрежденій, которыя коренятся въ самой почвѣ народа.

„Не говорите мнѣ о централизаціи и однообразіи!“ воскликнулъ онъ однажды; „вотъ напримѣръ въ Вестфаліи, поселяне платятъ своимъ землевладѣльцамъ повинность свиньями; эта повинность для нихъ не тяжела, потому-что здѣсь множество дубовыхъ лѣсовъ, и слѣдовательно легко достаются жолуди. Замѣните эту мѣстную повинность другою натурою-же или деньгами, и вы заслужите справедливое неудовольствіе плательщиковъ, которыхъ воображали облагодѣтельствовать. Вотъ вамъ образчикъ тѣхъ законодательныхъ промаховъ, которые вытекаютъ изъ пристрастія къ однообразію. Законодатели новѣйшаго времени не хотятъ понять, что разнообразіе формъ и мѣстныхъ потребностей какъ нельзя лучше слагается въ единство общаго управленія и закона для всѣхъ“.

„Іюльская революція во Франціи и отчаянная борьба Греціи огорчили и взволновали его душу; но онъ уже уда-

лялъ отъ себя всѣ житейскія заботы и предавался одной заботѣ о вѣчности. Книги душеспасительныя и богословскія были его постояннымъ чтеніемъ въ уединеніи его любимой башни. Онъ всегда жаждалъ правды на землѣ и зналъ, что ея источникъ на небеси. Кончина барона Штейна была достойна его прекрасной жизни. Онъ былъ окруженъ родными и присными; душа его, уже просвѣтленная, вся высказалась въ словахъ утѣшенія и назиданія; онъ не забылъ даже послѣдняго изъ слугъ своихъ. Характеристично между прочимъ его обращеніе къ одному молодому полѣсовщику: „Не переставай быть вѣрнымъ и добросовѣстнымъ; да помни, что ты умѣешь обращаться съ ружьемъ и обѣщай мнѣ, что ты возмешь оружіе противъ непріятеля, если когда нибудь иноземцы пойдутъ на Германію".

„Похороны его дали поводъ къ трогательному явленію. Тѣло его пришлось перевезти, по его желанію, въ замокъ Копенбергъ, въ склепъ его предковъ, на берегу Рейна. Но когда доѣхали до первой деревни по дорогѣ, всѣ крестьяне вышли на встрѣчу, взяли гробъ на руки и понесли до слѣдующей волости, передавая такимъ образомъ дорогаго имъ покойника съ рукъ на руки въ теченіи нѣсколькихъ дней до самаго мѣста погребенія всемъ міромъ, при звонѣ всѣхъ колоколовъ сельскихъ церквей. Такое невиданное погребальное шествіе было достойное его памяти, торжественное признаніе Нѣмецкими крестьянами великихъ его услугъ и глубокая признательность народа."

Нѣчто похожее происходило на моихъ глазахъ не очень давно у насъ.

Отецъ мой, въ качествѣ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, подписалъ всѣ бумаги, относящіяся до положенія объ освобожденіи крестьянъ, и такимъ образомъ для крестьянъ въ его имени олицетворилось исполненіе воли Государя. Они прозвали его „нашъ попечитель" и приходили толпами къ нашему швейцару спрашивать объ его состояніи, когда онъ былъ при смерти, говоря: „Правда-ли, нашъ попечитель умираетъ? Помоги ему Господь." Полиція такъ распорядилась, что на похороны его не допустили никого изъ простолюдиновъ, къ великому моему сожалѣнію; но въ томъ же году, ѣхавши по Владимірской губерніи, я должна была ждать кареты на станціи Новки. Тутъ-же дожидался одинъ крестьянинъ - промышленникъ и спросилъ у моей горничной, кто ея барыня? Услыхавъ мою фамилію, онъ сказалъ ей: „Громкое имя и доброе; не родственница-ли нашему покойному попечителю?"

На Волыни, два года спустя послѣ кончины отца моего, крестьяне тоже справлялись о моемъ родствѣ и сказали, что они не знали, что батюшка скончался, а у нихъ онъ записанъ былъ въ ихъ памятникахъ, чтобы молиться объ его здравіи.

О другихъ труженикахъ по великому дѣлу Государя они не знаютъ, но подпись отца моего ознакомила ихъ съ его именемъ, и потому благодарность относили къ нему, послѣ Государя.

Такого рода изъявленія чувства, какъ похороны Штейна и какъ вышеописанные случаи у насъ, бываютъ-ли они рѣдки или нѣтъ, все таки дѣлаютъ честь натурѣ человѣческой, и ихъ съ радостію записываешь, какъ утѣшительныя черты среди всепожирающаго эгоизма и неблагодарности окружающихъ насъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФИНИ АНТОНИНЫ ДМИТРІЕВНЫ БЛУДОВОЙ.

ГЛАВА V-я [1])

1831 ГОДЪ.

I. Польскій мятежъ.

Берлинъ.
(30 Марта) 11 Апрѣля 1831 года.

„Сестра пишетъ къ вамъ, что вчера была сильная гроза, а здѣсь гроза въ Апрѣлѣ очень рѣдкое явленіе. Кажется, сама природа участвуетъ въ волканическомъ состояніи человѣческаго духа теперь; только въ природѣ это броженіе производитъ прекрасныя явленія, между тѣмъ какъ у людей они безобразны".

„Что́ касается до этихъ неблагодарныхъ принцевъ, которые такъ радовались нашимъ пораженіямъ, имъ приходится платить 4½ гроша за хлѣбъ, который стоилъ только 2 гроша до войны: потому что всю рожь на здѣшній рынокъ и большую часть хлѣбовъ вообще привозили изъ Польши. Такъ начинаютъ господа Прусаки понимать, что не совсѣмъ для нихъ пріятны послѣдствія тѣхъ событій, которыми они такъ восхищались! Я вамъ уже писала, что король за насъ горой стоитъ, а принцъ Альбрехтъ крѣпко принимаетъ къ сердцу наши дѣла и говорилъ Калмыкову [2]), что, узнавъ о пораженіи Гейсмара, онъ цѣлый день ни пить, ни ѣсть не могъ. Не забыть бы мнѣ передать вамъ bon mot Парижскій: Définition de la liberté en 1831. La liberté consiste à faire aux autres ce qu'on ne voudrait pas qu'ils nous fassent" [3]).

(Какъ это справедливо! Именно такъ понимаютъ свободу).

„Вы знаете, что Себастіани, министръ иностранныхъ дѣлъ, сынъ бондаря (бочара); вотъ о немъ и говорятъ: „M-r Sebastiani se croit un Apollon, parcequ'il est fils de la tonne" [4]).

„Вѣчно смѣются Французы, даже когда должно бытъ имъ не до смѣху! Но пора на урокъ—простите. Антонина".

Матушка писала:

Берлинъ.
(8) 20 Апрѣля 1831 года.

„....Въ пятницу Антуанета и я имѣли честь обѣдать у принца Вильгельма, гдѣ была вся наша Русская колонія. Былъ также Ancillon, который очень уменъ, ученъ и весьма пріятенъ въ разговорѣ; онъ разсказывалъ, между прочимъ, что одинъ его знакомый былъ въ Парижѣ chez Louis Philippe, пашелъ его dans l'embrasure d'une fenêtre, la brochure de Chateaubriand en main; la reine

[1]) См. Р. Архивъ 1873 года, кн. 2-я. Глава эта начинается продолженіемъ переписки между графомъ Д. Н. Блудовымъ и его семействомъ, находившимся въ Берлинѣ. *П. Б.*

[2]) Впослѣдствіи профессору СПбургскаго университета; онъ давалъ принцу Альбрехту уроки Русскаго языка. *П. Б.*

[3]) Переводъ: «Опредѣленіе свободы въ 1831 году: свобода состоитъ въ дѣланіи другимъ того, чего не желательно, чтобы намъ дѣлали.»

[4]) Переводъ: «Господинъ Себастіани воображаетъ себя Аполлономъ, потому что онъ сынъ Ла-тонны (бочки).»

assise près d'une table. On parlait des réformes et des affaires en Angleterre. Le roi s'est approché et a dit: „Je ne crois pas que les constitutions rendent les peuples heureux.“ La reine a répondu avec beaucoup de tristesse: „Je n'en sais rien, mais pour nous, je ne prévois que des malheurs“. [5]) Я нахожу, что она жалка и думаю, что она жалѣетъ о своемъ прежнемъ состояніи: „les grandeurs ne donnent pas le bonheur; que de personnes se trouvent dans ce cas!“...[6])

Здѣсь матушка упоминаетъ объ Ancillon'-ѣ. Мы потомъ его не рѣдко встрѣчали. Онъ былъ тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ. Онъ происходилъ отъ Французскаго Гюгенота изъ подъ Меца; былъ сперва профессоромъ и воспитателемъ кронъ-принца по учебной части и извѣстенъ, какъ писатель. Матушкѣ онъ больше понравился, нежели мнѣ. У него было (для меня, не по сердцу) что́-то учительское, дидактическое и вмѣстѣ деспотическое въ разговорѣ и даже въ наружности; что-то такое, которое такъ рѣзко обозначаетъ многихъ профессоровъ и почти всѣхъ протестантовъ Женевскихъ: у нихъ есть оттѣнокъ сѣрый, безцвѣтный, скучноватый, отъ впечатлѣнія котораго рѣдко кто освобождается и о которомъ очень забавно намекалъ мнѣ гр. П. Д. Киселевъ въ послѣднее наше свиданіе. Онъ говорилъ: Genève est une ville insupportable; son élément c'est l'ennui; l'esprit de Calvin y plâne toujours [7]). Духъ-ли Кальвина витаетъ и надъ Французскими réfugiés après l'édit de Nantes [8]); но замѣчательно, что у этихъ онѣмеченныхъ Французскихъ фамилій въ Пруссіи есть удивительное сходство съ Швейцарцами, Французскихъ кантоновъ. У всякаго Француза много самонадѣянности; но во Франціи они какъ-то мягче обращаются и веселѣе накладываютъ на другихъ иго своего мнимаго превосходства, ихъ самолюбіе снисходительно къ варварамъ; а у Женевскихъ и Берлинскихъ полу-Французовъ спѣсь, всеобъемлющая, въ себя погруженная, игнорируетъ все внѣ себя и давитъ васъ.

Батюшка писалъ намъ:

Петербургъ.
(18) 30 Апрѣля 1831 года.

„Я собирался къ вамъ въ Маѣ; но, можетъ быть, обстоятельства времени, дѣла и особенно одно дѣло Протестантскаго Комитета, для котораго необходимо мнѣ быть въ Петербургѣ, принудятъ меня отложить свою поѣздку до Іюня. Худо зависѣть не отъ одного себя; но кто въ нашъ вѣкъ можетъ считать себя независимымъ? Кто, не исключая и самихъ царей, и самихъ счастливцевъ, наиболѣе благопріятствуемыхъ судьбою, можетъ сдѣлать себѣ какой-нибудь рѣшительный планъ, — я не говорю уже жизни, но даже одного года? Можетъ ли кто, наконецъ, сказать и съ прежнею обыкновенною оговоркою: завтра или послѣ завтра, если буду живъ и здоровъ, то поѣду туда, то или другое сдѣлаю такъ-то? Vivre au jour la journée [9]) было бы недостойно человѣка мыслящаго: покорность волѣ Провидѣнія не должна мѣшать предвидѣнью, по возможности, и разсчетамъ благоразумія; но надобно знать напередъ, что всѣ эти разсчеты не вѣрны и что насъ не обманываетъ одно только будущее, то, которое ожидаетъ человѣка за предѣлами здѣшней жизни или, правильнѣе, жизненныхъ испытаній“.

[5]) Переводъ: (..что одинъ его знакомый былъ въ Парижѣ) «у Луи-Филиппа; нашелъ его въ амбразурѣ окна съ брошюрою Шатобріана въ рукахъ; королева сидѣла у стола; говорили о реформахъ и дѣлахъ Англіи. Король приблизился и сказалъ: «Я не думаю, чтобы конституція дѣлала народы счастливыми». Королева отвѣчала съ большой грустью: «Объ этомъ я ничего не знаю, но для насъ я предвижу только одни несчастія».

[6]) Переводъ: «Великіе титулы не даютъ счастья; сколько людей находятся въ этомъ положеніи».

[7]) Переводъ: «Женева несносный городъ; его стихія—скука; тамъ постоянно паритъ духъ Кальвина».

[8]) Переводъ: «...надъ Французскими переселенцами послѣ Нантскаго эдикта.»

[9]) Переводъ: «Жить день за день».

Петербургъ.
(19 Апрѣля) 1 Мая 1831 года.

„Я писалъ къ тебѣ вчера и пишу опять сегодня (хотя сегодня нѣтъ ни почты, ни курьера) для того, чтобы въ самый день Свѣтлаго Воскресенія сказать тебѣ о новой монаршей къ намъ милости: наша Антуанета пожалована во фрейлины. Князь Волконскій увѣдомилъ меня объ этомъ офиціальнымъ отношеніемъ вчера ввечеру и прислалъ ко мнѣ шифръ, который я надѣюсь доставить къ вамъ съ первымъ Русскимъ курьеромъ. Не знаю, когда мнѣ удастся имѣть счастіе благодарить Государя и Императрицу: послѣ завтра не будетъ поздравленій. Имянины Ея Величества праздновали сегодня вмѣстѣ съ Пасхою и рожденіемъ Наслѣдника, и поздравляли Государыню только дамы за вечерней. Къ заутрени она не выходила, вѣроятно, по совѣту докторовъ, которые боялись послѣдствій сихъ торжественныхъ трудовъ, то есть боялись утомить ее, особенно въ теперешнемъ ея положеніи, какъ сказываютъ".

Я писала къ батюшкѣ:

Берлинъ.
(Апрѣля 30) 12 Мая 1831 года.

„Сегодня, во время урока музыки, мы получили ваше письмо отъ Свѣтлаго Воскресенія, въ которомъ вы пишите, что я пожалована во фрейлины. Нечего и говорить, что это было совершенно неожиданно для меня. Сначала оно показалось мнѣ смѣшно, и братьямъ тоже. Мнѣ казалось, что фрейлина должна быть или старая и серьезная, какъ тетушка Шишкина, или красавица, какъ Урусова, Ярцева и Россети. Какая я фрейлина? Сижу еще за уроками, и куда не красавица! Да и на что мнѣ вензель здѣсь, въ чужомъ краю, когда кровь льется на родинѣ, а иностранцы издѣваются надъ нами? — Но потомъ я порадовалась, видя, какое это дѣлаетъ удовольствіе маменькѣ и miss du Tour — и, я думаю, вѣроятно, и вамъ также. Лидія нашла еще человѣка, котораго этимъ можно порадовать: она меня проситъ показать вензель, когда получится изъ П-бурга, нашему учителю музыки Бергеру, который большой чудакъ и такъ любитъ смотрѣть на брилліанты, что, увидавъ однажды на маменькѣ брилліантовый фермуаръ, онъ просилъ меня давать ему посмотрѣть на него всякій разъ, когда онъ приходитъ на урокъ".

—

Таково было впечатлѣніе на меня этого сюрприза, на который такъ разсчитывала матушка; такое же было дѣйствіе свѣтскихъ увеселеній (les distractions) на здоровье. Иногда было въ самомъ дѣлѣ весело минутами на балѣ или на вечерѣ, но за тѣмъ какая реакція! Какіе порывы необузданнаго, отчаяннаго горя и тоски, преувеличенной, непростительной, но и невольной, болѣзненной, когда мы возвращались домой! Все хорошо въ свое время: молодости должно предоставить волю и просторъ веселиться, смѣяться, радоваться, какъ только въ молодости радуешься, безъ особой причины, безъ предлога, безъ повода, а просто безсознательно радуешься самой молодости своей и всей прелести ея силы и здоровья и безконечнаго, яснаго кругозора, открывающагося передъ нею со всѣхъ сторонъ. Но насильно навязывать радость нельзя ни въ какое время жизни, и слишкомъ часто предписанія врачей и благонамѣренность друзей обрекаютъ на моральную пытку людей, которымъ нужны только покой, молитва и трудъ — эти три ангела-хранителя страждущей души. Въ послѣдствіи, когда мы воротились въ Россію и обстоятельства перемѣнились, я помню, что вензель, пожалованный сестрѣ моей, насъ порадовалъ дѣтски, какъ первые эполеты, полученные юнкеромъ, выдержавшимъ офицерскій экзаменъ. Онъ давалъ Лидіи входъ за кавалергардскую и приглашенія въ эрмитажъ,— и мы уже неразлучно могли выѣзжать ко Двору, между тѣмъ какъ безъ вензеля насъ раздѣлялъ (хотя не часто) этикетъ, а для насъ не быть вмѣстѣ было истинное лишеніе. Въ Берлинѣ же мое придворное званіе не имѣло никакого значенія для меня и,

пошутивъ надъ алмазолюбіемъ Бергера, я въ письмѣ своемъ переходила къ нѣмымъ, но краснорѣчивымъ друзьямъ нашимъ—книгамъ.

„Съ этимъ же курьеромъ (продолжается въ письмѣ) вы получите записки (mémoires) одного Palmieri про Неаполь и Сицилію. Онѣ мнѣ показались забавными. Между прочимъ, онъ говоритъ о Гейтезбюри (sir William A'court), который посломъ въ Петербургѣ и, хваля его, какъ человѣка, осуждаетъ его политику. Я посылаю также всѣ три тома Devereux, которые мы кончили недавно. Я, кажется, писала вамъ, что этотъ романъ слишкомъ сентименталенъ на мой вкусъ, и въ самомъ дѣлѣ онъ таковъ въ началѣ 2-го тома; но остальное очень занимательно, и я не могла побѣдить нѣкоторую національную гордость, не могла не быть глубоко тронута тѣми мѣстами въ книгѣ, гдѣ Бульверъ такъ искренно хвалитъ нашего Петра, котораго все больше и больше люблю и о которомъ тоже читаемъ теперь и пофранцузски въ Исторіи L'Evesque'a. „Какъ ни„чтожны, говоритъ Бульверъ, „въ сравненіи „съ Петромъ, кажутся другіе государи! Они „разрушаютъ царства — царь Русскій созидаетъ Имперію. Нѣтъ во всемірной исторіи „примѣра побѣдъ и завоеваній такихъ обширныхъ, блистательныхъ и важныхъ для міра, „какъ его побѣды. Если бъ сравнить Петра „Великаго и Louis le Grand—какой контрастъ между ними! Оба создатели новой эпохи въ исторіи, оба главные дѣятели въ громадныхъ, великихъ державахъ. Тутъ кончается сходство между ними; за тѣмъ разница во всемъ: грубая простота Петра—роскошное великолѣпіе Людовика; жесткая „строгость законодателя варварскаго народа—милосердіе идола царедворцевъ. Одинъ „изъ нихъ побѣдоносный защитникъ отечества; завоеваніе его прочное, долговѣчное, „справедливое; другой — разоритель завоеваннаго сосѣдняго народа; его побѣды блистательны, обманчивы и безчестны. Съ одной стороны—огонь пожара, не озаряющій „дальше тѣснаго кружка; пламя лишь разрушающее и пожирающее вокругъ себя; съ „другой—свѣтило, котораго огнь безъ ослѣпительныхъ лучей, не разрушающій, а животворящій, создающій цѣлый міръ, имъ „освѣщаемый и просвѣщаемый. Не было, можетъ быть, человѣка, на долю которому досталось столько общечеловѣческихъ слабостей и пороковъ, какъ Петру Великому; однако, признаюсь, когда я увидѣлъ благородное увлеченіе, съ которымъ онъ отбросилъ „далеко отъ себя величіе своего сана, какъ „„ветошь маскарада“, и обратился, какъ „человѣкъ къ человѣку, къ самому малому „равно, какъ къ самому высокому, къ простому „ремесленнику или къ владѣтельному князю, „ко всякому, у кого могъ чему либу научиться, имѣя единственною цѣлью благоденствіе своихъ подданныхъ и понимая, что „единственное средство къ достиженію цѣли „состоитъ въ наукѣ и самопросвѣщеніи, „— признаюсь, что мысленный взоръ мой не „могъ уже замѣчать его слабостей и что „я былъ готовъ преклонить колѣна предъ „нимъ и боготворить этого человѣка, исполненнаго и переполненнаго страстнымъ желаніемъ добра и славы своему народу. О ты, „образецъ и наставникъ монарховъ! Еслибъ „каждый народъ въ каждомъ столѣтіи родилъ „одного такого человѣка, какъ ты: все человѣчество нынѣ бы примирилось съ деспотизмомъ, или все человѣчество было бы нынѣ „свободно. Царямъ стоитъ лишь быть добрыми и любящими, чтобы остаться на вѣки въ сердцахъ людей нѣкими божествами, „благодѣтелями земли. По какой же злой насмѣшкѣ судьбы столько изъ нихъ слѣпыхъ и „глухихъ къ призванію своему и славѣ?“.

„Судя по этимъ и по многимъ другимъ отрывкамъ, мнѣ кажется, что Бульверъ монархическій либералъ, и онъ мнѣ очень нравится“.

Мая (2) 14.

„Калмыковъ сей часъ кончилъ урокъ съ нами и доказывалъ, что не должно вѣрить въ существованіе Муція Сцеволы, Горація Кок-

леса, Рюрика или Олега!!! Хотя сомнѣніе и критическое отрицаніе, можетъ быть, доказательство учености; но я предпочитаю вѣрить этимъ преданіямъ доблести и славы, а отрицать или отвергать только злое и порочное.— Я сказала Калмыкову не трудиться приводить доказательства: они меня не разувѣрятъ".

«Такъ что жъ, что ты Честонъ? Хоть знаю, да не вѣрю».

„Пожалуй, доказывай онъ себѣ, сколько хочетъ: онъ меня не убѣдитъ, потому что я хочу вѣрить великому и прекрасному. Такъ мало angenehmes (пріятнаго) на свѣтѣ, что мы не должны разрушать такія мечты, даже если это только мечты. Есть наслажденіе невыразимое въ созерцаніи и воспоминаніи великихъ и славныхъ дѣлъ! Можно точно сказать словами Бульвера: это праздникъ и успокоеніе для духа нашего (a Sabbath of the mind). Да и почему же Горацій Коклесъ не могъ сдѣлать въ VI вѣкѣ до Христа того же, что̀ нашъ Пестовъ сдѣлалъ на нашихъ глазахъ? [10])"

Въ это время мы уже познакомились хорошо съ Калмыковымъ и очень полюбили его уроки. Онъ, кажется, былъ тогда очень молодой и, оказалось, очень воспріимчивый человѣкъ. Но его смуглое лицо, черные, густые волосы, вьющіеся, можетъ быть, отъ природы, но всегда такъ тщательно причесаные, что казались завитыми или даже парикомъ, и что-то сдержанное, почти чопорное въ его обращеніи — все это придавало ему наружность холодную и серіозную человѣка среднихъ лѣтъ, и онъ намъ казался старымъ и безжизненнымъ; только глаза иногда измѣняли ему и загорались молодымъ, живымъ участіемъ къ предмету разговора или преподаванія. Когда онъ успѣлъ внушить къ себѣ достаточное высокопочитаніе, какъ къ учителю, онъ оживился, и наши уроки Русской словесности и исторіи стали увлекательны для насъ, какъ съ нашимъ восторженнымъ Телешевымъ; и опять споры о любезныхъ историческихъ лицахъ занимали насъ и оживляли разговоръ во время обѣда, или раннимъ вечеромъ послѣ уроковъ.

Изъ Русскихъ студентовъ мы видали Рѣдкина, только не часто, а въ церкви и по праздникамъ. Неволина я совсѣмъ не помню, такъ что, полагаю, онъ куда-нибудь уѣхалъ въ другой университетъ. Еще близко познакомились мы съ студентомъ Платоновымъ, который давалъ уроки Греческаго языка моимъ братьямъ и былъ полнѣйшимъ контрастомъ Калмыкову. Большаго роста, долговязый, онъ и одѣвался небрежно, и держался непринужденно — такъ сказать спустя рукава; но онъ весь былъ полонъ жизни, силы, веселости, и во всемъ съ головы до ногъ Русскій. Голосъ у него былъ — славный басъ, и онъ имъ поддерживалъ маленькій хоръ, устроенный студентами на клиросѣ посольской церкви. Не помню, чтобы братья мои жаловались на тоску отъ Греческаго языка, какъ слышу теперь жалуются, и потому думаю, что Платоновъ хорошо преподавалъ. Во всякомъ случаѣ мы его любили за его откровенность, доброту и любовь къ наукѣ, хотя мы съ сестрою знали его гораздо меньше, потому что онъ занимался только съ братьями. Калмыкову же я много обязана и знаніемъ Русскаго языка, и любовью къ словесности вообще. Онъ много заставлялъ меня писать и всегда сочувственно относился и съ пользою для меня критиковалъ мои весьма ребяческія произведенія. Все это было очень наивно и безъ всякаго понятія о правилахъ искусства, но оно оказалось гораздо бо́льшимъ и вѣрнѣйшимъ развлеченіемъ, нежели всѣ балы и вечера, на которые медики возлагали свои надежды. Конечно эти часы уединенія въ крошечной комнаткѣ, въ которой было мѣсто только для стола туалетнаго и маленькаго письменнаго стола, да для двухъ стульевъ и которая называлась моей комнатой (мы обѣ сестры спали въ одной комнатѣ съ матушкой),—эти часы были лучшіе въ моей тогдашней жизни, и я такъ сжилась и сдружилась съ дѣйствующими

[10]) Увы! Я никакъ не могу припомнить, о какомъ подвигѣ я упоминала въ этомъ письмѣ.

лицами, вычитанными мной въ повѣстяхъ или романахъ, что я, такъ сказать, уходила къ нимъ отъ тягости ежедневныхъ заботъ и забывала усталость душевную и тревогу дурныхъ вѣстей изъ арміи и Варшавы.

Матушка писала:

Берлинъ.
(3) 15 Мая 1831 года.

„Въ пятницу я провела вечеръ у гра-ни Гольцъ съ Антуанетой, видѣла многихъ; но мы здѣсь никакихъ достовѣрныхъ извѣстій не имѣемъ изъ арміи: то говорятъ въ нашу пользу (но довольно рѣдко), то въ пользу мятежниковъ, которыхъ здѣсь любятъ. — Наши Русскіе бѣсятся на главнокомандующаго, что такъ долго нѣтъ конца, и нашихъ перебили безъ всякой пользы. Я только что слушаю, да молчу и надѣюсь на Бога; но положеніе мое незавидное: грустно, скучно, — что́ будетъ съ нами, чѣмъ все кончится? Къ тому, еще вчера мнѣ сказалъ министръ внутреннихъ дѣлъ Schuckmann, что холера все приближается къ Прусской границѣ, и сдѣланы оцѣпленія; но ужъ другіе говорятъ, что и здѣсь начинается,—это площадные слухи. А сегодня одна дама была у меня, которой сказали, что будто всѣ Мансуровы больны рвотой; слѣдственно полагаютъ, что у нихъ холера. Но это вздоръ: я заѣзжала узнать о здоровьи генерала; онъ съ Свѣтлаго Воскресенья боленъ лихорадкою, которая здѣсь въ воздухѣ. Здѣсь есть еще болѣзнь, которую называютъ influence: это лихорадка съ болью въ ушахъ, глухотою и кашлемъ“...

Мансуровъ, о которомъ упоминается здѣсь, былъ тогда военнымъ агентомъ при Берлинскомъ Дворѣ и такъ сказать — безсмѣннымъ, по домашнимъ обстоятельствамъ. Онъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ своей (княжнѣ Трубецкой), т. е. въ недозволенной по каноническимъ правиламъ степени родства для брака. Кто-то подалъ на него доносъ въ Св. Синодъ. По тогдашнимъ законамъ, его вызывали на церковный судъ, и онъ въ неявкѣ могъ оправдаться только обязательнымъ пребываніемъ по службѣ за границей. Расторгнуть или уничтожить бракъ Синодъ не можетъ, не выслушавъ обѣ стороны, обоихъ супруговъ; слѣдовательно, пока не являлся обвиненный, доносъ лежалъ на полкѣ; а по закону тогдашнему, если одинъ изъ супруговъ умиралъ прежде расторженія брака, то всякое о немъ дѣло прекращалось, и бракъ, и его послѣдствія, т. е. дѣти, оставались законными. Такимъ образомъ Мансуровы очутились изгнанниками изъ Россіи; а между тѣмъ они были ревностные Русскіе, даже Москвичи, особенно она. Я помню, что матушка сказывала про нее, какъ тосковала она по родинѣ, находя одно утѣшеніе въ своемъ ребенкѣ, котораго, кажется, кормила сама. Хотя она была еще молодая женщина и очень свѣжая, но не красивая; не знаю почему, она мнѣ казалась слишкомъ старою и почтенною, чтобъ быть съ нею на ровной ногѣ; и хотя она часто ѣзжала къ намъ, но все разговаривала съ матушкой, а я ея почти не знала. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, она потеряла мать (или отца), и къ ней пріѣхала сестра, княжна Александра Ивановна Трубецкая, гораздо моложе ея, высокая, стройная, хорошенькая; такая блѣдная въ своемъ черномъ платьѣ, такая убитая горемъ, что мы съ нею съ перваго же раза подружились и очень были коротки во все время нашего пребыванія въ Берлинѣ. Она первая Московская барышня, съ которой я познакомилась. Ея простота въ обращеніи, живость, какая-то ласковая откровенность и способность пристраститься къ дѣлу или лицамъ — очень пришлись мнѣ по сердцу. Все же есть жизнь въ этой страстности, хотя и слишкомъ хлопотливой, можетъ быть и ажитированной. Если съ лѣтами такое свойство не уляжется, оно становится пустымъ и тягостнымъ и дѣлаетъ изъ мухи слона, только чтобъ имѣть предлогъ для хлопотливости; но когда молодость кипитъ и перекипаетъ чувствомъ, оно умѣстно, и его пріятно видѣть.

Какъ въ самомъ городѣ Москвѣ, такъ и

въ типѣ молодыхъ Московскихъ дѣвушекъ есть что́-то деревенское, свѣжее, непринужденное и словоохотливое, отличающее ихъ отъ Петербургскаго beau-monde (высшаго общества) который смотритъ на это нѣсколько свысока, какъ на провинціализмъ.

Кромѣ Мансуровыхъ, эту зиму провели въ Берлинѣ еще два семейства Русскія: Бутурлины Дмитрій Петровичъ съ женою и тещею Комбурлей и графъ Бутурлинъ, женатый на полу-Полькѣ, полу-Итальянкѣ Понятовской, не изъ рода короля Станислава, а отъ пріѣзжаго, какъ говорятъ, Итальянца, купившаго или иначе пріобрѣтшаго часть имѣній Понятовскихъ. Графиня Бутурлина и братъ ея Цезарь (César) были такіе смуглые красавцы, такого южнаго типа, что никакъ не могли быть чисто-Польскаго происхожденія; но обаяніе названія королевской родни, разумѣется, увлекло ихъ къ ополяченію, хотя и Цезарь, и Августъ (другой братъ) Понятовскіе никогда не вмѣшивались ни въ заговоры, ни въ интриги противъ Россіи. За то Римскій католицизмъ гр. Бутурлиной былъ самый непреклонный, и въ этомъ отношеніи мужъ ея былъ совершенно ея слугою, или служкою ея духовниковъ. Такъ какъ еще мать графа перешла въ Латинскую церковь, то увѣряли, что она и выбрала ему невѣсту, которая бы стерегла его отъ возврата въ Православіе и крестила бы дѣтей обливанцами. Она его и въ царскіе дни въ нашу церковь не пускала. Это-то фальшивое положеніе извѣстнаго, но не признаннаго отступленія отъ Русской церкви стѣсняло и отношенія графа Бутурлина съ Русскими гораздо болѣе, нежели національность его жены, весьма милой, тихой, совершенно преданной семейству и воспитанію дѣтей. Не вмѣшиваясь въ политическія распри, она очень мало выѣзжала въ свѣтъ. Мужъ, напротивъ, много и охотно танцовалъ, и такъ какъ онъ былъ полный и маленькаго роста, а нѣкоторыя фрейлины принцессъ очень рослыя, то молодые люди часто забавлялись этимъ контрастомъ, и не одна карикатура появлялась въ альбомахъ на его танцы, особенно мазурку.

Другой генералъ Бутурлинъ (Дмитрій Петровичъ) слишкомъ извѣстенъ, чтобы много о немъ говорить. Въ то время онъ былъ еще среднихъ лѣтъ, очень оживленный, пріятный и остроумный въ разговорѣ, хотя—часто рѣзокъ и желченъ. Сперва меня привлекала къ нему его авторская репутація. Я всегда слышала, что его называли въ шутку Boutourline-Jomini, потому что онъ написалъ военную исторію кампаніи 1812 года. Потомъ я съ нимъ очень подружилась. Мы продолжали часто и пріятельски видѣться потомъ въ П-бургѣ, гдѣ у нихъ бывали очень блистательные балы и вечера. Дмитрій Петровичъ до самой смерти остался остроумнымъ и увлекательнымъ собесѣдникомъ, съ которымъ я всегда охотно встрѣчалась, хотя въ 1848 году батюшка и онъ совершенно разошлись въ мнѣніи на счетъ цензуры. Было ли это уже что-то болѣзненное у Бутурлина [11]), или врожденная рѣзкость и деспотизмъ характера (которые неоспоримо существовали въ немъ), но онъ доходилъ до такихъ крайнихъ мѣръ въ этомъ отношеніи, что иногда приходилось спросить себя: не плохая ли это шутка? Напримѣръ, онъ хотѣлъ, чтобы вырѣзали нѣсколько стиховъ изъ Акаѳиста Покрову Божіей Матери, находя, что они революціонны. Батюшка сказалъ ему, что онъ такимъ образомъ осуждаетъ своего собственнаго ангела, Святаго Дмитрія Ростовскаго, который сочинилъ этотъ акаѳистъ и никогда не считался революціонеромъ; преосвященный же Иннокентій только поповилъ въ этомъ акаѳистѣ, такъ сказать, слогъ устарѣвшій. — „Кто бы ни сочинилъ, тутъ есть опасныя выраженія“, отвѣчалъ Бутурлинъ [12]). — Вы и въ Евангеліи встрѣтите выраженія, осуждающія злыхъ

[11]) Онъ вскорѣ умеръ.

[12]) Вотъ эти, по его мнѣнію, «опасныя» мѣста: «Радуйся, незримое укрощеніе владыкъ жестокихъ «и звѣронравныхъ..... Совѣты неправедныхъ князей «разори; зачинающихъ рати погуби», и пр. и пр.

правителей, сказалъ мой отецъ. — „Такъ чтожъ? возразилъ Дмитрій Петровичъ, переходя въ шуточный тонъ: „еслибъ Евангеліе „не было такая извѣстная книга, конечно, „надобно бъ было цензурѣ исправить ее.“

Въ странномъ чаду 1848 и 1849-го гг. преосвященный Иннокентій былъ особенно не любимъ людьми, боявшимися прессы. Отчасти это было по случаю одной проповѣди, или бесѣды, сказанной имъ Вологодской паствѣ въ его молодости. Въ этой бесѣдѣ точно находилось нѣсколько словъ вполнѣ христіанскихъ, излившихся изъ сердца, въ порывѣ любви и заботы о бѣдныхъ людяхъ, въ одну особенно суровую зиму, въ неурожайный годъ. Но эти слова было неосторожно говорить при Русскихъ людяхъ, которые считаютъ рубку и покражу лѣса совсѣмъ не за грѣхъ. Эти слова приблизительно такія (книги нѣтъ у меня теперь подъ рукой): обращаясь къ владѣльцамъ лѣсовъ, онъ взывалъ къ нимъ, умоляя надѣлить топливомъ несчастныхъ братьевъ, не скупиться этимъ лѣсомъ, который Богъ народилъ безъ человѣческаго труда и работы, этими деревьями, которыя сами обсѣменяются и сами размножаются, на которыхъ не положено клейма съ именемъ такого-то или другаго хозяина. Кто-то усердный человѣкъ умѣлъ найти эти старыя проповѣди, прочитать ихъ и отмѣтить эти слова. Всѣ тогдашніе цензоры и оберъ-цензоры порѣшили относительно преосвященнаго Иннокентія за разъ: — „Онъ опасный коммунистъ.“ Вслѣдствіе этого и князь Менщиковъ, нѣсколько лѣтъ спустя, на большомъ обѣдѣ, гдѣ онъ сидѣлъ подлѣ преосвященнаго, хотѣлъ его подразнить.

„Знаете-ли, сказалъ онъ, что увѣряютъ, „будто вы проповѣдуете коммунизмъ?“

— „Я человѣкъ не свѣтскій, отвѣчалъ Иннокентій: я не знакомъ съ вашими новыми ученіями. Чему учитъ коммунизмъ?“

— „Это ученіе легко объяснить въ четырехъ словахъ, сказалъ съ своей обычной насмѣшливой улыбкой Меньщиковъ: все что́ твое—мое!“

— О! въ такомъ случаѣ мы совершенно расходимся, возразилъ архіепископъ. Я учу: все что́ мое—твое! Это ученіе Христа.“

Однако все это новѣйшая исторія (хотя и она стара) въ сравненіи со временемъ въ Берлинѣ, къ которому относятся наши письма. Тогда Бутурлинъ и всѣ мы негодовали на нападки газетъ, но негодовали тоже на преслѣдованія либеральнымъ Французскимъ правительствомъ всѣхъ оппозиціонныхъ журналистовъ, которыхъ безпрестанно сажали въ тюрьму. Правда, что они были безпощадны для Людовика-Филиппа и часто очень остроумно осмѣивали его,—а во Франціи осмѣять человѣка или систему, значитъ погубить. „Фонарь“ (la Lanterne) Рошфора, который казался такъ забавенъ нынѣшнему поколѣнію, ничто иное, какъ повтореніе съ другими собственными именами пасмѣшекъ Figaro, La Silhouette и La Mode того времени. Скоро Béranger къ нимъ присталъ съ своими пѣснями и плачемъ о военной славѣ Франціи; и такимъ образомъ всѣ эти партіи, ненавидящія и другъ друга, и Орлеановъ, накликали на Францію Наполеона III. Такой развязки, конечно, никто не ожидалъ изъ насъ Русскихъ, больше всего занятыхъ, впрочемъ, и раздраженныхъ полонофильствомъ, быстро развивавшимся даже въ придворномъ обществѣ Берлина.

Около этого времени пріѣхало еще Русское семейство: княг. Нат. Ив. Голицына съ молодой родственницей, княжною Даріей Андреевной Ухтомской. Княжна Доли, какъ ее звали, была однихъ или почти однихъ лѣтъ со мной; средняго роста, очень стройная, съ тоненькой таліей, русыми локонами и прекраснымъ, большимъ голосомъ, но очень дурна лицомъ. Впрочемъ было много живости, доброты и откровенности въ ея выраженіи, когда она говорила. Она была такая веселая и свѣжая, что общее впечатлѣніе было пріятное, даже и по наружности. Она послѣ вышла замужъ за сына кн. Голицыной, Валеріана. Я въ Москвѣ чрезъ 35 лѣтъ нашла ее уже вдовою, и наши пріятельскія отно-

шенія молодости скоро возобновились тѣснѣе и ближе. Къ глубокому прискорбію моему, она скончалась прошлаго года. Всѣ, кто ее близко знали, любили и уважали ее. Она была въ полномъ смыслѣ христіанка, въ отношеніяхъ семейныхъ, дружескихъ и общественныхъ, и до послѣдняго дня своей жизни сохранила ту же пылкую любовь къ Россіи, которая мнѣ приходилась такъ по сердцу въ 1831-мъ году. Княгиня Голицына пріѣхала на встрѣчу другаго сына—Леопида Михайловича, который былъ раненъ въ Гроховскомъ сраженіи. Въ арміи ему хотѣли отнять раненую руку, но онъ не согласился, заупрямился и пробрался черезъ Прусскую границу въ Берлинъ къ Грефе, который, послѣ долгаго лѣченія, наконецъ, вылѣчилъ его совсѣмъ, и онъ остался живъ, здоровъ и съ обѣими руками. Это не единственный примѣръ на моихъ глазахъ, какъ опрометчиво хирурги рѣшаются на ампутацію не нужную и слѣдовательно ужасно вредную. Теперь, кажется, и самъ Пироговъ это сознаетъ.

Леонидъ Голицынъ, пылкій, веселый, Русскій по привычкамъ, чувствамъ и воспитанію, разумѣется, сталъ у насъ домашнимъ человѣкомъ, и съ нимъ и кн. Сергіемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ мы видѣлись почти ежедневно: кто получитъ письмо изъ Россіи, прибѣжитъ сказать вѣсти матушкѣ, а въ нашъ почтовый день, она имъ сообщаетъ.

*

О, люди! Жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха,
Друзья минутнаго, поклонники успѣха!

Наши неудачи и раздутые молвою Wilhelmstrasse [13]) успѣхи Поляковъ, наконецъ, сдѣлали поворотъ во всемъ Берлинѣ противъ насъ. Забыли, что Познань такая же часть бывшей Польши, или, лучше сказать, самоувѣренно полагали, что съумѣютъ ее удержать, что она уже довольно онѣмечена, и массы преданы правительству. Наконецъ извѣстный стихъ Французской комедіи: oh! moi, c'est autre chose [14]), бываетъ восклицаніемъ и цѣлыхъ обществъ. Имъ казалось: какъ Пруссіи не справиться? Русскіе глупы и безъ талантовъ; солдаты умираютъ всѣ героями, но генералы сумасшедшіе, а офицеры невѣжи и дураки. Такія вещи говорились намъ почти въ глаза (разумѣется не мужчинами, а дамами). Княжна Доли, Голицынъ и я кипѣли, какъ самовары; самъ Долгорукій, не мѣняя своего спокойнаго вида, уже не имѣлъ духа подмѣчать смѣшную сторону всѣхъ этихъ дрязгъ, и мы всѣ (т. е. молодежъ) возненавидѣли Берлинъ. Впрочемъ Голицынъ раздѣлялъ мнѣніе на счетъ нашихъ генераловъ: онъ считалъ Дибича рѣшительно помраченнымъ въ умѣ, а объ Нейдгардтѣ и Толѣ не зналъ, что́ и думать. Какъ ни толкуй, но дѣло Гроховское остается и теперь загадкою. Голицынъ, бывшій самъ въ сраженіи (не помню чьимъ адъютантомъ) сто разъ говорилъ намъ, что сраженіе было вполнѣ выигранное. Поляки, на голову разбитые, спасались бѣгствомъ къ стѣнамъ города; Прага не могла защищаться серіозно. Въ самое это время подошелъ Шаховскій (если не ошибаюсь) съ цѣлой гренадерской дивизіей. Нетронутыя, свѣжія, отличныя войска кинулись за непріятелемъ съ „ура,“ скорымъ шагомъ, съ увлеченіемъ, какъ говорили старые служаки „по суворовски“. Вдругъ фельдмаршалъ, поговоривъ нѣсколько минутъ съ гр. Толемъ и Нейдгардомъ, велѣлъ остановить движеніе и возвратить гренадерскую дивизію въ лагерь. Извѣстно, что за симъ мы ретировались передъ готовыми къ сдачѣ Поляками, изумленными не менѣе Русскихъ тѣмъ, что́ происходило. Никто не можетъ серіозно сомнѣваться въ вѣрности этихъ генераловъ; но у всѣхъ троихъ, какъ нарочно, случились Нѣмецкія имена, и въ арміи слухъ прошелъ объ измѣнѣ. Наконецъ еще рѣшительная побѣда подъ Остроленкою, блистательная аттака

[13]) Палаца Радзивиловъ.

[14]) Стихъ комедіи L'école des vieillardes: «О! я—это другое дѣло».

Мейендорфа съ его кирасирами, обрадовали насъ, подняли духъ и заставили-было молчать Радзивиловскій кружокъ и Берлинскихъ бюргеровъ. И чтоже? Опять штабъ фельдмаршала рѣшилъ не преслѣдовать непріятеля, не идти прямо на Варшаву. Это было новое, тяжелое испытаніе для насъ, горсти Русскихъ, среди иностраннаго общества, склонявшагося и такъ скорѣе на сторону нашихъ противниковъ, чѣмъ на нашу.

Письма наши всѣ дышатъ настроеніемъ тогдашнимъ и лучше, вѣрнѣе и живѣе всякаго разсказа передаютъ положеніе Русскихъ и то недоброжелательство къ Россіи, которое, не смотря на вліяніе короля, принцевъ, старыхъ военныхъ 13-го года и большей части военной молодежи, даже въ Пруссіи существовало тогда, а въ остальной Европѣ подавно. Нѣтъ! Что ни дѣлай, какъ ни вертись, есть что-то неуловимое въ духѣ западнаго строя, которое только тогда обращается къ намъ съ сочувствіемъ, когда видитъ несомнѣнное проявленіе силы,—силы духа и силы матеріальной. Не оттого Европа рукоплескала освобожденію крестьянъ, что дѣло само по себѣ великое, человѣчное, справедливое, христіанское и широко, по-царски и по-русски, сдѣлано съ обезпеченіемъ землею цѣлыхъ милліоновъ народонаселенія; а потому, что совершилось оно такъ спокойно и что почуяли огромную силу Того Правителя, Который могъ, безбоязненно, перекрестясь, однимъ Своимъ словомъ совершить всецѣлый переворотъ въ Своемъ краѣ, радикальную, соціальную революцію, эту задачу, неразрѣшимую въ Европѣ, гдѣ не хватаетъ на нее взаимной между правителями и подданными вѣры, любви и смиренія. Послѣдняя добродѣтель самая христіанская, кажется, непостижима для духа древняго язычества, обоготворявшаго человѣка и природу, оставившаго стремленіе къ апооеозису и въ послѣдователяхъ Новаго Завѣта, въ которомъ, напротивъ, самъ Богъ, вочеловѣчась, смирилъ Себя до смерти, смерти крестныя.

Справедливо говорятъ, что восточные необразованные народы почитаютъ одну лишь силу, и ихъ надобно держать только страхомъ. Но врядъ ли не тоже нужно съ высокообразованными народами Запада. Жаждущіе въ своей цивилизаціи всегда неограниченной свободы личной, они все-таки почитаютъ и уважаютъ одну только силу и въ своемъ правительствѣ, и въ международныхъ сношеніяхъ. Сила и успѣхъ—вотъ единственныя гарантіи Россіи отъ иностранцевъ, разумѣется не одни матеріальные, но и успѣхи умственные.

Батюшка писалъ намъ:

С. Петербургъ.
25 Апрѣля (7 Мая) 1831 года.

„Письма нашихъ мальчиковъ къ Великому Князю Наслѣднику я имѣлъ счастіе вручить Его Высочеству лично 21-го Апрѣля. Онъ ихъ принялъ съ Своею обыкновенною милою ласкою. Прости; здѣсь новаго кромѣ сраженія, въ которомъ отличился корпусъ графа Палена, еще только полученное сегодня извѣстіе, что Дверницкаго выгнали изъ Волыни и что Австрійцы посадили его со всѣмъ корпусомъ въ карантинъ, вѣроятно, боясь холеры. Не худо бы, еслибы было возможно учредить особые карантины для матежниковъ и вообще всѣхъ промышляющихъ революціями, entrepreneurs de révolutions. Но отъ этой болѣзни и лѣчиться, и предохранять себя еще труднѣе, нежели отъ холеры, или и самой чумы“.

*

С. Петербургъ.
26 Апрѣля (8 Мая) 1831 года.

.....„Нынѣшнее утро я благодарилъ Императрицу за пожалованіе Антуанеты вофрейлины. Государя, какъ ты знаешь, я имѣлъ счастіе благодарить уже прежде. Сегодня онъ приказалъ мнѣ сказать, что приметъ меня особо въ другое время. Государыня милостиво спрашивала меня о васъ: въ Берлинѣ ли вы, не скучно ли вамъ было зимою и не собираетесь ли вы ѣхать къ какимъ-нибудь минеральнымъ водамъ?..... Кстати о д-рѣ Грефе: посовѣтуй-

ся съ нимъ и съ другими достойными уваженія и вѣры людьми, нельзя ли въ Берлинѣ, или и другомъ мѣстѣ найти, хорошаго, надежнаго по своимъ знаніямъ, а особливо же по характеру и нравственности, гувернера для нашихъ мальчиковъ? Мнѣ хотѣлось бы привести его сюда вмѣстѣ съ Андрюшей и Вадимомъ. Ты видишь изъ этого, что я все собираюсь и надѣюсь быть у васъ нынѣшнее лѣто; однакожъ, какъ нѣтъ въ мірѣ ничего вѣрнаго, то хочу на дняхъ послать къ тебѣ деньги, которыя думалъ привести съ собою, особливо ежели курсъ не дуренъ; и по той же причинѣ, что теперь ничего нѣтъ вѣрнаго, что теперь можно бояться банкротства и самыхъ богатыхъ купцовъ, совѣтую тебѣ, получивъ мои векселя, тотчасъ промѣнять ихъ на деньги и положить этотъ маленькій капиталъ въ Государственный Прусскій Банкъ, не для процентовъ, а для безопасности".

Батюшка до конца сохранилъ привычку, которую и мнѣ передалъ: не держать депегъ у себя, даже небольшія суммы, а брать изъ банка по мѣрѣ надобности; опъ находилъ, что это безопаснѣе для значительныхъ суммъ, а для небольшихъ избавляетъ отъ искушенія домашнихъ и не-домашнихъ, имѣющихъ свободный доступъ во внутреннія комнаты.

Матушка отвѣчала:

....„Я еще о гувернёрѣ не спрашивала, потому что ты не говоришь, изъ какой націи ты хочешь его выбрать. Я думаю не Француза, а Нѣмца; думаю также, что и Швейцарцы теперь не очень надежны. Дай мнѣ знать; тогда я буду освѣдомляться и спрашивать".

„О Дверницкомъ мы слышали уже недѣлю, но все разпое; теперь говорятъ, что онъ и все его войско взяты въ плѣнъ Австрійцами, а оружіе и багажъ сданы намъ; не знаю, правда-ли".

„Новости у насъ, что пріѣхала вдовствующая королева Баварская [15]), которая, говорятъ, не будетъ принимать представленій; а я очень бы желала ее видѣть вблизи: говорятъ, что она очень напоминаетъ Императрицу Елизавету Алексѣевну. По крайней мѣрѣ мы ее увидимъ въ Воскресенье въ оперѣ, если достану ложу; будутъ давать Le siège de Corinthe (Осада Коринѳа) Россини".

Это была одна изъ послѣднихъ оперъ Россини, писанная для Французской сцены прежде Вильгельма Теля; она, кажется, вышла изъ репертуара всѣхъ театровъ; можетъ быть, оттого, что на Итальянской сценѣ не удаются оперы, гдѣ нѣтъ блистательной роли для примадонны, а здѣсь болѣе хоровъ и morceaux d'ensemble, чѣмъ арій. Музыка этой оперы отличается искусствомъ Россини охранять и ограждать голосъ отъ шума оркестра, а также прелестью неистощимой свѣжести мелодій. О Россини можно сказать: „Er singet, wie der Vogel singt", поетъ, какъ птица. И что́ ни говори, Итальянцы правы, полагая, что человѣческій голосъ есть первый и лучшій нерукотворный музыкальный инструментъ, который нужно поддержать и пополнить нашими инструментами, а не заглушать его и не истощать ученой инструментовкой и громадою шумной гармоніи; ее бы должно предоставлять собственно-инструментальной музыкѣ, той, которой задача передавать неопредѣленныя, неясныя движенія—скорѣе духа, нежели сердца человѣка, со всею тревогою, сомнѣніями и неразгаданными имъ самимъ влеченіями къ неизвѣстному, непонятному, непостижимому. Мнѣ кажется, что пѣвучіе народы, какъ Итальянцы, Русскіе (вообще Славяне), должны бы особенно держаться мелодіи и сочинять для голоса, предоставляя Нѣмцамъ, какъ болѣе способнымъ къ умственнымъ задачамъ вообще и рѣдко одареннымъ хорошими голосами, заниматься одной гармоніей, исключая все свѣжее, дѣтское, личное, spontané, въ человѣкѣ, когда чувства сердца, не спросясь, ни разума, ни науки, просятся наружу и изливаются невольно и радостно, или заунывно и задумчиво, въ пѣснѣ. Такъ понимали оперу Глюкъ, Моцартъ и Веберъ (въ своемъ Frei-

[15]) Она была сестра Императрицы Елизаветы Алексѣевны, супруги Александра Павловича.

chütz'-ѣ). Самъ Вагнеръ иногда забывается и вдругъ напишетъ прекрасную мелодію. Но наши рецензенты не забываютъ своей темы. Вообще въ нашемъ либеральномъ вѣкѣ общее мнѣніе деспотически налагаетъ тяжелое бремя на публику. Впрочемъ нашъ вѣкъ полно либеральный-ли? Какъ бы то ни было, „Осада Коринѳа“ шла великолѣпно въ Берлинѣ, и въ ней, совершенно необычный для Россини оттѣнокъ грусти имѣлъ особую прелесть для меня; а самый сюжетъ оперы (война Магомета II съ Турками) возбудилъ всѣ дѣтскіе восторги 20-хъ годовъ и дорогихъ намъ именъ: Боцариса, Колокотрони, Хаджи-Петроса, лорда Байрона. Опера эта, въ самомъ дѣлѣ, была писана подъ вліяніемъ этихъ событій и Морейской экспедиціи и вмѣстѣ съ Вильгельмомъ Телемъ заканчивала блистательную карьеру Россини и блистательный сценическій періодъ реставраціи.

*

...„Вчера былъ большой парадъ (продолжаетъ матушка) и, сказываютъ, по окончаніи онаго народъ окружилъ короля и кричалъ: „ура“. Хотѣлъ отпрячь лошадей и везти его на себѣ, но онъ никакъ не дозволилъ. Завтра и послѣ завтра будутъ манёвры въ Шпандау; говорятъ, войска прекрасныя“.

Батюшка писалъ:

С. Петербургъ.
(5) 17 Мая 1831 года.

„Завтра отсюда отправляется первый Русскій пароходъ (изъ новопостроенныхъ). На немъ ѣдетъ жена доктора Симона, того, который былъ въ чужихъ краяхъ съ сыномъ Донауровой и служилъ въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія. Онъ мнѣ предложилъ что-нибудь послать съ его женою, ибо она думаетъ изъ Любека немедленно ѣхать въ Берлинъ; и я рѣшился ввѣрить ей отъ себя четыре книжки Московскаго журнала „Телескопъ“. Въ трехъ книжкахъ „Телескопа“ есть—какъ мнѣ сказывалъ Жуковскій—хорошенькая сказка Погодина: „Васильевъ вечеръ“, а въ послѣдней—его же замѣчательная статья о Польшѣ. Прочти эти книжки и потомъ, если можно, дай ихъ читать дѣтямъ....“

Я писала батюшкѣ:

Берлинъ.
(25) 13 Мая 1831 года.

„Я не разсказала вамъ, что duc de Nemours, второй 16-ти лѣтній сынъ Louis Philipp'a, есть одинъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Генриха V-го. Онъ сказалъ отцу, что, присягнувъ Карлу X, онъ не понимаетъ, какъ можно освободиться отъ этой клятвы; что престолъ принадлежитъ Генриху V, и онъ (Nemours) его подданный, а Louis Philippe похититель престола. Говорятъ, что съ большимъ трудомъ заставили его молчать и присягнуть королю Французовъ. Когда братъ его, Орлеанскій (бывшій Шартрскій), объявилъ, что ему рѣшительно предлагаютъ корону Бельгійскую: „Je n'en veux pas!“ (я не принимаю ея!) отвѣчалъ онъ. Такъ-то Богъ правды наказываетъ счастливыхъ преступниковъ, и герцогъ Орлеанскій всегда имѣетъ передъ глазами своего молодаго сына, чистаго сердцемъ и вѣрнаго присягѣ, который, гнушаясь преступленіемъ измѣнника, удержанъ отъ исполненія гражданскаго долга только лишь сыновнимъ долгомъ къ отцу; а между тѣмъ королева не перестаетъ плакать о погибели счастія и добродѣтели мужа. Такъ Кромвель не находилъ спокойствія въ своей семьѣ, каждый членъ которой имѣлъ политическія правила, совершенно противныя его властолюбію“ [16]).

...„Я уже давно собиралась и все забывала передать вамъ bon mot Берлинскаго Eckensteher'a. Разъ кто-то на улицѣ стоялъ безъ картуза. „Надѣвай же скорѣе шапку“, сказалъ ему товарищъ: того гляди, что Бель„гійцы натиснутъ тебѣ на голову свою ко„рону“.

---

[16]) Замѣчательно, что въ минуту неописаннаго паническаго страха, овладѣвшаго Луи-Филиппомъ и его семействомъ, 24 Февраля 1848 года, одинъ герцогъ Немурскій сохранилъ хладнокровіе.

Вообще шутки, называемыя Berliner-Witz, всегда приписывали Eckensteher-амъ (уличнымъ коммисіонерамъ).

*

Берлинъ.
(17) 29 Мая 1831 года.

„Въ политикѣ новое такъ похоже на прежнее, что кажется старымъ; только и разговору, что про наши пораженія. Придется ждать новой кампаніи, да особенно блистательной, чтобы загладить стыдъ нашъ. Слыханное-ли дѣло? Цѣлый батальонъ Русскій положилъ оружіе. Ахъ! Это могло случиться только при командирахъ Нѣмцахъ! Здѣсь увѣряютъ, будто-бы N** сказалъ разъ королю Прусскому: „Съ Русскими солдатами и Прусскими офицерами можно весь міръ завоевать“. Теперь мы видимъ доказательство, какъ ошибочно это мнѣніе. Хороши наши завоеванія! Когда исправимся мы отъ этого глупаго уничиженія, съ которымъ мы устраняемъ все Русское, какъ посредственное, или низкое и негодное? Какъ должны унывать въ П-бургѣ, и какъ Государь долженъ страдать! Полякъ въ Бѣлостокѣ! Перо отказывается писать такой срамъ. Прощайте. Эти извѣстія меня взбѣсили до слёзъ. Такія событія возбуждаютъ во мнѣ какую-то Спартанскую жестокость, и право, кажется, мнѣ бы легче было слышать, что всю гвардію перерѣзали, нежели что она обезчестила себя такимъ образомъ“.

Я теперь рѣшительно не могу вспомнить, къ чему это относилось; все-ли это было несчастное дѣло Гейсмара, или какое-нибудь ложное извѣстіе, не припомню.

Матушка писала отъ 20 Мая (1 Іюня):

...„Нашъ Русскій Богъ еще милостивъ до насъ: сегодня присланъ изъ Варшавы эстафетъ къ Прусскому консулу, что мятежниковъ побили, взяли Остроленко, и они (т. е. мятежники) бѣгутъ къ Пултуску. Что это правда, я надѣюсь на милосердіе Божіе. Говорятъ, что они потеряли 4000 человѣкъ, въ числѣ коихъ нѣсколько генераловъ и много офицеровъ. Помоги, Господи, чтобы все скорѣй благополучно кончилось. Сколько испытаній нашему добродѣтельному и доброму, жалостливому Государю! Но, вѣрно, Богъ его наградитъ за его терпѣніе и твердость и сжалится надъ нами, Русскими. Много мы грѣшимъ передъ Богомъ, Который насъ всегда спасаетъ“.

Матушка употребляетъ выраженіе „жалостливый“, говоря о Государѣ Николаѣ Павловичѣ. Въ самомъ дѣлѣ, тогда также, какъ во время Турецкой войны и во время Крымской кампаніи, онъ особенно нѣжно и человѣчно относился къ человѣческой жизни и не могъ вполнѣ радоваться удачнымъ сраженіямъ, которыя, какъ ни много стоили крови, однако не полагали конца войнѣ, т. е. кровопролитію. Дмитрій Васильевичъ Дашковъ, сопровождавшій его во время Турецкой кампаніи 1828 года, говорилъ по возвращеніи отцу моему, что тутъ, узнавъ Государя ближе, онъ глубоко полюбилъ его, видя на каждомъ шагу его доброе, сострадательное сердце и благородные порывы, его любовь къ Отечеству и его сердечное сокрушеніе, когда было много убитыхъ и раненыхъ. Тѣмъ болѣе сокрушался онъ во время междоусобной войны, гдѣ обѣ стороны имѣли право (хотя, конечно, не одинаковое) на его попеченіе. Не такъ мягко однако относились Русскіе вообще къ Полякамъ въ это время. Тому свидѣтельство стихи Пушкина: „Клеветникамъ Россіи“, которые повторялись всѣми съ увлеченіемъ, и стихи гораздо сильнѣйшаго негодованія (кажется, Туманскаго), которые помню только отчасти и которые, кажется, не напечатаны. Они кончаются обращеніемъ къ Государю:

«Скажи—и Польши ужъ не будетъ,
«И имя Польши свѣтъ забудетъ;
«И на развалинахъ ея,
«Красою юною блистая,
«Возстанетъ Русь передовая,
«Дщерь неизмѣнная твоя.

Стихи сильны и хороши, а чувство для насъ, Великороссовъ, преувеличенное и безпощадное, весьма естественно для Малороссіянина. Не много лѣтъ назадъ, въ послѣдній

Польскій мятежъ, въ разговорѣ съ однимъ профессоромъ, пріѣхавшимъ изъ Малороссіи, мнѣ случилось сказать что-то въ смягченіе строгаго приговора его противъ Поляковъ. „Ахъ вы, Москали! Вы не знаете что́ такое Ляхъ!“ возразилъ онъ мнѣ.

И подлинно, впослѣдствіи (тамъ, на мѣстѣ ихъ неистовствъ, на Украйнѣ) они меня проучили; и, глядя па слѣды, ими оставленные, я поняла, что̀ такое Ляхи для Малороссовъ и какъ справедливо наше правительство старается перевести ихъ обратно къ себѣ съ этой страдальческой почвы древнѣйшей нашей Руси. Въ настоящей отчизнѣ ихъ никто болѣе меня не желаетъ имъ всякаго благополучія и мира, лишь бы насъ до̀ма оставили хозяевами.

*

Берлинъ.
(20 Мая) 1 Іюня 1831 года

„Статью о Польшѣ Погодина прочла, и очень хочется ее перевести на Французскій языкъ, чтобы ее прочли нѣкоторыя здѣшнія дамы. Пріѣхалъ Трубецкой [17]), старый нашъ знакомый, братъ Мансуровой, который очень перемѣнился; сказывалъ, что онъ былъ боленъ холерой въ Москвѣ; онъ пріѣхалъ на новомъ пароходѣ въ три дня и 7 часовъ....“

„Вчера мы получили очень хорошее извѣстіе изъ арміи: побили мятежниковъ, взяли штурмомъ Остроленко, и Поляки бѣжали такъ скоро, что они теперь уже въ Прагѣ; а одинъ ихъ корпусъ совсѣмъ отрѣзали. Убито у нихъ нѣсколько генераловъ и много офицеровъ. Говорятъ, что сраженіе было весьма кровопролитное“.

Письмо батюшки:

С. Петербургъ.
(10) 22 Мая 1831 года.

„Книгъ новыхъ, интересныхъ для тебя и дѣтей, теперь здѣсь нѣтъ. Можетъ быть, скоро мнѣ удастся вамъ доставить новыя баллады Жуковскаго, но не напечатанныя, а рукописныя. Онъ опять началъ писать стихи, хотя здоровье его очень плохо и безпокоитъ всѣхъ его друзей. Кромѣ политическихъ дѣлъ, Петербургское общество занимается сужденіями и толками о трехъ такъ называемыхъ брилліантовыхъ свадьбахъ: княжны Алины Волконской съ Дурновымъ [18]), Бибиковой, падчерицы Бенкендорфа, съ княземъ Эсперомъ Бѣлосельскимъ [19]), и княжны Оболенской, внуки Нелединскаго, съ графомъ Валеріаномъ Зубовымъ, сыномъ Николая Зубова, внукомъ славнаго̀ генералиссимуса Суворова [20]). Послѣдняя изъ сихъ свадебъ принадлежитъ не здѣшнему, а Московскому большему свѣту. Больше, кажется, нѣтъ ничего. Въ Москвѣ же не очень давно умеръ графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ и, какъ говорятъ, умираетъ въ Лондонѣ другой старикъ, любезный намъ всѣмъ, графъ Воронцовъ; сынъ его со всѣмъ семействомъ поѣхалъ въ Англію, чтобы съ нимъ проститься.“

„Дворъ еще здѣсь. Сначала, какъ слышно, Государь и Государыня переѣдутъ въ Елагинскій дворецъ, потомъ въ Петергофскую Александрію и потомъ уже въ Царское Село, гдѣ будутъ ожидать разрѣшенія Императрицы отъ бремени, въ серединѣ или въ концѣ Августа“.

*

Берлинъ.
Іюнь 1831 года

„Весь нашъ восторгъ отъ Остроленской побѣды исчезаетъ. Слава, насъ учили, дымъ, говоритъ поэтъ (не могу вспомнить кто). И точно, Остроленская слава — дымъ. Дибичъ какъ-то сказалъ, что онъ радуется, что могъ наконецъ найдти и побѣдить Поляковъ; и здѣсь говорятъ Русскіе: „A quoi sommes

---

[17]) Князь Егоръ Ивановичъ Трубецкой, женатый сперва на княжнѣ Прозоровской, а потомъ на Италіянкѣ.

[18]) Ея сынъ теперь губернаторъ Московскій.

[19]) Нынѣ вдова (но второмъ бракѣ) князя Кочубея; ея дочь за мужемъ за Дурновымъ.

[20]) Жена Зубова, красавица и во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенно-милая женщина, умерла очень молодою. Вообще, кажется, всѣ три брилліантовыя свадьбы не были особенно счастливы.

nous réduits? Il est tout fier d'avoir battu Skrezcnecki! [21]) Эта несчастная кампанія дѣлаетъ всѣ наши объясненія въ газетахъ смѣшными; напримѣръ, когда говорятъ: „lorsque le démon de l'anarchie aura été expulsé“ [22]); а этотъ démon чуть не прогналъ нашу армію изъ Польши. Спрашиваютъ даже, не фельдмаршалъ ли этотъ нечистый духъ или лѣшій, который мѣшаетъ намъ отдѣлаться отъ фурій, подобныхъ графинѣ Ronnicker, окоторой не могу слышать, не краснѣя за нашъ полъ. Возможно ли, чтобы женщина такъ вела себя? Это, право, не вѣроятно, хотя и достовѣрно. Впрочемъ я Дибича, бѣдняжку, не осуждаю: можетъ быть ему встрѣчалось такъ много препятствій, о которыхъ мы и не вѣдаемъ! Но въ этой статьѣ о Литвѣ, помѣщенной въ № 16 (28 Мая) „Journal de S. P-bourg“, есть много хорошаго, справедливаго; и я рада, что эта газета пустилась наконецъ отвѣчать на Французскія: ибо достоинство, съ которымъ мы молчали, уже черезъ-чуръ достойно было. Однако нельзя было для примѣра благоразумной строгости попасть хуже, какъ на Брута. Да, онъ былъ злодѣй, достойный попасть въ руки графини Ronnicker; онъ былъ бунтовщикъ, притворяясь сумасшедшимъ, чтобы лучше успѣть въ измѣнѣ; онъ былъ кровопійца, котораго надобно бъ было повѣсить; наконецъ сыновья его, которые дѣлали заговоръ, чтобъ возвратить престолъ законному царю, могли бы ему сказать (еслибъ онъ былъ не отецъ имъ) тоже, что̀ сказалъ Монтрозъ: „Не тебѣ бы насъ судить, а намъ бы сидѣть на твоемъ мѣстѣ судьями“. Я уже не говорю объ отвращеніи, съ которымъ я покрайней мѣрѣ всегда думаю о такомъ родителѣ. Ахъ! Я и самому Петру нашему, моему любимцу, не могу этого простить....“

„Скажите, пожалуйста, кто писалъ эту статью—не Кошелевъ-ли? Но вотъ нѣкоторыя другія изъ журнала La Mode“.

„„L' Indicateur de Bordeaux передаетъ, что префектъ Жиронды смѣнилъ г-на Кастера, мэра Людана, за то, что не сдѣлалъ протокола и не требовалъ судебнаго преслѣдованія противъ одной дамы своей волости, которая наплевала на трехцвѣтный флагъ Французскій. Мы понимаемъ заботу г-на префекта: такой протокололъ былъ бы настоящій куріозъ и напомнилъ-бы знаменитую прокламацію генерала Дюмутье, наставляющаго прежняго префекта Майна и Луары удержать языкъ госпожи де Баньё““.

„Газета Quotidienne (или иначе, ея редакторъ) все въ тюрьмѣ, и намъ хочется послать нѣсколько талеровъ на подписку въ пользу ея съ товарищами. Подписка открыта въ bureau de la Gazette de France, какъ они называютъ тюрьму S-te Pélagie: ибо и этотъ редакторъ вѣчно въ тюрьмѣ. Vive la liberté de la presse (Да здравствуетъ свободная пресса!) Нѣтъ, цензура, какъ бы ни была глупа, а все лучше заключенія; лучше не позволять галкамъ сидѣть на крестахъ церквей въ Москвѣ [23]), нежели сажать ихъ бѣдныхъ въ клѣтку“. — Вотъ другая выписка:

„„Намъ неизвѣстно, серіозно-ли или только для плохой шутки писано письмо, которое ходило вчера по рукамъ въ Парижѣ съ подписью: Лашассань, литераторъ. Оно адресовано генералу графу Бертрану, исполняющему должность полковника 4-го легіона національной гвардіи. Въ немъ описывается неловкое положеніе, въ какое былъ бы поставленъ Лашассань, какъ національный гвардеецъ, принадлежащій партіи противной нынѣшней системѣ управленія, еслибъ его назначило въ караулъ въ Пале-рояль (гдѣ жи-

[21]) Переводъ: «До чего мы доведены? Онъ гордится тѣмъ, что побилъ Скрежнецкаго».

[22]) Переводъ: «Когда демонъ анархіи будетъ изгнанъ» и пр.

[23]) Въ стихахъ съ описаніемъ Кремля цензоръ вычеркнулъ слово «галокъ»: потому что неприлично и непочтительно съ ихъ стороны сидѣть на крестахъ.

ветъ Луи-Филлиппъ) и постоялъ бы тамъ часовымъ у входа, а люди его партіи захотѣли бы пройдти. Нельзя отрицать того, напримѣръ, что еслибъ Шатобріанъ или Кергорле, которые сложили съ себя званіе Французскихъ пэровъ, очутились бы въ положеніи, означенномъ Лашассанемъ, т. е. стояли бы на часахъ у дверей дворца, а герцогъ Бордоскій захотѣлъ бы пройти,—вѣроятно, что ни тотъ, ни другой не рѣшился бы заслонить ему дорогу штыкомъ или выстрѣлить въ него, какъ требуетъ обязанность часоваго.“ Вотъ какъ кончается письмо Лашассаня:

„Весьма неосторожно давать оружіе въ ру„ки людей, которые не пожелали бы употре„бить его въ случаѣ опасности для охранешія „трона, называемаго народнымъ, а, можетъ „быть, употребили бы это оружіе противъ не„го. Я съ своей стороны не хочу подвергать „себя такому искушенію; я предпочитаю оста„ваться безоружнымъ. Этого требуютъ мои „привязанности, мои воспоминанія и мои по„литическія правила. Еслибъ я стоялъ на ча„сахъ у дверей того принца, который теперь „нами управляетъ, а Наполеонъ II [24]), увѣн„чанный лаврами своего отца или Генрихъ V, „съ дорогими воспоминаніями о Генрихѣ IV, „или, наконецъ, республика въ видѣ красивой „женщины, пришли бы къ дверямъ, я бы спро„силъ: „куда идете“? Мы идемъ къ королю „Французовъ. Что́ вы хотите тамъ дѣлать?— „Стать на его мѣсто. Я бы сказалъ: „милости „просимъ“, и отдалъ бы честь тому, который „пришелся бы мнѣ по́-сердцу; а другихъ бы „штыкомъ оттолкнулъ. Можетъ быть, Фран„ція сказала-бы мнѣ спасибо. Вотъ, г-нъ пол„ковникъ, уважительныя причины, по кото„рымъ я отказываюсь отъ службы въ націо„нальной гвардіи. Впрочемъ времена мѣняют„ся. Могутъ быть обстоятельства въ буду„щемъ, когда и я одумаюсь. Но теперь имѣю „честь быть. Лашассань, литераторъ. Неволь„ный и неохотный егерь 4-го легіона.

[24]) Герцогъ Рейхштадскій.

Эти выписки въ письмахъ нашихъ объ оппозиціи и принудительныхъ мѣрахъ противъ нея самаго либеральнаго изъ правительствъ, правительства Франціи, привожу потому, что эти дѣйствія совершенно забыты нынѣ подъ впечатлѣніемъ послѣдующаго управленія (которое не скупилось на пули, картечь и ссылку въ Каену своихъ противниковъ), а за тѣмъ рѣзни, пожаровъ, коммуны и наконецъ разстрѣливанья [25]) противниковъ новой республики.

Сколько попытокъ къ революціи видѣла я на своемъ вѣку во Франціи,—и къ чему онѣ ее привели? Или, лучше сказать, къ чему ведутъ? Ибо, конечно, не истощилась злоба

[25]) Мнѣ говорилъ нынѣ одинъ приверженецъ республики (и не новый, un républicain de la veille), что по спискамъ оффиціальнымъ (régistres des inhumations) республика Thiers'a и Favre'a разстрѣляла въ Парижѣ послѣ побѣжденной коммуны десять тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ 4,000 разстрѣляла только сгоряча, безъ суда, просто потому, что эти люди были взяты съ оружіемъ въ рукахъ, а 6,000 по разнымъ приговорамъ. И это правительство, такое сильное, позволившее себѣ мѣры (хоть напримѣръ для насъ варваровъ) невообразимыя, черезъ два года свергнуто большинствомъ 14-ти голосовъ, и новое поставлено на его мѣсто большинствомъ 16-ти голосовъ! Что́ за обманъ это вресловутое «souveraineté du peuple» (правленіе народное). Въ иныхъ обстоятельствахъ дѣйствительно бываетъ народное диктаторство, какъ было напримѣръ у насъ въ смутное время, тогда точно весь народъ управляетъ, губитъ или спасаетъ себя и свой край, жертвуетъ собою или отмщаетъ; но послѣ такого кризиса онъ слагаетъ съ себя власть, какъ долженъ слагать всякій диктаторъ, и возвращается къ прежней формѣ или основываетъ новую форму правленія; а управлять цѣлая милліонная масса не можетъ, и это самодержавіе народное остается фикціей—льстивымъ обманомъ. Стараются, конечно, провести этого царя-народа, угождая ему, окружая его лестью того же качества, какою окружаютъ всякую власть, даже древнихъ королей Французскихъ, «rois fénéants» (безпечныхъ королей); но какая же тутъ общая выгода? Какія гарантіи? Только всѣ втягиваются, такъ сказать, во вкусъ подлостей, извиняя ихъ себѣ тѣмъ, что ихъ дѣлаютъ не передъ извѣстнымъ лицемъ, а передъ всѣми и всякимъ. Хороша привычка! И хорошо она возвышаетъ нравственность человѣка и народа! Тутъ сливаются въ прекрасномъ сочетаніи самообожаніе и низость. Тяжело и отвратительно видѣть все это. Всякій гражданинъ (citoyen) есть и частица царя, и полный царедворецъ.

партій и сумасбродства ихъ вожаковъ. Можно сказать, какъ пѣли въ водевилѣ того времени:

J'ai tant vu passer du rouge au blanc,
Et puis du blanc au tricolore!
Ghé! ghé! Ne mourrons pas,
Pour voir s'ils changeront encore [26]).

Однако во всемъ этомъ смятеніи и шатаніи были геройскіе подвиги любви и вѣрности, тоже забытые исторіей: въ сѣверныхъ провинціяхъ Франціи, особенно въ Вандеѣ (Vendée), гдѣ сельское населеніе богобоязненное, неиспорченное близостью большихъ центровъ (этихъ разсадниковъ разврата) съ любовью дѣтскою и съ упрямствомъ Бретанскимъ отстаивало королей своихъ, чуть ли не со временъ Анны Бретанской (Anne de Bretagne), за которой они отошли въ приданое къ Французскимъ королямъ.

Вообще сельское населеніе всегда самое мирное и стойкое (или, по нынѣшнему выраженію, самое консервативное) вездѣ предано, такъ сказать, лично своему Государю, на котораго смотритъ, какъ на посланника Божія, на олицетвореніе Отечества и вмѣстѣ какъ на старшаго и на главу семейства, т. е. обширнаго семейства всего народа. Эти отношенія развиваются и крѣпнутъ тамъ, гдѣ много богатыхъ и небогатыхъ дворянъ живутъ большую часть года въ своихъ усадьбахъ, въ хорошемъ расположеніи къ земледѣльцамъ, и гдѣ хлѣбопашество или рыбная ловля суть занятія массъ, т. е. тамъ, гдѣ нѣтъ фабричнаго разврата, нищества и сребролюбія и куда не заѣзжаютъ магнаты съ своей роскошью и пустой жизнію. Такое положеніе было въ Бретаньи, которой бытъ намъ такъ знакомъ по письмамъ m-me de Sevigné, а отвага и преданность—по мемуарамъ времени первой Французской революціи. Какъ извѣстно, старшій сынъ короля Карла X, герцогъ Ангулемскій, былъ женатъ на дочери несчастнаго Людовика XVI, которая съ матерью долго сидѣла въ тюрьмѣ Temple и послѣ казни матери была обмѣнена на Французскихъ плѣнныхъ, взятыхъ Австрійцами. Въ этой строгой школѣ несчастія она выработала себѣ такую твердость и отважность духа, что Наполеонъ сказалъ о ней въ 1815 году: „Il n'y a qu'un homme dans la famille royale, et cet homme est une femme, la duchesse d'Angoulême [27])“. Она съ тихимъ достоинствомъ и съ твердой покорностью вынесла новый ударъ судьбы 1830 года и послѣдовала за мужемъ въ изгнаніе, гдѣ до конца жизни занималась воспитаніемъ племянника, герцога Бордоскаго и добрыми дѣлами, отказывая себѣ во всякой роскоши и прихоти ради пособія тѣмъ, которые пострадали за нихъ, и бѣднымъ вообще. Она даже одѣвалась бѣдно, какъ я могу засвидѣтельствовать, видѣвъ ее въ Вѣнѣ въ 1847-мъ году у Великой Княгини Елены Павловны. Глубоко тронуло меня свиданіе съ нею. Вся эта кровавая драма, надъ которой я пролила столько слезъ въ моей молодости, воскресла въ моей памяти, когда сказали: „герцогиня д'Ангулемъ идетъ“. Воображеніе невольно облекаетъ своихъ героинь въ наружность изящную: картины и гравюры, на которыхъ она представлена съ королевой Маріей Антуанетой въ заточеніи, всѣ изображаютъ ее красивою 14-ти лѣтнею дѣвочкою. Смотрю: прошла черезъ пріемную въ кабинетъ Великой Княгини старая дама, нѣсколько выше средняго роста, въ поношенномъ, черномъ, узкомъ и короткомъ платьѣ (тогда носили платья очень широкія), въ такой же поношенной шляпкѣ и шалѣ. Съ ней была дама довольно молодая, просто одѣтая; но ея туалетъ казался роскошнымъ въ сравненіи съ герцогиней, которая однако поклонилась съ достоинствомъ и привѣтливостью, совсѣмъ несоотвѣтствовавшими ея наряду; въ этомъ поклонѣ видѣлась долгая привычка къ высокому положенію, къ сану, въ которомъ

[26]) Переводъ: «Я не разъ видалъ, какъ красный цвѣтъ смѣнялся бѣлымъ, а потомъ бѣлый замѣнялся трехъ-цвѣтнымъ. Ге, ге! Поживемъ еще, чтобы посмотрѣть, какъ эти цвѣта еще разъ измѣнятся».

[27]) Переводъ: «Въ царственной семьѣ есть только одинъ человѣкъ, и этотъ человѣкъ есть женщина—герцогиня Ангулемская».

royauté oblige, царское достоинство налагаетъ обязанность. Я осталась съ ея дамой (не помню фамиліи), но разговоръ нашъ касался горестнаго положенія Великой Княгини, какъ матери, потерявшей двухъ милыхъ взрослыхъ дочерей въ такое короткое время. Когда герцогиня вышла опять къ намъ, Вел. Кн. меня представила ей. Передо мной стояла, она—это любимое историческое лицо! Большія черты Бурбоновъ, сѣдые, или скорѣе съ просѣдью, волосы, поступь и вся наружность старой гувернантки, или dame de compagnie, умные, ласковые глаза и умный, ласковый разговоръ и что-то такое въ общемъ выраженіи, все это привлекало и внушало вмѣстѣ довѣріе и почтеніе. Первое чувство разочарованія замѣнилось глубокимъ чувствомъ почитанія, какимъ-то озареніемъ всего сокровеннаго въ этой чистой душѣ, въ этомъ благородномъ сердцѣ, въ этой долгой жизни, полной терзаній и угнетеній, увѣнчанной, вмѣсто царской короны, христіанскими добродѣтелями всепрощенія и тихой покорности. Я глядѣла на нее, и мнѣ хотѣлось низко, низко поклониться ей, Русскимъ земнымъ поклономъ, и приложиться къ ея рукѣ. Однако въ длинный списокъ моихъ промаховъ при Дворѣ не попалось это непозволительное увлеченіе сердечнаго чувства: я удержалась во время и только обыкновеннымъ присѣданіемъ (révérence) откланялась ей и проводила до лѣстницы. Но впечатлѣніе осталось неизгладимое въ памяти: впечатлѣніе доброе, память дорогая.

Второй сынъ Карла, герцогъ de Berry, женатый на принцессѣ Каролинѣ Неаполитанской, былъ убитъ въ театрѣ Louvel'емъ: убійца хотѣлъ чрезъ его смерть прекратить династію Бурбонскую, такъ какъ въ то время у герцога была только дочь. Но принцесса была беременна и родила сына уже послѣ его смерти, нынѣшняго герцога Бордоскаго (или графа Шамбора). Преступленіе не привело къ цѣли. Нынѣ же герцогъ Бордоскій, давно женатый и состарѣвшійся, остается бездѣтнымъ, слѣдовательно прекращается домъ Бурбоновъ безъ преступленія, волей Божіей, въ предопредѣленное Имъ время, которое ни наши преступленія, ни наши старанія не могутъ ни ускорить, ни отдалить.—Герцогиня Беррійская, вдова принца, была далеко не красавица, даже косила немножко; но молодая, живая, добродушная и веселая, какъ Итальянка. Она скоро сдѣлалась самой модной дамой Парижа, повелительницей большаго свѣта, привѣтливой хозяйкой своего флигеля въ Тюльери (Pavillon Marsan) и покровительницей Scribe'a, этого неистощимаго водевилиста театра du Gymnase, который даже названъ былъ ея театромъ, Théâtre de Madame. Она, говорятъ, одѣвалась очень хорошо, и ей подражали; но никогда не приходило ей въ голову составлять комитетъ изъ свѣтскихъ дамъ и портныхъ для обсужденія важнаго дѣла—новаго фасона платья или шляпки. Такъ точно, любя театръ, она, именно своимъ присутствіемъ, заставляла Жимназъ давать только приличныя піесы, и этотъ хорошенькій театръ сталъ самымъ приличнымъ и блистательнымъ послѣ Comédie Française. Герцогиня считалась и была въ сущности довольно легкомысленная и пріятно-пустая; но въ сравненіи съ тѣмъ, что теперь видимъ, она могла бъ считаться серіозною и чопорною. Дѣти ея были оба хорошенькія; говорили, что она старается объ ихъ воспитаніи. Словомъ, герцогиня была очень популярна. Среди пустыхъ бальныхъ кавалеровъ и театраловъ, окружавшихъ ее, нашлись однако на черный день люди молодые, пылкіе, преданные и отважные, дворяне старыхъ Бретаньскихъ родовъ, которые отдались душею и тѣломъ на поддержку ея 10-ти лѣтняго сына. Такъ образовалась Вандейская экспедиція (expédition de Vendée de Madame).

Герцогиня Беррійская пробралась въ Вандею, сама стала во главѣ движенія и привела въ неописанный восторгъ, какъ молодыхъ дворянъ, поспѣшившихъ въ свои имѣнія для собранія войска, такъ и составлявшихъ это войско крестьянъ. Возстаніе росло и распространялось, а легитимистскія газеты Парижа не-

умолкаемо воспѣвали доблести Вандейцевъ и также неумолкаемо бранили и поднимали на смѣхъ министровъ, слегка задѣвая и короля. Начали серіозно опасаться, чтобъ движеніе не перешло въ другія провинціи. Кажется, тогда было министерство Лафита и Казимира Перье (Perrier) съ системой, взявшей за основаніе опираться на средніе классы, на буржуазію (bourgeoisie) и національную гвардію, вмѣсто дворянства или массы народа, тогда опору сильную въ большихъ городахъ, но ничтожную въ сельскихъ общинахъ. Рѣшились на энергическія мѣры и послали къ войску съ секретными инструкціями одного изъ Алжирскихъ генераловъ Bugeaud. Алжирскіе генералы, какъ Pelissier, такъ и Bugeaud, кажется, упражнялись охотно въ поджогахъ и выкуреніи дымомъ непріятеля. Извѣстно, что Pelissier жителей цѣлаго селенія задушилъ дымомъ въ какой-то пещерѣ, куда они спрятались. Также съ „дымомъ пожаровъ“ шелъ впередъ Bugeaud, преслѣдуя по своимъ инструкціямъ болѣе герцогиню Беррійскую лично, нежели вооруженныхъ крестьянъ, которыхъ разорялъ и сожигалъ, гдѣ только могъ. Оно, можетъ быть, и неизбѣжно въ этомъ родѣ партизанской войны; но тогда за чѣмъ же негодовать на Бакланова за рапортъ: „аулъ истребленъ“, или на Муравьева, который нигдѣ не поджигалъ и не истреблялъ, а только вырубалъ лѣса, гдѣ скрывались шайки, и казнилъ поджигателей и вѣшателей крестьянъ своихъ? Nul n'aura raison que nous et nos amis! [28]) Вся эта короткая Вандейская кампанія—настоящая сельская эпопея; и какъ я сожалѣю, что затерялись газеты того времени, собранныя мною, гдѣ напечатанъ цѣлый рядъ извѣстій, исполненныхъ романическаго интереса и подвиговъ безстрашной предпріимчивости, ловкости, военныхъ хитростей и безграничнаго самоотверженія. Особенно помню ужасный эпизодъ маленькаго отряда, окруженнаго генераломъ Bugeaud въ одной фермѣ. Тогда герцогиня должна была скрываться, спасаясь бѣгствомъ отъ непріятеля; нужно было, во что бы ни стало, удержать войско, преслѣдовавшее ее по пятамъ. Шуаны (Вандейцы), засѣвшіе въ домѣ на этой мызѣ, защищались отчаянно; окруженные, запертые, какъ въ клѣткѣ, они все отстрѣливались. Ужъ не оставалось амуниціи. Генералъ требовалъ сдачи. Они отказались. „Соломы, огнива, хворосту къ дверямъ, да крышу зажгите! Сдадутся, какъ все загорится“, сказалъ Bugeaud. И скоро запылала мыза: дымъ клубомъ подымался, пламя охватило строенія. Ни одинъ человѣкъ не сдался; только когда крыша обрушилась, и домъ весь запылалъ, громкій дружный крикъ оглушительно раздался въ палящемъ отъ жара воздухѣ. Этотъ крикъ былъ: „Vive le Roi Henri! Vive Madame (герцогиня Беррійская)! [29]).

И въ трескѣ, и шумѣ разрушенія замерли голоса. Кто защищался въ домѣ, до единаго погибли. Bugeaud оставилъ только нѣсколько человѣкъ въ другихъ углахъ мызы, спѣша дальше отыскивать герцогиню. Мнѣ неизвѣстно, черезъ кого, черезъ своихъ-ли шпіоновъ или чрезъ заграничныя свѣдѣнія (ибо герцогиня изъ чужихъ краевъ пробралась въ Бретань), но правительство Парижское знало многое, неизвѣстное самимъ приверженцамъ ея; и главная задача Bugeaud была взять ее въ плѣнъ. Послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ, онъ наконецъ открылъ ея убѣжище, обшаривая весь домъ помѣщика, у котораго она спряталась. Ее отвезли въ замокъ Бле (chateau de Blaie) и держали подъ стражей, хотя со всевозможнымъ почетомъ, пока она не издала прокламацію, или печатнаго письма, съ объявленіемъ, что она тайно обвѣнчана съ графомъ (или маркизомъ) Лукези-Палли и ему родила дочь въ своемъ заточеніи.

Это было полное пораженіе Вандеи. Супруга Итальянскаго графа не могла сохранить

[28]) Переводъ: Всѣ будутъ не правы, кромѣ насъ и нашихъ друзей».

[29]) Переводъ: «Да здравствуетъ король Генрихъ! Да здравствуетъ герцогиня!»

обаянія царственной вдовы умерщвленнаго принца, регентши Франціи, матери-героини, защищающей права малолѣтняго сына, законнаго короля.

Луи-Филиппъ, съ ловкостью, свойственной его уму, очень хорошо понималъ это, а министерство его и подавно; и оттого планъ всей кампаніи Бюжо имѣлъ единственною цѣлью: плѣненіе герцогини.

Игра была ловко съиграна (le coup était bien joué). Но выставляя такъ безпощадно передъ цѣлымъ свѣтомъ слабости женщины-родственницы, любимицы всей партіи роялистовъ, Луи-Филиппъ посѣялъ ту непримиримую вражду между этой партіей и своимъ потомствомъ, которая нынѣ еще мѣшаетъ возстановленію монархіи во Франціи посредствомъ сліянія (la fusion) правъ обѣихъ вѣтвей Французскаго королевскаго дома. Его собственное отрѣченіе, такъ сказать, отъ церкви, безнаказанность грабителей и разрушителей дома архіерейскаго, тѣхъ, которые отбивали и искажали надписи на зданіи, гдѣ находились fleurs de lys, эти вещи оставили неизгладимые слѣды въ сердцахъ, и многіе легитимисты говорили про Наполеона III: Au moins ce système-ci n'a pas livré à la profanation et à la risée publique tout cè, qui nous est sacré ou cher, comme les Orleans [30]). Не всегда ловкость интриги удается. По правдѣ сказать, это мелочное качество никогда не торжествуетъ долго.

Берлинъ.
(2) 14-го Іюня 1831 года.

....„Разъ въ недѣлю мнѣ Грефе позволяетъ заниматься цѣлую половину дня (писала сестра моя); я этимъ и воспользовалась, чтобы декалькировать для васъ и для маменьки портфель и чернилицу, а въ день рожденія ея мы вечеромъ ѣздили въ Тиволи подышать воздухомъ посвѣжѣе городскаго. Вы не можете вообразить, какое для меня было наслажденіе очутиться опять въ открытомъ деревенскомъ воздухѣ послѣ долгаго заключенія въ городѣ! Мнѣ хотѣлось сказать съ Маріей Стюартъ:

«Lass mich in vollen, in dürstigen Zügen
«Trinken die freie, die himmlische Luft [31])

„Другое удовольствіе было чтеніе книги Charles Nodier про первую Французскую революцію. Мы тамъ нашли прелестные разсказы про Шуановъ Вандеи, которые, какъ вы знаете, мои любимцы. Да кто можетъ не удивляться и не поклоняться имъ? Маленькій братъ мой тоже ихъ полюбилъ, особенно нынѣшнихъ, и готовъ плакать всякій разъ, какъ котораго-нибудь возмутъ въ плѣнъ, особенно боится за своего героя Діо (Diot).“

Не одни мы, даже отроки и дѣти, такъ горячо принимали къ сердцу подвиги этихъ простодушныхъ героевъ. 15 лѣтъ реставраціи Бурбоновъ были эпохою самаго блистательнаго возстановленія народа послѣ неудачъ, тяжестей и уничижешія иностраннаго нашествія. Парижъ, а съ нимъ и Франція, жили самой роскошною, блистательною жизнію, умственною и политическою. Казалось, что новые порядки самоуправленія привились къ старому монархическому преданію и что благоразумная свободная система политики пустила корни во Франціи. Необычайное богатство дарованій въ молодомъ поколѣніи и поколѣши среднихъ лѣтъ, открытое для всѣхъ поприще публичной дѣятельности, сохранившее сквозь революцію и военную имперію вкусъ стараго Французскаго общества къ умственному движенію въ литературѣ, въ наукахъ, даже въ разговорахъ, въ гостинныхъ самаго высшаго образованнаго общества, все это составляло такое увлекательное цѣлое, что, можетъ быть, никогда Франціи уже не видать такой блистательной эпохи. Такіе разнородные таланты на такихъ разнородныхъ поприщахъ, какъ Шатобріанъ,

[30]) Переводъ: «По крайней мѣрѣ эта система не подвергла, какъ Орлеаны, профанаціи и публичному осмѣянію то, что для насъ свято и любезно».

[31]) Переводъ:

«Дай попорхать мнѣ свободно, какъ птицѣ,
Жадно небесный воздухъ впивать».

(Соч. Шиллера, изд. Гербеля Т. V.)

Ламене, Ламартинъ, Викторъ Гюго, Казиміръ Делавинь, Мартиньякъ, Гизо, Кузень, Вильмень, Августинъ Тіерри, Барантъ, Ройе Коліардъ, Лапласъ, Біотъ, Амперъ, Кювье, Тіеръ, Мишеле, всѣ въ одно время украшали каѳедры профессорскія или каѳедру камеры. Разница ихъ политическихъ мнѣній не мѣшала имъ сходиться въ обществѣ или состязаться въ приличныхъ, спокойныхъ спорахъ, какъ подобаетъ истиннымъ ученымъ и литераторамъ, истинно-образованнымъ, уважающимъ другъ въ другѣ науку и литературу, которой служатъ. Я сама не знала лично этой среды, но она имѣла свой отголосокъ и въ Россіи; нѣкоторыхъ тогдашнихъ дѣятелей я встрѣчала у насъ и за границей, а батюшка изъ нихъ зналъ многихъ. Это впечатлѣніе недавно, такъ сказать, обновилось для меня при чтеніи мемуаровъ тогдашнихъ временъ. „Этотъ періодъ времени“, пишетъ одинъ изъ современниковъ (по своей дѣятельности и воззрѣніямъ принадлежащій скорѣе Орлеанскому правительству) „былъ особенно замѣчателенъ тѣсною связью между наслажденіями литературой и важностью политическихъ заботъ. Для лучшихъ людей того общества какое было изящное наслажденіе слушать Мартиньяка — этого министра-оратора, котораго скромность была еще выше его дарованій и который въ рѣчахъ своихъ никогда не примѣшивалъ никакой горечи, безпокоясь болѣе за будущность своего государя, нежели за сохраненіе своей собственной власти (т. е. министерства), успокоивая, не раздражая страсти. И наслажденію этому предавались съ художественной точки зрѣнія среди общаго спокойствія этого блистательнаго общества, увѣреннаго въ благополучномъ будущемъ. Въ теченіи счастливаго года управленія министерствомъ Мартиньяка это общество переходило прямо изъ камеры пэровъ или депутатовъ во Французскую Академію на публичныя засѣданія, гдѣ тѣже важные предметы опять облекались въ самыя изящныя формы Французскаго языка, въ устахъ Royer Collard'a, Barante'a, Lamartin'a, въ ихъ вступительныхъ рѣчахъ. Между тѣмъ Augustin Thierry писалъ свои „Письма объ исторіи Франціи“; Guizot съ каѳедры своей описывалъ основаніе представительнаго правленія въ Англіи; самъ Villemain, по природѣ своей исключительно литераторъ, не могъ устоять противъ политическаго влеченія времени и съ высотъ философіи низпукался въ разсужденія объ Англійскомъ парламентѣ; а далѣе, среди восторженныхъ слушателей, самъ онъ съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ излагалъ свою теорію развитія къ лучшему человѣчества per fas et nefas, считая счастливымъ днемъ для Франціи и день Ватерло, потому что не устояла Имперія, а ея паденіе привело за собою хартію конституціи, которая утѣшила и превзошла потери наши и наше пораженіе. Когда такіе люди встрѣчались ежедневно въ Institut (по нашему Университетѣ или Академіи) и въ гостинныхъ нашихъ, Парижъ въ самомъ дѣлѣ былъ выраженіемъ и орудіемъ общей гражданственности Европы. Это время носитъ отпечатокъ нравственной высоты: тогда убѣжденія стояли выше разсчета. Это останется въ исторіи отличительнымъ характеромъ эпохи реставраціи. Разныя партіи (или политическія школы) въ этомъ замѣчательномъ періодѣ сохраняли каждая цѣльность своихъ политическихъ вѣрованій, которыя, увы, въ послѣдствіи такъ ослабѣли у однихъ отъ ихъ пораженія, а у другихъ отъ самого ихъ торжества. Всѣ могли встрѣчаться, не краснѣя и не обижаясь, въ вечерней бесѣдѣ не шумныхъ и не многолюдныхъ, но блистательныхъ гостинныхъ любезнаго, воспріимчиваго Парижскаго общества. У Lacretell'a были литературныя собранія; въ другихъ смѣшанныхъ салонахъ устроивались кружки безъ особаго назначенія, гдѣ и политика, и наука, и всѣ умственныя задачи составляли однако общій интересъ: у маркизы d'Aguesseau, у графа d'Hautefeuille, котораго жена извѣстна прелестными повѣстями, у герцогини Дюрасъ (писательницы). Реставрація, которую низпровергли ея враги, но которую даже враги не могли презирать, остается эпохой своеобразной, озаренной великими

успѣхами умственной жизни и великими талантами. Въ борьбѣ партій искреннія убѣжденія и правдивость извиняли страстность, и слышалось дыханіе здоровой жизни, замѣненной нынѣ то судорожнымъ онѣмѣніемъ, то припадками горячки. Всѣ заботы гражданскаго общества находили высокое выраженіе въ обществѣ литературномъ, тѣсно связанномъ съ дѣлами государственными. У профессоровъ слушателями была вся Франція; поэты стремились расширить кругъ человѣческой мысли; отголосокъ съ каѳедры камеръ раздавался во всѣхъ гостинныхъ высшаго круга; а скептицизмъ также старательно скрывалъ отъ глазъ свои язвы, какъ нынѣ старательно выставляетъ ихъ на видъ. И все это хорошое и высокое пропало изъ за упрямства Карла, самонадѣянности Полиньяка и властолюбія Луи-Филиппа. Le trône fut escamotté (тронъ былъ искусно похищенъ).

Батюшка писалъ намъ отъ 16 (28) Мая:

„Мнѣ самому часто бываетъ грустно; оттого, между прочимъ, и письма мои къ вамъ сдѣлались короче прежнихъ. Иногда я не въ силахъ, не только писать, даже и говорить; иногда, и почти всегда, мнѣ хотѣлось бы броситься, если не въ землю, то на землю, покрыть себя, закрыть глаза и уши какимъ-нибудь плащемъ, чтобы не видать, не слыхать ничего, отдѣлиться отъ внѣшняго міра, а буде можно, и не мыслить, и не чувствовать. Но я по возможности удерживаю себя отъ этого душевнаго унынія, повторяя, что̀ однажды писалъ къ Антуанетѣ: будущее въ рукахъ Божіихъ, и Провидѣніе знаетъ, что́ дѣлаетъ. Будемъ стараться и мы дѣлать, что́ Ему угодно, то есть что̀ должно“... Въ этомъ письмѣ слышится тоже отчаяніе, какъ въ моемъ отъ 17-го Мая. Очевидно, тѣже нелѣпые слухи о сдачѣ цѣлаго отряда гвардіи дошли до Петербурга. Я, въ порывѣ 17 лѣтняго негодованія, высказывала все, не озираяся; а у батюшки, такъ сказать, языкъ не повернулся повторить такія вѣсти.

„...„Вамъ, конечно, уже извѣстно то, что́ теперь здѣсь всѣхъ занимаетъ: смерть фельдмаршала Дибича и назначеніе графа Паскевича на его мѣсто. Я сейчасъ съ нимъ простился: онъ сегодня ѣдетъ, или плыветъ на пароходѣ, въ Мемель; оттуда отправится къ арміи. Помоги ему Богъ!“

„Ты видишь, что напрасно не любишь пароходовъ. Они теперь сдѣлались самымъ скорымъ, самымъ покойнымъ и даже самымъ безопаснымъ путемъ для нашихъ сообщеній съ другими частями Европы. Удастся ли мнѣ ими воспользоваться для свиданія съ вами? Опять скажу: знаетъ одинъ Богъ, Тотъ, Чье одно имя всегда производитъ въ моемъ сердцѣ успокоительное дѣйствіе, особливо съ нѣкотораго времени.“

Помѣщаю письмо отъ А. П. Бутенева, ради содержащейся въ немъ оцѣнки характера и дѣятельности Дибича.

Буюкдере.
Іюля 6. 1831 года.

„Нужно ли мнѣ увѣрять васъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Дмитрій Николаевичъ, что, не смотря на отдаленность моего пребыванія и на долговременное молчаніе, въ коемъ винюсь откровенно, я не переставалъ по прежнему любить и уважать васъ. Ни Мусульмане, ни Босфоръ ихъ невѣрный не могутъ сдѣлать меня невѣрнымъ противъ такихъ друзей, какъ вы и нашъ Д. В. [32]), хоть онъ полгода не отвѣчалъ мнѣ на письма мои изъ П-бурга и изъ Букареста. Знаю, что вы оба завалены дѣлами, кромѣ заботъ и душевнаго прискорбія, общихъ всякому Русскому, при печальныхъ и ненавистныхъ событіяхъ въ Польшѣ. И меня они (т. е. эти событія) тяготятъ до глубины сердца, и я искренно, глубоко, соболѣзную̀ о кончинѣ гр. Дибича, какъ соболѣзновалъ и о неудачномъ его походѣ. Я увѣренъ, что вы согласны со мною, что это большая потеря для Россіи: благородная, пламенная душа его къ добру, къ славѣ Государя и Россіи, содѣлывала его достойнымъ быть украшеніемъ и подпорою державы Русскаго Царя, хотя онъ и не

[32]) Дмитрій Васильевичъ Дашковъ.

носилъ Русскаго имени. Преемникъ его, Суворовъ нашего вѣка, конечно, въ состояніи замѣнить его въ ратномъ дѣлѣ; но и объ его дѣйствіяхъ мы еще ничего не знаемъ, кромѣ слуховъ (я надѣюсь) столько же ложныхъ, какъ и нелѣпыхъ о прежде-временной его кончинѣ холерою, тоже и о пораженіи арміи подъ Прагою. Эти происшествія и толки имѣютъ много вліяшія на пріятелей нашихъ Магометова поколѣнія. Какого же рода это вліяніе, вы легко сами догадаетесь: вы уже двадцать лѣтъ тому назадъ ворочали Турецкою политикою; да и до сихъ поръ не даромъ носите мундиръ министерства иностранныхъ дѣлъ. Я крѣплюсь духомъ и ежели и не успѣваю оправдать, сколько бы желалъ, званіе, въ которое облеченъ здѣсь, то утѣшаюсь мыслію, что я не только не искалъ, но, могу сказать, избѣгалъ его. За тѣмъ да будетъ по волѣ Божіей. Allah Kerim.....“

*

Матушка писала въ Петербургъ:

Берлинъ.
(10) 22 Іюня 1831 года.

„Я теперь буду лишена утѣшенія въ нашихъ теперешнихъ обстоятельствахъ—обѣдни. Домъ министра сдается Французскому посланнику, и мы слушали послѣднюю обѣдню въ понедѣльникъ, Духовъ день. Церковь снимаютъ, а нанять до Михайлова дня комнату для оной невозможно, особенно помѣсячно, потому-что очень дорого просятъ: на наемъ положено только 360 талеровъ въ годъ; а здѣсь за квартиру меньше 800 не хотятъ и слышать, какъ говорилъ священникъ. Нельзя ли выпросить у гр. Нессельроде прибавки?..“

*

Берлинъ:
(6) 18 Іюня 1831 года.

„Сейчасъ былъ у меня Мансуровъ, который мнѣ сказалъ, что Алексѣй Орловъ пріѣхалъ изъ арміи и отправляется въ ночь въ Петербургъ, и предложилъ, если я хочу писать, въ Петербургъ, то чтобы прислала къ нему сегодня письмо, которое онъ отдастъ Орлову. Пишу нѣсколько строчекъ, любезный другъ, чтобы не пропустить оказіи. Очень бы желала послать съ Орловымъ два тома Шатобріана, но холера этому препятствуетъ: его всего исколятъ, такъ какъ письма, которыя я отъ тебя получаю, всѣ проколоты. Дибичъ, какъ говоритъ Орловъ, умеръ отъ холеры, а наши войска собирались переходить Вислу, когда онъ поѣхалъ; слѣдственно онъ (т. е. Орловъ) полагаетъ, что ужъ теперь скоро должно имѣть какія-нибудь извѣстія. Что Богъ дастъ? Вся надежда на Его милосердіе. Мы здѣсь въ грустномъ положеніи, то есть мы Русскіе, и хорошая теплая погода, которая началась съ нѣсколько дней, не въ состояніи развеселить. Что жъ дѣлать? Надобно терпѣливо все сносить.“

Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ пріѣзжалъ для переговоровъ о признаніи или непризнаніи независимости Бельгіи, отторгнувшейся съ помощію Римскаго католицизма и Французскихъ войскъ отъ Голландіи. Какъ ни сочувствовалъ король Прусскій своему близкому родственнику, королю Голландскому, онъ однако никакъ не хотѣлъ согласиться на вмѣшательство, которое могло бы повести за собою войну: ибо Англія была согласна на выборъ полу-Англійскаго принца Леопольда, а на Австрію, Фридрихъ-Вильгельмъ зналъ, что никогда нельзя надѣяться. Посольство Орлова не удалось; но онъ самъ, кажется, мало сочувствовалъ цѣли своего посольства и съ своей обыкновенной веселой безпечностью сказалъ матушкѣ: „Ну, рѣшено! Дадимъ зарѣзать Голландскаго быка, а тамъ ужъ они въ Лондонѣ его приправятъ“. — Во всякомъ случаѣ, это была побѣда надъ Франціей: ибо принцъ Леопольдъ такъ умѣлъ слить интересы своихъ подданныхъ съ своими, что когда случались неудовольствія и волненія, ему стоило пригрозить своей отставкой, и всѣ покорялись, чувствуя необходимость Бельгіи сохранить такого мудраго правителя. Въ 60-хъ годахъ Французскій посолъ говорилъ мнѣ: C'est la sagesse et l'excellent gouvernement du roi Léopold qui sauvent la

Belgique,—je ne dirai pas de nos griffes, mais de notre tendre étreinte [33]".

Я, кажется уже говорила, что Берлинцы о переговорахъ не знали и были увѣрены, что Орловъ ѣздилъ въ армію, чтобы отравить В. К. Константина Павловича и фельдмаршала Дибича. Сперва мы негодовали на такое гнусное подозрѣніе, а потомъ стали смѣяться надъ такой нелѣпостью, тѣмъ болѣе, что Орловъ самъ смѣялся и весьма равнодушно относился къ роли палача (да еще скрытаго), которую ему навязывали. Такого веселаго отравителя, кажется, не встрѣчалось, и онъ съ истинно-Русскимъ чувствомъ простолюдина и съ презрѣніемъ смотрѣлъ на злобу иностранцевъ. „Наплевать на нихъ," было единственное возраженіе на клевету и единственное выраженіе его негодованія. По правдѣ сказать, онъ былъ правъ; не сто́ило сердится, но мы были слишкомъ молоды для такого спокойствія духа.

*

С.-Петербургъ.
(15) 27 Іюня 1831 года.

„Отвѣчаю на вопросъ твой: зачѣмъ я къ тебѣ вдругъ прислалъ столько денегъ и не отложилъ нѣсколько до своего пріѣзда къ вамъ? Во первыхъ, я боялся, что отъ политическихъ обстоятельствъ и отъ холеры нашъ вексельный курсъ можетъ вдругъ очень упасть и вовлечь насъ, при переводѣ денегъ, въ значительную потерю; во вторыхъ, я боялся также, что холера, которая у насъ хотя и не сильна, однакожъ является во многихъ мѣстахъ (говорятъ даже, что и здѣсь отъ нея вчера умеръ одинъ человѣкъ) и которая въ другихъ земляхъ безпокоитъ всѣхъ частныхъ людей и правительства, можетъ, прекративъ или затруднивъ временно наши торговыя сношенія съ Германіей, на нѣсколько остановить и переводы денегъ, а между тѣмъ вы будете въ нуждѣ: для того я спѣшилъ послать вамъ все, что̀ могъ, стараясь обезпечить ваше существованіе въ Берлинѣ и на тотъ случай, еслибы я опасно занемогъ или умеръ.... При послѣднемъ личномъ докладѣ моемъ на прошедшей недѣлѣ, я объяснилъ Государю о желаніи моемъ побывать у васъ, напоминая, что еще въ минувшемъ году Его Величество изъявилъ соизволеніе на мою кратковременную отлучку для свиданія съ вами; намекнулъ и о томъ, что надобно привезти нашихъ мальчиковъ въ Россію для воспитанія, на основаніи недавно вышедшаго указа. Я однакожъ присовокупилъ по долгу и чувству, что я всегда, особливо же въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, готовъ всѣми своими удовольствіями, разсчетами, надеждами, какъ и самимъ собою, жертвовать службѣ Его Величества. Государь очень милостиво принялъ всѣ эти объясненія и сказалъ мнѣ съ ласкою: „Ты „видишь самъ, что твое присутствіе здѣсь по„лезно и нужно. Не смотря на то, я желалъ бы „по возможности не разрушать твоихъ семей„ныхъ плановъ. Подумай, сообрази самъ: най„дешь ли средство, съ учрежденными повсюду „карантинами, съѣздить и возвратиться ско„ро" (ибо въ тоже время Государь изъявилъ мнѣ желаніе, чтобы дѣла Протестантскаго Комитета были скорѣе приведены къ окончанію). „Впрочемъ, что̀ касается до срока, ко„торый назначенъ для воспитывающихся за „границей, имъ ты не долженъ стѣсняться: я „увѣренъ, что твои дѣти не сдѣлаются ино„странцами." Этотъ милостивый отвѣтъ, именно потому, что онъ очень милостивъ, поставилъ меня въ больное затрудненіе. Я думалъ, думалъ и наконецъ, хотя не совсѣмъ, но почти рѣшился вотъ на что́. Буду день и ночь работать съ своимъ Протестантскимъ Комитетомъ, не смотря на множество другихъ дѣлъ; постараюсь и надѣюсь кончить правила устава въ Іюлѣ, чтобы въ Августѣ прыгнуть на пароходъ и плыть въ Любекъ. Можетъ быть, тогда, если Богъ дастъ, обстоятельства примутъ благопріятнѣйшій оборотъ; можетъ быть, и холеры не такъ уже будутъ бояться, и меня не столько задержатъ въ карантинахъ, или по крайней мѣрѣ я не буду принужденъ спѣшить

[33]) Переводъ: «Мудрость короля Леопольда и его образцовое управленіе одни спасаютъ Бельгію не скажу отъ нашихъ когтей, но отъ нашихъ удушливыхъ объятій».

назадъ къ Протестантскому Комитету и слѣдственно могу подолѣе быть съ вами. Вотъ, мой милый другъ, мои... не скажу планы, а мысли; впрочемъ пускай и въ этомъ, какъ во всемъ, будетъ, что̀ Богу угодно. Предадимъ себя съ полною, безусловною покорностью въ Его святую волю: Онъ все творитъ во благо. И если моя надежда скоро видѣться съ вами опять не исполнится, если даже холера, или другая болѣзнь, или что-нибудь другое смететъ меня съ лица земли, то будемъ думать, что насъ ожидаетъ свиданіе въ иномъ, лучшемъ мірѣ, и что между тѣмъ Богъ, еще болѣе милосердый, чѣмъ правосудный, дозволитъ мнѣ хотя молиться о васъ, о вашемъ счастіи, о томъ счастіи истинномъ, котораго добродѣтель есть предчувствіе въ здѣшней жизни“.

(Продолженіе будетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФИНИ АНТОНИНЫ ДМИТРІЕВНЫ БЛУДОВОЙ *).

ГЛАВА V-я.

1831 ГОДЪ.

Польскій мятежъ и первая холера.

С. Петербургъ.
(20 Іюня) 2 Іюля 1831 года.

„Благодарю за экземпляръ новаго сочиненія Шатобріана. Хорошо, что ты рѣшилась послать его. Онъ дошелъ до меня исправно, въ цѣлости, даже и не исколотый: ибо Орловъ и Рибопьеръ ѣхали и плыли такими мѣстами, гдѣ еще нѣтъ холеры. За то они нашли ее здѣсь. Вы, конечно, уже знаете объ этомъ изъ газетъ и моего послѣдняго письма. Вѣроятно, знаете также, по крайней мѣрѣ по слухамъ, о новой знаменитой жертвѣ сей болѣзни. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ скончался отъ нея въ Витебскѣ, гдѣ, какъ сказываютъ, она была очень слаба до самаго его пріѣзда. Сколько горестей для нашего добраго Государя! Какія испытанія, какіе почти не прерывающіеся удары его любящему сердцу!... Да будетъ воля Божія!..."

„Здѣсь покуда еще, слава Богу, холера не очень сильна. Въ теченіи шести дней занемогло 60 человѣкъ, изъ нихъ умерло 30; но неизвѣстно съ достовѣрностью, всѣ ли отъ холеры. Городъ отдѣленъ отъ Царскаго Села и Петергофа, гдѣ теперь самъ Государь и вся Императорская фамилія; тамъ же, кромѣ обыкновенныхъ придворныхъ и въ томъ числѣ князя Голицына, велѣно жить графу Нессельроде, Чернышеву, Бенкендорфу и Адлербергу. Съ Петергофомъ сообщеніе учреждено моремъ, черезъ пароходъ, который отправляется и возвращается по два раза въ день. Внутри города также принимаются разныя мѣры осторожности: оцѣпляютъ дома и части домовъ, гдѣ появляются больные съ признаками холеры. Это случилось четвертаго дня и у меня. Одинъ изъ твоихъ Балахнинскихъ мужиковъ, пришедшихъ сюда для работы, вдругъ занемогъ рвотой, судорогами и прочимъ, какъ водится въ холерѣ. Меня разбудили въ 6 часовъ утра и сказали, что больной, послѣ первыхъ лѣкарственныхъ пособій, перевезенъ въ особый госпиталь, но что домъ оцѣпленъ, и никто не можетъ ни войти, ни выдти. Большая часть утра прошла въ суматохѣ; однакожъ скоро нашли, что довольно оцѣпить только сарай, гдѣ лежалъ больной, и тѣхъ, которые имѣли съ нимъ сообщеніе; а черезъ нѣсколько часовъ потомъ открылось, что онъ не въ холерѣ, а въ простой нервической горячкѣ. Ему уже лучше, и нашъ внутренній домашній карантинъ вчера прекратился...."

*) См. выше, стр. 713. Помѣщаемая здѣсь вторая половина V-й главы начинается письмомъ (графа) Д. Н. Блудова къ супругѣ его, находившейся съ дѣтьми въ Берлинѣ. *П. Б.*

С. Петербургъ.
(26 Іюня) 8 Іюля 1831 г.

„Скажу тебѣ, что мои очередныя недѣльныя письма съ нынѣшняго раза должны быть однимъ днемъ ранѣе, т. е. уже не субботнія, а пятничныя: чтобы имѣть время ихъ окуривать. Почта объявила, что она отъ того не будетъ принимать пакетовъ по Субботамъ и Середамъ. Скажу тебѣ еще, слѣдуя формѣ нашихъ древнихъ дѣдовскихъ Русскихъ посланій, что я по отпускъ сего письма, слава Богу, живъ и здоровъ; а впредь уповаю на милость Всевышняго. Говорю это, между прочимъ, и для того, чтобы опровергнуть слухъ, который разнесся, если не въ Петербургѣ, такъ по крайней мѣрѣ на островахъ и дачахъ Петербургскихъ, слухъ, будто я скоропостижно умеръ отъ удара паралича. Ему многіе повѣрили до того, что вчера ввечеру у Загряжской и третьяго дня у княгини Нат. Петр. Голицыной ахали отъ удивленія, видя, что я цѣлъ и на ногахъ. Разсказываю тебѣ про это потому, что сей пустой слухъ можетъ, хотя и невѣроятно, какъ-нибудь отозваться и въ Берлинѣ. Можетъ быть также, что и слухи о здѣшнихъ безпокойствахъ дойдутъ до васъ увеличенные [1]). Для того я рѣшился послать къ тебѣ сдѣланныя по сему случаю правительственныя объявленія. Изъ нихъ ты лучше узнаешь, чему появленіе холеры было здѣсь поводомъ. Впрочемъ еще неизвѣстно, или по крайней мѣрѣ я не знаю, должно ли все это приписывать только дѣйствію обезумѣвшей черни, или дѣйствію тайныхъ, злонамѣренныхъ возбудителей, какъ многіе думаютъ. Авось либо ихъ откроютъ и уймутъ, и все кончится скоро и благополучно. Великъ Богъ Русскій! Это наша всегдашняя надежда; Онъ не отвергнетъ и грѣшныхъ молитвъ. Государь былъ здѣсь во Вторникъ и вчера. Въ помощь Эссену сдѣланы генералъ-губернаторами разныхъ частей города князь Трубецкой и графъ Орловъ. Третьяго дня число больныхъ простиралось до 414, какъ увидишь въ Инвалидѣ. Васильчиковъ назначенъ главнымъ командиромъ всей военной силы. Здѣсь умерло нѣсколько знакомыхъ намъ людей: Андрей Яковлевичъ Дашковъ, В. С. Ланской и князь Голицынъ, свекоръ Адели; но, кажется, не отъ холеры. Дашкова убилъ параличъ и въ одну минуту“

*

Можно вообразить, какое ужасное впечатлѣніе произвели на насъ эти вѣсти; душа такъ и рвалась въ Россію, въ Отечество страждущее, обуреваемое, искушаемое всѣми духами злобы:

«Не цѣлый міръ, а цѣлый адъ
«Ему грозилъ уничтоженьемъ».

Издали казалось, что опасность еще болѣе велика, нежели было въ самомъ дѣлѣ и, казалось, опасность уже грозила и батюшкѣ лично, и Государю, къ которому съ каждымъ днемъ и съ каждымъ новымъ для него испытаніемъ наша любовь и приверженность росли и становились восторженнѣе.

Помню, какъ вчера, все это; но писемъ своихъ не нахожу отъ этихъ чиселъ среди сохранившейся у меня переписки.

Матушка отвѣчала:

Берлинъ.
8 (20) Іюля 1831 года.

„Ты можешь себѣ представить, въ какое ужасное положеніе привело меня письмо, полученное здѣсь по пятничной почтѣ, о происшествіяхъ Петербургскихъ! Я съ трепетомъ ожидала Воскресенья. Получивши твое письмо отъ 26 Іюня, я содрогнулась, прочтя о слухѣ, разнесенномъ о тебѣ. Что этому дало поводъ? Развѣ ты былъ болѣнъ? Увѣдомь меня ради Бога: теперь я всего страшусь, холеры, всякой другой болѣзни и всѣхъ происшествій. Справедливо здѣсь одинъ человѣкъ мнѣ сказалъ: quelle singulière propagation de lumières, qui conduit aux horreurs de l'assassinat [2]). Скажи мнѣ: гдѣ ты обѣдаешь, въ какомъ трактирѣ, свѣжо ли масло и прочая

[1]) Извѣстное волненіе на Сѣнной площади, прекрасно описанное Жуковскимъ. (Р. Архивъ 1866).

[2]) Переводъ: «Какое странное распространеніе свѣта, которое ведетъ къ ужасамъ убійства!

провизія? [3]) Теперь съ этой холерой въ городѣ надо очень беречь себя: говорили, что она нападаетъ на простой народъ, но мы видимъ противное, и ея жертвою были Великій Князь Константинъ Павловичъ и фельдмаршалъ Дибичъ".

„Съ Прусской границы присланъ рапортъ, что Гельгудъ съ двумя тысячами войска былъ такъ преслѣдованъ нашими, что видѣлъ себя принужденнымъ броситься на Прусскую границу, гдѣ генералъ требовалъ, чтобы они дали слово не воевать противъ Россіи. Онъ (т. е. Гельгудъ) началъ уговаривать свои войска согласиться; а въ то самое время одинъ Польскій офицеръ выстрѣлилъ въ него и убилъ. Такъ Богъ наказалъ этого бездѣльника, который пришелъ въ нашу Россію нарушить ея спокойствіе и счастіе...."

*

Берлинъ.
15 Іюля 1831 года.

„Мои разговоры съ братьями (пишетъ сестра Лидія) теперь все о маленькой нашей новой знакомой, которая, какъ увѣряютъ, удивительный ребенокъ, и страхъ какая ученая...."

Эта дѣвочка 14-ти лѣтняя была очень большая ростомъ для своихъ лѣтъ, казалась 16-ти или 17-ти лѣтней дѣвицей и, въ самомъ дѣлѣ, была умна и довольно развита, хотя со всѣмъ не такой учености глубокой, какъ воображала мать ея, одна изъ пустѣйшихъ болтуней, которыхъ мнѣ случалось встрѣтить, но впрочемъ добрая женщина, не пускавшаяся въ брань и непріятности противъ Русскихъ, по крайней мѣрѣ въ глаза. Каролина была однихъ лѣтъ съ моей сестрой; черноволосая, свѣжая лицемъ, но нѣсколько топорной работы. Мы видались ежедневно, но не долго, ибо со страху отъ холеры онѣ уѣхали въ Дрезденъ. Потомъ я ее опять видѣла въ Петербургѣ, уже замужемъ за К*. В*. Она подурнѣла, почти не выросла съ 14-ти лѣтъ, и слѣдовательно уже казалась ниже средняго роста; но большіе, черные, умные глаза придавали пріятность ея лицу, а разговоръ былъ оживленный и интересный, хотя часто отъ преувеличенныхъ выраженій чувства и комплиментовъ становился приторнымъ. Графъ Генрихъ Ржевускій, который былъ въ тоже время въ Петербургѣ, увѣрялъ, что этого требуетъ хорошій тонъ въ юго-западномъ краѣ; что хорошее воспитаніе доказывается такъ: хозяинъ или хозяйка выходитъ на встрѣчу гостьѣ до дверей передней и восторженно ее привѣтствуетъ; гостьѣ слѣдуетъ до входа въ столовую еще съ бо́льшимъ восторгомъ отвѣчать; у дверей залы, еще привѣтствія хозяйки и увѣренія въ дружбѣ; гостья увѣряетъ въ томъ же съ подобострастіемъ; у дверей гостинной хозяйка уже восхищается всѣми добрыми качествами гостьи, а гостья приходитъ въ восторгъ отъ красоты и даровитости хозяйки, такъ что когда онѣ дошли до дивана и сѣли, то нѣтъ границъ обожанію и поклоненію съ обѣихъ сторонъ. „Тутъ, говорилъ Ржевускій, „и породилась извѣстная привычка говорить: „Пàдамъ дò ногъ", и отвѣчать: „Южъ лежамъ". [4]) Каролина не жаловалась на свою судьбу и не говорила дурно о мужѣ, но говорила, что она много бываетъ одна, много занимается; и такъ какъ единственная дочь слишкомъ мала, чтобъ много употреблять времени на ея воспитаніе, то она по цѣлымъ днямъ читаетъ и даже учится Еврейскому языку для провожденія времени. Другіе говорили, что мужъ ея добрый, но чрезвычайно тупой и скучный человѣкъ. — Тогда Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ былъ генералъ-губернаторомъ Кіевскимъ, и его бранили на чемъ свѣтъ стоитъ, особенно за инвентари. Каролина за него горячо заступалась, увѣряя, что только дураки и мошенники на него могутъ жаловаться. Батюшка былъ всегда хорошаго мнѣнія о Бибиковѣ и, какъ мнѣ говаривалъ въ послѣд-

[3]) Матушка намекаетъ на опасенія свои за отраву: тогда увѣряли, что подосланные тайные агенты изъ за границы точно отравляли.

[4]) «Переводъ: къ вашимъ стопамъ», — «а я ужъ лежу у ногъ вашихъ».

ствіи Дмитрій Гавриловичъ, они въ главныхъ чертахъ политической дѣятельности вполнѣ сочувствовали другъ другу. Отзывъ Каролины, весьма богатой помѣщицы Волынской (кажется, или Кіевской) губерніи, былъ пріятенъ отцу моему. Она тогда пріѣзжала по какому-то процессу, который выиграла. Нѣсколько лѣтъ спустя, она начала-было другой процессъ, который не былъ удаченъ, именно разводъ съ мужемъ: ни хлопоты, ни деньги, ни поѣздка къ самому папѣ, не доставили ей уничтоженія брака (nullité); а когда она овдовѣла, то любимый ею человѣкъ, видно, раздумалъ жениться и пошелъ въ ксендзы. Не знаю, жива ли она, или нѣтъ. Ея дочь замужемъ за иностранцемъ: одна изъ самыхъ богатыхъ землевладѣлицъ на Волыни, и ея же капиталами мужъ недавно отбилъ у одного Русскаго па публичныхъ торгахъ одно историческое имѣніе, заплативъ 40000 за него, тогда какъ оно не стоитъ и 30000.

*

Берлинъ.
(26 Іюня) 8 Іюля 1831 г.

„Une pièce vraiment belle a toujours les honneurs de la parodie“ [5]), сказалъ справедливо какой-то Французскій журналъ; и нынче я нашла доказательство сего. Никто, конечно, не сомнѣвается, что поѣздка Государя въ Москву есть „une belle pièce“, а пародію сего прекраснаго поступка сдѣлалъ этотъ глупый, раздутый старикъ Louis Philippe во время своего путешествія въ Метцъ. Какая разница между нашимъ молодымъ, прекраснымъ Государемъ, бросающимъ обожаемую жену и малыхъ дѣтей, чтобы подвергнуть себѣ большой, почти неминуемой, опасности, для того, чтобы помочь и утѣшить своихъ другихъ дѣтей (какъ онъ ихъ назвалъ) въ Москвѣ,—и толстымъ краснощекимъ Луи Филипомъ, который обошелъ лазаретъ, не смотря на то, что „on l'eut prévenu qu'il s'y trouvait des malades atteints d'une fièvre, qui pourrait être contagieuse [6]).

„Вотъ слова: „pourrait être, могла бы быть“! Ну что́ можетъ быть смѣшнѣе? Сущая пародія. Да каждый, и безъ всякой нужды, войдетъ въ комнату, гдѣ лежитъ человѣкъ въ горячкѣ; и никому (какъ развѣ такимъ персонажамъ, какъ les „on“ de Metz) не придетъ въ голову испугаться того, что горячка могла бъ быть прилипчивой....“

Батюшка писалъ:

С. Петербургъ.
(3) 15 Іюля 1831 г.

„Мои письма будутъ коротенькія. Надобны свобода мыслей и спокойствіе духа, чтобы долго съ пріятностью бесѣдовать на бумагѣ; а теперь мысли у всѣхъ, болѣе или менѣе, смотря по характеру и правиламъ, встревожены или по крайней мѣрѣ заняты однимъ и тѣмъ же, съ тою лишь разницею (опять смотря по характеру и правиламъ), что иные заботятся лишь о предохраненіи себя, а нѣкоторые, въ томъ числѣ, можетъ быть, и я, считаютъ долгомъ мыслить и безпокоиться за другихъ. Впрочемъ, какъ кажется, какъ говорятъ почти всѣ доктора и какъ опытъ доказываетъ, предосторожности должны состоять не столько въ избѣжаніи встрѣчь и сообщеній съ больными, сколько въ строгой діетѣ и въ строгомъ же воздержаніи нравственномъ: надобно стараться и не сердиться, и не огорчаться сильно, и не пугаться; надобно также беречься простуды, особенно не пить холоднаго и кислаго. Молочное должно употреблять тоже съ большою умѣренностью; хотя, съ другой стороны, есть примѣры, что молокомъ, особливо парнымъ, многіе въ первыхъ припадкахъ холеры вылѣчивались. Оно производитъ рвоту, которая иногда бываетъ

[5]) Переводъ: «Дѣйствительно-прекрасное произведеніе всегда ведетъ за собой искаженную передѣлку».

[6]) Переводъ: Его предупреждали, что тамъ находятся больные горячкою, которая могла бы быть прилипчива.

спасительна, и это еще утверждаетъ нашъ простой народъ въ мысли, что сія болѣзнь не есть болѣзнь, а слѣдствіе дѣйствій злоумышленныхъ Поляковъ, которые будто-бы сыплютъ отраву въ воду, въ хлѣбъ, на мясо, рыбу и въ квасъ. Разумѣется, нельзя и не должно вѣрить всему, что́ разсказываютъ; но, кажется, было что́-то подобное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ го́рода, вѣроятно не съ тѣмъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ отравлять многихъ, а чтобы волновать умы: предпріятіе и средство равно достойны почтенныхъ мастеровъ и адептовъ революцій. О числѣ больныхъ, умирающихъ и выздоравливающихъ не буду тебѣ разсказывать: ты узнаешь это изъ газетъ. Здѣсь на сихъ дняхъ умерли изъ наиболѣе извѣстныхъ—графъ Оппермань и вице-адмиралъ Головнинъ, тотъ, который былъ въ плѣну у Японцевъ; за то выздоровѣлъ послѣ сильнаго припадка холеры другъ нашего Вадима, Василій Перовскій. Очень боленъ, однакожъ не холерою, графъ Потоцкій, оберъ-церемоніймейстеръ; умерла, также не отъ холеры, Ланская, вдова Василія Сергѣевича, ровно черезъ недѣлю послѣ мужа.“

*

С. Петербургъ.
(7) 19 Іюля 1831 г.

„По установленному нами на нынѣшнее холерное время порядку, я прежде всего скажу тебѣ, что слава Богу, покуда живъ и здоровъ, или по крайней мѣрѣ не боленъ. Холера продолжаетъ похищать обреченныя ей жертвы (въ томъ числѣ умерли на сихъ дняхъ статсъ-дама княгиня Куракина и графъ Ланжеронъ); но говорятъ доктора и другіе, что она уже потеряла нѣсколько силы своей и отчасти перемѣнила или перемѣняетъ свойство, приближаясь къ желчнымъ и нервическимъ горячкамъ и довольно часто обращаясь въ нихъ... Желаніе твое, или приказаніе, которое для меня святѣе докторскаго, носить въ карманѣ или въ рукѣ лимонъ съ гвоздичными головками, я исполняю: уже третій день не разстаюсь съ лимономъ, который для меня приготовила Татьяна Васильевна и сегодня даже въ Комитетъ Министровъ поѣду съ нимъ. Кстати о Комитетѣ Министровъ и вообще о дѣлахъ, которыя отъ холеры и тревоги по всюду позамедлились и даже пріостановились, мнѣ однакожъ удалось ускорить ходъ процесса графини Брюжъ... [7])

*

Берлинъ.
(29 Іюля) 10 Августа 1831 г.

„Не нужно сказывать, какъ утѣшительны для насъ ваши письма, тѣмъ болѣе, что въ каждомъ повторяется пріятное извѣстіе объ уменьшеніи холеры. Какъ жаль однакожъ, что она все нападаетъ на людей въ разныхъ родахъ извѣстныхъ и еще унесла бѣднаго Костенецкаго: вотъ еще чудакомъ менѣе въ Петербургскомъ обществѣ. Мнѣ тоже очень жаль, что Рязанцевъ, актеръ, умеръ! Онъ насъ бывало такъ забавлялъ въ Секретарѣ и Поварѣ и пр., а нашъ театръ такъ бѣденъ талантами, что, кажется, некому его мѣсто замѣнить. Я это нашла въ Journal de S-t. Pétersbourg, ибо вы объ этомъ еще не пишете. Право, мы никогда такъ много не занимались газетами и журналами, какъ теперь:—Русскій Инвалидъ, Академическія, Journal de St. P., иностранныя: Staats-Zeitung, La Mode и La Gazette de France, которую присылаетъ намъ Ruffo и которая сдѣлалась весьма интересна, ибо теперь оппозиціонная, а я такъ люблю оппозицію противъ Louis Philippe! Не правда ли, какъ глупа и смѣшна сцена N... и герцога Орлеанскаго? N... при какомъ-то торжествѣ (чуть ли не въ камерѣ перовъ) явился съ старымъ триколоровымъ флагомъ (т. е. безъ древка) и объявилъ, что со временъ Наполеоновскихъ онъ тайно хранилъ у себя это дорогое знамя и, осѣнивъ имъ молодаго герцога Орлеанскаго, поднесъ ему въ даръ, разумѣется, съ пророчествами о величіи и славѣ Франціи подъ властію Орлеанскаго дома и съ словами о томъ (какъ ведется у Французовъ), что Louis Philippe a servi la grande nation, la grande révolution et a

[7]) См. Р. Архивъ 1873, стр. 2079 (bis)

adopté les grandes gloires du grand Napoléon [8]).

(Вообще у партіи Орлеановъ была принята система топтать въ грязь все истинно хорошее и либеральное времени реставраціи и возносить до небесъ военную славу республики и имперіи, стараясь присвоить блескъ съ грѣхомъ по поламъ династіи Орлеановъ. Накликали эти господа тѣнь и личину Наполеона на Францію лѣтъ чрезъ 20). „La Mode“ говоритъ, что „le noble pair est devenu tapissier... il sera drapé par la France [9])... и пр. и тоже, что́ продаютъ во всѣхъ музыкальныхъ магазинахъ: „Le vieux drapeau“ и проч.“

„Все это весьма забавно; только бы этимъ старымъ знаменемъ не причинить всеобщей войны! Впрочемъ, „fais ce que dois; advienne, que pourra“ [10]): Богъ не покинетъ Россіи, хотя мы и тяжело грѣшили; да положимся совершенно на Его милосердіе!

Антонина“.

„Не могу выразить, какъ мнѣ жалко видѣть, что́ дѣлаютъ Франція и Англія. Бѣдный Голландскій король! Но принца Оранжскаго слова сбудутся: „Bei Gott! Sie sollen gerächt sein!“ [11]) И если люди будутъ такъ подлы, что забудутъ ихъ, гнѣвъ Божій падетъ на главу нечестивыхъ. Дай Богъ, чтобъ Россія была не причастна“.

Я выписываю эти выраженія молодаго негодованія, чтобъ дать понятіе о возбужденномъ состояніи умовъ того времени. Не я одна такъ волновалась по пустому: всѣ Русскіе въ Берлинѣ были болѣе или менѣе возбуждены недоброжелательствомъ, котораго источникъ все-таки Парижъ, ибо и Польское возстаніе вело свое начало оттуда, и въ массахъ въ то время было рѣшительно все напускное. При этомъ гнѣвъ мой находилъ источникъ въ слѣдующихъ выпискахъ изъ разныхъ газетъ и журналовъ: онѣ свидѣтельствуютъ, что только легитимисты сочувствовали Россіи. Но и они искали средства обойдти Польское дѣло, чтобы примирить усердіе къ Римско-католической церкви съ своимъ сочувствіемъ къ Россіи.

Выписка изъ „La Mode“:

„Нужно было возбудить восторгъ Парижанъ какъ-нибудь во время прекрасныхъ праздниковъ Польскихъ (въ память революціи прошлаго года), и вотъ объявляютъ объ рѣшительной побѣдѣ Поляковъ надъ Русскими. Взрывъ восторга, крики: Vive la Pologne! Mort aux Russes (да здравствуетъ Польша! смерть Русскимъ!). Восторгъ продолжался цѣлые три часа. Легковѣрные, кричите громче! Надрывайтесь въ честь такой побѣды! Извѣстіе было лживое, было нелѣпое. На другой день тѣ, которые такъ долго орали, разумѣется, охрипли—вотъ единственный плодъ рѣшительной побѣды Поляковъ. Ихъ обманули, и они сердились; а я имъ говорилъ: „Люди добрые, на что вы злитесь? Іюльская „революція знаетъ, что вы любите пріятный „обманъ. Она васъ подчуетъ по вашему вку„су: подноситъ вамъ ложь, чтобъ вамъ сдѣ„лать удовольствіе“.

Изъ „Gazette de France“.

„Почти всѣ сожалѣютъ о томъ, что́ произошло, и сознаются, что не хотѣли идти такъ далеко. Дѣло въ томъ, что желали перемѣны министерства и очень удивились, когда очутились въ вооруженной революціи. Они думали, что можно остановить ее; но, когда отдаютъ судьбы роднаго края на авось, безумцы дѣлаются орудіями кары Божественной.“

„Мы проходили всѣ улицы Парижа; восторгъ огромный: вездѣ крики, восклицанія, пѣсни. Патріоты съ знакомъ отличія за Іюльскую революцію (les décorés de Juillet) встрѣчаются съ пѣніемъ Марсельезы, Парижъ-

[8]) Переводъ: «Луи Филиппъ служилъ великому народу, великой революціи и пріобрѣлъ великую славу великаго Наполеона».

[9]) Переводъ: «Благородный перъ сдѣлался обойщикомъ.... онъ будетъ драпированъ Франціею».

[10]) Переводъ: «Дѣлай, что́ долженъ, и пусть будетъ, что́ будетъ».

[11]) Переводъ: «Ей Богу! Они будутъ отмщены».

ены, всѣхъ пѣсенъ, которыя вели ихъ къ побѣдѣ, и послѣ каждаго куплета раздаются крики: „Vive la France! Vive la Pologne“! Слышатся тоже вездѣ: „A bas le ministère!“ (долой министерство). Никогда еще система малодушія не была такъ заклеймена общимъ презрѣніемъ. Вслушайтесь въ эти крики, въ эти гимны свободы! Да, это таже стремительность чувства народнаго, какъ въ прошедшемъ Іюлѣ. И солнце Іюльское ярко свѣтило, солнце Франціи и Польши! Пускай же исполнится требованіе этого громкаго гласа народа. И гдѣ же монархи найдутъ возможность удержать въ своихъ рукахъ власть? Не въ Польшѣ ли? Но именно Польша всѣхъ ихъ побѣдила, сокрушивъ сѣвернаго деспота“.

Изъ Англійскаго „Courrier“:

„Нѣкоторыя Французскія газеты весьма строго отнеслись къ нашему (Англійскому) министерству по поводу его предположеннаго отказа въ общемъ дѣйствіи съ Франціей, чтобъ заставить Россію войти въ переговоры съ Польшей. Мы имѣемъ достовѣрныя доказательства, что не было прямаго отказа; но не должно удивляться, что наше правительство продолжаетъ дѣйствовать отдѣльно въ этомъ случаѣ. Дѣло Польши есть дѣло всемірное, дѣло справедливости, человѣколюбія, свободы. Наши министры не выставляли на показъ своего сочувствія къ Польшѣ, не рисовались; они обратились къ Пруссіи съ предостереженіемъ не менѣе сильнымъ, чѣмъ выраженіе Французскаго правительства, упрекавшее ее за ея низкую и жестокую политику“.... и пр.

Изъ „Gazette de France“:

....„Теперь уже должно сознаться, что только у одной партіи во Франціи есть разумная система. Вотъ въ сущности основаніе этой системы управленія и политики“.

По внутреннимъ дѣламъ:

„Истинно національная монархія, народное представительство, эмансипація коммунъ (или волостей), возстановленіе провинцій съ ихъ особенностями, генеральные штаты (les états généraux), выбранные коммунами, департаментами и провинціями; камера перовъ, не потомственныхъ, въ которой бы засѣдали всѣ знаменитости края.“

По внѣшней политикѣ:

„Возстановленіе Польши и усиленіе Франціи посредствомъ федеративнаго союза четырехъ великихъ державъ континентальной Европы: Россіи, Австріи, Пруссіи и Франціи, противъ коварной политики Великобританской. Такой союзъ не такъ не сбыточенъ, какъ говорятъ“.

„Для Россіи Константинополь болѣе, чѣмъ достаточный замѣнъ за Польшу; для Австріи—Молдавія и Валахія стóятъ Ломбардіи; для Сардиніи—Ломбардія стоитъ Савои, для Пруссіи—Саксонія не хуже Рейна; а для короля Саксонскаго—Польская корона стóитъ Саксоніи, какъ она есть теперь, уменьшенная и раздѣленная. Для Голландіи, морской державы, колоніи дороже Бельгіи, которая ей не принадлежала въ самое блистательное время ея силы и могущества“.

*

С. Петербургъ.
(10) 22 Іюля 1831 года.

„На сихъ дняхъ сдѣлалось жертвою хóлеры еще нѣсколько извѣстныхъ намъ людей, въ томъ числѣ бывшій статсъ-секретарь Молчановъ; умеръ также профессоръ медицины Мудровъ, но не отъ холеры, а отъ паралича. Болѣзнь проникла и въ Финляндію; вѣроятно, затѣмъ туда отправляется Закревскій [12]); но въ Нижнемъ она совсѣмъ прекратилась; въ Москвѣ и въ Твери продолжается, однакожъ, какъ сказываютъ, не очень сильно (по крайней мѣрѣ въ Москвѣ). Какъ бы разбитые въ Литвѣ и Самогиціи мятежники не занесли ее

[12]) Онъ былъ предсѣдателемъ Комитета для принятія противъ холеры мѣръ, и въ народѣ его называли начальникомъ холеры; онъ даже разъ получилъ письмо съ титуломъ: «Его превосходительству, министру холеры».

въ Пруссію, также какъ Дверницкій занесъ въ Австрію. Впрочемъ заразительная ли она, то есть чисто-заразительная, или эпидемическая, сообщается ли она чрезъ людей, или чрезъ воздухъ — это знаетъ доселѣ одинъ Богъ. Но, кажется, достовѣрно то, что она пристаетъ или открывается лишь вслѣдствіе какой-нибудь невоздержности или иной неосторожности. Такъ, напримѣръ, случилось и съ графомъ Оперманномъ и Ланжерономъ: одинъ въ самый жаркій день хлебнулъ холодной воды прямо изъ колодца; другой принялъ безъ совѣта доктора сильное лѣкарство: „l e g o i“. Холера и смерть была немедленнымъ наказаніемъ этой стариковской шалости. Тѣмъ не менѣе жаль ихъ обоихъ: одного, какъ весьма полезнаго, другаго, какъ отмѣнно-милаго человѣка. Здѣсь очень жалѣютъ о графѣ Потоцкомъ, оберцеремоніймейстерѣ; онъ умеръ отъ застарѣлой желчной болѣзни. Дворъ и публика лишились въ немъ охотника и мастера давать праздники.“

*

С. Петербургъ.
(17) 29 Іюля 1831 года.

„Всѣ планы мои безпрестанно разстроиваются. Ты не удивишься, когда я скажу тебѣ, что мой Протестантскій Комитетъ отъ холеры и еще болѣе отъ страха почти весь разбѣжался: канцелярія его вся больна безъ исключенія. Мои непосредственные помощники въ этомъ дѣлѣ и вообще въ дѣлахъ также всѣ или нездоровы, или боятся; я самъ и отъ изнеможенія (послѣдствія эпидеміи) и жаровъ, и по совѣту докторовъ, не могу трудиться столь усиленно и постоянно, какъ прежде; слѣдственно работа хотя идетъ впередъ, но не такъ быстро, какъ я желалъ и думалъ, и, вмѣсто Іюля, едва-ли кончится въ Августѣ. Впрочемъ это бы еще не бѣда: двѣ-три недѣли позднѣе, но все я могъ бы еще ѣхать, если-бы сему не мѣшали другія обстоятельства. Пароходъ, вышедшій отсюда въ половинѣ прошедшаго мѣсяца, доселѣ не возвратился: говорятъ, что его не пустили въ Любекъ, что онъ отправленъ не знаю куда, кажется, въ Стокгольмъ для настоящаго ш е с т и н е д ѣ л ь н а г о карантина. На сухомъ пути тѣже бѣды, тѣже препятствія отъ страха, который холера распространяетъ по всей Европѣ. Какъ-же ѣхать? Сто́итъ-ли труда проситься въ отпускъ на два или хоть на три мѣсяца, чтобы провести все это время въ карантинахъ на пути къ вамъ и обратно?... Нѣтъ! Лучше пусть мы увидимся позднѣе, но за то Андрюша и Вадимъ долѣе и, буде можно, все холерное время, все время опасности, пробудутъ съ тобою. Государь дозволилъ имъ оставаться въ Берлинѣ, и для соблюденія формъ графъ Нессельроде оффиціально писалъ объ этомъ ко мнѣ и министру внутреннихъ дѣлъ, и къ нашей Берлинской миссіи. Между тѣмъ будемъ утѣшаться надеждою, разумѣется, надеждою на Бога, которая никогда не обманываетъ. Теперь мы ожидаемъ, молимъ отъ Него двухъ милостей: счастливаго окончанія холеры и счастливаго окончанія дѣлъ Польскихъ. Ахъ! Еслибы порядокъ и тишина могли снова воцариться въ Европѣ, сіи блага, коихъ мы не умѣемъ цѣнить, когда наслаждаемся ими! Тогда можно бы было, покрайней мѣрѣ съ нѣкоторою вѣроятностью, загадывать о будущемъ.....“

*

С. Петербургъ.
(22 Іюля) 3 Августа 1831 года.

„Пишу, между прочимъ, и для того, чтобы по вчерашнему моему обѣщанію отвѣчать тебѣ на твой вопросъ о моемъ продовольствіи, о томъ, гдѣ и какъ я обѣдаю. Съ тѣхъ поръ, какъ я отпустилъ своего повара, я обѣдаю иногда въ гостяхъ, званый или незваный, иногда въ трактирѣ Дюме, Андріё, или другомъ, но въ особенной комнатѣ, и наконецъ, по своему дурному обычаю, иногда совсѣмъ не обѣдаю. Такъ я продолжалъ и въ началѣ холеры, не смотря на увѣщанія докторовъ; такъ, вѣроятно, продолжалъ бы и доселѣ, если-бъ не случилось у меня въ домѣ того, объ чемъ я не упоминалъ въ моихъ прежнихъ письмахъ, чтобы не испугать тебя. 1-го Іюля, очень рано по утру, меня разбудили съ извѣ-

стіемъ, что мой камердинеръ, Густавъ, только шесть недѣль у меня бывшій, прекрасный, исправный и радѣтельный малый, въ ночь, черезъ часъ или черезъ полчаса послѣ того, какъ онъ раздѣлъ меня, занемогъ ужаснымъ припадкомъ холеры. Ему пускали кровь, ставили вантузы, подавали всѣ возможныя медицинскія пособія. Я подумалъ и о пособіяхъ религіи: призвалъ пастора Гаммельманна, который причастилъ его; потомъ бѣднаго отвезли въ больницу, гдѣ онъ въ слѣдующее утро умеръ. Увѣряю тебя, что я ни мало не испугался, даже не перемѣнялъ чулковъ, которые мнѣ подалъ несчастный Густавъ, будучи уже больнымъ, и не думалъ бѣжать изъ своего дома. Но за меня испугались другіе, особливо Телешевъ и докторъ уговаривали меня переѣхать на дачу, если не отъ холеры, то для лучшаго воздуха. Одоевскій предлагалъ мнѣ домикъ, принадлежащій его тещѣ Ланской, близъ Выборгской заставы. Но я не хотѣлъ и не могъ согласиться оставить городъ, а вмѣсто того перебрался въ домъ графа Шереметева, гдѣ Татьяна Васильевна и Куницынъ отвели мнѣ двѣ комнаты окнами въ садъ. Съ тѣхъ поръ, то есть съ 3-го Іюля (ибо я прожилъ еще полтора сутокъ въ своемъ домѣ послѣ холернаго въ немъ случая, чтобы мой переѣздъ не былъ похожъ на бѣгство) я живу здѣсь и утѣшаюсь тѣмъ, что по крайней мѣрѣ вижу зелень и какъ будто вбираю въ себя часть оксигена, которымъ деревья наполняютъ и возобновляютъ воздухъ; здѣсь же по большей части и обѣдаю, разумѣется, самыми простыми и немногими блюдами. Татьяна Васильевна даетъ прибѣжище не мнѣ одному: у нея еще прежде меня поселился Евгеньюшка Поликарповъ, потому что у Александра Александровича также отъ холеры умеръ камердинеръ Аѳанасій, тотъ, который былъ съ нимъ въ Дрезденѣ. Впрочемъ болѣзнь не пощадила и дома графа Шереметева: и здѣсь, только что на другомъ дворѣ, отъ нея умерло два человѣка, и въ томъ числѣ лучшій управитель графа, не помню его имени. Но сдѣлай милость, не пугайся: всему этому прошло уже около или болѣе трехъ недѣль, и теперь въ самомъ строгомъ карантинѣ перестали бы меня удаляться. Да! Въ тотъ день, какъ занемогъ мой Густавъ, нашъ сосѣдъ Фулонъ, вѣроятно, узнавъ объ этомъ, бѣжалъ со всѣмъ своимъ семействомъ на чугунный заводъ Кларка. Но что же? Холера настигла ихъ тамъ, и старуха, жена его, умерла отъ ея послѣдствій. Умерла также на дняхъ и тоже отъ холеры славная дама-виртуозка— Шимановская.“

Шимановская, о которой упоминается въ этомъ письмѣ, была Полька-піанистка, очень хорошая собой, съ этой томной поэтической граціей, которую придаетъ примѣсь Еврейской крови, съ Польской врожденной кокетливостью. Такъ по крайней мѣрѣ казалась она по наружности, и ея замѣчательный музыкальный талантъ не противорѣчитъ такому предположенію. Вообще этотъ даровитый народъ Еврейскій, когда онъ просвѣщенъ вѣрою Христа и смѣшеніемъ съ другими племенами, почти всегда производитъ замѣчательныхъ личностей.

*

С.Петербургъ.
(25 Іюля) 6 Августа 1831 года.

„Не могу обнять васъ, не могу подумать послать вамъ какой нибудь бездѣлицы въ подарокъ и даже почти не могу продолжать писать. Я не боленъ, по крайней мѣрѣ не въ холерѣ, но съ нѣкотораго времени, отъ грустныхъ обстоятельствъ и мыслей, или отъ разстройства нервовъ, или наконецъ отъ эпидемическихъ міазмовъ, которые носятся въ воздухѣ и больше или меньше на всѣхъ имѣютъ вліяніе, чувствую какое-то общее изнеможеніе силъ тѣлесныхъ и умственныхъ. Ты знаешь, какъ прежде я много ходилъ не уставая [13]); теперь малѣйшая прогулка меня утомляетъ. Тоже самое бываетъ со мною и въ занятіяхъ ума. Часто у меня

[13]) Мы ежегодно отправлялись всей семьей на богомолье въ Сергіевскую пустынь, за 17 верстъ, и батюшка, не отдыхая, шелъ пѣшкомъ; матушка ѣхала въ каретѣ.

валятся изъ рукъ не только перо и карандашъ, но и книги, столь долго бывшія для меня однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ наслажденія и отрады. Чтеніе, такъ сказать, уносило меня изъ настоящаго моего положенія; всѣ предметы, описываемые въ книгѣ, такъ живо отражались въ моемъ воображеніи: теперь они представляются мнѣ какъ будто въ смутномъ снѣ, перемѣшанные съ нынѣшними печальными происшествіями и печальнѣйшими предвидѣніями. Ахъ! Скоро ли будетъ конецъ этимъ тяжелымъ снамъ, и можемъ ли мы ожидать радостнаго пробужденія вмѣстѣ, въ другомъ, лучшемъ мірѣ, гдѣ все истина, гдѣ видимо царствуютъ Богъ и правда? Но Онъ, Онъ одинъ владычествуетъ и здѣсь, не смотря на мнимый безпорядокъ дѣлъ человѣческихъ, и все что̀ намъ кажется зломъ, есть даръ Его благости и, можетъ быть, самый драгоцѣнный, самый полезный для нашего нравственнаго усовершенствованія. Смиримся предъ сей великой, иногда для насъ непонятной, но тѣмъ не менѣе несомнѣнной, истиной“...

Этому страшному унынію немало способствовали новыя печальныя событія въ самой Россіи, о которыхъ по какой-то странности батюшка не пишетъ въ своихъ письмахъ. Вѣроятно, онъ присылалъ вырѣзки изъ газетъ, но я ихъ не нашла. Въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ упоминается, какъ уже о прошломъ, объ ужасномъ по своимъ неистовствамъ возмущеніи военныхъ поселеній. Впрочемъ объ этомъ уже было подробно разсказано очевидцемъ въ одномъ изъ прошедшихъ годовъ Русскаго Архива. Я видѣла только, такъ сказать, остатки этихъ поселеній, когда они были совершенно преобразованы. Но самый видъ этихъ строеній наводитъ скуку и тоску. Безвкусіе, монотонность, какая-то безжизненность въ этихъ низкихъ, желтыхъ домикахъ съ плоскими крышами, которые тянутся вдоль шоссе, съ однимъ и тѣмъ же деревяннымъ неуклюжимъ шпицемъ надъ церковью, или канцеляріей—Богъ ее знаетъ, въ серединѣ этой длинной линіи, и совершенная однообразность всѣхъ этихъ выселокъ, уже сами собою, кажется, могутъ довести человѣка до самоубійства или бунта, только бы освободиться отъ невыносимой ипохондріи, которую наводитъ даже наружный видъ поселеній. И точно, уже въ сороковыхъ годахъ, когда совершенно измѣнилось нравственное положеніе поселенцевъ, замѣчательна была рѣзкая разница между угрюмымъ, почти-дикимъ выраженіемъ лицъ и несвойственной Русскому человѣку молчаливостью и сдержанностью мужиковъ этой части Новогородской губерніи и веселою привѣтливостью сосѣдняго Тверскаго населенія, когда, бывало, ѣдешь по шоссе въ Москву. Непонятно, какъ Аракчееву, умному человѣку, пришла въ голову такая дикая мысль. Горькіе плоды ея, слава Богу и слава Царю нашему, нынѣ вырваны съ корнемъ изъ Русской почвы [14]). Не знаю, но хочется сказать: надѣюсь, что отвратительные домики эти и неуклюжіе шпицы сдѣлались жертвой неумолимаго разрушителя-времени, такъ безжалостно сокрушающаго все прекрасное и высокое. Неужели оно пощадитъ это безобразіе?

*

Берлинъ.
(9) 21 Августа 1831 года.

„Мы ограждены отъ холеры; даже вывели изъ города всѣ войска, чтобы составить на Одерѣ то, что̀ Вадимъ называетъ „des cordons solitaires“, вмѣсто sanitaires. Предосторожности, нѣкоторыя даже смѣшныя, не успокоиваютъ бѣдныхъ Берлинцевъ, которые, не смотря на ихъ храбрость въ военное время, теперь самые ужасные трусы въ мірѣ. Король велѣлъ объявить, выѣзжая въ Теплицъ для лѣченія, что если холера откроется въ Берлинѣ ранѣе времени, назначеннаго къ его возвращенію, онъ немедленно воротится. Слава Богу, эпидемія до сихъ поръ щадила окрестности города, и такъ какъ лѣченіе короля кончилось, онъ воротился нѣсколько дней тому назадъ. Увѣряютъ, будто жители бѣжали отъ его коляски, восклицая: „Король и холера здѣсь!“ Это очень похоже на Бер-

[14]) См. выше статью Д. А. Столыпина. *П. Б.*

линъ. Если это не правда, то по крайней мѣрѣ правдоподобно, „probâ-a-be-le“, какъ говаривалъ Англійскій дипломатъ Брэдишъ. Кстати о Брэдишѣ, который, кажется, все еще въ Константинополѣ. Маменька посылаетъ вамъ множество статей газетныхъ, гдѣ намъ все предлагаютъ Турцію въ замѣнъ Польши: то говоря, что мы тогда будемъ Азіатской державой, то, что такимъ образомъ Константинополь возвратится въ лоно цивилизаціи. Не знаю, какъ это клеится съ нашимъ признаннымъ варварствомъ. Кромѣ этого, Долгорукій привезетъ вамъ обратно De Vere, этотъ романъ самый прелестный въ своемъ родѣ, который я когда либо читала. Если характеръ Ventworth'a въ самомъ дѣлѣ похожъ на Канинга, этотъ великій министръ, конечно, можетъ служить образцомъ для государственныхъ людей. Вы бы прочли эту книгу. Я увѣрена, что вы бы ее прочли съ такимъ же удовольствіемъ, какъ я. Авторъ говоритъ, что онъ хотѣлъ описать властолюбіе. Я всегда ненавидѣла это качество, потому что смотрѣла на него только съ точки зрѣнія самой невыгодной: жестокаго властолюбія, властолюбія завоевателя, или узурпатора, или низкаго, мелочнаго властолюбія царедворца, который хочетъ выслужиться до высшихъ должностей. Но когда человѣкъ пренебрегаетъ всѣми недостойными средствами и стремится только къ власти для добра, такое властолюбіе становится добродѣтелью. „Власть, которая даетъ возмож„ность дѣлать добро, вотъ истинная цѣль „стремленій человѣка: ибо добрыя мысли и „желанія, хотя передъ Богомъ онѣ угодны, „однако для человѣковъ немного полезнѣе „хорошихъ сновъ, если онѣ не приведены въ „дѣйствіе; а привести ихъ въ дѣйствіе нель„зя безъ власти и высокихъ должностей, ко„торыя составляютъ, такъ сказать, въ нрав„ственномъ отношеніи выгодную позицію, „рѣшающую побѣду.“—Этотъ эпиграфъ изъ Бакона и составляетъ сущность романа. Я положила закладки на этихъ страницахъ, которыя мнѣ особенно нравятся, и если вы найдете минуту свободную, прочтите: я увѣрена, что книга не выпадетъ у васъ изъ рукъ. Рекомендую особенно нѣсколько главъ: „Заботы министерскія,“ „Колебанія партій“ и „Ссылка“, въ которой описывается посѣщеніе Болинброка въ его уединеніи села Villette; всѣ относятся къ Ventworth'y, т. е. къ Канингу“.

„P. S. Сейчасъ получено оффиціальное извѣстіе объ успѣшной стычкѣ нашей подъ Варшавой и что городъ окруженъ, или осажденъ (или какъ это говорится?) нашей арміей. Сверхъ того говорятъ, что Французская армія du Nord такъ дурно организована, что Белгійцы теперь сожалѣютъ, что ее призвали и что еслибъ не было запрещенія отъ короля, да несчастныхъ и подлыхъ протоколовъ Лондонскихъ, Голландцамъ не трудно было бы разбить Французовъ“.

*

С. Петербургъ.
(5) 17 Августа 1831 года.

.....„На дняхъ умеръ еще одинъ нашъ знакомый старикъ, адмиралъ Сарычевъ кажется, отъ холеры, по крайней мѣрѣ очень скоро: былъ боленъ только три дня. Впрочемъ холера, кажется, совсѣмъ проходитъ, не смотря на то, что теперь постъ, и многіе начали уже употреблять не весьма здоровую пищу, даже пустились на ягоды... Не думай однакожъ, чтобъ я былъ въ числѣ этихъ нетерпѣливцевъ. Нѣтъ, хотя я давно уже, и теперь еще болѣе, знаю малую цѣну жизни, но берегу ее не меньше тѣхъ, которые очень любятъ жизнь: ибо считаю сіе обязанностью, и увѣренъ, что сіе нужно, между прочимъ, и для того, чтобы сдѣлать себя достойнымъ величайшаго изъ всѣхъ благъ: христіанской угодной Богу, смерти“.

Такъ писалъ отецъ мой въ 1831 году; такъ жилъ онъ постоянно, имѣя въ виду это величайшее благо христіанской смерти, и въ 1864 году онъ сподобился ея.

„P. S. (онъ прибавляетъ) Въ Берлинъ сдѣланъ посланникомъ не Рибопьеръ, какъ думали, а Убри“.

С. Петербургъ. (8) 20 Августа 1831.

.....„Дѣла и просители, и возвратившійся изъ Самогиціи каноникъ [15]) съ бѣстями о бывшемъ и настоящемъ положеніи сего края отняли у меня почти все утро. Впрочемъ и писать почти нечего. Слава Богу, холера почти совсѣмъ насъ оставила; возмущенія въ военныхъ поселеніяхъ усмирены, благодаря твердости Государя; здоровье императрицы также, слава Богу, кажется, хорошо послѣ родовъ ея. Вотъ что могу сказать тебѣ пріятнаго и утѣшительнаго. Угодно-ль будетъ Небу ниспослать намъ и другія утѣшенія— побѣду и возвращеніе тишины, порядка, довольствія, а мнѣ сверхъ того и счастья скорѣе увидѣть, обнять васъ? Что у васъ говорятъ о новой войнѣ за Бельгію и въ Бельгіи? Это трудный вопросъ, который едва ли можно и какъ-нибудь разрѣшить безъ Англіи, а въ ней, кромѣ реформы, не знаю, чѣмъ занимается министерство. Государь вчера былъ здѣсь первый разъ послѣ рожденія новаго Великаго Князя и въ первый же разъ принималъ дипломатическій корпусъ послѣ холеры. Вѣроятно, вскорѣ за симъ будутъ отправлены курьеры“.....

Берлинъ. (8) 20 Августа 1831 г.

„Здѣсь носились и до сихъ поръ носятся слухи ужасные; разсказываютъ, что Польскіе и другіе агенты отравливаютъ Русскихъ: между прочимъ, В. К. Константина Павловича; что Государь и Государыня отъ слѣдствій яда чахнутъ и слабѣютъ. Ты можешь представить, что сначала я не вѣрила этимъ слухамъ, но ихъ безпрестанно потворяютъ и столь утвердительно, что я хотя не увѣрилась, но была въ страшномъ безпокойствѣ на ихъ счетъ и страшилась за тебя, и потому спрашивала, куда ты ходишь или ѣздишь обѣдать, въ какіе трактиры. О смятеніяхъ въ военныхъ поселеніяхъ мнѣ сегодня сказывали, что пишутъ изъ П-бурга, что тоже самое происходитъ и въ Нижнемъ и еще въ другихъ мѣстахъ (забыла, въ которыхъ) и что уже поймано болѣе ста человѣкъ возмутителей; что посланъ Орловъ; а въ Москву, говорятъ, посланъ Сергѣй Строгановъ; что тамъ какая-то другая эпидемія: люди падаютъ на улицахъ мертвыми въ туже минуту, и послѣ на нихъ дѣлаются черныя пятна“.

„Ты безпокоишься, что холера въ 6-ти миляхъ отъ Ландсберга, и думаешь, что я скрываю о ней; но до сихъ поръ она была въ Данцигѣ, Кёнигсбергѣ и Позенѣ, — я объ этомъ не писала, зная, что ты это увидишь въ Нѣмецкихъ газетахъ и что я столь была занята Петербургскою, что не приходила мнѣ мысль бояться. Слухи же здѣсь носятся такіе ложные, что имъ нельзя вѣрить, и я всегда узнавала у министра внутреннихъ дѣлъ, которому присылаютъ рапорты. Объ Ландсбергѣ здѣсь и не было слуху; а сей часъ Лиденька читала и переводила мнѣ изъ Штаатсцейтунгъ: „Въ Кюстринѣ, 16 миль отсюда, показалась какая-то другаго рода холера, отъ которой занемогло нѣсколько человѣкъ“. Будь увѣренъ, если бы Богу угодно было ее послать въ Берлинъ, я бы тотчасъ тебѣ написала. Теперь пришли мнѣ сказать, что слышали во дворцѣ (не знаю, правда ли) о томъ, что мы окружили Варшаву, и было маленькое сраженіе. Что ты скажешь de la non-intervention (о невмѣшательствѣ) когда послали 50,000 войска въ Бельгію?“

Министръ внутреннихъ дѣлъ былъ тогда Шукманъ (Schuckmann); хотя онъ былъ фонъ-Шукманъ, однако, кажется, другіе министры были фонѣе его (какъ Вигель увѣрялъ, будто Остзейцы между собою хвастали). Онъ былъ малаго роста, некрасивой наружности и обращенія нѣсколько неловкаго, какъ бы человѣкъ не привыкшій къ просторнымъ палатамъ и къ угощенію знати, человѣкъ съ бюрократическимъ оттѣнкомъ. Мнѣ казалось, что онъ или службою вышелъ въ фоны, или принадлежалъ къ Нѣмецкому провинціальному дворянству. Но онъ былъ добрый, дѣятельный человѣкъ, обще-уважаемый и дѣльный; объ немъ отзывались съ почтеніемъ и

[15]) См. переписку князя Гедроица съ графомъ Д. Н. Блудовымъ, въ Р. Архивѣ 1869. *П. Б.*

похвалою во всѣхъ слояхъ общества; а скромность и добродушіе его были привлекательны, не смотря на его наружные недостатки. Жена его и дочь (Марія) были такъ откровенно-привѣтливы, съ такимъ радушіемъ и теплотою принимали насъ и такъ искренно сочувствовали успѣхамъ и неудачамъ нашимъ въ Польшѣ, что, не зная (впрочемъ и до сихъ поръ) ничего о прошедшемъ Шукмана, мнѣ кажется что онъ, какъ-то, по духу и чувствамъ, должно быть, былъ близокъ къ королю и, должно быть, въ тяжелыя времена для Пруссіи тяжелѣ многихъ другихъ пострадалъ и поработалъ. Недавно случилось мнѣ просмотрѣть альбомъ портретовъ Императрицы Александры Ѳеодоровны, и между самыми близкими людьми и нѣкоторыми, но не всѣми, министрами, находится и портретъ Шукмана. — Праздники, я не помню, чтобъ давались у него; но за просто принимали ежедневно, и иногда бывали вечеринки. Мы очень часто ѣзжали къ нимъ, именно потому, что чувствовали себя въ дружелюбной къ Россіи атмосферѣ, и я очень коротко подружилась съ Маріей, умной, живой, сердечно-привѣтливой, основательно-образованной и доброй до безконечности. Она была мнѣ подруга по сердцу и гораздо серьезнѣе Эмиліи Цейнеръ [16]), такъ что съ Маріей Шукманъ наши пріятельскія отношенія приняли размѣръ почти дружбы и долго поддерживались перепискою и встрѣчами, когда я бывала проѣздомъ въ Берлинѣ. Уже послѣ смерти Шукмана, много лѣтъ спустя послѣ нашего перваго знакомства, я нашла Марію наставницей (воспитательницей) дочери принца Альбрехта, когда онъ уже развелся съ принцессой Маріанной. Осиротѣвшая, такъ сказать, маленькая принцесса Шарлотта была дорога ея наставницѣ, какъ родная дочь, и уже тогда была привѣтлива, мила и симпатична, обѣщая все, что́ сдержала потомъ, какъ принцесса Мейнингенская. Она очень похожа на нашу милую Вел. Княжну Александру Николаевну. Принцесса Шарлотта, какъ и Алекс. Николаевна, умерла въ ранней молодости, но успѣла заставить себя любить всѣхъ въ новомъ семействѣ и новомъ краѣ. Конечно, оставленная матерью въ дѣтствѣ, она одной Маріи Шукманъ была одолжена развитіемъ всего хорошаго своей хорошей натуры. Другая прекрасная черта наставницы было ея умѣнье сохранить у дѣтей полное уваженіе къ обоимъ родителямъ; и въ самомъ интимномъ разговорѣ со мной она никогда не бросала камнемъ въ мать своей питомицы, но говорила: „во всякомъ паденіи женщины, во всякомъ семейномъ раздорѣ есть много тяжелаго и непонятнаго, въ которомъ обѣ стороны виновны и въ которомъ лежитъ многое, смягчающее вину.“

Министромъ юстиціи былъ тогда Кампцъ. Объ его домѣ помню только, что жена его носила маленькіе, своеобразные, довольно смѣшные, тюрбаны или чалмы, въ видѣ головнаго убора. Главнымъ дѣльцомъ и, какъ говорили, другомъ короля былъ тогда генералъ Вицлебенъ, очень хорошо расположенный къ Россіи, но очень занятой, такъ что его мало видѣли въ свѣтѣ. Жены его совсѣмъ не помню, а помню хорошо маленькаго сына Эрика (Erick), который игралъ съ моими братьями, и дочь, лѣтъ 13 или 14, хорошенькую брюнетку. Другую дѣвочку, около тѣхъ же лѣтъ, видали мы въ это время — дочь Португальскаго посланника графа Лобо-Оріолы, очень красивую, смуглую, съ правильными чертами и черными южными глазами. Она въ послѣдствіи сдѣлалась весьма извѣстна въ Берлинскомъ обществѣ, какъ фрейлина и, такъ сказать, проводникъ политическихъ мнѣній и дѣятельности принцессы Августы, когда супругъ ея былъ наслѣднымъ принцемъ Прусскимъ. У фрейлины, графини Оріолы, бывали маленькіе вечера, на которыхъ сходились и знакомились люди вліятельные, или съ задатками будущаго вліянія и, какъ говорятъ, по выбору и назначенію самой принцессы. Не знаю, долго ли и съ какою пользою это продолжалось, и не знаю, куда дѣвалась потомъ графиня Оріола. Ея отецъ

[16]) См. Р. Архивъ 1873, стр. 2080.

и мать, подъ своимъ родовымъ именемъ Лобо (Lobau), были знакомы съ моими родителями еще прежде моего рожденія, въ 1812-мъ году въ Стокгольмѣ, гдѣ Лобо былъ посланникомъ Португальскимъ. Его жена была Нѣмка. Наслѣдовавъ или получивъ графство Оріола, онъ былъ переведенъ въ Берлинъ и тамъ такъ освоился, что дѣтей всѣхъ отдалъ на службу. Старшій сынъ прихрамывалъ и былъ въ гражданской службѣ; второй Альфонсъ (кажется) былъ штабъ-ротмистромъ или поручикомъ (lieutenant) въ драгунскомъ полку, не дуренъ собой, хорошій и усердный танцоръ на балахъ и весьма не глупый малый. Онъ былъ влюбленъ въ одну даму, которая жила на площади, гдѣ находился дворецъ принца Карла и, не имѣя возможности часто бывать у нея, прохаживался по площади подъ ея окнами ежедневно. Принцъ Карлъ подмѣтилъ это и увѣрялъ, что ставилъ часы по времени прогулки Оріолы: der Lieutenant geht spazieren (лейтенантъ идетъ прогуливаться), такой-то часъ, говаривалъ онъ,—и изъ этого сдѣлали прозвище Оріолы: просто der Lieutenant. Чуть-ли не по поводу этого романа родители постарались его прикомандировать къ принцу Генриху, который ѣхалъ путешествовать въ Индію и вообще на дальній Востокъ, и жители Вильгельмсплаца утратили способъ повѣрять часы по прогулкѣ лейтенанта. Другой драгунскій офицеръ, баронъ Зенденъ (Senden) былъ сынъ Гессенскаго посланника, тоже не глупый малый, съ которымъ я много танцовала. Онъ, какъ большая часть молодыхъ людей изъ мелкихъ княжествъ Нѣмецкихъ, которыхъ отцы были дипломатами при Берлинскомъ дворѣ, поступилъ тутъ же на службу. Они (т. е. вышеназванные молодые люди) были предшественниками въ военномъ отношеніи объединенія Германіи, но они же были носители той розни и антипатіи, которая до сихъ поръ существуетъ между сѣверной и южной Германіей. Съ любовью къ своему полку и товарищамъ Зенденъ соединялъ сильную нелюбовь къ Прусакамъ внѣ арміи, бранилъ ихъ въ самое то время, когда они и насъ выводили изъ терпѣнія, и сочувствовалъ Россіи и Русскимъ, должно быть, искренно: ибо потомъ и женился на Русской, на дочери Рибопьера. Съ нимъ былъ неразлучнымъ товарищемъ и другомъ молодой пѣхотный офицеръ Вицлебенъ, талантливый, веселый, славный малый, съ прекраснымъ голосомъ (теноромъ) и рисовавшій очень удачно карикатуры, или, лучше сказать, эскизы портретовъ карандашемъ, поразительнаго сходства. Онъ потомъ былъ гофмаршаломъ при одной изъ принцессъ; а теперь не знаю, живъ ли онъ. Зенденъ умеръ и жена его тоже. Во 2-мъ пѣхотномъ полку (zweite Garde-regiment) былъ еще одинъ изъ модныхъ кавалеровъ Рёдеръ (Röder), состоявшій адъютантомъ у принца Карла Мекленбургскаго. Онъ тоже былъ довольно остроумный, живой, разговорчивый, но съ оттѣнкомъ болѣе серіознымъ; сочинялъ маленькія піесы для домашнихъ театровъ и, говорили, бралъ на свою отвѣтственность сочиненія своего принца (éditeur responsable). Этотъ полкъ, стоя вблизи нашей квартиры (Friedrichs-Strasse), проходилъ на ученье почти всякій день мимо нашихъ оконъ. Онъ славился своей музыкой, и я должна сказать, что мнѣ не случалось даже и въ Австрійскихъ полкахъ слышать такое совершенство хора военной музыки, какъ въ то время въ этомъ полку. Я и теперь вспоминаю о немъ съ сердечною благодарностью за тѣ минуты успокоенія, душевной и ясной мечтательности, которыя навѣвала на меня гармонія этихъ звуковъ, въ моей тѣсной горенкѣ, когда я уходила отъ міра внѣшняго въ моимъ книгамъ или сочиненіямъ; и звуки эти казались не отъ внѣшняго міра, а какъ будто раздавались и пѣли въ душѣ.—Два брата Бонины (schwarze Bonin und blonde Bonin, брюнетъ Бонинъ и блондинъ Бонинъ) ничѣмъ особенно не были замѣчательны, кромѣ красивой наружности. Тутъ былъ еще одинъ бѣлокурый же офицеръ Hänken (кажется), влюбленный въ одну даровитую дѣвушку m-lle Rich-

ter. Она не была Fräulein von, а просто demoiselle - Richter, т. е. не была дворянка, и ее съ матерью не вездѣ принимали. Для меня это былъ первый случай встрѣчи съ проявленіемъ Нѣмецкаго аристократическаго чувства, для насъ, Русскихъ, мало понятнаго, въ которомъ археологія играетъ большую роль, или играла по крайней мѣрѣ. Древность происхожденія, брачные союзы, давность владѣнія дворянскимъ имѣніемъ, титулъ, принадлежащій имперскимъ дворянамъ, самая принадлежность къ роду обще-имперскому, или къ новѣйшему Прусскаго королевства, все это составляло своего рода историческую науку или предашія, извѣстныя каждому въ высшемъ обществѣ Берлина, и давало право на почетъ, внѣ всякой случайной обстановки по службѣ или богатству.

Это послѣднее обстоятельство приходилось мнѣ очень по сердцу. Да наши предки Римъ спасли—смѣшно и часто даже вредно; но мѣшокъ съ золотомъ безъ всякаго другаго достоинства, въ другой баснѣ Крылова, по мнѣ еще вреднѣе, потому что низводитъ съ высоты поэзіи и исторіи и изъ грѣха гордости падаетъ въ худшій грѣхъ человѣкоугодія, поклоненія серебряному идолу, въ добровольное униженіе изъ за вкуснаго обѣда или блистательнаго праздника съ ужиномъ и винами: не лучше и не выше Римскихъ паразитовъ временъ разврата и распаденія Имперіи.

Въ наше время въ Берлинскомъ обществѣ была прекрасная черта, которую я и тогда, не смотря на свою молодость, высоко цѣнила: всѣ отъ мала до велика, начиная съ самого короля, избѣгали роскоши. Въ большихъ оффиціальныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ на большихъ балахъ кронпринца, старый дворецъ съ своими великолѣпными залами блестѣлъ и горѣлъ яркимъ освѣщеніемъ, и туалеты дамъ были богатые; но это, такъ сказать, была дань, приносимая публикѣ царскимъ величіемъ. Остальные пріемы и праздники были самые скромные, и во всемъ соблюдалась строгая экономія: даваніе вечериновъ или вывозъ въ свѣтъ дочерей не сопровождались расходами сверхъ средствъ, не дѣлалось долговъ, а танцовали, пѣли и болтали, можетъ быть, тѣмъ непринужденнѣе и веселѣе, что никто не опасался критики и насмѣшки за то, что надѣто въ третій или четвертый разъ одно и тоже платье, да еще, можетъ быть, и мытое. Навеселившись и натанцовавшись, дѣвушка выйдетъ за мужъ и уѣдетъ съ мужемъ въ деревню хозяйничать, воспитывать дѣтей до того возраста, когда сына надо отдавать въ училище, а дочь вывозить въ свѣтъ. Тогда на собранныя экономіи и пріѣдетъ семейство на зимы двѣ-три въ Берлинъ, гдѣ и самой матери почти также весело, какъ дочери. Матушкѣ говаривали старыя дамы, что не такъ жили скромно прежде; но теперь Пруссія еще не оправилась отъ разорительной войны и отъ крестьянской реформы, проведенной Гарденбергомъ и Штейномъ, которая потрясла состоянія даже богатыхъ, а небольшихъ землевладѣльцевъ почти разорила. Разумѣется, многіе жаловались, почти всѣ сѣтовали на свое положеніе; но негодованія и брани мы не слыхали и, съ свойственнымъ Нѣмецкому характеру благоразуміемъ, Прусскіе помѣщики взялись за строжайшую экономію, за раціональное хозяйство: жили сами въ деревнѣ и сами вели работы; дѣтей къ тому же пріучали и, благодаря отличнымъ путямъ сообщенія и постоянному сбыту хлѣба, такъ умѣли поправить состояніе, что въ 40-хъ годахъ уже начали появляться роскошь и богатство большаго столичнаго города въ нашемъ скромномъ Берлинѣ. Теперь и общество не такъ исключительно; но тогда m-lle Richter, которая не была богата, была принята въ нѣкоторые дома только ради ея замѣчательнаго музыкальнаго таланта. Благовоспитанная, хорошенькая собой, съ пламенными черными глазами, съ прекраснымъ голосомъ, она пѣла очень хорошо, увлекая особенностью выраженія, совершенно южною, какою была и наружность

ея. Я слышала что Häncken, который казался весьма безхарактернымъ, добрый и красивый бальный кавалеръ, однако показалъ неожиданную твердость и постоянство и женился на ней. Но она жила не долго.

*

Берлинъ.
(9) 21 Августа 1831 г.

....„Вы намъ пишете, что холера въ 6 миляхъ отсюда. Это все пустые слухи. Въ Кюстринѣ, правда, воображали, что появилась холера, а это просто ежегодная эпидемія Августа мѣсяца, когда здѣшній народъ періодически объѣдается неспѣлыми фруктами... Еслибъ однако болѣзни вздумалось въ самомъ дѣлѣ появиться, не лишнее было бы прислать хорошаго доктора, т. е. опытнаго по этой части изъ Петербурга, ибо Прусскіе доктора не умѣютъ лечить холеру и даютъ всѣмъ больнымъ умирать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она показалась; а Берлинскіе честно признаются, что ничего въ холерномъ лѣченіи не смыслятъ. Петербургскаго доктора послали въ Варшаву изъ человѣколюбія. Мнѣ кажется, было бъ не менѣе великодушія въ посылкѣ врача въ Берлинъ, такъ какъ здѣшніе жители почти также враждебно къ намъ относятся, какъ Поляки. Врача не выгнали бы (какъ въ Варшавѣ), а приняли-бъ съ отверстыми объятіями...“

Это письмо напомнило мнѣ, что, узнавъ о появленіи холеры въ Варшавѣ и въ Польской арміи, Государь съ искреннимъ человѣколюбіемъ послалъ къ Полякамъ хорошаго врача, опытнаго въ леченіи этой новой, неразгаданной болѣзни. Побоялись-ли Поляки встрѣтить въ немъ отравителя — не знаю; но они выгнали или съ грубостію не приняли доктора. Тѣмъ не менѣе стóитъ припомнить еще эту черту сердечной доброты Государя Николая Павловича.

.....„О Бельгійской войнѣ я здѣсь мало слышу разсужденія, потому что никого почти не вижу: всѣ разъѣхались, даже наши Русскіе Мейендорфовы, не знаю, гдѣ теперь. Мансуровъ поѣхалъ проводить жену въ Дрезденъ и до сихъ поръ не возвращался. А я удивляюсь новаго рода non-intervention (невмѣшательству) и терпѣнію прочихъ державъ; вижу изъ Французскихъ газетъ, что какъ Франція, такъ и Англія хотятъ повелѣвать и управлять всей Европой; другъ друга терпѣть не могутъ и другъ друга бранятъ; однако и тѣ и другіе въ своихъ браняхъ правду говорятъ. Что это за Французскія камеры? C'est un scandale! Хватаютъ другъ друга за шиворотъ; всѣ вмѣстѣ кричатъ, точно въ кабакѣ; и, какъ кажется, они хотятъ поселить на долго свои войска въ крѣпостяхъ Бельгійскихъ, что̀ не весьма нравится Англіи. Я очень жалѣю о бѣдномъ королѣ Голландскомъ....“

*

Берлинъ.
(3 Сентября) 22 Августа 1831 года.

.....„Вечершія газеты увѣряютъ, будто здѣсь холера, а весь городъ говоритъ, что это ничто иное, какъ Берлинская ежегодная холера. Какъ бы то ни было, въ городѣ нѣтъ никакой перемѣны, ибо страхъ уже давно здѣсь царствуетъ (если можно такъ выразиться), а мнѣ совсѣмъ не кажется страшно. А только здѣсь у насъ славные доктора: ничего не понимаютъ, никогда не знаютъ, что́ холера, что́ не холера; теряются, и не понимаютъ, что́ имъ дѣлать. Увѣряютъ, что до того дошло, что будетъ объявлено съ будущаго понедѣльника приказомъ королевскимъ, чтобъ жители Берлина не смѣли умирать иначе, какъ отъ холеры, ибо доктора не могутъ различить холеру отъ простыхъ слѣдствій обжорства. Король на нихъ очень сердится, а кронъ-принцъ заперся съ остальными членами королевской фамиліи въ Sans-Souci, и имъ, вмѣсто фруктовъ, варенья и мороженаго, подаютъ послѣ обѣда конфеты изъ ромашки и мяты. Не смотря на всеобщій страхъ, принцъ Вильгельмъ однакожъ отважился не только на то, чтобъ пріѣхать въ городъ, но еще былъ въ госпиталяхъ и осматривалъ ихъ. Вотъ онъ, по крайней мѣрѣ, ведетъ себя какъ должно, а всѣ прочіе

Берлинцы ужъ куда какъ смѣшны! Иные бѣгутъ отъ заразы, другіе отъ заразы же пріѣзжаютъ сюда, чтобъ не занемочь въ деревнѣ; наконецъ третьи (le parti modéré) остаются на мѣстѣ и дрожатъ! Чтобы успокоить себя, дѣлаютъ все, что̀ можетъ вселить или умножить болѣзнь; напримѣръ, ни о чемъ не говорятъ, не пишутъ, не читаютъ, ничѣмъ не занимаются, какъ холерой; курятъ, кутаются, принимаютъ ромашку, мяту и всякую другую дрянь, и носятъ на тѣлѣ (по теперешнему жару! ибо такъ жарко, что и на открытомъ воздухѣ дышать нельзя) фланелевые корсеты, для того развѣ, чтобъ корсетъ, бросая ихъ безпрестанно въ жаръ, всегда напоминалъ имъ ихъ страхъ, такъ какъ бывало встарину носили власяницы, чтобъ боль ежеминутно напоминала о преступленіи, которое совершено было тѣмъ, кто ихъ носилъ. На меня же мнимая холера дѣлаетъ странное впечатлѣніе. Я думаю, что если она существуетъ (какъ кажется) только въ воображеніи докторовъ, то паническій страхъ Берлинцевъ очень смѣшонъ; если же въ самомъ дѣлѣ зараза есть, то умереть, будто бы еще болѣе, нежели обыкновенно, отъ воли Божіей зависитъ, и что̀-бы ни случилось, все будетъ для насъ же къ лучшему. Такъ за-чѣмъ же намъ страшиться того, чего не можемъ избѣжать? Но что̀ гораздо непріятнѣе холеры и что́ непонятно—это отступленіе (не хочу назвать бѣгствомъ) Паскевича. Не стану дѣлать никакихъ замѣчаній; но это, право, грустно слышать. Что̀ касается до Бельгики, о которой вы въ послѣднемъ письмѣ спрашиваете, вы узнаéте прежде полученія моего письма, что этой войнѣ давно спѣли вѣчную память и что наши друзья Голландцы вели себя прекрасно, а что les magnanimes Belges (великодушные Бельгійцы), „которые первые послѣдовали вели„кодушному примѣру Парижанъ (есть чѣмъ хвастаться въ самомъ дѣлѣ!) покрыли себя „стыдомъ; а король ихъ, можетъ быть, уже „сожалѣетъ о потерѣ пенсіи Англійской, ко„торую онъ промѣнялъ на какую-то шутов„скую корону"". Такъ пишутъ наши пріятели, легитимистскія газеты.

*

Берлинъ.
(19) 31 Августа 1831 года.

„Вы, вѣроятно, читали въ Staats-Zeitung, что одинъ человѣкъ умеръ въ Шарлоттенбургѣ; но теперь увѣряютъ, что просто отъ воспаленія, а будто докторъ короля нарочно приписалъ этотъ случай холерѣ, чтобы уговорить короля переѣхать съ дачи въ городъ. Какъ бы ни было, этотъ бѣдный лодочникъ все таки умеръ, напугавъ всѣхъ, и даже съ его тѣломъ были приключенія. Трупъ положили въ лодку и поручили двумъ или тремъ его товарищамъ отвезти его подальше и похоронить гдѣ-то далеко, далеко за тридевять земель, изъ опасенія заразы. Но сами лодочники боялись заразиться; а такъ какъ противъ холеры совѣтуютъ пить крѣпкую настойку, то они запаслись водкой и, какъ видно, слишкомъ усердно лѣчились ею, потому что всѣ потонули, и самую лодку нашли за двѣ или три мили отъ города, между Pfauen-Insel и Шпандау. Подлинно, повтореніе Gribouille'я, qui pour éviter la pluie se jette dans l'eau (который, чтобы избѣжать дождя, бросается въ воду). Этотъ случай такъ перепугалъ храбрыхъ Берлинцевъ, что сегодня они объявили, что холера свирѣпствуетъ чуть ли не на каждой улицѣ города. Но Буссе (прекрасный человѣкъ и хорошій врачъ, который замѣняетъ Грефе въ его отсутствіи) говоритъ, что это чистая выдумка".

„P. S. Нашъ добрый Руффо такъ испугался приближенія болѣзни, что бѣжалъ изъ Берлина. Habbiam fuggito, come il vento: Мы убѣжали съ быстротой вѣтра, какъ земля къ своему Пульчинеллѣ въ пѣснѣ [17]).

[17]) Эта пѣсня была сатирическая, составленная послѣ неудачной попытки Мюрата возвратить себѣ престолъ Неаполитанскій. Онъ было-собралъ войско изъ своихъ приверженцевъ и на смотру сказалъ генералу Филанджіери (если не ошибаюсь): «N'est ce «pas, général, quelles belles troupes? Qu'est ce que

„Вообще страхъ былъ панический, и нѣсколько дней передъ тѣмъ, на празднованіи въ память Гроссъ-Беренскаго сраженія, куда мы поѣхали изъ любопытства, пасторъ говорилъ проповѣдь, въ родѣ, такъ сказать, отходной молитвы собравшемуся на праздникъ народу; но такую длинную и съ такими драматическими жестами и всхлипываніемъ, что подъ конецъ рѣчь сдѣлалась уже не трогательна, а смѣшна, тѣмъ болѣе что слушатели сохраняли все время испуганное выраженіе лицъ“.

„Видно, императоръ Австрійскій также труситъ, какъ жители Берлина. Вы, конечно, слышали, что онъ закупорился въ Шенбрунѣ и посадилъ подъ замóкъ въ другомъ нà глухо запертомъ со всѣхъ сторонъ дворцѣ дипломатическій корпусъ, не столько, какъ говорятъ, изъ попеченія объ ихъ безопасности, сколько изъ опасенія, чтобъ они не воспользовались общимъ страхомъ и бездѣйствіемъ правительства для веденія интригъ, вредныхъ для имперіи его апостолическаго величества. Надобно надѣяться однако, что, кромѣ этихъ мѣръ почетнаго заключенія или домашняго ареста, принимаются другія, болѣе благоразумныя, нежели въ Пруссіи, гдѣ, изъ паническаго страха заразы, приговорили здоровыхъ къ голодной смерти. Города и берега рѣкъ такъ строго оцѣплены, что простой народъ находится безъ заработковъ и безъ сбыта для своихъ промысловъ и произведеній. Эти строгія мѣры противъ болѣзни, которую никакія человѣческія усилія не могутъ остановить, вездѣ приводятъ за собой плачевныя послѣдствія, и вотъ теперь Штетинъ служитъ тому новымъ доказательствомъ: тамъ были весьма серіозные безпорядки. Кронъ-принцъ туда ѣдетъ, и такъ какъ онъ везетъ съ собою деньги на помощь бѣднымъ, то можно надѣяться, что все кончится мирно [18]). Здѣсь (т. е. въ городѣ) правительство предоставило всѣ мѣры предосторожности одному страху самихъ жителей, и никакіе указы не могли бъ такъ подѣйствовать, какъ этотъ страхъ. Они окуриваютъ, или лучше сказать, поддерживаютъ постоянное куреніе и опрыскиваніе разными растворами, держатъ лоханки съ хлоромъ въ сѣняхъ, въ лавкахъ, въ жилыхъ комнатахъ, съ такимъ сильнымъ испареніемъ, что я задыхаюсь отъ нихъ. Любопытно видѣть, какъ они сидятъ у себя въ гостиной, среди спиртовыхъ и уксусныхъ лампъ, чановъ съ хлоромъ и какихъ-то еще аппаратовъ антихолерическихъ. Все это даетъ самый разнородный, отвратительный запахъ; всѣ тутъ кашляютъ, задыхаются, жалуются на головныя боли; въ горлѣ

«vous en dites? «(Не правда ли, генералъ, какое прекрасное войско? Что вы на это скажете?»)

— Je dis, отвѣчалъ тотъ, qu'en effet ce sont de belles troupes, mais qu'elles ont un inconvénient. («Я скажу, отвѣчалъ тотъ, что въ самомъ дѣлѣ это прекрасное войско, но въ немъ есть одинъ недостатокъ»)

Lequel? (Какой) спросилъ Мюратъ.

— C'est qu'elles ne se battront pas, возразилъ генералъ. («Оно не будетъ драться», возразилъ генералъ.) Такъ и вышло.

Увѣряли, будто, увидавъ вдали батарею, одинъ изъ волковъ остановился и не хотѣлъ продолжать движенія. Что жъ это значитъ? спросилъ командиръ: Впередъ!» — Eccelenza, ma non vedete? c'é il canone!! («Ваше превосходительство, развѣ не видите?—Тамъ пушки стоятъ!) Пульчинелла въ пѣсняхъ представитель Неаполитанцевъ, какъ Jon Bull Англичанинъ. Онъ будто бы пишетъ письмо слѣдующаго содержанія:

Pulcinella malcontento,
Desertar d'un regimento,
Mand'a sua madre di Benevento
Della patria il grand'evento.
Parliamento, muovimento,
Gran'fermento, e nel cimento,
La paura e'l tradimento;
Habbiam'fuggito, come'l vento!
Madre dolce, madre bella,
Preg' Il Dio per Pulcinella!

Переводъ. Пульчинелла, изъ недовольныхъ дезертёровъ изъ полка своего, описываетъ въ письмѣ въ матери въ Беневенто великое событіе на родинѣ. Рѣчи и разговоры, движеніе умовъ, великое броженіе, а въ роковую минуту трусость и предательство! Мы бѣжали скорѣе вѣтра! Милая мать моя, мать моя, красавица, моли Бога за твоего Пульчинеллу!

---

[18]) Эта поѣздка доказала, что кронъ-принцъ не боялся холеры. Сплетни разныя, доходившія до насъ въ это время, были совершенно буржуазнаго происхожденія, а извѣстно, что Берлинскіе бюргеры недолюбливали молодыхъ принцевъ.

першитъ, щеки горятъ лихорадочно, ибо они носятъ шерстяные чулки, башмаки на ватѣ, фланелевые пояса, фланелевые передники, фланелевые жилеты, фланелевые корсеты въ эту теплую погоду. У Шукмановыхъ, у которыхъ мы вчера пили чай, швейцаръ выглядывалъ карикатурой:—въ какомъ-то черномъ балахонѣ изъ клеенки. Намъ пришлось у нихъ ждать болѣе четверти часа, пока окуривали Ивана Мороза (нашъ Русскій лакей) и наконецъ дозволили ему взойдти на лѣстницу, чтобъ доложить о насъ. Вы видите, сколько смѣшнаго въ здѣшней холерѣ и, надѣюсь, вы не пожурите насъ за то, что мы забавляемся смѣшными случаями. Смертность не бо̀льшая, чѣмъ въ обыкновенное время весной. Признаюсь, я и не вѣрю въ эту холеру: просто умираютъ отъ обжорства и пьянства тѣмъ болѣе, что пьютъ ужасно, подъ предлогомъ предохраненія отъ холеры. Такъ какъ доктора еще ни одного больнаго не вылѣчили и такъ какъ они самые большіе трусы въ городѣ (судите по этому объ ихъ отважности!), въ народѣ начинаютъ поговаривать: „если докторá все будутъ отказываться входить въ холерныя палаты, какъ теперь, то мы ихъ втащимъ туда.“ Однако наши Берлинцы такой смирный народъ, что, Богъ дастъ, остановятся на угрозѣ. Увѣряю васъ, что мы въ совершенной безопасности....“

„P. S. Обыкновенный часъ полученія Staats Zeitung'a просроченъ, и нашъ portier думаетъ, что издатели умерли холерой“.

„5 минутъ спустя:

„Швейцаръ успокоился: г-да John und Cassel живы и здоровы: сей часъ принесли газету съ какой-то виньеткой около Sanitäts-Stempel—оттого и была задержка“.

*

С. Петербургъ.
(14) 26 Августа.

.....„Сегодня у насъ была большая, печальная и многотрудная церемонія: перевезеніе тѣла покойнаго цесаревича Константина Павловича изъ Гатчины въ Петербургъ. Государственный Совѣтъ и Сенатъ шли передъ гробомъ почти отъ Московской заставы до крѣпости. Но это не утомило бы меня: пройти пѣшкомъ пять или шесть верстъ для меня бездѣлка, даже и при теперешней моей слабости; но случилось, что во все время былъ проливной дождикъ. Мы не шли, а тащились по грязи и промокли, à la lettre, съ ногъ до головы и до самыхъ костей; я же имѣлъ неосторожность быть безъ калошъ, оттого не только усталъ, но, кажется, и простудился, и пишу тебѣ только, чтобы ты не безпокоилась. Погребеніе царевича, какъ слышно, будетъ въ Понедѣльникъ..... Сейчасъ Штиглицъ прислалъ ко мнѣ ваши письма. Зачѣмъ же вы такъ перепугались бывшей у меня, или лучше сказать, возлѣ меня холеры? Она, конечно, могла пристать ко мнѣ также, какъ и ко всякому; но не потому, что отъ нея умеръ мой Густавъ. Entre nous soit dit (между нами будь сказано), эта болѣзнь совсѣмъ не такъ заразительна, какъ воображали и, можетъ быть, еще воображаютъ многіе. Сверхъ того въ ней есть что-то непонятное, какъ будто капризное и задорное: чѣмъ строже принимаютъ противъ нея мѣры, тѣмъ болѣе она свирѣпствуетъ, вѣроятно оттого, что боязнь распространяетъ ее; напротивъ, когда отъ усталости, недостатка средствъ или отъ чего-нибудь инаго, бросатъ ограды, отворятъ ей ворота, она начинаетъ уменьшаться и вскорѣ проходитъ. Въ Петербургѣ Литейная часть есть самая высокая и въ обыкновенное время самая здоровая, а въ ней всего больше было больныхъ; Галерная гавань самая низкая и сырая, а въ ней доселѣ нѣтъ ни одного больнаго. Говорятъ, что она особенно лиха на пьяницъ: у меня въ домѣ были въ холерѣ камердинеръ мой, прекрасный, воздержный человѣкъ, и дворникъ, также добрый мужикъ (но, какъ ты знаешь, попивающій изрядно): камердинеръ умеръ, а дворникъ выздоровѣлъ; отъ новой неосторожности онъ опять занемогъ и опять выздоровѣлъ. Пойди, ищи толку: въ холерѣ его также мало, какъ

въ нѣкоторыхъ политическихъ и административныхъ системахъ нашего вѣка".

*

С. Петербургъ.
25 Августа 1831 г.

....„Тебѣ уже извѣстно, что въ праздникъ коронаціи былъ и праздникъ крещенія новорожденнаго Великаго Князя. Крестными отцами его были: король Прусскій, Великіе Князья Наслѣдникъ и Михаилъ Павловичъ; кумами ихъ: Великая Княжна Марія Николаевна и гроссъ-герцогиня Саксенъ-Веймарская. Въ этотъ же день графъ Юрій Александровичъ Головкинъ сдѣланъ оберъ-каммергеромъ, а Воронцовъ, какъ сказываютъ, оберъ-церемоніймейстеромъ. Генералъ-адъютантъ Храповицкій пожалованъ генераломъ отъ инфантеріи. Левашевъ и Орловъ получили ордена св. Владиміра первой степени, а князь Сергѣй Гагаринъ, прозванный слѣпымъ—въ Москву мѣсто старика князя Юсупова; ему данъ въ помощники другой сенаторъ и князь—Урусовъ, отецъ фрейлины, или фрейлинъ. Графъ Сергѣй Строгоновъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Минскъ, а бывшій тамъ прежде князь Николай Долгорукій — въ Вильну. Строгоновъ только сегодня возвратился изъ Москвы. Я видѣлъ его еще въ дорожномъ платьѣ. Есть, вѣроятно, какія-нибудь другія милости и назначенія, но я ихъ не знаю или забылъ".

„Сообщенія наши съ островами все еще затруднительны. Поставленъ одинъ Исаакіевскій мостъ; Большой и Воскресенскій доселѣ разорваны и полуразрушены, и не знаю, успѣютъ ли ихъ починить до осени. Отъ Царскаго Села насъ также отдѣляютъ, если не рѣки и испорченные мосты, то карантины. Впрочемъ холера, видимо, съ каждымъ днемъ теряетъ свои силу и лютость, и наконецъ, вмѣсто похоронъ, начинаютъ являться свадьбы. Въ прошедшее Воскресенье была здѣсь, въ домѣ графа Шереметева, одна свадьба не весьма великолѣпная, но важная: вышла дочь священника за какого-то магистра Александро-Невской Академіи, которому также обѣщано мѣсто священника въ Петро-Павловскомъ соборѣ. Въ тотъ же день была другая свадьба въ другомъ классѣ людей: вышла Демидова, вторая дочь Катерины Петровны, за Энгельгарда, о которомъ я знаю только, что онъ молодой человѣкъ, Преображенскій офицеръ и протестанской вѣры. Они вѣнчались въ церкви Вознесенія, а ужинали на Аптекарскомъ островѣ у бабушки, княгини Лопухиной".

*

С. Петербургъ.
(30 Августа) 11 Сентября 1831 г.

„Посылаю къ тебѣ полученныя мною отъ Кондратьева и Воронова [19]) письма и еще письмо какого-то мужика, который купленъ другимъ для отдачи въ рекруты, вмѣсто его сына, но уже двѣнадцать лѣтъ живетъ съ твоими крестьянами, исправляетъ всѣ повинности и желаетъ жениться на одной недавно овдовѣвшей бабѣ. Можетъ быть, онъ извѣстенъ тебѣ. Что прикажешь ему сказать, или не велишь ли спросить о немъ у старосты и міра?"

Записываю эти подробности, какъ образчикъ тогдашнихъ отношеній по имѣшію между супругами (по крайней мѣрѣ въ высшихъ классахъ). Не только по закону, но и по обычаю, который часто сильнѣе закона, замужняя женщина, также какъ и дѣвушка, была полной владѣтельницей и распорядительницей своего личнаго имущества, и въ самыхъ лучшихъ, нѣжныхъ семейныхъ отношеніяхъ, гдѣ доходы шли за одно, безъ различія, по домашнему распредѣленію, въ общую кассу, все же мужъ находилъ нужнымъ, чтобъ отношенія жены къ крестьянамъ, къ властямъ, къ управляющимъ, по ея собственному имѣнію, были совершенно самостоятельны, не только на дѣлѣ, но и на глаза всѣхъ, имѣющихъ съ нею дѣло. Съ одной стороны — это пріучало женщинъ съ молодости (конечно, совѣтами мужа большею частію) заниматься дѣлами; съ другой—заставляло ихъ знать, ка-

[19]) Кондратьевъ и Вороновъ, управляющіе имѣніями.

кія были ихъ личныя средства, что́ могли употреблять на себя и что́ должно было идти въ общее хозяйство. Это препятствовало тому пагубному обычаю чужихъ краевъ—брать въ кредитъ по счету, который посылается на уплату мужу и который довелъ Француженокъ до того, что одна модистка осмѣлилась отвѣчать одной незнакомой ей дамѣ, пріѣхавшей въ первый разъ въ магазинъ для заказа и сказавшей ей: Oh! je n'oserai jamais présenter une pareille note à mon mari!—Mon Dieu! Madame est si belle qu'il ne lui sera pas difficile de la faire payer par un autre [20])". — Мы вообще знаемъ цѣну деньгамъ только тогда, когда должны сами добывать (или получать лично) и сами расходовать; а покупать въ кредитъ съ тѣмъ, что другое лицо за насъ отвѣчаетъ, ведетъ непремѣнно къ безпорядку, если не къ мотовству, и къ привычкѣ не отказывать себѣ ни въ чемъ. А когда справедливые упреки мужа надоѣдаютъ, то и обращаются къ другимъ источникамъ. Вотъ послѣдствія вѣчной опеки женщинъ: „La femme est toujours mineure" [21]) по выраженію Французскаго закона".

С. Петербургъ.
(5) 17 Сентября 1831 г.

„Пишу къ тебѣ лишь нѣсколько строчекъ, потому что спѣшу одѣваться и ѣхать узнать подробности извѣстія, которыя вчера привезъ князь Суворовъ и о пріѣздѣ котораго городу объявлено 200 пушечными выстрѣлами съ крѣпости. Мы всѣ были въ безпокойствѣ ожиданія. Уже нѣсколько дней носился слухъ, что 23 или 25 Августа графъ Паскевичъ намѣренъ сдѣлать приступъ къ Варшавѣ. Вчера, по утру, пріѣхалъ ко мнѣ проститься графъ Сергѣй Строгоновъ и сказывалъ, что приступъ точно долженствовалъ быть 25-го числа и что фельдмаршалъ даже прислалъ Государю сдѣланный имъ для того планъ; сказывалъ также, что, по мнѣнію знающихъ военныхъ, планъ былъ прекрасный; что главнокомандующій, слѣдуя примѣру Суворова, вызывалъ охотниковъ на штурмъ; но тутъ вышло затрудненіе новаго рода: охотниковъ явилось слишкомъ много, и принуждены были велѣть имъ бросить жребій. Послѣ этого надлежало только ждать курьера съ рѣшительною вѣстью. Его ждали съ часу на часъ и, признаюсь, у меня было тяжело на сердцѣ: я самъ былъ очевидцемъ одного неудачнаго кровопролитнаго штурма [22]), и потому знаю, какъ въ дѣлахъ сего рода многое и почти все зависитъ отъ непредвидѣнныхъ случаевъ. Въ грустномъ расположеніи, не смотря на сырую, скверную погоду, я пошелъ бродить и, по обыкновенію своему, въ отдаленный край города. Звонъ колоколовъ напомнилъ мнѣ канунъ дня Св. Елисаветы, праздникъ кавалергардовъ, и я, хотя не для всенощной, но чтобы помолиться чудотворному образу Богородицы, зашелъ въ церковь Всѣхъ Скорбящихъ. Начинались сумерки; свѣтъ въ церкви былъ больше отъ свѣчъ и лампадъ, нежели отъ оконъ. Богослуженіе показалось мнѣ еще торжественнѣе, именно оттого, что молились со всѣми знаками живѣйшаго усердія не болѣе пяти, или шести человѣкъ. У меня на глазахъ навернулись слезы, когда дьяконъ передъ царскими дверями читалъ молитву о сохраненіи Государя, дома Его и о покореніи Ему всѣхъ враговъ и супостатовъ. Мысль о томъ, что́ на Вислѣ и о томъ, что́ въ Берлинѣ, о васъ, о Россіи, о возможности неудачи, несчастья, не оставляла меня. Но я еще не обѣдалъ, хотя былъ уже седьмой часъ, и потому отправился домой. Едва затворились за мною церковныя двери, и я еще не успѣлъ ступить съ крыльца на тротуаръ, какъ услышалъ звуки, похожіе на пушечные выстрѣлы. Какъ бы хорошо, подумалъ я, еслибъ въ это самое

[20]) Переводъ. «О! я никогда, не осмѣлюсь представить мужу такой счетъ.»—«Боже мой! Сударыня, вы такъ хороши, что вамъ вовсе не трудно заставить заплатить за себя кого-нибудь другаго!»

[21]) Переводъ. «Женщина всегда остается несовершеннолѣтнею».

[22]) Крѣпости Рущука 1811 года.

мгновенье Богъ утѣшилъ меня, и пушки возвѣстили-бъ намъ о взятіи Варшавы! Вдругъ за первымъ выстрѣломъ послѣдовалъ другой, уже гораздо явственнѣе; потомъ раздался третій, четвертый,—нельзя было сомнѣваться, что есть нѣчто необыкновенное, и я, вмѣсто того, чтобъ идти домой, пошелъ къ Невѣ. Народъ сбѣгался толпами на мосты и набережныя; всѣ спрашивали и всѣ же отвѣчали: „видно, Варшава взята“. За Невой мнѣ представилось необыкновенное зрѣлище: крѣпость была закрыта, какъ будто окутана, дымомъ, сквозь который при каждомъ выстрѣлѣ сверкала молнія; по сторонамъ этой густой колонны дыма, которая едва отдѣлялась отъ облаковъ, стояли, какъ рамы картины: справа церковь Покрова Богородицы, слѣва церкви Благовѣщенія и Св. Екатерины. Дождь пересталъ, вѣтеръ затихъ; кареты, дрожки остановились, и весь воздухъ былъ наполненъ однимъ громомъ пушекъ, который отдавался въ волнахъ Невы. Я позабылъ, что сыро, что я не обѣдалъ, что у меня болѣла голова?.....“

„Впрочемъ, какъ я уже писалъ тебѣ, подробно я до сихъ поръ не знаю ничего: ввечеру мнѣ сказали только, что Варшава взята приступомъ и именно въ назначенный фельдмаршаломъ день, 26 Августа, что намъ достались 138 пушекъ и 17,000 плѣнныхъ; что съ извѣстіемъ пріѣхалъ молодой князь Александръ Суворовъ, внукъ генералиссимуса. Мысль прислать его съ этою вѣстью истинно умна и прекрасна и дѣлаетъ честь графу Паскевичу: онъ самъ какъ будто связалъ два равно славныя взятія Варшавы.“

*

С. Петербургъ.
(9) 21 Сентября 1831 г.

.....„Ты пишешь ко мнѣ отъ 29-го Августа, что хочешь подарить нашему новорожденному Андрею часы: подари, прошу тебя отъ моего имени, и если не въ день рожденья, то хотя послѣ, сказавъ: „папенька желаетъ, „чтобы, глядя на часы, ты вспоминалъ, какъ „драгоцѣнно время: оно драгоцѣнно потому „особливо, что есть дорога къ вѣчности.“

„Я послалъ къ тебѣ напечатанныя здѣсь военныя и дипломатическія реляціи о штурмѣ укрѣпленій Варшавскихъ и сдачѣ города съ разными интересными приложеніями. Послѣ того не имѣемъ еще никакихъ новыхъ извѣстій. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ побѣдителей награждены: какъ сказываютъ въ публикѣ, фельдмаршалъ пожалованъ въ князья съ титуломъ свѣтлости и наименованіемъ „Варшавскаго“..... Радостный вѣстникъ, князь Суворовъ, сдѣланъ полковникомъ и шефомъ полка своего дѣда, генералиссимуса. Дворъ еще въ Царскомъ Селѣ, и карантины все еще существуютъ; однакожъ Кочубей и Несельроде нечаянно явились въ Петербургѣ: я видѣлъ ихъ и комитетствовалъ съ ними третьяго дня“.

*

Берлинъ.
(2) 14 Сентября 1831 года.

Въ эту минуту, вѣроятно, весь Петербургъ занятъ важнымъ извѣстіемъ о взятіи Варшавы, которое, по нашему разсчету, должны были получить 31-го или перваго стараго стиля. Мы же узнали это въ Воскресенье, 30-го Августа, въ день Св. Александра Невскаго, въ самое то время, какъ мы собирались ѣхать въ Русскую колонію, гдѣ была обѣдня. Первый намъ сказалъ разнощикъ иностранныхъ газетъ, и я сначала очень было обрадовалась; но потомъ нашла на меня такая грусть, что я плакала почти всю дорогу. Говорили, будто городъ взяли штурмомъ, что защищались въ каждомъ домѣ. Къ счастью, это вышло не правда: городъ сдался, но потеря была огромная съ обѣихъ сторонъ. Когда подумаю, сколько теперь проливается слезъ, сколько поблекшихъ надеждъ, сколько людей, счастье которыхъ разрушено навсегда,—мнѣ кажется было бы грѣшно слишкомъ радоваться. Конечно, Поляки много намъ сдѣлали вреда; но „лежачаго не бьютъ“, говоритъ пословица, которая дѣлаетъ честь нашему народу и, что̀ до меня касается, я не могу понять злопамятства послѣ побѣды. Ахъ, еслибъ всѣ думали, какъ я!

Жители обѣихъ странъ были бы истинно братьями. Какъ же природа человѣческая извращена! Время сокрушаетъ все, все, что́ ни есть великое, прекрасное, благородное, а злоба и ненависть однѣ не сокрушимы. О томъ, что̀ думаютъ Прусаки, не могу вамъ передать во всѣхъ оттѣнкахъ разныхъ мнѣній и партій, потому что я очень мало людей видѣла въ это время; но вообще это извѣстіе на нихъ подѣйствовало громовымъ ударомъ: до того они были увѣрены, что мы останемся передъ Варшавою стоять также долго, какъ Греки передъ Троей. Да къ тому же они очень жалѣютъ о несчастныхъ Полякахъ. Въ этомъ отношеніи я раздѣляю ихъ чувства; но мнѣ все хочется имъ сказать про наше войско то, что Lamotte говорилъ о королевской гвардіи:

„Et ces pauvres soldats, ne sont-ils „pas aussi des victimes? La fidélité au „serment, le courage, le dévouement ne „méritent-ils pas aussi une larme et un „souvenir?“ [28]).

„Наши охотники на штурмѣ одного укрѣпленія перешли ровъ, какъ по мосту, по тѣламъ убитыхъ товарищей, бросившихся первыми на штурмъ. Это ужасно, но дѣлаетъ честь храбрости обѣихъ сторонъ. Да взмилуется на насъ Господь и сохранитъ насъ на всегда отъ междоусобной войны! Это моя задушевная, горячая молитва. Однако подлѣ трагедіи всегда найдутъ мѣсто для комедіи или водевиля. И вотъ герцогъ Мортемаръ, который увѣряетъ Французовъ, что онъ управляетъ Россіей, выдумалъ хвастаться, что своимъ сильнымъ вліяніемъ и страшными угрозами онъ заставилъ Государя войти въ переговоры съ Скжинецкимъ или Малаховскимъ, или Дембинскимъ, или другимъ изъ пяти послѣднихъ генералиссимусовъ Польскихъ войскъ. Забавно, что Паскевичъ уже занялъ Варшаву въ то время, когда герцогъ хвастался своей декларацiей. А теперь Франція и Англія спорятъ, кто̀ изъ нихъ первая получила сообщеніе, будто бы Государь оставитъ Польшѣ ея хартію (конституцію.) Я бы отъ всей души желала, чтобъ въ самомъ дѣлѣ эта хартія осталась за ними, но хорошо обезпечивъ ея соблюденіе Поляками. Вѣдь Canning говорилъ, что великодушная политика всегда наилучшая“.

„Впрочемъ, что̀ бы ни рѣшилъ Государь, я увѣрена, что онъ сдѣлаетъ то что́, по его убѣжденію, есть обязанность его, и правда; а больше этого, кажется, самъ Богъ не требуетъ отъ человѣка.....“

*

Петербургъ.
(12) 24 Сентября 1831 года.

„Нынѣшній день назначенъ для погребенія покойнаго фельдмаршала, графа Дибича, котораго тѣло на прошедшей недѣлѣ привезли въ Кронштадтъ, а оттуда на Волковское кладбище, гдѣ стоитъ въ палаткѣ, пока не будетъ, согласно съ его желаніемъ, положено въ землю, возлѣ могилы его жены. Я собираюсь на эту печальную церемонію, не только по долгу приличія, но и по чувству: ибо я искренно, сердечно любилъ и уважалъ покойнаго Дибича, не смотря на несчастія, можетъ быть, и ошибки его послѣдней кампаніи, не смотря на бывшіе въ немъ недостатки, или лучше сказать, одинъ важный недостатокъ: излишнюю живость, излишнюю раздражительность нервовъ, которая, приводя въ безпорядокъ идеи его, иногда портила, или дѣлала безполезными самыя блистательныя его качества. Но чего не простишь, если не полководцу и государственному правителю, то по крайней мѣрѣ человѣку, за прекрасную, возвышенную, истинно-рыцарскую душу, пылавшую чистымъ, безкорыстнымъ усердіемъ къ правдѣ, къ чести, къ Государю и къ усыновившему его Отечеству! Дай Богъ всегда такихъ людей видѣть вокругъ престола! Но уваженіе и любовь къ памяти Дибича не мѣшаютъ мнѣ радоваться успѣхамъ его счастливаго преемника. Жаль только, что отпущенныя имъ съ прекрасными

[28]) Переводъ: «Развѣ эти бѣдные солдаты сами по себѣ не есть жертва? Ихъ вѣрность, храбрость, преданность не заслуживаютъ ли также капли слезы и памяти»?

обѣщаніями Польскія войска опять измѣнили словамъ капитуляціи также, какъ словамъ своей прежней присяги. Обстоятельства мнѣ въ точности еще неизвѣстны, и я не могу сказать рѣшительно: обманутъ ли графъ, или князь Паскевичъ, или онъ долженъ былъ притвориться, что вѣритъ, для спасенія мирныхъ жителей Варшавы. Вы, конечно, уже знаете, что жители очень мало потерпѣли, и притомъ немногіе: ибо самый городъ сдался, а приступомъ взяты лишь внѣшнія укрѣпленія и нѣсколько огороженныхъ палисадами садовъ. Приступъ былъ хотя и кровопролитный, но не такой, какъ сначала думали и, между прочимъ, имѣлъ то хорошее послѣдствіе, что еще болѣе поднялъ и безъ того прекрасный духъ нашего войска, показавъ намъ самимъ и непріятелю, что мы не только въ чистомъ полѣ, но и во рвахъ умѣемъ идти впередъ. Сами непріятели наши, Поляки, Французы и другіе, говорятъ: „c'est un des plus hauts faits d'armes qu'on ait jamais vus [24]).

„P. S. Сейчасъ прислали сказать, что погребеніе Дибича отложено до Понедѣльника и сейчасъ же мнѣ принесли ваши письма отъ (2) 14 Сентября. Antoinette напрасно больше плачетъ, нежели радуется: патріотизмъ, конечно, не долженъ мѣшать человѣколюбію, но искреннее человѣколюбіе не должно мѣшать патріотизму. И отчего же человѣчество больше страждетъ? Ужъ, вѣрно, не отъ нашихъ побѣдъ!“....

*

Берлинъ.
(19 Сентября) 1-го Октября 1831 года.

.....„Надѣюсь, что тишина, которая, можно думать, опять воцарится въ Европѣ, не уменьшитъ оказій писать къ вамъ; и я для того желаю, чтобы Матусевичъ продолжалъ протоколировать въ Лондонѣ: ибо сія благословенная конференція, если не дѣлаетъ ничего другаго путнаго, по крайней мѣрѣ посылаетъ много курьеровъ. Благодарю васъ тоже за supplément (добавленіе) къ Французской газетѣ; онъ весьма интересенъ и даетъ знать о многихъ подробностяхъ, о которыхъ мы еще не слыхали. Такъ какъ вы, видно, очень поздно узнаёте всѣ Польскія извѣстія, то мое письмо дойдетъ, можетъ быть, до васъ прежде, нежели узнаете, что Модлинъ сдался и уже въ нашихъ рукахъ. Третьяго дня сказали было, что и армія сдалась, но, видно, это неправда; впрочемъ она и не страшна, ибо мы отдѣлались отъ Ромарино и Рачинскаго. Говоря о Рыбинскомъ, Поляки увѣряютъ, qu'ils ont rendu justice à leur général. (Что они отдали справедливость своему генералу). Бѣдный человѣкъ! Вотъ что значитъ вѣрность буйной толпѣ“.

„А надобно однако признаться, что есть что-то удивительно-увлекательное въ народномъ восторгѣ, и я не могу хладнокровно слышать громкое ура. Какъ бы мнѣ хотѣлось видѣть, какъ примутъ Паскевича въ Петербургѣ: ибо онъ, вѣрно, черезъ непродолжительное время воротится въ Россію. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобъ онъ остался въ Польшѣ, гдѣ его натурально ненавидятъ; и если уже хотятъ быть великодушными, лучше совсѣмъ не дразнить ихъ: ибо нѣтъ средины между великодушіемъ и строгостью. Легче было бы быть на этомъ мѣстѣ кому-нибудь, кто не дѣйствовалъ во время войны, а не князю Варшавскому. Этотъ титулъ впрочемъ мнѣ не нравится: это будетъ вѣчное воспоминаніе о прискорбной междоусобной войнѣ. Для меня это будетъ всегда тяжелое воспоминаніе. Каково же должно быть Полякамъ!“

Такъ думала я тогда, такъ казалось было естественно думать всѣмъ; но эта поэтическая и драматическая сторона дѣла оказалась не такова въ дѣйствительности. Князя Паскевича совсѣмъ не возненавидѣли (я этому сама была свидѣтельница впослѣдствіи), а вотъ что происходило за кулисами тогда же, т. е. еще въ 1831 году.

Наши войска обложили Варшаву и готовились къ приступу. Въ это время явился въ нашъ лагерь генералъ Крюковецкій съ бѣлымъ флагомъ, парламентеромъ. Онъ пріѣхалъ къ Паскевичу верхомъ, съ блистательнымъ

[24]) Переводъ: »Это самое великое военное дѣло, которое когда-либо было«.

многочисленнымъ штабомъ и со всею вѣжливостію военныхъ правилъ для такихъ случаевъ, однако велъ разговоръ свысока и хвастливо, предлагая разныя условія для перемирія и негоціяцій о мирѣ. Паскевичъ также вѣжливо, но твердо отвѣчалъ, что ни на какія условія не можетъ согласиться, а только на одинъ часъ можетъ дать отсрочки для совѣщанія внутри Варшавы, между самими Поляками, и что если черезъ часъ не увидитъ на стѣнахъ бѣлаго флага въ сигналъ безусловной сдачи города, то онъ пойдетъ на приступъ. Крюковецкій высокомѣрно и даже заносчиво отвѣчалъ и отправился назадъ. Наступила торжественная тишина. Въ лагерѣ нашемъ неподвижность, бездѣйствіе ожидашя. Прошелъ условленный срокъ. Паскевичъ вынулъ часы изъ кармана и сказалъ своему штабу: „Господа! Часъ прошелъ. Я дамъ имъ еще четверть часа на размышленіе!“ Онъ всталъ, держа часы въ рукѣ. Флага не подняли на стѣнѣ Варшавы. Онъ обратился къ своему адъютанту Андро и послалъ его съ приказаніемъ къ гр. Петру Петровичу Палену идти на штурмъ со стороны Воли. Остальное извѣстно. Въ 1867 году я стояла съ этимъ самымъ адъютантомъ, нынѣ сенаторомъ Андро, въ Волѣ, на кладбищѣ, и онъ мнѣ разсказывалъ, на мѣстѣ, кровавыя происшествія 26-го Августа. Штурмъ былъ столь же отважный и стремительный, какъ защита была храбрая, отчаянная. Особенно въ костелѣ держалась долго горсть храбрецовъ. Графъ Паленъ былъ великолѣненъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ духа среди опасности, но доброе сердце его и тутъ не покидало: подъ Андро лошадь была убита, и онъ упалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Палена, который, думая, что онъ раненъ, подъѣхалъ къ нему и послалъ за помощью съ такой заботливостью, что и раненому было-бы легче отъ такого сердечнаго участія. На другой день вступили торжественно въ городъ. Всѣ почти жители оставались по домамъ, и всѣ ставни были затворены, и сторы опущены; но офицеры, поднимая глаза тамъ и сямъ на окна, видѣли много хорошенькихъ глазъ, смотрѣвшихъ сквозь щелку или изъ-за отодвинутой сторы, какъ Турчанки смотрятъ сквозь занавѣсы своихъ носилокъ (паланкиновъ). Вечеромъ уже было представленіе въ театрѣ, и все вошло въ обычную колею. Помню, что на слова: „l'ordre régne à Varsovie“ (порядокъ царствуетъ въ Варшавѣ), напечатанныя въ газетахъ въ переводѣ донесенія гр. Паскевича,—явились безконечные толки и выраженія негодованія. „Всѣ, дескать, были убиты, или изувѣчены, или изнемогали отъ лишеній и слезъ“. L'ordre c'était la tranquillité et le silence de la mort (этотъ порядокъ былъ спокойствіе и тишина смерти). Но на другой же день тѣ, которые умерли въ метафорѣ, воскресли въ дѣйствительности, и между ними генералъ Крюковецкій, который просилъ аудіенціи у Великаго Князя Михаила Павловича. В. Князь самъ передавалъ слѣдующія подробности. Крюковецкій, который за полтора сутокъ такъ высокомѣрно относился къ главнокомандующему Русской арміей, явился не въ Польскомъ, а въ Русскомъ генеральскомъ мундирѣ и послѣ перваго военнаго поклона вдругъ сдѣлалъ движеніе такое, какъ Латиняне дѣлаютъ въ церкви передъ Святыми Дарами, что-то въ родѣ книксена, представляющее сокращенное колѣнопреклоненіе,—въ тоже время дотрогиваясь рукою до полу, въ родѣ нашего земнаго поклона. Изумленный В. Князь не зналъ что думать. Monseigneur, сказалъ Крюковецкій, l'Empereur Alexandre m'avait fait une pension pour mes longues années de service; je viens demander l'intercession de V. Altesse Impériale pour m'obtenir de l'Empereur votre frère la continuation de cette pension [25]). Вотъ истинный Польскій падàмъ до ногъ, въ надеждѣ на Русскую пословицу: „лежачаго не бьютъ“. Не всѣ Польскіе генералы, слава Богу, были таковы. Хлопицкій удалился въ Кра-

[25]) Переводъ: «Ваше Высочество! (сказалъ Крюковецкій) Императоръ Александръ пожаловалъ мнѣ пенсіонъ за мою долголѣтнюю службу; я прошу ходатайства Вашего Императорскаго Высочества передъ Императоромъ, Вашимъ братомъ, о томъ, чтобы пенсіонъ мнѣ продолжали выдавать».

ковъ, гдѣ, вѣрный своему убѣжденію, что Польшу можно только было погубить черезъ вооруженную борьбу съ Россіей, не вмѣшивался ни въ какія интриги. Графъ Ѳома Лубинскій оставался до конца въ Польской арміи, до сдачи Модлинской крѣпости, держался въ ней съ Ледуховскимъ и, вѣрный тоже своимъ убѣжденіямъ, покорился, когда не было болѣе средствъ на сопротивленіе въ Польшѣ, и пріѣхалъ въ Петербургъ съ депутаціей, которая принесла повинную. Онъ вышелъ въ отставку и держалъ себя съ такимъ достоинствомъ, что заслужилъ общее уваженіе и дружбу многихъ честныхъ людей Русскихъ. И таковъ онъ остался до конца жизни, среди всѣхъ тяжелыхъ испытаній, выпавшихъ на его долю.

„Между тѣмъ (продолжается въ письмѣ) братья, особенно меньшой, безъ памяти отъ Паскевича и съ восторгомъ говорятъ о томъ, какъ наши солдаты пѣли пѣсни, идучи на штурмъ [26]). Они оба объявили, что никакой службы и знать не хотятъ, кромѣ военной, и очень серьозно находятъ, что имъ пора учиться въ цѣль стрѣлять, а иначе на что̀ имъ ученье маршировкѣ. Видите, какой у нихъ нынче воинственный духъ, и видите тоже по моему письму, въ которомъ говорю о такомъ вздорѣ, что холера не болѣе прежняго ужасаетъ меня; напротивъ, здѣсь и другіе начинаютъ къ ней привыкать и уже не такъ смѣшно-боязливы. Да она такая здѣсь смирная, что нельзя и сравнить съ Петербургской. И такъ, мы въ совершенной безопасности. Говорятъ, Паскевичъ идетъ противъ Польской арміи, чтобы принудить ее сдаться. Онъ оставилъ Варшаву“.

„P. S. Сейчасъ получено радостное извѣстіе: Le reste de l'armée polonaise, 14,000 hommes, se sont rendus aux Prussiens [27]).“

---

[26]) Они пѣли извѣстную пѣсню: «а на что было огородъ городить».

[27]) Переводъ: «Остатокъ Польской арміи, состоящій изъ 14,000, сдался Пруссакамъ».

ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФИНИ АНТОНИНЫ ДМИТРІЕВНЫ БЛУДОВОЙ *.

УСМИРЕНІЕ ПОЛЬСКАГО МЯТЕЖА 1831 ГОДА. ГРАФЪ КАПОДИСТРІЯ.

Краткое газетное извѣстіе о положеніи оружія арміей Рыбинскаго еще не означало окончанія войны: двѣ крѣпости оставались въ рукахъ мятежниковъ; къ тому же никакихъ подробностей не знали въ Берлинѣ, а въ Петербургѣ тѣмъ менѣе. Переписка наша опять становилась нѣсколько тревожна. Батюшка писалъ:

С.-Петербургъ, 19 Сентября (1 Октября) 1831 года.

Вы ничего не знаете о Польскомъ войскѣ, которое остановилось близь Модлина, и мы также еще ничего не знаемъ и надѣемся, особливо послѣ разбитія и бѣгства Ромаринова корпуса, что съ Рыбинскимъ и съ его корпусомъ также дѣло будетъ скоро кончено. Другихъ новостей нѣтъ. Третьяго дня здѣсь пронесся слухъ, будто въ Парижѣ было сильное возмущеніе, и бунтовщики, узнавъ о штурмѣ Варшавы, требовали войны съ Россіею. Говорили даже, что Себастіани и Казимиръ-Перье уступили этому требованію; но, слава Богу, вышло, что все это вздоръ. По Берлинскимъ и Французскимъ газетамъ, которыя я получаю, видно, что $^{4}/_{16}$ Сентября въ Парижѣ, или по крайней мѣрѣ въ публикѣ Парижской, еще неизвѣстно было о взятіи Варшавы и всѣхъ происшествіяхъ 25, 26 и 27-го Августа.

С.-Петербургъ, 23 Сентября (5 Октября) 1831 года.

Ты меня спрашиваешь, какъ я провелъ день моихъ именинъ. Увы! отвѣтъ будетъ короткій: я провелъ его какъ провожу почти всѣ дни вѣчера моей жизни, особливо съ тѣхъ поръ, какъ въ разлукѣ съ вами: въ трудахъ, въ грусти, немножко и въ болѣзни, потому что у меня болѣла голова и нѣчто похожее на лихорадку бродило по всему тѣлу. По утру было собраніе Государственнаго Совѣта, но я дозволилъ себѣ не быть въ этомъ собраніи, помня слова Евангельскія, что, воздавая Кесарю должное, надобно воздавать и Богу, что̀ Ему принадлежитъ. Вмѣсто Совѣта я былъ у обѣдни, здѣсь въ домѣ [1]), и хотя настоящій здѣшній имянинникъ, хозяинъ дома, праздновалъ этотъ день на берегахъ не Невы, а Вислы, однакожъ

---

*) См. Р. Архивъ 1873 и 1874 годовъ. Читатели припомнятъ, что семейство графа Д. Н. Блудова находилось въ Берлинѣ во время Польскаго мятежа 1831 года. Воспоминанія графини, его дочери, группируются вокругъ семейной переписки. *П. Б.*

[1]) Т. е. въ домѣ графа Шереметева, гдѣ тогда жилъ графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ. *П. Б.*

богослуженіе было торжественное, съ молебномъ и огромнымъ хоромъ пѣвчихъ. Тѣже пѣвчіе послѣ обѣдни пришли ко мнѣ въ комнату съ музыкальнымъ поздравленіемъ. Эта почесть стóпла мнѣ пятьдесятъ рублей, и случилось, что Русскимъ духовнымъ концертомъ я угощалъ Поляковъ, Уніатскихъ и Римско-Католическихъ духовныхъ, которые въ то время были у меня также съ церемоніальнымъ поздравленіемъ, хотя и безъ музыки. Я не догадался велѣть отказывать, не подозрѣвая, что знаютъ, кто изъ святыхъ отцевъ мой патронъ и когда ему празднуютъ. Послѣ концерта былъ завтракъ, не у меня, а у Татьяны Васильевны; послѣ завтрака я обѣдалъ у другаго именинника Дашкова, а послѣ обѣда мы съ нимъ вмѣстѣ явились и къ графу Кочубею въ Комитетъ, который продолжался до одинадцати часовъ. Я былъ званъ на вечеръ къ Австрійскому послу; но, слѣдуя тому же Евангельскому правилу, о которомъ думалъ по утру, предпочелъ должность такъ называемому веселью; однакожъ заѣхалъ къ графу Фикельмонту для исполненія другаго долга: учтивости, но уже послѣ нашего длиннаго и труднаго засѣданія, почти въ исходѣ двѣнадцатаго часа и, разумѣется, на короткое время.

С.-Петербургъ, 26 Сентября (8 Октября) 1831 года.

Утро или большую часть его у меня отняли, какъ дѣла, такъ и бездѣлье, то есть визиты, въ томъ числѣ одинъ довольно интересный. Не помню, сказывалъ ли я тебѣ третьяго года, что въ Варшавѣ нашелъ одного своего стараго знакомаго Фовицкаго [2]). Онъ тогда помогъ мнѣ осмотрѣть заведенія, достопамятности и окрестности этого въ то время мирнаго и цвѣтущаго города; теперь же разсказывалъ о томъ, что́ происходило въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался столицею Польской революціи, отъ перваго бунта 17 Ноября прошлаго года до 5-го Іюня нынѣшняго, когда бѣдному Фовицкому наконецъ удалось изъ него выбраться и вмѣсто Эмса, куда его отпустили изъ плѣна, возвратиться въ Россію. Своими любопытными и, какъ ясно видно, совершенно-правдивыми разсказами онъ занялъ меня около двухъ часовъ, и я на это конечно бы не жаловался, если бы не боялся пропустить почту: потому что у насъ хотя карантины сняты, но письма все еще прокалываются. Впрочемъ и писать много сего дня нечего. Слава Богу, у насъ холеры почти нѣтъ, и у васъ она уменьшается. Изъ Польши слышно только, что остатки войска мятежниковъ еще въ Плоцкѣ, еще смѣнили двухъ главнокомандующихъ и что фельдмаршалъ назначилъ имъ послѣдній срокъ — двое сутокъ, для того чтобы одуматься и сдаться. Между тѣмъ, какъ сказываютъ, одинъ изъ главныхъ предводителей не войска, а бунта, Немоёвскій, взятъ въ плѣнъ нашимъ казакомъ, котораго онъ не могъ прельстить ни обѣщаніями, ни червонцами. Объ успѣхахъ Красовскаго и Ридигера вы конечно уже знаете, а мы ничего больше не знаемъ.

Польское возмущеніе и участіе Россіи въ войнѣ были кончены побѣдоносно; только частные случаи, только личныя страданія, только тяжелая необходимость строгихъ общихъ мѣръ, отъ которыхъ иногда страдали если не совершенно невинные, то по крайней мѣрѣ люди менѣе виновные, все это было въ родѣ печальныхъ

---

[2]) Фовицкій (окончившій дни свои въ Крыму) лице замѣчательное; у насъ имѣется письмо о немъ В. А. Жуковскаго, который высоко цѣнилъ его и его познанія въ Польскомъ языкѣ и исторіи. Фовицкій имѣлъ отношенія къ Великому Князю Константину Павловичу. *П. Б.*

отголосковъ войны, которые не слышны были ликующимъ жителямъ Петербурга и Москвы, но для насъ, среди Польскихъ бѣглецовъ и сочувствующихъ имъ кружковъ Берлинскаго общества, они слишкомъ были внятны и наводили на меня грусть, съ примѣсью отвращенія къ тѣмъ пошлымъ фразамъ, которыми тогдашніе честолюбцы, также какъ нынѣшніе, прикрывали свое даже, можетъ быть, безсознательное властолюбіе, свою погоню за почестями, за выгодными мѣстами, за громкою популярностію. „Какъ справедливо говоритъ Gazette de France. (писала я): „Partout: où est écrit: souveraineté du peuple, pouvoir constituant, on lit: révolution et par conséquent ces vers si connus de Dante:

Per me si va nella città dolente,
Per me si va nel eterno dolore;
Per me si va tra la perduta gente,
Lasciate ogni speranza, voi ch'intrate [3])".

И въ самомъ дѣлѣ, не легка тиранія народа-царя, — этого миѳа! И въ западной Европѣ онъ имѣлъ тогда льстецовъ и искателей фортуны, обманывавшихъ его не менѣе, чѣмъ теперь. Возмущенія народныя почти всегда похожи на повѣтріе болѣзни: они какъ будто прилипчивы, и ихъ легко заносятъ зараженные агенты тайныхъ или открытыхъ обществъ, изъ края въ край. Въ Саксоніи и Брауншвейгѣ, въ Гессенъ-Кассельѣ, были маленькія революціи, какъ бывало на театрѣ давали водевили и фарсы послѣ трагедіи или драммы. Въ Дрезденѣ революція достигла своей великой государственной цѣли: изгнанія Италіанской оперы. Опера эта была замѣчательно-хороша и, привлекая молодые свѣжіе голоса и таланты Италіи, привлекала тоже иностранцевъ въ Дрезденъ и обогащала конечно маленькую Нѣмецкую столицу. Однако это послужило придиркой для обвиненія короля въ расточительности. Онъ отказался отъ Königliches Oper", взялъ себѣ своего наслѣдника въ соправители, и все это стоило много денегъ и причинило потерю многихъ доходовъ не королевскихъ, а городскихъ. За то Саксонцы могли хвастаться, что они не отстаютъ отъ Французовъ и что у нихъ тоже была своя маленькая либеральная революція. Въ Гессенъ-Кассельѣ вышло еще проще и, какъ говорили въ одной газетѣ, „цѣль была такъ легко достигнута, что народъ не понималъ, конченъ-ли переворотъ, или надобно съизнова начинать шумѣть". Ничто такъ не озадачиваетъ народъ, взявшійся за оружіе, чтобъ „завоевать силою свои вѣчныя права", какъ государь, который бросаетъ ему эти права въ лице, безъ всякаго сопротивленія, какъ бы говоря: На, бери эту дрянь! Толпа не знаетъ,

[3]) Эти стихи припоминаютъ мнѣ, что въ одно время (въ 40-хъ годахъ), когда предлагались нѣкоторыя мѣры большой важности, и члены Государственнаго Совѣта съ равнодушіемъ и легкомысленностію принимали или отклоняли ихъ почти единогласно, по личнымъ отношеніямъ къ предлагающимъ, отецъ мой, ратуя противъ нихъ съ незначительнымъ меньшинствомъ, говорилъ, что можнобы надъ дверями Государственнаго Совѣта выставить два послѣдніе стиха приведеннаго четверостишія.

куда обратить свою ярость, а предводители возмущенія не успѣли прославиться своими талантами, и всѣ выходятъ смѣшными. Такъ случилось въ Касселѣ. Нѣсколько жителей города прокричали на улицѣ: „Хотимъ конституціи“. Курфирстъ услышалъ, подошелъ къ окну и сказалъ: „Вы желаете конституціи. Я согласенъ; составьте сами и введите въ дѣйствіе“. Кассельцы очень сконфузились: никто изъ нихъ не имѣлъ понятія о такомъ сочиненіи. Къ счастію, тутъ случился г. Іорданъ, который предложилъ свои услуги народу, говоря: „Я профессоръ народнаго права въ Марбургѣ, такъ я и конституціи умѣю сочинять: для меня это плёвое дѣло“. Вышло, что у г. Іордана даже готовая конституція была въ запасѣ. Ее принесли и тутъ же провозгласили. Узнавъ объ этомъ, курфирстъ вышелъ на балконъ и присягнулъ на вѣрность этой импровизаціи. „Кто же приведетъ конституцію въ дѣйствіе?“ спросили крикуны. „Поручите кому угодно“, отвѣчалъ курфирстъ и захлопнулъ дверь балкона. Президентъ Шенкъ-фонъ-Швейндорфъ выступилъ впередъ и объявилъ, что онъ мастеръ этого дѣла. — „Ну такъ вы и введите конституцію“, отвѣчалъ народъ, и всѣ разошлись по домамъ. Но главный комитетъ революціонный былъ въ отчаяніи отъ такой развязки. Оно вышло какъ-то не великолѣпно, а смѣшно. Стали подбивать народъ опять просить снятія таможенъ, требовать части въ княжеской казнѣ (весьма богатой). Тиранъ согласился и половину казны своей отдать. Ужасный человѣкъ этотъ курфирстъ! Просто бѣдовый для народа, жаждущаго славы великой революціонной борьбы; все сдается безпрекословно. Что дѣлать? Тогда эти господа придрались къ частной жизни курфирста. Съ 1172 года, когда Людвигъ, прозванный Желѣзнымъ, наслѣдовалъ княжество послѣ отца своего Людвига Бородатаго, курфирсты Кассельскіе имѣли наслѣдственную слабость къ женщинамъ. Покойный курфирстъ часто мѣнялъ своихъ фаворитокъ; нынѣ царствующій курфирстъ вѣренъ все одной и той же графинѣ Рейхенбахъ, а сынъ его еще нравственнѣе и женился на своей фаворитки. Еслибъ Кассельцы искренно жаждали постепеннаго усовершенствованія, они бы поклонялись такому прогрессу; но они очень требовательны и настояли на удаленіи гр. Рейхенбахъ. Курфирстъ удалилъ ее; но самъ за ней удалился въ вольный городъ Франкфуртъ, гдѣ и нравы вольные. Уѣзжая, онъ назначилъ сына своего ко-регентомъ своимъ. — Король Саксонскій еще прежде придумалъ тоже самое. Если такой обычай распространится, мы увидимъ по два государя на каждомъ престолѣ: вотъ весь прогрессъ революціи.

Волненія и уличные безпорядки и въ Англіи, между прочимъ въ Бристолѣ, унимались вооруженною силою. Тогда были первыя прѣнія объ Reform-bill при Вильгельмѣ IV. Lord Brougham и Lord John Russell были сторонниками его.

Въ это тревожное время все принимало какое-то мрачное значеніе, все казалось, какъ говорится поанглійски, ominous, и не одинъ простой народъ смотрѣлъ съ тайнымъ или открытымъ смущені-

емъ даже на естественные феномены. До сихъ поръ живо помню что̀-то въ родѣ сѣвернаго сіянія необычайной свѣтлости и багроваго цвѣта, которое повторялось четыре ночи сряду въ Берлинѣ около этого времени. Въ письмахъ нашихъ мы всѣ описываемъ его.

16 (28) Сентября.

....Когда мы дошли до Weidendammer-Brücke, въ двухъ шагахъ отъ нашего дома, широкій горизонтъ открылся передъ нами въ чудномъ великолѣпіи. Темно-пурпуровый цвѣтъ неба становился всѐ багровѣе къ краю горизонта, въ прекрасной противуположности съ черными рядами домовъ, тянущихся вдаль, и съ высокими Италіанскими тополями, отдѣляющимися своими темными стволами на рдѣющемъ небосклонѣ, который повторялся кровавымъ отблескомъ въ водѣ около моста. Оно было великолѣпно, напоминая какую нибудь прекрасную декорацію на театрѣ, или необозримое зарево пожара; только пожаръ всегда соединяется съ мыслію о несчастіи и опасности для погорѣлыхъ, но тутъ, въ этомъ необычайномъ явленіи природы, я могла любоваться безъ печали, а только чувствовала то неопредѣленное безпокойство духа, какъ бы ожиданіе наступающей бѣды, that nameless dread of coming wo [4]), которое даже несуевѣрный человѣкъ почти всегда испытываетъ при зрѣлищѣ переворотовъ въ природѣ, совпадающихъ такъ неожиданно съ переворотами и несчастіями между людьми въ наше время. Когда мы дошли до бульвара Unter den Linden и направились къ тріумфальнымъ воротамъ (Brandenburges Thor), Колесница побѣды все отчетливѣе и яснѣе стала отдѣляться, темная и мрачная, тихо летящая на воздухѣ — и мнѣ казалась фигурой самой судьбы, которая, огромной мрачной тѣнію, шла тяжелыми шагами на городъ съ кроваваго огненнаго поля. На Unter den Linden можно было читать при свѣтѣ зарева. Какъ бы мнѣ хотѣлось знать, какая причина этого темно-лучезарнаго багроваго свѣта на небѣ? (пишетъ братъ). Здѣсь, какъ вездѣ, простой народъ суевѣренъ и думаетъ, что это предзнаменуетъ бѣду; наша кухарка даже очень совѣтовала намъ не слишкомъ смотрѣть на такое небо, чтобъ не накликнуть на себя бѣды, а нашъ Русскій лакей увѣряетъ, что непремѣнно будетъ кровопролитная война; въ такомъ случаѣ побѣда должна быть на сторонѣ Прусаковъ, такъ какъ ихъ побѣдная колесница лицемъ къ городу стоитъ въ этомъ сіяніи; да у нихъ вѣдь и задача не Богъ вѣсть какая,—только волненія въ Нейшателѣ, съ которыми, надѣюсь, скоро справятся.

На меня впечатлѣніе было менѣе успокоительное: я такъ отвѣчала на упреки батюшки за недостатокъ патріотизма, за грустныя слезы, съ которыми я приняла вѣсть о сдачи Варшавы.

Берлинъ, 16 (28) Сентября 1831 года.

....Наконецъ вы узнали о взятіи Варшавы! Не понимаю, какими судьбами Суворовъ, который вообще такъ быстро путешествуетъ, на этотъ разъ ѣхалъ такъ долго. Для насъ было почти столько же грусти, какъ радости въ этомъ извѣстіи. Въ Петербургѣ вы должны были радоваться вполнѣ: весь городъ чувствовалъ, какъ вы; тревожная радость встрѣчала васъ на всѣхъ лицахъ, а громъ пушекъ,—а крѣпость наша, а наша

---

[4]) Miss Landon.

синяя Нева!..... Но мы! Что было у насъ здѣсь возбудительнаго? Недовольныя, сердитыя лица народа попадающагося на встрѣчу, монотонная дорога въ Потсдамъ, проливной, постоянный дождь; мысль объ огромномъ числѣ убитыхъ и опасенія измѣнническаго покушенія на нашу армію, которымъ бредили Прусаки въ своей дружеской къ намъ фантазіи: они совсѣмъ порѣшили, что Варшаву взорвутъ на воздухъ съ нашимъ войскомъ въ ней. И съ самаго этого дня, какъ только почта опоздаетъ, наши дорогіе друзья Берлинцы съ удивительнымъ богатствомъ воображенія выдумываютъ разные ужасы. Слава Богу однако, даже они не могутъ разсказывать о потрясающихъ убійствахъ и звѣрствахъ въ Варшавѣ казаковъ и другихъ дикарей. Дѣло въ томъ, что всѣ принуждены сознаться въ примѣрномъ поведеніи нашихъ солдатъ; шесть человѣкъ только провинились противъ строгой дисциплины и разстрѣляны, а всѣ остальные совершенно-мирно держатся. Что же касается охотниковъ идти на штурмъ, о которыхъ вы пишете, они напрашивались толпами, какъ разсказываетъ очевидецъ (Прусскій офицеръ, пріѣхавшій изъ вашей арміи курьеромъ). Между ними были два унтеръ-офицера, одинъ ветеранъ, другой очень молодой юнкеръ; когда бросили жребій, старому солдату посчастливилось, а молодой сталъ настойчиво упрашивать его помѣняться съ нимъ. Наконецъ онъ предложилъ старику сто рублей, говоря ему: „Ты старъ и былъ во многихъ сраженіяхъ; а для меня это первое! Уступи мнѣ, голубчикъ твое мѣсто.“ Но старый воинъ ни за что не согласился и къ моей неописанной радости воротился со штурма невредимъ.

Со дня нашего торжества ненависть Берлинцевъ къ намъ увеличилась по мѣрѣ ихъ зависти; но за то и страхъ ихъ отъ Французовъ воскресъ послѣ возмущенія, или émeute, противъ министерства Казимира-Перьера; и они былибъ въ восхищеніи, еслибъ Русскія войска были на сторонѣ Пруссіи, quitte à nous haïr après encore plus, à proportion des services que nous pourrions leur rendre [5]). Что дѣлать? Такъ живется на свѣтѣ, и я лишь одного желаю, чтобъ милое отечество мое всегда заслуживало такого рода ненависть и всегда прощало.

Простой народъ столько же боится Французовъ, какъ боялся холеры, когда она сначала появилась, и увѣряетъ, что отъ него скрываютъ, не что Луи-Филипъ уже объявилъ Пруссіи войну, и что феноменъ на небѣ это доказываетъ: они считаютъ это знаменіемъ временъ (ein Zeichen) и говорятъ, что и смотрѣть на него не подобаетъ. Но какъ это явленіе великолѣпно! Особенно, если идти по бульвару Unter den Linden, точно какъ будто лошади побѣды въ самомъ дѣлѣ мчатъ черную колесницу по пламенѣющему воздуху! И поистинѣ становится жутко смотрѣть; кажется, что пораженный геній земли Прусской бѣжитъ съ ужасомъ отъ грозящаго врага.

Но вы подумаете, что и я заразилась мрачностію Германской фантазіи; да времена-то такія безпокойныя и тяжелыя!

Я и до сихъ поръ помню волненія той поры по всей Европѣ и безпокойство, съ которымъ встрѣчалась не только всякая перемѣна, но всякій слухъ о перемѣнѣ министерства.

Казимиръ-Перьеръ всѣхъ больше внушалъ довѣрія въ сохраненіи мира, хотя многіе во Франціи жаловались на его буржуазную

---

[5]) Получивъ возможность ненавидѣть насъ еще болѣе по мѣрѣ услугъ, которыя могли бы мы оказать имъ.

уступчивость. Въ то время страшились партіи, которую звали du mouvement по теперешнему республиканцы или интернаціоналы, le nom ne fait rien à la chose [6]), и среди всей ненависти и всѣхъ колкостей и нападеній, общее чувство было уваженіе къ этому человѣку, отдавшемуся всей душой сохраненію мира и огражденію отечества отъ тлетворной привычки безпрестанныхъ смутъ и переворотовъ. Частныя измѣненія въ личномъ составѣ министерства не измѣняли его направленія, но физическія силы измѣняли Казимиру-Перьеру. Стали поговаривать даже о воздѣйствіи на его умственныя способности, стали появляться статьи сатирическія и карикатуры. Одну особенно запомнила я, потому что, въ продолженіи моей жизни, слишкомъ часто, слишкомъ грустно, исполнялось изрѣченіе, на которомъ основана эта карикатура, представляющая женщину въ вѣнцѣ (Францію), сидящую у колеса точила; вмѣсто ножей она оттачивала министровъ тогдашнихъ: одинъ за другимъ, тоненькіе, извостренные, щедушные, падали какъ изношенныя маріонетки кукольной комедіи; и въ рукахъ по очереди она держала Казимира-Перьера. Подписано было: Le pouvoir use les hommes Увы! слишкомъ справедливо оправдался этотъ афоризмъ на многихъ и многихъ министрахъ на моемъ вѣку. Мнѣ какъ-то случилось разъ упомянуть объ этомъ князю Горчакову; онъ нѣсколько измѣнилъ поговорку, и она вышла также справедлива, хотя невсегда. Le pouvoir use, говорила я ему... — Le pouvoir grise [8]), возразилъ онъ. И то и другое бываетъ нерѣдко.

Въ то время еще не совсѣмъ улажено было дѣло Бельгійское; глухо волновалась почти вся Италія, и недобрыя вѣсти появлялись въ газетахъ изъ Греціи, хотя исключительная забота о нашихъ собственныхъ дѣлахъ въ Польшѣ слишкомъ занимала насъ для того, чтобы мы обратили вниманіе на этотъ дымокъ, поднимавшійся изъ кратера политическаго Везувія.

Однако уже $\frac{5}{17}$ Августа писали въ газетахъ изъ Корфу: „Неудовольствіе, которое давно было замѣтно на Греческихъ островахъ, особенно въ Гидрѣ, перешло въ открытый бунтъ. Гидріоты захватили въ Поросѣ фрегатъ Геллассъ и другія Греческія суда и сожгли ихъ“.

$\frac{14}{26}$ же Августа было успокоительное извѣстіе, что президентъ временнаго правленія графъ Каподистрія объявилъ созваніе народнаго собранія въ Октябрѣ мѣсяцѣ и подалъ ноту (записку) представителямъ трехъ покровительствующихъ державъ, настаивая на окончательномъ рѣшеніи дѣлъ Греціи, на прекращеніи гибельнаго временнаго, неопредѣленнаго положенія края.

Но мы еще въ то время стояли передъ сильной Польской арміей, съ мятежническими шайками сзади, въ Царствѣ Польскомъ и Литвѣ, съ другими шайками, наброшенными дружески съ Австрій-

---

[6]) Названіе не измѣняетъ предмета.
[7]) Власть изнашиваетъ людей.
[8]) Власть пьянитъ.

ской границы и съ Варшавой, Модлиномъ и Замостьемъ, укрѣпленными, съ сильными гарнизонами въ рукахъ непріятеля; а во Франціи было открыто-враждебное намъ правительство. Разумѣется, Австрія и Англійское правительство, относящіяся постоянно съ непріязнію ко всему православному на Востокѣ, не спѣшили внимать нашему одинокому голосу, предупреждавшему Европу о бѣдствіяхъ, которыя грозили освободившимся Грекамъ, оставленнымъ въ такомъ переходномъ положеніи, въ которомъ они должны были стоять вооруженными, постоянно на сторожѣ, подъ предводительствомъ храбрыхъ, но грубыхъ партизановъ, свыкшихся не съ свободою еще, а съ своеволіемъ и распущенностію начальниковъ шаекъ.

Такъ шли дѣла во всей западной и восточной Европѣ, кромѣ Россіи, гдѣ вѣрность и любовь къ Государю, не смотря на частные безпорядки, какъ напримѣръ въ военныхъ поселеніяхъ и на Сѣнной въ Петербургѣ, оставались неизмѣнныя, даже среди самаго взрыва народнаго мятежа. Нахожу въ одномъ изъ многихъ писемъ, что когда Государь пріѣхалъ на Сѣнную площадь во время бунта по случаю холеры и своими словами: „не у меня прощенія просите, а у Бога, Котораго прогнѣвали“, заставилъ всю эту толпу броситься на колѣни передъ церковью Спаса, въ это время какой-то инвалидъ подошелъ къ Государю и просилъ его не оставаться въ Петербургѣ, „чтобъ не пристала къ нему холера.“ Такова была нѣжная забота простыхъ людей о любимомъ Царѣ, въ то время, когда они считали, что сами находились въ смертельной опасности. Что эта любовь существовала во всѣхъ слояхъ Русскаго народа, ясно видимъ въ единодушіи, съ которымъ всѣ и всякій относился къ войнѣ съ Польшей. Не было этой болѣзненной, малодушной боязни мнѣнія иностранцевъ или Поляковъ, или своихъ либераловъ, въ отношеніи къ подавленію мятежа; всѣ, даже католики западныхъ губерній, служащіе въ нашей арміи, шли храбро и рѣшительно въ бой съ Польской арміей, а съ шайками и подавно. Хомяковъ, вышедшій изъ военной службы послѣ взятія Адріанополя по случаю смерти старшаго брата и по семейнымъ дѣламъ, подалъ было просьбу о вступленіи опять въ ряды и въ тоже время излилъ всю душу свою въ прекрасныхъ стихахъ.

Просьба.

О сжальтесь надо мной! Отдайте волю мнѣ!
Изъ кран дальнаго волшебный зовъ несется;
И кровь моя кипитъ, и сердце бурно рвется
Въ тотъ дальній край, къ войнѣ, къ войнѣ!
Вы видите: стремятся ополченья,
И взоры ихъ блестятъ надеждою побѣдъ...
Туда, туда, въ кровавыя сраженья
Я полечу за ними въ слѣдъ и т. д.

Также единодушно было и прощеніе, примиреніе, готовность къ забвенію вражды со стороны Государя и всѣхъ его подданныхъ. Это свидѣтельствуютъ всѣ частные, равно какъ и офиціальные документы тогдашніе, и всѣ стихи, написанные въ то время. Вообще

меня поражаетъ это поэтическое настроеніе, котораго, кажется, совершенно не было въ послѣднюю борьбу нашу съ Польшей (1863).

Въ одной газетѣ „Инвалидъ“, въ Сентябрѣ и началѣ Октября 1831 г. сколько напечатано стиховъ!

8 Сентября Якубовича: Солдатская пѣсня.

17 Сентября прекрасные стихи Хомякова:

О замолчите, битвы громы;
Остановись, кровавый бой!.....
Потомства пламеннымъ проклятьямъ
Да будетъ преданъ тотъ, чей гласъ
Противъ Славянъ Славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ въ преступный часъ.
Да будутъ прокляты преданья,
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ,
И повѣсть мщенья и страданья,—
Вина неисцѣлимыхъ ранъ.

Эти стихи мало извѣстны теперь. Тогда многіе и многіе проклинали съ поэтомъ эту напускную вражду, ибо тогда она точно была вызвана голосомъ иностранцевъ, особенно Французовъ. Тогда еще не существовало эмиграціи, но увы! съ тѣхъ поръ сами Поляки, начиная съ Лелевеля и Мицкевича, не только разработывали и распространяли, но даже выдумывали и искажали преданія. И позаботились и теперь заботятся сами Поляки, и другъ и недругъ наши, чтобъ ни намъ, ни потомству не видать никогда, какъ

Орлы Славянскіе взлетаютъ
Широкимъ, дерзостнымъ крыломъ,
Но мощную главу склоняютъ
Предъ старшимъ Сѣвернымъ орломъ...

А уже какъ „будущихъ Баяновъ струны поютъ согласье и покой“ между Славянами, кажется мнѣ никогда несбыточной мечтою. То что́ сказалъ Волынскій (кажется) о Русскихъ, можно повторить съ еще бо́льшей справедливостью о нашихъ единоплеменникахъ: „На что Славянамъ хлѣбъ? Они другъ друга ѣдятъ“ [9]).

Какъ бы то ни было, мы всѣ поднялись духомъ, всѣ ликовали; и въ прозѣ и въ стихахъ изливалось общее чувство радости.

18 Сентября нахожу я стихи Бека, 25 опять стихи Жуковскаго: Русская Слава, 9 Октября отголосокъ изъ Москвы: стихи Шишкова (младшаго, переводчика Шиллера), писанные въ Останкинѣ.

Извѣстія доходили до Берлина скорѣе, чѣмъ до Петербурга; мы были уже спокойны духомъ, и тонъ нашихъ писемъ становился веселѣе, хотя болѣе чѣмъ когда либо тянуло домой, туда, гдѣ единодушіе, любовь и торжество всѣхъ соединяли. За то въ политическомъ отношеніи уже почти нечего выписывать изъ писемъ, въ которыхъ нахожу такіе анекдоты, напримѣръ: Le Figaro prétend

[9]) За этой великолѣпной (по многочисленности) трапезой, безспорно можно уступить Полякамъ первое мѣсто. Вотъ уже „primus inter pares“, воистинну.

que le prétendant portugais a pour devise: „C'est en les fusillant qu'on gouverne les hommes“ [10]). Изъ другой газеты:

Impromptu adressé a m-le général de Lafayette qui a élevé la meilleure des républiques (Луи Филиппа) et un cochon superbe, dont il a fait hommage à la société d'émulation de Clermont, qui lui a décerné la médaille d'or:

Quoi! toujours de nouveaux fleurons
Viendront orner ta couronne civique?
Après les cent ovations
Que te décerna l'Amerique,
Tu ne pouvais manquer d'obtenir, homme unique!
Le prix dans l'art d'engraisser les cochons [11]).

И не только такія балагурства являлись въ газетахъ, но даже слѣдующія шутки: On lit dans un journal anglais une disposition législative encore existante, qui est fort remarquable par sa bizarrerie: „les proprietaires d'ânes sont obligés de leur raccourcir les oreilles afin que leur longueur n'effraie pas les chevaux“ [12]).

Между тѣмъ однако двѣ крѣпости въ Царствѣ Польскомъ еще держались, и кружекъ Вильгельмъ-Штрасе [13]) еще оплакивалъ ихъ будущую судьбу, когда весь гарнизонъ взлетитъ на воздухъ, взорвавъ собственными руками укрѣпленія. Я уже разсказала закулисныя сцены при сдачѣ Варшавы, но для полноты разсказа о полузабытыхъ происшествіяхъ тогдашнихъ, кажется, не безъ интересно прочитать и офиціальныя извѣстія, посылаемыя намъ изъ Петербурга.

Во время штурма Воли 26 Августа, фельдмаршалъ Паскевичъ сильно контуженъ въ руку ядромъ. Баронъ Гейсмаръ, князь (Михаилъ Дмитріевичъ) Горчаковъ и генералъ маіоръ Мартыновъ ранены пулями. Графъ Ностицъ и генералъ Зассъ контужены; 176 офицеровъ, 4202 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ ранено. Мы потеряли до 1000 человѣкъ убитыми. Въ 6 часовъ вечера огонь артиллеріи нашей заставилъ генерала Крюковецкаго написать на имя Государя письмо, въ которомъ объявляетъ, что народъ Польскій покоряется безусловно. Вотъ это письмо по-французски: „Sire, chargé dans ce moment-même du pouvoir de parler à Votre Majesté Impériale et Royale au nom de la nation Polonaise, je m'adresse par

[10]) Фигаро увѣряетъ, что у Португальскаго претендента девизъ: людьми правятъ разстрѣливая ихъ.

[11]) Экспромптъ, обращенный къ генералу Лафайету, воспитавшему лучшую изъ республикъ и въ тоже время превосходную свинью, представленную имъ въ общество поощренія въ Клермонтѣ, которое присудило ему золотую медаль: „Какъ! Все новые цвѣты украшаютъ твой гражданскій вѣнецъ? Послѣ множества почестей, которыми тебя осыпала Америка, ты—человѣкъ единственный—не утерпѣлъ, чтобы не получить награды за искусство откармливать свиней“.

[12]) Въ Англійской газетѣ находимъ законодательное распоряженіе, доселѣ имѣющее силу и весьма замѣчательное своею странностью: „Владѣльцы ословъ обязаны карнать имъ уши, чтобы лошади не пугались длинныхъ ушей“.

[13]) Улица въ Берлинѣ по сосѣдству съ дворцомъ Радзивиловъ, раздувавшихъ ненависть къ Россіи. *П. Б.*

son excellence m-le marechal comte Paskewitsch d'Erivan à Votre coeur paternel. En nous soumettant sans aucune condition à Votre Majesté notre Roi, la nation Polonaise sait qu'elle seule est à même de faire oublier le passé et de guérir les plaies profondes qui ont lacéré notre patrie. Comte Krukowetzky, général d'infanterie, président du gouvernement" [14]).

Получивъ это письмо, фельдмаршалъ отправилъ генерала Берга (въ послѣдствіи графа и намѣстника Царства Польскаго) въ Варшаву, снабдивъ его полномочіемъ, съ тѣмъ чтобы объявить, что если къ 4-мъ часамъ не будетъ все условлено и въ готовности къ сдачѣ, то начнется непремѣнно штурмъ самаго города. Но въ самое время, когда надобно было приступить къ рѣшенію дѣла, генералъ Бергъ узналъ, что генералъ Крюковецкій подалъ въ отставку. Онъ тогда обратился къ графу Малоховскому, главнокомандующему ихъ арміей, который написалъ къ фельдмаршалу слѣдующее письмо:

Monsieur le marechal. M-r. le comte Krukowiezki s'étant absenté de Varsovie sans prévenir les autorités du gouvernement et de la ville reviendra sans doute dans peu de moments pour recevoir le message dont votre excellence a chargé le général Berg [15]). Потомъ слѣдуютъ подробности о сдачѣ и выступленіи войскъ.

Вслѣдствіе этого письма выступленіе войскъ изъ Варшавы и Праги съ ея мостомъ совершилось, и по обоюдному условію Польская армія ретировалась на Плоцкъ, гдѣ и будетъ ожидать приказаній Его Величества. Такъ говорилось въ рапортѣ.

Но какъ Крюковецкій скрылся въ рѣшительную минуту, такъ и главные члены революціоннаго правительства теперь воспользовались конвенціей только для того, чтобъ уйти изъ Варшавы, а не для прекращенія своихъ дѣйствій и хотя вполнѣ человѣколюбивая цѣль фельдмаршала въ отношеніи къ жителямъ Варшавы была достигнута, и они могли въ непродолжительномъ времени безопасно ходить даже въ театръ, однако война еще могла возобновиться. Фельдмаршалъ писалъ въ другомъ донесеніи: „Къ несчастію, по наущенію нѣкоторыхъ членовъ революціоннаго правительства, вышедшихъ съ арміей изъ Варшавы, Польскія войска, которыя должны были ретироваться на Плоцкъ и ожидать приказаній, вѣроломно отказались заключить конвенцію, двинулись на Модлинъ, отча-

[14]) Государь! Уполномоченный въ эту самую минуту писать къ Вашему Императорскому и Королевскому Величеству во имя Польскаго народа, я обращаюсь черезъ его сіятельство фельдмаршала графа Паскевича Ериванскаго къ Вашему отеческому сердцу. Польскій народъ безусловно покоряется Вашему Величеству, нашему королю, и знаетъ, что вы одни можете покрыть забвеніемъ прошедшее и исцѣлить глубокія раны, коими изъязвлено наше отечество. Графъ Крюковецкій, генералъ отъ инфантеріи, президентъ правительства.

[15]) Господинъ фельдмаршалъ. Генералъ Крюковецкій, отлучившійся изъ Варшавы, не предупредивъ правительственныхъ и городскихъ властей, возвратится безъ сомнѣнія въ скоромъ времени, чтобы принять извѣстіе, которое вы поручили генералу Бергу.

сти въ самую крѣпость, отставивъ своего главнокомандующаго графа Малаховскаго, назначили на его мѣсто Рыбинскаго и, поддерживаемые другими подошедшими къ нимъ отрядами, собираются начать непріятельскія дѣйствія. Тоже самое сдѣлалъ отрядъ, стоящій около Сѣдлецъ подъ командою Ромарино, съ которымъ находились князь Чарторыжскій, Лелевель и другіе члены революціоннаго правительства и сейма. Желая истощить всѣ мѣры снисхожденія, фельдмаршалъ послалъ генерала Берга снова къ начальнику Польской арміи, требуя добровольнаго исполненія конвенціи 26 Августа и сдачи крѣпостей Модлина и Замостья; но въ тоже время всѣ мѣры приняты для исполненія силою этихъ требованій, если начальникъ Польской арміи отвергнетъ ихъ. Впрочемъ ихъ войска находились подъ вліяніемъ революціонной партіи, которая представлена въ арміи Немоёвскимъ и Моравскимъ. Этотъ послѣдній, говоря съ генераломъ Бергомъ, и не касался статей перемирія, а распространялся только о самыхъ безумныхъ планахъ кампаній противъ насъ и часто даже принималъ тонъ угрозы".

„При такихъ обстоятельствахъ фельдмаршалъ принужденъ былъ опять употребить силу оружія; послѣдствіемъ было уничтоженіе отряда Ромарино и соединенныхъ отрядовъ Ружицкаго и Каминскаго".

Такія извѣстія не могли не огорчать и не волновать батюшку. Наконецъ пришелъ рапортъ главнокомандующаго дѣйствующей арміи.

„Комендантъ крѣпости Модлина полковникъ Ледуховскій, будучи поставленъ въ извѣстность, что армія мятежниковъ подъ начальствомъ Рыбинскаго, тѣснимая Россійскими войсками, вошла въ предѣлы Пруссіи, гдѣ была обезоружена и что Великій Князь Михаилъ Павловичъ изволитъ проѣзжать чрезъ блокадный корпусъ, облегающій Модлинъ, изъявилъ желаніе сдать крѣпость сію Его Императорскому Высочеству и, явясь лично, просилъ объ исходатайствованіи гарнизону прощенія прежнихъ проступковъ. Государь Великій Князь приказалъ объявить полковнику Ледуховскому, что Его Императорское Высочество не можетъ принять никакихъ условій, но совѣтуетъ ему, сложа оружіе на гласисѣ, сдаться. Полковникъ Ледуховскій тогда обьявилъ, что крѣпость сдается безусловно. Вслѣдствіе сего, командующій блокадными войсками генералъ-лейтенантъ Головинъ принялъ крѣпость 28 Сентября".

За тѣмъ получено извѣстіе о сдачѣ крѣпости Замостья съ 200 пушекъ.

Спокойствіе было возстановлено по всему Царству Польскому. Мы искренно желали полнаго примиренія; но тутъ же, на первыхъ порахъ, при такомъ изъявленіи, матушка потерпѣла пораженіе. Въ Берлинѣ тогда жила графиня Нессельроде, Полька рожденіемъ, но какъ жена Русскаго генерала и родственница Русскаго министра, знакомая съ Русскими. Она была очень дружна или въ родствѣ съ женою Ледуховскаго. Около этого времени матушка какъ-то съ ними встрѣтилась. „Ну! Модлинъ въ вашихъ рукахъ", сказала графиня Нессельроде.—„Да, теперь все кончено, миръ возстановленъ, и слава Богу конецъ враждѣ", отвѣчала матушка въ ду-

шевномъ порывѣ. „На нашъ вѣкъ хватитъ, можетъ быть, перебила Ледуховская, а дѣти наши еще съ бо́льшей ненавистью будутъ враждовать; я вамъ ручаюсь“. Пророчество сбылось; но, кажется, сама пророчица и ея соотечественницы къ тому приложили свои старанія. У насъ же, добродушныхъ и легковѣрныхъ Русскихъ, себя обольщали и Пушкинъ, и Хомяковъ, и Жуковскій и отецъ мой, который писалъ:

С.-Петербургъ, 6 (18) Октября 1831 г.

....Сегодня мы празднуемъ окончаніе войны съ Польскими мятежниками: будутъ большой парадъ и молебствіе на Царицыномъ лугу. Эта церемонія была назначена въ прошедшее Воскресенье и отложена за дурной погодой. Сегодня же будутъ обнародованы манифестъ и приказъ войскамъ. Посылаю ихъ къ тебѣ, мой другъ, въ рукописныхъ коніяхъ, потому что печатанныхъ еще не имѣется. Можетъ быть, узнаешь, что и манифестъ, и приказъ оба моей работы; отгадаешь также, что я писалъ ихъ съ живымъ, непритворнымъ чувствомъ и, слава Богу, кажется Государь былъ ими очень доволенъ. Не знаю что́ съ своей стороны скажетъ публика, это сложное существо, которое Вальтеръ Скоттъ называетъ: „Thou manyheaded monster-thing“ [16]).

Манифестъ.

Божію милостію мы, Николай I и проч. и проч. Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ. Возженная измѣной война прекратилась. Народъ Царства Польскаго освобожденъ отъ насилія мятежниковъ, и тѣ слабые остатки ихъ полчищъ, кои до конца упорствовали въ заблужденіи, тѣснимые отовсюду нашими храбрыми войсками, удалились въ предѣлы сосѣдственныхъ съ нами державъ, и тамъ положили оружіе. Вѣрные подданные наши! Возвѣщая вамъ о семъ торжествѣ, истинно-утѣшительномъ, ибо имъ возстановляются спокойствіе и порядокъ, мы, также какъ при началѣ сей горестной для сердца нашего борьбы, обращаемся вмѣстѣ съ вами къ Тому, Кто, владычествуя судьбами царствъ и народовъ, столь видимо благословилъ наше правое дѣло.

Первая мысль наша, первая жертва хвалы и благодаренія да вознесутся къ престолу Его. Онъ, въ неисповѣдимомъ совѣтѣ Своемъ, положилъ подвергнуть насъ новымъ тягостнымъ испытаніямъ, но посреди ихъ явилъ и новые знаки къ намъ благости, показалъ твердость могущества Россіи, и вѣрныя наши войски, сію необоримую ограду Отечества, покрылъ новымъ блескомъ славы. Храбрые воины наши оправдали нашу довѣренность. Прославленные подвигами на берегахъ Ефрата, на высотахъ Балкана, Тавра и на поляхъ Румеліи, они въ семъ достопямятномъ, болѣе семи мѣсяцевъ не прерывавшемся походѣ, умѣли еще превзойти себя, презирая опасности, перенося неимовѣрные труды и нужды, сражаясь съ препятствіями, самою природою поставляемыми и съ отчаяннымъ сопротивленіемъ враговъ, не щадившихъ достоянія и крови народа, ими вовлеченнаго въ преступленіе; и рядъ блистательныхъ успѣховъ достойно заключенъ покореніемъ Варшавы, гдѣ непріятель былъ равно изумленъ великодушнымъ мужествомъ побѣдителей и уваженіемъ ихъ къ собственности и жизни побѣжденныхъ. Но сею кротостію въ побѣдѣ, симъ безкоры-

[16]) Многоголовое чудовище.

стіемъ и человѣколюбіемъ ознаменованы и всѣ дѣйствія нашихъ воиновъ въ Царствѣ Польскомъ; помня слова наши, они среди самыхъ кровопролитій старались уменьшать ужасы сей междоусобной брани, вездѣ щадили падшихъ, заблуждающихся и всѣхъ возвращающихся къ долгу принимали какъ братьевъ. Россіяне! Съ помощію небеснаго Промысла, мы довершимъ начатое нашими храбрыми войсками. Время и попеченія наши истребятъ сѣмена несогласій, столь долго волновавшихъ два соплеменные народа. Въ возвращенныхъ Россіи поддавныхъ вашихъ Царства Польскаго вы также будете видѣть лишь членовъ единаго съ вами великаго семейства. Не грозою мщенія, а примѣромъ вѣрности, великодушія, забвенія обидъ, вы будете способствовать успѣху предначертанныхъ нами мѣръ, тѣснѣйшему, твердому соединенію сего края съ прочими областями Имперіи, и сей государственный, неразрывный союзъ, къ утѣшенію нашему, ко славѣ Россіи, да будетъ всегда охраняемъ и поддерживаемъ чувствомъ любви къ одному Монарху, однѣхъ нераздѣльныхъ потребностей и пользъ и общаго никакимъ раздоромъ не возмущаемаго счастія.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 6-й день Октября, въ лѣто отъ Рождества Христова 1831-е, царствованія же нашего 6-е.

Николай.

ПРИКАЗЪ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІИ.

Воины! Вы исполнили мои ожиданія. Я ввѣрилъ вамъ усмиреніе мятежной Польши, защиту Отечества, и вы явили себя достойными хранителями его спокойствія и чести. Едва возвратясь изъ Тавриза, изъ Адріанополя, вы и нынѣ, въ борьбѣ съ отчаяннымъ непріятелемъ, умѣли преодолѣть всѣ трудности и своими незабвенными подвигами на берегахъ Вислы, Буга, Нарева, въ глубокихъ рвахъ и на раскатахъ Варшавы еще возвысить блескъ Россійскаго оружія. Судьба увѣнчала ваши усилія. Мятежъ усмиренъ, Царство Польское возвращено Державѣ Россійской и, видя конецъ своихъ бѣдственныхъ волненій, сами побѣжденные благословляютъ наши побѣды. Храбрые воины! Господу силъ принадлежитъ первая слава; но, возславъ къ Нему дань благодаренія нашего, я обращаюсь къ вамъ. Благодарю васъ именемъ торжествующаго, признательнаго Отечества. На васъ устремлены взоры Россіи; она гордится вами, и память вашихъ славныхъ дѣлъ сохранитъ въ своихъ лѣтописяхъ. Вы съ храбростію соединяете другія, еще возвышеннѣйшія доблести истиннаго воина: умѣренность въ побѣдѣ, снисхожденіе къ падшимъ, готовность къ примиренію съ противниками, когда они возвращаются къ долгу, и всюду жизнь и собственность обезоруженныхъ жителей были для васъ священны. Воины! Продолжайте оправдывать мою довѣренность и по возстановленіи мира соблюденіемъ строгой подчиненности и благоустройства въ рядахъ вашихъ и въ покоренномъ краѣ, внушайте, какъ прежде, любовь къ себѣ и порядку, любовь и приверженность къ престолу моему и уваженіе къ Россіи.

Николай.

6-го Октября 1831 года.

Посылаю къ тебѣ (продолжаетъ свое письмо отецъ мой) также книги, которыхъ ты просила для дѣтей: l'Enéide traduite par Ðelille. Но едва ли имъ надобно читать ее: переводъ очень слабъ и даже невѣренъ; они же учатся полатини и кажется съ успѣхомъ, такъ пусть читаютъ Виргилія

въ подлинникѣ. По просьбѣ Лидиньки, я къ Римскому древнему поэту прилагаю Италіанскаго почти древняго Dante; но отъ этого и отъ нѣсколькихъ фунтовъ чаю (который вамъ также нуженъ иля и еще необходимѣе книгъ, потому что хорошія книги есть и въ Берлинѣ, а чаю такого, какой вы любите, тамъ нѣтъ) посылка моя сдѣлается очень огромна. Къ счастью, какъ мнѣ сказывали, сверхъ нынѣшняго курьера отправляется другой завтра..... Однакожъ двухъ интереснѣйшихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, самыхъ легкихъ, т. е. тоненькихъ книжекъ я не хочу оставлять до завтра, а посылаю сего дня же: стихи Жуковскаго и Пушкина на взятіе Варшавы и другое стихотвореніе Жуковскаго: Русская Слава. Много прекраснаго въ тѣхъ и другихъ, особливо въ послѣднемъ, которое можно было назвать галлереею мастерскихъ картинъ военной Русской исторіи. Вы всѣ безъ сомнѣнія будете ими восхищаться: одна другой лучше, разительнѣе. Какая живость, какая вѣрность въ изображеніяхъ и особливо какая сила въ слогѣ. Право, въ иныхъ стихахъ больше мыслей, нежели словъ, и какъ трогателенъ конецъ! Чтобы вы его совершенно поняли, надобно вамъ разсказать, какимъ образомъ написаны эти стихи. Въ концѣ Іюля, какъ вы знаете, въ военныхъ Новгородскихъ поселеніяхъ было довольно сильное возмущеніе. Государь самъ, по обыкновенію, презирая всѣ опасности, поскакалъ туда и точно своимъ присутствіемъ, своею твердостію прекратилъ начинавшійся и уже ознаменованный многими ужасами мятежъ. Онъ выѣхалъ изъ Царскаго Села 25 Іюля по утру, и тотъ день и слѣдующій прошли безъ извѣстій: по крайней мѣрѣ Жуковскій не зналъ ничего. Вдругъ 27-го Іюля, рано утромъ, его будятъ и сказываютъ, что Императрица благополучно родила Великаго Князя. Онъ накинулъ на себя фракъ и побѣжалъ узнать вѣрнѣе о здоровьи ея,—все съ мыслію, что Государь еще въ Новгородѣ, посреди бунтующихъ. Кого же перваго онъ встрѣчаетъ въ корридорѣ? Самаго Императора, съ новорожденнымъ на рукахъ. Жуковскій тутъ же, въ своемъ поэтическомъ и, какъ можно надѣяться, пророческомъ восторгѣ, поздравляя Государя, со слезами сказалъ ему: „Ваше Величество! Это счастливый кризисъ въ дѣлахъ нашихъ; намъ Богъ послалъ новаго ангела“.

Стихи Жуковскаго однако не всѣмъ понравились. Помню между прочимъ, что ходило по городу острое словцо (какъ разсказалъ намъ батюшка). Стихи начинаются. „Была пора“ И критики сказали:

Была пора Жуковскому писать,
Пришла пора ему и перестать.

*

С.Петербургъ, 10 (22) Октября 1831 года.

О производствахъ и другихъ новостяхъ въ день празднества 6-го Октября вы узнаете изъ газетъ и замѣтите конечно, что маленькій восьмилѣтній сынъ фельдмаршала князя Варшавскаго сдѣланъ офицеромъ: такихъ офицеровъ, по крайней мѣрѣ между дѣтьми частныхъ людей, не бывало со временъ Екатерины. Государь и весь Дворъ еще въ Царскомъ Селѣ, но завтра переѣзжаютъ въ Петербургъ. Я также завтра, если не сегодня, думаю переѣхать въ свой домъ. Вчера у насъ погода была опять хорошая, то есть ясная, хотя и холодная, и я еще ходилъ въ Шереметьевскомъ саду, но недолго, потому что имѣлъ, кромѣ обыкновенныхъ дѣлъ, одну довольно упрямую работу, которая заставила меня отложить мой и безъ того поздній обѣдъ до девяти часовъ вечера.

*

С.-Петербургъ, 14 (26) Октября 1831 года.

Ты конечно не думала, и я самъ не воображалъ, что былъ лжецомъ, когда въ прошедшую Суботу писалъ къ тебѣ о пребываніи Государя въ Царскомъ Селѣ и о переѣздѣ его на другой день со всѣмъ Дворомъ въ Петербургъ. И однакожъ вышло такъ: въ Воскресенье къ намъ пріѣхала только самая младшая часть Императорскаго дома, Великій Князь Наслѣдникъ съ своими хотя Августѣйшими, но меньшими братцами и сестрицами. Государь готовился пріятнымъ образомъ изумить свою древнюю столицу и въ ночь съ Пятницы на Суботу отправился въ Москву. За нимъ въ слѣдъ, въ Воскресенье по утру, поѣхала и Государыня, съ весьма небольшою свитою. Сами Царскосельскіе наиболѣе приближенные ко Двору жители узнали объ этомъ только въ Пятницу; здѣсь лишь въ Суботу по утру, и не рано. Ко мнѣ, правда, съ этою вѣстью приходили въ то самое время, когда я писалъ къ вамъ, но я ей не повѣрилъ, бывъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ (въ Четвергъ ввечеру) въ Царскомъ Селѣ и не слыхавъ ничего. Впрочемъ немудрено, что я ничего не зналъ, когда и князь Голицынъ, главный директоръ почтъ, нынѣ снова поступившій въ званіе нянюшки Великихъ Князей и Княженъ, получилъ извѣстіе объ отъѣздѣ Государя и Государыни не ранѣе насъ. Сказываютъ, что Государь заранѣе очень забавлялся мыслію застать Московскихъ жителей и правителей въ расплохъ. Онъ и Императрица пробудутъ въ Москвѣ пять или шесть недѣль, слѣдственно по всей вѣроятности возвратятся уже зимнимъ путемъ.—Благодарю васъ всѣхъ за ваши милыя письма, Андрюшу сверхъ того благодарю и цалую за стихи его, которые получилъ вчера. Онъ требуетъ моей критики, и я собираюсь прислать къ нему мои замѣчанія, если успѣю, съ первымъ курьеромъ; но говорю заранѣе, что читалъ его стихи съ удовольствіемъ, ибо нашелъ въ нихъ то что̀ лучше, гораздо лучше правильнаго сочетанія риемъ и расположенія словъ: чувства хорошія, живыя, чувства, которыя съ живыми мыслями составляютъ главное достоинство стиховъ и прозы. Искусство слога пріобрѣтается навыкомъ, размышленіемъ, изученіемъ изящныхъ образцовыхъ сочиненій; но мысли и чувства должны выходить прямо изъ души нашей безъ натяжки, безъ преувеличенія, особливо безъ всякаго притворства, какъ у иныхъ мнимо-сентиментальныхъ авторовъ: ибо они тогда только дѣйствуютъ на читателей и, такъ сказать, сообщаются имъ, когда истинны. „Rien n'est beau que le vrai“ [17]), сказалъ Буало: это справедливо во всемъ и въ литературѣ, и въ нравственности, и въ произведеніяхъ искусства, и въ самыхъ обыкновенныхъ дѣйствіяхъ жизни. На этотъ разъ не скажу еще ничего объ другихъ статьяхъ дѣтей, потому что не успѣлъ прочесть ихъ. Но это не мѣшаетъ мнѣ каждый день радоваться милыми подарками нашихъ милыхъ дѣтей и каждый день внутри души моей благодарить сначала Бога, потомъ ихъ самихъ за то, что они посвящаютъ свое время такимъ занятіямъ, которыя питаютъ и возвышаютъ умъ и чувства, слѣдственно ведутъ душу къ великой, Небомъ предназначенной для нея цѣли.

Эти послѣднія строки, какъ многія другія въ этой перепискѣ, такого частнаго семейнаго характера, что, можетъ быть, лучше было бы не помѣщать ихъ здѣсь; но они такъ вѣрно характеризуютъ отца моего, его правила и воззрѣнія, что, мнѣ кажется, не лишнее переписать ихъ. Вообще, когда передаю мои воспоминанія и отрывки моей переписки въ печать, мнѣ хочется лишь одного: возстановить, реставрировать колоритъ времени, черты нѣкоторыхъ славныхъ дѣ-

[17]) Только вѣрное прекрасно.

ятелей и многихъ простыхъ, скромныхъ современниковъ, которыхъ карикатуры мнѣ слишкомъ часто встрѣчаются нынѣ. „Notre grand poëte, notre grand médecin, notre grand avocat, notre grand journaliste," говорятъ дѣйствующія лица у Скриба въ его Camaraderie. „Nul n'aura d'esprit que nous et nos amis" [18]), хотя и преимущественно черта Французскаго характера, однако привилась и къ намъ. Пусть такъ и будетъ, но для будущаго историка пускай матеріалы будутъ собраны изъ разныхъ кружковъ такъ, чтобы онъ могъ видѣть и хорошую, и дурную сторону и тѣхъ и другихъ, какъ ни составляй романы на дѣйствующихъ лицъ сыны ихъ и внуки. On dit: il n'y a pas de héros pour son valet de chambre, сказалъ какъ-то Фельдмаршалъ Паскевичъ, mais tous les contemporains sont des valets de chambre [19]),—остроумное замѣчаніе, довольно справедливое въ томъ смыслѣ, что современники ближе видятъ недостатки историческихъ лицъ; но зато потомки рѣдко умѣютъ ставить эти лица въ ихъ современную обстановку, а между тѣмъ сколько обстановка бросаетъ тѣни или свѣта на личность: Вотъ этотъ духъ современности дышетъ въ домашнемъ ежедневномъ бытѣ, въ воззрѣніяхъ, предразсудкахъ, привычкахъ, съ которыми борятся или которымъ поддаются дѣйствующія въ исторіи лица. А какъ много должно имѣть вліянія на наше сужденіе о нихъ знакомство съ окружающей ихъ средой. Оттого мнѣ кажется, что есть серіозный интересъ и въ нѣкоторыхъ мелочахъ и въ перепечатаніи нѣкоторыхъ публичныхъ актовъ, какъ напримѣръ эти манифестъ и приказъ. Хотя слогъ нѣсколько устарѣлъ, но нельзя не сочувствовать теплотѣ и возвышенности чувства и религіозному характеру этихъ воззваній, которыя Государь призналъ за удовлетворительное выраженіе его собственныхъ мыслей и намѣреній.

И въ самомъ дѣлѣ, эти намѣренія были самыя снисходительныя. Не была возвращена конституція, которую Поляки сами уничтожили, но за то былъ данъ Статутъ (Statut Organique), съ весьма широкими правами и, еслибъ онъ исполнялся въ точности, нечего было бъ и требовать больше. Но, какъ говоритъ князь Горчаковъ, le pouvoir grise, и конечно Фельдмаршалъ Паскевичъ сдѣлался скоро совершенно самодержавнымъ намѣстникомъ. (Киселевъ увѣрялъ, что когда посмотритъ на Паскевича въ Петербургѣ при Дворѣ, онъ ему все кажется какимъ-то графомъ Шамборомъ). И это еще была не такая великая бѣда, потому что, при всемъ самодержавіи Паскевича, Поляки любили его; но не всѣ окружающіе его были хороши, и своекорыстіе, даже продажность многихъ чиновниковъ, губили всѣ добрыя намѣренія и благоразумныя мѣры. Двѣ мѣры, однако, благоразумныя и справедливыя, ужасно раздражили Поляковъ; это вопервыхъ указъ 5-го Ноября 1831 года о шляхтѣ въ Западныхъ губерніяхъ. Онъ начинается объясненіемъ „что люди сіи, по недостатку осѣдлости и по образу жизни, наиболѣе склонялись къ возстанію", и назначаетъ разряды для раздѣленія всѣхъ не доказавшихъ своего

[18]) Умны только мы и наши друзья.

[19]) Говорятъ, для камердинера не бываетъ героя; но всѣ современники суть камердинеры.

дворянства на разныя степени простыхъ обывателей, „не отъемля однако права доказывать дворянство въ послѣдствіи“. Это конечно было непріятно, но въ особенности тѣмъ, что это задѣвало Польскій гоноръ и лишало дворы богатыхъ магнатовъ части блеска, низводя ихъ придворную шляхту на степень дворовыхъ людей.

Другою мѣрою, еще справедливѣйшей, было распоряженіе по министерству просвѣщенія, провозгласившее обученіе Русскому языку обязательнымъ во всѣхъ училищахъ Царства Польскаго. Но нѣкоторые приняли это съ хорошей стороны, расчитывая, что, выучиваясь хорошо порусски и вступая всей массой учившихся въ коронную службу, они вытѣснятъ или по крайней мѣрѣ не дадутъ хода Русскимъ въ самой Россіи и, на случай новаго возстанія, будутъ имѣть въ рукахъ сильное оружіе противъ правительства. Такъ говорили многіе мнѣ самой въ то время, и отчасти оно оказалось такъ впослѣдствіи.

Вообще же Поляки обижались и сердились безразсудно. Между прочимъ вспомнилось мнѣ смѣшное приключеніе въ Парижѣ въ 1862 году. Мы были тамъ проѣздомъ изъ Трувиля, гдѣ батюшка лечился. Разъ, утромъ, пришли сказать, что прикащикъ изъ магазина „aux Montagnes Russes“ принесъ мнѣ обращики, не угодно ли посмотрѣть? Такъ какъ мои финансы и вкусы даже тогда не увлекали меня на покупки, я велѣла сказать, что ничего не надобно; человѣкъ однако опять пришелъ, а потомъ и моя горничная, чтобъ сказать, что только просятъ посмотрѣть, съ настойчивостію Парижскихъ магазиновъ, увѣренныхъ, что придти, взглянуть, значитъ быть побѣжденнымъ. Я наконецъ пошла въ свою комнату и нашла молодаго прикащика, ничѣмъ незамѣчательнаго, съ книгами и папками обращиковъ; перелистывая эти книги, я увидѣла очень дешевое легонькое платье и сказала горничной: вотъ это бы можно было привести въ гостинецъ очень молодой дѣвушкѣ (которую назвала), да не знаю, который цвѣтъ будетъ болѣе къ лицу? Вдругъ слышу порусски: „Она бѣлокурая или брюнетка?“ Я обратилась съ удивленіемъ. Это говорилъ весьма чисто порусски, хотя съ какимъ-то не совсѣмъ Русскимъ выговоромъ, прикащикъ. „Вы не Русскій?“ спросила я. „Нѣтъ“.—„Вы выучились здѣсь порусски?—„Нѣтъ“.—„Гдѣ же?“—„Въ Варшавѣ: насъ принуждали (съ мелодраматическимъ удареніемъ на слово) учиться порусски въ гимназіи“. „Ну, вы видите, что оно иногда и пригодится. Чѣмъ больше знаешь языковъ, тѣмъ лучше“. И я стала распрашивать про цѣны товара. Но прикащикъ, кажется, не съ тѣмъ пришелъ, чтобъ дѣлать дѣла своего магазина; онъ все пускался въ политику и сталъ увѣрять меня, что Поляки не питаютъ никакой вражды къ Русскимъ, напротивъ, что мы одного племени, всѣ Славяне и проч. и проч. Мнѣ казалось и смѣшно,и безполезно толковать въ Парижѣ съ прикащикомъ моднаго магазина о Славянскомъ единствѣ, но онъ все приставалъ и сказалъ, что Поляки готовы стоять за одно съ Русскими, только противъ правительства, которое они терпѣть не могутъ. „Не воображайте, что Русскіе измѣнятъ своему правительству, чтобы пре-

дать вамъ Отечество", отвѣчала я и ушла. Но онъ продолжалъ съ другой Русской дамой, которая была съ нами, говорить, что много есть недовольныхъ въ Россіи и что скоро будетъ что нибудь. Потомъ онъ сталъ ребячески хвастаться, какъ явится съ уланскимъ полкомъ въ Москву. Въ Москву онъ не являлся съ уланами, но что нибудь они-таки сотворили въ слѣдующемъ году. Когда этотъ господинъ опять прислалъ спросить, что́ я закажу, я вышла къ нему и сказала, что я заѣду въ ихъ магазинъ. „Но спросите меня, чтобъ я именно показалъ вамъ эти вещи", сказалъ онъ, подавая адресъ магазина. „Да какъ васъ спросить?"—„Мое имя внизу подъ адресомъ магазина". Я прочла въ углу слово Алонзо. „Какой вздоръ", вырвалось у меня невольно: „вы говорите, что вы Полякъ; какое же это Польское имя Алонзо?" Тутъ нашъ прикащикъ принялъ самое трагическое выраженіе лица. „У меня было имя, но мое имя я забылъ". „Какъ это странно!" я возразила. „Вы кончили курсъ гимназіи въ Варшавѣ, слѣдовательно были въ такихъ лѣтахъ, что знали, какъ васъ звали—почему же забыли?"—„Я не могу носить моего настоящаго имени, потому что было бы опасно.... Правительство могло бы". „И, помилуйте! Здѣшнее правительство, кажется, благоволитъ къ вамъ всѣмъ".—„Не здѣшнее правительство, а Русское". „Пойдите!" сказала я. „Когда человѣкъ живетъ тихо и честно заработываетъ свой хлѣбъ, такъ невинно, въ модномъ магазинѣ, продавая шелковыя матеріи, Русскому правительству все равно, какъ его зовутъ. Прощайте!" Такъ я и не дала ему удовольствія добиваться его фамиліи или догадываться, не Потоцкій ли онъ или чего добраго, не Чарторійскій ли младшей отрасли этого царствующаго въ Парижѣ дома. Я слышала послѣ, что онъ являлся такимъ образомъ ко всѣмъ Русскимъ дамамъ съ обращиками и политикой и съ предвѣщаніями чего нибудь ожидаемаго вскорѣ. Какая была цѣль или какое было удовольствіе въ этомъ шутовскомъ названіи Алонзо и мелодраматическихъ взглядахъ и восклицаніяхъ по поводу Русскаго правительства, и Славянскаго братства, и нашествія на Москву съ уланскимъ полкомъ,—я и до сихъ поръ не постигаю; но во всякомъ случаѣ по-русски онъ говорилъ очень бѣгло и чисто, что́ доказываетъ, что распоряженія 1831 года исполнялись въ гимназіяхъ. Когда мы разсказали батюшкѣ о нападеніи прикащика Алонзо съ уланскимъ полкомъ на первопрестольный градъ Россіи, онъ вспомнилъ воинственность прикащиковъ въ 1817 и 1818 годахъ, когда это было у нихъ модою и куплетъ, который былъ сочиненъ на нихъ:

Mais ces fiers enfans de Bellone,
Qui vous font frémir à les voir,
Ont pour arme une demie-aune,
Pour champ de bataille un comptoir [20]).

Видно, племя это во Франціи не переводилось.

[20]) Эти гордыя чада Беллоны, на которыхъ посмотрѣть беретъ ужасъ, вмѣсто оружія держатъ аршинъ, а поле битвы для нихъ конторка.

Впрочемъ, какъ у иныхъ людей, такъ и у цѣлыхъ народовъ бываетъ врожденное влеченіе къ театральности, какое-то особенное наслажденіе въ разъигрываніи роли, взятой на себя ради картинности, безъ особой цѣли, изъ любви ко всему искусственному, чтобъ не сказать лживому. Со всѣми нашими національными пороками, у насъ, Русскихъ, однако этого недостатка нѣтъ. Простота выраженія, какъ въ словахъ, такъ и въ дѣйствіяхъ—отличительная черта наша во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ и даже въ ежедневной жизни. Можно судить, какъ мы неискусны на эфектныя выходки, между прочимъ по неудачности тостовъ и рѣчей застольныхъ и неуклюжему виду вывѣшенныхъ на улицахъ флаговъ: кажется, какъ будто самимъ этимъ флагамъ неловко, такъ некрасиво они висятъ.

Образцевъ же этой непритворной простоты въ самые торжественныя минуты было немало и во время Польской войны, и на приступѣ къ предмѣстью Волѣ. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ писалъ:

Теперь скажу тебѣ, что я самъ и многіе изъ насъ видѣли и слышали. Когда приказано было назначить съ каждой роты гвардейскаго полка по 12 человѣкъ охотниковъ, капитанъ Т., въ присутствіи всѣхъ насъ, вызвалъ желающихъ. Вся рота вышла, а солдаты одинъ передъ другимъ на перерывъ испрашивали себѣ это позволеніе, такъ что капитанъ находился въ затрудненіи, стараясь по возможности удовлетворить каждаго. Одинъ солдатъ, уже 20 лѣтъ прослужившій, отличный поведеніемъ и знаніемъ своего дѣла, убѣдительно просилъ офицеровъ исходатайствовать ему сію милость у капитана; и когда сей послѣдній спросилъ: „Что побуждаетъ тебя къ тому? Ты хорошій солдатъ и здѣсь не менѣе полезенъ, при томъ тебѣ скоро и отставка“, онъ отвѣчалъ: „Тамъ, ваше высокоблагородіе, больше буду имѣть средствъ показать мое полное усердіе, исполняя долгъ присяги, данной Богу и Государю; пусть рука моя накажетъ нарушителей оной! Къ тому же хочу непремѣнно умереть за Отечество.“ Онъ былъ назначенъ, и великодушное желаніе его сбылось: онъ умеръ отъ сильной раны.

Другой солдатъ, имѣвшій знакъ отличія военнаго ордена, со слезами просилъ позволенія быть въ охотникахъ, говоря: „Во время тяжкой болѣзни обѣщалъ я предъ Богомъ, по исцѣленіи, сражаться въ первомъ дѣлѣ, что силъ моихъ станетъ, и черезъ два дни выздоровѣлъ. Не заставьте меня согрѣшить, ваше высокоблагородіе!“ Онъ первый вскочилъ на редутъ, дрался отлично, спасъ жизнь командовавшему колонною охотниковъ, лейбъ-гвардіи Павловскаго полка подполковнику Ѳедяеву и возвратился невредимъ. Л. Г.

Также простъ былъ и необъятный восторгъ Москвы, когда 12-го Октября (1831) въ 8 часовъ утра радостно удивлена была столица видомъ флага на дворцѣ въ Кремлѣ. Мы знаемъ, что такое это живое море, наводняющее и запружающее Кремлевскую площадь, когда народъ Русскій привѣтствуетъ Русскаго Царя въ стѣнахъ старой столицы своей.

«Народомъ полонъ Кремль великій,
«Народомъ движется Москва,
«И слышны радостные клики,
«И звонъ, и громы торжества.

Можно вообразить, что̀ это было тогда! Въ послѣдній разъ передъ тѣмъ, Государь тоже пріѣзжалъ неожиданный, невзначай, во время страха, и плача, и смертной тоски очумленнаго города, пріѣзжалъ раздѣлить съ народомъ опасность, принести помощь его страданіямъ, научить его своимъ живымъ примѣромъ спокойно отдавать себя на волю Божію, разумно принявъ всѣ человѣческія мѣры для огражденія себя. Свѣжее было воспоминаніе одного изъ тѣхъ благодѣяній, которыя зависятъ не отъ богатства средствъ, не отъ полноты власти, изъ тѣхъ благодѣяній, которыя возможны только лично отъ человѣка человѣку, отъ сердца любящаго сердцу любящему, и которыя, слава Богу во вѣки, и самымъ бѣднымъ, самымъ маленькимъ человѣкомъ цѣнятся выше злата и сребра, къ великой чести человѣческаго рода.

И пріѣхалъ Государь подѣлиться съ Москвою своей и общей Русской радостію, отпраздновать побѣду надъ враждою и крамолою чужихъ, надъ измѣной и ненавистью своихъ подданныхъ, пріѣхалъ сообщить Русскому своему вѣрному народу свои надежды на примиреніе, свое великодушное прощеніе обидъ, и пріѣхалъ, зная, что это примиреніе и прощеніе въ духѣ самаго народа и усвоится имъ съ радостію и искренностію, зная, что у всякаго Русскаго человѣка на устахъ и въ душѣ завѣтное слово: „лежачаго не бьютъ“.

„Наше сердце поняло сердце Монарха! Мы чувствуемъ всю глубину любви его къ намъ! И въ то время, когда душа его изливалась предъ престоломъ Всевышняго въ благодарственныхъ мольбахъ объ умиротвореніи царства его,—наши сердца сливались въ единый молитвенный возгласъ о немъ, нашемъ миротворителѣ“. Такъ писали изъ Москвы. Я не знаю ничего величественнѣе, трогательнѣе, болѣе возвышающаго душу, какъ эта встрѣча лицемъ къ лицу Русскаго Царя съ Русскимъ народомъ, въ этомъ священномъ Кремлѣ, среди всѣхъ великихъ воспоминаній нашей великой, трогательной, мученической исторіи. Эти соборы Кремлевскіе, эти безчисленныя главы, виднѣющіяся изъ за стѣнъ Кремля за Москвой-рѣкой, этотъ звонъ колоколовъ, эти гробницы угодниковъ и священныхъ дѣятелей прошлыхъ дней, все на Кремлевской площади носитъ на себѣ отпечатокъ вмѣстѣ умилительный и величавый, который подобаетъ государству и народу-христіанскому, долготерпѣливому, кроткому и крѣпкому. А есть же люди, которые не понимаютъ этого и говорятъ съ убѣжденіемъ, что у насъ нѣтъ исторіи. Жалкіе слѣпцы! Но къ несчастію они себя дѣлаютъ вождями слѣпыхъ и ведутъ ихъ въ пропасть; ибо человѣкъ, который презираетъ свое Отечество, не можетъ быть достойнымъ гражданиномъ, ни полезнымъ дѣятелемъ своего края: онъ, на всякой службѣ, на всякомъ поприщѣ, будетъ ничто иное какъ жалкій наемникъ-иностранецъ.

Еслибъ враги Россіи (писалъ кореспондентъ Французской газеты) могли видѣть Императора здѣсь (въ Москвѣ) безъ всякой придворной обстановки, одного среди народа, какъ отецъ среди своихъ дѣтей, эти враги Россіи поняли бы, что сила этого государства со-

стоитъ не столько въ многочисленныхъ ея арміяхъ, сколько въ любви народа къ царственному дому Романовыхъ".

Государь пріѣхалъ на легкѣ, безъ остановки, по тогдашнему шоссейному пути, т. е. на лошадяхъ, въ три дня. Императрица за нимъ послѣдовала и пріѣхала 15. Одни за другими шли пріемы, торжества, праздники. Когда вспомню царственную чету въ тѣ дни,—вспомню, какъ они оба были цвѣтущи молодостью, и красотой, какъ просты и привѣтливы въ обращеніи, и какая была общая радость послѣ тяжелыхъ испытаній, мятежей, войны и моровой язвы, то всѣ восторженныя описанія, которыя нахожу въ старыхъ газетахъ, не удивляютъ меня и не кажутся лестію, а сердечнымъ увлеченіемъ прекрасной той поры. Императрица была въ первый разъ въ Москвѣ послѣ кончины императрицы Маріи Ѳеодоровны, и Государь самъ передавалъ ей институты, вводилъ ее, такъ сказать, въ управленіе, перешедшее ей, какъ дорогое наслѣдство.

Въ Екатерининскомъ институтѣ, Государыня, послѣ литіи въ церкви, посѣтивъ дортуары и лазаретъ, вошла въ столовую, гдѣ воспитанницы собирались къ обѣду, сѣла за столъ съ ними, потребовала такого же чернаго хлѣба и кушанья какъ у нихъ и кушала отъ общаго стола, первое блюдо съ старшимъ, а потомъ продолжала обѣдъ съ младшимъ классомъ, обращаясь со всѣми съ простотою и материнской ласковостью. Дѣти окружили ее, любовались, и наконецъ многія заплакали. Спросили, отъ чего? „Отъ радости", былъ отвѣтъ. Александровскій институтъ, малолѣтній кадетскій корпусъ, Воспитательный Домъ были осмотрѣны во всѣхъ подробностяхъ, съ такимъ же простымъ и привѣтливымъ обращеніемъ съ дѣтьми.

На балѣ въ дворянскомъ собраніи Государь и Государыня ужинали въ общемъ залѣ, среди всѣхъ посѣтителей такъ, что всѣ могли наглядѣться и нарадоваться на нихъ.

Наконецъ Государь поѣхалъ въ новое учебное заведеніе для призрѣнія сиротъ, оставшихся послѣ родителей, умершихъ отъ холеры; тутъ маленькія дѣти, самыя бѣдныя, самыя безпріютныя, толпой окружили его съ безцеремонностію своего возраста и, обласканныя имъ, стали играть и рѣзвиться свободно, восхищаясь его обѣщаніемъ прислать имъ игрушекъ. Одинъ мальчикъ спросилъ у Государя: „Какъ васъ зовутъ?"—„Николай", отвѣчалъ онъ. „И я тоже Николай!" вскричалъ другой малютка.

Разсказывали бездну анекдотовъ, всѣ веселые или трогательные. И Царь, и Царица, и Москва были другъ-другомъ довольны, другъ-другомъ любовались и гордились. Хорошая была пора!

Батюшка однако оставался въ Петербургѣ и по обыкновенію работалъ и за себя, и за другихъ. Уже это бываетъ такъ на роду написано у иныхъ людей. Батюшка писалъ изъ Петербурга 19 (31) Октября:

Посылаю тебѣ съ графиней Брюжъ два тома Русскаго, однако сочиненнаго Нѣмцемъ [21]), романа. Онъ долго лежалъ у меня на столѣ, но я не успѣлъ даже и пробѣжать его. И какъ успѣть! Нынѣ, за числомъ безпрестанно-умножающихся моихъ занятій, письменныхъ и совѣщательныхъ, министерскихъ, статсъ-секретарскихъ и комитетскихъ, я едва успѣваю обѣдать иногда въ 9 часовъ вечера, и въ сумерки по улицамъ или въ саду погулять; а спать почти не успѣваю, и еще чаще отъ волненія крови и нервъ не могу. Такъ я провелъ послѣднія двѣ ночи почти совсѣмъ безъ сна и, не смотря на то, мнѣ теперь совсѣмъ не хочется спать; но я чувствую изнеможеніе усталости отъ Совѣта, въ которомъ я былъ все утро до 3-хъ часовъ, и комитета для дѣлъ Литовско-Украинскихъ, въ которомъ провелъ весь вечеръ. Надобно было, чтобъ къ этому еще князь Лиенъ уѣхалъ въ Москву и наградилъ меня текущими дѣлами министерства просвѣщенія и управленіемъ цензуры.....

*

21 Октября (2 Ноября). Вы конечно уже знаете, что крѣпость Замостье сдалась нашимъ войскамъ, и все Царство Польское очищено отъ мятежниковъ. Знайте также, что Государь и Государыня благополучно пріѣхали въ Москву. Въ прибавокъ скажу вамъ, что и Великій Князь Наслѣдникъ, новый Цесаревичъ [22]), также ѣдетъ въ Москву 1-е число будущаго мѣсяца. За то мы сюда ожидаемъ Великую Княгиню Елену Павловну на пароходѣ изъ Англіи; она должна прибыть сего дня или завтра. Кромѣ Августѣйшихъ путешественниковъ въ Москву поѣхали или собираются многія другія оффиціальныя особы. Завтра графъ Чернышевъ, во Вторникъ Дашковъ, за нимъ вслѣдъ гр. Нессельроде; кн. Лиенъ уже уѣхалъ прошедшее Воскресенье, совсѣмъ неожиданно. Не успѣю досказать всего что думалъ, принимаясь за перо; мнѣ пришли объявить, что меня дожидаются съ докладомъ, не Вигель, который все воображаетъ себя въ холерѣ, а его начальникъ отдѣленія.

*

С.Петербургъ, *24 Октября (5 Ноября)*

Кажется, я уже въ послѣдній разъ пишу къ тебѣ изъ дома гр. Шереметева. Погода болѣе и болѣе портится, становится холоднѣе, сырѣе, мои комнаты также, и я начинаю чувствовать нужду перебраться въ высшій этажъ, къ лучшимъ печкамъ и двойнымъ окошкамъ. Сказавъ тебѣ о моемъ предполагаемомъ переѣздѣ изъ улицы въ улицу, разскажу о другихъ болѣе важныхъ и дальнѣйшихъ путешествіяхъ. Великій Князь Наслѣдникъ отправляется завтра въ Москву. Великую Княгиню Елену Павловну мы ждали, ждали и наконецъ узнали вчера, что не дождемся: она вмѣсто Петербурга отправилась въ Биберихъ, къ сестрѣ своей, принцессѣ Насауской. Спутница ея графиня Нессельроде возвращается одна, на казенномъ трехъ-мачтовомъ суднѣ и вѣроятно не застанетъ здѣсь своего мужа. Вотъ, кажется, всѣ наши новости. О себѣ говорить нечего: я замученъ работой и утѣшаюсь истинно только вашими письмами и маленькими сочиненіями нашихъ милыхъ. Я когда-то помянулъ о двухъ извѣстныхъ своими прекрасными романами сестрахъ Misses Burney. Знаешь ли ты ихъ исторію? Онѣ дочери одного ученаго, кажется, профессора, который отъ трудовъ почти потерялъ зрѣніе и такъ утомилъ свою голову, что на старости не могъ уже, какъ прежде, посвящать большую часть дня, особливо вечера, своимъ любимымъ изысканіямъ, и даже серіозному чтенію. Не зная, что

[21]) Эртелемъ.

[22]) Титулъ Цесаревича оставался за Константиномъ Павловичемъ до его кончины и въ то время недавно перешелъ къ Великому Князю Наслѣднику.

дѣлать, онъ принялся за романы, но вскорѣ истощилъ весь запасъ хорошихъ книгъ этого рода, который въ то время былъ еще весьма не великъ, искалъ и не находилъ новаго. Тогда, для утѣшенія отца, старшая дочь его, нынѣ m-me d'Arblay, вздумала написать Евелину, потомъ Сесилію и такъ далѣе; ея примѣру послѣдовала и меньшая сестра ея, и публика выиграла вмѣстѣ съ старикомъ-профессоромъ. Эти добрыя дочери и милыя писательницы misses Burney мнѣ часто приходятъ на мысль.

*

28-го Октября (9 Ноября). Я переѣхалъ въ Воскресенье изъ дома гр. Шереметева въ свое собственное жилье [23]) и на лѣстницѣ встрѣтился съ свадьбой. M-lle Foulon везли къ вѣнцу; она вышла за Львова, брата славнаго музыканта-скрыпача, и сына не менѣе славнаго Ѳедора Петровича, который прежде былъ нѣжнымъ поэтомъ и объ которомъ теперь можно сказать какъ Rhulières объ Richelieu: Changé comme son siècle, en ce tems il n'est rien [24]). Говорили еще о другихъ болѣе блистательныхъ, принадлежащихъ къ высшему такъ называемому хорошему обществу, свадьбахъ; кажется, я слышалъ, что старшая дочь кн. Трубецкаго, Hélène, выходитъ за мужъ, не знаю за кого, не знаю даже, не ослышался-ли я [25]). Изъ Москвы вѣсти пріятныя: Государь и Императрица здоровы и видятъ съ удовольствіемъ восторгъ жителей древней столицы. Сказываютъ, что они собираются на богомолье въ Троицкую Лавру, мѣсто святыни и патріотическихъ воспоминаній отъ Св. Сергія и Куликовской битвы, на которую онъ благословилъ Дмитрія Донскаго, до славнаго келаря Аврамія Палицына, сподвижника Пожарскаго и Минина; и даже до 1812 г., потому что и въ это время, во время плѣна Москвы, Лавра по крайней мѣрѣ не осквернена присутствіемъ непріятелей. Къ стати, говоря о 1812-мъ годѣ, скажу тебѣ, что Государь пріѣхалъ въ Москву 11-го Октября, въ тотъ самый день, въ который она освобождена отъ Французовъ; это всѣми замѣчено. Посылаю вамъ вновь вышедшее собраніе повѣстей Пушкина; я не читалъ его, получивъ только вчера.

Въ этомъ письмѣ батюшка упоминаетъ о томъ, что Троицкая Лавра не была занята Французами въ 1812 году. Не знаю, извѣстно ли вообще преданіе или, лучше сказать, легенда, относящаяся къ сохраненію Лавры отъ Французовъ; не знаю даже, въ Лаврѣ ли разсказываютъ объ этомъ, или преданіе сохранилось только между сосѣдними простолюдинами. Говорятъ, что для занятія Лавры былъ назначенъ отрядъ, принадлежавшій къ войскамъ принца Евгенія Богарне. Наканунѣ, когда принцъ заснулъ, ему приснилось, что входитъ въ его комнату или палатку старецъ съ кроткимъ сіяющимъ лицемъ и говоритъ ему: „Удержи войско свое, не пускай его занять сосѣдній монастырь; это обитель моя, и если пощадишь ее, я своими молитвами призову благословеніе на тебя и на твой родъ. Бѣда и гибель ожидаютъ вашу армію, недолго вамъ хозяйничать у насъ; но если ты меня послушаешь, и самъ ты уцѣлѣешь, и званіе свое сохранишь, и потомки твои будутъ жить между нами въ уваженіи и чести, знатны и богаты“. Сонъ такъ подѣйствовалъ на принца Евгенія, какъ увѣряютъ, что на другой день, проснувшись, онъ отмѣнилъ прежнія распоряженія, и Лавра оста-

---

[23]) На Владимірской, домъ Погребова.

[24]) Измѣнившись съ своимъ вѣкомъ, онъ теперь—ничто.

[25]) Она умерла въ дѣвушкахъ, кажется, вскорѣ послѣ этого времени.

лась свободна. Какъ бы ни было, но внуки принца сдѣлались Русскими и живутъ въ Россіи, знатными и богатыми, въ уваженіи и чести, членами Императорскаго дома. Эта легенда ходила въ народѣ, когда сталъ свататься къ Великой Княжнѣ Маріи Николаевнѣ герцогъ Лейхтенбергскій, сынъ принца Евгенія. Впрочемъ есть варіанты этого преданія, которые относятъ случай этотъ къ Савинскому монастырю.

Пока извѣстія въ батюшкиныхъ письмахъ были такія пріятныя и успокоительныя, мы съ нашей стороны въ Берлинѣ тоже забывали политику и занимались старыми друзьями нашими, книгами. Я писала изъ Берлина 18-го Октября:

Нынче не могу много писать, ибо всѣ эти дни у насъ всякій вечеръ были гости, которые не разсказывали намъ никакихъ новостей, а только мѣшали намъ читать. Вообразите, что съ Понедѣльника мы совсѣмъ не читали вмѣстѣ; я все была въ гостяхъ или дома съ гостями; теперь м-зель дю-Туръ многое читаетъ съ Лидинькой и братьями, чего я не могу съ ними слушать отъ этого несноснаго большаго свѣта. Еслибъ вы знали, какую грусть эта мысль наводитъ на меня, и какъ мнѣ завидно. Чѣмъ этотъ большой свѣтъ можетъ замѣнить такія тихія, истинныя удовольствія? Намедни одна дама очень наивно спрашивала меня, какую нахожу разницу между вечеромъ проведеннымъ дома или въ гостяхъ, не все-ли равно? Она видно не знаетъ, что́ такое домашнее счастье въ своей семьѣ. Эти гости мѣшали мнѣ тоже заниматься, такъ что сего дня я цѣлое утро работала надъ приготовленіями къ урокамъ Ноелл и Калмыкова и не могла къ вамъ писать утромъ. Съ Калмыковымъ мы начали проходить правленіе Елены Глинской во время малолѣтства Іоанна Грознаго; какъ онъ трогателенъ, этотъ бѣдный малютка, когда плачетъ въ объятіяхъ Оболенскаго послѣ смерти матери. А какъ подумаешь, что́ изъ него вышло!

Это письмо безъ всякой политики; я такъ рада!

*

И вотъ среди душевнаго спокойствія, наставшаго наконецъ для насъ, Русскихъ, когда въ нашемъ семействѣ мы еще только начинали отдыхать сердцемъ,—вдругъ грянулъ громъ. Печальная, неожиданная вѣсть, тяжелая для батюшки и матушки, даже для насъ, сестры и меня, дошла до насъ такъ поздно, что съ теперешними средствами скораго сообщенія кажется неимовѣрно. Только 21 Октября въ Берлинъ, а въ Петербургъ 4-го Ноября пришло извѣстіе объ ужасной кончинѣ Каподистріи, предательски убитаго 11-го Октября. Мы въ своихъ письмахъ къ батюшкѣ говорили о томъ, какъ о слухѣ.

Берлинъ, *21 Октября (2 Ноября)*. Вчера, во время визита одной пріѣзжей дамы, веселый разговоръ былъ прерванъ весьма печальнымъ извѣстіемъ, которое, если не дай Богъ, оно справедливо, я увѣрена очень огорчитъ васъ, какъ и меня. Говорятъ, будто Каподистрія, добрый, умный, прекрасный нашъ Каподистрія, который доказалъ полнѣйшимъ самопожертвованіемъ свою безкорыстную любовь къ Грекамъ, убитъ этими же самыми Греками, сохранившими неблагодарность и буйство, зависть и непостоянство, словомъ всѣ отличительныя качества своихъ предковъ, да и вообще республиканцевъ. „Tu n'es pas formé pour être révolutionnaire, „pour siéger sur ces bancs égoïstes, toi, né pour le dévouement“ [26]).

[26]) Ты не созданъ быть возмутителемъ, сидѣть на этихъ скамьяхъ эгоистовъ, ты, рожденный для преданности.

Такъ Jules Janin заставляетъ Mirabeau говорить одному молодому человѣку въ своемъ романѣ, и конечно Mirabeau могъ бы сказать это со всею справедливостью. Любовь этихъ господъ къ неограниченной свободѣ,— ничто иное, какъ желаніе удовлетворить свое честолюбіе, властолюбіе и всѣ дурныя страсти.

Подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ писала сестра:

Берлинъ, 21 Октября 1831.

Справедливо ли это печальное извѣстіе о смертѣ графа Каподистріи, которое мы вчера нашли въ Нѣмецкой газетѣ? Если, къ несчастію, оно справедливо, вы уже знаете его въ Петербургѣ. Какой конецъ для Каподистріи, который пожертвовалъ жизнію и спокойствіемъ для счастія неблагодарнаго отечества, и сколько трудно должно быть править такимъ непостояннымъ народомъ какъ Греки. Они впрочемъ всегда были неблагодарны, и какъ много примѣровъ подаетъ ихъ исторія о великихъ полководцахъ и ораторахъ, осужденныхъ къ смерти или ссылкѣ, когда проходила опасность, изъ коей они спасли своихъ согражданъ. Упрекаютъ царей въ неблагодарности; но какъ справедливо Шекспиръ говоритъ о народѣ:

„Look, as J blow this feather from my face,
„And as the air blows it to me again,
„Obeying with my wind as J do blow
„And yielding to another, when it blows,
„Commanded always by the greater gust:
„Such is the lightness of you, common men [27]).

Лидія Б.

Отвѣтъ батюшки на эти письма получили мы отъ 4 (16) Ноября:

Пишу единственно, чтобъ отвѣчать тебѣ,—всѣмъ вамъ на ваши письма. Послѣднія привезли мнѣ печальное извѣстіе, которое я почти въ ту же минуту узнавалъ отъ другихъ и изъ газетъ, извѣстіе объ ужасномъ концѣ нашего любезнаго Каподистріи. Вотъ награжденіе за его ревностную, безкорыстную службу соотечественникамъ, за то, что онъ все принесъ имъ въ жертву, имѣніе, здоровье, спокойство, всѣ наслажденія жизни, и самую жизнь. Ахъ! Напрасно говорятъ и повторяютъ стихъ Вольтера: „Les rois, ces illustres ingrats!“ [28]). Народъ еще гораздо неблагодарнѣе царей. Даже и тѣ изъ нихъ, которые не имѣютъ добраго, чувствительнаго сердца, по крайней мѣрѣ боятся суда Исторіи; а народы и объ ней не думаютъ. И сверхъ того, надобно признаться, можетъ быть со стыдомъ, человѣкъ, если природа въ немъ не исправлена, не возвышена чувствомъ истинной вѣры, всегда естественно склоненъ къ неблагодарности; и потому, служа, стараясь благодѣтельствовать людямъ или всему человѣчеству вообще, надобно думать не о нихъ единственно, а о Томъ, Который со временемъ сдѣлаетъ ихъ достойными названія Своихъ сыновъ.

---

[27]) Гляди, какъ я отдуваю это перо отъ моего лица и какъ воздухъ несетъ его ко мнѣ назадъ; оно повинуется моему вѣтру, когда я дую и уступаетъ другому, когда тотъ дуетъ, всегда управляемое тѣмъ, чье дуновеніе сильнѣе. Таково ваше легкомысліе, обыкновенные люди.

[28]) Цари, сіи славные себялюбцы.

Такое общее было негодованіе въ нашемъ семействѣ противъ всего народа Греческаго въ эту минуту, и я живо помню до сихъ поръ, какъ возмущалась я душей въ горести моей при извѣстіи о смерти одного изъ тѣхъ героевъ нашего дѣтскаго воображенія, которые являлись намъ какъ живые отрывки Исторіи, какъ осуществленія поэтическихъ образовъ нашихъ любимыхъ писателей и которые казались намъ какими-то сверхъестественными, безсмертными явленіями, недосягаемые для покушеній злобы людской. Между ними Каподистрія былъ, для меня, одинъ изъ самыхъ любимыхъ. Его прекрасныя черты, его благородная осанка, грустный взглядъ большихъ черныхъ глазъ, этихъ восточно-южныхъ черныхъ глазъ, въ которыхъ такая особенная прелесть, когда въ ихъ влажной темнотѣ искрится мысль, свѣтлая или остроумная (что́ не всегда бываетъ въ нихъ), даже черныя брови, рѣзко отличающіяся отъ сѣдины волосъ, коротко остриженныхъ, все такъ шло къ нему. Всѐ это вижу и теперь передъ собой, какъ на яву, и помню, что мнѣ казалось, будто какая-то свѣтлая, тихая атмосфера окружала его, будто онъ всегда былъ освѣщенъ заходящимъ солнцемъ, и отблескъ отъ него составлялъ родъ сіянія около Каподистріи. Не умѣю передать этого свѣтлаго, тихаго, но грустнаго впечатлѣнія наружности Каподистріи на мое ребяческое воображеніе, впечатлѣнія, которое ни мало не измѣнилось, когда я его увидѣла уже въ 1826 году въ Петербургѣ. Тогда впрочемъ я его видѣла только мелькомъ, въ лѣтнемъ саду и на Адмиралтейскомъ бульварѣ. Мы тогда уже весьма серіозно учились; въ теченіи дня мало бывали у матушки; время прогулки было почти единственное время свободное. Но два года передъ тѣмъ, мы его видали ежедневно, тоже прогуливаясь на водахъ въ Эмсѣ, и тамъ мы его видали тоже у матушки, и случилось мнѣ раза два принимать его, пока она или батюшка одѣвались и просили его нѣсколько минутъ подождать. Тутъ-то выраженіе его глазъ и тихая привѣтливость съ ребенкомъ (мнѣ было 12 лѣтъ) такъ сильно подѣйствовали на меня. Мы привыкли, почти съ тѣхъ поръ какъ себя помнили, слышать, какъ говорили о немъ съ восторженной привязанностію, и батюшка, и матушка, и Дашковъ, и Жуковскій, сначала и Сѣверинъ, который потомъ присталъ къ партіи противной, но все таки не позволялъ себѣ ничего говорить дурнаго о немъ. Къ Каподистріи и Карамзину у насъ въ домѣ относились съ какой-то благоговѣйной любовію, какъ ни къ кому другому. Такимъ образомъ его память осталась необычайно-свѣтлою для меня. А можетъ быть и эти встрѣчи, бо́льшею частію въ садахъ, между зеленью, при ясномъ лѣтнемъ солнцѣ и безоблачномъ небѣ, немало способствовали къ особенно-поэтическому оттѣнку его личности для меня. Къ тому же, хотя я такъ рѣзко отнеслась къ Грекамъ въ моемъ письмѣ, это было только въ порывѣ горестнаго негодованія, незаслуженнаго въ этомъ случаѣ: ибо убійство было дѣломъ частной злобы, и масса народа вполнѣ понимала и отвергала отъ себя отвѣтственность за это злодѣйство. Когда одинъ изъ убійцъ, Петро-Бей, уже на мѣстѣ казни, обратился къ народу, прося прощенія передъ смертію, вся толпа отвѣчала въ

одинъ голосъ громовымъ кликомъ: Анаѳема! Анаѳема! (отвергаемъ, проклинаемъ.) Есть что-то потрясающее въ этомъ всенародномъ отлученіи недостойнаго члена народа, предателя роднаго края, запятнавшаго честь Отечества, честь великой, геройской борьбы. А эта борьба какъ давно насъ занимала! Съ какимъ страстнымъ увлеченіемъ я слѣдила за нею съ самаго дѣтства! Казалось, что тутъ, въ настоящее прозаическое время, совершались опять всѣ изумительные подвиги баснословнаго времени Гомера, что полубоги древняго міра опять ходятъ на землѣ. Всѣ уроки и чтенія нашей классной комнаты, всѣ разсказы нашей дѣтской объ сосѣднемъ намъ Востокѣ, объ ужасахъ войны, о замученныхъ христіанахъ, о прелестныхъ плѣнныхъ Турчанкахъ, о морскихъ разбойникахъ и о пашахъ въ огромныхъ чалмахъ, всѣ эти знакомыя воображенію картины повторялись для меня уже нѣсколько лѣтъ въ извѣстіяхъ изъ Мореи и съ Греческихъ острововъ, и въ книгахъ Англійскихъ путешественниковъ, и въ поэмахъ Байрона, и въ переводахъ Жуковскаго и Козлова. Все это стало принимать болѣе ясный смыслъ для меня съ 1824-го года, хотя я была еще малымъ ребенкомъ. Изъ живыхъ представителей Греціи я видѣла немногихъ. Помню однако молодаго Зантіота Карвелласа, который ухаживалъ за одной изъ нашихъ родственницъ; но онъ мнѣ казался недостойнымъ своего народа: онъ былъ такой живой, веселый, разговорчивый, точно какъ будто народъ его не томился въ рабствѣ и мученіяхъ. Гораздо болѣе отвѣчали воображаемому мною типу двѣ женщины (правда, обѣ бывшія красавицы): бѣдная старушка, Дарья Егоровна, Гречанка-козачка, о которой я уже говорила, и старая маркиза Маруцци, которой античныя черты, грустное и благородное выраженіе и важная осанка остались въ моей памяти доселѣ и казались мнѣ олицетвореніемъ какой-то Гекубы. Эти два женскія лица, да прекрасное лицо Каподистріи, вотъ все что̀ представляло намъ живое въ Грекахъ; но съ самаго 1821 года, за обѣдомъ у насъ, слышались вѣсти о Греческомъ возстаніи; всѣ взрослые, съ самымъ живымъ, увлекающимъ краснорѣчіемъ, сообщали другъ другу геройскіе подвиги или ужасныя мученія, о которыхъ доходилъ слухъ до насъ, и тутъ уже я привыкла смотрѣть на Метерниха, на Кастльрея, на Стратфорда, какъ на безчеловѣчныхъ людей и недоброжелателей всего того что̀ священно и дорого для Россіи. Уже тогда имя Шатобріана, какъ политическаго дѣятеля и писателя, сдѣлалось мнѣ близкимъ и любимымъ. Но все это было конечно весьма неясно, однако же гораздо осязательнѣе, нежели легендарныя впечатлѣнія первыхъ лѣтъ; осязательнѣе и дѣйствительнѣе: ибо живое лице, бывшій съ графомъ Строгоновымъ въ Константинополѣ Дашковъ, самъ былъ передъ нашими глазами, и говорилъ съ матушкой и батюшкой объ убіеніи патріарха и другихъ архіереевъ, казняхъ и мученіяхъ Христіанъ въ Царьградѣ.

Помню особливо, что, когда Дашковъ воротился, говорили намъ, что его съ графомъ Строгоновымъ чуть не посадили въ Семибашенный замокъ,—этотъ замокъ хорошо извѣстный намъ, какъ пе-

реходное жилище, или такъ сказать станція на пути къ насильственной смерти, то удавленіемъ, то усѣкновеніемъ главы, то утопленіемъ въ Босфорѣ. Помню, во сколько мое уваженіе къ Дашкову увеличилось какимъ-то умиленіемъ въ чувствахъ моихъ къ нему, котораго мы всѣ любили отъ души, какъ друга и товарища батюшки. Теперь же меня страхъ бралъ при мысли объ ужасной опасности, въ какой онъ былъ ради заступленія за Христіанъ-мучениковъ, за которыхъ графъ Строгоновъ мужественно и благородно стоялъ отъ имени Россіи, не смотря на недостаточность инструкцій и на неимѣніе никакихъ средствъ къ вещественной защитѣ ни для нихъ, ни для себя. Это чувство непреодолимаго страха минувшей уже для любимаго человѣка опасности часто бывало и бываетъ у меня понынѣ. Въ самую минуту опасности какъ-то цѣпенѣешь, какое-то неестественное спокойствіе поддерживаетъ; но, минула гроза,—и овладѣваютъ мною какой-то безумный страхъ и трепетъ, и не могу безъ ужаса вспомнить, не могу подумать о томъ что̀ могло бы быть, могло бы случиться, и хочется закрыть глаза и бѣжать прочь отъ этого несбывшагося несчастія. Отъ того, кажется, мнѣ всегда приходились такъ по сердцу послѣдніе стихи „Моря“ Жуковскаго:

И мгла исчезаетъ, и тучи уходятъ;
Но полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блескъ возвращенныхъ небесъ
Нескоро тебѣ тишину возвращаетъ;
Обманчивъ твоей неподвижности видъ:
Ты въ безднѣ покойной скрываешь смятенье;
Ты, небомъ любуясь, дрожишь за него.

Но кромѣ живыхъ, лично-знакомыхъ, предметами нашего поклоненія и любви были всѣ тѣ идеальныя лица, которыя почти также живы и осязательны для насъ, лица описанныя въ поэмахъ, которыя мы читали. Эти лица рѣшительно для меня существовали на столько, на сколько существовали отсутствующіе знакомые люди. Древнихъ Грековъ я терпѣть не могла, какъ народъ, потому что въ Иліадѣ я предалась всей душею Троянамъ, защищающимъ свое Отечество отъ цѣлаго сборища иностранныхъ народовъ, или по крайней мѣрѣ государствъ. Мнѣ все казалось, что Троя была совершенно въ такомъ же положеніи, какъ Россія 1812 года, и хотя Ликургъ, Кодръ, Сократъ, Эпаминондъ были моими полубогами, но только потому, что они или противились нашествію враговъ, или что были преданы и обижены соотечественниками. Тѣмъ болѣе эти соотечественники мнѣ казались противны. Но съ тѣхъ поръ, какъ Греція стонала подъ игомъ Турокъ, опять такъ какъ Россія подъ игомъ Татаръ, и что Греки стали Русскими, по выраженію Гаврилы и Авдотьи Харитоновны (т. е. православными), а Русскіе Греками по выраженію Дарьи Егоровны (по той же причинѣ общей церкви съ ними), они для меня переродились и прямо влѣзли въ душу мнѣ, по простонародному сердечному выраженію. Это безсознательное убѣжденіе о народности у моихъ простыхъ раз-

скащицъ было очень вѣрно. Въ теченіи трехъ съ половиной столѣтій, во всей бывшей Византійской Имперіи, одна только горсть Христіанъ, въ природной крѣпости дикихъ горъ, удержала за собой независимость и свободу, съуживаясь все болѣе и болѣе въ своихъ границахъ, но все болѣе и болѣе закаляясь въ неравной борьбѣ. Все остальное населеніе, Греческое и Славянское, подпало подъ иго Турецкое. Но въ этомъ долгомъ плѣнѣ и въ такое время, когда Норманы съ Англами, Варяги съ Славянами, Франки съ Галлами, Лонгобарды съ Итальянцами, являли примѣръ полнѣйшаго перерожденія, Греки и Славяне съ Турками не слилися, также какъ въ теченіи двухъ столѣтій не слилися Русскіе съ Татарами. Нѣсколько мелкихъ племенъ или, лучше сказать, нѣсколько именитыхъ родовъ Сербскихъ отуречились подъ названіемъ „Спагіевъ“, въ Босніи и Албаніи, но единственно принявъ магометанство; какъ у насъ, на Западѣ, Русскіе именитые роды ополячились, принявъ Римско-католическое вѣроисповѣданіе. Одна церковь Православная, во всѣ, самыя тяжкія и продолжительныя испытанія, сохранила у Грековъ, какъ и у насъ, народность и энергію, въ твердой вѣрѣ, что она есть надежда ненадѣемыхъ, якорь спасенія сыновъ своихъ, и что „врата адовы не одолѣютъ ея“. На сторонѣ угнетеннаго, измученнаго, презрѣннаго побѣдителями, забытаго сосѣдями народа, были истина и долготерпѣніе той вѣры, которая научаетъ самоотверженію, воздержанію, твердости, дѣятельности, любви въ самой покорности Провидѣнію, и неутомимости духа даже въ изнуреніи физическихъ силъ, которая дается только тѣмъ, у кого надежда неземная, неложная, вѣчная, какъ самъ Господь, сказавшій намъ: „Претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ“. Такая нравственная сила сохраняла Христіанъ. Со стороны же Турокъ религія сладострастія, насилія, исключительности, дѣлала изъ нихъ неудержимо-фанатическое, храброе войско для нападенія, для завоеванія; но въ мирѣ, въ безспорномъ владѣніи всѣхъ земныхъ благъ, они тупѣли, слабѣли и неподвижны оставались въ своемъ умственномъ застоѣ и лѣни, между тѣмъ какъ животные инстинкты переходили въ звѣрскія страсти, когда властолюбіе или корыстолюбіе какого нибудь вождя или воеводы, какого нибудь министра или евнуха, доводили до бунта или до придворнаго переворота въ султанскомъ сералѣ.

Что такое Турція? спросилъ кто-то у Греческаго епископа Никифора Θеотокиса, когда онъ жилъ на покоѣ въ Даниловскомъ монастырѣ, въ концѣ прошлаго столѣтія.—„Турція, это земля, гдѣ сосредоточиваются всѣ благодатнѣйшіе дары природы и всѣ злодѣянія человѣческаго своеволія“, отвѣчалъ старецъ (бывшій епископъ Новороссійскій и архіепископъ Астраханскій, вызванный въ Россію при Екатеринѣ). Со дней самаго перваго завоеванія Греціи Турками, между Россіей или (правильнѣе говоря) между Русскими людьми и Греками никогда не прекращались сочувственныя сношенія, хотя силы нашего государства еще не довольно окрѣпли для помощи войскомъ, до тѣхъ поръ пока Россія, втянувшись въ такъ называемую Европейскую систему, не возбудила такого опасенія и зависти со стороны нѣкоторыхъ дружественныхъ державъ, что

эта просвѣщенная Европа почти вся напала на Россію, ради сохраненія дикаго самовластія „темнаго Агарянскаго царства“. Долгое время было принято выраженіе: Le concert europeen. Господи, какъ фальшиво играютъ виртуозы этого концерта! Какъ хочется сказать имъ стихами Крылова:

«А вы, друзья, какъ ни садитесь,
«Все въ музыканты не годитесь.

Однако святая сила единой вѣры и единой церкви преодолѣвала препятствія политики, и во всѣхъ углахъ Москвы пріютились подворія Аѳонскихъ, Греческихъ и Славянскихъ монастырей, щедро награждаемыхъ нашими царями и богатыми частными людьми; между тѣмъ какъ наши богомольцы всѣхъ званій и сословій, набожно плавая въ Іерусалимъ и на Аѳонъ, возвращались очевидцами страданій Христіанъ восточныхъ и подкрѣпляли ихъ этими личными сношеніями, поддерживая духовную связь съ великой церковью Цареградской; а сами восточные патріархи пріѣзжали въ Россію,— кто за милостыней, кто для утвержденія вѣры и разъясненія сомнѣній Русскихъ людей, въ то время, когда Кіевская митрополія стала вводить въ соблазнъ свою паству подъ вліяніемъ Литовскихъ и Польскихъ князей. Одинъ изъ этихъ Греческихъ патріарховъ, Іеремія, привезъ на Волынь икону Божіей матери Аннѣ Гонской, которая для этой иконы и построила первую церковь славной Почаевской Лавры. Замѣчательно, что 9 лѣтъ только передъ разгромомъ Сербо-Болгарской державы Амуратомъ на Косовомъ полѣ, Россія впервыя дала побѣдоносный отпоръ Татарамъ при Димитріѣ Донскомъ; а немного лѣтъ спустя послѣ паденія Константинополя, Иванъ Васильевичъ не низвергнулъ, а стряхнулъ съ себя послѣдніе остатки Татарскаго ига. Святитель Кипріянъ привезъ въ Россію драгоцѣнныя рукописи изъ разграбленныхъ Славянскихъ монастырей; Софія Ѳоминишна (Палеологъ) внесла съ собою въ велико-княжескій дворъ любовь къ искусствамъ изъ втораго своего отечества, Италіи, откуда и вызванъ, между многими, Аристотель Болонскій (Fioravente), строитель Кремлевскихъ соборовъ. Промыслъ Божій, такъ сказать, передавалъ на храненіе Россіи ковчегъ вѣры и свѣточъ науки съ Востока. Вѣрная-ли она была хранительница просвѣщенія, не берусь рѣшить; но вѣру она твердо и свято отстояла до нашихъ дней. Эта духовная связь наша съ Европейскимъ Востокомъ, не понятная на Западѣ Европы, была понята Екатериной Великой, и плѣняла ея умъ, въ тоже время какъ согрѣвала ея женское сердце. Разрѣшеніе Восточнаго вопроса тогда казалось очень просто: изгнаніе Турокъ изъ Европы. Вся задача была въ томъ, у кого хватитъ силы? Въ то время еще вѣрили въ прочность династическихъ союзовъ, и Екатерина мечтала о Русскомъ великомъ князѣ на престолѣ Цареградскомъ, какъ увѣряютъ. Во всякомъ случаѣ, наши побѣды и завоеванія много подняли духъ Христіанъ въ Турціи, сроднили Русскихъ съ мыслію о нравственной солидарности между нами и дали поводъ къ прозванію Русской партіей тѣхъ Грековъ, которые надѣялись на поддержку

своихъ единовѣрцевъ. Но съ 1793 года явилась другая надежда, надежда на Французовъ, которые провозглашали свободу повсюду и бросали свои арміи на помощь всѣмъ, которые возставали гдѣ нибудь противъ кого нибудь. Все это броженіе однако выказывалось наружу только мѣстными, неважными вспышками и политическимъ разбоемъ такъ называемыхъ Паликаровъ (вооруженныхъ шаекъ въ гористыхъ мѣстностяхъ). Но на Сѣверѣ, между Славянъ, скоро дѣло приняло болѣе серіозное направленіе. Нестерпимыя преслѣдованія, убійства, обезчещенныя жены и дѣти довели до отчаяннаго возстанія Сербовъ; скоро явился и народный вождь, Черниджорджъ (Карагеоргій), и съ 1806 по 1812 годъ длилась борьба малочисленнаго племени, разбросаннаго, растерзаннаго, задавленнаго, со всѣхъ сторонъ стѣсненнаго и врагами-завоевателями, и Латынянами-недоброжелателями, Австрійцами и Итальянцами. Разсказы отца моего, бывшаго въ походѣ 1811-го года, пріучили меня съ дѣтства къ именамъ Черниджорджа, Ненадовича, Обреновича, Гайдукъ-Вельки. Когда мирный трактатъ подписанъ былъ въ Букарестѣ, выговорены были амнистія и нѣкоторыя права для Сербовъ; но Турки, узнавъ о нашествіи Французовъ на Россію, воротились въ Сербію и кровавымъ возмездіемъ заплатили за его успѣхи несчастному народу; перерѣзали тысячи и тысячи, мучили самыми страшными пытками, и огнемъ, и мечомъ, прошли весь край, прекративъ свои неистовства только, когда паденіе Наполеона освободило наше войско. Но объ исполненіи условій трактата не было и помину. Сербы терпѣли, выжидая время, послушные Милошу Обреновичу. Это и есть его великая заслуга передъ Отечествомъ. Даже когда въ 1817 году все христіанское населеніе Турціи тревожно готовилось къ грозному заявленію своихъ человѣческихъ правъ, въ надеждѣ на поддержаніе освободившейся Европы, и Черниджорджъ воротился въ Сербію для новой попытки возстанія, разумный, хитрый Милошъ, понимая безнадежность дѣла, удержалъ свой народъ, и погибъ одинъ Черниджорджъ, принесенный въ жертву Отечеству, какъ говорилъ Милошъ, или собственному властолюбію Милоша, какъ говорятъ другіе. Все же Сербія была спасена благоразумной выдержкой этого времени.

Между тѣмъ, въ новомъ составѣ Европейскихъ державъ Россія занимала первое мѣсто, и естественно возбуждались надежды всѣхъ нашихъ единовѣрцевъ. Теперь, казалось, настала пора вознагражденія за всѣ страданія, за всѣ усилія; вознагражденія самаго справедливаго, самаго заслуженнаго, ибо кто былъ болѣе угнетенъ? Кто остался такъ вѣренъ и христіанству, и Европейскому началу, какъ христіанскіе народы Востока? А теперь вознаграждали всѣхъ и каждаго, и даже съ грѣхомъ пополамъ. Но къ несчастію православныхъ Христіанъ, Императоръ Александръ впалъ въ мистицизмъ. Несбыточныя мечты объ основаніи христіанскаго союза всѣхъ государей, для соблюденія мира, добродѣтелей и всякой чистоты и нравственности въ своихъ народахъ, увлекли его къ созданію „Священнаго Союза.“ Практическая Англія первая отказа-

лась; хитрая Австрія пристала только изъ учтивости, но умѣла потомъ разработать дѣло въ свою исключительную пользу; одинъ Прусскій король искренно сочувствовалъ союзу, въ тѣ времена религіозной возбужденности. Теперь отъ этого союза остается только мѣдная доска, прибитая въ одному изъ столбовъ въ Невской Лаврѣ съ гравированными на ней статьями трактата, въ память благонамѣренности съ нашей стороны и эксплуатаціи со стороны другихъ.

Болѣе серіозный былъ такъ называемый союзъ четырехъ державъ (Quadruple Alliance) между Россіей, Пруссіей, Австріей и Англіей, составленный во время кампаніи, въ Шатильонѣ, и къ которому почти насильно пристала Бурбонская Франція. Цѣль была огражденіе существующихъ новыхъ границъ и существующаго политическаго порядка отъ внѣшнихъ и внутреннихъ домогательствъ. Но тутъ опять, для сохраненія этого согласія, императору Александру приходилось безпрестанно жертвовать интересами самыми близкими Россіи, жертвовать народами искренно-преданными и дозволить Европѣ несправедливости, которыхъ теперь и исправить нельзя. Христіянскій долгъ прощенія обидъ и забвенія предательства занималъ его умъ исключительно, затмѣвая мысль о такомъ же священномъ долгѣ благодарности и справедливости къ тѣмъ, которые вѣрно и крѣпко стояли за общее дѣло во время этихъ предательствъ. Неохотно, послѣ сильной оппозиціи, Англія и Австрія согласились на возстановленіе Царства Польскаго; но эту уступку либеральнымъ увлеченіямъ императора Александра и патріотизму Чарторижскаго, по требованію Австріи, стали вымещать на всякомъ движеніи другихъ народностей, не замѣчая противорѣчія такого образа дѣйствій, или пренебрегая имъ, что̀ разумѣется повело за собой ненависть къ правительствамъ и тайныя общества со всѣхъ сторонъ; а бунты въ Неаполѣ, въ Піемонтѣ, въ Испаніи раздражали императора все больше и больше. Такъ проходила эпоха конгрессовъ, какъ назвали это время.

Не вѣрилось однако Грекамъ, что имъ нельзя ожидать, чтобъ на этихъ державныхъ совѣщаніяхъ не поднялся въ ихъ пользу всемогущій голосъ Россіи. Въ это время въ Турціи царствовалъ султанъ-реформаторъ Махмудъ; разумѣется, реформаторъ на мелочи, на показъ, какъ бываютъ эти жалкіе подражатели нашего Петра, въ сущности мало озабоченные просвѣщеніемъ народа, но влюбленные въ комфортъ и удобства Европейской жизни для себя и своихъ приближенныхъ. Первою заботою Турецкихъ реформаторовъ было созданіе единодержавія, или скорѣе (выражаясь по нынѣшнему) единства кассъ, посредствомъ конфискацій. Паши, сильные и богатые, управляли разными провинціями по обычаю (ибо правъ никакихъ не знали и знать не хотѣли) удѣльныхъ или феодальныхъ владѣльцевъ, или лучше сказать предводителей дивизій и корпусовъ Турецкой арміи, наживающихся на постоѣ у Христіянъ и дѣлившихся добычею съ султаномъ. Все же ихъ вассальное положеніе и признаніе ими полудуховнаго характера власти наслѣдниковъ Магомета составляли нѣкоторую связь между Цареградомъ и ими и сохра-

няли цѣльность Имперіи, которая была ничто иное, какъ армія пришельцевъ, стоящая лагеремъ среди Европы. Ихъ богатства, т. е. конфискація ихъ, особенно прельщали Сераль. Одинъ изъ главныхъ двигателей этой междоусобной войны и любимецъ султана, Халетъ-Ефенди, былъ личнымъ врагомъ Али-паши, Янинскаго правителя, или лучше сказать владѣтеля Албаніи, котораго властолюбіе было безъ границъ, а сокровища безъ числа. Али-паша былъ для меня типомъ поэтической стороны Турковъ. Его портретъ видѣла я въ Англійской книгѣ (воспоминанія объ Албаніи) нашего Англійскаго доктора Галланда, котораго я конечно не помню, но который прислалъ книгу отцу моему въ подарокъ отъ автора. Если судить по этому портрету, Али-паша былъ замѣчательной наружности. У злаго старика были правильныя, благородныя черты, Кавказскій типъ и глаза продолговатые, большіе, съ широкими вѣками и длинными рѣсницами, придающими общую мягкость лицу, между тѣмъ какъ совсѣмъ другаго характера было выраженіе жестокаго, недобраго, безулыбочнаго рта. Подъ его чертами всегда являлся мнѣ паша въ Абидосской Невѣстѣ, а Селимъ, не смотря на удостовѣреніе поэта (который долженъ знать свое собственное твореніе) у меня всегда выходилъ Грекъ,—сынъ Христіянки, покрайней мѣрѣ готовый кинуться въ Морею, на помощь Грекамъ. Впрочемъ, кажется, Байронъ своего Абидосскаго пашу писалъ съ натуры, едвали не съ Али, или съ его сына Вели-паши, у котораго онъ гостилъ въ Мореѣ. Великолѣпное описаніе его представленія Али-пашѣ, въ его лѣтнемъ дворцѣ (и родинѣ), въ Тебеленѣ, всѣмъ извѣстно (Canto II, Child Harold).

Въ бесѣдкѣ пышной, гдѣ Дюнтана
Струя прозрачная журчитъ,
Гдѣ ложе мягкое дивана
На отдыхъ сладостный манитъ,—
Въ коврахъ пушистыхъ утопая,
Али усталый возлежитъ,
Сѣдую бороду лаская.
Онъ былъ старикъ. Кто бъ угадалъ,
Какія тайныя движенья,
Какія темныя мечты
Скрывали старыя черты,
Гдѣ поселилось преступленье?
Какая черная тоска
Терзала сердце старика?
Не пылкость юноши смущаетъ
Грудь старика избыткомъ силъ;
«Любовь сѣдины покоряетъ»,
Гафизъ когда-то говорилъ.
Мудрецъ Теосскій думалъ тоже:
Но преступленья многихъ лѣтъ,
Всю нѣжность чувства уничтожа,
На немъ оставили свой слѣдъ.
Такое сердце не томила
Порывомъ огненнымъ любовь.
«За око—око, кровь—за кровь!»
Вотъ все что̀ имъ руководило.
Такихъ людей одинъ удѣлъ—
Ужасный рядъ кровавыхъ дѣлъ.

Таковъ являлся нашему дѣтскому воображенію Али-паша. Онъ заслужилъ милость султана, въ молодости, убійствомъ собственна-

го тестя, и за это былъ назначенъ пашей въ Албанію. Тамъ онъ сперва сталъ относиться дружелюбно къ Французамъ, занявшимъ Далмацію и острова, во время Французской республики; но потомъ измѣнилъ имъ и былъ за то произведенъ (говоря по нашему) въ пашу всей Румеліи. Эпиръ, Македонію и почти весь Греческій полуостровъ онъ уже самъ себѣ прибралъ къ рукамъ. Онъ попытался прежде всего подослать убійцъ въ Цареградъ противъ любимца султана и своего личнаго врага. Но дѣло открылось. Халетъ ущѣлѣлъ, и гордый властелинъ Албаніи былъ приговоренъ къ смерти, какъ непослушный рабъ. Тогда, поднявъ открыто знамя бунта и желая укрѣпиться въ Морей, онъ призвалъ къ оружію, къ возстанію, Грековъ Пелопонеса, обѣщая признать ихъ независимость, если съ ними одержитъ побѣду надъ султаномъ. На его кличъ съ восторгомъ отвѣчали Греки и, пользуясь междоусобіемъ Турокъ, возстаніе Греческое росло и росло. Всѣхъ своихъ бывшихъ владѣній Али отстоять не могъ; однако три года продержался въ Янинѣ и въ это время давалъ возможность Христіянамъ доставать снаряды и порохъ и вооружать свои купеческіе корабли, такъ что у нихъ въ непродолжительномъ времени образовалась цѣлая флотилія безстрашныхъ корсаровъ, между которыми прославились особенно Канарисъ и Міаулисъ; а партизанская, нескончаемая, утомительная война въ горахъ и ущельяхъ велась цѣлое десятилѣтіе мелкими отрядами подъ отважными предводителями: Колокотрони, Гриваса, Карайскакиса, Гаджи-Петроса и двоихъ Боцарисовъ. Длинный рядъ годовъ прошелъ съ тѣхъ поръ, много было разочарованія на счетъ даже этихъ лицъ; а все таки сердце дрогнуло во мнѣ, на старости лѣтъ, когда я познакомилась съ сыновьями Боцариса и Колокотрони и увидѣла престарѣлаго, но еще бодраго, плечистаго богатыря Гаджи-Петроса: такъ сильно было для меня обаяніе этихъ именъ въ моей молодости.

Въ самое время этихъ происшествій, статсъ-секретаремъ и, по своему вліянію, настоящимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ у насъ графъ Каподистрія. Онъ былъ Корфіотъ по рожденію, учившійся въ Итальянскомъ университетѣ (Падуанскомъ). Нѣлюбовь къ Французскому обладанію заставила его покинуть родину, гдѣ онъ, несмотря на свою молодость, занималъ значительную должность. Императоръ Александръ охотно принималъ такихъ людей, которые готовы были на противодѣйствіе Наполеону, и Каподистрія поступилъ въ Русскую службу въ 1809 году. Замѣчательно, что два наши дипломата, имѣвшіе въ свое время самые вліятельные посты для чужестранной политики и смотрѣвшіе на дѣла съ самой Русской точки зрѣнія, понимавшіе интересы и симпатіи Русскихъ, какъ немногіе Русскіе ихъ понимаютъ,—оба были иностранцы, и даже никогда не были Русскими подданными: Каподистрія и Поццо-ди-Борго. Когда читаешь меморіи, представленныя ими по дѣламъ Польши и по дѣламъ Востока, сожалѣешь только, что такъ много у насъ Русскихъ неспособныхъ даже понять то, что̀ для иностранцевъ въ Русской службѣ такъ ясно и просто казалось полвѣка назадъ и такъ оправдалось впослѣдствіи. Поццо-ди-Борго я видѣла

всего два раза въ Берлинѣ, и его блистательный разговоръ и обращеніе человѣка лучшаго тона плѣнили меня. Но я могла только судить о немъ, какъ о любезномъ, остроумномъ собесѣдникѣ, а не какъ о человѣкѣ, тѣмъ менѣе о политическомъ дѣятелѣ. Черные какъ угли глаза горѣли, но не тѣмъ тихимъ, задумчивымъ свѣтомъ, какъ у Каподистріи; вся же наружность его была южная, но совершенно инаго типа. Немного спустя, стали говорить о его болѣзни, и онъ долженъ былъ выдти въ отставку, вслѣдствіе совершенной потери памяти. Единственно своимъ необычайнымъ умомъ и яснымъ взглядомъ государственнаго человѣка, Поццо постигалъ нужды и призваніе Россіи. Каподистрія, самъ православный, постигалъ Россію умомъ и сердцемъ своимъ.

Я нашла въ записной книжкѣ отмѣтку, взятую не знаю откуда, изъ разговора, или изъ письма, или изъ книги: „On ne comprend pas „la Russie, parcequ'on y cherche une nation, et la Russie est une „église“ [28]). Это, можетъ быть, преувеличено; но есть немало правды въ этой характеристикѣ. Впрочемъ, Каподистрія, по добросовѣстности, отличавшей его, старался изучать Россію, особенно въ болѣе свободное время начала его службы, отъ 1809-го до 1811-го года, когда онъ жилъ безъ постоянныхъ занятій и опредѣленной должности. Онъ въ это время сошелся съ Карамзинымъ, или по крайней мѣрѣ съ его кружкомъ, съ тѣми вѣрными друзьями, которыхъ любовь не покидала его до конца жизни. Отъ нихъ и черезъ нихъ старался Каподистрія ознакомиться съ Русской народностію, съ составомъ громаднаго государства, въ которое, по преданію, или по инстинкту, вѣрили его соотечественники, какъ въ будущую опору и спасеніе. Одинъ изъ его Петербургскихъ друзей, Греко-Руссъ Стурдза, говоритъ, что „все его вниманіе обращалъ на себя простой народъ „Русскій, котораго бодрость, сила и простота напоминали ему от„важныхъ горцевъ Эпира и казались ему залогомъ будущаго но„ваго строя жизни, строя, для котораго нуженъ этотъ юный на„родъ, поставленный Провидѣніемъ на грани устарѣвшаго запад„наго міра.“ Уже тогда у мыслящихъ людей начинала слагаться система, разработанная нынѣ нѣкоторыми Московскими писателями и учеными, которыхъ поднимаютъ на смѣхъ и которые, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ только обманываютъ себя мечтою.

Но горе! Вѣкъ прошелъ, и мертвеннымъ покровомъ
Задернутъ Западъ весь! Тамъ будетъ мракъ глубокъ....
Услышь же гласъ судьбы, воспрянь въ сіяньи новомъ,
Проснися, дремлющій Востокъ!

Если это мечта, то этой мечтой обманывали себя высокіе умы, необыкновенные таланты, люди дѣятельности и опыта, игравшіе важную и полезную ролю на государственномъ поприщѣ—и между ними Каподистрія. По его словамъ нашъ крестьянинъ (т. е. Великорусскій) „олицетвореніе человѣческой энергіи, крѣпкаго сло-

[28]) Россіи не понимаютъ, потому что ищутъ въ ней народа, тогда какъ Россія есть церковь.

„женія и тонкаго ума, краснорѣчивый и веселый, добродушно-кол-„кій, предпріимчивый и неутомимый. Сама крѣпостная зависимость „не убила въ немъ ни его бодрой дѣятельности, ни отважности, ко-„торая играетъ жизнію и презираетъ опасности. Съ врожденной ве-„селостію нрава, Русскій крестьянинъ однако глубоко проникнутъ „религіознымъ чувствомъ, преданъ своей вѣрѣ, въ тоже время полонъ „терпимости для вѣры чужой, вообще не причастенъ къ грѣху фа-„натизма.“ Любовь Русскихъ къ разсказамъ, къ пѣнію, къ стихамъ, самая музыка старыхъ пѣсней и слова многихъ изъ нихъ, занимали Каподистрію и плѣняли его, а способность Великоруссовъ къ колонизаціи и хлѣбопашеству, въ степяхъ и пустыняхъ Новороссійскаго края и въ Сибири, его изумляла.

„Онъ видѣлъ въ насъ счастливую смѣсь Азіи съ Европой: восточ-„ную покорность власти и величественное спокойствіе въ несчастіи, „почти переходящее изъ Христіянской покорности въ какой-то фа-„тализмъ; и съ тѣмъ вмѣстѣ дѣятельность и удаль, чисто Европей-„скую, потомковъ Яфетовыхъ“ [29]).

Проживъ такимъ образомъ въ бесѣдахъ съ друзьями и въ ученыхъ занятіяхъ два года, Каподистрія просилъ канцлера Румянцева послать его въ Вѣну, куда и прикомандировали его къ посольству. Графъ Штакельбергъ, принявшій его сначала недовѣрчиво, скоро сталъ поручать ему составленіе разныхъ меморій, въ которыхъ наконецъ признали замѣчательный талантъ. Въ это время уже готовились великія событія 1812-го года. Адмиралъ Чичаговъ [30]), принявъ начальство надъ арміей Дунайской, выписалъ знакомаго ему Каподистрію въ Бухарестъ, чтобъ поручить ему дѣла по сношеніямъ съ Сербами и съ диванами (верховнымъ совѣтомъ) Молдавіи и Валахіи, т. е. тѣ самыя дѣла, которыя передъ этимъ были въ рукахъ отца моего, при Каменскомъ. Чичаговъ поручилъ ему тоже устройство вновь уступленныхъ Россіи, по Бухарестскому трактату, земель Бессарабской области,—дѣло, которое послѣ переходило въ разныя руки (между прочимъ и отецъ мой былъ нѣсколько времени прикомандированъ къ графу Кочубею по этимъ работамъ). Скоро пришлось отозвать и южную армію въ границы Россіи, и Каподистрія очутился среди военнаго лагеря, сперва при Чичаговѣ, потомъ съ Барклаемъ, въ обѣ кампаніи 1812 и 1813 года. Тутъ уже самъ Императоръ началъ давать ему дипломатическія порученія, и среди интригъ, предательствъ и мелкихъ соперничествъ разныхъ правительствъ, окружавшихъ Государя, сдѣлавшагося уже, такъ сказать, не только Русскимъ, а обще-Европейскимъ владыкой, Каподистрія скоро умѣлъ такъ себя поставить, что сталъ главнымъ совѣтникомъ Государя и настоящимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, хотя не носилъ этого названія. Однако, съ высокою честностію своей прекрасной души, онъ умѣлъ всегда отдѣлять интересы своего Отечества (собственными интересами онъ никогда не

[29]) Стурдза.

[30]) По прямому указанію императора Александра Павловича (см. Записки Чичагова, изданныя въ Берлинѣ, въ 1855 году). *П. Б.*

дорожилъ) отъ интересовъ той земли, Государю которой онъ служилъ; не даромъ Жуковскій назвалъ его нашимъ Христіянскимъ Аристидомъ и сожалѣлъ, что не всѣ могутъ раздѣлять тѣ чувства удивленія къ нему, которое сохранили до конца и онъ самъ, и отецъ мой, и всѣ знавшіе Каподистрію въ Россіи.

Во время Вѣнскаго конгресса ему были поручены меморіи по самымъ щекотливымъ вопросамъ, касавшимся Пруссіи, Польши и Швейцаріи, на конференціяхъ, гдѣ графъ Разумовскій и Гарденбергъ боролись съ трудомъ противъ Метерниха, Талейрана и Кастльрея. По его настоянію была формально признана независимость Іоническихъ острововъ; но тутъ онъ слѣдовалъ своему убѣжденію, что освобожденіе его Отечества совпадаетъ съ пользою Россіи; покровительство же Англіи было принято, какъ меньшее зло, нежели Французское или Австрійское. Однако онъ не могъ достигнуть горячо-желаемаго имъ, общаго соглашенія по уничтоженію торговли Неграми, и для принятія мѣръ противъ морскаго разбоя Алжирскаго и Тунисскаго беевъ. Англія не согласилась, и проэктъ былъ отложенъ въ долгій ящикъ.

Манифесты о возобновленіи военныхъ дѣйствій 1815 года противъ Наполеона и о возстановленіи или, лучше сказать, о созданіи новаго Царства Польскаго, были писаны Каподистріею; послѣдній, по порученію и почти подъ диктовкой Императора, хотя Каподистрія нѣсколько разъ заявлялъ ему свое личное мнѣніе, что, заглаживая нѣкоторыя несправедливости въ прошедшемъ, эта мѣра не обезпечивала будущности ни Польскаго народа, ни Россіи: слишкомъ много было разрушенія и гнили въ старомъ зданіи, слишкомъ заѣлся политическій развратъ въ плоть и кровь Поляковъ, чтобы возможно было прочно возстановить такое государство. Не только въ это время, но неоднократно и впослѣдствіи, Каподистрія старался доказать это императору Александру; но вліяніе Чарторижскаго и собственное влеченіе къ этой мечтѣ своей юности мѣшали Императору вникнуть въ справедливость доводовъ гр. Каподистріи, какъ они мѣшали ему увѣриться въ истинѣ краснорѣчивой записки Карамзина. Каподистріи-же, какъ уполномоченному отъ Россіи, было поручено Императоромъ вести въ Парижѣ въ 1815 году трудное дѣло сохраненія за Франціей ея старыхъ границъ. Онъ доказывалъ Англіи, Пруссіи и Австріи, что если они рѣшили необходимымъ для мира Европы укрѣпить Бурбоновъ на престолѣ, то безумно было-бъ требовать отъ нихъ уступокъ, несовмѣстныхъ съ честію Франціи. Наконецъ, когда герцогъ Ришелье ожидалъ, что съ часу на часъ дойдетъ до разрыва и въ отчаяніи обратился къ Каподистріи, отъ него онъ получилъ совѣтъ Людовику XVIII-му написать частное письмо къ императору Александру съ объявленіемъ рѣшенія своего отречься отъ престола, коль скоро не оставятъ Франціи ея достоинства и чести. Это письмо престарѣлаго короля, поддержанное Императоромъ, наконецъ подѣйствовало на союзныя правительства, и Франція сохранила тѣ провинціи и крѣпости, которыя, по безумію ея правителя, она недавно потеря-

ла. Наученное опытомъ, на этотъ разъ Русское правительство уже не вмѣшалось въ дѣла неблагодарной страны. Но въ 1815 и 1818-мъ годахъ императоръ Александръ еще обольщалъ себя надеждой примиренія непримиримыхъ политическихъ интересовъ и считалъ обязанностію своей, такъ сказать, какъ всемірнаго посредника, жертвовать всѣмъ для блага общаго, для мирнаго состоянія всей Европы, надѣясь благостію и уступчивостію привить къ другимъ, ко всему человѣчеству, тѣ христіянскія добродѣтели, которыя должны были привести къ какому-то миленіуму на земли, уже приближающемуся въ видѣніяхъ мистиковъ разныхъ оттѣнковъ: и m-me Krüdner, и странствующихъ квакеровъ, и библейскаго общества и т. д. Но такаго настроенія души никто изъ государей другихъ земель не раздѣлялъ съ Александромъ Павловичемъ.

Въ путаницѣ и безнадежной розни между большими и малыми правительствами, имѣвшими своихъ представителей на всѣхъ конгрессахъ того времени, Каподистрія старался только оградить по возможности честь и вліяніе Россіи и способствовать цѣли императора Александра къ возстановленію прочнаго мира въ Европѣ. По всему, что я слышала отъ батюшки и отъ другихъ близкихъ къ Каподистріи людей, онъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ могъ подавать голосъ, совѣтовалъ не увлекаться, не поддаваться напору нѣкоторыхъ неискреннихъ союзниковъ, не пугаться безпорядковъ, какъ неизбѣжныхъ послѣдствій безграничнаго деспотизма Наполеонова съ одной стороны, а съ другой, неосторожныхъ обѣщаній многихъ правительствъ во время опасности; совѣтовалъ особенно различать возможное отъ невозможнаго, не требовать того, до чего еще не доспѣла пора; различать справедливыя требованія отъ несправедливыхъ. Въ такомъ смыслѣ онъ употребилъ все свое вліяніе въ пользу освобожденія Франціи отъ занятія иностранными войсками. Въ 1817 году, его искусному веденію дѣлъ и настойчивости императора Александра должно приписать уменьшеніе на 600 милліоновъ франковъ требованной контрибуціи отъ Франціи, а въ 1818 году на Ахенскомъ конгрессѣ рѣшеніе вывести остатки войска изъ Франціи. Такимъ образомъ, въ третій разъ Франція была обязана Россіи облегченіемъ тяжелаго бремени, наложеннаго на нее послѣ паденія Наполеона. Съ рѣдкимъ умѣніемъ и тактомъ Каподистрія успѣлъ поддержать Французскаго министра герцога Ришелье въ его негоціаціи, воспользовавшись свидѣтельствомъ Веллингтона и Поццо-ди-Борго о мирномъ состояніи края. Каподистрія надѣялся покончить въ Ахенѣ и съ союзомъ Шатильонскимъ четырехъ державъ, дабы развязать руки Россіи или, по крайней мѣрѣ, болѣе опредѣленно оформить взаимныя обязательства; но слишкомъ выгодно было для нѣкоторыхъ державъ это средство эксплуатировать Россію. По обыкновенію, стали пугать революціонными движеніями, не касающимися Россіи, и наконецъ, утомленный борьбою императоръ Александръ согласился остаться при Шатильонскомъ союзѣ. Какъ тяжело это было Каподистріи, свидѣтельствуетъ унылый тонъ одного письма его къ моему отцу (въ Лондонъ), которое я нашла въ бумагахъ батюшки:

11/23 Novembre 1818. Aix-la-Chapelle.

Je voudrais vous écrire, mon cher Bloudoff, une longue lettre, mais (où est) le moyen de le faire? [31]) C'est minuit passé. Je pars demain de grand matin, je suis malade. Et depuis mon arrivée ici, je n'ai pas eu un seul instant de repos. Grâce à Dieu, tout-est fini, et assez bien. Les grandes questions sont décidées raisonnablement. Je charge Sévérine de vous en parler. Reste à savoir, si lui-même en aura le tems et la force. Notre jeune et malheureux ami [32]) est toujours souffrant. Chose remarquable, les personnes qui ont le plus travaillé, sont celles qui étaient les plus faibles et les plus malades! L'Empereur a été satisfait de notre bonne volonté, et vous, comme tout bon Russe, doit l'être aussi. C'est là ma plus chêre et ma plus belle récompense [33]).

Потомъ слѣдуетъ цѣлая страница непонятная для насъ, темныхъ людей. Очевидно, надобно читать между строками о какомъ-то вѣроломномъ дѣйствіи котораго-то изъ правительствъ союзныхъ съ нами. „Mon opinion, toute particulière, est qu'il existe quelque „chose de semblable à l'acte du mois de Janvier 1815“ [34]), т. е. этотъ гнусный трактатъ противъ Россіи, который Наполеонъ прислалъ къ императору Александру въ Вѣну, въ обличеніе Лудовика XVIII, Австріи, Англіи, Баваріи и Голландіи.

Батюшка былъ повѣренный въ дѣлахъ въ Лондонѣ, въ это время и, какъ видно, попалъ на слѣдъ такой же измѣнической продѣлки. Мнѣ неизвѣстно, найденъ ли настоящій актъ, было ли это документально-скрѣпленное дѣйствіе союзниковъ противъ Россіи (и вѣроятно Пруссіи) или только словесный разговоръ; но уже одно правдоподобіе такой гнусности, подозрѣваемой и батюшкою въ Англіи, и Каподистріею въ Ахенѣ, рисуетъ въ темныхъ тѣняхъ положеніе членовъ конгресса, въ которомъ было три лишь человѣка честныхъ: императоръ Александръ, его статсъ-секретарь Каподистрія, да король Прусскій. Продолженіе письма наводитъ на унылое раздумье. Уже такъ сроднились съ мыслію объ измѣнѣ самыхъ союзныхъ правительствъ, такъ дорожили хотя коекакимъ невѣрнымъ, непрочнымъ подобіемъ мира, послѣ изнурительной долголѣтней военной тревоги Наполеона, что заранѣе

---

[31]) Итальянское выраженіе, переведенное на Французское.

[32]) У Северина умерла тогда первая его жена-красавица, сестра Стурдзы.

[33]) Я хотѣлъ писать къ вамъ, мой милый Блудовъ, больше письмо; но какъ это сдѣлать? Теперь за полночь. Я ѣду завтра, рано утромъ; я боленъ. И съ моего пріѣзда сюда, не было у меня ни минуты покоя. Слава Богу, все кончено, и довольно хорошо. Великіе вопросы рѣшены благоразумно. Поручаю Северину передать вамъ о томъ; но не знаю, будетъ ли и у него на то времени и силы. Нашъ молодой несчастный другъ по прежнему страдаетъ. Замѣчательно, что самые слабые и самые больные работали больше всѣхъ. Государь былъ доволенъ нашимъ усердіемъ; и вы должны быть также, какъ всякій добрый Русскій. Въ этомъ для меня драгоцѣннѣйшая и прекраснѣйшая награда.

[34]) Что̀ касается до меня лично, я думаю, что тутъ есть нѣчто похожее на Январьскій трактатъ 1815 года.

готовы мириться съ гнусностію этой союзной лжи, и только воспользоваться ею для острастки волковъ въ овечьей шкурѣ.

„Qui sait si vous ne parviendrez pas à découvrir la chose! Cette „découverte serait importante, non pour rompre, mais pour resserrer „les liens qui unissent. Le jour qu'on saura que le fait est connu (si „toutefois ce fait existe) quelles facilités pour les..... et „quelles avances ne nous ferait-on pasó... La non-existence d'une pareille „transaction est encore une découverte importante. Je vous préviens „que toute la correspondance, relative à cette partie du service, n'est „connue que de l'Empereur seul“ [35]).—Оказалось, что это была интрига одного авантюриста, который преслѣдовалъ личныя цѣли. Замѣчательно только, что предательская продѣлка казалась правдоподобною.

Въ другомъ письмѣ Каподистрія такъ говоритъ о Поццо-ди-Борго, при посылкѣ батюшки рекомендательнаго письма къ нему въ 1818 г.

„Le général Pozzo vous fera plaisir. S'il est en train, il vous parlera „politique, et vous en serez enchanté“ [36]).

На дорогѣ въ Ахенъ, императоръ Александръ останавливался въ Варшавѣ, въ этомъ любимомъ царствѣ его созданія. Каподистрія въ письмѣ къ батюшкѣ оттуда говоритъ: „....Avant-hier au soir, j'ai „trouvé Sa Majesté lisant le manuscrit de Karamzine (его Исторію). Je „ne lui dirai pas tout ce que S. M. a eu la bonté de me dire. Ce que „je sais, c'est que ce livre fait un grand bien.....“ [37])

Какая сложная натура была натура императора Александра! Онъ примиряетъ между собою враговъ, ежедневно готовыхъ обратиться противъ него; читаетъ съ высокимъ наслажденіемъ великія творенія литературы; великодушно прощаетъ и благотворитъ Полякамъ; съ истиннымъ, непритворнымъ интересомъ религіознымъ слушаетъ восторженныя мечтанія г-жи Крюднеръ и банальныя рѣчи проѣзжихъ Англійскихъ проповѣдниковъ; а между тѣмъ неуклонно отвергаетъ всякую энергическую мѣру для спасенія тысячей и тысячей Христіянъ, погибающихъ отъ руки неистовыхъ тирановъ; Христіянъ единовѣрныхъ, по всѣмъ преданіямъ историческимъ, по всѣмъ соображеніямъ политическимъ, стоящихъ въ прямомъ отношеніи покровительствуемыхъ Россіею народовъ! Императоръ, въ началѣ гоненія, согласился послать барона Григорія Александровича Строганова въ Константинополь чрезвычайнымъ посломъ, если

---

35) Кто знаетъ, не удастся ли вамъ вскрыть дѣло! Это вскрытіе было бы важно не для разрыва, но для того, чтобъ затянуть связующія узы. Какъ скоро узнаютъ, что дѣло обнаружилось (если только оно существуетъ), какъ будетъ удобно для... и какъ будутъ съ нами предупредительны. Самое отсутствіе подобной сдѣлки есть важное открытіе. Предупреждаю васъ, что вся переписка по этому служебному предмету извѣстна только одному Государю.

36) Генералъ Поццо будетъ вамъ пріятенъ. Если найдетъ на него стихъ, онъ станетъ говорить съ вами о политикѣ, и вы будете отъ того въ восхищеніи.

37) Третьяго дня вечеромъ я засталъ Его Величество за чтеніемъ рукописи Карамзина. Не передамъ ему всего, что̀ Его Величество изволилъ говорить мнѣ. Знаю только, что книга эта приноситъ большую пользу.

не по выбору Каподистріи, то по крайней мѣрѣ къ его искренней радости. Баронъ Строгановъ принадлежалъ къ тому поколѣнію, которое въ молодости еще знавало Екатерину II-ю, еще принадлежало къ ея придворному кругу. Онъ обладалъ отличительными качествами этого поколѣнія: иностранной наружностью и Русскимъ чувствомъ, обращеніемъ и языкомъ чисто-Французскимъ, и сердцемъ и умомъ всецѣло-Русскими; любилъ, и гордился, и поклонялся Россіи, и умѣлъ безстрашно поддерживать честь имени Русскаго, самымъ изящнымъ языкомъ, съ самымъ Парижскимъ выговоромъ. Это поколѣніе переряжалось въ иностранцевъ, но такой нарядъ былъ лишь костюмомъ для гостинной: въ своемъ кабинетѣ надѣвался родной халатъ, а на войнѣ Суворовскій мундиръ. И шли эти люди, безъ оглядки, противъ тѣхъ же портныхъ, парикмахеровъ и даже учителей, которыхъ они казались твореніемъ. Баронъ Григорій Александровичъ оставилъ такую память о себѣ у Христіянъ Турецкихъ, что они и понынѣ говорятъ: „Никогда не было такого Русскаго посла, какъ онъ!“ И однако онъ не могъ ничего сдѣлать, потому что Императоръ никакъ не согласился ни на экспедицію, ни даже на военную демонстрацію въ подкрѣпленіе негоціацій, хотя Каподистрія, хорошо знакомый съ Турками, убѣждалъ его двинуть войско на границу, зная, что Порта не признаетъ никакихъ доводовъ, кромѣ грубой силы и считаетъ трусостію всякія уступки и всякія мирныя убѣжденія. Греки, съ своей стороны, не понимали возможности такого долготерпѣнія въ продолжительныхъ переговорахъ, когда побѣдоносная армія стояла на готовѣ, и все, казалось, поклонялось вождю царей, Александру. Они вообразили, что у посла были инструкціи нарочно затягивать дѣла, нарочно привести Турцію къ отказу въ удовлетвореніи требованій, для того чтобы имѣть предлогъ къ объявленію войны для освобожденія Христіянъ. Самое то обстоятельство, что иностранными дѣлами заправлялъ въ Россіи Грекъ, придавало вѣроятность такой мечтѣ. Каподистрія однакоже самъ, желая защиты, Русскаго могучаго слова противъ гоненія Христіянъ въ Константинополѣ, никакъ не желалъ ихъ возстанія и считалъ преждевременнымъ созданіе независимой Греціи. Онъ считалъ, что Греки еще не подготовлены къ политической самостоятельности, что прежде всего нужно было просвѣтить ихъ, пріучить къ моральной дисциплинѣ и дать окрѣпнуть не только волѣ, но и разуму и мысли. Онъ не желалъ и не могъ довольствоваться тѣмъ клочкомъ земли, изъ котораго впослѣдствіи составили Греческое королевство, и находилъ, что до той Греціи, которую онъ носилъ въ своемъ умѣ и въ сердцѣ, сами Греки не доросли. Онъ употреблялъ все свое вліяніе на далекихъ соотечественниковъ, чтобы разочаровать ихъ, но понапрасну. Между Греками уже были полуобразованные люди, тѣ люди, нахватавшіеся кое-какихъ поверхностныхъ познаній и именно вслѣдствіе своего невѣжества пренебрегающіе здравымъ смысломъ и готовые вести цѣлые народы въ пропасть, люди, которыхъ слишкомъ много вездѣ, авантюристы нашего времени, что-то въ родѣ странствующихъ рыцарей или кондотіеровъ среднихъ вѣковъ, когда они не просто за просто мошенники.

Эти-то люди устроили тайныя общества подъ названіемъ, гетерій, по разнымъ мѣстностямъ Греціи и нѣсколько разъ присылали своихъ агентовъ въ Петербургъ, чтобъ развѣдать о намѣреніяхъ Императора. Каподистрія всякій разъ, не обинуясь, лишалъ ихъ всякой надежды и строго выговаривалъ за неосторожныя попытки къ преждевременной борьбѣ. Но имъ неугодно было ждать, ибо имъ нужно было, для себя и своего собственнаго самолюбія,—начинать дѣло, не жалѣя жизни тѣхъ, которыхъ они вызывали на гибель; имъ нужно было увѣрить народъ, что Русскіе идутъ къ нимъ на выручку, и они не остановились передъ злодѣйствомъ, чтобъ скрыть настоящія намѣренія Александра. Одинъ изъ ихъ агентовъ, честный человѣкъ, узнавъ всю истину въ Петербургѣ, возвращался съ намѣреніемъ передать ее, безъ всякихъ прикрасъ, начальникамъ мѣстнаго возстанія. Другіе члены гетеріи злодѣйски умертвили его, а сами обратились къ молодому и пылкому князю Александру Ипсиланти и уговорили его явиться въ Молдавіи во главѣ бунта и обнародовать воззваніе къ Грекамъ отъ своего имени, но такое, чтобы оно казалось извѣстнымъ Императору, котораго онъ былъ флигель-адъютантъ. Это извѣстіе пришло въ Лайбахъ (1821 г.), гдѣ новый конгрессъ занимался именно потушеніемъ разныхъ безпорядковъ въ Неаполѣ, Піемонтѣ, Испаніи, и скоро послѣ того времени какъ въ Парижѣ былъ убитъ герцогъ Беррійскій. Опасеніе разстройства Европейскаго союза и тѣнь, брошенная на его добросовѣстность, безумнымъ поступкомъ Ипсиланти, поступкомъ, который онъ считалъ предательствомъ, рѣшили императора Александра, во что бы ни стало, доказать свою твердую волю въ исполненіи всѣхъ обязательствъ трактатовъ. Отъ Ипсиланти Русское правительство всенародно отказалось. Турки успокоенные вошли въ Молдавію, разорили ее, а возставшихъ въ одно время съ нею Морейскихъ Грековъ рѣзали и мучили вездѣ, гдѣ они попадались въ руки.

Такимъ образомъ, отвергая Ипсиланти и всякое намѣреніе возмущать Христіянъ въ Молдавіи, Россія не успокоила Порты, не удержала ея отъ неистовствъ, а напротивъ, дала ея жестокости полную волю разгуляться. Баронъ Строгановъ протестовалъ; но протестъ, не поддержанный силою, ни къ чему не повелъ. Каподистрія настаивалъ на занятіи Придунайскихъ княжествъ, чтобы остановить возстаніе Ипсиланти этимъ вооруженнымъ протестомъ, и вмѣстѣ устрашить Турокъ. Но Европейскіе союзники наши требовали укрощенія не Турковъ, а Итальянскихъ безпорядковъ, и не довѣряли искренности отреченія Императора отъ Молдавскаго движенія. Онъ рѣшился не дѣлать со стороны Турціи демонстраціи, которая могла бы раздражить Англію и Австрію. Вмѣсто того, Ермоловъ получилъ приказаніе воротиться съ Кавказа, чтобы принять команду надъ стотысячною арміею, назначенною въ Италію, какъ вспомогательное войско для Австрійцевъ, противъ трусливыхъ Неаполитанскихъ карбонаріевъ.

Это было въ Мартѣ мѣсяцѣ, а 10 Апрѣля, въ самый день Свѣтлаго Воскресенья, когда все христіянское, безоружное населеніе

Константинополя собиралось мирно праздновать великій день примиренія Неба съ грѣшнымъ человѣчествомъ, въ то время, когда престарѣлый вселенскій патріархъ Григорій, со всѣмъ духовенствомъ, совершивъ пасхальную литургію, выходилъ изъ церкви, благословляя толпящихся около него православныхъ, Турецкая стража схватила его и бывшихъ съ нимъ трехъ архіереевъ. Это былъ сигналъ общей рѣзни Христіянъ въ городѣ; а патріарха и епископовъ, продержавъ долго въ тюрьмѣ, приговорили къ смертной казни и повѣсили публично. Тѣло старца-мученика, снявъ съ висѣлицы, отдали на глумленіе и всякаго рода поруганіе Еврейскаго населенія Константинополя. Издѣваясь надъ христіянскимъ архипастыремъ, Жиды поволокли тѣло его по улицамъ, отъ угла въ уголъ древней Византіи и наконецъ кинули трупъ въ море, привязавъ тяжелый камень къ шеѣ, чтобы отнять всякую возможность у Христіянъ предать тѣло землѣ съ священными обрядами церкви нашей. Но что̀ можетъ людская злоба противъ неисповѣдимыхъ судебъ Провидѣнія? Нельзя не замѣтить, что точно такое средство употребили нѣкогда язычники Тавриды, чтобы приковать ко дну моря тѣло̀ другаго іерарха-мученика, убіеннаго ими, папы Климента, святителя Римскаго [38]). Такимъ дикимъ, неистовымъ торжествомъ изувѣровъ кончился этотъ ужасный день (10-го Апрѣля 1821 г.). Кто изъ Грековъ, могли бѣжать пользуясь торговыми судами, тѣ отправились въ Россію, гдѣ уже передъ тѣмъ скрывались болѣе значительные Греки, принужденные оставить Турцію. Какое было положеніе, какое чувство горести и страха овладѣло несчастными, уцѣлѣвшими отъ кривой сабли Османліевъ, можно если не понять, то чуять сердцемъ и намъ теперь, при разсказѣ объ этихъ ужасахъ. Еще день прошелъ, въ сравнительномъ покоѣ, но въ опасеніи новыхъ казней, въ свѣжемъ воспоминаніи казней вчерашнихъ; и Христіяне съ трепетомъ, въ безнадежномъ унынiи, ходили на берегъ моря сѣтовать и молиться о невинно-убіенномъ старцѣ. Подъ вечеръ что-то показалось на волнахъ морскихъ; что-то плыло тихо, около берега. Вглядѣвшись, узнали человѣческій трупъ. Пользуясь сумерками, притянули къ землѣ и увидѣли тѣло патріарха, котораго огромный камень не увлекъ къ морскому дну. Какимъ образомъ этотъ камень (можетъ быть дурно привязанный) упалъ съ шеи умершаго, намъ неизвѣстно; но камня не оказалось; тѣло всплыло, и его прибило къ берегу въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не случилось ни Турокъ, ни Жидовъ, но гдѣ случились Христіяне, которые съ благовѣніемъ перенесли его на торговый корабль Ивана Склавоса, капитана уже готоваго сняться съ якоря, чтобъ отплыть въ Одессу, гдѣ онъ передалъ дорогіе останки въ Карантинную гавань. Для Рус-

[38]) Св. папа Климентъ, сосланный на каменоломную работу въ Инкерманъ, былъ замученъ язычниками Крыма, и тѣло его брошено въ море около Херсониса (Севастополя) съ якоремъ на шеѣ; 400 лѣтъ спустя, свв. Кириллъ и Меѳодій нашли тѣло его нетлѣнное въ морѣ и привезли на берегъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ спустя, они же, отправляясь въ Римъ для защиты своего перевода Священнаго Писанія, пріѣхали опять за драгоцѣнными останками и перевезли ихъ въ Римъ.

скаго человѣка всякій покойникъ—священный предметъ почитанія и, можно сказать, нѣжнаго ухода. Съ какимъ же благоговѣніемъ приняли это тѣло, тихо возвращенное волнами на руки сѣтующихъ Христіянъ, тайно перевезенное изъ невѣрнаго въ православный край! Ктобы ни былъ этотъ покойникъ, его бы приняли съ молитвой и слезою, но тутъ было еще предположеніе, что это мощи мученика. Карантинное начальство, совершенно правильно, положило удостовѣриться въ личности и, созвавъ главныхъ представителей переселившихся недавно Грековъ, сдѣлало формальное дознаніе, по которому оказалось несомнѣнно, что привезенный трупъ точно есть тѣло Григорія V, вселенскаго патріарха, убіеннаго въ Константинополѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ. Только что разнесся слухъ по городу, какъ народъ сталъ валить толпами въ помѣщеніе около карантина, куда положили покойнаго и, во все время (пока курьеръ посланный къ Государю съ этой необыкновенной вѣстію не воротился съ распоряженіями) день и ночь горѣли свѣчи, и читалось Евангеліе, и молился народъ около гроба мученика [39]). По приказанію Императора были высланы изъ Петербурга великолѣпныя ризы, и въ нихъ облачили тѣло. Преосвященный Димитрій, архіепископъ Бессарабскій, въ сопровожденіи двухъ Греческихъ епископовъ и преосвященнаго Леонтія, митрополита Сербскаго, пріѣхалъ для отпѣванія, которое было совершено съ особеннымъ благолѣпіемъ, въ присутствіи всѣхъ Одесскихъ властей, при выстроенномъ вокругъ церкви войскѣ и нѣсколькихъ тысячахъ Грековъ, бѣжавшихъ отъ Турецкаго гоненія, да несмѣтнаго числа народа, собравшагося со всего сосѣдства отдать послѣднюю дань почтенія архипастырю. Много патріарховъ Греческихъ пріѣзжало въ Россію, но, конечно, ни одного живаго патріарха съ такимъ торжествомъ и благоговѣніемъ не принимали, какъ этого усопшаго. Его положили въ Греческой церкви Одесской, и только прошлаго года, по просьбѣ Греческаго духовенства и народа, позволили увезти обратно его мощи. Поплылъ патріархъ опять по Черному морю, но уже не потаеннымъ изгнанникомъ послѣ смерти, а прославленнымъ священно-мученикомъ, окруженный всѣмъ блескомъ трогательнаго обряда церкви, охраняемый освобожденными потомками его бывшей паствы.

Вспомнимъ далекія времена лѣтописныхъ сказаній Славянъ Паннонскихъ и Моравскихъ, и мы встрѣтимъ такую же картину возвращенія въ Римъ мощей св. Климента черезъ св. Кирилла, съ береговъ того же Чернаго моря, изъ Греческой церкви, стоявшей тамъ, гдѣ нынѣ строится монастырь св. Владиміра, подъ Севастополемъ. Тѣже южные берега Россіи дважды, на разстояніи девяти съ половиной столѣтій, пріютили прахъ, чудесно ввѣренный ей волнами моря, святителей-мучениковъ двухъ первенствующихъ церквей древняго міра: Рима и Византіи; дважды возвращала Россія невозбранно, просящимъ ихъ церквамъ, святые останки, когда миновала пора преслѣдованій и опасностей, сохраняя для себя лишь святую па-

[39]) Подлинную переписку обо всемъ этомъ читатели могутъ найти въ Р. Архивѣ 1871 года. *П. Б.*

мять ихъ, примѣръ ихъ долготерпѣнія и духъ ученія ихъ. Благо было бы намъ, еслибы когда-нибудь Славянская церковь могла служить примирительницей между церквами Греческой и Латинской. Это было-бы еще поразительнѣй и чудеснѣе.

Баронъ Строгоновъ употребилъ всѣ усилія, всѣ мѣры убѣжденія и угрозы, чтобы прекратить гоненія, чтобы заставить Турокъ понять, что, карая враговъ вооруженныхъ, они должны уважать общій законъ и не трогать невинныхъ, безоружныхъ подданныхъ Порты; его требованія только раздражали султана, который съ своей стороны употребилъ угрозу, и можно было ожидать со дня на день, что Строганова и все посольство посадятъ въ Семибашенный замокъ, въ видѣ заложниковъ, на случай движенія Русской арміи. Не смотря на явную опасность, баронъ Строгоновъ тѣмъ не менѣе отстаивалъ Христіянъ, а отъ своего собственнаго правительства надѣялся поддержки военною силою. Каподистрія поручилъ ему подать окончательную ноту съ требованіемъ отвѣта въ теченіи недѣли; отвѣта не было, и Строгановъ со всѣмъ посольствомъ выѣхалъ, увѣренный, что послѣдуетъ объявленіе войны.

Это было въ Іюлѣ 1821 г. Турки, промолчавъ до отъѣзда Строгонова, послали отвѣтъ въ газеты, отвѣтъ, въ которомъ, говоря о неожиданномъ, будто бы, отъѣздѣ Строганова, жаловались на всѣ дѣйствія Россіи и въ заключеніе оправдывали убійство патріарха примѣромъ Петра Великаго, казнившаго будто-бы патріарха Русскаго.

Каподистрія сталъ настаивать, по крайней мѣрѣ, на занятіи княжествъ, ради спасенія хоть остатковъ Христіянъ, находящихся въ Константинополѣ; онъ настаивалъ ради чести Русской, послѣ такого разрыва. Ничто не подѣйствовало. Императоръ Александръ выше всего дорожилъ миромъ въ Европѣ, не захотѣлъ рискнуть, разстроить Шатильонскій союзъ и предоставилъ дѣла Турціи на разрѣшеніе Европейскому верховному совѣту государей. Каподистрія, вполнѣ сознавая возможность такихъ воззрѣній со стороны Императора, сознавалъ тоже невозможность для самаго себя измѣнить свой образъ мыслей. Совѣсть православнаго человѣка и Грека не позволяла ему продолжать службу въ другой странѣ, у другаго государя, когда эта служба сдѣлалась чуждой и враждебной его родинѣ. Онъ чистосердечно объяснился съ Императоромъ, который сказалъ ему „что на его мѣстѣ онъ бы сдѣлалъ тоже“, и что, сохраняя къ нему полное уваженіе, онъ даетъ ему безсрочный отпускъ, но отставки полной не согласится дать. Они разстались навсегда, но безъ горечи, безъ раздраженія, даже сохраняя другъ къ другу уваженіе; а Каподистрія вмѣстѣ и то нѣжное чувство къ Императору, которое я находила у всѣхъ близко стоявшихъ къ нему и которое такъ много говоритъ о его личномъ обаяніи.

Я была тогда такимъ малымъ ребенкомъ, мы тогда такъ недавно воротились изъ Лондона, что я не помню совсѣмъ этого времени, ни происшествій, кромѣ одного только, о которомъ говорила,

имению о возвращеніи и объ опасности Дашкова; да смутное общее впечатлѣніе, что Каподистрія—герой, герой чего-то неопредѣленнаго, и почти мученикъ за Грековъ-Христіянъ, которыхъ убиваютъ Турки, и что его многіе оставили, и что это было низко съ ихъ стороны; и что Северинъ что̀-то не совсѣмъ вѣрнымъ оказался политикѣ и образу мыслей Каподистріи.

Каподистрія поселился въ Женевѣ, гдѣ онъ считался почетнымъ гражданиномъ, а вскорѣ послѣ открылся Веронскій конгрессъ, на который былъ вызванъ лордъ Страдфордъ, для объясненій по дѣламъ Греческаго возстанія: ибо онъ увѣрялъ, что оно подавлено, между тѣмъ какъ Морея болѣе нежели когда либо успѣшно защищалась, и уже нѣсколько городовъ, Саламисъ, Навплія, Мисолунги, были въ рукахъ Грековъ. Казалось, что наконецъ сознаютъ Европейскія великія державы важность событій, что наконецъ разоблачатся ложь и интриги дипломаціи. Со стороны Франціи, оба уполномоченные, Монморанси и Шатобріанъ, извѣстны были своею склонностію къ Греческому дѣлу противъ Магометанъ; вѣдь не даромъ же они принадлежали къ древнимъ Французскимъ родамъ (les fils des Croisés). Кастльрею померещилось какое-то всеобщее осужденіе его политики, и отголосокъ въ Англіи, гдѣ онъ и такъ не былъ любимъ и, въ минуту молодушнаго унынія, онъ застрѣлился. Напрасны были его опасенія: зная своихъ товарищей дипломатовъ, онъ бы могъ успокоиться въ убѣжденіи, что они, во что̀ бы ни стало, поддержатъ Турцію, ради того же какъ онъ—ради ненависти и недовѣрія къ Россіи. Между тѣмъ Греки уже составили временное правленіе всей мѣстностію, отбитою ими отъ Турокъ и, вмѣстѣ съ пріѣздомъ лорда Стратфорда изъ Константинополя, пріѣхали и депутаты Греческіе въ Верону. Сиръ Томасъ Мейтландъ, губернаторъ Іоническихъ острововъ, ненавистный Грекамъ и, разумѣется, нерасположенный къ нимъ, увѣрялъ Англійское министерство въ непродолжительности успѣховъ Христіянъ. Лордъ Стратфордъ подтвердилъ тоже передъ самими монархами, съѣхавшими въ Верону. Императоръ Александръ, плѣненный умомъ Шатобріана, обласкалъ его, раздѣлялъ его чувства христіянскія, но не рѣшился допустить разногласія между собою и другими державами. Согласились предоставить Франціи вмѣшательство въ дѣла Испаніи, но съ тѣмъ, что̀бы не затрогивать вопроса Восточнаго, и чуть-ли не на этомъ конгрессѣ было положено основаніе тому принципу, что Турецкое правительство должно почитать законной монархіей [40]), и приговорить на вѣчныя времена Христіянъ того края терпѣть мученичество безропотно, не ради Христа Спасителя, а ради божественнаго права монарха-султана. Впрочемъ можно было-бы, съ легкимъ измѣненіемъ въ титулѣ, допустить такое воззрѣніе и писать манифесты

---

[40]) Въ прежнее время почти вся Европа смотрѣла на изгнаніе Турокъ изъ Европы какъ на общее дѣло христіянскихъ державъ и на миръ съ ними какъ на перемиріе только. Такимъ же образомъ въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ смотрѣли Русскіе на миръ съ Татарами и Поляками.

султана, не „Божіей милостію", а „Божіимъ попущеніемъ, мы Махмудъ II и проч. и проч."

Эта горькая насмѣшка надъ собственными правами родилась по внушенію Австріи (отказавшейся такимъ образомъ отъ собственныхъ преданій и блистательныхъ подвиговъ своихъ предковъ), съ согласія всей остальной Европы, хваставшейся своими крестовыми походами и упрекающей съ презрѣніемъ Россію за то, что она не участвовала въ нихъ. Греческіе депутаты не были даже приняты, и лордъ Стратфордъ воротился побѣдителемъ.

Недавно на нашихъ глазахъ было сказано высокимъ и чистымъ историческимъ лицемъ: Когда время пришло и необходимы важныя перемѣны, „лучше, чтобъ онѣ были начаты сверху, чѣмъ снизу". Эту истину не хотѣли сознать въ Веронѣ, и дѣло справедливое и необходимое взяли въ руки уже не правительства, а частные люди и, къ прискорбію (какъ слишкомъ часто бываетъ) авантюристы, головы горячія, но пустыя. Всякій сбродъ Европейскій, вышедшій въ отставку по окончаніи Наполеоновскихъ войнъ, ринулся на помощь Грекамъ; но вмѣсто помощи они внесли съ собой только интриги, воровство и анархію. Однако были и люди искренніе, и честные, и безкорыстные; люди, возмущенные дѣйствіями дипломаціи, плѣненные подвигами народа, который и по вѣрѣ былъ близокъ, и по дѣтскимъ, школьнымъ воспоминаніямъ имѣлъ особое для нихъ обаяніе: Французъ Ейнаръ (Eynard), Англичанинъ капитанъ Hastings, въ задушевномъ порывѣ братскаго чувства, стали употреблять всѣ средства, которыми обладали, чтобъ устроивать многочисленныя общества въ пользу Греціи и доставить ей денегъ и аммуниціи. Образовались комитеты въ Германіи, во Франціи, въ Англіи и вездѣ съ состраданіемъ къ Грекамъ; распространялись осужденіе и ненависть къ двуличной политикѣ Европейской; сваливалось все на Священный Союзъ, хотя сами союзники подписали его только для формы. Такъ кончился этотъ конгрессъ, члены котораго, подъ видомъ и названіемъ мира, явили полнѣйшее недовѣріе другъ къ другу, ненависть и интриги, уступки совѣсти и ослѣпленіе.

Доселѣ показываютъ въ Веронѣ палаццо, гдѣ жилъ Русскій императоръ и говорятъ о блистательной той порѣ. Вся роскошь Юга, и синее небо, и высокіе кипарисы, и шумно-клубящаяся рѣка, и чудеса искусствъ, и прелесть древнѣйшаго христіянскаго зодчества, и капризная красота средневѣковыхъ зданій, изящество фантастическихъ украшеній (даже подоконниковъ и воротъ), и эти наружные фрески на домахъ, и эти воспоминанія Данта и Шекспира, вмѣстѣ съ остатками первыхъ вѣковъ христіянскихъ,—все, кажется, должно было настроить душу на высокое, благородное, расположить къ нѣжности, къ правдѣ, къ вѣрѣ, къ состраданію, къ любви! Мнѣ случилось быть нѣсколько разъ въ двухъ мѣстностяхъ, знаменитыхъ по собранію въ нихъ представителей силы, науки, ума, дѣятельности своего времени, почти всей Европы. Обѣ эти мѣстности обогащены всѣми прелестями природы; въ обѣихъ, съ промежуткомъ 400 лѣтъ, были собранія, для суда и расправы и для тѣснѣйшаго соединенія

между главными народами Европы, для укрощенія опасныхъ волненій; и въ обѣихъ, не захотѣли и не умѣли понять, какія реформы свыше могли укротить волнующееся поколѣніе, въ которомъ конечно огромное большинство не желало разрыва съ прежнимъ, а только справедливаго искорененія превышающихъ всякую мѣру терпѣнія злоупотребленій. Эти двѣ мѣстности: Констанцъ и Верона. Первый городъ небольшой и какъ будто смиренный, straggling along the shore [41]), стоитъ на одномъ изъ прелестныхъ озеръ Швейцаріи (можно сказать, хотя онъ въ половину Нѣмецкій). Самое зданіе, гдѣ засѣдалъ Соборъ церковный, уцѣлѣло до сихъ поръ и стоитъ на берегу. Когда подойдешь къ окну этой (роковой памяти) комнаты, передъ глазами растилается спокойная, гладкая лазурь, и вдали синѣютъ верхушки горъ; но горы, еще не исполинскія, не крутыя, не утесистыя, а мягкія линіи большихъ холмовъ. По бокамъ, всюду на изгибахъ берега, зеленыя долины, и бѣлѣющіеся домики, или цѣлыя деревни, да на зеркалѣ водъ, отраженіе бѣлыхъ парусовъ отъ плавающихъ по всѣмъ направленіямъ лодокъ. Смотришь, не наглядишься, и чувство небеснаго покоя вливается въ душу. А какъ оглянешься на комнату внутри и вспомнишь, что̀ тамъ было, когда встанутъ передъ мысленными очами эти знакомыя лица прежнихъ лѣтъ, кроткій, исхудалый, задумчивый Гусъ; пылкій, страстный Іеронимъ, и вѣрный рыцарь Іоаннъ Хлумскій, и предательскій Австрійскій [42]) типъ Сигизмунда, и Витебскіе Францисканы, и этотъ фратеръ котораго восковая фигура теперь стоитъ тутъ, достойная ужаснаго собранія преступниковъ мадамъ Тюссо [43]); какъ оглянешься на все это, такъ и охватываетъ сердце стыдомъ и омерзѣніемъ къ человѣческому роду, гдѣ ангельское подобіе составляетъ исключеніе, а масса образованнаго, ученаго, гордаго своимъ просвѣщеніемъ люда давитъ и сокрушаетъ все высокое и чистое, съ своекорыстнымъ убѣжденіемъ въ непогрѣшимости разума и законности деспотизма своей касты (по теперешнему интеллигенціи): ибо конечно вся ученость и почти вся литература того времени сосредоточивалась въ духовныхъ лицахъ, всѣ преподаватели университетовъ и управляющіе ими принадлежали болѣе или менѣе къ какой нибудь степени духовенства. И это было въ вѣкъ Колумба и Гутенберга, въ вѣкъ, прозванный періодомъ открытій и торжества человѣческой мысли!

Гусъ писалъ къ своимъ друзьямъ: „Когда первый Англійскій богословъ пересталъ говорить, другой сталъ шумно спорить, а всѣ присутствующіе начали кричать, я просилъ, чтобъ его выслушали, что я буду ему отвѣчать; но онъ съ мрачнымъ видомъ сказалъ только: „этотъ человѣкъ—еретикъ“. Господа Вячеславъ Дуба, Іоаннъ Хлумскій и Петръ Нотаріусъ, эти безстрашные борцы за истину, знаютъ, какіе крики, какія недостойныя насмѣшки, какія

[41]) Безпорядочно тянется по берегу.

[42]) Въ политическомъ смыслѣ.

[43]) The Chamber of Horrors.

богохульства поднялись противъ меня въ этомъ собраніи. Оглушенный этимъ неистовымъ крикомъ, я сказалъ имъ: „Я думалъ найти въ этомъ соборѣ болѣе приличія, болѣе набожности, болѣе сдержанности и порядка“. Тогда императоръ заставилъ ихъ молчать. Кардиналъ, которой предсѣдательствовалъ, сказалъ мнѣ: „Ты говорилъ съ бо̀льшимъ смиреніемъ въ твоей тюрьмѣ“. Я отвѣчалъ: „Конечно, ибо тогда никто не кричалъ на меня, а теперь всѣ вопіютъ неистово!“ И вотъ, теперь, когда вы стоите въ этой комнатѣ и вспоминаете это письмо, вся эта неурядица, и грѣхъ, и нравственное насиліе какъ будто совершаются опять передъ вами, какъ будто совершаются вѣчно, опять и опять.

И въ самомъ дѣлѣ, подъ разными предлогами, подъ разными знаменами, не повторялись ли они изъ вѣка въ вѣкъ, не повторяются ли на нашихъ глазахъ? Или они только иногда сдержаны силою? Тяжело и душно становится въ этой комнатѣ, и съ радостію принимаешь предложеніе лонъ-лакея уйти изъ залы Собора и поѣхать за городъ, туда, гдѣ, среди тишины полей и луговъ, между двумя яблонями, показываютъ мѣсто, гдѣ былъ зажженъ костеръ, гдѣ съ христіянскимъ всепрощеніемъ мученикъ Славянскій благословлялъ своихъ палачей; гдѣ, вѣрный до конца отличительной чертѣ своего личнаго и народнаго характера,—тихому смиренію и покорности,—онъ отдалъ душу Богу съ послѣднимъ звукомъ псалма, который пѣлъ среди пламени, подкрѣпляемый той вѣрой, съ которой писалъ передъ тѣмъ къ ученикамъ своимъ:

.....„Они (т. е. члены Собора) не убѣждали меня ни словами Священнаго Писанія, ни словами разума; они только старались ложью и угрозами застращать меня и силою вырвать у меня отрѣченіе; но Господь Богъ, многомилостивый, Его же правду я прославляю, былъ со мною; Онъ со мною и теперь, и несомнѣнно уповаю, что Онъ будетъ со мною до конца. Что̀ касается моей смертной казни, она отложена; одинъ Богъ знаетъ, почему, также какъ приговоръ нашего возлюбленнаго брата Іеронима, который, надѣюсь, умретъ свято и безвинно. Я знаю только, что теперь онъ дѣйствуетъ и страдаетъ съ бо̀льшей твердостію, нежели я, слабый грѣшникъ. Господь продлилъ намъ время, чтобъ мы лучше могли припомнить всѣ наши грѣхи и съ бо̀льшей твердостію готовиться къ покаянію. Онъ далъ намъ время, дабы это долгое и великое испытаніе омыло грѣхи наши, и такимъ образомъ самое испытаніе принесло намъ утѣшеніе. Прощайте; думаю, что это письмо послѣднее. Завтра буду очищенъ отъ грѣховъ моихъ жестокою смертію, въ упованіи на Христа“ [44]).

---

[44]) Гусъ кончаетъ письмо это (предпослѣднее) съ трогательнымъ смущеніемъ духа. „Еще не могу повѣрить что̀ случилось въ эту ночь. Сигизмундъ такъ лукаво поступилъ со мной: да проститъ ему Господь“. Самое послѣднее письмо его было къ другу своему Ледерицу: „Господинъ Ледерицъ, вѣрный другъ мой; вы, госпожа Маргарита; и вы всѣ, которые любите меня, да подастъ вамъ Господь всѣ Свои блага за ваши заботы, за столько благодѣяній, полученныхъ мной отъ васъ! Вѣрный, возлю-

Такимъ тихимъ пѣніемъ псалмовъ готовился къ смерти и нашъ древній мученикъ, Владиміровъ сынъ, Борисъ, ожидая вторженія убійцъ въ его ставку. Какой-то неземной покой, кажется, окружаетъ память такихъ историческихъ лицъ и ложится на самой мѣстности ихъ кончины; будто слышатся внятно слова: „Свято есть мѣсто сіе". Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось намъ, батюшкѣ и мнѣ, когда мы стояли между этими яблонями, гдѣ не было тогда ни памятника, ни какого знака, отмѣчающаго мѣсто, кромѣ живаго преданія, изъ поколѣнія въ поколѣніе сохранившаго, лучше всякаго могильнаго камня, лучше всякой великолѣпной раки, память святую, которую современники воображали, что уничтожили вмѣстѣ съ пепломъ, тщательно собраннымъ и брошеннымъ въ Рейнъ, омывающій эти зеленые берега.

Это первое посѣщеніе Констанца оставило во мнѣ глубокое впечатлѣніе; а въ тотъ же годъ,—еще не было тогда желѣзныхъ дорогъ,—мы продолжали путь черезъ прелестную Via mala (надлежало бы назвать ее Via bella, Via bellissima) и спустились со Шплюгена въ Итальянскія долины, около Комо, направивъ путь на Миланъ и Верону.

Для меня Италія, и остатки Римскаго міра, и первыхъ вѣковъ христіянства были совершенно неизвѣстны, совершенно новы и вмѣстѣ такъ знакомы! Новы въ дѣйствительности, знакомы по книгамъ и мечтамъ молодыхъ лѣтъ. Этотъ чудный міръ Юга, этотъ блескъ, и красота, и жизнь, и вѣчная юность природы,—вся эта картина, развертывающаяся постепенно въ изгибахъ и поворотахъ на ту сторону Альповъ, очаровала меня несказанно: казалось, въѣзжаемъ мы въ землю обѣтованія.

Въ Веронѣ, мы ночевали; оттуда открыта уже была желѣзная дорога въ Местре. Мы, какъ пріѣхали, тотъ часъ пошли гулять по городу; и тутъ новое очарованіе, новый сонъ на яву, встрѣчалъ меня на всякомъ шагу. Стояли мы въ Hôtel des Deux Tours, противъ церкви Santa Anastasia, и пошли по узкой, длинной улицѣ, прямо, куда глаза глядятъ,—а глаза глядѣли на площадь въ концѣ улицы: зеленѣющій рынокъ. И окинувъ взглядомъ наружныя фрески и галлереи нѣсколькихъ старинныхъ домовъ, мы пошли дальше и заглядѣлись на маленькую площадь, къ которой поворотили, на Piazza dei Signori, на этотъ уцѣлѣвшій уголокъ среднихъ вѣковъ во всей, необыкновенной для меня, оригинальности своихъ зданій, аркадъ, галлерей, статуй: все исполнено памятью Данта [45]), съ уцѣлѣвшими стѣнами жилища его; а въ двухъ шагахъ, еще площадка,—не понятная какая-то, маленькая, почти какъ сѣни, на которой, за высо-

---

бленный Христіянъ, да будетъ Господь съ тобою! Мартынъ, ученикъ мой, не забывай, какъ вѣрно толковалъ я тебѣ Слово Божіе. Николай, Петръ, іереи Господни, король мой, учители и старшіе Университета, храните свято Слово Божіе. Галлій, проповѣдуй Слово, и вы всѣ, возлюбленіи мои, внимайте ему и храните Слово въ сердцахъ вашихъ".

[45]) Статуя тогда еще не была поставлена.

кой, узорчатой, желѣзной рѣшеткой буквально тѣснятся могилы, занимая ее почти сплошь, своими монументами рыцарей-всадниковъ и рыцарей, покоющихся на смертномъ ложѣ своемъ, у дверей маленькой, старой церкви IX-го вѣка. Не могу передать странности впечатлѣнія этого средневѣковаго фамильнаго кладбища, среди города, подлѣ рынка и дворцевъ владѣтелей Вероны, знаменитыхъ Скалиджеріевъ и знаменитѣйшаго изъ нихъ Can grande della Scala, друга и покровителя Данта, во время его изгнанія. Завернули мы въ другую старую, узкую улицу. „Вотъ домъ Капулеттовъ", сказали намъ: бѣдный старенькій, грязненькій домъ, но во второмъ этажѣ виднѣлась клѣтка, и канарейка громко пѣла на окошкѣ Джюліетты.

Таковъ былъ первый бѣглый осмотръ Вероны. Отдохнувъ, мы поѣхали смотрѣть арену. День былъ теплый, ясный, воздухъ мягкій, въ началѣ Августа. Солнце еще не садилось, но уже косвенными лучами освѣщало громаду амфитеатра, и тѣни длинныя ложились на наружныя стѣны; и темно, и мрачно зіяли арки входовъ, изъ которыхъ выпускались разъяренные тигры и львы, изъ которыхъ выводили на съѣдѣніе звѣрямъ и стараго, и малаго, и знатнаго, и нищаго, признававшихъ божественность Христа Спасителя. Никогда не забуду впечатлѣнія этого дня! Мнѣ не случалось еще быть такъ близко къ мѣстамъ страданія, исповѣданія первыхъ мучениковъ, исповѣданія вѣры Христовой, этой вѣры обновляющагося міра, міра благодати и любви, передъ отживающимъ, жестокимъ, гордымъ, разрушающимся міромъ языческимъ, съ его богатствами мысли, и блескомъ обстановки, и нахальствомъ разврата, міромъ, опьянѣлымъ силою и всемогуществомъ Рима, и обоготвореніемъ человѣка, со всѣми его пороками и преступленіями.

Много мучениковъ здѣсь погибло, и мы стояли тутъ, на полѣ сраженія, гдѣ тогда казалося, что смиренное воинство ихъ и не противилось врагамъ; а въ сущности судъ уже произносился свыше, и доброю побѣдою [46]) они уже побѣдили міръ. Здѣсь Св. Зинонъ замученъ былъ, въ этой самой аренѣ,—разорванный конями, къ которымъ были привязаны его члены и которыхъ гнали въ разныя стороны вокругъ арены. Тутъ же въ Веронѣ его разорванные члены, собранные учениками, хранятся въ саркофагѣ, въ великолѣпной церкви его имени.

Вспоминая эти святыя преданія, отецъ мой и я прошли около наружныхъ стѣнъ и вошли въ темницу, гдѣ ожидали смерти приговоренные Христіяне, и оба мы крестились, и молились, и взошли внутрь амфитеатра какъ-бы въ церковь. И что же? Среди этой громадной арены, гдѣ помѣщались десятки тысячъ зрителей, и неслися рядомъ запряженныя четвернями колесницы, вдругъ, видимъ, стоитъ какая-то безобразная, крошечная будка. Тутъ тоже готовится представленіе: Пулчинелля.

Въ настроеніи духа, въ которомъ я находилась, мнѣ это показалось кощунствомъ, насмѣшкой глупой, гнусной! Меня взяло не-

[46]) Добропобѣдные мученики, по выраженію церкви.

годованіе, столько же на себя, какъ на городскія власти Вероны; на себя, что такого ничтожнаго случая было достаточно, чтобъ разстроить меня, чтобы встревожить и отогнать всѣ добрыя чувства, наполнявшія душу передъ тѣмъ. Мы поѣхали назадъ мимо палацца, гдѣ жилъ императоръ Александръ и заговорили объ конгрессѣ; не доставало этихъ воспоминаній, чтобъ окончательно разстроить меня. Увы! Ни память тѣхъ, которые тутъ кровію своею созидали церковь, къ которой мы принадлежимъ, ни мѣсто ихъ страданій, безпрестанно передъ глазами, не заставили дипломацію отнестись похристіянски къ новымъ христіянскимъ мученикамъ; ни живая, въ Веронѣ, память великаго обличителя-поэта 14-го вѣка не заставила ихъ задуматься о судѣ Исторіи! Одно занимало ихъ— ненависть, недовѣріе къ Россіи, ревнивое опасеніе вліянія Императора Александра и забота какъ-бы умалить, если не уничтожить совсѣмъ, это вліяніе. Такъ, черезъ четыреста лѣтъ, Западный міръ относился къ тому Славянскому элементу въ лицѣ Россіи, который онъ приговорилъ къ уничтоженію въ лицѣ Гуса и Чешскихъ реформатовъ въ Констанцѣ: ибо нѣтъ сомнѣнія, что въ основѣ преслѣдованія Гуса, еще въ Прагѣ, лежали вражда къ нему Нѣмецкой партіи Университета и корыстолюбіе Пражскихъ гражданъ, потерпѣвшихъ большіе убытки отъ выхода изъ Университета нѣсколькихъ тысячь Германскихъ студентовъ. Но, какъ-бы ни было, конгрессъ закрытъ въ Веронѣ, при общемъ удовольствіи его членовъ, оградителей „мира Европы“; а императоръ Александръ такъ крѣпко полагался на его прочность, что единственный совѣтъ, данный имъ нарѣченному наслѣднику своему, содержался въ многознаменательныхъ словахъ: „Никогда не уменьшай численности стоячей арміи“.

И съ этихъ мирныхъ будто бы дней Европы, всѣ правительства, всѣ народы, стоятъ подъ ружьемъ, рука на прикладѣ!...

Однако куда унеслась мысль моя отъ Каподистріи и Греческаго возстанія! Это возстаніе не прекратилось по приговору конгресса; оно росло, хотя теряло первоначальную чистоту, хотя все болѣе и болѣе не разборчивы въ средствахъ становились его представители. Около этого времени еще одинъ изъ нашихъ близкихъ сердцу, хотя не виданныхъ въ глаза, друзей, принялъ дѣятельное участіе, почти сталъ во главѣ Греческаго дѣла.

Это былъ лордъ Байронъ. Съ тѣхъ поръ какъ помню первую свою дѣтскую повѣсть „Franck“, миссъ Эджевортъ, авторы читаемыхъ мною книгъ были для меня живые, милые знакомые, только отсутствующіе, но тѣмъ не менѣе близкіе. .

Теперь Childe Harold, лично участвующій въ возстаніи, еще болѣе придалъ поэзіи войнѣ. Все это слышала я за обѣдомъ у насъ. Съ страстностію, на которую уже потомъ я не была способна, ловила я всякое извѣстіе, слушала всѣ разсужденія большихъ и, улегшись въ постель вечеромъ, долго не засыпала, воображая сраженія и схватки, опасности и горе, труды Гречанокъ, старающихся доставить пищу или порохъ мужьямъ и братьямъ. Часто я

придумывала невозможныя обстоятельства, при которыхъ сама находилась между ними, раздѣляя ихъ заботы, участвуя въ ихъ подвигахъ, спасая какого нибудь героя отъ гибели, или обращая въ христіянство какого нибудь злаго, но храбраго Мусульманина. У дѣтей есть всегда свой особый, сказочный міръ, въ который они уходятъ отъ большихъ, въ который они этихъ большихъ не пускаютъ, даже самыхъ любимыхъ,—отъ того, можетъ быть, что они боятся насмѣшки ихъ; но въ этомъ особомъ мірѣ такъ хорошо живется, такъ легко творится невозможное, такъ привольно и свѣтло! Я помню одинъ изъ періодовъ моего дѣтства, когда этотъ міръ былъ у меня въ какой-то благословенной землѣ, мною самой открытой, гдѣ все были сады благоуханные, и моря спокойныя, и безконечные лѣса, съ лучами солнца, просвѣчивающими сквозь зелень ихъ, и радужныя небеса; а люди всѣ вѣчно младенцы съ крыльями, на которыхъ носились они поверхъ лѣсовъ, или порхали по цвѣтамъ, или улетали далеко въ поднебесную, какъ жаворонки летаютъ, и все это шелестило, и гудѣло, и пѣло, сливаясь въ несказанную гармонію. Я такъ сжилась въ это время съ такой страной и существами, что иногда спрашивала себя: „Почему не могло быть такого края? Не найдется ли Колумбъ, чтобы открыть его?“

Въ другомъ родѣ былъ міръ Морейскій моего воображенія въ 1824-мъ году; но онъ столько же былъ мнѣ дорогъ и болѣе святъ, такъ сказать. Вниманіе не однихъ дѣтей приковалъ къ себѣ великодушный подвигъ Байрона. Его слава, его красота, даже шумный скандалъ его жизни въ послѣдніе года, наполняли почти всю Европейскую печать; стихи его переводились на всѣ образованные языки, портреты его показывались за стеклами всѣхъ лавокъ, гдѣ продавались гравюры или книги.

Не столько своенравіе и распущенность, сколько несчастное стеченіе обстоятельствъ разстроили его семейную жизнь [47]) и, вмѣстѣ съ жесткостію Англійскаго моднаго свѣта, сдѣлали его изгнанникомъ изъ Отечества. Избалованный публикой, влюбленный въ громкую славу, которая сдѣлалась для него душевной потребностію, онъ томился среди наслажденій праздной жизни, въ чужомъ краю, и не могъ не чувствовать того одиночества, той моральной пустыни, которая расширяется больше и больше съ каждымъ днемъ вокругъ иностранца, не имѣющаго корня въ чужой почвѣ, не видящаго ни въ комъ сочувствія, ни интереса къ тому, что̀ для него близко и дорого. Негодованіе противъ Европейской политики сдѣлалось сильнымъ развлеченіемъ для его ума.

Въ Англіи, Георгъ IV, бывшій другомъ и товарищемъ всей блестящей, порядочной, а больше безпорядочной молодежи, богатой со-

[47]) Такъ называемая тайна Байрона, т. е. настоящая причина его семейнаго разлада, хранится у насъ: ее передалъ, въ запечатанномъ пакетѣ, соотечественницѣ нашей О. А. Новиковой (урожденной Кирѣевой) извѣстный Англійскій писатель Кинглекъ, сообщивъ словесно имя того (нынѣ престарѣлаго) лица, по кончинѣ котораго можно будетъ вскрыть пакетъ. (Сообщено О. А. Новиковою).

П. Б.

стояніемъ или богатой умомъ и дарованіями, изъ Англійскаго литературнаго и великосвѣтскаго круга, Георгъ, когда былъ принцъ Валійскій, принадлежалъ къ либеральной партіи; по крайней мѣрѣ къ самымъ остроумнымъ и веселымъ кутиламъ этой партіи, которая довольно наивно воображала, что онъ останется ей вѣренъ на престолѣ. Поэтому на него смотрѣли какъ на предателя и перелета. Байронъ конечно принадлежалъ къ либеральной партіи. Живя въ Италіи и влюбившись въ графиню Гуичіоли, онъ находился въ короткихъ отношеніяхъ со многими Итальянскими патріотами, оскорбленными безцеремонными распоряженіями Европейскихъ союзниковъ въ отношеніи къ Италіи. Онъ уже перемѣнилъ свою буйную жизнь первой поры, сталъ работать усиленно;—драмма за драммой, поэма за поэмой, полились изъ подъ его пера; но душа жаждала другаго, но онъ слишкомъ свыкся съ тревогою и волненіемъ сердечнымъ, чтобъ жить долго, тихо и мирно въ кабинетной работѣ и почти семейномъ кругу. Давно, еще въ первой молодости, онъ говорилъ: „Быть первымъ человѣкомъ между своими людьми, не Силлой, или Октавіемъ, не тираномъ, а благодѣтелемъ и освободителемъ,—Вашингтономъ или Аристидомъ, предводителемъ людей въ исканіи истины и свободы: это я называю быть близкимъ къ божеству, это призваніе, выше котораго я не знаю на землѣ“. Имъ овладѣла эта мысль, это желаніе. Онъ было сталъ помогать Итальянскимъ карбонаріямъ, но скоро съ презрѣніемъ отшатнулся отъ гнусной трусости и измѣны Неаполитанцевъ, не скрывая въ тоже время ненависти ко всѣмъ мѣрамъ Итальянскихъ правительствъ и Австрійскихъ правителей.

Въ самое это время, когда онъ уже сталъ думать о переселеніи въ Америку, Греко-Англійскій комитетъ въ Лондонѣ рѣшился послать денегъ, оружія и довѣреннаго человѣка на помощь Грекамъ, настолько же почти угнетеннымъ политикою Англійскаго правительства, какъ и самими Турками. Не знаю, кто подалъ мысль обратиться къ лорду Байрону; но онъ принялъ предложеніе ѣхать въ Грецію, и принялъ его не съ минутнымъ увлеченіемъ, но съ рѣшимостію и практичностію, на которыя такъ способенъ умъ Англичанъ. Его денежныя дѣла только что пришли въ порядокъ черезъ продажу части имѣнія, и онъ распорядился, чтобы всѣ свободныя деньги перевести къ банкирамъ Италіи и Іоническихъ острововъ, дабы все употребить въ дѣло для лучшаго успѣха своего предпріятія. Глубоко трогательны его письма и распоряженія этого времени: столько въ нихъ широкой щедрости и человѣчности, съ грустнымъ предчувствіемъ ранняго конца и, съ тѣмъ вмѣстѣ, столько благоразумія и справедливости въ оцѣнкѣ средствъ и людей! Онъ не обманывалъ себя мечтами объ идеальной безупречности тѣхъ, которымъ онъ приносилъ себя въ жертву; даже въ юности своей, онъ не чувствовалъ ребяческаго восхищенія; онъ тогда еще, описывая Грецію, сказалъ: „Where all, save the spirit of man, is divine“ [48]). А теперь онъ слишкомъ близко видѣлъ интриги и разбой,

[48]) Гдѣ все божественно, кромѣ духа людей.

чтобъ сохранить какія либо иллюзіи. „Я совершенно согласенъ съ Апостоломъ Павломъ", писалъ онъ, „нѣтъ разницы между Евреемъ и Еллиномъ—и тѣ и другіе равно мошенники и подлецы". А между тѣмъ онъ же писалъ. „Если я брошу это предпріятіе, могу увѣрить, что это можетъ случиться только по винѣ самихъ Грековъ, а не по милости священныхъ союзниковъ, или священнѣйшихъ Мусульманъ; но я надѣюсь на лучшій исходъ. Полковникъ Стангопъ пріѣхалъ (какъ всѣ, кто не бывалъ въ здѣшнемъ краѣ) съ радужными понятіями ученика шестаго класса въ Гарровѣ или Итонѣ [49]); но полковникъ Непиръ и я его разочаровали съ разу; это необходимо, чтобы не допустить до унынія или возвращенія во свояси, не сдѣлавъ ничего. Теперь мы можемъ бодро подставить плечо подъ колесо, чтобъ двинуть повозку, не удивляясь грязи, которою иногда забрасываетъ. Мы съ Непиромъ на столько же преданы дѣлу Греціи, какъ любой Нѣмецкій студентъ; но мы—люди видавшіе свѣтъ здѣсь и въ другихъ краяхъ, мы не можемъ не видѣть дѣло и людей въ истинномъ свѣтѣ, съ ихъ недостатками и съ ихъ прекрасными сторонами; тѣмъ болѣе, что съ полнымъ освобожденіемъ народа, пороки его должны постепенно изгладиться".

Въ это время (1823) Англійское министерство иностранныхъ дѣлъ уже было въ рукахъ знаменитаго Каннинга, поэта, либерала и блестящаго оратора. Смѣлый геній этого человѣка не могъ подчиниться близорукой политикѣ своего предмѣстника, не могъ не понять потребностей времени и справедливости заявленныхъ Христіянами правъ:

«Мы вольны, мы въ битвѣ готовы,
«И подвигъ нашъ честенъ и святъ;
«Намъ Богъ разрываетъ оковы,
«Намъ Богъ закаляетъ булатъ!»

На такой зовъ Каннингъ долженъ былъ найдти отголосокъ въ своей душѣ; но есть закоснѣлые предразсудки у цѣлыхъ народовъ, какъ у частныхъ лицъ; и въ Англіи, кажется, предразсудки коренятся въ политикѣ больше, нежели у кого на свѣтѣ. Каннингъ въ одной изъ своихъ рѣчей, говоря о революціонномъ духѣ, скрывающемся во всѣхъ странахъ Европы, сказалъ, что: „въ Англіи вертепъ Эола, изъ котораго она можетъ раздувать вѣтеръ бури на всѣ остальныя державы". Однако сознавалъ ли онъ, что Россія и такого рода бури выдержитъ безопасно, или рутина дипломаціи и имъ владѣла? Какъ бы то ни было, если онъ не опасался вліянія Россіи,—онъ завидовалъ этому вліянію на Востокѣ и, рѣшившись уже внутренно дать помощь Грекамъ, отказалъ въ общемъ дѣйствіи за нихъ. Вмѣсто того, удерживая Россію, онъ сталъ поддерживать дома всѣ усилія Греческаго комитета, давая полный просторъ Англійскимъ офицерамъ и артиллеристамъ отправляться въ Грецію, перевозить оружіе, аммуницію и открыть подписку на заемъ временнаго Греческаго правительства. Всего неудачнѣе шелъ заемъ, и даже суммы комитетскія были скудны. Лордъ Байронъ

[49]) Знаменитыя Англійскія училища.

почти одинъ весь свой доходъ и всѣ экстренныя средства свои посвятилъ Грекамъ. За то комитетъ Лондонскій посылалъ много оружія и вещей, „всѣ отличнаго качества, и нѣкоторыя полезныя, „но нѣкоторыя не совсѣмъ примѣнимыя къ дѣлу (писалъ Байронъ); „на примѣръ, математическіе инструменты пропадутъ даромъ: ни„кто изъ здѣшнихъ Грековъ не знаетъ разницы между астроля„біей и кочергой; надобно освободить землю сперва, а ужъ потомъ „дѣлать съемки. Польза музыкальныхъ трубъ тоже сомнительна; „развѣ предположить, что Константинополь—Іерихонъ, и стѣны его „разрушатъ трубачи своей музыкой".

Другое средство дѣйствій комитета была высылка множества учебниковъ для школъ и типографіи; прислали даже господина, который тотчасъ же началъ издавать газету. Но Греческіе герои были не грамотнѣе своихъ предковъ временъ Гомера, а Фанаріоты, члены правительства, сейчасъ же начали грызть другъ друга въ печати, и брань и клевета посыпались въ газетѣ, какъ первые плоды свободы Греческой прессы. Забавно, что Байронъ, поэтъ и писатель, практично и благоразумно относился къ этимъ наивнымъ попыткамъ цивилизаціи, между тѣмъ какъ полковникъ Стангопъ, военный, основывалъ на нихъ главную надежду успѣховъ войны.

Наконецъ пріѣхалъ артиллеристъ, съ пушками, снарядами, и проч. и съ нѣсколькими фейерверкерами, чтобъ обзавестись горной артиллеріей. Его звали „Паррей" [50]), и Байронъ обрадовался ему какъ „честному, дѣльному человѣку, работающему безъ восторговъ, „практично. Онъ жалуется горько на купеческій, скупой духъ и „пустую восторженность комитета, гдѣ члены портятъ сами дѣя„тельность комитета и уменьшаютъ тѣмъ подписку. Онъ глубоко „сѣтуетъ о расходахъ на типографію и другія просвѣтительныя по„собія и желалъ бы, чтобъ не было ни одной воскресной школы на „свѣтѣ, а у Грековъ никакой школы совсѣмъ, кромѣ развѣ пат„роннаго заведенія".

Заботы Байрона о просвѣщеніи и истинномъ успѣхѣ гражданственности, даже среди шума военнаго, были вмѣстѣ и великодушны и примѣнимы къ обстоятельствамъ. Онъ не жалѣлъ ни силъ, ни денегъ, ни времени своего для умиротворенія Грековъ между собою. Маврокордато, Фанаріотъ, былъ тогда предсѣдателемъ временнаго правительства въ Мисолунги. Марко-Боцарисъ, защитникъ города отъ Турокъ, одинъ изъ тѣхъ чистыхъ историческихъ лицъ, которыя какъ будто отмѣчены судьбой очистительными жертвами въ каждой народной войнѣ (ибо въ каждой отчаянной борьбѣ нуженъ Кодръ и Курцій, чтобы, во всеоружіи безграничнаго самоотверженія своего, броситься въ бездну зла и раздора, вносимыхъ мелкими честолюбцами въ великое дѣло и закрыть ее) Марко-Боцарисъ, вызвавшій Байрона письмомъ, въ самый послѣдній день своей жизни [51])—палъ въ ночной атакѣ на Турецкій лагерь у са-

[50]) Parry.

[51]) Ваше письмо очень обрадовало меня. Ваше превосходительство (excellence) именно такой человѣкъ, который для насъ наиболѣе нуженъ. Не дозволяйте ника-

мой палатки паши. Городъ однако уцѣлѣлъ; на этотъ разъ и Турки довольствовались блокадой съ моря, а сухимъ путемъ сношенія не были отрѣзаны. Къ несчастію, именно отношенія между княземъ Маврокордато и военноначальниками Мореи, особенно Колокотрони, были почти открыто-враждебными; несогласія дошли до бунта Суліотовъ, изъ которыхъ былъ цѣлый отрядъ на содержаніи лорда Байрона и которые наконецъ оставили городъ; но обаяніе Байрона было такъ велико, что Колокотрони предложилъ собрать совѣтъ изъ главныхъ начальниковъ для устройства дѣлъ и примиренія, съ тѣмъ чтобы лордъ Байронъ былъ посредникомъ между ними, съ обѣщаніемъ исполнить его рѣшеніе, какое бы оно ни было.

Такимъ примирительнымъ вліяніемъ и поддержкой того правительства, которое все таки имѣло нѣкоторую самостоятельность и отвѣтственность, Байронъ старался возстановить единство дѣйствій и управленія, которое и есть первая потребность гражданскаго общества. Съ другой стороны, онъ старался внести болѣе человѣчный, истинно-цивилизованный образъ войны между ними и Турками. Съ плѣнными обѣихъ сторонъ жестоко обращались: даже когда не убивали ихъ, они, съ цѣлыми семействами, дѣлались рабами, работниками, дурно содержанными, голодающими, и на нихъ смотрѣли какъ бы на заложниковъ, которыхъ при первомъ случаѣ неудовольствія рѣзали безпощадно. Этотъ ужасный обычай лордъ Байронъ постарался измѣнить; онъ снабжалъ Турецкихъ плѣнныхъ деньгами, употреблялъ свое вліяніе на Грековъ для отпуска ихъ на родину и писалъ самъ къ пашѣ, предлагая обмѣнъ или, лучше сказать, взаимное дѣйствіе со стороны Турокъ въ отношеніи къ Греческимъ плѣннымъ. Въ его короткое пребываніе въ Мисолунги, нѣсколькихъ такихъ обмѣновъ онъ достигъ: его имя и Англійская національность дѣйствовали на Турокъ. Это конечно были первые шаги къ истинной, благодѣтельной гражданственности; а хорошія школы и газеты были впереди.

Между тѣмъ Греки готовились уже къ наступательнымъ дѣйствіямъ, надѣялись завладѣть Лепантомъ, Патрасомъ или Аѳинами и, по настоянію Грековъ всѣхъ партій, лордъ Байронъ долженъ былъ участвовать въ походѣ, съ отрядомъ, который онъ содержалъ на свой счетъ.

„Я и на это согласенъ“, писалъ онъ; „въ какомъ бы ни было ка„чествѣ, буду служить Греческому дѣлу, лишь бы принесъ истин„ную пользу“; и тутъ, упоминая о поэтахъ, сражавшихся на войнѣ, называетъ между прочимъ Жуковскаго. „Это Русскій соло„вей (сыскать можете въ Антологіи Бовринга)“, говоритъ онъ.

кимъ препятствіямъ мѣшать вамъ пріѣхать именно въ эту часть Греціи (Мисолунги). Непріятель грозитъ намъ съ большими силами, но съ помощію Божіей и вашей, онъ найдетъ крѣпкое сопротивленіе. Нынче мнѣ недосугъ; въ ночь у меня будетъ дѣло съ нѣсколькими тысячами Албанцевъ, которые стоятъ лагеремъ подъ городомъ. Но послѣ завтра я выйду къ вамъ на встрѣчу съ отборнымъ отрядомъ. Не откладывайте..... Марко-Боцарисъ.

Такъ прошли 1823 годъ и начало 1824 года, когда вдругъ было получено извѣстіе о его смерти,—отъ болѣзни, на 37 году жизни. Помню хорошо грустное впечатлѣніе этой вѣсти на отца моего. Онъ никогда не раздѣлялъ мнѣнія о Байронѣ, господствующаго въ Англійскомъ обществѣ, именно въ то время, когда мы пріѣхали въ Лондонъ; но отецъ мой вообще почиталъ священный огонь въ поэзіи за святое начало, и къ великимъ двигателямъ мысли относился съ великой любовью, а любовь все прощаетъ, всего уповаетъ. И такъ онъ прощалъ геніямъ многія отступленія, многія паденія и вѣрилъ, что искра божественная невидимо тлится въ нихъ, что отрицаніе у нихъ не вѣковѣчно и должно смѣниться вѣрою рано или поздно, потому что они слишкомъ одарены, душа у нихъ слишкомъ свѣтла, чтобъ не увидѣть и не полюбить, когда нибудь, вѣчный свѣтъ истинной вѣры. Къ личнымъ погрѣшностямъ великихъ писателей онъ былъ снисходителенъ; только безпощадно относился къ грязнымъ сторонамъ, равно личнаго характера и сочиненій. И такъ, я не была воспитана въ страхѣ лорда Байрона, какъ какого-то демона, и у меня до сихъ поръ хранится маленькій томикъ избранныхъ отрывковъ изъ Байрона, подаренный мнѣ въ дѣтствѣ. Впрочемъ лордъ Байронъ, безпощадно оклеветанный Англійскимъ высшимъ обществомъ, въ сущности былъ человѣкъ пылкій, страстный, гордый, человѣкъ грѣшный (въ одно время даже падшій въ унизительный развратъ, но скоро бросившій такую жизнь), но все таки, въ дѣлахъ вѣры, не человѣкъ отрицанія, а сомнѣнія только, и сомнѣнія не въ существованіи Бога, ни въ Его силѣ и благости, ни въ Его руководящемъ Промыслѣ даже, а въ богословскихъ толкованіяхъ и въ тайнахъ Писанія; но и это не съ упрямой гордостію (хотя въ другихъ отношеніяхъ онъ былъ гордъ и упрямъ), а въ смущеніи духа, не совмѣщающаго въ себѣ понятія объ убѣжденіи безъ доказательствъ.

„Я не изъ тѣхъ“, говорилъ онъ самъ, „которые отрицаютъ Священное „Писаніе и хотятъ оставаться въ безвѣріи; напротивъ, я бы желалъ увѣ„ровать, потому что не нахожу никакого счастія въ неопредѣленно„сти моихъ религіозныхъ мыслей; но я не могу достигнуть пониманія, „не могу уразумѣть Писанія. Я всегда почиталъ тѣхъ, кто добросовѣстно „вѣруетъ въ Священное Писаніе и всегда довѣряю такимъ людямъ болѣе „всѣхъ другихъ; но я рѣдко встрѣчалъ людей искренно вѣрующихъ“.

Другой разъ онъ говорилъ: „Я, кажется, дѣлаю успѣхи противъ прежняго; я вѣрю въ предназначеніе и убѣжденъ въ развращенности чело„вѣческаго сердца вообще,—и моего сердца въ особенности..... Я читалъ „у Соутвуда (Southwood), что, въ концѣ вѣковъ, всѣ творенія Божія бу„дутъ наслаждаться счастіемъ. Мнѣ кажется это такъ свойственно Богу, „по Его всемогуществу и любви, которая есть главная принадлежность „Его божества“.

Въ одномъ изъ своихъ дневниковъ онъ писалъ:

„Даже если полагать, что сотвореніе человѣка древнѣе Адама, или ина„че было, нежели въ Писаніи, все таки свѣтъ нашъ имѣлъ начало и Твор„ца, ибо мысль о сотвореніи міра проще и вѣрнѣе, нежели случайное „сліяніе атомовъ: все въ мірѣ беретъ начало изъ источника, даже если „потомъ разливается въ необъятность океана“.

Смерть Байрона была истиннымъ несчастіемъ для Грековъ. Другіе Англичане, находившіеся въ Мисолунги, не имѣли ни его матеріальныхъ средствъ, ни громкой славы, ни его разумной, самоотверженной преданности дѣлу; они сами раздѣлились на партіи: кто приставалъ къ временному правительству, кто къ Паликарамъ Мореи. Дѣйствуя безъ всякаго единства, Греки уже боролись со всѣми возможными лишеніями, и скоро разбой и пиратство запятнали національную войну. Не будь Каннингъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Англіи, вѣроятно и тамъ бы скоро нашли средство парализовать небольшія отправки оружія и вещей Лондонскаго комитета. Турки, хотя были сами въ невыгодномъ положеніи, однако стали наступать и опять осадили Мисолунги, вновь укрѣпленные Греками, еще при жизни Байрона; возстановленіе этихъ укрѣпленій, начатое на его средства, было одно изъ послѣднихъ дѣйствій его, когда уже страдалъ онъ отъ перваго приступа болѣзни, предвѣстника близкой кончины.

Въ Мисолунги заперся теперь другой братъ Боцарисъ, и эта осада, продлившаяся цѣлый годъ восхищала меня несказанно.

Конечно, съ бо́льшей горестію, съ бо́льшимъ сердечнымъ страданіемъ, и ужасомъ, и мученіемъ, слѣдила я, 30 лѣтъ спустя, за нашимъ Севастополемъ; но едва-ли съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ и интересомъ ожидала я извѣстій, чѣмъ въ дѣтствѣ, изъ Мисолунги. Наконецъ пала крѣпость, но не взятая Турками, а взорванная на воздухъ самимъ Боцарисомъ, который погибъ съ своими товарищами въ пылающихъ развалинахъ, между тѣмъ какъ часть гарнизона пробилась сквозь непріятельскую армію и ушла въ горы. Одного изъ живыхъ обломковъ этой эпохи видѣли мы недавно въ Петербургѣ, — Колокотрони, сына стараго воеводы, который 13-ти лѣтнимъ юношей высидѣлъ всѣ 12 мѣсяцевъ въ Мисолунги, участвовалъ во всѣхъ вылазкахъ и пробился сквозь Турецкую армію. Онъ, какъ всѣ подвижники того времени, не смотря на освобожденіе родины, на ея независимое правительство и на притязанія прозванныя „великой идеей“, все таки сохранялъ какое-то благоговѣйное чувство къ Россіи и къ Православному Царю. Не могу забыть его восхищенія, когда, по просьбѣ одного изъ его Петербургскихъ пріятелей, Императрица ему прислала икону, въ благословеніе его женѣ: слезы катились изъ глазъ, и рука дрожала, и восторженныя выраженія благодарности посыпались на Итальянскомъ, не совсѣмъ чистомъ, нарѣчіи, на которомъ онъ объяснялся съ нами.

Не исчезло еще для стараго поколѣнія обаяніе православной страны, бывшей долго единственной заступницей единовѣрцевъ, въ вѣковомъ плѣненіи ихъ!

Все это трудное время Каподистрія провелъ въ Женевѣ, исключая лѣтнихъ поѣздокъ на воды и къ своему другу, барону Штейну въ его уединеніе. Эти два добрые подвижника въ доброй борьбѣ великой эпохи, не могли принимать участія въ дѣлахъ, направленіе коихъ совершенно измѣнилось и по ихъ убѣжденію измѣни-

лось во вредъ правительствъ и народовъ, дружное, совокупное дѣйствіе которыхъ было единственнымъ залогомъ мира и преуспѣянія, единственнымъ прочнымъ и вѣрнымъ союзомъ противъ будущихъ безпорядковъ и золъ. Но оба они сохраняли неизмѣнную и, можно сказать, нѣжную привязанность лично къ своимъ Государямъ и не хотѣли прибавлять новыя затрудненія ко всѣмъ трудностямъ положенія императора Александра и короля Прусскаго какими либо дѣйствіями оппозиціи. Ученые труды, литературный отдыхъ наполняли ихъ досуги, и эти свиданія въ лѣтнюю пору съ старыми друзьями были дорогимъ для нихъ развлеченіемъ. Но Штейнъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, и вокругъ него двѣ дочери умѣли собирать симпатичный ему кружекъ. Каподистрія, во всей силѣ возраста, совершенно одинокимъ проживалъ длинные мѣсяцы и годы. Его политическое положеніе, извѣстность его близкихъ отношеній къ императору Александру ставили его въ невозможность принимать личное участіе въ войнѣ Греческой; его появленіе на родинѣ имѣло бы почти такое же пагубное дѣйствіе, какъ попытка Александра Ипсиланти и возбудило бы, можетъ быть, прямыя враждебныя дѣйствія Англіи и Австріи, вообразившихъ бы конечно, что онъ Русскій агентъ. Долгъ совѣсти въ отношеніи къ Отечеству, на столько же, сколько въ отношеніи къ императору Александру, заставилъ его отказаться отъ прямаго участія въ войнѣ, а еще больше, — слишкомъ близкое знакомство съ тѣми интригами, ненавистію и завистію, которыя раздирали Грецію и которыя бы стали еще болѣе свирѣпствовать между начальниками партій, еслибы новый соперникъ-соотечественникъ появился въ ихъ лагерь. Болѣя душею еще болѣе объ этой неурядицѣ, нежели о кровавыхъ потеряхъ Грековъ, Каподистрія приносилъ и эту высшую жертву Отечеству: оставался въ бездѣйствіи, далеко отъ него, употребляя всѣ свои матеріальныя средства, все моральное вліяніе, сохраненное имъ надъ нѣкоторыми изъ главныхъ лицъ, чтобы стараться поддержать честныхъ людей и облагородить дѣйствія правленія. Отъ анархіи и усобицы въ Греціи онъ слишкомъ вѣрно предусматривалъ гибельныя послѣдствія для будущей ея судьбы. Этимъ унылымъ настроеніемъ отзывается и одно письмо его къ отцу моему изъ Женевы:

Genève, ce $\frac{3}{15}$ Fevrier 1823.

Je viens de recevoir, mon cher Bloudoff, votre aimable lettre du 9 Janvier et je m'empresse de vous remercier des sentimens d'amitié dont elle me porte l'expression. J'y suis d'autant plus sensible qu'ils trouvent dans mon coeur une réciprocité que le tems et les distances me rendent tous les jours plus chers. Ma santé, à laquelle il vous plait de prendre un intérêt si vif, a passé, durant le long mois de Décembre, par des épreuves très douloureuses. Je relève d'une forte et vilaine maladie. Ma convalescence est lente, sans être ni trop incommode, ni trop ennuyeuse. Je commence même à espérer que la belle saison contribuera à mon rétablissement. L'apparition du soleil sur l'horizon du lac de Genève m'a déjà fait plus de bien que toutes les ordonnances de la

faculté. Quelque soit du reste l'influence salutaire des climats, de l'air et des températures, je ne me fais pas illusion sur mon avenir. Ayant déjà atteint ma 45-me année, en souffrant depuis longtems d'un état plus ou moins valétudinaire, comment et pourquoi prétendre à une santé rayonnante..? Il ne s'agit donc que de rendre supportable le fardeau de la vie. Et c'est à quoi se bornent mes espérances... Si le bon Dieu veut m'accorder plus que je n'ose Lui demander, j'en serai heureux, surtout si je puis encore consacrer mon tems et ma bonne volonté au service de notre Empereur et de votre patrie. Ce voeu, mon cher Bloudoff, est bien sincère..... Vous n'en doutez pas, parceque vous savez que la gratitude est la plus douce des affections de l'âme et que la mienne envers l'Empereur et la Russie s'est déjà identifiée avec le sentiment de mon existence.

Agréez encore une fois mes remercimens pour votre lettre. Prouvez moi que vous les agréez en effet, en me donnant quelquefois de vos nouvelles. Rappellez moi au souvenir de m-me et de m-r Karamzine. Mille amitiés à m-rs Dachkoff, Joukovsky et à tutti quanti; mes respects à madame Bloudoff.

Le dévoué ami
Capodistrias [52]).

Какая-то неопредѣленная грусть и душевное утомленіе дышатъ въ этомъ письмѣ. Чувствуется, что недостаетъ пишущему той широкой арены, и государственной дѣятельности, и блистательной умственной среды, съ которыми сжился онъ, и довѣрія Государя, ко-

---

[52]) Женева, 3 (15) Февраля 1823. Я получилъ, мой дорогой Блудовъ, ваше любезное письмо отъ 9 Января и спѣшу благодарить васъ за выраженное въ немъ дружество. Оно мнѣ тѣмъ чувствительнѣе, что ему отвѣчаетъ мое сердце; время и разстояніе лишь усиливаютъ эту взаимность. Здоровье мое, въ которомъ вы изволите принимать столь живое участіе, подвергалось въ теченіи долгаго Декабря мѣсяца, весьма скорбнымъ испытаніямъ. Я оправляюсь отъ сильной и дрянной болѣзни. Мое выздоровленіе идетъ медленно, что̀ однако не безпокоитъ меня и не докучаетъ мнѣ. Начинаю даже надѣяться, что хорошая погода поможетъ моему возстановленію. Появленіе солнца на горизонтѣ Женевскаго озера уже сдѣлало мнѣ больше добра, нежели всѣ предписанія докторовъ. Но каково бы ни было благотворное вліяніе климатовъ, воздуха и температуръ, я не обольщаю себя относительно будущности моей. Мнѣ уже 45 годъ, я издавна нахожусь въ состояніи болѣе или менѣе болѣзненномъ; поэтому какъ и почему разсчитывать мнѣ на цвѣтущее здоровье?... И такъ дѣло въ томъ только, чтобъ можно было выносить бремя жизни, и этимъ ограничиваются мои надежды... Если Богъ благоволитъ даровать мнѣ больше, нежели осмѣливаюсь просить у Него, я буду счастливъ, особливо же, если бы я могъ посвятить мои досуги и добрую волю на службу нашему Государю и вашему Отечеству. Это желаніе, мой дорогой Блудовъ, очень искреннее... Вы не сомнѣваетесь въ томъ, такъ какъ знаете, что благодарность есть самое сладкое изъ душевныхъ ощущеній; а моя благодарность къ Государю и къ Россіи уже отождествилась съ чувствомъ бытія моего. Еще разъ благодарю васъ за ваше письмо. Докажите мнѣ, что вы принимаете эту благодарность и сообщите мнѣ когда нибудь о себѣ. Напомните обо мнѣ г-ну и г-жѣ Карамзинымъ. Мои поклоны г. г. Дашкову, Жуковскому, и пр. Мое почтеніе г-жѣ Блудовой. Преданный другъ Каподистрія.

тораго зоветъ своимъ, и простора земли Русской, съ которой связываютъ его благодарность и самая польза его службы ей.

Для меня эти строки такъ много воскрешаютъ изъ прошедшаго. Въ концѣ письма, это простое, обыкновенное порученіе кланяться, одинъ перечень именъ этихъ, такъ переноситъ мысль мою во дни дѣтства, въ этотъ свѣтлый, бодрый, благородный кругъ! Такая тоска беретъ по нимъ,—по этимъ отшедшимъ. И блескъ ихъ ума, и свѣтлость ихъ чистыхъ душъ, какимъ-то сіяніемъ озаряютъ весь періодъ ихъ дѣятельности; — дѣятельности было такъ много, и такъ мало суетливости у нихъ.

Мнѣ еще слышится тутъ другая грустная струна. Это то неудовлетворенное чувство, тотъ душевный разладъ, которые волнуютъ пламенныя натуры, когда онѣ отдались съ любовію и преданностію служенію другаго, можетъ быть и родственнаго, но не роднаго края. Конечно есть люди, которые честно и добросовѣстно служатъ чужой землѣ и, окончивъ поприще свое, удаляются съ чистою совѣстію и заслуженнымъ достаткомъ на свою родину, съ чувствомъ исполненнаго долга, заслуженнаго, высокаго положенія. Это люди почтенные и полезные другимъ и себѣ. Таковъ былъ Поццо-ди-Борго. Но у Каподистріи душа была слишкомъ высокая, сердце слишкомъ горячее, умъ слишкомъ страстный, чтобы хладнокровно умѣрять порывы чувствъ, и онъ пристрастился, онъ влюбился въ задачу свою на службѣ Россіи: оставаясь Греческимъ патріотомъ, онъ въ глубинѣ сердца уже не могъ отдѣлить Грецію отъ Россіи. А между тѣмъ, могло случиться,—уже случилось, даже не разъ, что пользы и дѣйствія одной приходили въ столкновеніе съ дѣйствіями, если не съ пользой, другой. Это своего рода пытка, которую трудно выносить.

Такъ прошли для Каподистрія 1823 и 1824 годы. Въ это время моя мать очень опасно занемогла, и докторъ Мюллеръ отправилъ насъ въ Маріенбургъ, прописавъ остаться на зиму въ умѣренномъ климатѣ и на другой годъ пить Эмскія воды. Такимъ образомъ, послѣ зимы въ Дрезденѣ и весны въ Карлсбадѣ, мы встрѣтились въ Эмсѣ съ Каподистріею. Кажется однако, какъ это ни странно, что въ его длинныхъ ежедневныхъ разговорахъ съ отцемъ моимъ они не касались политическихъ обстоятельствъ тогдашнихъ, хотя они были такъ важны для Греціи. Можетъ быть, тайное опасеніе слишкомъ больно задѣть душу Каподистріи мѣшало имъ сообщать другъ другу на словахъ то, что конечно занимало мысль того и другаго; такъ по крайней мѣрѣ полагаю, въ виду сожалѣнія Карамзина, что отецъ мой ничего не могъ сообщить ему объ воззрѣніи Каподистріи на современныя событія. Карамзинъ тоже упоминаетъ въ своемъ письмѣ къ нему о „печальныхъ обстоятельствахъ ихъ разлучающихъ и которыя все продолжаются“. Эти обстоятельства были нескончаемые переговоры о Греческихъ дѣлахъ, въ которыхъ по прежнему невозможно было достигнуть общаго соглашенія съ Европейскими державами, и также казалось невозможно императору Александру отказаться отъ этого согла-

шенія. Въ это время, именно, была назначена конференція въ С. Петербургѣ для разсмотрѣнія новаго предложенія со стороны Россіи о коллективномъ, моральномъ (все таки) давленіи на Турецкое правительство въ виду устройства той части Греціи, которая уже была въ рукахъ Грековъ, по примѣру Молдавіи, Валахіи и Сербіи, вассальнымъ княжествомъ съ внутреннимъ самостоятельнымъ управленіемъ. Но въ самое время, когда мы дѣлали новыя уступки Турціи въ надеждѣ на Европейское соглашеніе, Греческіе начальники, доведенные до отчаянія, не имѣя болѣе средствъ продолжать войну, не успѣвая негоцировать давно обѣщанный въ Англіи заемъ, рѣшились идти подъ вассальство Англіи, не смотря на угнетеніе Іоническихъ острововъ и, собравъ на—скоро и неправильно безпорядочное національное представительство, отдали себя и народъ свой подъ защиту одной Англіи, въ Іюлѣ 1825 года. Грецiя съ своими морями, гаванями и островами, на пути между Европой и Азіей, показалась достаточнымъ залогомъ для торговой націи, и подписка на Греческій заемъ стала быстро пополняться, однако на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Это неожиданное извѣстіе также непріятно поразило императора Александра, какъ и Каподистрію, который, разочарованный на счетъ Англійскаго правительства въ отношеніи къ Іоническимъ островамъ, предвидѣлъ для Греціи, для всѣхъ Христіянъ только двойной гнетъ: экономической Англіи и прежній, дикій, Турецкаго султана. Россія же, его вторая любовь, теряла и вѣсъ, и вліяніе, и уваженіе къ ней другихъ державъ.—Таковы были плоды нашей осторожности, нашей податливости, нашихъ уступокъ вѣрнымъ союзникамъ, спасеннымъ кровію Русскою и твердостію Императора отъ постыднаго ига Наполеонова! Отецъ мой до такой степени былъ возмущенъ ролью, которую навязывали Россіи; онъ такъ открыто порицалъ политику нашу, что, не бывъ дотолѣ особенно хорошъ съ Нессельродомъ, онъ въ это время рѣшительно съ нимъ разошелся и, спросивъ категорически: думаетъ ли министръ дать ему когда либо назначеніе посланникомъ? получилъ такой же категорическій отвѣтъ: что для него не имѣется въ виду ваканціи.

Въ это время отецъ мой рѣшился оставить службу, и такъ какъ на его прежнихъ постахъ (весьма скудно оплачиваемыхъ въ то время) онъ много тратилъ своего и вошелъ въ долги, то онъ, съ матушкой, согласились заложить ея Нижегородское имѣніе, продать домъ нашъ на Невскомъ около Литейной и, для бо̀льшей экономіи, переѣхать въ Дерптъ, гдѣ жизнь дешева и университетъ хорошъ, такъ что для насъ были бы учителя, для батюшки книги и общество профессоровъ, а для матушки кромѣ мужа и дѣтей ничего не было необходимо; впрочемъ, музыку, которую она очень любила, можно было иногда слышать хорошую, какъ насъ увѣряли.

Гдѣ тонко, тамъ и рвется, говорятъ: около этого времени обанкрутился Петербургскій банкиръ Ливіо, и 20000 р. батюшкиныхъ денегъ, оставленныхъ у него во время заграничной поѣздки, которые батюшка не успѣлъ у него взять обратно, пропали. Рѣшеніе пе-

рѣзда и продажи дома, кажется, принять было не очень трудно; но я помню, какъ батюшка былъ взволнованъ и безпокоился о залогѣ, или перезалогѣ деревень, потому что мысль о долгахъ и займѣ была для него ужасно тяжела: ему казалось это отвѣтственностію передъ дѣтьми и матушкой, такъ какъ ея имѣніе закладывалось; не знаю, почему не его. Это все было для меня совершенно непонятно. Мнѣ было немножко жаль нашего дома, и очень жаль нашихъ Воейковыхъ! Хотя онѣ иногда бы и могли пріѣхать въ Дерптъ, гдѣ у нихъ была бабушка Протасова; но все же мы стали, такъ сказать, прощаться ежедневно съ ними, и мнѣ ужасно было грустно разставаться съ моей Катей. Осень уже перешла въ зиму; мы, по обыкновенію, всякій день, позавтракавъ, отправлялись гулять, все прямо черезъ Аничкинъ мостъ на Адмиралтейскую площадь и назадъ, съ нашей гувернанткой m-elle du Tour; а противъ Аничкина дворца, въ домѣ Меншикова, жила Александра Андреевна Воейкова. Ея дочери съ ихъ гувернанткой miss Parrish въ тѣже часы гуляли и обыкновенно встрѣчали насъ у Аничкина моста, и мы гуляли вмѣстѣ,—я съ Катей; моя сестра съ ея младшей сестрой Сашей; а наши гувернантки шли за нами. У Воейковыхъ были голубыя атласныя платьица, обшитыя лебяжьимъ пухомъ, и голубыя же шляпки. Онѣ видны были издали, и мы звали ихъ „наши голубыя звѣздочки“ (blue stars). Екатерина Александровна Воейкова была замѣчательно-красивый, граціозный ребенокъ, сіяющая улыбками, радостію, веселостію, съ вьющимися темными волосами и смѣющимися карими глазами. 27-го Ноября (помню какъ бы вчера было) мы шли долго, не встрѣчая нашихъ голубыхъ звѣздочекъ, и мнѣ становилось скучно и холодно; уже на возвратномъ пути завидѣли мы ихъ недалеко отъ ихъ дома; онѣ поворотили, чтобъ идти съ нами хоть немножко, и у Кати было озабоченное личико. „Знаешь ли?“ сказала она мнѣ, какъ скоро мы пошли объ руку,—знаешь ли? Получены дурныя извѣстія. Государь очень опасно болѣнъ. Великій князь (Николай Павловичъ) поѣхалъ въ зимній дворецъ, мы видѣли; — и онъ давно тамъ“. Эта вѣсть меня гораздо менѣе смутила, нежели Катю, лично знавшую Государя, который былъ очень милостивъ къ Александрѣ Андреевнѣ. Мнѣ же никогда не случилось даже встрѣтить его на улицѣ. Мы много жили за границей, не гуляли по набережной, не бывали въ Царскомъ Селѣ, такъ что разъ только, въ церкви Каменнаго Острова, за обѣдней, я видѣла его и императрицу Елисавету Алексѣевну; но мы стояли сзади всѣхъ, у дверей, а царственная чета, разумѣется, впереди; такъ что я помню только высокій ростъ и мундирный воротникъ Государя, да большую соломенную шляпу Императрицы. Впрочемъ, „что Государь болѣнъ“, думала я, „вѣдь это же не значитъ, что онъ не выздоровѣетъ“. Однако мы скоро разстались съ нашими подругами и пошли домой.

Въ теченіи дня вѣсть о кончинѣ Императора дошла до батюшки. Когда мы пришли на урокъ Русской Исторіи, который онъ самъ давалъ намъ, я нашла матушку въ слезахъ, отца грустнаго, взволнованнаго, а тамъ пріѣхала тетушка Олимпіада Петровна Шиш-

кина. Всѣ плакали, всѣ вспоминали 1812-й годъ и взятіе Парижа, и никто не припоминалъ уже объ Аракчеевѣ, ни объ Магницкомъ и Руничѣ. Послѣднее, тяжелое время, было забыто; — помнили только молодаго Царя героя, отважно защищавшаго Россію, молодаго побѣдители, вождя всѣхъ народовъ Европы.

Здѣсь не мѣсто говорить о происшествіяхъ, послѣдовавшихъ за тѣмъ и не относящихся прямо къ дѣламъ Греціи.

Только примомню тѣ внѣшнія картины, которыя врѣзались въ моей памяти съ тогдашнихъ поръ. Помню, какъ, въ день присяги, отецъ мой, поѣхавшій во дворецъ, долго не возвращался; матушка безпокоилась, а мы, дѣти, были очень голодны и смотрѣли безпрестанно въ окошко. Меня поражали необыкновенная тишина и опустѣлость улицы. Это было на Невскомъ, второй домъ отъ Литейной: обыкновенно мѣсто оживленное, а тутъ ни одна карета, ни сани, ни дрожки, почти ни одного пѣшехода; странно мнѣ казалось — и становилось жутко. Наконецъ взошелъ Гаврила, носъ и щеки красные съ воздуха, но, какъ всегда, тихъ и спокоенъ съ виду. „Говорятъ, большой парадъ у Исакія“, сказалъ онъ; „съ ут„ра все шли полки, а теперь пройдти нельзя; что-то долго но„вый Государь смотритъ войска“.

—Не можетъ быть, возразила матушка: шестой часъ; смотръ не бываетъ такъ поздно. — Я спросила Гаврилу, самъ ли онъ былъ тамъ? Нѣтъ, его не допустили.

„Ученье что-ли?“ прибавилъ онъ, „стрѣляютъ“.

И, въ самомъ дѣлѣ, издали послышался слабый гулъ пушечнаго выстрѣла. Мы уже не отходили отъ окошка; время шло; показались наконецъ на улицѣ люди, почти бѣжавшіе; потомъ экипажи, одинъ за другимъ. Гаврила опять пришелъ, съ слѣдами тревоги на старомъ, спокойномъ лицѣ.

„Матушка Анна Андреевна,—говорятъ, бунтъ“. И тотъ часъ исчезъ, выбѣжалъ на улицу и, вѣроятно, направился на встрѣчу къ своему возлюбленному барину, ибо экипажи все въ бо̀льшемъ числѣ появлялись на улицѣ. Однако, уже совсѣмъ было темно, когда карета, безъ фонарей, подъѣхала, и батюшка явился утомленный, встревоженный, блѣдный. Это было 14-го Декабря 1825 года.

Потомъ другая, мрачная, величественная картина: насъ возили смотрѣть процессію, когда привезли тѣло императора Александра; и все это траурное шествіе, и всѣ эти первые чины Двора, въ черныхъ мантіяхъ и большихъ черныхъ шляпахъ, и эти факелы, и убранная вся въ гербахъ верховая лошадь Императора, и знамена съ чернымъ крепомъ, и обтянутые чернымъ барабаны, и похоронный маршъ, и заупокойное пѣніе пѣвчихъ въ траурѣ, и томительный перезвонъ колоколовъ: все это мрачное, черное, нескончаемое, долго и долго повторялось кошемаромъ въ моихъ снахъ.

А тамъ, въ Казанскомъ Соборѣ, толпа безчисленная народа, и опять трауръ кругомъ, и монотонное чтеніе дьякона, и эстрада

огромной вышины (конечно измѣряя моимъ дѣтскимъ мѣриломъ), такой огромной, что всѣ и молящіеся, и особенно мы, дѣти, казались Лилипутами въ моихъ глазахъ, подлѣ громадности этого катафалка. И на верху этихъ ступеней золотой гробъ, къ которому мы приложились и въ которомъ лежала, съ Александромъ, вся слава, и сила, и величіе нашего вѣка,—какъ казалось мнѣ!

Должно быть, что гробъ не былъ открытъ (хотя тѣло было бальзамировано), потому что иначе меня бы поразили мертвое лице и корона, особливо такъ какъ я никогда еще не видывала покойника. Помню еще, тутъ же въ Соборѣ, — или при другомъ случаѣ публичнаго стеченія народа,—помню худую, тощую фигуру, съ огромнымъ носомъ, въ красномъ мундирѣ. Намъ сказали: „это Веллингтонъ“, и я смотрѣла во всѣ глаза съ благоговѣніемъ, но и съ разочарованіемъ, на героя Испаніи и Ватерло, на сподвижника того великаго Русскаго императора, котораго въ послѣдніе годы эти сподвижники такъ искусно подвели, обманули и истомили, до болѣзненной меланхоліи и отвращенія отъ государственной дѣятельности, казавшейся ему такой безплодной въ своихъ результатахъ.

(*Продолженіе будетъ*).

ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФИНИ АНТОНИНЫ ДМИТРІЕВНЫ БЛУДОВОЙ *).

За прискорбными происшествіями 14-го Декабря послѣдовали прискорбныя открытія важнаго, распространеннаго въ Россіи заговора. Ежедневно новые аресты, допросы, и при томъ все въ кружкѣ близкомъ нашему семейству, распространили по Петербургу и въ нашемъ домѣ тревожныя опасенія за родственниковъ и друзей. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, молва преувеличивала важность заговора и распространенность его, и я помню тревожное состояніе умовъ, грусть и страхъ, которые овладѣвали матушкой и мамзель Дютуръ [1]) при арестованіи другъ за другомъ близкихъ знакомыхъ нашихъ. Я помню, что, года два передъ этимъ временемъ, мы жили на Крестовскомъ и, всякій день гуляя далеко, часто возвращались вечеромъ по набережной Каменноостровской; наша дорога лежала мимо нынѣшней дачи принца Ольденбургскаго, принадлежавшей тогда графу Чернышеву, котораго одна дочь уже была за мужемъ за Никитою Муравьевымъ, а другія еще были красивыя, живыя дѣвочки; и все это миловидное, красивое семейство съ друзьями или родственниками сиживало по вечерамъ въ галлереѣ въ родѣ оранжереи, такъ что видно было, что̀ дѣлалось въ этой ярко освѣщенной стеклянной залѣ, гдѣ, среди зелени и цвѣтовъ, мелькали молодыя личики около чайнаго стола. У насъ на Крестовскомъ не было знакомыхъ дѣтей, и я помню, что мнѣ бывало завидно Чернышевымъ, или по крайней мѣрѣ очень хотѣлось хотя со временемъ вести такую счастливую жизнь, какъ онѣ, когда я буду большая. А въ самое это время уже готовился разгромъ, который обрушился на это счастливое семейство и на долгія, долгія лѣта предалъ его горю и слезамъ. Не одни только дѣти судятъ такъ ошибочно, по наружной обстановкѣ, и представляютъ себѣ картину счастія, которому завидуютъ, хотя оно существуетъ только въ воображеніи.

У батюшки опасенія были, такъ сказать, менѣе личныя: это были опасенія за самое состояніе Россіи, за спокойствіе Отечества. Странно, что, вращаясь въ кругу коноводовъ заговора, никогда отецъ мой, ни Дашковъ, ни Жуковскій не подозрѣвали ничего подобнаго; кажется, и Александръ Тургеневъ тоже. Это тяжелое открытіе глубоко поразило ихъ. Особенно было трудно предвидѣть, на чемъ остановится попытка возмущенія южной арміи.

*) См. первую книгу Русскаго Архива нынѣшняго 1875 года, стр. 129—195.

[1]) Недавно скончавшаяся въ глубокой старости, воспитательница въ домѣ Блудовыхъ, Француженка родомъ, Каролина Антоновна Дютуръ, бурею первой революціи занесенная въ Англію (гдѣ получила основательное образованіе) вызываетъ почтительное воспоминаніе въ людяхъ знавшихъ ее. Это была женщина, вполнѣ преданная своему долгу. *П. Б.*

Батюшкѣ казалось, что опасность грозитъ Россіи; но онъ былъ прежде всего человѣкъ долга, обязанности, и потому рѣшился не выѣзжать изъ Петербурга, не бѣжать отъ возможной опасности, не удаляться отъ центра правительства, противъ котораго подняли знамя бунта.

Между тѣмъ домъ нашъ былъ проданъ купцу Шапошникову, и намъ пришлось переѣхать на-скоро, на маленькую квартиру, какую могли найти, въ домѣ князя Трубецкаго, на Воскресенской, довольно узкой и весьма некрасивой улицѣ, которая мнѣ какъ-то всегда казалась не улицей, а дворомъ. Собственно говоря, настоящій дворъ, свѣтлый, чистый и просторный, былъ гораздо красивѣе улицы, и туда было намъ веселѣе глядѣть.

Это рѣшеніе остаться въ Петербургѣ [2]) перемѣнило всю нашу жизнь, всю будущность и имѣло вліяніе не только на службу батюшки, но и на многія законоположенія и правительственныя мѣры важныя для Россіи, въ которыхъ голосъ его былъ услышанъ и предложенія его приняты Государемъ.

Съ новымъ царствованіемъ повѣяло въ воздухѣ чѣмъ-то новымъ, что́ Баба-яга назвала бы Русскимъ духомъ. Сброшено было иго иностранное и, не смотря на колебанія, на реакціи являвшіяся неоднократно въ теченіи 30 лѣтъ, никогда уже не было раболѣпнаго подобострастія передъ чужими державами и чужими мыслями, и Уваровскій девизъ можно все таки (съ малыми исключеніями, въ слѣдствіе обстоятельствъ), считать лозунгомъ всего царствованія: „Православіе, самодержавіе, народность“. Не могу не записать здѣсь характеристическаго случая. Въ самые первые дни царствованія пріѣхала къ намъ обѣдать тетушка Шишкина, жившая тогда фрейлиной въ Зимнемъ дворцѣ и разсказывала при насъ, что́ случилось въ это утро: Она была дежурная и ожидала приказаній въ пріемной Императрицы съ нѣкоторыми городскими дамами. „Входитъ молодой Государь (говоритъ она), и вообразите, обращается къ намъ порусски. Насъ было пять дамъ, и я одна только могла отвѣчать!“ Другія дамы не знали порусски, и это обращеніе къ нимъ съ Русской рѣчью была диковина неслыханная.

Николая Павловича сначала называли все „молодой государь“, чтобъ отличить отъ императора Александра; да и въ самомъ дѣлѣ онъ былъ очень молодъ: тогда ему было 29 лѣтъ. Такой анекдотъ, какъ выше приведенный, теперь былъ бы невозможенъ, и наши молодыя женщины уже охотно или даже охотнѣе говорятъ порусски, чѣмъ пофранцузски. Не даромъ былъ данъ толчекъ Николаемъ Павловичемъ: на Русской умственной почвѣ выросло два или три поколѣнія, которыя много и съ усердіемъ разработали Русскійязыкъ и Русскую исторію, предаваясь съ любовію изысканіямъ и теоріямъ, можетъ быть и натянутымъ, но все же приносящимъ пользу Отечеству.

Почуяли тоже и за границей съ новымъ царствованіемъ новое направленіе политики Русской на Востокѣ. Послѣдняя предатель-

---

[2]) Сколько намъ извѣстно, въ 1825 году графъ Д. Н. Блудовъ намѣревался поселиться въ Дерптѣ для обученія сыновей своихъ. *П. Б.*

ская продѣлка Англійскаго кабинета, попытка завладѣть остальной Греціей, какъ уже завладѣли Іоническими островами, возмутила и оскорбила Государя, вмѣстѣ какъ оскорбленіе Россіи и какъ враждебное отношеніе къ Христіянамъ Турецкимъ, этимъ единовѣрцамъ нашимъ, за которыхъ онъ заступился съ самаго начала своего царствованія, за которыхъ онъ отдалъ жизнь, умирая отъ нравственной пытки, отъ истязаній Европейскихъ союзниковъ нашихъ. Въ роковыя минуты Исторіи недостаточно одного ума: нужны сердечное пониманіе и сознаніе права на жизнь, на существованіе, на преуспѣяніе, на усиленіе, на власть своего роднаго края. Этого чувства не было у большей части нашихъ дипломатовъ; но это чувство наполняло сердце Государя и, какъ сказалъ поэтъ о великомъ его прадѣдѣ, такъ можно сказать о Николаѣ Павловичѣ:

Не презиралъ страны родной.
Онъ зналъ ея предназначенье!

Противорѣчіе между направленіемъ и исполненіемъ погубило дѣло Русское и Христіянское въ послѣднюю войну, и безъ всякой метафоры, безъ всякаго преувеличенія, Николай Павловичъ, по истинѣ, душу свою положилъ за други своя, хотя и казалось, будто о нихъ уже и забыто, среди ужаснаго разгрома самой Россіи.

Когда Наслѣдникъ Престола сталъ Царемъ Россіи, ему уже было ясно, что новое вино надо вливать въ новые мѣхи, и съ тѣхъ поръ полное согласіе въ направленіи Царя и въ исполненіи его начертаній создало ту спокойную силу, которую должны были признать за границей. La Russie ne boude pas, la Russie se recueille, былъ мѣткій и правдивый отвѣтъ на всѣ придирки Запада, съ начала царствованія Александра Николаевича. Въ этой глубокой думѣ святыя мысли созрѣли, и Христіянскимъ смиреніемъ, съ искони вѣковъ учившимъ Россію сознавать грѣхи, которыми прогнѣвила она Бога, глубокимъ сознаніемъ ея Царя всей тяжести и отвѣтственности Своего святаго подвига, искупились наши ошибки: спа́ла съ глазъ вѣковая повязка, разрѣшился плѣнъ народа, и обновленная въ своемъ внутреннемъ строѣ Россія могла безбоязненно заявить свои права и обязанности передъ цѣлымъ свѣтомъ въ отношеніи ея внѣшней политики, и спокойно и открыто стать на свое мѣсто, старшимъ членомъ въ семьѣ Славянской, православной, не отказываясь отъ своего родства, какъ выскочка какой нибудь, спасовавшій передъ вельможею „Западомъ“.

Это Русское чувство, этотъ инстинктъ сердца пробудится конечно теперь у нашей дипломаціи всякій разъ, когда настанетъ время заявить непреложное право Россіи: ставить свою честь и свое самосохраненіе выше интересовъ чужихъ, выше заносчивыхъ требованій мнимыхъ союзниковъ. Да и то надобно помнить, что Европейскія державы уважаютъ одно только: „силу“.

Такъ въ 1825 или, лучше сказать въ 1826 году, когда увидѣли иностранцы, что миръ не былъ серіозно возмущенъ внутри Россіи

безумною попыткою 14-го Декабря, правители Европы призадумались и стали болѣе серіозно относиться къ Россіи на Востокѣ. Король Прусскій остался вѣрнымъ союзникомъ и личнымъ нѣжнымъ другомъ новаго Государя, мужа его любимой дочери. Императоръ Францъ II-й съ Метернихомъ пріутихли. Они видѣли передъ собою юнаго, пылкаго, энергичнаго Государя, полнаго свѣжихъ силъ, представителя и типа юныхъ свѣжихъ народовъ, готовыхъ воспрянуть изъ вѣковаго сна и плѣна. Какъ они, такъ и онъ не были запутаны въ интригахъ и во лжи конгрессовъ и конференцій дипломаціи, ни въ сплетняхъ послѣдняго десятилѣтія. На ихъ счастіе, ихъ не допускали въ этотъ зараженный воздухъ, какъ не допускалъ императоръ Александръ своего наслѣдника въ печальную неурядицу нашихъ отношеній съ Европой. Передъ этой молодой, нетронутой силой лучше было Австріи не высказываться, лучше было съ улыбкой привѣта выжидать свое время.

Во Франціи Карлъ X-й, недавно наслѣдственно сѣвшій на престолѣ, былъ расположенъ къ Россіи,—расположенъ, какъ потомокъ рыцарей, къ мысли о крестовыхъ походахъ, и охотно склонялъ своихъ министровъ въ пользу Христіянъ.

Въ Англіи, бывшій Тори, перешедшій въ партію Виговъ блистательный Канингъ понялъ, что одинъ безъ войны (а война была невозможна тогда) онъ не отстоитъ популярное въ Англіи дѣло Грековъ. Къ тому же Турки уже вырѣзывали цѣлыя населенія взятыхъ ими городовъ или сплошь перевозили жителей въ Азію и заселяли опустошенныя мѣста Египетскими Турками, подъ предводительствомъ Ибрагимъ-Паши, сына намѣстника Египетскаго Мехмедъ-Али, талантливаго полководца. Дѣло начинало усложняться этой перспективой усиленія или полнаго водворенія новаго Магометанскаго государства въ Европѣ. Ужасныя жестокости этихъ Африканскихъ пришельцевъ приводили въ негодованіе самыхъ холодныхъ политиковъ. Благородный, открытый характеръ Канинга наконецъ взялъ верхъ и, понимая, что лучше совокупнымъ дѣйствіемъ держать въ рукахъ окончательный исходъ дѣла, нежели предоставлять его одному молодому, сильному Государю Россіи, онъ выбралъ чрезвычайнымъ посломъ для поздравленія Николая Павловича герцога Велингтона, на котораго мы дѣти смотрѣли съ такимъ любопытствомъ. Какъ всегда, такъ и въ то время, увидѣвъ энергическую волю и неустрашимость въ правительствѣ, увидѣвъ Россію сильную противъ крамолъ и готовую идти на брань, Европа возымѣла къ намъ уваженіе и рѣшилась на уступки. Государь повелъ переговоры лично съ Велингтономъ, и 23 Марта (4 Апрѣля) 1826 г. былъ подписанъ протоколъ совокупнаго дѣйствія Англіи и Россіи, для умиротворенія Турковъ (или ихъ усмиренія), положившій начало Лондонскому трактату, для общаго дѣйствія Англіи, Франціи и Россіи въ пользу Христіянъ на Востокѣ. Этотъ протоколъ былъ неожиданнымъ ударомъ для Метерниха, привыкшаго

къ почти безусловной покорности Русской дипломаціи, со времени отпуска Каподистріи.

Всѣ мѣры были употреблены, чтобы заставить Турокъ исполнить прежнія требованія Россіи и предупредить военныя дѣйствія.

Батюшка не разъ говорилъ мнѣ, какъ сожалѣлъ Государь о готовности Турокъ согласиться на старыя условія, какъ сожалѣлъ онъ, что подписали Акерманскій трактатъ. Требованія наши относились только къ Придунайскимъ княжествамъ, къ исполненію Бухарестскаго трактата, а объ Грекахъ еще не было рѣчи.

Свѣжимъ глазомъ новаго человѣка, Государь какъ только сталъ вникать въ наши дипломатическія дѣла, увидѣлъ всю эту „мерзость запустѣнія", по словамъ Евангелія, и обратился отъ руководящихъ распоряженій и указаній министерства къ депешамъ посланниковъ. Первая, отъ Поццо ди Борго, поразила его своею ясностію и справедливостію. Онъ потребовалъ записки о дѣлахъ Востока у Каподистріи и пригласилъ его самаго въ Петербургъ. Самъ Каподистрія между тѣмъ просилъ дозволенія пріѣхать поклониться могилѣ усопшаго Государя, любимаго и почитаемаго имъ такъ искренно. (И въ самомъ дѣлѣ, въ дорожной каретѣ, не заѣзжая никуда въ Петербургѣ, проѣхалъ онъ въ крѣпость). Меморія или записка, составленная имъ для Николая Павловича, извѣстна. Государь и Императрица Марія Ѳеодоровна приняли его съ лаской и уваженіемъ; въ долгихъ искреннихъ бесѣдахъ вспоминались прошедшія слава и ошибки, и для Каподистріи невыносимо-тяжелое настоящее состояніе Греціи. Ибрагимъ-паша, взявши разрушенный городъ Наваринъ, неистовствовалъ съ своими Египтянами по всему взморью: отъ Аѳинъ, Мисолунги, Патраса, Триполицы остались однѣ развалины. Георгій Караискаки палъ у стѣнъ Аѳинъ; но благородный, безкорыстный герой успѣлъ, передъ смертію, сговориться съ Колокотрони, увлекая за собой большинство предводителей Греческихъ, и провелъ спасительную мысль избрать Каподистрію главою временнаго правительства и вызвать его въ Грецію, въ надеждѣ на укрощеніе внутреннихъ распрей и на поддержку извнѣ при иностранныхъ державахъ. Уже Лондонскій трактатъ былъ подписанъ, и Англія, Франція и Россія выслали соединенную эскадру въ Наваринскій заливъ на случай нужды.

Акерманскій трактатъ только былъ дѣйствителенъ для трехъ Придунайскихъ княжествъ, да и тамъ плохо исполнялись обязательства; а между тѣмъ Турецкое правительство подстрекало такъ успѣшно Персіянъ противъ насъ, что война съ ними была уже въ полномъ разгарѣ, и начиналась слава Паскевича.

Государь не покидалъ намѣренія заступиться за Грековъ и, высоко цѣня характеръ и таланты Каподистріи, предложилъ ему опять принять должность (которая за нимъ оставалась номинально и въ отпуску) и прежнее положеніе въ Россіи. Но времена были другія. Грецію нуждалась въ опорѣ сильныхъ иностранныхъ государствъ, но еще болѣе въ энергіи такого человѣка, кто бы могъ соединить и укротить тѣ внутреннія силы, которыя уже не съ вра-

гами Греціи боролись, а погибали во внутреннемъ раздорѣ и соперничествѣ. Отечество Каподистріи погибало и взывало къ нему изъ бездны. Онъ уже не могъ колебаться и отказался отъ предложенія Государя и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ пенсіи, которую конечно заслужилъ, но которая показалась бы подкупомъ въ глазахъ враговъ его. Николай Павловичъ самъ былъ строгій исполнитель долга и благоговѣлъ предъ святостію всего, что было или казалось ему обязанностью. Онъ понялъ вполнѣ Каподистрію и, глубоко уважая его, отпустилъ изъ службы и уже совѣтовался съ нимъ, какъ съ представителемъ другой земли, въ пользу его Отечества.

Вотъ въ это время я опять встрѣчала Каподистрію въ часы прогулокъ нашихъ, и онъ часто бывалъ у батюшки.

Взявъ на себя славный, но тяжелый подвигъ, онъ не обольщалъ себя блестящими мечтами. Напротивъ, онъ шелъ, можно сказать, сознательно на мученичество, на смерть.

Изъ Россіи, гдѣ Государь приласкалъ и ободрилъ его, гдѣ столько старыхъ друзей съ искренностію, даже съ восторгомъ, раздѣляли его чувства и сообщали ему свои надежды, Каподистрія отправился въ Лондонъ и Парижъ, на терновый путь политическаго просителя о землѣ страждущей, о землѣ бѣдной, на которую смотрѣли съ высока, какъ на нищую. Тяжело, невыносимо-тяжело положеніе такого человѣка, обязаннаго выносить высокомѣрное состраданіе, фарисейскія увѣщеванія, мелочную расчетливость чужихъ правительствъ и смирять порывы негодованія, гордости, самостоятельности личной, ради неотразимыхъ требованій нуждающагося Отечества.

Лондонскій трактатъ уже былъ подписанъ. Англія, Франція и Россія согласились сообща прекратить истребленіе Христіянъ, если понадобится и силою оружія. Это было въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1827 года. Каподистрія спѣшилъ въ Лондонъ, надѣясь на важныя послѣдствія для Греціи отъ переговоровъ съ безстрашнымъ и геніальнымъ государственнымъ человѣкомъ, каковъ былъ Канингъ. Каподистрія былъ съ нимъ лично знакомъ, и конечно они должны были сочувствовать другъ другу. Батюшка до конца жизни вспоминалъ о Канингѣ, какъ объ одномъ изъ блистательнѣйшихъ людей, встрѣтившихся съ нимъ на политическомъ поприщѣ; воспоминаніе о немъ было одно изъ любезнѣйшихъ его воспоминаній; онъ часто повторялъ стихъ Канинга, писанный въ его молодости, какъ бы исполнившееся предвѣщаніе его судьбы, его желаній: Live in a blaze, and in a blaze expire (жить въ блескѣ и сіяніи, и въ блескѣ и сіяніи умереть). Канингъ только что достигъ крайней высоты власти, сдѣлался первымъ министромъ Англіи; въ его рукахъ были или казались судьбы ея, а съ нею судьбы Европы. И съ этой высоты сорвала его преждевременная, неожиданная смерть, среди отважныхъ замысловъ, гордыхъ предположеній на славу и величіе Отечества. Каподистрія уже не засталъ его въ живыхъ и, разумѣется, у его преемника не нашелъ той рѣшимости, которую желалъ встрѣтить, но на которую неспособны посредственные умы. Обѣщанія денежной

помощи посредствомъ займа, защиты посредствомъ угрожающаго появленія эскадры около береговъ Мореи,—больше этого дипломатическая рутина новаго министерства не могла ему дать въ Англіи, и когда впослѣдствіи рѣшено было согласиться на заемъ отъ трехъ державъ для Греціи, Франція и Россія на первое время дали каждая по 3½ милліона франковъ, а Англія, богатая Англія, 500 тысячъ франковъ только.

Въ Парижѣ Каподистрія нашелъ болѣе сочувствія, болѣе теплоты. Король особенно оказалъ расположеніе помочь, съ ласкою и уваженіемъ принялъ его и своимъ личнымъ вліяніемъ поддержалъ передъ министерствомъ, между тѣмъ какъ частные люди, Филелены, передали ему всѣ собранныя ими частные денежные сборы для Грековъ. Во главѣ ихъ былъ неутомимый Эйнаръ, который связался дружбой съ Каподистріею и съ непоколебимой вѣрностію продолжалъ до конца употреблять всѣ усилія для доставленія помощи Грекамъ. Самъ Каподистрія, подъ видомъ займа, отдалъ все свое состояніе, около 800,000 франковъ.

Съ такимъ весьма неполнымъ успѣхомъ и съ грустнымъ предчувствіемъ страданій и бѣдъ, онъ отправился въ Анкону, куда Англійское правительство обѣщало выслать фрегатъ для его переѣзда въ Грецію. Не успѣлъ онъ доѣхать однако, какъ узналъ о славной Наваринской побѣдѣ, почти случайной,—изъ тѣхъ случаевъ, о которыхъ отецъ мой говорилъ, что въ нихъ какъ бы скрывается чудодѣйствіе Промысла Божія (le hasard — c'est incognito de la Providence).

Во Франціи, въ Россіи ликовали. Я помню, какой я чувствовала восторгъ, съ какой горячностію и нетерпѣніемъ я ожидала. Я призывала всею душою войну съ Турками, великодушную, смѣлую, блистательную, которая покрыла бъ славой имя Русское, какъ во времена Екатерины! И по обыкновенію нашему, дѣтскому, все это пріятное волненіе, всѣ эти воинственныя мечты осуществились въ нашихъ играхъ. Воейковы тогда уѣхали въ чужіе края, и во всѣхъ моихъ письмахъ къ Катѣ я разсказывала про вымышленные подвиги, про военныя операціи Русской арміи, и не знаю какими судьбами, по ея ли разсказамъ знакомымъ ей дѣтямъ или по нескромности почтовыхъ чиновниковъ, но мои мечтательныя военныя операціи попали въ иностранныя газеты, которымъ, разумѣется, повѣрили, и Катя стала въ письмахъ подтрунивать надо мной, что̀ меня нѣсколько обидѣло: потому что, хотя реляціи были вымышленныя, но чувство было неподдѣльное и казалось мнѣ слишкомъ свято, чтобъ шутить имъ. Пятнадцать лѣтъ спустя, въ Ревелѣ я познакомилась съ героемъ Наваринскаго боя, престарѣлымъ уже адмираломъ Гейденомъ. Съ любопытствомъ и любовію смотрѣла я на него, съ глубокимъ уваженіемъ и интересомъ вслушивалась въ его живую, такъ сказать, молодую рѣчь, когда онъ съ батюшкой и матушкой разговаривалъ о происшествіяхъ 1827 и 1828 годовъ. Полный живости, ума, юмора, съ той откровенной простотой и сердечной привѣтливостію, которыя отличаютъ настоящихъ мо-

ряковъ военнаго флота нашего, графъ Гейденъ былъ одинъ изъ симпатичнѣйшихъ людей, которыхъ я знала, и въ немъ, какъ и въ его семействѣ, и на его дачѣ все дышало здоровой, благородной, моральной атмосферой; все было весело, просто, чисто; все было миловидно, какъ его престарѣлая, но еще красивая жена, съ ея свѣжимъ розовымъ личикомъ, въ ея безукоризненно-бѣломъ кругломъ чепчикѣ: все носило отпечатокъ дѣятельности и крѣпости, которыя выражались въ характерномъ лицѣ Гейдена, его бодромъ и живомъ взглядѣ, въ его густыхъ, волнистыхъ сѣдыхъ волосахъ.

Но въ Англіи не такъ отнеслись къ Наваринскому дѣлу, какъ мы. Тотъ же герцогъ Велингтонъ, который подписалъ протоколъ 4 Апрѣля, теперь въ Парламентѣ употребилъ выраженіе, надѣлавшее много шуму: онъ назвалъ an untoward event (непріятнымъ приключеніемъ) побѣду подъ Навариномъ соединенной Англо-Французско-Русской эскадры. Съ своей стороны Французы сейчасъ придумали новый модный цвѣтъ, красновато-сѣрый, и назвали fumée de Navarin (Наваринскаго дыма *); а у насъ въ Россіи служили молебны по церквамъ и благодарили Бога. Такъ каждая народность высказывалась по своему. Вѣроятно, непріятность этого приключенія отозвалась на отношеніяхъ къ возраждающейся Греціи и ея новому президенту. Вмѣсто Октября мѣсяца фрегатъ Англійскій, Варспитъ, явился въ водахъ Анконы только въ половинѣ Декабря и, присоединивъ къ себѣ Французскій и Русскій фрегаты, отплылъ наконецъ къ Навпліи, гдѣ разныхъ партій Греки, бунтуя другъ противъ друга, оспаривали другъ у друга власть въ городѣ. Каподистрія потребовалъ примиренія и сдачи въ его руки укрѣпленій, и самый буйный изъ предводителей партіи, Гривасъ, повиновался приказанію президента, къ изумленію дипломатическаго корпуса, засѣдавшаго въ Корфу послѣ выѣзда изъ Константинополя. Такого нравственнаго вліянія въ человѣкѣ, явившемся безъ военной силы, безъ окружающей свиты, безъ всякаго обаянія кромѣ чистоты и честности своей прошедшей жизни, никто не ожидалъ. И это первое его дѣйствіе, эта твердость характера укоренили его власть на долго.

Хотя на видъ удовлетворили требованіямъ Россіи Акерманскимъ договоромъ, хотя и заняли ее по возможности далеко войною въ Персіи, однако и Турки, и Европейцы, подстрекатели ихъ, слишкомъ поняли Николая Павловича, слишкомъ увѣрились въ полнотѣ силъ, въ дѣятельности и молодой энергіи его, въ твердости его убѣжденій, чтобъ дозволить себѣ по прежнему безцеремонно относиться къ жизни или смерти Христіянскихъ населеній въ Турціи. Турки уже отказались отъ наступательныхъ дѣйствій, отъ поголовной рѣзни. А Паскевичъ одерживалъ побѣду за побѣдой, предвѣщая скорое окончаніе войны и за тѣмъ готовую армію въ распоряженіе Государя на защиту Грековъ, даже и безъ содѣйствія

*) Помню, какъ мнѣ хотѣлось что нибудь этого цвѣта носить. Но матушка находила, что цвѣтъ слишкомъ темень для ребенка и слишкомъ дорогъ.

другихъ державъ. Настало что-то въ родѣ перемирія. Народъ встрѣтилъ Каподистрію съ неописаннымъ восторгомъ и надеждою, съ вѣрою въ его нравственную силу, которую массы народныя чуятъ и понимаютъ какимъ-то инстинктомъ, когда эти массы еще не испорчены повсемѣстнымъ политическимъ развращеніемъ. Народъ привѣтствовалъ въ немъ избавителя и устроителя своего.

Но изъ массы народной выдѣлялись три партіи, которыя ожидали президента не какъ избавителя, а какъ добычу, и для нихъ вопросъ состоялъ лишь въ томъ, которая изъ нихъ разработаетъ въ свою корыстную пользу вліяніе новаго правителя на дѣла внутреннія и внѣшнія. Это были: 1) Партія старшинъ, составлявшая изъ себя что-то въ родѣ сельской олигархіи, въ теченіи долгихъ вѣковъ Магометанскаго ига, и стремящаяся къ раздробленію Греціи на мелкіе федеративные участки: для нихъ не по сердцу было всякое центральное правительство, какое бы ни было. 2) Партія „полуграмотныхъ, но совершенно развращенныхъ“ недоучекъ Европейской цивилизаціи, воспитанныхъ въ безвѣріи и безличіи народномъ на чужой почвѣ: для нихъ всякій порядокъ казался стѣсненіемъ, и всякая, самая безумвая даже, опозиція казалась признакомъ просвѣщенія и свободомыслія. 3) Третія партія „Фанаріотовъ“, въ маломъ числѣ уцѣлѣвшихъ отъ Константинопольской рѣзни, приписывала себѣ какое-то преемственное право грабить народъ въ свою пользу. Эти три партіи остались враждебны Каподистріи до конца: полуграмотная экзотическая, потому что онъ былъ Христіянинъ и Православный; другія двѣ потому, что онъ былъ другъ и вождь народной массы; всѣ три, безоружныя внутри края, возбуждали противъ него препятствія внѣшнія своими интригами. А между тѣмъ такое было безлюдіе для выбора въ управленіе, что ему пришлось въ этихъ же партіяхъ брать своихъ сотрудниковъ и сослуживцевъ. Онъ надѣялся, вызывая на здоровую дѣятельность выдающіяся личности всѣхъ партій, разбудить въ нихъ энергію и патріотизмъ, и нѣкоторыя изъ нихъ точно помогли къ возстановленію правительственныхъ дѣйствій власти. Надобно было еще удовлетворять иностранныхъ Филелленовъ на Греческой службѣ, между которыми тоже было не мало дряни. Все въ краю нужно было организовать. Задача Каподистріи была если не сотвореніе міра Греческаго, то по крайней мѣрѣ возстановленіе его послѣ потопа. Изъ всѣхъ ужасовъ ужаснаго положенія, всего болѣе потрясала его душу картина сиротства столькихъ тысячь дѣтей, оставшихся послѣ умерщвленныхъ родителей, дѣтей, брошенныхъ на произволъ судьбы, голодныхъ, въ лохмотьяхъ, утопающихъ въ грязныхъ порокахъ, пріученныхъ нищетою къ воровству, къ мошенничеству, къ разбою. А это было то поколѣніе, отъ котораго зависѣло будущее Греціи, даже освобожденной. Пріютить этихъ безпріютныхъ, исправить этихъ развращенныхъ дѣтей, спасти эти Христіянскія души на краю бездны, возрастить это гніющее сѣмя, эти погибающія силы народныя, значило вывести Грецію изъ дикаго состоянія и подготовить ея будущую гражданственность. И все это должно было сдѣлать ему одному, на средства копеечныя, ибо самъ край

въ своемъ разореніи былъ не въ силахъ помочь вопіющей нуждѣ своей. Филелленскіе комитеты во Франціи, Германіи и Швейцаріи передали ему свои сборы на школы, и эти небольшія суммы, съ прибавкою конечно собственныхъ своихъ, послужили ему на основаніи Орфанотрофа (сиротскаго пріюта), для 700 мальчиковъ, съ домовой церковью и залою для гимнастики, съ преподаваніемъ самымъ элементарнымъ, но уже съ правильнымъ воспитаніемъ на Христіянскихъ началахъ. Оттуда, смотря по способностямъ, дѣти должны были переходить или въ земледѣльческую школу, или учиться ремесламъ, или въ высшее военное училище въ Навпліи. Въ короткое время Каподистрія успѣлъ уничтожить пиратство на морѣ, разбой на дорогахъ и въ лѣсахъ, укротить своеволіе старшинъ и дать вздохнуть народу, который чувства благодарности и любви къ нему выражалъ ласковымъ прозвищемъ Барба-Яни (дядя Иванъ), не называя иначе правителя своего.

Изумительная дѣятельность Каподистріи обратилась и на устройство военной части. Надобно было привести въ порядокъ разрозненныя шайки, выучить нѣкоторой дисциплинѣ буйныхъ начальниковъ, завестись артилеріей, чтобы можно было воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ для завоеванія Эпира и Ѳессаліи. И вся эта работа встрѣчалась на каждомъ шагу съ препятствіями и тормазомъ столько же отъ иностранной дипломаціи, сколько отъ домашнихъ интригъ; отписываться приходилось безпрестанно, и однако онъ успѣвалъ еще писать истинно-отеческія письма къ маленькому сыну Марка Боцариса. Забота о воспитаніи этого ребенка казалась ему священнымъ долгомъ Отечества, за котораго геройски пали отецъ и дядя. Мы познакомились съ молодымъ Боцарисомъ (уже адъютантомъ Греческаго короля) въ 1854 или 1853 году, и впечатлѣніе, имъ оставленное на всѣхъ насъ, было самое отрадное: умъ образованный съ скромностію, которая такъ много украшаетъ молодость, симпатическая красивая наружность, теплая любовь къ Отечеству и какой-то сдержанный восторгъ и вѣра въ отношеніи къ Христіянскому дѣлу на Востокѣ составляли самое пріятное цѣлое. Громкое имя свое онъ носилъ почтительно и достойно. Изъ всѣхъ Грековъ, перебывавшихъ у насъ въ послѣдніе два десятка лѣтъ, молодой Боцарисъ и уже немолодые Метакса и Зографосъ, на мой взглядъ, были единственные истинно-замѣчательные и серіозные люди. Обоихъ уже нѣтъ на свѣтѣ. Не говорю о Колокотрони и Хаджи-Петросѣ; о нихъ я уже упомянула, и они были обломки прошедшаго самозваннаго,—до временъ независимости Греціи.

Между тѣмъ блистательная Персидская кампанія привела за собою, послѣ взятія Эривани, мирный договоръ Туркманчайскій. Абасъ-Мирза, старшій сынъ Фетъ-Али-Шаха, несмотря на Европейскихъ офицеровъ, совѣтниковъ своихъ, вездѣ разбитый, воротился къ отцу; а въ Россію, для скрѣпленія дружескихъ отношеній и, кажется, для уменьшенія цыфры уплаты за военныя издержки, присланъ былъ второй сынъ шаха Хозревъ-Мирза, хорошень-

кій юноша съ прекрасными глазами, такими большими и такими черными, что я помню ихъ понынѣ, черезъ 46 лѣтъ времени; помню, какъ много дамъ стояло въ сѣняхъ около лѣстницы, а мы дѣти подъ лѣстницей, въ Царско-сельскомъ дворцѣ, и какъ мы выскочили въ самую ту минуту, какъ онъ ступилъ на первыя ступени, такъ что никто не успѣлъ насъ удержать, и мы видѣли очень, очень близко, какъ онъ шелъ довольно скоро, оглядываясь на насъ и поднимая полы своего длиннаго кафтана, безъ особенной граціи, напоминая сельскаго причетника, поднимающаго стихарь свой въ крестномъ ходу. Говорили тогда, что онъ влюбился въ молоденькую Елену Бибикову, у которой глаза были почти такіе большіе и почти такіе черные, какъ у него самаго. Бѣдному Хозреву-Мирзѣ впослѣдствіи братъ его или племянникъ велѣлъ выколоть или вылущить его прекрасные глаза, чтобъ ему не пришло въ голову оспаривать престолъ. Но, когда именно это было, я не могу припомнить. За то живо помню, что въ 1828 году, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, мнѣ подарили въ день моего рожденія, вмѣсто ложи въ театрѣ, окошко, которое наняли для насъ, чтобъ смотрѣть, какъ шли войска гвардіи въ походъ на Турокъ, которымъ наконецъ была объявлена война.

Съ несомнѣнной вѣрою въ святость этого подвига Россіи и ея Царя, съ непоколебимою увѣренностію въ успѣхѣ, съ восторженной любовію къ Государю, исполнителю дорогой мечты моей, я смотрѣла на проходящіе полки, на блестящее на солнцѣ оружіе, на добрыя, веселыя лица солдатъ, на красивыхъ офицерскихъ коней, которые, какъ бы играя, весело махали и хвостомъ и гривою. Мы вспоминали между собою коня въ Іовѣ и всѣ описанія кавалерійскихъ атакъ, прочитанныхъ или слышанныхъ нами, и одна только блестящая, увлекательная сторона войны являлась нашему воображенію.

Скоро узнали, что самъ Государь ѣдетъ и Михаилъ Павловичъ; а Государыня и Елена Павловна тоже уѣзжаютъ на Югъ, чтобъ быть ближе къ мужьямъ своимъ, кажется въ Тульчинъ, великолѣпное имѣніе графа Потоцкаго.—Дашковъ ѣхалъ съ Государемъ при дипломатической канцеляріи.—Не смотря на нѣкоторыя частныя неудачи, война шла успѣшно, и въ Павловскѣ, гдѣ мы жили лѣтомъ, батюшка получалъ всегда свѣжія извѣстія изъ арміи чрезъ императрицу Марію Ѳеодоровну, и молебенъ за молебномъ извѣщалъ народъ о побѣдахъ. Къ этому году относится и первое знакомство наше съ молодыми членами Императорской фамиліи, о которомъ я уже писала, и первое представленіе императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Для насъ, дѣтей, это былъ золотой вѣкъ, но для людей во власти трудное время. Помню, что Государь думалъ отправить часть Польской арміи въ походъ, и мысль эта была также счастлива, какъ и справедлива: для Поляковъ удовлетворено бы было и самолюбіе личное, и славолюбіе національное. Война съ Турками для нихъ была народнымъ преданіемъ, священнымъ; а товарищество съ

Русскими, воинское братство въ дѣлѣ, равно симпатичномъ обѣимъ національностямъ, могло бы, можетъ быть, и вправду сблизить, если не слить насъ другъ съ другомъ. Великій князь Константинъ Павловичъ не согласился съ этимъ мнѣніемъ, хотѣлъ удержать, сохранить свою армію; и точно онъ сохранилъ ее въ цѣлости противъ себя и Россіи. Помню, что батюшка и всѣ наши друзья находили это большой, несчастной ошибкой; но положеніе Великаго Князя и отношенія Государя къ нему были такія особенныя, такія не нормальныя, что уступка желанію старшаго брата была необходима.

Какъ скоро Россія рѣшительно заступилась за Христіянъ, всѣ прежнія интриги, всѣ прежнія предательства возникли тотчасъ. Несмотря на тройственный союзъ, Англійское правительство, сберегая собственныя силы, не хотѣло идти на дальнѣйшія приключенія послѣ непріятнаго приключенія Наваринскаго и затягивало рѣшенія Лондонской конференціи. Каподистрія истощалъ силы свои и народныя въ борьбѣ съ лишеніями и затрудненіями денежными, для созданія такой арміи или хоть отрядовъ, съ которыми можно бы было, пользуясь войною въ Турціи, занять Греческія провинціи и дать помощь Кандіотамъ и острову Самосу. Обѣщанный заемъ все откладывался; чума открылась въ Паросѣ и Гидрѣ; Метернихъ своими консервативными фразами старался тайно поддержать Турокъ, а Англійскій кабинетъ заводилъ всевозможныя интриги противъ Россіи. Во Франціи сильная партія тоже проповѣдывала общую коалицію противъ насъ *), ту самую, которая въ наше время привела почти всю Европу подъ Севастополь и на Дунай. Одинъ изъ корифеевъ этой партіи была аббатъ Де Пратъ (De Pradt), увѣрявшій, будто въ какой-то изъ дипломатическихъ негоціацій, порученныхъ ему Наполеономъ I-мъ, онъ предлагалъ Россіи перейдти за Уралъ и сдѣлаться Азіатской державой, но Русское правительство заупрямилось и никакъ не хотѣло на это согласиться. Въ то самое время, когда относились такъ безцеремонно къ Россіи, Англія поддерживала Тунискаго и Алжирскаго беевъ: у нея заключены были съ ними договоры, по которымъ ея корабли плавали безопасно, между тѣмъ какъ ихъ корсары безнаказанно нападали на купеческія суда Франціи, Италіи, Германіи; а Швеція просто платила имъ родъ дани, чтобъ спасти свою торговлю отъ разоренія. Пираты, буканьеры, всякіе морскіе разбойники были не менѣе обыкновенны въ то время, какъ мелкіе мошенники и воры въ наши дни; и противъ такого порядка вещей Англія не допускала никакихъ общихъ мѣръ. Во Франціи однако наконецъ партія либерально-монархическая взяла верхъ въ камерахъ (въ концѣ 1827 года), и министерство Мартиньяка явилось золотымъ вѣкомъ Реставраціи. Внѣшняя политика тоже перемѣнилась, и министры уже не удерживали Карла X отъ дружескихъ отношеній къ Россіи и общихъ дѣйствій съ нею. Они отправили

*) Une coalition générale contre la Russie est urgente et possible (Общій союзъ противъ Россіи настоятеленъ и возможенъ).

небольшое десантное войско въ Морею подъ командою маршала Мезона (Maison). Тогда же была задумана и война противъ Алжира, которую вело уже министерство Полиньяка, а воспользовался ею Луи-Филипъ.

Морейская экспедиція не была кровопролитна; всю почти мѣстность занимали возставшіе Греки, которые, разумѣется, радостно братались съ Французами, и самъ Мезонъ шутя разсказывалъ, что вступленіе въ одинъ изъ маленькихъ городовъ тамошнихъ стоило его арміи одного солдата, убитаго какой-то старухой, бросившей въ него изъ окошка каменнымъ кувшиномъ. Важно было то, что Франція шла объ руку съ Россіей, и въ крайнемъ случаѣ Турція очутилась бы между двухъ дома своими преобразованіями, чтобъ принять дѣятельное участіе въ войнѣ. Хотя кампанія 1828 года не во всемъ была успѣшна, хотя чума уже явилась въ арміи, хотя, по обыкновенію, время и людей теряли въ осадахъ крѣпостей, и подъ Силистріей была неудача (со временъ Святослава Силистрія намъ причиняетъ бѣды), хотя первый приступъ на Варну былъ отбитъ Турками: однако ее взяли, и много было блистательныхъ дѣлъ для арміи Русской въ Турціи, и много благодарственныхъ молебновъ для насъ въ Павловскѣ, гдѣ мы принимали все къ сердцу съ неописаннымъ восторгомъ; а Николай Павловичъ сдѣлался любимымъ героемъ моего воображенія.

«Онъ шелъ—свѣтла его дорога;
«Въ душѣ любовь, въ деснидѣ громъ,
«Прекрасный, грозный, Ангелъ Бога,
«Съ огне-сверкающимъ челомъ».

Взятіемъ Варны кончилась первая кампанія, и Государь воротился въ Октябрѣ 1828 года.

Любопытно и поучительно вспомнить неизмѣнное противодѣйствіе, недоброжелательство и интриги Англіи и Австріи противъ Россіи (Австріи особенно) Князь Метернихъ съ необычайной страстностію, страстностію чуждой его общаго характера, почти съ безумной яростію, ищетъ союзниковъ противъ Россіи, употребляетъ всевозможныя средства, клевещетъ, преувеличиваетъ, раздуваетъ въ огромные размѣры всякую неудачную стычку, или показываетъ въ такомъ же громадномъ видѣ опасность для всего міра отъ нашихъ побѣдъ. Видя непоколебимость союза нашего съ Франціей, онъ наконецъ вмѣстѣ съ Англіей работаетъ и достигаетъ ниспроверженія министерствъ Мартиньяка и Лафероне. Съ Велингтономъ вмѣстѣ, они добиваются назначенія Полиньяка, и все это во имя охраненія монархическаго принципа, а въ сущности противъ Русскаго императора, которому съ другой стороны льстятъ и въ немъ заискиваютъ. Это и привело Луи-Филипа на престолъ и къ возстанію въ Царствѣ Польскомъ. Такъ отмстилъ Метернихъ Карлу X и Николаю Павловичу за то, что они честно и христіянски отнеслись къ Христіянамъ въ Турціи и не убоялись показать себя независи-

мыми отъ него и его политическаго вліянія. Съ какимъ чувствомъ читаешь депеши Поццо ди Борго, нечего и говорить. Въ концѣ Ноября 1828 года онъ пишетъ графу Нессельроде:

„A la résolution de l'Empereur Nicolas de se faire rendre raison du sultan par les armes, le p-ce de Metternich s'indigne et se conduit comme pour une révolte contre sa suprématie. Dès lors tout est mis en oeuvre par lui pour nuire à la Russie. Il s'adresse à l'Angleterre afin de l'armer contre l'Empereur, et il répète ses tentatives à chaque phase que les événemens lui présentent; il accrédite l'idée que tous les gouvernemens sont exposés à des révolutions intérieures, parceque la Russie veut obliger le sultan à observer les traités, et il parvient à en intimider plusieurs; il tente le ministère français, qui lui résiste, et lui suscite des querelles intestines à cause de cette résistance. D'un côté il flatte les Bonapartistes et les encourage à faire revivre la mémoire du fils de Napoléon, de l'autre il s'approprie la Gazette de France et la Quotidienne, représentantes prétendues du royalisme pur et des Jésuites, et ces feuilles soi-disant chrétiennes, devenues turques, versent dans le public un déluge d'injures et de faussetés contre nous. Ces vérités, monsieur le comte, n'échappent à personne ici; le ministère français en est convaincu; il me les répète et me les confirme sans cesse."

„J'étais convenu avec le comte De la Ferronays (пишетъ онъ въ другой Ноябрьской депешѣ 1828 г.) que j'entretiendrais le roi Charles X en particulier avant d'expédier le présent courrier. La présentantion de la lettre de notification de la mort de S. M. l'Impératrice-Mère, d'auguste et de vénérable mémoire, m'en a fourni l'occasion sans avoir recours à d'autres motifs extraordinaires. Après m'avoir témoigné combien il s'associait à la douleur qu'une si grande perte venait de faire éprouver à la famille Impériale, le roi entra lui-même en matière sur les affaires".

„Sa Majesté me dit qu'elle avait vu et entendu le duc de Mortemart avec le plus vif intérêt, et qu'elle avait appris avec satisfaction, d'un témoin aussi respectable et aussi compétent, le véritable état des choses et la réfutation complète de toutes les suppositions érronées qu'on s'était plu à répandre et à accréditer jusqu'à un certain point. Le roi, d'après la manière dont il s'est expliqué, apprécie les avantages remportés par l'Empereur durant la campagne qui vient de finir, et s'attend à ceux qui arriveront pendant celle qui suivra. En parlant de la politique de la France, Sa M. m'a répété qu'elle persistera dans celle qu'elle a adoptée, et par conséquent dans la résolution de rester unie à la Russie.—En parlant des éventualités qui pouvaient arriver dans le courant de l'hyver, le roi me dit: „Vous savez que nous envoyons „quelqu'un à Constantinople afin de disposer, s'il est possible, le sultan „à la paix et de lui remettre le protocole qui contient la garantie pro„visoire de la Morée et des Iles. Mais cet homme répétera à cette „occasion ce qu'il a dit dans les précédentes: Dieu a arrangé bien „d'autres affaires, et Il voudra aussi pourvoir à celle-ci". J'observai que cette conclusion était la plus probable, et que les insinuations auprès

d'un caractère tel que celui du sultan, au lieu de le porter à la réflexion, augmenteraient son orgeuil et le confirmeraient dans l'espoir que sa résistance lui amenera à la longue le secours de quelque puissance chrétienne; qu'au lieu d'envoyer à Constantinople, c'est à Vienne que les cours neutres devraient se faire valoir et menacer, parceque c'est du cabinet Autrichien que dérivent en grande partie les espérances fatales de la Porte, et toutes les prétentions et les contradictions qui agitent le public de l'Europe. Le roi, sans combattre cette observation et me donnant plutôt à croire qu'il la trouvait juste, me dit qu'en effet le p-ce de Metternich se trompait, parceque dans le cas d'une conflagration générale ou d'une lutte corps à corps avec la Russie, l'Autriche serait exposée aux plus grands dangers."

Въ другой депешѣ Поццо ди Борго говоритъ объ отношеніяхъ Австріи къ Англіи:

„Il est un autre plan que le duc de Wellington travaille à réaliser et au quel m-r de Metternich contribue, quoique avec moins de réserve et d'une manière plus active et plus tranchante. C'est le changement du ministère actuel en France et le rappel de m-r de Villele aux affaires. Le comte de Lieven *) me le mande en termes explicites, et je n'ai jamais douté du désir du duc de Wellington à cet égard, parcequ'il doit être convaincu, que sans avoir un instrument à la tête du cabinet de ce pays, il ne pourra jamais en obtenir la déférence qui lui serait nécessaire ou pour former une coalition contre la Russie, ou pour la priver de l'appui moral qu'elle en reçoit en attendant la coopération réelle qui pourrait avoir lieu dans le cas d'une guerre civile".

„L'arrivée de m-r de Polignac à Paris a coïncidé, selon ce que m-r De la Ferronays m'a dit, avec certains renseignemens que ce ministre s'est procurés et qui prouvent évidemment les intentions sinistres du p-ce de Metternich contre la France".

„Pour ce qui concerne la conduite de la France, Sa M. a dit ces propres paroles à m-r de Polignac: „Je veux rester uni à la Russie. Si l'Empereur Nicolas attaque l'Autriche, je me tiendrai en mesure et me réglerai selon les circonstances; mais si l'Autriche l'attaque, je ferai marcher immédiatement contre elle. Peut-être qu'une guerre contre la cour de Vienne me sera utile, parcequ'elle fera cesser les discussions intérieures et occupera la nation en grand, comme elle le désire".

Еще въ другой депешѣ читаемъ:

„Le ministère français est ébranlé par les relations sans doute exagerées sur nos pertes et le désordre qu'on suppose régner dans notre administration militaire; son existence s'en trouvera jusqu'à un certain point compromise à l'ouverture des chambres. Les intrigues de l'Autriche se multiplient. L'ambassadeur d'Angleterre les seconde, et si nous ne nous hâtons pas de remporter des succès, sitôt que la saison des opérations arrivera, nous risquons de voir ici des changemens qui rendront la continuation de notre influence plus difficile".

*) Нашъ посолъ въ Лондонѣ. *П. Б.*

Даже было поручено Метернихомъ графу Апони (послу при Французскомъ дворѣ) прямо предложить графу Лафероне союзъ для одновременнаго вмѣшательства трехъ дворовъ, Австріи, Англіи и Франціи, противъ Россіи въ дѣлахъ Турціи; но Лафероне, именемъ короля и министерства, отказался на отрѣзъ отъ этого предательства *). Тогда Австрія объявила, что порученіе не было дано графу Апони (on le désavoua).

Странно, что въ 1828-мъ году, какъ и всегда прежде, я слышала, какъ всѣ военные, между прочимъ Паскевичъ, говорили, что это большая ошибка останавливаться передъ крѣпостями Дуная вмѣсто того, чтобъ миновать ихъ и идти прямо на Софію, на Адріанополь и Царьградъ; и однако во всякую кампанію дѣлаютъ эту самую ошибку. Необходимо было исправить ее въ слѣдующую кампанію.

Между тѣмъ интриги Австріи продолжались, и графу Красинскому было поручено замѣтить Метерниху, что онѣ стали извѣстны Государю.

5-го Іюня 1829 года Красинскій писалъ изъ Вѣны: „Le 5 Juin, d'après les ordres de Votre Majesté (l'Empereur Nicolas) je me suis présenté chez le p-ce de Metternich. Il m'a amené dans son cabinet avec beaucoup d'empressement, et voici le résultat d'une conversation de quatre heures. „Vous m'avez dit, commença le prince, que j'ai reculé dans nos relations avec le cabinet de S-t Pétersbourg. Je vous dirai avec franchise que le bien-être de la monarchie Autrichienne, dont le cabinet m'est confié, m'intéresse plus que tout le reste, mais que je ne suis pas l'ennemi de la Russie pour cela. J'ai été contraire à toutes les innovations que l'empereur Alexandre a favorisées, parceque je craignais que le parti libéral qui profite de tout n'y trouvât un champ trop fertile à moissonner. La sainte alliance a été une alliance de vertus et de stabilité. Les affaires de Naples et de Turin en ont prouvé l'avantage, et dans beaucoup de circonstances qui n'appartiennent qu'au secret des cabinets, elle a eu les résultats les plus heureux en arrêtant dans leur naissance beaucoup de projets de destruction. J'ai été contraire à l'affranchissement de la Grèce, de la manière dont on s'y est pris, parceque je prévoyais que la guerre en serait le résultat. J'ai été contraire au départ des ambassadeurs des puissances de Constantinople, parceque ce départ, comme moyen coërcitif, ne pouvait faire l'effet qu'on en espérait sur le sultan, comme je suis encore contraire à leur retour, car je n'en prévois aucun bien, et je crois que l'Empereur Nicolas est sur ce point du même avis que moi. Cette affaire, mon cher comte, est extrêmement compliquée. Les cours de Londres et de Paris ne voient que l'affaire de la triple alliance; la cour de Pétersbourg voit deux affaires: l'une celle de la Grèce, l'autre sa guerre en Bulgarie. Celle de Constantinople ne fait de ces deux

*) Замѣчательно, что какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, либеральныя министерства, иногда, честно и дружелюбно относились къ Россіи, а тори и консерваторы (les Ultras et les Bonapartistes)—никогда.

qu'une seule affaire, et on ne lui persuadera jamais qu'on puisse séparer ces deux choses. L'Empereur Nicolas dit ce que vous nous répétez, qu'il ne veut point d'agrandissement, qu'il n'a aucun nouveau projet; et bien! que je sache quelles sont ses intentions? *)"

„Ici le p-ce de Metternich s'arrêta un moment comme pour lire l'impression qu'il avait faite sur moi. Puis il reprit: „Vous me dites que le bruit public est que ce que je vous dis est faux; que si nous ne donnons pas de secours matériels à la Turquie, nous lui donnons des secours moraux par l'espoir qu'elle met dans notre cabinet. Je vous dis encore que ce n'est pas vrai, car mes dépêches sont uniformes pour toutes les cours, et je dis toujours aux Turcs: „Cédez pour ce qui est de la Grèce, parceque l'on vous y forçera, et il vaut mieux le faire de bonne grâce qu'après avoir dépensé des millions d'hommes et des millions d'argent". Si j'avais la confiance de l'Empereur Nicolas, je lui dirais: „Sire! Votre Majesté peut avoir de Turcs ce qu'elle propose, et il vaut mieux le faire avant la dépense en hommes et en argent"..... Voyez quelles sont vos préventions: mon souverain envoie le comte de Ficquelmont à S-t P-bourg et dit dans sa lettre que son ambassadeur exprimera à votre Maître toute sa pensée; et si l'empereur Francois II dit au comte de témoigner un désir de repos et de paix, à son retour le courrier apporte une plainte de votre cabinet sur ce que l'Autriche propose une paix déshonorante pour la Russie".

Въ это время, въ 1829-мъ году, среди всѣхъ этихъ интригъ, Государь рѣшился оставить часть войскъ для наблюденія за крѣпостями и идти впередъ. Перешли Балканы. Дибичъ пошелъ къ Адріанополю; Киселевъ былъ отряженъ къ Софіи. Главная Турецкая армія, подъ начальствомъ сераскира, на голову разбита, и Адріанополь занятъ. И тутъ, почти у воротъ Константинополя, остановились. Тоже затрудненіе являлось, какъ и въ 1853-мъ году, когда сэръ Гамильтонъ-Сеймуръ не повѣрилъ словамъ Николая Павловича.

Отецъ мой часто говорилъ, что было составлено предположеніе, порученное Дашкову, о конфедераціи Греко-Славянской, даже съ допущеніемъ магометанскаго малочисленнаго княжества; но я не знаю, на какихъ основаніяхъ. Эта мысль или подобная, кажется, не покидала Николая Павловича. Всѣ совѣтники покойнаго Государя, всѣ его окружающіе такой мысли не понимали, или же отрицали неотлагательность рѣшенія такаго вопроса. А было такъ много дѣла и внутри Россіи, и за границей. Дни шли за днями, весь Западъ кипѣлъ и разлагался; умные люди пользовались этимъ разложеніемъ, чтобы присвоить себѣ кусочки, или даже большіе куски распадающихся державъ; а насъ запугивали опасностію революціи, которую сами эксплуатировали, а подъ часъ и въ самомъ дѣлѣ угощали насъ ею, т. е. взрывами своего издѣлія въ Польшѣ,

*) Врядъ ли и теперь какое либо правительство знаетъ, чего хочетъ съ Константинополемъ.

гдѣ эти ультра-консерваторы сей часъ же заступались за возстающихъ противъ насъ.

Не знаю, какъ смотрѣлъ на блистательныя мечты Дашкóвскаго плана государь Николай Павловичь въ концѣ своего царствованія, когда его втянули въ обманчивый союзъ Западныхъ державъ Европы. Въ дни его отважной молодости эта мысль, или нѣчто подобное, плѣняла его.

Но теперь рѣчь идетъ о Греческихъ дѣлахъ 1829-го года. Каподистрія только что успѣлъ справиться съ одолѣвавшими его обстоятельствами и поставить на военную ногу два отряда подъ начальствомъ Димитрія Ипсиланти и генерала Черча (Church), когда старые враги,—истинные враги Христіянъ Востока—представители Европейской дипломаціи, подняли плачь и вой, описывая будущіе ужасы рѣзни Христіянъ въ Константинополѣ; и тѣже самыя державы, которыя такъ спокойно смотрѣли на поголовное истребленіе Грековъ въ Царьградѣ, въ Ипсарѣ, Славянъ въ Сербіи, исполнились жалости и человѣколюбиваго участія къ сомнительнымъ страданіямъ въ будущемъ, какимъ могли подвергнуться нѣсколько десятковъ агентовъ Западной Европы и нѣсколько купцовъ, въ случаѣ приближенія нашихъ войскъ къ Турецкой столицѣ! Государь и наши уполномоченные повѣрили, и былъ подписанъ мирный договоръ, въ которомъ выговорены права́ на самоуправленіе Молдаванъ, Валаховъ и Сербовъ, однако какъ вассаловъ Порты; но объ Греціи было выражено неопредѣленно и предоставлено рѣшить на Лондонской конференціи, полную ли независимость выговорить ей и какія назначить ей границы. Общія дѣйствія трехъ державъ въ конечномъ выводѣ оказались тормазомъ для намѣреній Россіи въ пользу Грековъ, между тѣмъ какъ Русской кровію была куплена побѣда. Такимъ образомъ, даже въ наилучшихъ отношеніяхъ къ Европейскимъ союзникамъ, Россія оказывается все таки ихъ жертвой, только въ бóльшихъ или меньшихъ размѣрахъ.

Посланникомъ въ Константинополѣ былъ уже знаменитый своей ненавистію къ намъ сэръ Страдфордъ-Каннингъ (впослѣдствіи лордъ Редклифъ). Не помню, въ которомъ году мы видѣли его въ Петербургѣ; съ нимъ былъ маленькій сынъ; всѣ они были въ траурѣ, и намъ показали его какъ Англійскаго посланника въ Константинополѣ, врага Христіянъ православныхъ. Не знаю, прежде или послѣ его посольства въ Турцію это было. Не знаю тоже, почему Государь Николай Павловичь отклонилъ его назначеніе посломъ при себѣ. Редклифъ жестоко ему отомстилъ за это.

Послѣдствіемъ великодушія и умѣренности Русскаго правительства было, по обыкновенію, усложненіе тѣхъ дѣлъ, для устройства которыхъ дѣлались уступки. Еще въ концѣ 1828 года, 4000 Грековъ были прикомандированы къ Французскому войску, и Аѳины взяты вторично ими; но Англійскій посланникъ протестовалъ, и Французская армія остановила свои дѣйствія. Въ этомъ же году, въ Маѣ мѣсяцѣ, Греки съ своей маленькой флотиліей, во главѣ ко-

торой былъ ихъ единственный фрегатъ Гелласъ *), съ братомъ президента графомъ Августиномъ Каподистріей, осадили Лепанту, Миссолунги и Анатолико. Въ самое время, когда шли окончательные переговоры съ Турецкимъ комендантомъ Миссолунги для сдачи города, явился вдругъ Англійскій фрегатъ Мадагаскаръ, на которомъ находился лордъ Спенсеръ, уполномоченный Англійскимъ министерствомъ запретить блокаду Турецкихъ портовъ и требовать удаленія Греческой флотиліи; если же не согласятся, то употребить силу. Графъ Августинъ отвѣчалъ, что онъ исполняетъ только приказанія своего правительства, т. е. президента, и такъ какъ крѣпость къ вечеру должна сдаться, то онъ не сойдетъ съ рейда. Лордъ Спенсеръ отвѣчалъ, что если до вечера не будетъ подписана капитуляція, онъ принужденъ будетъ исполнить непріятное порученіе—выгнать силою Грековъ; однако лично будетъ очень радъ избавиться отъ такой необходимости. Къ вечеру точно крѣпость Миссолунги сдалась.

Но съ самаго Адріанопольскаго мира, когда опять воцарились мнимое спокойствіе и взаимная дружба великихъ державъ, когда дипломація взяла на себя рѣшеніе справедливое и гуманное Греко-Турецкой распри, началась опять невыносимая моральная пытка для Каподистріи, и онъ очутился одинъ, защищая Грецію: ибо, по обыкновенію, вѣжливости, обращенныя къ Русскому правительству, въ переводѣ на общечеловѣческій языкъ, были только ложь, зависть и двуличіе. Лондонская конференція тянулась и тянулась. Рѣшивши создать независимое королевство, стали оспаривать его границы и, какъ говорилъ Метернихъ, если допустить Христіянское государство на Востокѣ, то по крайней мѣрѣ такое зло допустить въ наименьшихъ размѣрахъ. Потомъ рѣшили, что избрать надобно короля изъ царствующихъ династій Европы; слѣдовательно тотчасъ же допустили рознь между нимъ и народомъ въ отношеніи церкви. Наконецъ рѣшили, что никто изъ участвующихъ въ союзѣ не долженъ допустить къ избранію члена своего дома. И тогда начали искать охотника на престолъ,—на всѣ лишенія, неудобства, затрудненія и даже опасности основателя династіи въ чужой землѣ, бѣдной, невѣжественной, слабой, окруженной врагами, встрѣченной недоброжелательствомъ даже тѣхъ, которые ей лицемѣрно благотворили! Можно ли удивляться, что такаго человѣка было трудно найдти. Лучше всего было избрать ребенка, присоединить его къ православной церкви и назначить Каподистрію регентомъ и воспитателемъ его. Но это было слишкомъ просто и удобно, и разумѣется стали выражать опасеніе, обидное опасеніе властолюбія въ регентѣ (и такомъ регентѣ, какъ Каподистрія!) и толковать о неудобствѣ малолѣтняго государя. Выборъ палъ наконецъ на принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго. Мы уже имѣли въ рукахъ его портретъ съ титуломъ короля Греческаго, который всюду продавался во время нашего путешествія въ Берлинъ.

---

*) Тотъ самый, который Міаулисъ самъ сжегъ потомъ въ началѣ бунта.

Но Каподистрія былъ слишкомъ честенъ, чтобы дозволить принцу, ему лично знакомому и имъ уважаемому, попасть, такъ сказать, въ западню и очутиться среди чуждаго народа, безъ всякихъ средствъ дѣйствія, безъ знакомства съ положеніемъ края. Онъ ему тотчасъ же написалъ всю правду, какъ зналъ и понималъ ее. Вотъ какъ Каподистрія относился къ этому выбору.

Le président de la Grèce à baron Eynard.

Napoli, 6 Avril 1830.

„Il était de mon devoir d'appeler avant tout l'attention du p-ce Léopold sur les difficultés que pourront rencontrer, je ne dis pas l'adoption, mais la mise à exécution des actes de la Conférence de Londres. La Grèce n'a qu'à obéir, et elle obéira. Mais ce n'est pas tout: elle doit aussi faire preuve de la gratitude que lui inspirent les nombreux bienfaits de ses augustes protecteurs, et j'aime à croire qu'elle remplira ce devoir d'une manière honorable. Elle placera desormais toute sa confiance dans les intentions nobles et paternelles de son souverain; elle le rendra dépositaire de ses voeux et de ses espérances, et ce sera à S. A. Royale à faire le reste".

Въ тоже время онъ писалъ къ принцу Леопольду:

Napoli, $\frac{26\ \text{Mars}}{7\ \text{Avril.}}$ 1830.

„Prince, la Providence n'abondonne pas la Grèce. Je trouve une nouvelle preuve de cette vérité dans les généreux sentimens qui ont porté Votre Altesse Royale à défendre les légitimes intérêts de ce pays, au moment où son sort est sur le point d'être décidé. (Онъ здѣсь входитъ въ подробности о положеніи Греціи и продолжаетъ:)

„Je vous supplie en conséquence de vous hâter d'arriver en Grèce. Dans une conjoncture si importante, personne, prince, ne pourrait essayer de remplir votre place, sans donner aux Grecs, aux puissances alliées et méme à la Porte, des motifs pour regretter votre absence".

„Pour moi, quoique accablé par les affaires, par l'inquiétude, je n'en continuerai pas moins à faire tous mes efforts pour justifier la confiance des Grecs et celle dont m'honore Votre Altesse Royale, et je m'estimerai heureux de remplir ce double devoir aussi longtems que ma santé me le permettra, et que Votre Altesse Royale agréera le faible hommage de mes services".

Между тѣмъ партіи въ Греціи неистовствовали болѣе нежели когдѣ нибудь, а у временнаго правительства не хватало денегъ на уплату жалованья солдатамъ; начальники отрядовъ волновались. Каподистрія уже разъ созвалъ въ Аргосѣ народное собраніе и, не смотря на всѣ козни враговъ его, огромное большинство, все настоящее народное, тѣсно сомкнулось и поддержало всѣ его предложенія, расширяя его полномочія цѣлымъ рядомъ постановленій, избирая его представителемъ, отдавая ему съ восторгомъ неограниченную власть, которую онъ самъ потребовалъ, чтобы собраніе уменьшило. Положеніе духовенства и разрушенныхъ церквей было плачевно, сношенія съ патріархомъ прерваны съ 1821 года; онъ умѣлъ постепенно все возстановить, завести духовныя училища, поднять

духъ священниковъ, начать переговоры о сношеніяхъ съ патріархами и заранѣе обезпечить посредничество и сочувствіе Русскаго Государя въ устройствѣ Греческой церкви, безъ разрыва съ Цареградской патріархіей. Но финансы были въ такомъ отчаянномъ положеніи, что, отдавъ уже все до послѣдняго собственное состояніе, онъ видѣлъ неотвратимую катастрофу народнаго банкротства. Въ теченіи четырехъ лѣтъ никакими мольбами, описаніемъ бѣдствій края, представленіемъ неизбѣжныхъ послѣдствій такого положенія, напоминаніемъ формальныхъ обязательствъ, взятыхъ на себя тремя державами, онъ не могъ добиться, чтобы выслали обѣщанныя субсидіи. Такое положеніе дѣлъ онъ не могъ и не хотѣлъ скрывать отъ принца Леопольда, котораго богатое состояніе должно бы было погибнуть въ пропасти народнаго безденежья. Принцъ не рѣшился на такія лишенія и невзгоды, на такой рискъ, на удальство своего рода этой экспедиціи, изъ-за пустаго титула королевскаго, безъ всего того что̀ можетъ создать или упрочить власть. Онъ предложилъ нѣкоторыя благоразумныя условія. Конференція отвѣчала:

Le 20 Fevrier. 1830.

„Présens: les plénipotentiaires de France, de la Grande-Brétagne et de la Russie".

„Les plénipotentiaires des trois cours alliées, se trouvant réunies, l'objet de la Conférence était de prendre connaissance de la réponse de S. A. R. le p-ce Léopold de Saxe-Cobourg, à la note collective qui lui a été adressée par les plénipotentiaires, conformément aux prescriptions du protocole № 2 en date du 3 Fevrier 1830. Après avoir examiné les observations présentées par le p-ce Léopold, à la suite de son acceptation de la souveraineté de la Grèce, qui lui a été offerte,— les plénipotentiaires de l'Alliance ont arrêté entre eux les résolutions suivantes, relativement aux cinq points indiqués dans la réponse de Son Altesse Royale:

1-o) Les intentions des trois cours sont conformes aux voeux exprimés par le prince à l'égard de la garantie du nouvel état Grec par les puissances signataires du traité. Les autres puissances seront invitées à y adhérer. 2-o) Les puissances alliées ne sauraient admettre le droit d'intervention du p-ce souverain de la Grèce, par rapport à la manière dont le gouvernement Turc exerce son autorité à Candie ou à Samos. Ces îles doivent rester sous la domination de la Porte et doivent être indépendantes de la nouvelle puissance que l'on est convenu d'établir en Grèce. Cependant les puissances alliées s'empressent de déclarer au p-ce Léopold pour la propre satisfaction de Son Altesse Royale, qu'en vertu des engagemens qu'elles ont contractés d'un commun accord, elles se croyent tenues d'assurer aux habitans de Candie et de Samos une sécurité contre toute molestation en raison de la part qu'il auraient prise dans les troubles antécedens. Dans le cas où l'autorité turque serait exercée d'une manière qui pourrait blesser l'humanité, chacune des puissances alliées, sans prendre toutefois un engagement spécial et formel à cet effet, croirait de son devoir d'interposer son influence auprès de la Porte, afin d'assurer aux habitans des îles

susmentionnées une protection contre des actes oppressifs et arbitraires: 3-o) La conférence a reconnu qu'il existait des obstacles insurmontables à revenir sur les décisions relatives à la démarcation des limites du nouvel état. 4-o) Les trois puissances sont résolues à assurer au nouvel état des secours pécuniaires au moyen de la garantie d'un emprunt que fera le gouvernement Grec, et dont le but sera de pourvoir à la solde et à l'entretien des troupes que le prince souverain se trouvera dans le cas de lever à son service. 5-o) Afin d'obvier aux difficultés temporaires que le prince souverain pourra éprouver avant que la levée de ses troupes soit effectuée, les trois cours consentent à laisser à la disposition de Son Altesse Royale, pour le terme d'une année, le corps français qui se trouve actuellement en Grèce".

Dans le cas qu'un plus long séjour de ces troupes fut jugé indispensable, les puissances s'entendraient avec le prince souverain pour condescendre à ses voeux".

Но принцъ былъ слишкомъ благоразуменъ и въ свою очередь отвѣчалъ учтивымъ отказомъ:

Londres. 21 Mai 1830.

„Après avoir réflechi aussi mûrement que possible, le soussigné ne peut changer ce qu'il a communiqué aux plénipolentiaires par sa note du 15 de ce mois. Dans de telles circonstances, le devoir du soussigné envers les Grecs est clair et parfaitement déterminé; il n'a eu dans toute cette négociation d'autre but que l'interêt du pays, comme on peut le voir par toutes les protestations qu'il a faites au ministère anglais et aux plénipotentiaires des puissances alliées contre tout arrangement qui contrarierait les désirs de la nation Grecque et qui détruirait les droits que lui ont assuré les grands sacrifices qu'elle a faits".

„Si le soussigné s'est flatté d'obtenir la haute distinction de devenir souverain de la Grèce, c'était dans l'espérance d'être reconnu librement et à l'unanimité par la nation et reçu comme un ami capable de récompenser ses longues et héroiques résistances, en assurant l'intégrité de son territoire et en établissant son indépendance sur une base solide et honorable".

„Le soussigné, vivement affligé de voir cette espérance s'évanouir, résigne donc formellement entre les mains des plénipotentiaires un titre que les circonstances ne lui permettent pas de garder plus longtems avec honneur pour lui-même, pour le bonheur de la Grèce, les avantages et les intérêts généraux de l'Europe".

„Léopold prince de Saxe".

Такимъ образомъ Греческое правительство оставалось по прежнему временнымъ. Лондонская Конференція не спѣшила другимъ выборомъ, и Каподистрія былъ предоставленъ въ жертву всѣхъ случайностей и всѣхъ партій, тѣмъ болѣе окрѣпшихъ, что Іюльская революція (Французская) вскружила голову старымъ властолюбцамъ и своекорыстнымъ поджигателямъ народа и молодежи.

Пошли всевозможныя подражанія Франціи, начиная разумѣется съ прессы.

Попытка, сдѣланная во время Байрона, возобновилась, и нашелся одинъ г-нъ Полизоидесъ, къ тому же лично обязанный графу Каподистріи и знавшій какъ нельзя лучше всю ложь имъ самимъ распространенную, который, однако, предложилъ свои услуги врагамъ его въ газетѣ: „Аполлонъ“, сдѣлавшейся органомъ недовольныхъ. Клевета за клеветой являлись на страницахъ этаго журнала, а Каподистрія не хотѣлъ унижать себя отвѣтомъ на такія наглыя выдумки. Однако его молчаніе, его презрѣніе, не всѣми были поняты. Calomniez, calomniez: toujours il en restera quelque chose. Увѣряютъ, что это аксіома Іезуитовъ; во всякомъ случаѣ есть много правды въ этомъ изрѣченіи. Кто повѣрилъ; кто хотя не вѣрилъ, но усумнился, смутился; а кто воспользовался, чтобы прикинуться, что вѣритъ.

Въ Гидрѣ бывшіе старшины (примасы) требовали для себя однихъ всѣ отбитыя у Турковъ земли, въ ущербъ остальному народу. Въ Майнѣ начались безпорядки, отчасти возбужденные Европейскими авантюристами. Петро Мавро-Михалисъ, бывшій при Туркахъ беемъ Майнотовъ, тайно выѣхалъ изъ Навпліи и сталъ во главѣ бунтующихъ, подъ предлогомъ заставить президента дать имъ конституціонную хартію, въ которой будто отказывалъ президентъ. Требовали участія въ законодательствѣ Майноты, эти люди безграмотные, необузданные, занимающіеся разбоемъ, какъ ремесломъ, не признающіе никакого закона, никакой нравственной силы. Каподистрія, человѣкъ своего вѣка, былъ тоже поклонникомъ Англійской конституціи; но онъ слишкомъ искренно желалъ такого образа правленія, чтобы подать народу однѣ ложныя формы вмѣсто сущности; онъ слишкомъ близко и хорошо изучилъ весь вредъ такой политической фальши, чтобы согласиться на нее для своего Отечества.

„Le gouvernement, писалъ онъ, ne peut en consience proposer à la „nation de charte constitutionnelle qu'à l'époque ou l'emprunt et la „mesure agraire auront fait circuler une nouvelle vie dans tous les „membres du corps politique *). Jusque là, toute charte est une for„mule dérisoire. Je mourrais plutôt que de tromper un peuple qui „m'a confié ses destinées, un peuple qui croit à mon dévouement“.

Но Лондонская Конференція не отвѣчала на его депеши. О давно обѣщанномъ займѣ и не упоминалось; часть субсидій, уже выданная Россіей и Франціей, неизвѣстно какимъ образомъ была пріостановлена и не доходила до Греческаго правительства. Это молчаніе въ Лондонѣ, разумѣется, ободряло всѣхъ мятежниковъ, всѣхъ агитаторовъ, подавая пищу злословію газеты, такъ сказать, офиці-

*) L'emprunt de 60 millions amortira les dettes de la nation, et déduction faite des sommes consacrées à ce but, fera circuler une masse de numéraire. Ce sera le moment de proceder à la distribution du sol reconquis sur les Turcs; et le gouvernement donnera des terres à une population capable de les rendre productives.

Capo d'Istrias.

альной, и приводило къ окончательному разоренію и нищетѣ само правительство, опекаемое Европой.

Тогда Каподистрія рѣшился ѣхать самъ въ Лондонъ, чтобъ лично добиться какого нибудь рѣшенія. Но оставить Грецію во время бунта было невозможно. Однако Мавро-Михалисъ, разбитый правительственнымъ войскомъ, сдался плѣннымъ; начальникъ Гидріотовъ, Каратасосъ обращенъ въ бѣгство. Казалось, волненіе улеглося; но президентъ не могъ согласиться на выдачу Гидріотамъ безъ всякаго пересмотра и контроля всѣхъ требуемыхъ ими вознагражденій и земель. Тогда старшины ихъ рѣшились на отчаянное дѣйствіе. Подговоренный ими знаменитый морякъ Міаулисъ отравился въ Паросъ, захватилъ находящіяся въ портѣ военныя суда, разграбилъ арсеналъ и съ своей добычей поплылъ въ Гидру. Нашъ адмиралъ Рикордъ, узнавъ объ этомъ похищеніи, отправился вслѣдъ за ними, объявляя блокаду Гидры, если не возвратятъ Греческому правительству захваченныхъ ими кораблей. Мятежники колебались; но адмиралъ Лаландъ, стоявшій тутъ же съ Французскимъ фрегатомъ, отказываетъ Рикорду въ содѣйствіи и, пользуясь такимъ разногласіемъ, пираты Міаулиса стрѣляютъ въ Русскій фрегатъ „Телемакъ“. Они однако тотъ часъ поняли послѣдствія такого буйства и рѣшились сами истребить добытую кровію Грековъ маленькую флотилію, единственно для того, чтобъ она не осталась правительству народному. Міаулисъ самъ зажегъ единственный линейный корабль (или фрегатъ) Греческій „Геллассъ“, а за нимъ спалили и всѣ мелкія суда. Этимъ отчаяннымъ взрывомъ кончился открытый бунтъ, уже вездѣ подавленный; но начался заговоръ худшаго свойства. Уже нельзя было и помышлять о поѣздкѣ въ Лондонъ. Президентъ долженъ былъ остаться въ Греціи; онъ рѣшился созвать новое народное собраніе, и не у одной или другой партіи, а у представителей всего народа потребовать одобренія или осужденія своихъ дѣйствій. Заговорщики хорошо знали, что такое собраніе будетъ новымъ торжествомъ для Каподистріи и рѣшились на низкое злодѣяніе, чтобъ избавиться отъ правителя слишкомъ честнаго и сильнаго для нихъ. Каподистрія видѣлъ во всѣхъ этихъ волненіяхъ много напускнаго, много иностраннаго. „Les Hydriotes ont voulu avoir aussi leurs journées, leur grande semaine *). Un esprit de vertige s'est emparé d'eux et travaille ce malheureux pays. Cependant les affaires se compliquent en Europe. Si par suite des événements qui ont tout changé en France, une guerre s'allumait, que deviendrions nous? — Dieu seul le sait! Quoiqu'il arrive, je ferai mon devoir;—et après tout qui vivra verra“.

Такъ писалъ онъ въ Августѣ мѣсяцѣ 1831-го года, полный заботою о родномъ краѣ, объ себѣ думая только какъ бы исполнить обязанности свои. Недолго ему должно было подвизаться на трудъ-

*) Относится къ хвастливымъ фразамъ Парижанъ: „les glorieuses journées, les journées de Juillet, la grande semaine“, какъ они называли свою уличную революцію 1830 года.

номъ поприщѣ своемъ! Заговорщики уже только искали случая покончить съ ненавистнымъ правителемъ посредствомъ убійства. Орудіе нашли они опять у Майнотовъ. Старикъ Мавро-Михалисъ, или какъ его по старому все называли Петро-бей, взятый въ плѣнъ въ вооруженномъ возстаніи, сидѣлъ въ крѣпости Навпліи, въ ожиданіи суда. Корыстолюбивый старикъ, передъ тѣмъ безпрестанно вымаливавшій у Каподистріи денежныхъ пособій, превратился на столбцахъ газеты „Аполлонъ“ въ невинную, безкорыстную жертву своихъ либеральныхъ стремленій и властолюбивой тираніи президента, мечтающаго о созданіи собственнаго самодержавія въ Греціи. Партія фанаріотовъ и партія Гидріотовъ воспользовались проволочкой слѣдствія надъ нимъ: ибо Каподистріи было больно казнить стараго вождя, отца двухъ сыновей, убитыхъ въ сраженіяхъ за родину. Такое чувство было непонятно для его враговъ; они видѣли тутъ опасеніе раздражить народъ и надѣялись, что на народъ подѣйствовали наконецъ ихъ клеветы и брань, что время было благопріятно для покушенія на жизнь главы правительства, потерявшаго свою популярность. Уже стали ходить слухи о заговорѣ противъ его жизни. Къ стыду окружавшихъ его, облагодѣтельственныхъ имъ, многіе изъ нихъ стали малодушно удаляться. Около него, обреченнаго на смерть, уже становилось пусто. Но вѣрные его друзья и прислуга не разъ предостерегали его отъ убійцъ. Онъ однако не хотѣлъ принять никакихъ мѣръ предосторожности и отвѣчалъ: „Меня хотятъ вѣроятно „запугать распространеніемъ такихъ слуховъ, но они не тревожатъ „меня. Я буду исполнять мою обязаность, а обязанностію моею „считаю противиться всѣмъ, кто хочетъ бунтовать и губить землю „нашу. Жизнь моя въ рукахъ Божіихъ, а смерти не боюсь; нерѣдко „она бываетъ для насъ часомъ избавленія.“

Для безстрашнаго гражданина, для смиреннаго Христіянина, Каподистріи, этотъ часъ уже былъ близокъ; какъ тать къ ночи, подходилъ онъ къ нему.

Сынъ Петро-бея, Георгій и племянникъ Константинъ Мавро Михалисы были менѣе старика виновны въ Майнотскомъ бунтѣ. Президентъ не счелъ нужнымъ арестовать ихъ, а только удерживалъ въ Навпліи подъ надзоромъ полиціи. Надзоръ этотъ оказался фиктивнымъ; отъ дѣйствительнаго подкупъ ихъ освободилъ. Они сами себя предложили для совершенія убійства, и предложеніе было принято съ радостію заговорщиками. Съ тѣхъ поръ (конецъ Августа мѣсяца) они уже поджидали удобнаго случая, встрѣчали его часто, но все какъ-то не удавалось исполнить иамѣреніе. Они знали, что Каподистрія всюду ходилъ одинъ, любилъ останавливатся, чтобъ вступать въ разговоръ съ простымъ народомъ и часто посѣщалъ церкви; знали, что онъ особенно любилъ молиться въ церкви Св. Спиридонія, особенно чтимаго на родинѣ его, островѣ Корфу. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ они рѣшились совершить свое неистовое дѣло безотлагательно, на паперти церковной. Два Воскресенья сряду они его поджидали у Спиридонія.... То нездоровье, то экстренныя дѣла его задерживали дома. Пришло 26-е Сентября, праздникъ Св. Іоанна Бо-

гослова. Они стали на свои мѣста и выжидали. Опять онъ не пришелъ, и они хладнокровно отложили свое преступленіе на слѣдующій день. Это былъ день воскресный, 27 Сентября. При Каподистріи состоялъ одинъ ветеранъ изъ Кандіотовъ, Георгій Кокони, потерявшій руку во время защиты Наварина. Этотъ преданный, вѣрный человѣкъ и одинъ солдатъ-ординарецъ составляли обыкновенно всю его свиту и конвой. Въ церковь онъ ходилъ пѣшкомъ. На Востокѣ, по крайней мѣрѣ тогда, былъ обычай начинать воскресную обѣдню передъ самымъ восходомъ солнца, какъ ранняя обѣдня бываетъ у насъ. И въ это роковое Воскресенье, какъ всегда, уже къ 6-ти часамъ утра стали сходиться богомольцы въ церковь Спиридонія Чудотворца; на площади, взводъ пѣхоты и артилерійская команда готовились къ церковному параду. Заря занималась на прозрачномъ южномъ небѣ; сквозь отворенныя двери виднѣлись свѣчи зажженныя внутри храма, гдѣ молился народъ; все смотрѣло такъ тихо, празднично, такъ ясно, такъ благоговѣйно. Убійцы заняли свои мѣста у крыльца на паперти. Пробило 6 часовъ. Каподистрія уже показался издали; онъ шелъ поспѣшно, чтобъ не опоздать, какъ всегда, въ своемъ знакомомъ намъ синемъ сюртукѣ, съ свѣтлымъ задушевнымъ взглядомъ, съ прямой, но непринужденной осанкой, спокойной походкой, хотя наканунѣ онъ получилъ предостереженіе объ ожидающей его опасности. За нимъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, шелъ его вѣрный Георгій Кокони. Увидавъ Мавро-Михалисовъ, онъ однако спокойно поднялся на крыльцо и въ отвѣтъ на ихъ поклонъ снялъ шляпу. Въ эту минуту, сбросивъ плащи свои, Константинъ выстрѣлилъ въ упоръ въ открытую голову его, а Георгій, выхвативъ изъ за пояса кинжалъ, кинулся на пошатнувшагося отъ первой раны правителя Греціи и нанесъ ему глубокую рану въ животъ. Бѣдный Кандіотъ его успѣлъ подбѣжать только, чтобъ принять тѣло его на свою единственную руку.

Такъ угасла мгновенно эта чистая жизнь; такъ отдалъ онъ духъ свой въ руки Отца Небеснаго, у порога храма Божія, въ молитвенномъ настроеніи, самъ мученикъ за Отечество, у вратъ церкви, посвященной мученику, заступнику его роднаго края. Каподистрія не боялся смерти, какъ говорилъ друзьямъ своимъ передъ этимъ, и она была такъ мгновенна, что онъ не успѣлъ страдать ни отъ физической боли, ни отъ нравственнаго мученія, отъ мысли, что погибаетъ рукою Грековъ, за которыхъ столько выдержалъ страданій, столько понесъ труда и заботъ, за которыхъ столько мучился даже въ самое это время. Смерть для него была „часомъ избавленія“, по его собственнымъ словамъ.

И вотъ, такимъ же тихимъ свѣтомъ утренней зари, и воскреснаго моленія, и теплящихся свѣчъ, былъ окруженъ нашъ Каподистрія въ послѣднюю свою минуту, какъ онъ всегда являлся и является въ моей памяти.

Выписываю теперь современныя извѣстія изъ газетъ и книгъ, черезъ которыя мы узнали о послѣдовавшемъ послѣ его смерти. Тутъ опять Европейская дипломація и даже начальникъ штаба Французъ-

ской арміи (уже не Карла X, а Луи-Филипа) отличались по своему обыкновенію; а Французскій лексиконъ Булье, который намедни я раскрыла для хронологической справки, оканчивая статью убійствомъ Каподистріи, прибавляетъ: au reste il passait pour être un agent de la Russie и какъ бы извиняетъ этимъ его убійцъ!

Услышавъ выстрѣлы, молящіеся выбѣжали изъ церкви, и Кандіотъ, увидя, что нѣтъ уже признаковъ жизни въ возлюбленномъ начальникѣ его, положилъ тѣло на землю и кинулся за Константиномъ Мавро-Михалисомъ. Первый разъ пистолетъ осѣкся; онъ выхватилъ другой и ранилъ бѣжавшаго въ поясницу, взывая въ тоже время къ народу схватить убійцу, отмстить за Отечество. Народъ бросился на Константина и растерзалъ его, а трупъ, привязавъ за ноги, поволокли по улицамъ и сбросили съ высоты берега въ море.

Соучастникъ его, сынъ Петро-бея, вмѣсто того, чтобы бѣжать по близости за городъ, быстро несется по площади прямо въ домъ Французскаго резидента (повѣреннаго въ дѣлахъ), стучится въ дверь и, черезъ минуту переговоровъ, дверь отворяется, и его принимаютъ подъ покровительство посольства. Между тѣмъ на скоро назначено регенство подъ предсѣдательствомъ брата умершаго, графа Августина Каподистріи; артилерійская команда только что успѣла принести тѣло убитаго президента въ домъ правленія, а полковникъ Алмейда (Португалецъ въ службѣ Греческой), комендантъ крѣпости, распорядился усилить караулы и прервать всѣ сношенія между портомъ и городомъ, какъ является генералъ Жерардъ *) съ своимъ штабомъ и держитъ рѣчь Греческимъ полкамъ, требуя въ тоже время отъ Сената, чтобъ его назначили временнымъ комендантомъ города. Ему отвѣчали, что есть уже временное правительство Греческое и не нуждаются въ посторонней помощи для охраненія порядка.

Тогда явились г-нъ Де-Руенъ, Французскій резидентъ и Англійскій г-нъ Давкинсъ, и на площади, во всеуслышаніе народа, стали рѣзко возставать противъ мѣръ, взятыхъ правительствомъ, чтобъ помѣшать бѣгству преступниковъ, настаивая на свои дипломатическія права, будто поруганныя запрещеніемъ всякаго сношенія съ морскими станціями, пока преступники не будутъ въ рукахъ властей. Не слушая никакихъ доводовъ полковника Алмейды, агенты Европейскихъ державъ наконецъ объявили, что они сейчасъ выѣдутъ изъ Навплія, если онъ не отмѣнитъ своихъ полицейскихъ распоряженій. Алмейда нѣсколько смутился; однако, помолчавъ немного, спокойно снялъ шляпу и поклонившись сказалъ имъ: „Тогда, добрый путь, господа! Уѣзжайте; а я все таки свою обязанность свято исполню.“

Разумѣется, они остались; но имъ не удалось помочь Мавро-Михалису скрыться бѣгствомъ на иностранномъ кораблѣ. Народъ, узнавъ, что его скрываетъ Французскій резидентъ, бросился къ его дому и въ бѣшенствѣ, съ крикомъ и проклятіями, потребовалъ выдачи зло-

*) Командовавшій Французскимъ войскомъ, вновь назначенный уже Іюльскимъ правительствомъ.

дѣя. Де-Руенъ наконецъ выдалъ его, не народу, разумѣется, но по требованію Сената.

„Негодованіе противъ Мавро-Михалиса всеобщее здѣсь (писали изъ Навпліи 29 Сент.) Говорятъ, что Константинъ, который былъ убитъ народомъ, былъ много обязанъ графу Каподистріи, который между прочимъ за него заплатилъ до 30,000 піастровъ долговъ, полтора года назадъ..... Главное чувство однако глубокая скорбь. Судъ надъ преступниками отложенъ, чтобъ дать время народному волненію и гнѣву утихнуть. Съ тоюже цѣлію отложено погребеніе тѣла президента, которое бальзамировали; но торжественное отпѣваніе будетъ послѣ казни убійцъ".

До Парижа печальная вѣсть дошла нескоро. Она вызвала глубокую скорбь въ другѣ Каподистріи Эйнарѣ. Вотъ его письмо: „Парижъ, 25 Октября 1831 г. Графъ Каподистрія убитъ! Написать эти слова я не могу безъ глубокой душевной скорби. Этотъ добродѣтельный человѣкъ, который все принесъ въ жертву своему Отечеству, самъ палъ жертвою личной мести (оказалось, что это была не личная месть, а злодѣйство политической партіи). Еще неизвѣстны подробности преступленія, лишившаго Грецію великаго гражданина, единственной вѣрной поддержки при Европейскихъ правительствахъ. Президентъ Греческаго правительства является въ наше время античнымъ лицемъ. Строгій, взыскательный къ самому себѣ, честности несравненной, никогда не выставляющій себя и свои добродѣтели на показъ, пренебрегающій клеветою, употребляющій все свое имущество на пользу Греціи, неустанно работающій на просвѣщеніе своей земли. Не знаю человѣка, который бы соединялъ въ себѣ столько прекрасныхъ качествъ. Умный, ученый, неутомимый, необыкновенно правдивый и прямодушный, съ большою простотою нравовъ, безъ малѣйшаго высокомѣрія, безъ притязаній на этикетъ, онъ съ этими общественными добродѣтелями соединялъ непоколебимую вѣру въ Промыслъ Божій. Свои письма, исполненныя заботой о народѣ Греческомъ, онъ почти всегда оканчивалъ словами: „Я однако не теряю надежды на наше будущее. Богъ такъ очевидно „охранялъ Грецію до нынѣ, что конечно сохранитъ ее и теперь." Вотъ еще нѣсколько строчекъ изъ послѣдняго письма, написаннаго превосходнымъ человѣкомъ, котораго оплакиваю: „Ни опасеніе интригъ „и тѣхъ, которые интригуютъ, ни опасеніе длинныхъ столбцевъ „нѣкоторыхъ газетъ, не заставятъ меня измѣнить моего направленія. „Пускай говорятъ и печатаютъ что хотятъ; въ концѣ концевъ человѣка будутъ судить не по тому что писали и говорили о его дѣйствіяхъ, но по самимъ дѣйствіямъ его и ихъ плодамъ. Эта увѣренность укрѣпляла меня, съ этими правилами прожилъ я въ свѣтѣ „до заката дней моихъ и не раскаявался. Я не могу подъ старость „измѣнить своихъ убѣжденій: буду исполнять долгъ свой по прежнему, что бы ни случилось."

„Личность Каподистріи была конечно одна изъ прекраснѣйшихъ личностей нашего вѣка, и преступникъ, который убилъ Каподистрію, убилъ вмѣстѣ съ нимъ Отечество". 8 (20) Октября, изъ Нав-

пліи пишутъ, что сынъ Петро-бея, убійца графа Каподистріи, осужденъ на казнь отцеубійцевъ: сперва должны отрубить ему правую руку по кисть, потомъ растрѣлять его. Двое изъ его сообщниковъ приговорены быть задѣланными по горло въ стѣнѣ, гдѣ ихъ будутъ кормить, пока они останутся живы". Этотъ дикій, по теперешнимъ понятіямъ нашимъ, приговоръ военнаго суда былъ однако смягченъ правительствомъ въ подробностяхъ. Кисти руки не отрубили у Георгія Мавро-Михалиса; просто разстрѣляли среди громкихъ проклятій народа, а другихъ приговорили къ пожизненному заключенію въ тюрьмѣ.

3 (15) Ноября изъ Навпліи: „Несчастный народъ очень хорошо понимаетъ, сколько онъ потерялъ со смертію Каподистріи. За то и горесть и бѣшенство, можно сказать, безграничны. Грецiя поголовно вооружилась. Трудно будетъ не допустить семейной (кровной) мести, удержать отъ междоусобій, хотя выборъ членовъ временнаго правленія хорошъ: Колокотрони, Колетти и меньшой братъ умершаго, графъ Августинъ Каподистрія."

Однако особенно важныхъ мятежей не было, хотя продолжались мѣстные безпорядки. Черезъ шесть мѣсяцевъ спустя, графъ Августинъ сложилъ съ себя должность члена правленія и увезъ тѣло знаменитаго брата съ собой на родину, въ Корфу, гдѣ похоронилъ возлѣ отца въ монастырѣ. Простая плита покрываетъ могилу, и надпись на ней гласитъ:

ГРАФЪ

ІОАННЪ КАПОДИСТРІЯ.

Въ концѣ Февраля Европа избрала на Греческій престолъ втораго сына короля Филеллина (Лудвига Баварскаго), Оттона, малолѣтняго, но Католика, и окружила его Баварцами.

Остальное не касается моего разсказа.

*

Я такъ много говорила о князѣ Метернихѣ и о его враждебномъ отношеніи къ Россіи, что, кажется, будетъ умѣстно здѣсь же записать впечатлѣніе, произведенное имъ на меня, когда я лично съ нимъ познакомилась. Это было въ 1847 году, когда я находилась временно при великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ въ Вѣнѣ. Во время предсмертной болѣзни великой княжны Маріи Михаиловны, живя въ Палаццо д'Есте по предложенію императорскаго Австрійскаго двора, Великая Княгиня часто видалась съ княземъ Метернихомъ; но я пріѣхала уже послѣ кончины Великой Княжны. Пріемовъ больше не было, и хотя я часто видала княгиню Меланію (жену его) и дочь Меланджерлъ (уменьшительное того же имени) по вечерамъ у насъ придворныхъ дамъ, но самаго князя мнѣ не случалось встрѣтить. Онъ въ то время болѣе нежели когда нибудь управлялъ Австріей, не только уже по иностранной политикѣ, но и по внутреннимъ дѣламъ.

Царствовалъ номинально императоръ Фердинандъ, добрый, кроткій, незлобивый ребенокъ пятидесяти-четырехъ-лѣтній. При немъ были назначены отцемъ его и предшественникомъ трое

опекуновъ: князь Метернихъ, графъ Коловратъ и графъ Фикельмонтъ. Коловрата я не знала, а хотя Фикельмонтъ былъ ума свѣтлаго, блистательнаго и обращенія самаго утонченнаго и благороднаго, однако въ этомъ тріумвиратѣ несомнѣнно держалъ скипетръ князь Метернихъ. Какъ ни антипатична была мнѣ его политика, все же онъ былъ замѣчательное историческое лице, съ огромнымъ вліяніемъ на свое время, въ своемъ государствѣ,—а государство это много имѣло вліянія на составъ Европейскихъ державъ, особенно въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Александра I-го, и начинало опять сильно дѣйствовать на иностранную политику Россіи въ это самое время (въ 1847-мъ году). Историческіе люди, дѣйствовавшіе къ добру или ко вреду человѣчества, всегда меня занимали. Мнѣ хотѣлось познакомиться съ Метернихомъ, и за нѣсколько дней до моего отъѣзда изъ Вѣны я сказала его дочери: je ne puis pourtant pas partir sans avoir fait la connaissance de monsieur votre père: avoir été deux mois à Vienne sans rencontrer le p-ce Metternich, c'est avoir été à Rome sans avoir vu le pape. Вѣроятно она передала эти слова отцу и дня черезъ два пріѣхала отъ имени матери звать меня къ нимъ обѣдать. Я нашла ихъ въ семейномъ кругу. Княгиня, еще красивая, оживленная, разговорчивая женщина, съ той искренностію въ выраженіяхъ, которая всегда привлекательна. Она была не первой молодости, но въ сравненіи съ мужемъ очень моложава; ихъ дочь, 14-ти лѣтняя Меланджерлъ, очень хорошенькая, но такого большаго роста и такъ развита физически, что на видъ ей было лѣтъ 18. Двѣ дочери князя отъ перваго брака: графиня Шандоръ и княжна Эрминія, симпатичной наружности, кроткой, болѣзненной, нѣсколько кривобокая. Сынъ отъ 2-го брака, въ послѣдствіи посолъ въ Парижѣ, Ришаръ, извѣстный болѣе эксентричностію и модной развязностью своей жены, нежели собственными качествами, а въ то время очень молодой, благовоспитанный и пріятный въ разговорѣ. Еще былъ тутъ домашній человѣкъ le chevalier Hügel, извѣстный всей Вѣнѣ и всему дипломатическому корпусу какъ пріятель князя, влюбленный въ княгиню, преданный всецѣло ихъ семейству, фактотумъ, cavaliere-servente, другъи распорядитель въ маленькихъ вещахъ, что-то въ родѣ принадлежности ихъ дома и тѣни княгининой. Положеніе его было странное: нѣкогда онъ влюбился въ молодую графиню Меланію Зичи-Ферарисъ, 16-ти лѣтнюю красавицу, своевольную, веселую, безпечную, нѣсколько дикую даже въ отношеніи къ откровеннымъ выходкамъ въ ея разговорѣ, чистую Маджарку совсею привлекательностію необузданнаго племени своего (Гюгель, должно быть, вообще нравился женщинамъ, судя по романическимъ приключеніямъ его, не только въ молодости, но и на старости лѣтъ, какъ свидѣтельствуетъ его женитьба). Какъ бы ни было, графинѣ Зичи онъ понравился, и они были помолвлены. Въ это время сильный, богатый, знатный князь Метернихъ во вторый разъ овдовѣлъ, и привыкшій къ исполненію воли своей всѣми, начиная съ своего государя и кончая иностранными дворами, онъ, не взирая на слово данное другому графиней Меланіей, предложилъ свою руку обворожившей его дѣвушкѣ—почти ребенку въ сравненіи съ нимъ. Родители

ея, въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, съ многочисленнымъ семействомъ, фамиліи не особенно знатной и безконечно развѣтвленной, изъ тѣхъ фамилій Венгерскихъ, которыхъ въ Австріи никакъ не ставятъ въ уровень съ имперскими графами, родители ея дали себя обольстить блескомъ такой знатной партіи, и Гюгелю отказано отъ обѣщанной уже руки дочери, но не отъ дома: какъ видно, женихъ и невѣста умѣли, внезапно и безъ особаго затрудненія, обратить любовь свою въ дружбу, оставаясь постоянно въ наилучшихъ отношеніяхъ въ теченіи долгихъ лѣтъ, безъ всякаго ущерба репутаціи княгининой.

Въ вечеръ, о которомъ вспоминаю, Clement Hügel (его звали Климентомъ, также какъ Метерниха) не обратилъ на себя моего вниманія ничѣмъ. Высокаго роста, среднихъ лѣтъ, довольно красивой и совершенно приличной наружности, человѣкъ, который очевидно принадлежалъ къ семейству или дому, онъ первый встрѣтилъ меня у дверей пріемной и поклонившись пошелъ за мной въ гостиную. Только когда княгиня его представила мнѣ, называя по фамиліи, я посмотрѣла на него съ любопытствомъ и не признала никакихъ наружныхъ свойствъ героя романа въ спокойныхъ, почти флегматическихъ чертахъ его. Въ послѣдствіи онъ довольно оживлялся въ разговорѣ, но не особенно. Словомъ, идеальнаго или поэтическаго не было тутъ ничего. — Въ гостинной, у продолговато-круглаго стола, съ разбросанными передъ нимъ газетами, сидѣлъ старый, но бодрый человѣкъ, съ правильными чертами, сѣдыми волосами, свѣжимъ, но неподвижнымъ лицемъ, въ бѣломъ высокомъ галстукѣ, настоящій типъ тогдашняго Англійскаго gentleman'а или общеевропейскаго англомана. Онъ всталъ, когда я взошла, и княгиня назвала его мнѣ. Высокаго роста, необыкновенно прямо и нѣсколько raide держался онъ и кланялся, хотя съ вѣжливостію лучшаго тона. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ подалъ мнѣ руку, и мы пошли въ столовую. Такъ вотъ этотъ дипломатъ изъ дипломатовъ, этотъ диктаторъ конгрессовъ, этотъ правитель великой державы къ царствованіе блаженнаго государя, вотъ этотъ—какъ бы сказать? — не врагъ, а завистникъ и злоумышленникъ Россіи, хуже открытаго врага; а все таки замѣчательное, историческое лице, преданное своему Отечеству и своимъ убѣжденіямъ и слѣдовательно не дюжинное и не презрѣнное. Въ своемъ разговорѣ, умномъ, но не блистательномъ (ибо онъ больше говорилъ изрѣченіями, поученіями, афоризмами) свои сужденія высказывалъ онъ какъ бы приговоры, на которые нѣтъ возраженія; во всемъ былъ верхъ приличія, образованности, умѣнія жить, какъ говорятъ по-французски (savoir vivre); но не было священнаго огня, не было этого самороднаго неуловимаго чего-то, что бьётъ въ разговорѣ нѣкоторыхъ избранныхъ людей и оживляетъ, и увлекаетъ, и пристаетъ, такъ сказать, къ собесѣдникамъ, возбуждая и въ нихъ живость и краснорѣчіе, дѣлая изъ разговора взаимный обмѣнъ остроумныхъ или сердечныхъ мыслей и чувствъ. Этого прелестнаго дара не было у князя Метерниха, и мнѣ казалось, что одно изъ двухъ: или, должно быть, онъ бралъ своей настойчивостію, хладнокровіемъ, самоувѣренностію; или че-

резъ долгіе годы деспотическаго управленія мыслію и волею другихъ онъ утратилъ свѣжесть впечатлѣній и воспріимчивость ума.

Все его окружающее относилось къ нему съ подобострастіемъ подчиненныхъ,—подчиненныхъ умомъ болѣе, чѣмъ положеніемъ. Сынъ слушалъ его почтительно; княжна Эрминія съ умиленіемъ, другія дочери и Гюгель съ уваженіемъ. Онъ говорилъ почти одинъ, почти какъ съ каѳедры, и только одна княгиня иногда вставляла свое слово или даже противорѣчила: иначе вышелъ бы длинный монологъ. Изъ этого обѣда я вынесла впечатлѣніе удовлетвореннаго любопытства, но вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то пустоты въ головѣ, похожей на скуку. Рѣшительно княгиня Метернихъ казалась мнѣ гораздо умнѣе мужа, при всѣхъ ея странностяхъ и парадоксахъ. Однако въ то время князь Метернихъ нисколько не ослабъ въ своей политической дѣятельности, ни въ своей ревности противъ Россіи. Въ концѣ 1846-го года, въ разговорѣ съ великой княгиней Еленой Павловной, онъ коснулся событія довольно важнаго для Россіи: основанія около Черновицъ Бѣлокриницкой епископской каѳедры для Русскихъ раскольниковъ, подъ предлогомъ, что это только новый примѣръ гостепріимнаго милосердія Австріи ко всѣмъ изгнанникамъ изъ своего Отечества. Великая Княгиня только спросила, откуда епископъ явился? Метернихъ съ торжествомъ объявилъ, что онъ самъ постарался объ этомъ и устроилъ съ Цареградскимъ патріархомъ, чтобъ дозволили бѣжать въ Австрію сосланному на покаяніе въ монастырь нѣкоему Амвросію, отрѣшенному отъ сана епископа за нѣкоторыя не весьма добрыя дѣла свои. „Охота вамъ“, сказала Великая Княгиня, будто не понимая поводовъ къ этой интригѣ. Метернихъ не утерпѣлъ. „Vous avez enlevé à l'église catholique deux millions de „Grecs unis, il y a quelques années; maintenant nous vous rendons la „pareille, en établissant un réfuge pour la propagande d'une secte „russe hostile à votre église *)“.

Сходства въ этихъ событіяхъ не было никакого: Уніатовъ мы не у Австріи отняли, возвращая ихъ своей древней церкви, а отнимали у Поляковъ равно враждебныхъ и намъ, и Австріи, и много, много что у папы. Слѣдовательно тутъ было чувство только зависти и желанія сохранить или даже умножить причины разлада внутри Россіи, желаніе помѣшать ея единству и спокойному управленію ея государей. Сама въ борьбѣ съ разнородными элементами, держащимися вмѣстѣ только династической связью съ императорами въ ихъ качествѣ королей мелкихъ земель, перешедшихъ въ видѣ приданаго Австрійскимъ эрцгерцогамъ, Австрія не можетъ искренно стоять за усиленіе Польскихъ надеждъ и стремленій, ибо эти стремленія были бъ ей самой въ ущербъ. Почему же негодовать и противодѣйствовать естественному ходу исторіи внутри Россіи, когда Русскія же населенія ставятъ преграду ополяченію Русскихъ, т. е. усиленію Польскаго, враждебнаго Австріи, вліянія? За такой политикой кроется (или скрывалось) не самосохраненіе, а необъятное властолюбіе, которое имѣло въ виду огромную Имперію, наслѣдство Римской и обладаніе отъ Рейна до Днѣпра, отъ Среди-

*) Сличи выше, стр. 112. *П. Б.*

земнаго до Чернаго моря, съ тѣмъ натискомъ на Балканскій полуостровъ, который всѣ Нѣмцы какъ сѣверной такъ и южной Германіи разумѣютъ подъ словами: „Drang nach Osten“. Какъ скоро Россія, съ законнымъ чувствомъ самосохраненія, отказывается играть имъ въ руку, такъ они считаютъ ее бунтовщицей противъ своихъ верховныхъ государей (западныхъ державъ), и всѣ они единодушно стремятся унять эту рабыню, эту parvenue, которая позволяетъ себѣ „смѣть свои сужденія имѣть“.

Въ томъ убѣдила насъ Крымская война, не смотря на то, что въ 1846-мъ году мы сдали Австріи Краковъ, а въ 1849-мъ сдали ей всю Венгрію.

Невольно возмущаешься духомъ при такихъ наглыхъ обидахъ родной землѣ; но тутъ же вспоминаешь, что на свою голову они призываютъ кару историческую, которая есть ничто иное какъ кара небесная.

Не ожидала я въ первыхъ числахъ Генваря 1847 года, когда познакомилась съ княземъ Метернихомъ, властелиномъ Вѣнскимъ, наказывающимъ Россію посредствомъ лже-епископа Амвросія въ Буковинѣ, что такъ скоро

«Громъ двойнаго наказанья
«Грянетъ надъ его главой.

Роковой для Запада 1848-ой годъ уже шелъ тихими шагами, сокрытый отъ человѣческихъ глазъ грознымъ призракомъ, вслѣдъ за начинающимся годомъ, со всѣми его неправдами и мелочными канцелярскими страстями и интригами. Въ это самое время скончался эрцгерцогъ Іосифъ, палатинъ Венгріи. Сынъ его эрцгерцогъ Стефанъ былъ любимецъ и баловень Венгерцевъ. Красивой наружности (что рѣдкость у Габсбургскаго дома), образованный, съ хорошимъ воспитаніемъ, вѣжливостью и любезностью, которыя безспорно составляютъ принадлежность эрцгерцоговъ Австрійскихъ, онъ, какъ видно, имѣлъ много внѣшняго блеска, ибо его считали весьма умнымъ, способнымъ и замѣчательнымъ человѣкомъ въ молодости; но онъ доказалъ потомъ, что онъ не доросъ до этой роли, которую сулили ему и отъ которой онъ конечно былъ не прочь. Онъ искалъ популярности и достигъ ея; но достигнувъ очутился передъ задачей далеко ему не подъ силу. Передъ этимъ онъ было хотѣлъ свататься къ Русской Великой Княжнѣ, но по словамъ самой императрицы Маріи Анны, они какъ бы не считали себя счастливыми лично имѣть ее въ императорскомъ семействѣ. Это семейство (или правительственный тріумвиратъ) побоялось, чтобъ изъ нея не сдѣлали знамени (on ferait d'elle, malgré elle, peut être,—un drapeau) т. е. православные Славяне Венгріи были бы слишкомъ ею обрадованы, слишкомъ бы подняли голову. Вышло однако на повѣрку, что Венгры-католики были поопаснѣе и особенно построптивѣе; а Славяне взяли себѣ въ знамя вѣрность до конца законному Государю, за что ихъ полки теперь обезоружили, имъ въ наказаніе, а бунтовщикамъ въ поощреніе.

Странныя вещи бываютъ на свѣтѣ! Правительство Австрійское въ 1847-мъ году, впрочемъ, боялось эрцгерцога Стефана и холостаго, безъ Русской жены. Венгерцы это знали и, не давъ времени Вѣнскому правительству распорядиться, сей часъ же въ Пештѣ собра-

лись и сдѣлали постановленіе испросить у короля своего, Императора, утвержденія на должность палатина намѣстника, избраннаго всею Венгріей, эрцгерцога Стефана; между тѣмъ подъ рукою было дано знать, что если эрцгерцогъ не будетъ утвержденъ, то они выберутъ уже своего человѣка, частнаго, изъ опозиціонныхъ членовъ сейма, кажется графа Сечени, но не помню хорошенько. Это прошеніе было получено вечеромъ въ Вѣнѣ, и его считали дѣломъ такимъ важнымъ, что Метернихъ собралъ своихъ двухъ товарищей, не взирая на поздній часъ, и въ этомъ тайномъ совѣщаніи рѣшились утвердить избраніе эрцгерцога Стефана, потому что все же онъ эрцгерцогъ и Нѣмецъ; а не то обойдутся безъ всякаго принца и возмутъ такого члена сейма, что не дай Богъ имѣть съ нимъ дѣло.

Курьеръ съ согласіемъ на выборъ въ туже ночь былъ отправленъ. Не даромъ впрочемъ правительство опасалось Венгерцевъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, эрцгерцогъ оказался недовольно податливъ; партіи ожесточились; Славянъ насильно хотѣли омаджарить; отъ Вѣны требовали не только признанія широкой автономіи, но рѣшительнаго преобладанія Венгріи надъ всей Имперіей, и въ слѣдующемъ 1848-мъ году эрцгерцогъ Стефанъ былъ принужденъ удалиться. Кошутъ сталъ во главѣ открытаго бунта и междоусобной войны. Извѣстно, что вмѣшательство Россіи тогда спасло Австрію, которая однако сдѣлалась сторонницей ея враговъ. А когда весь строй Европейской измѣнился, все таки опасаясь, остерегаясь Россіи и ея вліянія, правительство Австрійское бросилось въ объятія революціи, сдѣлавшейся всеобщей почти въ Европѣ, и нынѣ черезъ 28 лѣтъ въ ея объятіяхъ пока и почиваетъ подъ фирмою дуализма, съ однимъ изъ главныхъ политическихъ заговорщиковъ того времени въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Недавно пріѣзжалъ онъ и въ Россію удостовѣриться, какъ призрачны были опасенія Русскаго вліянія 1847 года.

Разумѣется уже роль Метерниха была кончена; ему даже пришлось спастись если не бѣгствомъ, то по крайней мѣрѣ поспѣшнымъ отъѣздомъ изъ Вѣны. Гюгель способствовалъ ему и семейству его переѣхать въ Англію. Но это была уже лебединая пѣснь его долговременной, преданной дружбы или любви. Онъ уѣхалъ назадъ, остался на службѣ, сдѣлался посланникомъ при Флорентійскомъ дворѣ, гдѣ и женился.

Время шло, волненія нѣсколько стихли, и Метернихъ, уже какъ частный человѣкъ, воротился въ Вѣну и поселился въ своей Villa на Ландштрасѣ. Тамъ я повидалась съ нимъ еще разъ. Это было именно въ томъ же 1852-мъ году, когда я первый разъ была въ Италіи, и Верона меня такъ прельстила. Метерниха свергнутаго съ своего пьедестала, лишеннаго не только власти, но всякаго значенія для новаго поколѣнія, намъ нельзя было не посѣтить: показалось бы, что мы чуждаемся его въ опалѣ, знавши его офиціально, во дни его почти самодержавной власти.

Опять поѣхала я, на этотъ разъ съ батюшкой, обѣдать къ нему и опять застала его, точно какъ прежде, за большимъ овальнымъ столомъ, съ разбросанными передъ нимъ газетами, старымъ, но не постарѣвшимъ, такимъ же бодрымъ, съ такими же сѣдыми волосами не особенно побѣлѣвшими, съ такимъ же свѣжимъ и неподвижнымъ ли-

цемъ, въ такомъ же высокомъ, бѣломъ галстукѣ, обсуживающимъ съ такимъ же хладнокровіемъ дѣла, въ которыхъ онъ уже не принималъ участія, но о которыхъ также рѣшительно произносилъ безапелляціонный приговоръ. Но этотъ разъ его спокойное, хотя можетъ быть не безпристрастное отношеніе къ политическимъ партіямъ, отъ которыхъ все же пострадалъ онъ немало, меня очень поразило и возвысило его въ моемъ мнѣніи. Ни малѣйшей горечи, никакого завистливаго или оскорбительнаго намека, не слыхать было отъ него. Онъ являлся въ самомъ выгодномъ свѣтѣ; какъ говорятъ Французы, il était beau joueur, il avait joué une grosse partie et l'avait perdue. Онъ не сердился и даже отдавалъ справедливость умѣнію противниковъ-игроковъ, хотя попрежнему считалъ свои сужденія непреложными. Было много достоинства во всемъ этомъ, и очевидно, если онъ ошибался въ своей политикѣ и былъ неразборчивъ въ средствахъ, то по крайней мѣрѣ цѣли его не были личныя, и онъ служилъ чему-то выше собственнаго интереса. Не такъ спокойно относилась княгиня Метернихъ къ недавнимъ событіямъ. Она уже прежде страдала опасной женской болѣзнію; эта болѣзнь усилилась и сдѣлалась мучительной: талія была изуродована; лице, еще миловидное и подвижное въ своемъ выраженіи, потеряло свою красоту, налилось и пожелтѣло; она казалась почти ровесницей своего мужа. Неблагодарность мнимыхъ друзей, нападки враговъ и ихъ журналистики, измѣнившееся положеніе и съ нимъ измѣнившіяся отношенія многихъ и многихъ людей, къ тому же забота о судьбѣ дочери, которая уже не могла разсчитывать на блистательную партію по прежнему и которую боялись оставить послѣ себя непристроенной, все это сказалось тяжело на бѣдной княгинѣ Метернихъ, балованной счастіемъ и легкими успѣхами до тѣхъ поръ. Но къ мужу княгиня какъ будто еще болѣе привязалась и очевидно съ такимъ же благоговѣніемъ относилась къ его уму и характеру. Вообще она была для меня всегда очень симпатична. Дочь ея Меланджерлъ, уже взрослая дѣвушка, невѣста, была по прежнему хорошенькая и свѣжая, но какъ-то присмирѣла, какъ бываетъ съ слишкомъ бойкимъ ребенкомъ. Гюгеля уже не было, но какой-то другой господинъ занималъ его неопредѣленное, но видное мѣсто въ домѣ, и двое-трое близкихъ людей обѣдало съ нами. Такъ мало было разницы въ обстановкѣ, что можно было думать, будто ничего не случилось съ 1847 года. Самъ же хозяинъ рѣшительно выросъ въ моихъ глазахъ. Это спокойное, холодное, бодрое лице,—историческій типъ недавняго прошедшаго, осталось такъ самостоятельно и твердо, среди развалинъ обрушившагося вокругъ него міра, міра политическаго, почти созданнаго имъ, что нельзя было не отдать ему должной чести, не признать въ немъ почтеннаго человѣка, ошибавшагося въ средствахъ, но глубоко убѣжденнаго въ своихъ началахъ. А въ тоже время чувствовался какой-то душевный трепетъ передъ этимъ живымъ примѣромъ грознаго приговора, исполнившагося надъ нимъ, приговора божественнаго Промысла, за грѣхъ двоедушія и коварства, который такъ долго почитаемъ былъ въ наукѣ политической верхомъ человѣческой ловкости.

(*Продолженіе будетъ*).

Воспоминанія графини Антонины Дмитріевны Блудовой *).

Конецъ 1831 года.

Хотя въ письмахъ нашихъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, которыя уцѣлѣли, не упоминается болѣе о Каподистріи, я однако очень помню скорбный интересъ, съ которымъ мы слѣдили въ газетахъ за подробностями, относящимися къ его смерти и какъ я опять впала въ унынie, которое у меня всегда соединялось съ омерзѣніемъ къ выѣзду въ большой свѣтъ. 3 (15) Ноября 1831 года я писала батюшкѣ:

«Сколько ужъ прошло почтъ, что̀ я пишу къ вамъ не по страницамъ, а по строчкамъ, и всему виновны визиты, страшные зимніе, безпрерывные визиты, которыхъ кругъ похожъ на тѣ кольцеобразные круги, коими представляютъ вѣчность: имъ нѣтъ конца, да и начало вспомнить невозможно. Прошлую недѣлю мы всю провели въ разъѣздахъ, а на нынѣшней неумолимые Нѣмцы отплачиваютъ намъ avec usure [1]). Я нападаю на Нѣмцевъ; но, вѣроятно, было-бъ тоже самое и въ Петербургѣ: всякое счастіе, всякое веселье зависитъ отъ насъ самихъ, отъ расположенія нашего духа, а мой духъ..... что-то все мраченъ. Я однакожъ не хочу жаловаться, вопервыхъ потому, что, не смотря на мнимо-веселыя лица, могу часто замѣтить, что на глаза другихъ людей, какъ и на мои, навертываются слезы. Вотъ еще сегодня графиня Бутурлина (предобрая, милая женщина) была у насъ и разговаривала, и смѣялась, а ужъ какъ у нея глаза были красны: ея братъ Понятовскій въ гусарскомъ полку, и семейство не имѣетъ о немъ никакихъ вѣстей. Бѣдная! Я счастливѣе ея. Не буду жаловаться, напротивъ буду стараться съ благодарностію принимать все печальное, что̀ Богу будетъ угодно послать. Кромѣ вѣрныхъ утѣшеній вѣры, я имѣю другое великое утѣшеніе, которое немногимъ дается: я имѣю драгоцѣнныя ваши письма. То, что̀ вы пишете о сестрахъ misses Burney и все-все, что̀ вы пишете къ намъ..... Знаете ли, я было попыталась, по примѣру сестры и братьевъ, писать стихи; но это вышло такъ смѣшно и неудачно, что я должна придерживаться

*) См. Р. Архивъ 1875, II, 182. Читатели припомнятъ, что графиня А. Д. Блудова, въ то время, къ которому относится эта часть ея воспоминаній, находилась съ матерью своею, сестрою и братьями въ Берлинѣ, а отецъ ея (впослѣдствіи графъ) Д. Н. Блудовъ оставался въ Петербургѣ, въ должности статсъ-секретаря. П. Б.

[1]) Съ лихвою.

à la vile prose [2]), какъ говоритъ Вольтеръ. Мнѣ кажется однако, что онъ ошибается: есть такая прекрасная проза! Напримѣръ, конечно, стоитъ его стиховъ проза Шатобріана. Я думаю, Вольтеръ такъ говорилъ, впрочемъ, въ пророческомъ предчувствіи прозы Луи-Филиппа. Читали-ли вы его вялое письмо къ Жерарду? Оно напечатано въ Gazette de France, какъ нарочно въ столбцѣ противъ вашего манифеста [3]). Признаюсь, это польстило моему самолюбію, какъ дочери и какъ Русской; мнѣ было дорого читать эти прекрасныя, благородныя слова, писанныя отцемъ моимъ отъ имени Государя. Послѣ взятія Варшавы, я про себя сочиняла манифестъ, разумѣется, мысленно только. По слогу онъ конечно не подходилъ къ вашему, но мысли были почти тѣже: только я говорила очень ясно и откровенно Полякамъ, что имъ слѣдуетъ остерегаться и не довѣрять иностранцамъ, которые всегда стараются поселять раздоръ между Славянами, потому что они боятся той грозной силы, которая составилась бы изъ нашихъ воинственныхъ племенъ, если бы они всѣ дружно соединились».

Я тогда воображала, что Славяне въ самомъ дѣлѣ воинственны; но, исключая Сербовъ и, можетъ быть, Поляковъ, между нами драчуновъ нѣтъ, и хотя въ случаѣ нужды мы, всѣ Славяне, храбро сражаемся и стойко защищаемъ нашу землю и вѣру, но мы въ сущности самое смирное и кроткое племя, и именно отъ того (Стурдза увѣряетъ) мы такъ расширяемъ свои владѣнія, «что кроткіе наслѣдятъ землю».

Возвращаюсь къ письмамъ отца моего. «7 (19) Ноября 1831. Государь все еще въ Москвѣ; къ завтрему, какъ слышно, готовятъ большой балъ и ожидаютъ имянинника, великаго князя Михаила Павловича. Великій Князь Наслѣдникъ долженъ выѣхать изъ Москвы во Вторникъ и слѣдственно въ будущую Пятницу или Субботу будетъ здѣсь. Вскорѣ послѣ 20-го мы надѣемся увидѣть и Государя, и Императрицу. Между тѣмъ они оба продолжаютъ быть очень довольны своимъ пребываніемъ въ древней нашей столицѣ, и она отъ нихъ въ восторгѣ. Тамъ была выставка Русскихъ издѣлій и, какъ сказываютъ, прекрасная. Ты, вѣроятно, уже знаешь по газетамъ или слухамъ, что генералъ Ермоловъ принятъ въ службу: это очень порадовало Москву, коей онъ былъ почти постояннымъ жителемъ со времени своей отставки. Да вотъ еще вѣсть оттуда-же: Государь купилъ домъ, принадлежащій вмѣстѣ графу Юрью Головкину (новому оберъ-камергеру) и вашей пріятельницѣ графинѣ Брюжъ, не знаю, за какую цѣну; но слышалъ, что этотъ домъ великолѣпный и красивый, хотя деревянный, назначается въ подарокъ, вѣроятно завтра, великому князю Михаилу Павловичу, которому онъ очень полюбился прошлаго года, когда онъ пилъ въ Москвѣ искусственныя Карльсбадскія воды».

«14 (26) Ноября 1831. Надѣюсь, что гр. Брюжъ доѣхала благополучно, не смотря на Самогитскихъ разбойниковъ, которыхъ она сильно боялась. Благодаря бывшимъ смятеніямъ, лѣса въ сѣверной части

[2]) Презрѣнной прозы.

[3]) Т. е. манифеста послѣ усмиренія Польскаго возстанія. Большинство манифестовъ въ царствованіе Николая Павловича было писано графомъ Блудовымъ.

Литвы доселѣ наполнены шайками вооруженныхъ бродягъ: они иногда врываются и въ Курляндію, и не очень давно разбили мызу графа Петра Палена. Это chouannerie, только не въ пользу законнаго государя. Новый временный губернаторъ князь Долгорукій теперь объѣзжаетъ Самогитскій уѣздъ Виленской губерніи, чтобы принять мѣры для прекращенія безпорядковъ. Балъ князя Голицына, попечителя Московскаго Университета и Воспитательнаго Дома, остановилъ Наслѣдника въ Москвѣ на два лишніе дня. Я, кажется, уже писалъ тебѣ, что домъ графини Брюжъ купленъ; вѣроятно, что за него заплатили щедро, да ужъ конечно не ту цѣну, которой онъ стоилъ своему первому хозяину, чудаку графу Головкину [4]). Вы узнаете изъ газетъ, что въ Москвѣ сдѣлана новая статсъ-дама, Муханова, и еще нѣсколько фрейлинъ, въ томъ числѣ одна Петербургская и будущая Берлинская, Аглая Рибопьеръ».

«18 (30) Ноября 1831. Новаго у насъ только пріѣздъ Великаго Князя Наслѣдника, который возвратился изъ Москвы четвертаго дня ввечеру. Государя и Государыню мы ожидали къ 25 нынѣшняго мѣсяца. Государь возвращается черезъ Ярославль и Тихвинъ; такъ по крайней мѣрѣ мнѣ сказывалъ вчера пріѣзжій изъ Москвы, графъ Орловъ».

«Есть еще новость, которая здѣсь никого не удивила, вѣроятно не удивитъ и васъ, какъ всѣми давно ожидаемая. Княгиня Ловичь, послѣ страданій, которыя продолжались почти безпрестанно нѣсколько лѣтъ и безпрестанно же усиливались въ теченіи послѣднихъ мѣсяцевъ столь для нея горестныхъ, наконецъ вчера 17 (29) Ноября, ровно черезъ годъ послѣ Варшавскаго бунта, скончалась въ Царскомъ Селѣ. Сказываютъ, что она погребена въ тамошней Римско-Католической церкви. Перевезти ее въ городъ, куда она нѣсколько разъ собиралась, было невозможно за совершеннымъ изнеможеніемъ силъ ея. Съ Сентября она, такъ сказать, ежеминутно умирала. Князь Долгорукій объявилъ мнѣ на сихъ дняхъ, что онъ скоро поѣдетъ въ Берлинъ; надѣюсь отправить съ нимъ что-нибудь, а вы par contre пришлите ко мнѣ le Nouveau diable boiteux, который уже вышелъ и, кажется, перемѣнилъ имя: его называютъ, если не ошибаюсь, Paris или l'ouvrage des 121».

Это точно былъ сборникъ сочиненій сто одного или 121 извѣстнѣйшихъ Французскихъ литераторовъ. Онъ послужилъ образцомъ, или подалъ мысль къ составленію Русскаго Сборника въ пользу книгопродавца Смирдина подъ названіемъ: Сто Русскихъ литераторовъ.

Это письмо разъѣхалось съ моимъ отъ 22 Ноября (4 Декабря) изъ Берлина.

«Мы наконецъ получили 1-й томъ Diable boiteux; все это время не могли его добиться, потому что г-нъ Шлезингеръ [5]), выписавъ только одинъ экземпляръ, изволилъ его перепечатывать прескверно; но, не пустивъ Парижскихъ въ продажу, продаетъ свои такъ дешево,

---

[4]) Недавно домъ этотъ сгорѣлъ; рядомъ съ нимъ воздвигнутъ Лицей Цесаревича Николая.

[5]) Одинъ изъ главныхъ Берлинскихъ книгопродавцевъ.

что, того гляди, самъ Луи-Филиппъ, изъ страсти къ экономіи, станетъ выписывать всѣ Французскія книги изъ Берлина, запасшись однако терпѣніемъ: ибо Шлезингеръ не скоро ихъ перепечатываетъ. Разсказавъ про наружную форму книги, остается поговорить и про внутреннія ея достоинства. Я еще не успѣла всего прочесть, но до сихъ поръ мнѣ кажется, что это въ родѣ басни о горѣ и мыши. Le palais royal de m-r Roch такъ скучно, что мы и окончить не могли, потомъ слѣдуютъ Беранже стихи: «Châteaubriand, pourquoi partir?» и Шатобріановъ отвѣтъ. За этимъ слѣдуетъ «Политическая неблагодарность» г-на Жуи; начинается она банальными фразами о неблагодарности народовъ. Это впрочемъ справедливо, но вдругъ онъ называетъ Шарлотту Корде героинею, совершившею дѣло прекрасное, превосходное, добродѣтельное, свыше всякой похвалы, и сердится, что ей не поставили еще статуи съ надписью: «plus grande que Brutus». Я конечно Марата не долюбливаю, но еслибъ онъ еще вдесятеро злѣе былъ и жилъ бы также долго, какъ самъ Лафайетъ (у котораго, я право, думаю, жизней девять, какъ у кошекъ, состоящихъ на службѣ у вѣдьмъ, по старинному повѣрію), и тогда бы убійство мнѣ казалось убійствомъ, т. е. преступленіемъ, а Шарлотта Корде и Брутъ достойными жалости, а не благоговѣнія».

«Г-нъ Жуи продолжаетъ выставлять другіе примѣры неблагодарности народной и, переходя отъ одной революціи (1793) къ другой новѣйшей (1830), отъ умершихъ къ живымъ, защищаетъ всѣхъ главныхъ приверженцевъ Орлеановъ, и совсѣмъ неожиданно оканчиваетъ статью краснорѣчивымъ похвальнымъ словомъ самому себѣ!»

«Есть еще описаніе славнаго праздника, даннаго королю Неаполитанскому тогдашнимъ герцогомъ Орлеанскимъ (Луи-Филиппомъ), и Сальванди такъ подло льститъ ему въ этой статьѣ, что хочется сказать, какъ mr de Montalivet, Французскій министръ, выразился намедни въ камерѣ: «Cela me fait mal au coeur», что̀ кажется не совсѣмъ изящно для говорящаго съ каѳедры».

Около этого времени случились какіе-то безпорядки довольно серьезные въ Бристолѣ, не припомню, что̀ именно; но матушка писала:

«28 Октября ст. ст. 1831. Ты увидишь вѣроятно изъ̀ газетъ, что̀ происходитъ въ Бристолѣ; пришла очередь и Англіи, Англіи, которая вмѣстѣ съ Франціею хотѣла управлять и давать законы всей Европѣ. Я сегодня ввечеру видѣла Чадда (Chadd, Англійскій министръ) у Люксбурговой, и хотя онъ старался, по обыкновенію, смѣяться и шутить, однако скоро уѣхалъ. Какъ бы Англичанамъ не пришлось сочинять протоколы о самихъ себѣ».

Вѣроятно это было не болѣе серіозно, какъ то что̀ сегодня (27-го Сент. 1874 г.) происходитъ въ Northampton'ѣ, гдѣ была свалка между избирателями, и радикалы атаковали дома консерваторовъ, при чемъ многіе были ранены, какъ говорится въ телеграммѣ.

«18 (30) Ноября 1831. Если у васъ такая же погода, какъ у насъ, то немудрено простудиться: морозы не болѣе 6-ти градусовъ, но вѣтеръ прехолодный и пронзительный; отъ окошекъ, даже отъ тѣхъ, гдѣ я вставила двойныя рамы, ужасно несетъ, отъ половъ тоже, а

печи какъ ни натопишь, послѣ обѣда уже остыли, и вечеромъ холодныя. Всѣ принуждены топить два раза въ день, и я намѣрена дѣлать тоже. Однако говорятъ, что сегодня вся королевская фамилія переѣзжаетъ въ городъ; понемножку вообще съѣзжаются, и начались вечера: доказательство, что уже не боятся холеры; даже мало объ ней говорятъ». «Принятію Ермолова опять въ службу здѣсь Русскіе весьма обрадовались, между прочими Мансуровы, которые впрочемъ въ большомъ огорченіи о смерти матери. Это несчастное извѣстіе они получили только въ Пятницу. George Трубецкой ужасно огорченъ, очень много плакалъ въ Воскресенье у обѣдни и, кажется, не поѣдетъ въ Италію».

«Берлинъ, 21 Ноября (3 Декабря) 1831. Вчера мы Русскіе праздновали въ церкви восшествіе на престолъ, слушали обѣдню и молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, и были пѣвчіе: семь студентовъ, пріѣхавшихъ сюда недавно изъ Петербургскаго Университета, которые намѣрены пѣть на клиросѣ каждое Воскресенье. Я тоже познакомилась съ двумя другими молодыми людьми, Лифляндцами; одинъ Петерсонъ, а другой, не помню фамиліи, родня князю Ливену, у котораго онъ тебя видалъ; да, вспомнила, Липгардъ; его отецъ предводитель дворянства. Они оба слушаютъ лекціи правъ. Вѣроятно, ты увидишь въ газетахъ ужасы, происходящіе въ Ліонѣ. Да вотъ хорошія извѣстія: В. К. Елена Павловна возвращается въ Россію и недѣли черезъ три будетъ сюда проѣздомъ на нѣсколько дней; надѣюсь, что я ее увижу. Напомни пожалуста кн. Мещерскому [6]) о дьячкѣ, чтобы скорѣе прислалъ. Здѣшній бѣдный одинъ, принужденъ и читать, и прислуживать священнику въ алтарѣ; ты можешь вообразить, что̀ это такое,—просто неприлично. Анна Блудова».

Когда я вспомню нашу убогую посольскую церковь въ Берлинѣ, убогую безвкусіемъ и небрежностію богослуженія, мнѣ становится больно даже и теперь; но таковы были почти всѣ посольскія церкви тогда. Какая разница съ теперешними, часто изящными и даже великолѣпными и всегда приличными церквами Русскими въ чужихъ краяхъ! Надобно жить долго за границей, жить не для своего удовольствія, но по стеченію разныхъ обстоятельствъ, задерживающихъ васъ въ чужихъ краяхъ, чтобы понять, какое это утѣшеніе своя церковь, какъ чувствуешь себя въ ней дома, въ отечествѣ, и какъ больно и какъ будто нѣсколько стыдно, когда нѣтъ въ ней благолѣпія и порядка, когда претензіи на художественную иностранную отдѣлку и далеко неграмоническій голосъ одного дьячка, коекакъ небрежно припѣвающаго, то шепотомъ, то вдругъ вскрикивая, раздражаютъ вашъ слухъ столько же, какъ живопись иконостаса колетъ глаза и вся обстановка смущаетъ.

Неудивительно, что матушка настаивала на пріѣздѣ втораго причетника. Это чувство привязанности къ своему храму, къ обряду церковному, кажется, особенно сильно у насъ Славянъ право-

---

[6]) Оберъ-прокурору Св. Синода.

славныхъ. Помню, съ какимъ умиленіемъ молились и говорили о богослуженіи здѣшнемъ православные и уніаты, бывшіе здѣсь на Славянскомъ съѣздѣ, Головацкій, Ковачевичъ, Милетичъ, Колардж; помню, какъ Милетичъ залился слезами, когда услышалъ «Христосъ Воскресе» Сербскаго напѣва за всенощной въ церкви графа Шереметева. Правда, пѣлъ хоръ почти ангельскій, и Ламакинъ управлялъ имъ. На дняхъ съ такимъ же восторгомъ и умиленіемъ говорилъ мнѣ о службѣ въ Исакіевскомъ соборѣ пріѣзжій изъ Угорской Руси извѣстный Добрянскій; онъ не могъ удержаться отъ слезъ: «отъ умиленія ли, что у васъ такъ хорошо, или отъ жалости, что дома нѣтъ этого благолѣпія», сказалъ онъ.

Изъ Петербурга не получали мы политическихъ извѣстій. Батюшка говорилъ только о маленькихъ событіяхъ свѣтскихъ или о литературныхъ новостяхъ.

«25 Ноября (7 Декабря) 1831. Можетъ быть, завтра я буду принужденъ поставить себѣ піявицы къ лопаткѣ или къ боку и потому отказался отъ намѣренія ѣхать въ Царское Село на погребеніе княгини Ловичъ, которое назначено въ будущую Пятницу, и для котораго я уже отправилъ отсюда Римско-Католическихъ епископа и поповъ. Кстати о погребеніяхъ, знаешь ли, кого хоронили третьяго дня? Бѣдную княжну Елену Трубецкую, которую я по ошибкѣ пожаловалъ въ невѣсты. У нея была уже нѣсколько мѣсяцевъ изнурительная лихорадка, fièvre lente; наконецъ, сдѣлалось воспаленіе, и въ прошлую Субботу она умерла не только къ ужасной горести, но и къ удивленію отца и матери, которые совсѣмъ не подозрѣвали опасности положенія ея. Отъ той же болѣзни умираетъ, если не умерла уже, также молодая дѣвушка, графиня Толстая, дочь бывшей Анеты Протасовой, и также родители не знаютъ, что̀ имъ грозитъ. Д. Б.»

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ батюшки пришло письмо отъ Телешева, нашего учителя Русской Исторіи, исправлявшаго должность директора канцеляріи, такъ сказать личной, у батюшки, и искренняго друга нашего. Я уже объ немъ говорила; онъ былъ такой честный и вѣрный, ему можно было довѣрить всѣ самыя секретныя дѣла по службѣ, а въ семейныхъ горестяхъ и радостяхъ онъ принималъ участіе, какъ родной. Благоговѣніе его къ памяти Карамзина еще сближало насъ; разстаться съ нимъ было очень тяжело батюшкѣ, но Телешевъ, кромѣ службы, не имѣлъ никакихъ средствъ, а по смерти отца и матери у него осталась на рукахъ незамужняя сестра, которая пріѣхала къ нему въ Петербургъ. Вслѣдствіе этого пришлось ему искать мѣста въ губерніи, гдѣ бъ жизнь была подешевле. Ему посчастливилось; онъ женился на Пр. Гр. Сколковой, любимицѣ и воспитанницѣ старой княгини Грузинской, которая позаботилась о ея матеріальныхъ средствахъ; и счастливая семейная жизнь, и скромный достатокъ замѣнили для него пріятное положеніе и болѣе блистательную карьеру, на которыя онъ могъ надѣяться въ Петербургѣ. Я уже упоминала о клеветѣ, которая обрушилась на него и отравила послѣдніе годы его жизни послѣ смерти жены. Не я одна, но и батюшка, и всѣ знавшіе его близко въ провинціи, никогда не

вѣрили гнуснымъ сплетнямъ, которыхъ онъ былъ жертвою. Невольно вспомнишь простонародное выраженіе: «уши вянутъ», слушая, какъ люди толкуютъ вкривь и вкось, собственно изъ празднословія. Тò-ли дѣло вымышленныя лица въ романѣ или поэмѣ, которыхъ и любишь, и ненавидишь безъ малѣйшаго для нихъ вреда.

За то съ какой радостію писала я къ батюшкѣ: «Вчера какъ хорошо провели мы время; мы играли съ Лидіей концертъ Бортнянскаго. Какъ очаровательно музыка пробуждаетъ въ нашей памяти лучшія воспоминанія прошлаго! Особенно концерты Бортнянскаго напоминаютъ мнѣ все, что̀ для меня дорого: васъ, Россію, нашу святую вѣру, семейство, друзей, за которыхъ молилась въ церкви Шереметева въ Петербургѣ. Вечеромъ же мы читали нашего Данте, а потомъ... вообразите, какая радость! новый романъ Вальтеръ-Скотта, который и посылаемъ къ вамъ завтра съ курьеромъ».

По правдѣ сказать я теперь забыла этотъ романъ и даже его названіе, но всякая литературная новинка была для насъ кладомъ.

«С.-Петербургъ 28 Ноября (10 Декабря) 1831 г. Спасибо тебѣ, тысячу разъ спасибо, что ты заботишься объ удовлетвореніи моей давнишней и доселѣ неизлечимой слабости покупать книги. И прежде, во время почти праздной моей жизни, я не успѣвалъ читать всѣхъ тѣхъ, которыми меня снабжали книгопродавцы и добрые пріятели: теперь и подавно, ибо могу читать почти только въ тяжелыя ночи безсонницы, но тѣмъ не менѣе, все хочется имѣть если не передъ глазами, такъ по крайней мѣрѣ подъ рукою все новое и старое интересное. Барнавъ и Записки князя Гарденберга, 3 и 4 томы, здѣсь уже получены и есть у меня. La peau de chagrin и другія сказки Бальзака, кажется, также получены, но ихъ мнѣ не надобно: я не люблю этого автора и его неестественный, натянутый слогъ. Пришли мнѣ прибавленіе къ новому Шатобріанову памфлету, подъ названіемъ: au lecteur, если оно напечатано особо. Я съ своей стороны также составлю къ вамъ посылки и также большею частію изъ книгъ. Государь вчера поутру пріѣхалъ въ Царское Село и былъ на погребеніи княгини Ловичъ. Наслѣдникъ также. Сегодня мы ожидаемъ Государя и Государыню въ Петербургъ. Между тѣмъ публика занимается разными, одинъ другому противорѣчащими слухами о перемѣнахъ въ министерствѣ. Да, вотъ вѣсть, которая для васъ можетъ быть интересна: Берлинскій Долгорукій [7]), хотя и возвращается къ своему мѣсту, но помолвленъ здѣсь на своей двоюродной племянницѣ графинѣ Апраксиной, дочери бывшаго камеръ-юнкера. Ей только пятнадцать лѣтъ, и потому свадьба ихъ отложена, кажется, на два года. Говорятъ, что невѣста очень хороша собой и сверхъ того будетъ богата: ея тетка Баранова отдаетъ ей свое имѣніе. Д. Б.»

Долгорукій воротился въ Берлинъ съ портретомъ своей невѣсты. Что̀ это была за красавица! Мы не могли налюбоваться на этотъ портретъ, хотя помню, что часто просили Долгорукаго показывать

[7]) Князь Сергѣй Алексѣевичъ, нынѣ предсѣдатель Комиссіи Прошеній, подаваемыхъ на высочайшее имя.

его намъ. Онъ по своему обычаю былъ спокойно и нешумно счастливъ, но добрая улыбка чаще появлялась на его лицѣ, и мы по прежнему почти ежедневно дружески видались съ нимъ.

«Спб. 2 (14) Декабря 1831 г. Ты спрашиваешь, кто мой докторъ? Теперь Отсолигъ, котораго, за отсутствіемъ Арендта, я взялъ по рекомендаціи двухъ покойниковъ, Ремана и Филиповскаго: послѣдній былъ его соучеником̀ъ и товарищемъ и умеръ на его рукахъ».

Ѳеодоръ Мартыновичъ Отсолигъ остался нашимъ докторомъ и другомъ 32 года. Въ то время, когда батюшка былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Отсолигъ оставался въ Медицинскомъ Департаментѣ, гдѣ прежде служилъ. Въ это время случились злоупотребленія по части аптекарскихъ запасовъ. Отсолигъ счелъ долгомъ обнаружить ихъ; разумѣется, вышли непріятности, и многіе сердились на Отсолига, а у насъ въ это время была собака, красавица Испанской породы, умная, какъ всѣ собаки этого рода, вѣрная, трогательно привязанная къ отцу моему, къ которому она добровольно пошла въ подданство и отъ котораго не отходила ни на шагъ, хотя собственно была подарена сестрѣ и мнѣ. Къ своимъ хорошимъ собачьимъ качествамъ она однако присоединила недостатокъ не по своему росту (она была большая), недостатокъ маленькихъ злыхъ собаченокъ: она ворчала, лаяла и даже бросалась, хватала за фалды, за подолъ платьевъ. Много комическихъ записокъ писалъ Жуковскій объ ней, увѣряя, что нужно предпосылать каждому своему визиту прошеніе объ удержаніи Медорки на цѣпи. Она сдѣлалась весьма извѣстна между всѣми нашими знакомыми и посѣтителями, и когда случилась вышеупомянутая исторія въ Медицинскомъ Департаментѣ, тѣ, которые отъ нея пострадали, стали говорить, что министръ внутреннихъ дѣлъ напускаетъ на встрѣчнаго и поперечнаго двухъ собакъ: Медора и Отсолига. Если Отсолигъ вѣрно и крѣпко сторожилъ казенное добро отъ расхищенія, онъ не менѣе вѣрно и справедливо смотрѣлъ на обязанности казенныхъ учрежденій въ отношеніи къ народу вообще, народу всѣхъ званій и къ бѣднымъ людямъ особенно. Онъ считалъ, что министерства и департаменты установлены правительственною властію, какъ орудія благодѣтельнаго управленія въ пользу управляемыхъ, а не для того только, чтобы получать награды и чины. Когда онъ сдѣлался директоромъ департамента, его главная забота обращена была на аптеки и больницы. И тутъ опять досталось ему за строгость въ выборѣ аптекарей; говорили о подкупѣ, примѣшали и національность. Отсолигъ считалъ слишкомъ важнымъ ограждать больныхъ отъ невѣжества или плутовства, пагубныхъ въ этомъ родѣ торговли, и не смущался толками. Онъ относился съ теплотою душевной, съ любовію христіанской къ своимъ больнымъ и, когда оставилъ практику, туже теплоту и любовь перенесъ въ свою служебную дѣятельность. Никогда не забуду его безпрерывныхъ стараній, его постоянной заботы и душевнаго соболѣзнованія къ тѣмъ страждущимъ отъ недостатковъ нашихъ больницъ или недостатка помѣщенія для несчастныхъ чернорабочихъ. Помню, съ какой горестью и горечью онъ разсказывалъ о состояніи палатъ, наполнен-

ныхъ и переполненныхъ несчастными прачками, кухарками, женами рабочаго люда, изнуренными чрезмѣрными усиліями для прокормленія своихъ семействъ, между тѣмъ какъ модная филантропія устроивала самую удобную и даже изящную лечебницу для заразительныхъ болѣзней совершенно другаго происхожденія. Десять лѣтъ и болѣе стучался онъ во всѣ двери, пробовалъ всякіе изворотливости, чтобы добиться постройки или хоть временнаго найма хорошаго дома, приспособленнаго къ здоровому помѣщенію больныхъ. Одно его утѣшеніе были тѣ палаты, въ которыхъ ходили за больными Крестовоздвиженскія сестры, хотя иногда онъ ссорился съ ними за то, что онъ называлъ баловствомъ больныхъ, когда онѣ не имѣли духу отказать имъ въ какомъ нибудь лакомствѣ. Особенно благоговѣлъ онъ передъ Елисаветой Петровной Карцевой. Въ разныхъ комитетахъ, коммиссіяхъ, совѣщаніяхъ онъ ратовалъ за устройство или пріобрѣтеніе хорошаго большаго дома, въ которомъ можно бы было ввести вновь изобрѣтенныя системы вентиляціи и другіе способы для очищенія воздуха и для удобства и лѣченія больныхъ; онъ представлялъ о необходимости такихъ мѣръ въ виду ужасающихъ размѣровъ, принимаемыхъ тифозными болѣзнями, и недостатка помѣщенія даже плохаго для чернорабочихъ людей, съ которыхъ однакоже бралась пошлина именно на этотъ предметъ съ каждаго паспорта. Наконецъ, кажется въ 1862 году, казалось, что онъ скоро достигнетъ своей цѣли; помню, съ какимъ радостнымъ, сіяющимъ лицомъ пришелъ онъ ко мнѣ въ мундирѣ съ какаго-то торжественнаго засѣданія. На этотъ разъ было обѣщано полное, скорое содѣйствіе. Увы! Мѣсяца черезъ два опять все рушилось. Онъ не вынесъ этого удара и рѣшился выдти въ отставку. Онъ уже нѣсколько лѣтъ страдалъ хроническою болѣзнію. Разрушеніе всѣхъ его плановъ, надеждъ, стремленій окончательно погубило его здоровье; уже силъ не хватило на борьбу съ болѣзнію, и около года спустя онъ скончался. Но сѣмя посѣянное взошло; другіе исполнили по крайней мѣрѣ отчасти его мысль, и на этотъ разъ, какъ столько и столько разъ на моемъ вѣку, подтвердилось изрѣченіе Евангельское: «иный сѣяй, иный жняй». Для меня же лично такаго вѣрнаго, честнаго и добраго друга врядъ ли когда нибудь найти.

Война совсѣмъ кончилась, всѣ возвращались и, припоминая разныя мелкія обстоятельства и частные случаи, я нахожу еще нѣсколько строкъ, не выписанныхъ мною изъ письма 22 Апрѣля (4 Мая) этого же года, которыя служатъ тоже характеристикой того времени: ...«Мы поѣхали въ театръ, чтобъ видѣть дебютъ Французской актрисы m-lle Constance Bechanel. Она пріѣхала недавно изъ Варшавы, откуда ее выгнали за то, что она всячески помогала Русскимъ плѣннымъ, давала имъ деньги, посылала деньги для нихъ въ лазареты и многимъ помогла убѣжать. Озерову между прочими она дала деньги на дорогу, когда онъ искалъ по всей Варшавѣ гдѣ нибудь въ займы, чтобы выѣхать на Польскую границу».

«С.-Петербургъ, 9 (21) Декабря, 1831. Не смотря на состояніе моего здоровья, я продолжаю и выѣзжать и работать, потому что и

выѣзды мои также ничто иное, какъ работа; дѣлаю сколько могу все, что дѣлаютъ другіе и въ прошедшее Воскресенье на балѣ отвѣчалъ Государю, когда онъ спросилъ меня, здоровъ ли я: «Какъ будто, Ваше Величество». Онъ засмѣялся и по прежнему не хотѣлъ вѣрить, чтобы я былъ болѣнъ. Оставимъ меня, чтобы поговорить о другихъ. Ты, конечно, уже знаешь изъ газетъ Русскихъ или Берлинскихъ, что 6 Декабря было поутру представленіе или, лучше сказать, поздравленіе, а ввечеру большой балъ въ бѣлой залѣ, что въ этотъ же день издано новое Положеніе о дворянскихъ выборахъ, почти то самое, котораго составленіемъ я занимался, помнишь, нѣсколько ночей въ Павловскѣ. Въ этотъ же день пожалованы Кочубей княземъ (безъ свѣтлости), а Васильчиковъ графомъ».

«6 Декабря (24 Ноября). Берлинъ. Сейчасъ принесли намъ Gazette de France съ одной статьей, которую перепишу для васъ, если успѣю, и на которую хочу сообщить вамъ мои возраженія. Она называется Réponse à un Russe, который писалъ въ Gazette de France о Польшѣ. Начинаю мои комментаріи. Въ 4-мъ параграфѣ говорится: «Il fut un temps où les Polonais étaient maîtres de la Moscovie et de sa capitale; un élan patriotique de la part des Russes les en chassa. Les Russes furent-ils les rébelles?»[8]). Какъ невѣжественны должны быть Французы по нашей исторіи, чтобъ сравнивать событія 1612 г. съ событіями 1830 года! «Поляки владѣли Московіей»—т. е. Поляки завладѣли Москвой, но они по всей остальной Россіи встрѣчали вооруженное сопротивленіе. А Троицкая Лавра? А Шеинъ въ Смоленскѣ, а всѣ низовыя земли, которыя и Владислава даже не признавали совсѣмъ? Развѣ все это не Московія? Развѣ Поляки не были принуждены занимать войсками своими или наемными всякій взятый ими городъ? А теперь, т. е. два года назадъ, какія Русскія войска занимали Царство Польское? Нѣсколько полковъ почетной (по старому — потѣшной) гвардіи для Великаго Князя, а остальное народная, превосходно вооруженная и дисциплинированная Польская армія. Впрочемъ всѣ, даже самые рьяные Поляки, принуждены сознаться, что простой народъ былъ доволенъ, счастливъ и не хотѣлъ возставать противъ правительства, которое покровительствовало ему. А въ 1612 году кто у насъ первые возстали, кто составлялъ большее число войска, кто отдавалъ свое достояніе и жизнь за земское дѣло, въ сознаніи, что это дѣло ихъ именно, а не чужое? Кто? Крестьяне, мѣщане, бѣдные горожане, равно какъ и богатые, отозвавшіеся единодушно на кличъ Минина. Да и самъ Мининъ былъ мясникъ (гуртовщикъ). Вмѣсто того, въ 1830 году только высшіе классы, отчасти изъ властолюбія, отчасти, можетъ быть, изъ обезъянства, чтобъ подражать Французамъ, довели до войны. Тѣже дворяне, таже Польская шляхта своимъ неугомоннымъ духомъ, ненасытнымъ властолюбіемъ и ненавистью ко всякому правленію и порядку, которые во всѣ времена прошлаго

[8]) Было время когда Поляки владѣли Московіей и столицею ея. Они были выгнаны оттуда, благодаря патріотическому взрыву Русскихъ. Что жъ, Русскіе были мятежниками?

содѣлали безплодными и храбрость народа, и геніальность ихъ государей, и даровитость ихъ ученыхъ, словомъ, все хорошее, все, что могло спасти ихъ край; они же и теперь обрушили на отечество новыя развалины и бѣдствія. Впрочемъ Gazette de France все проповѣдуетъ великодушіе Государю, и конечно я съ нею согласна; но должно бы проповѣдывать Полякамъ искреннее примиреніе съ нами и союзъ какъ Славянъ съ Славянами противъ друзей-предателей, которые только стараются насъ ссорить для того, чтобы ослабить и тѣхъ, и другихъ. Ахъ, увѣряю васъ, я такъ пламенно желаю этого примиренія и единства, что, не взирая на мою трусливость, я бы, кажется, дала себя убить безъ страху, если бы смертію своею могла купить миръ между нами!»

«P. S. Послѣ волненій въ Ліонѣ, увѣряютъ, что Луи Филиппъ, который принимаетъ на содержаніе правительства такихъ же виновниковъ безпорядковъ, Поляковъ, тысячами и водворяетъ ихъ во Франціи, однако хочетъ сослать до 40 тысячъ рабочихъ съ Ліонскихъ фабрикъ. Надѣюсь, что не на каторгу онъ ихъ сошлетъ, а просто за границу, и вотъ бы Государю принять ихъ и водворить въ Россіи, выдавъ имъ, также какъ Французы Полякамъ, 300 тысячъ на содержаніе! Par là nous rendrons aux Francais ce qu'ils ont fait pour les Polonais, et ces braves ouvriers de Lyon fabriqueront de si belles étoffes, qu'en France on fera venir les soieries de Russie» [3]).

«Спб. 12 (24) Декабря 1831. У насъ комитеты слѣдуютъ одинъ за другимъ, какъ ружейные выстрѣлы въ парадной пальбѣ, бѣглыми огнями, и не даютъ мнѣ времени ни поставить себѣ піявицъ, ни вырвать или инымъ образомъ порядочно полечить свой больной зубъ. Сегодня въ одиннадцать часовъ я назначилъ свиданіе Сосероту, и вдругъ получаю записку, что надобно быть на совѣщаніи о дѣлахъ и пр. Какъ же быть? Тянуть свою лямку, пока или она не порвалась, или я не упаду отъ непомѣрнаго усилія. Во всякомъ случаѣ пусть будетъ, что угодно Тому, Который не по нашему знаетъ, что намъ нужно и полезно. Скажи нашимъ мальчикамъ, что объ нихъ спрашивалъ очень милостиво и, по обыкновенію, очень мило Великій Князь Наслѣдникъ.Онъ прибавилъ, что ужъ очень давно объ нихъ не слышитъ. Не успѣю я отвѣчать на милыя письма Антуанеты и Лидиньки. Только скажу первой изъ нихъ, что ея опроверженіе статьи: Réponse à un Russe очень хорошо, кажется мнѣ, но не совсѣмъ полно. Видя, какъ Французы въ своихъ книгахъ и газетахъ ошибаются, или нарочно врутъ на счетъ Россіи, она не должна вѣрить извѣстіямъ о дѣлаемыхъ будто бы притѣсненіяхъ Царству Польскому и Западнымъ губерніямъ Россіи. Все это ложь. Въ Царствѣ доселѣ вышелъ одинъ только важный указъ или манифестъ о всеобщемъ прощеніи, но изъ сего общаго прощенія исключены нѣкоторые главнѣйшіе или виновнѣйшіе мятежники. Можно-ль было

[3]) Этимъ мы заплатимъ Французамъ за то, что они сдѣлали для Поляковъ, и отличные Ліонскіе рабочіе станутъ приготовлять такія прекрасныя ткани, что Франція будетъ выписывать шелковыя матеріи изъ Россіи.

поступить иначе? Не думаю. Правосудіе должно быть умѣряемо, а не уничтожаемо милосердіемъ, и великодушіе не есть слѣпота. У возвращенныхъ отъ Польши губерній не отнимаютъ никакихъ привилегій. Велѣно одному развратному и вредному классу людей, которые называютъ себя дворянами, шляхтою, не имѣвъ на то доказательствъ и правъ, наконецъ, приписаться къ какому-нибудь состоянію гражданъ, платить подати, нести повинности, но безъ запрещенія каждому изъ нихъ документами доказать свое дворянское происхожденіе, если онъ можетъ, и быть настоящимъ, а не самозванцемъ-дворяниномъ. Велѣно также предсѣдателямъ уголовныхъ судовъ нѣкоторое время быть не по выборамъ, какъ прежде, а по назначенію правительства. Но какъ же въ землѣ, которая только что освободилась отъ насилія мятежниковъ, дозволить участвовавшимъ въ мятежѣ и еще не заслужившимъ полученнаго ими прощенія дозволить самимъ назначать своихъ судей въ дѣлахъ уголовныхъ, слѣдственно, между прочимъ, быть можетъ, и въ новыхъ происках или замыслахъ противъ общаго порядка? Но Государь такъ мало намѣренъ навсегда отнимать у Западныхъ губерній ихъ привилегію избирать предсѣдателей палатъ гражданскихъ и даже уголовныхъ, что, напротивъ, даровалъ сіе право и другимъ Великорусскимъ губерніямъ. А временныя предосторожности и мѣры для того, чтобъ сблизить съ Россіею въ нравственномъ смыслѣ этотъ древній Русскій, подъ владычествомъ Польши нѣсколько измѣнившійся край, совершенно необходимы. «Лежачаго непріятеля не бьютъ», конечно, но обезоруживаютъ для того именно, чтобы можно было дозволить ему встать, безъ опасности для другихъ, даже и для него самого. Д. Б.»

«Берлинъ (9 21) Декабря 1831. Твое письмо отъ 28 Ноября я получила на 12-й день, а за разлитіемъ рѣкъ, вѣроятно, еще дольше буду безъ извѣстій объ твоемъ здоровьѣ. Я въ этомъ грустномъ расположеніи духа ѣздила вчера къ Великой Княгинѣ [10]), съ Антуанетой, которую ей представила. Она очень хорошо приняла насъ. Были только мы двѣ, Мансуровы и четверо господъ нашей миссіи. Великая Княгиня, войдя, почти подбѣжала ко мнѣ, обняла и сказала, что она очень рада меня видѣть, что ей было хорошо въ Англіи, но (прибавила она со слезами на глазахъ) qu'elle n'avait personne des siens, au milieu des évènements qui se sont passés! [11]) Она спрашивала о твоемъ здоровьѣ, упрекала меня, что я тебя оставила одного на такое долгое время и такъ меня тронула, что я не могла удержаться отъ слезъ. Вечеромъ я возила дѣтей въ оперу Muette de Portici, гдѣ и она была со всей королевской фамиліей. Король хотѣлъ дать балъ, но она не пожелала по причинѣ траура по княгинѣ Ловичъ. Сегодня сказывали, что она отправилась въ путь, въ часъ. Жаль, что ей будетъ, вѣроятно, очень дурная дорога, и задержатъ рѣки; вчера она еще не знала, гдѣ находится Великій Князь, который хотѣлъ ее встрѣтить на границѣ. Анна Блудова».

---

[10]) Еленѣ Павловнѣ.

[11]) Посреди происходившихъ событій она оставалась безъ своихъ близкихъ.

Сколько свѣтлыхъ, сколько грустныхъ, сколько дорогихъ воспоминаній проснулось въ душѣ моей, когда я перечитывала это письмо матушки! Какой длинный рядъ годовъ и событій проходитъ вереницею въ моей памяти при этихъ словахъ: «Великая княгиня почти подбѣжала ко мнѣ!» Тогда, 8-го Декабря 1831 г., 45 лѣтъ назадъ, я въ первый разъ увидѣла ее и эту стремительность походки ея, которая поражала какъ особенность внѣшняя, привлекательная, какъ живое радушіе. Эта стремительность, такая знакомая мнѣ и симпатичная, была лишь вѣрнымъ выраженіемъ стремительности характера и ума ея, стремительности, которою она увлекала всѣ мало-мальски живые умы, которая ее самую иногда увлекала и приводила за собой немало разочарованій, но сама по себѣ была очаровательна въ ней. Ни лѣта, ни болѣзнь, ни горе не измѣнили этой особенности, и только въ самый послѣдній разъ праздничнаго пріема у нея, въ самый послѣдній разъ, когда я ее видѣла живою, 28-го Декабря 1872 г., за 12 дней до ея кончины, измѣнилась эта походка, и какое-то неопредѣленное, смутное чувство недоумѣнія и безпокойства охватило меня. Еще прекрасная, но блѣдная, какъ будто надломленная, подходила она къ намъ въ пріемной, что̀ передъ домовой церковью ея, опираясь на руку фрейлины: она, которая никогда не нуждалась въ такой помощи, которая, бывало, свѣжая и веселая, какъ бы окрыленная своимъ живымъ умомъ, переходила отъ одного къ другому изъ собранныхъ у нея гостей, съ улыбкой и привѣтливыми словами для каждаго! Улыбка была еще на ея блѣдномъ лицѣ и слова привѣта въ устахъ, но утомленные глаза и слабая походка непохожи были на нее и болѣзненно поражали сердце. Но, Боже мой! Какъ однако далеко было отъ мысли о скорой кончинѣ!

Между этими двумя днями 1831 и 1872 годовъ, днями придворнаго пріема, сколько прошло близкихъ, задушевныхъ, искреннихъ отношеній, сколько радости, горя, тревогъ пережито вмѣстѣ, сколько дружнаго обмѣна мысли, иногда и открытаго, честнаго противорѣчія другъ другу, иногда и охлажденія момиходнаго; но никогда не было сомнѣнія ни съ ея стороны, ни съ нашей (ибо говоря о ней, я никакъ не могу отдѣлить себя отъ батюшки) въ непреложной честности, правдивости и сердечномъ сочувствіи между нами. Она имѣла даръ, рѣдкій у столь высокопоставленныхъ лицъ, сохранять вполнѣ человѣческія отношенія духовнаго равенства, соблюдая однако постоянно достоинство своего сана, то мягкое, привѣтливое, безобидное достоинство, которое истекаетъ изъ высоты моральной, соединенной съ высотою свѣтскаго положенія и которое такъ охотно признается всѣми, потому что чувствуется, въ его основаніи, сознаніе своихъ высокихъ обязанностей болѣе, чѣмъ своихъ правъ.

Любознательность ея была изумительная, но далекая отъ того праздная любопытства, которое незамѣтно переходитъ въ мелочныя свѣтскія сплетни, прикрываемыя только забавнымъ или язвительнымъ блескомъ остроумія. Одна изъ главныхъ язвъ вообще великосвѣтской жизни, безъ сомнѣнія, замкнутость въ маломъ кружкѣ людей одинаковыхъ мыслей, воззрѣній и привычекъ, людей, которые, невольно и

безсознательно, кормятъ другъ друга самой ядовитой лестію, лестію искренняго поклоненія вашимъ страстямъ и предразсудкамъ, потому что ихъ страсти и предразсудки тѣже и никогда не провѣряются ни противорѣчіемъ, ни дѣйствительностію. Между тѣмъ этотъ заколдованный кругъ такъ убаюкиваетъ и усыпляетъ, что невольно втягиваешься въ него и незамѣтно становишься адептомъ старой секты m-me Guyon, квіэтизма, къ которой, кажется, принадлежитъ огромное множество великосвѣтскихъ людей, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ.

Цѣлый міръ кругомъ храпитъ,
....Всѣ киваютъ и молчатъ.
Вы волнуетесь, горите,
Въ сердцѣ горечь, въ слухѣ звонъ....
А кругомъ-то поглядите,
Какъ отраденъ мирный сонъ!
Жаль мнѣ васъ, людей безсонныхъ.
Ужъ не лучше ли заснуть
И отъ думъ неугомонныхъ
Хоть на время отдохнуть?

Есть же прелесть въ квіэтизмѣ, если такой умъ и такая душа, какъ у Фенелона, плѣнились имъ въ свое время. И я,—именно въ молодости, когда живость характера доходила у меня до серьезнаго недостатка,—склонялась очень и очень къ исключительности такъ называемой coterie. Правда, нашъ кружокъ былъ многочисленный и довольно разнообразный: служебныя отношенія батюшки и старые пріятели его частнаго круга, артистическій элементъ въ домѣ Оленина и блистательный кругъ В. К. Елены Павловны, все это составляло конечно не узкій горизонтъ; но все же чаще и ближе и больше сходились всѣ въ одномъ направленіи умственномъ, если не въ одномъ положеніи житейскомъ, и мало бывало серіознаго противорѣчія въ воззрѣніяхъ и въ сужденіяхъ. Мнѣ казалось безполезнымъ знакомство съ людьми новыми, не блистательными ни по уму, ни по образованію или, по просту, я находила ихъ скучными. Въ этомъ отношеніи какъ во многихъ другихъ, Великая Княгиня мнѣ открыла глаза наставленіемъ своимъ: «Un petit cercle, la coterie, fait un grand mal; il retrécit l'horizon, il développe les préjugés; au lieu de fermeté il inspire l'entêtement. Pour le coeur on peut s'en tenir aux amis; mais pour l'intelligence il faut des éléments nouveaux, il faut la contradiction, il faut savoir ce qui se passe au delà de votre maison. Croyez moi, il n'y a pas d'homme si stupide ni si ignorant dont on ne puisse pas apprendre quelque chose d'utile, si on veut se donner la peine de s'instruire[12]). Какъ это справедливо, я убѣ-

[12]) Маленькій кругъ, la coterie, дѣлаетъ большой вредъ; онъ съуживаетъ горизонтъ, онъ развиваетъ предразсудки; изъ твердости правилъ онъ зарождаетъ упрямство. Для сердца нужно водиться только съ друзьями, но для ума нужны элементы новые, нужно противорѣчіе. Надобно знать, что дѣлается и внѣ вашего дома. Повѣрьте, нѣтъ такого тупаго или невѣжественнаго чело-

дилась опытомъ жизни; какъ она умѣла воспользоваться такими людьми, я часто видала. Самое замѣчаніе это такъ вѣрно, что я его сразу поняла и запомнила и, по мѣрѣ силъ, держалась этого правила. Великая Княгиня принадлежала къ тому царственному дому, которому Россія столько обязана своими воспитательными и благотворительными учрежденіями. Князья Монбельярскіе приняли наслѣдство Виртемберга, когда одна изъ ихъ принцессъ уже была за мужемъ за наслѣдникомъ Русскаго Престола, при великой Екатеринѣ, въ то время, когда блистательнѣйшіе умы Европы, особенно Франціи, распространяли въ литературѣ тѣ такъ называемыя либеральныя идеи, которыя плѣнили тогдашнія поколѣнія и еще не успѣли попасть въ руки вѣтренныхъ эгоистовъ, сдѣлавшихся сумазбродными злодѣями, и самолюбивыхъ невѣждъ, опьянѣлыхъ въ дикомъ корыстолюбіи и властолюбіи и вообразившихъ, что они проводники самыхъ возвышенныхъ и благодѣтельныхъ политическихъ теорій. Въ сущности, помимо блистательнаго слога и истаго Французскаго самолюбія, все стремленіе философской школы XVIII-го столѣтія было безсознательной попыткой ввести въ политику и гражданское управленіе ничто иное какъ христіанское начало. Но невѣжество, гордость и обособленіе, такъ сказать, Французско-европейскаго міра должны были привести ихъ не къ изученію Евангелія, а къ борьбѣ съ папизмомъ и съ замкнутостію религіознаго міра, которыя исказили ученіе Христа отчасти по невѣжеству племенъ первоначально крещеныхъ на Западѣ, отчасти по тому языческому строю ума и жизни, которые они наслѣдовали отъ Рима. Civis Romanus sum [13]) есть тотъ аристократическій лозунгъ, который перешелъ и въ церковь, и въ политическую жизнь у Франковъ, у Англо-Норманновъ, у Тевтоновъ. А изрѣченіе вольнолюбиваго Руссо: «для того чтобы граждане могли быть совершенно вольными, рабы должны быть совершенно безправны», опять таки чистоклассическое правило, я хочу сказать, Греческое и Римское политическое начало языческаго устройства, пресловутой вольности древнихъ республикъ. Жестокость законовъ, презрѣніе ко всему, что̀ не принадлежитъ къ избранному или наслѣдственному кругу, были основою языческаго строя жизни; они перешли въ средневѣковое христіанство и остались увы! доселѣ идеаломъ большей части аристократическихъ народовъ, особенно Англіи, и партій, величающихъ себя прозваніемъ консервативныхъ. Императрица Марія Ѳеодоровна не такъ поняла модное направленіе XVIII столѣтія и, увлекаясь прелестію слога и добрыми намѣреніями многихъ изъ выдающихся тогда во Французской литературѣ лицъ, которыя при дворѣ Екатерины были въ чести, она однако примѣняла ихъ мысли къ своей дѣятельности въ Россіи, только на твердомъ основаніи вѣры и церкви, и на этомъ камнѣ построила всѣ воспитательныя и благотворительныя учрежденія, которыя донынѣ носятъ названіе «Учрежденій Императрицы Маріи».

вѣка, отъ котораго бы нельзя было узнать чего нибудь полезнаго, если хочешь дать себѣ трудъ поучиться.

[13]) Я Римскій гражданинъ.

Изъ Виртемберга же, изъ того же владѣтельнаго дома, но младшаго поколѣнія, была великая княгиня Елена Павловна, умомъ и образованіемъ гораздо выше ея, но съ тѣми же преданіями, съ тѣмъ же благороднымъ и высокимъ воззрѣніемъ на обязанности своего званія. Весь секретъ переустройства политической жизни въ жизнь христіанскую содержится въ словахъ Спасителя: «Аще кто хощетъ старѣй быти, да будетъ всѣмъ слуга», и въ изреченіи Апостола Павла: «Повинуйтесь не яко раби, но яко свободни». Эти святыя правила Великая Княгиня Елена Павловна понимала какъ нельзя лучше и примѣняла ко всѣмъ общественнымъ предпріятіямъ, во главѣ которыхъ она стала. Она не сваливала на другихъ труда и дѣятельности, но и не завладѣвала одна всѣмъ дѣломъ, какъ бываетъ со многими, и не теряла такимъ образомъ дорогой помощи тѣхъ скромныхъ силъ, которыя въ совокупности составляютъ сильнѣйшій двигатель великаго предпріятія. Она умѣла воодушевлять своихъ сотрудниковъ и собственною неутомимостію, и увѣренностію, что они полезны и нужны, что имѣютъ свою долю въ достиженіи цѣли. За то, бывши постоянно слугою дѣла, она находила дѣлателей, повиновавшихся ей радостно и самоотверженно и не яко раби, но яко свободни.

Особенно близко видѣла я ее въ такомъ дѣлѣ во время Крымской войны, и всѣ заботы ея о сестрахъ въ эти, вѣчной памяти, 54 и 55-й годы. Пока большинство хорошихъ людей волновалось, негодовало, плакало о злоупотребленіяхъ, о недостаткахъ, о гибели людей, и бранило безполезно мошенниковъ, она прямо и безотлагательно принялась за дѣло: отворила настежь двери своего дворца, открыла сокровищницу своей казны и сокровищницу еще богатѣйшую своего дѣятельнаго, практическаго ума, своего свѣтлаго, положительнаго разума, своей благородной, пылкой души,—пригласила всѣхъ знатоковъ дѣла, всѣхъ опытныхъ врачей и послала воззваніе ко всѣмъ Русскимъ женщинамъ, не связаннымъ обязанностями семейными: вдовамъ и дѣвушкамъ, желающимъ принести свою долю жертвы и добра въ великомъ жертвоприношеніи Россіи. Нижній этажъ дворца сдѣлался большимъ складочнымъ мѣстомъ для вещей и медикаментовъ, покупаемыхъ ею, или присылаемыхъ со всѣхъ угловъ Петербурга. И прежде того, корпія и бѣлье посылались со всѣхъ краевъ Россіи, но они не доходили до назначенія, они лежали упакованныя въ канцеляріяхъ, или гнили валяясь въ грязи на площадяхъ и дорогахъ, или продавались (какъ увѣряли) даже непріятелю. Елена Павловна не принадлежала къ тѣмъ обыкновеннымъ у насъ въ Россіи добрымъ душамъ, которыя готовы до послѣдней копѣйки, до послѣдней рубашки отдать бѣдному или отдать отечеству, въ порывѣ любви и жалости, безъ оглядки, великодушно, на авось,—не подумавъ, пойдетъ ли въ прокъ. Она была безгранично щедра, но щедра разумно и, не довольствуясь удовлетвореніемъ собственнаго добраго чувства, пеклась о томъ, чтобъ это чувство принесло помощь и утѣшеніе предмету ея жалости. Она печалилась о страждущихъ въ простонародномъ значеніи этого слова. Ея печаль была дѣятельная забота о нихъ. И такъ, взявшись подать

помощь раненымъ и больнымъ, она позаботилась о томъ, чтобъ все было доставлено вѣрно, и скоро и сохранно. Подрядчики, провожатые, пересыльщики были выбираемы людьми толковыми и, рекомендованные, являлись къ ней самой, для условій и приказаній, такъ что кромѣ спеціальнаго избранія знатоковъ дѣла, еще сообщалась избраннымъ та нравственная поддержка, которую сочувствіе и здравое воззрѣніе ея и прелесть ея обращенія и красоты сообщали незамѣтно всякому, къ кому она обращалась. Всѣ отправленія транспортовъ были такимъ образомъ матеріально обезпечены, и нравственно, такъ сказать, застрахованы ея заботливыми распоряженіями. Первые транспорты были отправляемы вмѣстѣ съ отрядами сестеръ, потомъ посылались прямо къ нимъ и къ врачу, отправленному съ ними. Эти госпитальныя принадлежности уже не гнили и не залеживались на пути. Хины у насъ было слишкомъ мало (вообще плутовство по части хины и ревеню было давно въ нашихъ обычаяхъ). Великая Княгиня воспользовалась сношеніями своими за границей и, черезъ брата своего принца Августа, выписала въ это время громадное количество хины изъ Англіи. Вездѣ, гдѣ была потребность, она узнавала о лучшемъ способѣ удовлетворенія и къ этому способу прибѣгала съ неутомимой дѣятельностію и умѣніемъ. Всѣ въ ея дворцѣ работали по ея примѣру. Внизу тюки принимались, разбирались, уставлялись, распредѣлялись; вверху у фрейлинъ—свои и посторонніе шили, кроили, примѣряли, дѣлали образцы чепцовъ, передниковъ, воротниковъ для сестеръ, записывали ихъ имена. Въ конторѣ, съ ранняго утра и до поздней ночи, принимали отвѣты, посылали отзывы, писали условія съ подрядчиками, съ врачами, съ аптекарями. У самой Великой Княгини являлись лица, нужныя для этой новой дѣятельности, составлялся уставъ и инструкціи для Общины сестеръ милосердія Воздвиженія Креста.

По присоединеніи Великой Княгини къ православной церкви, ея ангеломъ сдѣлалась Св. Елена, отыскавшая и воздвигнувшая Крестъ Господень въ IV вѣкѣ. Вѣроятно поэтому, Елена Павловна сроднилась, такъ сказать, съ этимъ праздникомъ нашей церкви. Особенно сочувственно относилась она къ церкви на Ямской, куда подарила великолѣпную икону и, когда пришлось выбрать названіе и, такъ сказать, посвятить новую общину празднику или угоднику, она опять выбрала Воздвиженіе Креста. Впрочемъ, для такаго дѣла лучше и выбрать нельзя было. Она тоже сама выбрала для креста, который носятъ сестры, Андреевскую ленту въ память просвѣщенія Россіи Св. Апостоломъ Андреемъ, именно на берегахъ Крыма, у самаго Севастополя.

Когда заговорили о надписи на крестѣ этомъ, одна изъ фрейлинъ (баронъ. Раденъ) настаивала на которое либо изъ побѣдоносныхъ изрѣченій въ отношеніи ко Кресту; но Великая Княгиня выбрала слова Спасителя, вырѣзанныя на крестѣ снаружи:

„Возьмите иго Мое на себе“.

а на оборотѣ:

„Ты, Боже, крѣпость моя“

и сказала: «только въ смиренномъ терпѣніи крѣпость и силу получаемъ мы отъ Бога».

Кромѣ доктора Тарасова, который выѣхалъ съ первымъ отрядомъ сестеръ и оставался при общинѣ даже послѣ войны, до крайняго предѣла силъ своихъ, Елена Павловна послала еще на помощь Тарасову пять врачей: Реберга, который потомъ поселился въ Ниццѣ и до сихъ поръ, кажется, тамъ живетъ, Мецлера, Оберъ-Миллера [14]), Бекерса [15]) и Пабо [16]). Какъ трогательно было первое собраніе передъ отправленіемъ сестеръ подъ начальствомъ сестры Стаховичъ! Въ домовой церкви (архистратига Михаила), во дворцѣ Великой Княгини, сестры произнесли обѣты свои, и на каждую возложенъ золотой крестъ, столь явственный въ этомъ случаѣ символъ ихъ тяжелаго христолюбиваго подвига. И онѣ, и всѣ присутствующіе со слезами на глазахъ молились такъ усердно, какъ рѣдко бываетъ на церемоніяхъ въ придворной церкви. Великая Княгиня, можетъ быть, болѣе всѣхъ была тронута. Это была первая попытка въ Россіи такаго женскаго служенія на полѣ битвы. Выдержатъ ли онѣ? Достанетъ ли терпѣнія, умѣнія и физическихъ силъ на ихъ подвигъ любви и патріотизма? Многія сами сомнѣвались и боялись за свои нервы при ужасномъ зрѣлищѣ ампутацій. Чтобы испытать ихъ силы, ихъ посылали нѣсколько разъ въ больницы присутствовать и помогать при операціяхъ, и Великая Княгиня сама подала примѣръ, поѣхала въ одну изъ больницъ, помогала при перевязкахъ и оставалась въ продолженіи длинной опасной ампутаціи ноги у одного паціента. Это былъ бѣдный человѣкъ: его хлороформировали и даже съ трудомъ разбудили. Великая Княгиня не отходила во все время; а когда уже положили больнаго на койку, и онъ пришелъ въ себя, она потихоньку вынула деньги изъ бумажника и положила ему подъ подушку, говоря съ улыбкой: «Когда отдохнешь хорошенько, посмотри подъ подушкой, тамъ найдешь что нибудь». Лицо бѣдняка просіяло радостію, и свѣтлымъ взглядомъ онъ поблагодарилъ ее; а она еле-еле добралась до корридора,—такъ ей сдѣлалось дурно отъ виду. Однако черезъ нѣсколько минутъ ужъ она опять явилась съ бодрымъ видомъ и улыбкой участія въ другой палатѣ, у другаго страдальца. И все это не было минутнымъ увлеченіемъ, преходящимъ возбужденіемъ чувства. Она не измѣнила себѣ во все время устроенія общины, искуса и отправленія сестеръ, сперва въ Крымъ, потомъ въ Финляндію, и наконецъ, по окончаніи войны, когда основала постоянную общину съ перевязочнымъ отдѣленіемъ и лечебницей, куда и понынѣ столько бѣдныхъ и изувѣченныхъ машинами фабричныхъ работниковъ прибѣгаютъ для операцій, за помощію и уходомъ.

---

[14]) Хирурга, котораго многіе въ Севастополѣ считали не менѣе Пирогова искуснымъ, но болѣе счастливымъ, т. е. что меньше умирали у него отъ операцій.

[15]) Который въ послѣдствіи отравился.

[16]) Менѣе извѣстный, нежели другіе.

Не только для Россіи, но для человѣчества вообще, не прошло безслѣдно начинаніе Великой Княгини. Она положила основаніе женской христіанской помощи раненымъ на полѣ битвы. Женевская Конвенція въ послѣдствіи распространила это дѣло. Въ Россіи же доброе сѣмя, посѣянное умѣлой рукой Елены Павловны, взлелѣянное сердечной заботой Императрицы Маріи Александровны, взошло нынѣ сторицею и богатою жатвою надѣлило насъ. Русскія сестры Краснаго Креста соревнуютъ сестрамъ Воздвиженскимъ и всюду смягчаютъ страданія, залѣчиваютъ раны, освящаютъ своею христіанскою любовію страшныя послѣдствія людской злобы и людскихъ страстей и, рука объ руку съ христолюбивыми Русскими солдатами вносятъ милосердіе, всепрощеніе и благотворительность въ самую среду отчаянно-борющихся враговъ.

Другой близко знакомой мнѣ общественной дѣятельности ея во время Редакціонной Коммиссіи по освобожденію крестьянъ здѣсь не мѣсто мнѣ описывать. Съ тѣмъ же свѣтлымъ взглядомъ и тою же сердечною теплотою относилась она къ дѣлу воспитанія въ тѣхъ училищахъ, которыя были отданы въ ея вѣдѣніе, или которыя она взяла сама въ свое распоряженіе, вслѣдствіе различныхъ случайностей, какъ напримѣръ училище Святой Елены. До послѣднихъ дней ея жизни она заботилась объ обезпеченіи этихъ учрежденій, которыя только отчасти могла снабдить капиталомъ изъ богатыхъ доходовъ, оставленныхъ въ ея пожизненное пользованіе послѣ кончины Вел. Кн. Михаила Павловича. Русскія деньги ею употреблены были на Русскія нужды: на помощь бѣднымъ, на развитіе умственное, на поддержку искусства (какъ Консерваторія), на облегченіе трудностей жизни учащихся (дешевыя столовыя по близости учебныхъ заведеній), не говоря о ея частной, личной, такъ сказать, благотворительности. Вскорѣ послѣ ея кончины мы какъ-то сошлись человѣкъ до десяти близкихъ къ ней людей, и стали вспоминать съ удивленіемъ, какъ она могла при огромныхъ размѣрахъ, принятыхъ лѣчебными учрежденіями своими, удѣлять столько мелкихъ суммъ, раздаваемыхъ съ рукъ на руки. Никто изъ насъ не помнилъ, чтобъ она когда либо отказала въ такой помощи по просьбѣ кого либо изъ насъ. Иногда скажетъ: «теперь не могу, подождите», и непремѣнно черезъ нѣсколько дней или недѣль дастъ просимое, т. е. какъ скоро сама получитъ деньги. Говоря объ этомъ, одна близкая къ ней личность замѣтила очень мѣтко: «Она могла не отказывать никому, потому что себѣ отказывала во многомъ». Однако она жила открыто, болѣе нежели всѣ другія Великія Княгини, давала не часто, но великолѣпные большіе праздники, одѣвалась, по своему положенію въ свѣтѣ, всегда богато, считая долгомъ часть своего достатка употреблять въ поощреніе Русской торговлѣ и гостепріимному Петербургскому обществу или Московскому, когда ей случалось быть въ Москвѣ. Но баловства самой себя она себѣ не позволяла, фантазій разныхъ не имѣла. Даже въ то время, когда поѣздка за границу всѣхъ членовъ Императорской фамиліи уплачивалась казной, она отказывалась не разъ отъ требуемыхъ докторами поѣздокъ, по экономиче-

скимъ и фамильнымъ соображеніямъ, исполненнымъ добросовѣстности и сердечности. Такое же чувство обязанности и благоразумной сдержанности въ своей щедрости вносила она и въ ту личную, частную благотворительность, о которой я упомянула. Начинающимъ жизнь или дѣятельность, человѣку ли, предпріятію ли, она умѣла помочь стать на ноги и пройти первые трудные, рѣшающіе ихъ будущее, шаги, предоставляя ихъ потомъ собственнымъ окрѣпшимъ силамъ. Разумѣется, не всѣ были довольны, и много несправедливыхъ нареканій навлекало на нее это твердое, разумное дѣйствіе. Постоянная неограниченная помощь слабымъ людямъ или предпріятіямъ, не имѣющимъ жизненной силы, отнимала бы у нея средство на то своевременное пособіе другимъ, которое дороже и плодотворнѣе милліоновъ, въ данныя минуты для людей и предпріятій, имѣющихъ истинную силу и полезную будущность.

Въ своихъ истинныхъ дружескихъ отношеніяхъ она была замѣчательно вѣрна и до конца осталась искреннимъ другомъ друзей своей молодости, какъ напримѣръ графа Петра Петровича Палена, графа Киселева, Либермана, моего отца и другихъ, о которыхъ не упоминаю, или потому, что я ихъ менѣе знала, или потому, что это были не столь долговременныя дружескія отношенія. Искренность ея и истинная дружба, уравнивающая морально отношенія съ нею, не смотря на неравенство званія, такъ трогательно выразились въ ея письмахъ и запискахъ, что лучше всего рисуютъ эту дорогую и рѣдкую черту ея характера и когда нибудь послужатъ лучшимъ отвѣтомъ на клеветы о ея холодности, о ея безсердечіи и нелюбви къ Россіи и Русскимъ, которыхъ мы немало наслушались. Здѣсь не мѣсто и не время для полнаго біографическаго очерка Елены Павловны. Довольно мысль уносилась далеко въ прошедшее, такое далекое по времени, и такое близкое по сердцу. Для меня на минуту ожилъ тотъ блестящій, благородный кругъ, котораго она была центромъ и, вспоминая ее и ихъ, мнѣ приходятъ на умъ и на уста слова, проникнутыя одинаковою мыслію, одинаковымъ духомъ, и Русскаго и Американскаго поэтовъ:

„О милыхъ спутникахъ, которые сей свѣтъ
Своимъ присутствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ!
А съ благодарностію: были!“

Жуковскій.

O! though oft depressed and lonely
All my fears are laid aside,
If y but remember only
Such as these have lived and died.

Longfellow.

*

«С.-Петербургъ 30 Дек. (11 Генв. 1831). Дѣла у насъ, какъ древніе Египетскіе прузи и нынѣшняя саранча, безпрестанно умножаются, пожираютъ все наше время, отнимаютъ всѣ силы, по крайней мѣрѣ у меня. Прибавь къ тому балы, вечеринки, обѣды, на ко-

торые надобно хоть иногда являться или изъ учтивости, или изъ повиновенія, прибавь необходимые визиты, и что же останется для самого себя, для ума и сердца? И послѣ того, какъ удивляться, что свѣтскіе и такъ называемые государственные люди рѣдко отличаются огнемъ сердца или живостію умственныхъ способностей. Кстати о балахъ, въ прошедшее Воскресенье былъ небольшой, но и не совсѣмъ маленькій балъ у Государя въ концертной залѣ, которая перемѣнила свой цвѣтъ темнаго мрамора на яркій бѣлый и отъ того сдѣлалась не только вдвое свѣтлѣе, красивѣе, но даже, какъ кажется, и вдвое больше; я возвратился и не послѣдній съ этого бала въ половинѣ третьяго. Сегодня званъ на другой къ молодымъ Дурновымъ, и между сими двумя балами были или будутъ засѣданія Государственнаго Совѣта и три Комитета; я ужъ не говорю о работѣ домашней, которая однакоже требуетъ больше времени и больше вниманія, нежели мнимыя наши веселыя и самыя невеселыя совѣщанія о дѣлахъ».

«Что еще скажу тебѣ? Здѣсь новая свадьба: графъ Нессельроде выдаетъ дочь свою Елену за молодаго Хрептовича. Говорятъ, но только еще говорятъ, и о другой свадьбѣ: фрейлины и красавицы княжны Щербатовой съ Александровымъ, флигель-адъютантомъ, не очень давно пріѣхавшимъ изъ Варшавы. Онъ вѣроятно будетъ не такъ богатъ, какъ Хрептовичъ, однакожъ, какъ сказываютъ, имѣетъ два или три милліона чистаго капитала. Д. Б.»

*

На этой свадьбѣ, которая точно состоялась, и на этихъ милліонахъ мы и остановимся.

Война съ Польшей кончилась, все возвратилось къ прежнему мирному положенію, и картина того времени, хотя не писана мастерскою кистью, но полная и особенно правдивая, окончена. Князь Вяземскій говоритъ совершенно справедливо, что письма современныя всего живѣе рисуютъ духъ и впечатлѣнія времени; и въ отданной мною Русскому Архиву перепискѣ, кажется, довольно ясно рисуются мысли, ощущенія, воззрѣнія на жизнь, на семейныя отношенія, на политическіе и воспитательные вопросы въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Въ этомъ только и могутъ представить нѣкоторый интересъ эти письма, а для меня дорого было правдиво и вѣрно представить тѣ личности историческія, о которыхъ упоминалось здѣсь и которыя такъ часто являются искаженными (можетъ быть и неумышленно) въ статьяхъ и книгахъ, писанныхъ людьми другаго поколѣнія, не знавшаго ни этихъ личностей, ни подробныхъ обстоятельствъ ихъ времени и судящаго только по какимъ нибудь сухимъ офиціальнымъ документамъ или по клеветамъ враговъ, въ другихъ же случаяхъ даже не враговъ, а пустослововъ, повторяющихъ сплетни «огорченныхъ людей».

Изъ воспоминаній графини А. Д. Блудовой.

Одна остроумная Француженка сказала какъ-то: „Il y a longtems qu'un vieux Juif (царь Соломонъ) a dit qu'il n'y a rien de nouveau sous le soleil". Я вспомнила эти слова, перебирая разныя бумаги, между которыми попались мнѣ прилагаемыя страницы, написанныя много, много лѣтъ назадъ. Это воспоминаніе о разсказахъ моего отца про одно происшествіе въ Англіи того времени, когда онъ былъ тамъ совѣтникомъ посольства.

Намъ всѣмъ кажется теперь чѣмъ-то новымъ, почти неслыханнымъ, то общее политическое броженіе, которое охватило почти всѣ страны Европы, подъ именемъ соціализма и комунизма, и составляетъ рядъ преступленій, рядъ безумныхъ покушеній къ водворенію безумнаго безпорядка (ибо новымъ порядкомъ нельзя серьезно величать политическія и общественныя измышленія этихъ господъ). Намъ кажется новымъ это броженіе умовъ; но, собственно говоря, новы только формы — а это броженіе, эти властолюбивыя мечтанія однихъ, эти человѣколюбивыя теоріи другихъ, и это несчастное Панургово стадо, которое вѣритъ, и увлекается, и падаетъ въ бездну преступленія и страданія, и эти неповинные, принесенные ими въ жертву за то только, что они считаютъ себя вольными мыслить и чувствовать иначе, нежели тѣ свободолюбцы, которые любятъ свободу только для себя и своихъ страстей,—все это не ново, все это въ частности всегда проявлялось, но приняло громадные размѣры съ Французской революціи 93 го года и съ тѣхъ поръ періодически вспыхиваетъ по всему пространству Европы, которой въ Россіи, къ несчастію, еще не отучились подражать; а она, наша наставница Европа, кричитъ, что вотъ Россія гибнетъ, Россія разрушается внутреннимъ разложеніемъ своего народа! Прилагаемыя страницы служатъ напоминаніемъ, что подобное политическое броженіе существовало въ самую блистательную эпоху нынѣшняго столѣтія, послѣ блестящихъ побѣдъ соединенной Европы надъ властелиномъ континента Наполеономъ I-мъ, послѣ прекрасныхъ порывовъ самоотверженности и подъятія духа, общаго у всѣхъ народовъ, но особенно у Русскаго, Испанскаго и Прусскаго, и когда Англія стояла во главѣ борьбы противъ злѣйшаго врага своего и врага всякой независимости, какъ личной, такъ и государственной. Впрочемъ

Англійское правительство тогда играло туже роль какъ нынче. Воспользовавшись Русскою силою, чтобы сломить Наполеона, оно, на всѣхъ конгрессахъ, вредило сколько могло Россіи и, поднявъ высоко знамя освобожденія народовъ отъ зависимости Французской, тутъ же прикрѣпляло Восточныхъ Христіанъ за худшимъ тиранствомъ Турокъ, предавъ Сербовъ и Грековъ рѣзнѣ Магометанъ, отказываясь даже допустить на конгрессъ депутатовъ Греческихъ, умолявшихъ о защитѣ; Венецію съ Далмаціей выдало Австріи, и даже портъ, завоеванный Русскими и Черногорцами (портъ Катаро), переданъ былъ Австрійцамъ. По истинѣ „il y a longtems qu'un vieux Juif a dit qu'il n'y a rien de nouveau sous le soleil!"

Но въ самое время этого всемогущества Англіи и торжества ея интересовъ за ея границами, —дома, у себя, гдѣ конечно нельзя было жаловаться на стѣсненіе свободы, Англійское правительство очутилось лицемъ къ лицу съ бунтами и заговорами — безцѣльными и безтолковыми, но которые немало задавали заботъ и возбуждали опасеній. Это было какое-то моральное повѣтріе, какая-то душевная болѣзнь, прилипчивая какъ нынѣ. Всѣ государства ею пострадали, всѣ должны были употребить героическія лекарства противъ болѣзни; — но всѣ выздоровѣли, слава Богу. Будемъ надѣяться, что и теперь кончится благополучно, хотя очень и очень тяжело переживать такіе кризисы, и нужны весьма искусные и энергичные врачи противъ такой заразы.

Отецъ мой былъ назначенъ совѣтникомъ посольства въ Лондонъ еще при графѣ Каподистріи, и мы отправились туда всей семьей съ кормилицей, съ нянею, горничной и лакеемъ Русскими, по тогдашнему способу путешествій, такъ что мы, маленькія дѣти, оставались въ совершенно Русской средѣ, куда бы ни переѣзжали *), а къ тому мы были слишкомъ малы, чтобы обращать вниманіе на окружающее. Посломъ Русскимъ въ то время былъ графъ (впослѣдствіи князь) Ливенъ, благоразумный, благовоспитанный человѣкъ, съ хорошими преданіями дипломатическими, но оставался совершенно въ тѣни передъ умомъ, красотою, дѣятельностью и энергичнымъ характеромъ жены. Такъ она затмѣвала его и до конца, когда оба были старые люди, и я познакомилась съ ними въ Петербургѣ. Хотя черты ея заострились и морщины показались на худощавомъ лицѣ; хотя, увидавъ ее въ лавровомъ вѣнкѣ на одномъ балѣ, Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ воскликнулъ: „c'est une vieille médaille de Petrarque animée": все же у нея была замѣчательная грація и какое-то привѣтливое достоинство, вмѣстѣ съ оживленнымъ разговоромъ, въ которомъ видѣлись и желаніе нра-

*) Хомяковъ какъ-то въ разговорѣ сказалъ мнѣ однажды: „Поколѣніе, воспитанное при Екатеринѣ, хотя и оканчивало свое воспитаніе въ Парижѣ и имѣло весь лоскъ и остроуміе Французскихъ изящныхъ кружковъ, было, однако, окружено въ дѣтствѣ Русскимъ простонароднымъ элементомъ и не отрывалось отъ родной почвы. Иностранныя няньки съ самаго рожденія ребенка нынче отчуждаютъ его отъ родины".

виться, и увѣренность въ успѣхѣ, и привычка Цезаря: прійти, взглянуть и побѣдить. Въ Лондонѣ она была одна изъ законодательницъ моды, одна изъ самодержавныхъ повелительницъ, — исключительно-отборнаго кружка *Almak's*. Знаменитость самая популярная того времени, Велингтонъ, желѣзный герцогъ, былъ у ея ногъ, и многіе говорили, что она посолъ настоящій, а что князь Ливенъ только „супругъ посольши". Представителемъ безцвѣтнаго тогдашняго министерства Англійскаго, вообще не популярнаго въ своей иностранной политикѣ, былъ извѣстный лордъ Кастельре (Лондондери), который относился, какъ всѣ министры иностранныхъ дѣлъ Англіи, почти безъ исключенія, довольно холодно къ Россіи, а въ отношеніи къ восточнымъ дѣламъ—враждебно; но въ это время эти дѣла оставались на заднемъ планѣ, и отъ нихъ отпугивали, смѣшивая законныя стремленія Христіанъ въ Сербіи и Греціи съ заговорами и тайными обществами Италіи, въ объятія которыхъ они бросались: ибо правительства, къ которымъ они взывали о помощи, ихъ отталкивали. Но въ народѣ Англійскомъ и въ кружкахъ средняго образованнаго общества, въ то время еще много оставалось сочувствія къ Россіи и къ героямъ отечественной войны, а Кастельрей былъ самый непопулярный министръ. Георгъ IV-й былъ еще принцемъ-регентомъ (во время сумашествія отца своего Георга III-го) и не былъ любимъ. Въ первой молодости онъ былъ красавецъ, остроумный, обворожительный, поклонникъ красоты, и искусствъ, и артистовъ, идолъ литературной опозиціи, и страшный кутила. Но взглядъ его на честность и достоинство, не только царское, но человѣческое, былъ черезъ чуръ снисходительный, и почтенія немного къ себѣ внушалъ принцъ Валлійскій; а когда пришлось управлять краемъ, то онъ увидѣлъ, что веселые собутыльники, даже самые даровитые, не въ состояніи составить ни партіи, ни министерства, и наносный либерализмъ его исчезъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и его популярность, которая собственно и существовала только въ маленькомъ блистательномъ кружкѣ безъ серьезнаго значенія. Таково было положеніе дѣлъ, когда умалишенный король Георгъ III скончался.

Отрывокъ изъ записокъ моихъ.

Послѣднее время пребыванія нашего въ Лондонѣ, было ознаменовано смутами и заговорами по всей Европѣ и даже въ свободной, богатой, цвѣтущей Англіи. Это положеніе, которое составляло родъ эпидеміи, или моральнаго повѣтрія, огорчало батюшку именно потому, что онъ истинно желалъ преуспѣянія разумной свободѣ и считалъ преступленіемъ всѣ тѣ выходки или тайные замыслы политическихъ партій, которыя отталкиваютъ честныхъ дѣятелей отъ такого дѣла, для успѣха котораго должно, или нужно, употреблять недостойныя средства. Таково же было возрѣніе славнаго Каннинга, одного изъ

величайшихъ министровъ Англіи, таково возрѣніе Кавура, истинно государственнаго человѣка Италіи,—а всѣхъ троихъ (Кавура, Каннинга и отца моего), одни только люди крайнихъ партій могутъ не признавать за искренно-либеральныхъ людей. Но за то они были государственные умы, трезвенно желающіе и ищущіе развитія и блага своего отечества. Во сколько батюшка сочувствовалъ народнымъ движеніямъ Христіанъ, стремящихся спасти свою народную независимость и вѣру отъ ужасовъ Турецкаго гнета, во столько ему казались отвратительными и безумными волненія партій въ Англіи, гдѣ недовольствовались открытыми, законными путями для достиженія какой нибудь частной реформы, или во Франціи, гдѣ возставали противъ разумнаго и либеральнаго правительства (Людовика XVIII), какого еще не знавала Франція до тѣхъ поръ, и гдѣ бѣшенство оппозиціи доходило до хладнокровнаго убійства, какъ напримѣръ герцога Беррійскаго. Когда спросили у его убійцы, Лувеля, что̀ увлекло его къ такому гнусному дѣлу, онъ отвѣчалъ: „Мои мнѣнія и чувства“.

Какія же эти мнѣнія и чувства?

„Мое мнѣніе, что всѣ Бурбоны тираны и въ тоже время злѣйшіе враги Франціи“.

— Почему же выбрали особенно герцога Беррійскаго, изъ всего семейства?

„Потому что онъ младшій членъ этого семейства и одинъ, который могъ бы оставить потомство этому, враждебному Франціи, роду“ *).

Между тѣмъ умирающій герцогъ, когда король пришелъ къ нему, собралъ послѣднія силы, чтобы сказать: „Государь! Простите человѣка, который нанесъ ударъ. Нѣтъ сомнѣнія, что должно быть я его чѣмъ нибудь обидѣлъ, хотя, видитъ Богъ, самъ не знаю какъ“.

Въ Испаніи, въ Италіи, тайныя общества дѣйствовали такимъ же оружіемъ, и наконецъ въ самомъ Лондонѣ $^{12}/_{24}$ Февраля 1820-го г. вышло объявленіе слѣдующаго содержанія: „Столица одержима величайшей тревогою, извѣстившись объ открытіи отчаяннаго заговора противъ государства. Правительство издало въ прошлую полночь слѣдующее приказаніе: „Поелику Артуръ Тистельвудъ (Thistlewood) обвиненъ „въ государственной измѣнѣ и тоже въ намѣренномъ убійствѣ Ричарда „Смитерса, симъ предлагается награжденіе въ 1000 фунт. стерлинговъ „тому человѣку или тѣмъ людямъ, которые откроютъ и арестуютъ или „способствуютъ къ открытію и аресту сказаннаго Артура Тистель„вуда; и будетъ имъ выплачено награжденіе оное, лордами-коммиса„рами Казначейства Его Величества, когда онъ будетъ взятъ и за„ключенъ въ одну изъ тюремъ Его Величества. И симъ предостере„гаются всѣ, и каждый, да не принимаетъ и не даетъ у себя укры„вательства сказанному Артуру Тистельвуду: ибо всякій виновный въ

* Буквально изъ допросовъ Лувеля.

„ослушаніи сему запрещенію, самъ сдѣлается виновнымъ въ государ-„ственной измѣнѣ". Подписалъ: „Сидмутъ" [1]).

На другой же день Тистельвудъ былъ взятъ, и въ газетахъ объявлено: „Нынѣ открыта публичная подписка для награжденія полицейскихъ „офицеровъ за ихъ ревность, дѣятельность и неустрашимость, оказан-„ныя ими при взятіи заговорщиковъ, въ сѣновалѣ въ Кэто-стритъ „(Катоновой улицѣ). Въ этотъ же день, въ королевской церкви „Сентжемскаго дворца, было отслужено торжественное молебствіе благо-„дарственное съ проповѣдью, сказанною епископомъ Оксфордскимъ. „Присутствовали: Герцогъ Іоркскій, графъ Батгурстъ и проч., и проч. „члены Министерства и Совѣта".

„11-ть человѣкъ было арестовано 25-го Февраля. Изъ нихъ 8 были „признаны виновными въ государственной измѣнѣ и перевезены въ „Tower (Лондонскую башню), скованные по три человѣка вмѣстѣ. По-„томъ скованные же опять, но каждый особо, перевезены въ Ньюгетъ, „каждый съ 3-мя полицейскими въ повозкѣ съ нимъ, и съ отрядомъ „Лейбъ-Гвардіи (Life Guards), въ одну шеренгу по обѣимъ сторонамъ „повозки. Народу было много на улицахъ, но не было ни малѣйшаго „знака участія или сожалѣнія къ нимъ. Тистельвудъ помѣщенъ въ „особой маленькой келіи съ каминомъ въ ней, который ему позво-„ляется топить. Днемъ одинъ офицеръ неотлучно находится съ нимъ „въ келіи, ночью два офицера смѣняютъ другъ друга. Другіе 7-мь всѣ „въ одной комнатѣ; съ ними тоже неотлучно находится одинъ офи-„церъ днемъ, а двое ночью".

Это было вскорѣ послѣ смерти умалишеннаго короля Георга III-го, скончавшагося $^{17}/_{29}$ Генв. 1820. Какъ замѣчаютъ тогдашнія Англійскія газеты, восшествіе на престолъ Георга IV-го нельзя было считать новымъ царствованіемъ, потому что онъ уже 8 лѣтъ управлялъ Англіей подъ именемъ принца-регента. Неудовольствіе было общее [2]). Оно высказывалось то на Сѣверѣ Англіи, то въ Ирландіи; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ доходило до открытыхъ бунтовъ, которые были наказываемы приговоромъ и повѣшеніемъ зачинщиковъ, хотя ничего важнаго, ни многочисленнаго не было нигдѣ предпринимаемо. Смертная казнь въ Англіи, была тогда еженедѣльнымъ, если не ежедневнымъ событіемъ, и ходили смотрѣть на нее, какъ на обыкновенное публичное

[1]) Министръ Внутреннихъ Дѣлъ.

[2]) Каннингъ и Пальмерстонъ имѣли незначительныя мѣста въ этомъ министерствѣ, однако были оба не безъ вліянія, очень молодые, а Пальмерстонъ считался счастливымъ красавцемъ въ обществѣ, но неспособнымъ къ дѣламъ. Цѣлое же министерство было безцвѣтно. Вотъ что писалъ батюшка про Англійское министерство: le mot „faiblesse les peint sous tous les rapports; faiblesse de caractère, de talent, de crédit, et „même de confiance dans leurs propres forces" (Слово слабость идетъ къ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ; слабость характера, слабость дарованій, кредита и даже слабость увѣренности въ собственныхъ силахъ).

зрѣлище, гдѣ народъ толковалъ о томъ, прилично ли шелъ на плаху, христіански-ли умиралъ повѣшенный, вслушивались въ его рѣчи и послѣднюю исповѣдь (dying words and confession), толковали и критиковали какъ игру актера въ трагедіи; словомъ, висѣлица для Англичанъ была что-то въ родѣ гладіаторской арены Римлянъ, и не встрѣчалось у нихъ того мягкаго Христіанскаго чувства Русскаго человѣка, которое потрясаетъ его душу ужасомъ при видѣ смертной казни. Нѣсколько Казанскихъ крестьянъ, присутствовавшихъ при разстрѣляніи Антона Петрова въ Безднѣ, цѣлую недѣлю ѣсть не могли, и мѣсяца два спустя, всякій разъ, какъ припоминали объ этой казни за столомъ, не могли продолжать обѣда; Англичанинъ же преспокойно, прямо съ мѣста казни въ Old-Bailey, шелъ къ себѣ и плотно завтракалъ недожаренной кровавой говядиной, не чувствуя никакой тошноты (no squeamishness), хотя и разсуждалъ о послѣднихъ конвульсіяхъ *). Однако настоящій тайный заговоръ политическій, въ самомъ Лондонѣ, произвелъ необыкновенный эффектъ; но публика показала больше сочувствія полиціи, которая открыла заговорщиковъ, нежели жалости къ приговореннымъ. Въ характерѣ Англійскомъ, исполненномъ въ высшей степени уваженія къ закону и законности, преступникъ противъ закона есть общій врагъ, и всякій спѣшитъ изобличить его и выдать на казнь. Междоусобная война за Стуартовъ прекратилась лѣтъ 30 или 40, и политическіе преступники не пользовались уже ни сочувствіемъ, ни жалостію въ народѣ, хотя министерство было весьма не популярно, а частная жизнь принца-регента не внушала ни почтенія, ни любви. Даже Емметъ и лордъ Едвардъ Фицжералдъ, не смотря на поэтическія личности обоихъ, и на то, что они возставали за привилегіи Ирландіи, не успѣли возбудить интереса ни въ комъ, кромѣ своихъ земляковъ, — поэтѣ Томасѣ Муръ и другихъ Ирланцахъ. Достойные, если не потомки, то воспитанники и преемники Римлянъ, Англичане сотворили себѣ кумиръ изъ идеи государства, и никакія всесожженія человѣческихъ жертвъ предъ нимъ не смущаютъ ихъ; мы еще недавно видѣли это во время Сипайскаго бунта въ Индіи. Въ Англіи на заговоръ Тистельвуда смотрѣли просто какъ на гнусное преступленіе, и самые рьяные радикалы, стоявшіе во главѣ сильной оппозиціи, не думали смягчать вину приговоренныхъ, а только хотѣли воспользоваться случаемъ, чтобы напасть на министерство, и славный тогда, по яростн своей оппозиціи, алдерманъ (одинъ изъ гласныхъ или головъ города) Вудъ (Wood) придрался къ тому, что былъ принятъ первый доносъ отъ одного изъ за-

*) У меня, пяти-лѣтней дѣвочки, осталась память, и въ памяти удивленіе и недоумѣніе: какъ это наша Англійская служанка (Housemaid), молоденькая, краснощекая блондинка въ синеватомъ фартукѣ, съ засученными до красныхъ здоровыхъ локтей рукавами, съ такимъ нетерпѣливымъ желаніемъ просила отпустить ее на повѣшаніе того или другаго вора, или убійцы (это очень часто), какъ у насъ просятся на качели или на ярманку.

говорщиковъ Едвардса, и сталъ выговаривать министрамъ въ Парламентѣ за то, что они употребляютъ шпіоновъ (agents provocateurs), стараясь доказать, что Едвардсъ (который оставался съ заговорщиками послѣ своего доноса на нихъ, для того чтобы слѣдить за ихъ планами) будто бы увлекъ другихъ и даже самъ задумалъ и началъ весь заговоръ, дабы выдать потомъ товарищей. Вудъ основалъ это обвиненіе на одной изъ попытокъ Тистельвуда, съ начала его процесса, когда онъ думалъ этой уловкой отклонить отъ себя вину зачинщика; однако самъ онъ вскорѣ отрекся отъ этого показанія, котораго нельзя было поддержать: — такъ сильны были доказательства противнаго.

Оппозиціи не хотѣлось выпустить изъ рукъ такого случая обвинять министерство въ нечистыхъ дѣйствіяхъ, но алдерманъ Вудъ уронилъ себя въ общемъ мнѣніи такой попыткой, неслыханной въ Англіи и точно недостойной. На дворѣ тюремнаго замка Ньюгетъ, въ то время когда уже вели Тистельвуда на казнь, пока снимали съ него оковы, алдерманъ Вудъ подошелъ къ нему, говоря, что желаетъ предложить ему вопросъ. Тистельвудъ согласился выслушать и отвѣчать, и алдерманъ спросилъ его про Едвардса. Онъ отвѣчалъ такимъ образомъ, что совершенно опровергнута была возможность смотрѣть на Едвардса, какъ на агента правительства для завлеченія другихъ въ заговоръ. Не смотря на это, Вудъ сдѣлалъ еще попытку обвинить министерство въ Парламентѣ и поднять общій вопросъ объ употребленіи шпіоновъ; но онъ и его партія были совершенно разбиты, и тогдашній генералъ-прокуроръ (attorn general) и славный Каннингъ, тогда еще молодой, но блистательнѣйшій ораторъ Нижней Палаты Парламента, одинъ изъ великихъ государственныхъ людей Англіи, особенно сильно упрекали Вуда. Генералъ-прокуроръ говорилъ: „Я знаю случаи, когда, послѣ приговора виновныхъ въ ужасающихъ преступленіяхъ, благонамѣренныя и добродушныя особы, желая уничтожить и малѣйшую тѣнь сомнѣнія въ справедливости приговора, старались склонить ихъ къ добровольному признанію своей вины; я слыхалъ и о такихъ примѣрахъ, что добрые люди старались даже въ послѣднія предсмертныя минуты обратить на путь раскаянія и сдѣлать менѣе недостойными явиться передъ своимъ Творцемъ и Судіею такихъ преступниковъ, которые, какъ Тистельвудъ, до своего послѣдняго часа, опровергали истины Христіанства; но нынѣ въ первый разъ — и надѣюсь, на милость Божію, въ послѣдній,—слышу, чтобъ кто либо искалъ свиданія съ приговореннымъ, на самомъ пути его къ казни, для того чтобы закидать его пустыми вопросами изъ мелкихъ цѣлей партіи“!

Каннингъ въ свою очередь сказалъ: „Подучилъ-ли кто почтеннаго „алдермана, я не знаю, или онъ самъ отъ себя дѣйствовалъ; но всѣмъ „извѣстно, что, въ послѣднюю, грозную минуту передъ казнію, онъ „дерзнулъ искушать умирающаго преступника, соблазнять его возмо-

„жностью повторенія лжи, выдуманной имъ въ началѣ суда. Какой доб-„рый ангелъ удержалъ Тистельвуда, не могу сказать; но онъ устоялъ „противъ искушенія: — однако не алдерману можно сказать спасибо „за это! Самому Тистельвуду мы обязаны, что незапутаны теперь въ „парламентскомъ преніи о его предсмертныхъ словахъ, высказанныхъ „для увѣренія въ томъ, что уже было доказано какъ л о ж ь. Еслибъ „отвѣтъ Тистельвуда былъ таковъ, какъ можно было бъ ожидать въ „его обстоятельствахъ, что бы вышло, господа? Лживое показаніе из-„мѣнника было бы возведено въ священное завѣщаніе истины, изъ „устъ умирающаго мученика"!

Изъ арестованныхъ 24-го Февраля, восьмеро были признаны государственными преступниками; пятеро изъ этихъ з а г о в о р щ и к о в ъ К а т о н о в о й у л и ц ы (какъ ихъ прозвали) были казнены 1-го Мая послѣ болѣе двухъ-мѣсячнаго заключенія въ Тоуерѣ во время слѣдствія и суда.

Вотъ какъ разсказанъ этотъ заговоръ въ Сборникѣ разныхъ свѣденій историческихъ, офиціальныхъ и неофиціальныхъ, за 1820-й годъ, выдаваемыхъ въ то время въ Лондонѣ въ концѣ каждаго года. *Annual Register*:

„Этотъ заговоръ былъ одинъ изъ самыхъ гнусныхъ и вмѣстѣ самыхъ нелѣпыхъ, о которыхъ упоминаетъ исторія. Конечною цѣлію была полная революція, измѣненіе образа правленія, а ближайшее стремленіе: убійство всѣхъ министровъ. Заговорщики были малочисленны, низкаго происхожденія, безъ образованія, безъ средствъ, безъ дальновидности. Они полагали (и въ этомъ не ошибались), что довольно 20 или 30 отчаянныхъ негодяевъ, чтобы составить шайку въ состояніи избить всѣхъ членовъ министерства; а озлобленіе ихъ невѣжественныхъ умовъ, ослѣпленныхъ завистью и мщеніемъ, обольщало ихъ надеждою, — если удастся ихъ кровавый замыселъ, — овладѣть властію и правленіемъ земли. Зачинщикъ этого заговора былъ Артуръ Тистельвудъ. Онъ родился въ Линкольнширѣ 1770 года: отецъ его былъ управляющимъ имѣніемъ одной древней фамиліи въ сосѣдствѣ Горнкастеля. Въ первыхъ годахъ отрочества онъ былъ отданъ на воспитаніе къ одному изъ лучшихъ учителей Англіи для приготовленія его въ землемѣры (Landsurveyor). Но онъ въ послѣдствіи отказался отъ этой карьеры и на 22-мъ году поступилъ штабсъ-капитаномъ въ одинъ изъ полковъ милиціи; вскорѣ онъ женился на молодой дѣвушкѣ фамиліи Б р ю с ъ изъ Іоркшира, съ имѣніемъ приносящимъ ей до 300 фунтовъ (1800 рубл.) доходу. Онъ оставилъ милицію и поступилъ въ линейный полкъ, съ которымъ и отправился въ теченіе войны въ Америку: тамъ скоро подалъ въ отставку и, получивъ паспортъ во Францію, пріѣхалъ туда скоро послѣ паденія Робеспіера. Онъ связался со многими революціонерами Французскими, присвоилъ себѣ ихъ ученія и чувства, и послѣ Аміенскаго мира, воротился въ Англію, гдѣ со-

шелся съ невольными и своего отечества; съ тѣхъ поръ, какъ видно, вся жизнь его сосредоточилась на изысканіи средствъ къ низверженію нашего образа правленія. Хотя онъ конечно съ радостію видѣлъ неудовольствіе, распространившееся въ большей части Англіи около конца 1819-го года, кажется однако, что онъ мало принималъ участія въ уличныхъ безпорядкахъ и не сближался съ тѣми демагогами, которые ихъ причиняли. Возбуждающія къ народнымъ волненіямъ рѣчи, или писанія, такъ мало имѣли вѣсу для него, что онъ считалъ Гунта (Hunt) и Коббета орудіями министерства: въ его глазахъ кровопролитіе и убійства казались единственно вѣрными доказательствами любви къ отечеству".

„Онъ постепенно собралъ около себя нѣкоторое число людей такихъ же отчаянныхъ, какъ онъ самъ, отыскивающихъ также случая погубить министровъ. Ингсъ (Ings) мясникъ, Тиддъ и Брунтъ (Tidd and Brunt) башмачники, и цвѣтной человѣкъ (т. е Негритянскаго происхожденія), именемъ Давидсонъ, сдѣлались его главными повѣренными. Послѣ смерти короля, собранія заговорщиковъ повторялись дважды въ день и съ ясно обозначенной цѣлью. На одномъ изъ нихъ было предложено воспользоваться похоронами короля (когда бо́льшая часть войска былабъ въ Виндзорѣ у тѣла), чтобы стараться овладѣть столицей: но они отказались отъ этого плана, потому что онъ не повелъ бы къ непремѣнному истребленію министровъ. Наконецъ, 19 Февраля они рѣшили, что, за истощеніемъ своихъ денежныхъ средствъ, не имѣютъ возможности долѣе откладывать своего дѣла и что въ слѣдующую Среду должно убить министровъ, каждаго у него на дому. Отъ 40 до 50-ти человѣкъ были назначены въ убійцы, а два особые отряда заговорщиковъ должны были въ тоже время захватить двѣ пушки, стоящія въ Греуз-инъ-лень (Grau's Inn lane) и шесть на артиллерійскомъ плацѣ. Городскую Думу (Mansion House) должно было объявить Дворцемъ Временнаго Правленія; должно было штурмовать Банкъ немедленно и зажечь Лондонъ съ разныхъ концовъ. Во Вторникъ (на канунѣ назначеннаго дня) одинъ изъ заговорщиковъ, Едвардсъ, который уже за нѣсколько дней передался правительству и служилъ лазутчикомъ, увѣдомилъ Тистельвуда, что именно на другой день въ Среду, долженъ быть министерскій обѣдъ у лорда Гаробей (Harrowby), президента министровъ. Это извѣстіе измѣнило ихъ планъ."

„Такъ какъ давно не было такихъ обѣдовъ (по случаю траура), сказалъ Тистельвудъ, конечно изъ министровъ и членовъ министерства будетъ 14 или 16 человѣкъ, и это великолѣпная оказія перерѣзать ихъ всѣхъ за одно".

„И такъ рѣшили, что одинъ изъ заговорщиковъ понесетъ письмо къ лорду Гаробей. Какъ скоро отворятъ дверь, чтобы впустить его, шайка заговорщиковъ должна была вломиться въ домъ за нимъ; пока нѣкоторые изъ нихъ схватили бы прислугу лорда, другіе должны были

броситься въ комнату, гдѣ сидѣли министры, и убить ихъ всѣхъ безъ милосердія. Особенно же было приказано принести въ мѣшкѣ головы лорда Сидмута (министра внутреннихъ дѣлъ) и лорда Кастелерея (министра иностранныхъ дѣлъ). Двое изъ заговорщиковъ должны были тотчасъ же отправиться въ Кингъ-стритъ и бросить ручныя гранаты въ сѣновалъ кавалерійскихъ казармъ, между тѣмъ какъ остальные должны были участвовать въ прочихъ дѣйствіяхъ, по устроенному заранѣе плану. Они разсчитывали на сотню съ чѣмъ-то человѣкъ всякаго сброду, готовыхъ на всякій разбой,—которыхъ они подговорили дѣйствовать съ ними за одно въ критическую минуту.„

«Но предполагаемыя жертвы заговорщиковъ уже были предупреждены. Кромѣ Едвардса, который уже за нѣсколько времени передался правительству, другой человѣкъ именемъ Гайдонъ (Hidon), котораго Тистельвудъ хотѣлъ завлечь въ заговоръ, наканунѣ назначеннаго дня (во Вторникъ), остановилъ лорда Гаробея въ Сентжемскомъ паркѣ, гдѣ онъ ѣхалъ верхомъ и подалъ ему письмо съ извѣщеніемъ, что шайка убійцъ готовится умертвить его лордство (his lordship) и остальныхъ членовъ министерства во время обѣда. Графъ Гаробей, хотя этотъ человѣкъ не былъ ему знакомъ, выслушалъ однако все что онъ ему передалъ словесно, кромѣ письма, и поспѣшилъ совѣщаться съ своими товарищами. Министры рѣшили не принимать никакихъ мѣръ, которыя бы могли удержать или испугать злодѣевъ, потому что тогда не имѣлось бы доказательствъ ихъ виновности, и они могли бы въ послѣдствіи совершить подобное злодѣйство, съ бо́льшимъ успѣхомъ. Приготовленія къ обѣду продолжались у лорда Гаробея до 8 часовъ вечера, хотя обѣдъ былъ отказанъ».

«Между тѣмъ отрядъ полицейскихъ констебловъ былъ отправленъ въ Cato-street, гдѣ долженъ былъ встрѣтить подкрѣпленіе изъ отряда Колдстримъ-гвардіи (Coldstream Guards). Около 8 часовъ полицейскіе вошли въ старую конюшню, гдѣ было мѣсто сборища и влѣзли по лѣстницѣ (ladder) въ сѣновалъ, гдѣ и нашли заговорщиковъ уже готовыхъ отправиться на исполненіе своего замысла. Старшій полицейскій приказалъ имъ именемъ закона сдаться въ руки полиціи. Смитерсъ, одинъ изъ констебловъ, вышелъ впередъ, чтобы захватить Тистельвуда, который прокололъ его насквозь шпагою. Смитерсъ палъ мертвъ на мѣстѣ, а Тистельвудъ бросился мимо его, и успѣлъ скрыться, потушивъ свѣчки, такъ что въ потемкахъ нѣсколько изъ его сообщниковъ бросились внизъ по лѣстницѣ, а полицейскіе преслѣдовали ихъ какъ могли въ темнотѣ. Въ это время показался запоздалый военный отрядъ, и человѣкъ 9 было схвачено. Въ теченіи двухъ слѣдующихъ дней и Тистельвудъ, и всѣ главные заговорщики были взяты».

«27-го Марта, послѣ судебнаго слѣдствія, билль (bill) обвиненія въ государственной измѣнѣ былъ объявленъ ему и другимъ 11-ти заключеннымъ. 17 Апрѣля онъ былъ представленъ суду. Главный свидѣтель

противъ него былъ одинъ изъ заговорщиковъ именемъ Адамсъ. Послѣ 3-хъ дневнаго суда (trial) онъ былъ объявленъ виновнымъ въ заговорѣ, съ цѣлью возбудить бунтъ противъ короля, и въ началѣ дѣйствія по сему намѣренію. Ингсъ, Брунтъ, Тиддъ и Давидсонъ судились потомъ и признаны виновными. Остальные шестеро сами сознались виновными. Одинъ изъ нихъ, который, какъ оказалось, взошелъ въ заговоръ, не зная его истинной цѣли, былъ прощенъ. Для другихъ пятерыхъ приговоръ на смертную казнь былъ смягченъ, и они сосланы на всю жизнь на поселенія (или на каторгу, не знаю, что собственно transporta'tion значитъ). 1-го Мая Тистельвудъ и главные четверо сообщниковъ его повѣшаны на обыкновенномъ мѣстѣ казни въ Ольдъ-Бейлей Old-Bailey), хваляся до конца тѣмъ, чего они хотѣли достигнуть, и сожалѣя только о неудачѣ, безъ всякаго раскаянія въ своемъ гнусномъ преступленіи. Со стороны толпы народа не было никакихъ знаковъ участія къ казненнымъ."

„Въ сѣверныхъ провинціяхъ Великой Британіи общее неудовольст„віе, на которое разсчитывалъ Тистельвудъ, выказывало себя сильнымъ „волненіемъ, которое доходило до незначительныхъ бунтовъ въ нѣко„торыхъ мѣстностяхъ. 2-го Апрѣля, въ Гласковѣ (Glasov), проклама„ція была наклеена на стѣнахъ: въ ней объявлялось, что издана она „комитетомъ для организаціи Временнаго Правленія; въ ней говори„лось въ видѣ предисловія о Магнѣ Чартѣ (Великой Хартіи) и биллѣ, „о правахъ (bill of rights); потомъ объявлялась борьба, которая гото„вилась къ достиженію равенства правъ для всѣхъ, и вызывали народъ „въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи выйти на арену и произвести ре„волюцію силою оружія.»

„Весь Гласковъ взволновался; страхъ овладѣлъ всѣми до такой „степени, что фабрики остановились, и никто не смѣлъ оставить дома. „Но энергическія мѣры правительства и сильные отряды милиціи и „войска скоро возстановили порядокъ. Нѣсколько разбоевъ кое-гдѣ „были прекращены, и только одна была попытка на вооруженное со„противленіе въ сосѣдствѣ Гласкова, по дорогѣ въ Фалкиркъ (Falkirk) „на возвышеніи, называемомъ Боннимуиръ (Bonnymuir), гдѣ маленькая „партія радикаловъ, вооруженныхъ чѣмъ попало: пистолетами, винтов„ками, кольями, засѣли за каменной оградой, убили одну лошадь и „ранили одного офицера и трехъ солдатъ кавалерійскаго отряда, по„сланнаго противъ нихъ. Изъ нихъ самихъ много было тяжело ранен„ныхъ, а 19 взято въ плѣнъ. Множество людей, обвиненныхъ въ рас„пространеніи неудовольствія противъ правительства, было арестовано. „Чрезъ нѣсколько дней волненіе совершенно утихло. Рабочій классъ „воротился къ своимъ занятіямъ, и опасенія, возбужденныя имъ, бы„ли забыты всѣми, кромѣ преступниковъ, ожидающихъ въ тюрьмахъ „справедливой кары закона".

„Къ концу Іюля и къ началу Августа (черезъ три или четыре „мѣсяца) обвиненные въ государственной измѣнѣ были отданы на „судъ особой коммиссіи, которая засѣдала въ тѣхъ графствахъ, гдѣ „были совершены преступленія (т. е. смуты). Большое число обви„ненныхъ приговорены къ смертной казни, но приговоры были смягчены „королемъ для всѣхъ, кромѣ троихъ. Одинъ давно занимался возбуж„деніемъ къ бунту народа; другіе два участвовали въ стычкѣ Бон„нимуирской. Ихъ казнь произвела на зрителей болѣе грустное, но за„то менѣе отвратительное впечатлѣніе, чѣмъ Тистельвуда и его сообщ„никовъ: ибо Шотландскіе бунтовщики умерли въ раскаяніи и чув„ствахъ глубокой религіозности, не хвастаясь, подобно заговорщи„камъ Катоновской улицы, чувствами и побужденіями, которыя уни„жаютъ человѣка до уровня животныхъ".

Таковъ отчетъ Англійскаго Сборника о происшествіяхъ 1820 года. Здравый смыслъ, чувство законности и крѣпкое монархическое чувство спасли Англію отъ періодическихъ переворотовъ ея сосѣдки Франціи.

Говоря вообще, двухъ-годовое пребываніе отца моего въ Лондонѣ имѣло большое и благотворное вліяніе на него. Его умъ былъ слишкомъ развитъ, его смыслъ слишкомъ здравъ и воспитаніе въ дѣтствѣ слишкомъ Русское, чтобы позволить ему рабски поклоняться иностранному и дать овладѣть собою тому пристрастію къ какому бы то ни было иностранному строю жизни, которое слишкомъ у насъ обыкновенно. Онъ видѣлъ и существенные недостатки Англійскаго правительства и Англійскаго народа, и непримѣнимость къ Россіи правленія и привычекъ Англійскихъ: но онъ умѣлъ цѣнить и перенять или присвоить себѣ то, что находится истинно и безусловно похвальнаго и полезнаго въ Англіи. Онъ говаривалъ, что, въ противоположность необузданности Французскаго понятія о свободѣ онъ выучился почитать и любить то вольное поклоненіе закону, которое характеризуетъ Англичанъ; онъ вынесъ изъ Англіи, искренне всюду имъ примѣняемое, уваженіе къ человѣческому достоинству и къ правамъ частныхъ лицъ, равно какъ и къ правамъ общимъ государства и народа. Но онъ не разлюбилъ народа своего, не отсталъ даже отъ родныхъ обычаевъ, хотя полюбилъ еще болѣе прежняго опрятность, чистоту и удобства жизни въ домашнемъ быту. Въ Англіи укоренилось его желаніе освобожденія крестьянъ, которое было поколеблено мнѣніемъ Карамзина о невозможности въ то время примѣненія великаго начала Христіанскаго братства къ нашему крѣпостному праву. Онъ вынесъ, для себя собственно, обильный источникъ высокихъ и чистыхъ наслажденій въ знаніи Англійскаго языка и постоянно занимался литературою Англійскою. Онъ говорилъ, какъ Хомяковъ: „Англія тѣмъ такъ хороша, что она своеобразна и не годится въ образцы никому".

Изъ воспоминаній графини А. Д. Блудовой *).

Швеція съ 1812 по 1815 годъ.

Въ Стокгольмѣ отцу моему посчастливилось узнать и сблизиться съ одною изъ знаменитостей тогдашней Французской литературы; въ отрочествѣ онъ слушалъ о ней съ такимъ усерднымъ вниманіемъ разсказы своего наставника графа де Фонтенъ. Баронесса Сталь успѣла проѣхать черезъ Россію въ Швецію, по дорогѣ въ Англію, и осталась на зиму въ Стокгольмѣ, увидавъ, что правительство Шведское и кронпринцъ Бернадотъ рѣшительно становятся въ ряду противниковъ Наполеона. Эта замѣчательная женщина, которая наводитъ теперь скуку на насъ въ своихъ романахъ (какъ наводитъ ее, впрочемъ, почти вся сентиментальная беллетристика тогдашняя), была совершенно иная въ своемъ разговорѣ, самомъ натуральномъ, блистательномъ, оживленномъ, безъ всякой изысканности, напыщенности и доктринерства; словомъ она ничѣмъ не походила на героинь своихъ романовъ. Она была очень дурна собою; но ея разговоръ былъ такъ увлекателенъ и, блистая имъ сама, она такъ хорошо умѣла вызывать живость ума въ своихъ собесѣдникахъ, такъ искренно любила остроуміе чужое, что всѣ, знавшіе ее, забывали ея некрасивую наружность и плѣнялись ею болѣе, чѣмъ иной красавицей. Остроумный разговоръ, живой обмѣнъ мыслей, былъ для нея насущною потребностью. «J'étais vulnérable, пишетъ она, par mon goût pour la société... Le plaisir de causer, je l'avoue, a toujours été pour moi le plus piquant de tous.... La conversation a été depuis mon enfance mon plus grand plaisir [1]. Для нея знакомство съ моимъ отцомъ было настоящей находкой, и она скоро сблизилась съ нимъ и моею матерью до дружескихъ отношеній: ежедневно видѣлась съ ними и оставила въ ихъ памяти свѣтлый слѣдъ, который не помрачался никакими непріятными столкновеніями. Странно кажется намъ теперь это преслѣдованіе женщины-писательницы, конечно, но писательницы, ко-

*) См. выше стр. 365.

[1]) Любовь къ обществу была моимъ недостаткомъ. Признаюсь, что удовольствіе бесѣды всегда было для меня самымъ завлекательнымъ. Съ дѣтства я всего больше любила разговаривать.

торая однако никакими своими сочиненіями не вызывала на политическій переворотъ, и никогда не вмѣшивалась ни въ какой заговоръ противъ правительства Наполеона. Она ему не льстила, вотъ и все. Она его не хвалила, она была ему лично непріятна, а изъ людей почтенныхъ и блистательныхъ Парижскаго общества многіе сходились въ ея гостинную, которая составляла нѣчто независимое, общественно-нравственное, и эта-то независимость и была чѣмъ-то въ родѣ протеста противъ всемогущества Перваго Консула Республики. Одного этого было достаточно, чтобы вызвать цѣлый рядъ мелочныхъ придирокъ не только къ ней, но и ко всѣмъ ея пріятелямъ, даже къ совершенно безвредной, всѣми уважаемой красавицѣ, Рекамье. Къ такимъ вожделѣннымъ результатамъ привела кровавая буря Французской революціи даже въ то время, когда республиканскія формы еще тѣшили этихъ взрослыхъ дѣтей Французовъ.

Связь г жи Сталь съ Бенжаменомъ Констаномъ, на котораго ея вліяніе казалось Наполеону сопротивленіемъ ему, уже возстановила его противъ нее, когда онъ былъ Первымъ Консуломъ, а Констанъ трибуномъ, и въ опозиціи. Она подѣйствовала тоже непріятно на него одною нѣсколько напыщенною фразой, на какомъ-то публичномъ пріемѣ: «Citoyen Premier Consul, nourrissez l'opinion», сказала она. — «Nourrissez vos enfants, madame [1]), отвѣчалъ онъ, не любя, чтобы женщины говорили о политикѣ.—Извѣстно, что другой молодой женщинѣ онъ какъ-то сказалъ: «Il ne faut pas que les femmes s'occupent de la politique».

«Dans un pays où on leur coupe la tête, Sire, elles veuillent savoir pourquoi, былъ мѣткій отвѣтъ молодой дамы [2]).

Литературная репутація г жи Сталь заставляла его еще болѣе раздражаться противъ нея, а вліяніе на общее мнѣніе ея кружка, самаго блистательнаго въ Парижѣ, состоявшаго изъ самыхъ благородныхъ и уважаемыхъ людей, казалось ему обидною опозиціей. Наконецъ, когда онъ сдѣлался Императоромъ, онъ далъ полную волю ненависти, особенно послѣ ея книги «L'Allemagne», за то, что она въ ней «ничего о немъ не говорила». Десять лѣтъ мелочныхъ преслѣдованій, запрещеніе жить въ Парижѣ, потомъ изгнаніе изъ Франціи; запрещеніе выѣзжать изъ ея замка Коппе (хотя этотъ кантонъ Швейцарскій не принадлежалъ Франціи); запрещеніе путешествовать по землямъ союзнымъ съ Франціей, запрещеніе въѣзда въ Парижъ для г жи Рекамье (за то, что она, проѣзжая мимо

---

2) Гражданинъ Первый Консулъ; кормите общественное мнѣніе.—Кормите вашихъ дѣтей, сударыня.

3) Не надо, чтобы женщины занимались политикою.—Государь, въ странѣ, гдѣ имъ рубятъ головы, онѣ желаютъ знать за что.

Коппе, навѣстила свою пріятельницу и провела у нея два часа); такое же запрещеніе въѣзда въ Парижъ для Матьё Монморанси, и для стараго 78-лѣтняго графа Сенъ-При, бывшаго министра Людовика XVI, единственно за посѣщеніе ея дома въ Коппе; приказаніе Вильгельму Шлегелю, воспитателю ея дѣтей, выѣхать изъ Швейцаріи [4]): все это заставило ее опасаться окончательнаго заключенія, и она, въ началѣ 1812 года, рѣшилась бѣжать въ Англію. Но крѣпостное состояніе всѣхъ Европейскихъ державъ подъ вассальствомъ Наполеона принудило ее пробираться черезъ Россію и Швецію. Женевскій префектъ далъ ей знать, что вездѣ, гдѣ приказываетъ Франція, она будетъ арестована, а вся Германія была покорна Французамъ. Принцы Рейнскаго Союза думали, по крайней мѣрѣ, найти свои выгоды въ этой покорности; но Австрія, по замѣчательному стеченію обстоятельствъ, приносила въ жертву имѣстѣ и честь свою и выгоды. «Необходимо было ѣхать черезъ Россію», пишетъ она въ своихъ воспоминаніяхъ, «и я проводила все время свое въ изученіи карты Европы, чтобы бѣжать отъ него; такъ точно какъ Наполеонъ изучалъ ее, чтобъ ее покорить. И моя, также какъ его кампанія, имѣла цѣлію Россію. Эта держава была тогда послѣднимъ убѣжищемъ угнетенныхъ; естественно, что ее-то и долженъ былъ стараться низвергнуть властелинъ всей остальной Европы».

Окруженная полицейскими, которые торопили ее скорѣе выѣхать изъ Австрійскихъ владѣній, она, наконецъ, черезъ Галицію достигла Русской границы. Но война съ Наполеономъ уже начиналась; ожидали Французскаго нашествія на Россію и, пробывъ короткое время въ Россіи, г-жа Сталь черезъ Финдляндію пріѣхала въ Стокгольмъ. Бенжаменъ Констанъ не былъ съ нею. При ней находились Вильгельмъ Шлегель въ качествѣ друга, секретаря, воспитателя сыновей ея и ученаго сотрудника, и chevalier de Rocca, красавецъ собой, впрочемъ, не умный и не глупый, въ котораго она влюбилась въ Швейцаріи, ухаживая за нимъ во время его болѣзни (его нашли раненаго, изнемогающаго у дверей ея дома); она была съ нимъ обвѣнчана тайно, т. е. всѣ знали, что онъ ея мужъ, но она не хотѣла перемѣнять своего имени, прославленнаго по всей Европѣ. Дочь ея Albertine [5]), весьма молодая дѣвушка, любезная, добрая и миловидная, сдружилась съ молодой сестрой моей матери, и оба семейства были безпрестанно вмѣстѣ.

---

[4]) Когда она спросила, почему состоялось такое приказаніе, и что сдѣлалъ Шлегель? ей отвѣчалъ Женевскій префектъ: „Его литературныя мнѣнія вредны; онъ, между прочимъ, въ одной брошюрѣ, сравнивая Федру Еврипида съ Федрой Расина, даетъ предпочтеніе Греческой надъ Французской.

[5]) Въ послѣдствіи замужемъ за герцогомъ де Броль. Мать писателя Альберта Броля.

Отецъ мой былъ тогда повѣреннымъ въ дѣлахъ, а по пріѣздѣ графа Григорія Александровича Строганова, оставался совѣтникомъ посольства, редакторомъ и настоящимъ сотрудникомъ посла. Графъ Строгановъ былъ тоже замѣчательная личность: въ немъ, какъ во многихъ вельможахъ, выросшихъ подъ конецъ царствованія Екатерины, было, несуществующее нынѣ, смѣшеніе совершенно иностраннаго воспитанія, привычекъ, склада ума, съ чисто-Русской чуткостью въ политикѣ, сердечной горячностью къ родинѣ и глубокимъ чувствомъ достоинства Россіи. Въ разговорѣ, въ языкѣ, въ пріемахъ, это былъ представитель либерально-аристократической молодежи Версальскаго двора; въ направленіи политическомъ, въ дипломатическихъ дѣлахъ, это былъ представитель Русскаго Государя и Русскаго народа. «Онъ былъ послѣдній Русскій посолъ въ Константинополѣ», говорили о немъ Славяне еще лѣтъ 20 назадъ; да еще въ такое время, когда сажали пословъ въ Семибашенный Замокъ, съ тѣмъ чтобы, при объявленіи войны, обезглавить ихъ. А во время Крымской войны, въ глубокой старости, ослѣпшій, удалившійся отъ дѣлъ, онъ однажды всталъ, попросивъ руку у одного изъ своихъ гостей, «чтобы проводить слѣпаго», и вышелъ изъ собственной гостинной, сказавъ дерзкому иностранцу, что «онъ не останется въ одной комнатѣ съ посѣтителемъ, который осмѣливается при немъ сказать слово неуважительное про Россію». Наслѣдный принцъ Шведскій, какъ его звали, генералъ Бернадотъ, былъ также лице замѣчательное и блистательное по уму и по военнымъ талантамъ. Батюшка особенно уважалъ въ немъ честнаго политическаго дѣятеля, искренно принявшаго на себя обязанности свои, какъ владѣтель земли, которой онъ отдался всецѣло, какъ второму отечеству. Его разговоръ тоже нравился батюшкѣ, не смотря на нѣсколько смѣшныя простонародныя выраженія и выговоръ южно-Французскій.

Такое же уваженіе за искреннее и добросовѣстное исполненіе царскихъ обязанностей на импровизированномъ престолѣ, въ чужой землѣ, сохранялъ батюшка къ Людовику Бонапарте, королю Голландскому, къ которому нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ онъ ѣздилъ курьеромъ съ Андреевской лентой для старшаго его сына, и который отрекся отъ престола, какъ скоро убѣдился, что отъ него требуютъ пожертвовать Голландіей въ пользу Франціи

Батюшку вѣнчалъ священникъ весьма умный, образованный и почтенный, Самборскій, бывшій духовникомъ великой княгини Александры Павловны, во время ея замужества за эрцгерцогомъ Іосифомъ, палатиномъ Венгерскимъ. Самборскій и дочь его Анна Андреевна были единственные друзья молодой, царской красавицы, Русской, брошенной среди семейства и круга холоднаго къ ней, или враждебнаго, отчасти изъ фанатизма Латинскаго, отчасти

изъ зависти къ вліянію ея очаровательной наружности. Матушка слышала отъ Самборскаго, что преслѣдованія мачихи эрцгерцога доходили до смѣшныхъ мелочей. Случилось, между прочимъ, что на одинъ народный спектакль Александра Павловна пріѣхала въ ложу, по обычаю, въ брилліантахъ; но брилліанты ея были гораздо болѣе цѣнные и лучше отдѣланные, нежели ея свекрови. Въ залѣ глаза всѣхъ были устремлены на нее съ ласковымъ удивленіемъ. Малодушная свекровь запретила ей надѣвать брилліанты въ театръ; она кротко повиновалась. Но въ слѣдующій разъ, когда она взошла въ ложу съ одними только цвѣтами въ волосахъ, вмѣсто діадемы, ея юная красота была ослѣпительнѣе драгоцѣнныхъ каменьевъ, и шепотъ сдержаннаго удивленія прошелъ въ публикѣ. Бѣдной Александрѣ Павловнѣ пришлось вынести еще непріятности и за это. Словомъ, повторялась, въ дѣйствительности для нея, басня волшебныхъ сказокъ о злой мачихѣ и прекрасной царевнѣ. Не смотря на любовь мужа, она была такъ притѣсняема и несчастна, что Самборскій (не имѣя возможности писать о ней даже съ курьеромъ), рѣшился отправить дочь свою Анну Андреевну съ фельдъ-егеремъ на перекладной въ Петербургъ, дабы довести до свѣдѣнія императора Павла о тяжкомъ положеніи великой княгини. Когда Самборская пріѣхала, она уже не застала Павла I въ живыхъ, а вскорѣ и Александра Павловна скончалась, разрѣшившись преждевременно отъ бремени, вслѣдствіе, какъ думали Самборскіе, всѣхъ огорченій и преслѣдованій, которыхъ она была жертвою. За нею такой былъ плохой уходъ, что она умерла одна, безъ сидѣлки, и когда вошли въ ея комнату, нашли ее мертвой съ рукою на колокольчикѣ, которымъ у нея недостало силъ позвонить. Это послѣднее обстоятельство было мнѣ подтверждено графиней Ревай, которая была при ней фрейлиной и до глубокой старости (когда я познакомилась съ ней) сохранила къ Александрѣ Павловнѣ благоговѣйную преданность и, ради ея, любила всѣхъ Русскихъ и старалась сближаться съ ними.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФИНИ АНТОНИНЫ ДМИТРІЕВНЫ БЛУДОВОЙ.

(писаны въ 1867 году).

Берусь за перо, и останавливаетъ меня сомнѣніе: стоитъ ли писать записки или воспоминанія, когда собственная личность не имѣетъ никакого интереса для читателя, когда нѣтъ ничего занимательнаго въ собственной жизни?

Моя жизнь была самая счастливая, слѣдовательно, самая однообразная, безъ всякаго драматизма. Обстоятельства такъ мнѣ благопріятствовали, что я не имѣла ни нужды, ни желанія, ни случая выходить изъ семейнаго круга обязанностей, а въ семействѣ все было тишь и гладь, да Божья благодать. Такъ живется хорошо, но разсказывать нечего. Я всю жизнь была только зрительницей, конечно, заглядывая иногда за кулисы, но не играя никакой роли на театрѣ общества или исторіи. Много, въ полвѣка, видѣла я и слышала, и одно развѣ можетъ быть занимательно къ моихъ запискахъ: это—*отголосокъ прошлаго*, хотя не далекаго времени, его воззрѣній, сужденій и чувствъ, которыя уже столько измѣнились или измѣняются, что, можетъ быть, стоитъ сохранить ихъ образъ, пока онъ не совсѣмъ забытъ. Одно я знаю: любовь и уваженіе къ истинѣ такъ глубоко вкоренены были въ нашемъ семействѣ, что все, что̀ отъ родителей я слышала, не подлежитъ сомнѣнію, и сама я неспособна (по крайней мѣрѣ сознательно) измѣнить ей. Не разъ въ жизни я тяжело поплатилась за истину: можетъ быть, она тѣмъ дороже и милѣе стала мнѣ. О многомъ нынче слышу *легенды* или *историческіе романы*, можетъ быть, и не намѣренно сочиненные; а слово правды отъ современницы не пригодится ли будущему лѣтописцу? Итакъ, попытаюсь передать, что̀ помню—про общее настроеніе и обычаи того времени, и что́ помню о личностяхъ, съ которыми родители и я сама имѣли сношенія.

Какъ жизнь народовъ, такъ и жизнь отдѣльнаго человѣка имѣетъ свое *до-историческое* время неясныхъ воспоминаній самыхъ происшествій, но вѣрныхъ впечатлѣній о дѣйствіи ихъ на умы и на чувства того времени. Можно сказать: колоритъ сохраняется, хотя черты картины становятся мутны или даже искажаются неловкою, безъискусственною маляровкой этого усерднаго художника—воображенія, воображенія личнаго или воображенія народнаго.

Съ этой до-исторической эпохи дѣтства я и начну.

I.

Баснословныя времена и золотой вѣкъ дѣтства.

Самое отдаленное воспоминаніе моего дѣтства—болѣзнь, простуженная скарлатина, превратившаяся въ водяную. Помню нестерпимую боль, когда старались надѣть мнѣ на ноги (ноги четырехъ-лѣтняго ребенка) большіе чулки взрослой женщины, моей матери,—такая ужасная была опухоль... Помню тогда же смутное, какъ будто сквозь туманъ, явленіе блестящей золотомъ и каменьями большой иконы и богатую ризу священника, сѣдые, длинные волосы его и, сквозь этотъ же туманъ или дымъ, два озабоченныя, грустныя лица—моего отца и матери. Этотъ туманъ и дымъ были ничто иное, какъ воспаленіе въ мозгу, приливъ воды къ головѣ ребенка въ эту же самую болѣзнь, когда доктора уже потеряли надежду; а икона — Божіей Матери, Всѣхъ Скорбящихъ Радости, которую подымали и принесли къ моей кроваткѣ, чтобъ я приложилась къ ней.

Что́ прежде и послѣ происходило со мною, не помню; но сказываютъ, что я съ этого дня стала выздоравливать, и я помню уже только обыкновенную, ежедневную жизнь, или даже не жизнь, а обыкновенную обстановку ея. Видится мнѣ длинная зала, въ которой я играла и бѣгала, и статуя въ нишѣ на ея концѣ—что-то въ родѣ Весталки или Музы съ факеломъ въ рукѣ для лампы; наша дѣтская и большіе дѣдовскіе Англійскіе часы съ музыкой, подъ которую мы плясали и разыгрывали пантомимы, маленькіе дѣтскіе стулья и маленькій низкій диванчикъ, на который я часто сажала любимаго моего старика Гаврилу. Вижу его такъ живо предо мною и теперь! Высокаго, очень высокаго роста, худощавый, съ правильными чертами, коротко выстриженными сѣдыми волосами, съ задумчивымъ лицомъ, которое оживлялось невыразимо-доброю и веселою улыбкой, когда мы, дѣти, по своему угощали его. Его посѣщенія были изъ лучшихъ радостей моего дѣтства. Онъ былъ посланъ бабушкой въ прислугу (а по настоящему въ родѣ дядьки) къ батюшкѣ, когда она его отпустила на службу въ Петербургъ. Онъ вѣрно и любовно заботился о молодомъ баринѣ своемъ, и хотя состоялъ слугою, однако, былъ такъ уважаемъ имъ, что насъ, дѣтей, пріучили вставать передъ Гаврилой, когда онъ приходилъ къ намъ въ дѣтскую, а бабушка писала къ нему: «Гаврила Никитичъ», по имени и отчеству. И что за почтенный, добрый былъ онъ старикъ! Когда батюшка жилъ холостымъ въ Петербургѣ,

онъ получалъ очень скудное содержаніе (а натура его была Русская, тароватая), и въ два первые мѣсяца у него выходила почти вся треть. Онъ берегъ ровно столько денегъ (по рублю на вечеръ), чтобъ всякій день ходить въ театръ, который онъ страстно любилъ; вмѣсто же обѣда, завтрака и ужина, онъ съ своими любимыми друзьями, Жуковскимъ и А. И. Тургеневымъ, довольствовался мороженымъ съ бисквитами у кондитера Лареды, гдѣ у него былъ открытый кредитъ. (Эту кондитерскую я еще помню, въ концѣ Невскаго проспекта, гдѣ-то за Полицейскимъ мостомъ). Но 19-ти-лѣтній аппетитъ не могъ насытиться мороженымъ. «И частехонько бывало», разсказывалъ Гаврила, «они, мои голубчики, приходятъ домой, когда я варю себѣ обѣдъ; проходятъ мимо и говорятъ: Ахъ, Гаврило, какъ славно пахнетъ! Должно быть, хорошіе щи. А я уже знаю; у меня и щей довольно, и приварокъ есть на всѣхъ; и они, бывало, такъ-то убираютъ! Видно, что голодные!»

Тутъ же, въ нашей дѣтской, подлѣ Гаврилы, разсказывающаго про Пугачевщину и всѣ ужасы того времени, видится мнѣ моя кормилица (а потомъ няня) Шведка, которая оставалась у насъ всю жизнь свою и умерла у насъ въ домѣ, не имѣя другаго имени и прозванія какъ только «Дада»: этимъ именемъ я называла ее въ дѣтствѣ *). Добрѣйшаго сердца, открытая ко всему и ко всѣмъ бѣднымъ и страждущимъ отъ старика нищаго или больнаго ребенка до голодной собаки, она была вспыльчива до нервныхъ приступовъ и суевѣрна до крайности. Помню,—и это второе сильное впечатлѣніе моего дѣтства, — помню, какъ однажды, уложивъ меня спать и задернувъ около кроватки занавѣсъ, помолчавъ немного и думая, что я уснула, она стала тихо разсказывать одной изъ горничныхъ разныя приключенія съ чертями. Я слушала, притаивъ дыханіе и устроивъ въ занавѣскѣ маленькую щель, сквозь которую какъ теперь вижу Даду, какъ сидитъ она на маленькомъ стульчикѣ и съ глубокимъ убѣжденіемъ разсказываетъ про дѣвушку, которая была гдѣ-то въ услуженіи, и къ ней сталъ приходить свататься молодой, красивый, съ виду добрый и зажиточный человѣкъ, о которомъ впрочемъ никто не имѣлъ вѣрныхъ свѣдѣній. Однако она полюбила его и дала ему слово выдти за него замужъ. Не знаю, или я не поняла, почему свадьба была отложена; помню только, что у дѣвушки мало было свободнаго времени, и они видались лишь подъ вечеръ, по окончаніи работъ, на опушкѣ сосѣдней рощи. Не помню тоже, отъ чего въ ея мысли заронилось сомнѣніе о женихѣ; но она стала подмѣчать въ немъ странности; и вотъ однажды она видитъ, что у него износились сапоги, и—о ужасъ!—изъ сапога вмѣ-

*) Графиня А. Д. Блудова родилась въ Стокгольмѣ, гдѣ батюшка ея въ 1812 годахъ служилъ совѣтникомъ посольства. П. Б.

сто ноги выглядываетъ копыто! У меня и теперь, какъ тогда, мурашки ходятъ по кожѣ, когда я вспоминаю страхъ, который одолѣлъ мною въ этомъ мѣстѣ разсказа, и какъ крѣпко я зажмурила глаза и закрыла лицо простыней, чтобъ не видать даже Дады на ея низенькомъ стулѣ; но я все-таки слушала. Дада продолжала разсказъ. Дѣвушка была умная, ничего не сказала, не показала и страха; сердце у нея крѣпко билось и замирало, но она не потеряла присутствія духа; она замѣтила, что женихъ потихоньку схватилъ рукой ея передникъ, и она, продолжая разговаривать, тихонько же развязала тесемку передника, и только-только что успѣла, какъ вдругъ женихъ со всего размаху полетѣлъ на воздухъ, унося съ собою вмѣсто невѣсты одинъ только передникъ ея, и она видѣла, какъ онъ, въ смущеніи и гнѣвѣ, вихремъ промчался на двухъ черныхъ крыльяхъ и съ длиннымъ хвостомъ. Такъ присутствіе духа спасло бѣдную красавицу отъ черта.

Много такихъ разсказовъ слышала я по вечерамъ, когда няня думала, что я заснула; но помню ясно и подробно только этотъ одинъ. Швеція, какъ Данія и Шотландія, полна легендами про чертей, про видѣнія и пророческіе миражи—въ туманахъ этихъ сѣверныхъ странъ, въ отчизнѣ Фингаловъ и Гамлетовъ.

Есть, между прочимъ, въ Швеціи одинъ королевскій замокъ, Грипсгольмъ, извѣстный цѣлымъ рядомъ сверхъестественныхъ, или по крайней мѣрѣ, необъяснимыхъ видѣній. Батюшка еще зналъ въ Стокгольмѣ одного стараго господина въ какомъ-то придворномъ чинѣ, который имѣлъ способность предвидѣнія приближающихся въ будущемъ происшествій, то, что̀ Шотландцы называютъ second sight, *второе зрѣніе*. Я не помню имени этого человѣка, но о немъ разсказывали много странныхъ случаевъ, и батюшка часто говорилъ объ одномъ изъ нихъ, который я твердо помню. Нѣсколько лѣтъ передъ нашимъ пребываніемъ въ Швеціи, гостилъ у дочери своей, Шведской королевы, наслѣдный принцъ Баденскій, послѣ своего пребыванія у другой дочери, императрицы Елисаветы Алексѣевны. Онъ уже собрался ѣхать назадъ на родину. Въ самый день отъѣзда, дворъ вмѣстѣ съ нимъ завтракалъ въ замкѣ Грипсгольмѣ, и нашъ ясновидецъ тутъ же сидѣлъ за столомъ, почти противъ принца. Во время веселаго разговора, графиня Енгстремъ, кажется, жена министра иностранныхъ дѣлъ, или другая дама, замѣтила, что ясновидецъ поблѣднѣлъ, вдрогнулъ, сталъ пристально смотрѣть на принца и пріунылъ. Другіе этого не видали; завтракъ кончился благополучно, придворные простились съ принцемъ, и королевская семья поѣхала провожать его до моря. Пока ожидали ихъ возвращенія, графиня, съ женскимъ любопытствомъ и настойчивостью не давала покоя ясновидцу, требуя непремѣнно, чтобъ онъ разсказалъ

ей, что́ его смутило; онъ отнѣкивался, она приставала. Отдѣлившись отъ другихъ группъ, они остались у окна, въ виду большой дороги; тутъ наконецъ ясновидецъ рѣшился сказать своей собесѣдницѣ, что плохо принцу прійдется: во время завтрака онъ увидѣлъ за стуломъ принца его же самаго, стоящаго за нимъ,—точто живой двойникъ, но задумчивый и въ другомъ нарядѣ. Настоящій принцъ былъ въ мундирѣ Шведскомъ или Баденскомъ (не помню), а привидѣніе стояло въ Русскомъ мундирѣ. «Ну, что же?» спросила графиня. «Не хорошо», отвѣчалъ задумчиво тотъ. «Отъ чего не хорошо? Что же тутъ такаго? Чего вы боитесь?»—«Разумѣется, ничего, все вздоръ; зачѣмъ же вы меня спрашивали?» Онъ едва успѣлъ выговорить эти слова, какъ оба они увидѣли въ окно скачущаго опрометью верховаго. «Бѣда, бѣда», кричалъ онъ, «скорѣе доктора, помощи! Принца опрокинули, онъ крѣпко разбился». Все засуетилось, бросилось на дворъ на улицу. Принца черезъ нѣсколько часовъ не стало; когда привезли тѣло, онъ былъ въ Русскомъ мундирѣ: по какому-то случаю онъ, садясь въ карету, переодѣлъ платье и надѣлъ Русскій мундиръ. Такимъ образомъ, даже и въ этой подробности сбылось предсказаніе ясновидца.

Но не одинъ этотъ господинъ имѣлъ видѣніе въ замкѣ Гриппсгольмѣ; и другое, изъ такихъ же достовѣрныхъ источниковъ почерпнутое, то есть, разсказанное очевидцами, передавалъ намъ батюшка. Королева, не помню, жена ли Густава III или Карла XIII, провела часть лѣта въ замкѣ Гриппсгольмѣ, тоже немного лѣтъ до пріѣзда батюшки въ Стокгольмъ. Погода стояла ясная, теплая; однажды, послѣ обѣда, на который было приглашено нѣсколько постороннихъ лицъ, королева предложила гостямъ прогулку со всею свитою по саду. Вечеръ былъ такой теплый, что, отдохнувъ въ одной бесѣдкѣ, королева оставила въ ней красную шаль, которую было надѣла, но въ которой показалось ей слишкомъ жарко, и пошла дальше. Общество было отборное, разговоръ оживленный, королева весела; время шло незамѣтно, катались въ лодкѣ по озеру, прогулка длилась, и на возвратномъ пути королевѣ показалось что-то сыро; сдѣлалась у нея легкая дрожь, и она приказала своему маленькому пажу опередить ее и поскорѣе принести ей шаль. Мальчикъ побѣжалъ къ бесѣдкѣ, но хотя гуляющіе шли тихо, не возвращался. «Пойдемте же сами къ бесѣдкѣ», сказала королева и повернула туда. Когда они подошли, пажъ стоялъ у двери блѣдный, смущенный; королева шутя погрозила ему пальцемъ, говоря: «Ну что же? Принеси мнѣ хоть теперь мою шаль». Но пажъ стоялъ какъ вкопанный. «Хотѣлъ... нельзя... не могу... не смѣю...». «Что это значитъ?» спросила королева и пошла къ двери. «Не ходите, не ходите!» вскричалъ пажъ: «я былъ тамъ, я хотѣлъ взять красную шаль,

которая лежала на диванѣ; но какая-то незнакомая женщина, вся въ бѣломъ, страшная, очутилась у самаго дивана, положила одну руку на шаль, а другою подала мнѣ знакъ, чтобъ я вышелъ.» Королева слегка измѣнилась въ лицѣ, однако твердымъ голосомъ сказала пажу: «Пусти!» и, обращаясь къ гостямъ, прибавила: «Пойдемте въ бесѣдку; не бойтесь, это до меня одной касается; бѣлая дама только съ моимъ родомъ имѣетъ дѣло». Всѣ съ нею вошли въ бесѣдку; тамъ лежала шаль на диванѣ, никого въ бесѣдкѣ не было; но королева въ этотъ годъ и умерла.

Эти два случая батюшка слышалъ отъ свидѣтелей - очевидцевъ, и потому они достовѣрны, во сколько такія явленія могутъ быть удостовѣрены; но другой случай въ этомъ же замкѣ произошелъ гораздо прежде, такъ что онъ уже былъ переданъ не тѣми лицами, которыя тогда жили.

Королева Ульрика умерла въ замкѣ Грипсгольмѣ. На другой день кончины ея, какъ только успѣли положить ее подъ катафалкъ, на такъ называемой *парадной кровати умершихъ*, къ дверямъ замка подъѣхала, вся обитая чернымъ сукномъ, траурная карета, шестерикомъ, съ траурною упряжью, съ кучерами и лакеями въ траурныхъ ливреяхъ. Изъ кареты вышла дама въ глубокомъ траурѣ, и въ ней узнали графиню Стейнбокъ, друга королевы Ульрики, которая почему-то была удалена отъ нея и отъ двора и жила далеко въ деревнѣ. Тогда не было телеграфовъ, и присутствующіе удивились, какъ она успѣла узнать о смерти королевы такъ скоро, что уже явилась въ полномъ траурѣ; однако ее впустили. Она вошла съ тихимъ достоинствомъ, поклонилась царедворцамъ, которые, вѣроятно, и разлучили ее съ королевой, взошла на ступени къ кровати и наклонилась надъ умершею, чтобъ проститься съ нею; умершая привстала, открыла ей объятія, и долго и крѣпко обнимались давно разлученныя пріятельницы. Потомъ королева опустилась на свои подушки въ недвижномъ оцѣпенѣніи смерти, а графиня Стейнбокъ опять тихо поклонилась, прошла мимо изумленныхъ, испуганныхъ придворныхъ, сѣла въ свою карету и уѣхала. Черезъ нѣсколько дней узнали, что графиня Стейнбокъ скончалась въ своей деревнѣ на другое утро послѣ смерти королевы. Не она живая, а ея тѣнь приходила помириться съ другомъ своимъ, королевой, когда въ ясномъ видѣніи загробномъ обѣ поняли, что сердца ихъ не измѣняли другъ другу, а только ловкіе люди умѣли ихъ разлучить.

Сторожилы разсказывали это за несомнѣнное происшествіе. Что же касается до извѣстнаго разсказа о видѣніи какого-то сверхъестественнаго верховнаго суда и приговора, батюшка собиралъ свѣдѣнія и справки, и оказалось, что мнимые документы поддѣланы, и даже

какая-то неточность въ подписи короля доказываетъ невѣрность всего разсказа.

Другой необыкновенный случай разсказывали батюшкѣ очевидцы. Это уже происходило не въ замкѣ Грипсгольмѣ, а въ Стокгольмѣ, въ королевскомъ дворцѣ. 15-го Марта 1792 года, братъ короля Густава III-го, герцогъ Зюдерманландскій пошелъ въ кабинетъ или библіотеку короля отдохнуть послѣ обѣда и забылъ тамъ свой шарфъ. Вечеромъ, когда была пора отправиться въ маскарадъ, онъ вспомнилъ про шарфъ и послалъ пажа или камердинера за нимъ въ кабинетъ. По прошествіи нѣкотораго времени тотъ воротился, говоря, что никакъ не могъ войти въ комнату: замокъ у двери, должно быть, испорченъ; ключъ въ замкѣ, а повернуть никакъ нельзя. Герцогъ самъ пошелъ, и только тронулъ дверь, она отворилась; но онъ отскочилъ, ибо передъ его глазами лежала на диванѣ фигура мужская—вся въ крови, которая текла изъ свѣжей раны. Лица не видать было; но ему казалось, что это или онъ самъ, или король. Оправившись отъ перваго впечатлѣнія, онъ подошелъ къ дивану; но видѣніе уже изчезло. Онъ схватилъ свой шарфъ и поспѣшилъ въ маскарадъ. На этомъ маскарадѣ братъ его, король Густавъ III-й, былъ смертельно раненъ изъ пистолета графомъ Анкарстремомъ, и раненаго принесли для первой перевязки въ тотъ самый кабинетъ и положили на тотъ самый диванъ, гдѣ братъ видѣлъ его образъ или тѣнь, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ.

По случаю одной подробности этого происшествія, именно той, что дверь не могъ отворить камердинеръ, а какъ скоро взялъ ключъ герцогъ Зюдерманландскій, она легко отперлась, батюшка разсказывалъ, что *знатоки этого дѣла*, Шведы и Шотландцы, ему говорили, что всегда такъ бываетъ: явленіе, привидѣніе изъ духовнаго міра дается только тому, кто назначенъ судьбой для принятія этой тайны, «he who is fated», а для другихъ оно остается недосягаемо, непостижимо. Не то ли бываетъ и вообще въ области духовной? То, что̀ дается какимъ-то внутреннимъ откровеніемъ инымъ избраннымъ, — и крѣпость вѣры, и пониманіе прекраснаго, и творческая сила поэзіи, и чутье въ оцѣнкѣ людей,—все это недоступно и непонятно дюжиннымъ натурамъ, которымъ нужна грубая осязательность для вѣры, математическая точность для пониманія и очевидность открытыхъ, топорной работы, пружинъ, для объясненія неуловимо-тонкихъ движеній ума и сердца, составляющихъ собою характеръ, то есть особенность каждаго человѣка. О самихъ привидѣніяхъ, о явленіи умершихъ и о тѣхъ пророческихъ видѣніяхъ, о которыхъ Англичане говорятъ, что идущія намъ на встрѣчу, будущія происшествія *бросаютъ свою тѣнь на землю передъ собою*, можно спорить и дѣлать разныя предположенія;

но совершенно отрицать ихъ—точно ли благоразумно? Не все ли великое, не все ли духовное для человѣка необъяснимо?

Вотъ еще другаго рода пророческія видѣнія, второе зрѣніе, о которомъ разсказывала мнѣ матушка не разъ (а она никогда не дозволяла себѣ не только прикрасы, но даже преувеличенія правды). Она была очень дружна съ сестрами Каховскими; одна вышла замужъ за Арсеньева, другая, Александра, умерла въ чахоткѣ и имѣла способность видѣть не будущее, но *далекое настоящее*, посредствамъ зеркала. Во время долгихъ отлучекъ батюшки, когда онъ не былъ еще принятъ какъ женихъ княгинею Щербатовой, но въ душѣ былъ единственнымъ суженымъ княжны, она прибѣгала къ своей подругѣ, столь чудесно одаренной, чтобъ узнавать о своемъ миломъ и таинственно слѣдить за нимъ сквозь всѣ преграды времени и пространства. Въ самихъ занятіяхъ отсутствующаго не было ничего замѣчательнаго; но видѣнныя въ зеркалѣ мѣстности, комнаты и обстановка ихъ поражали своею вѣрностію, когда потомъ описывали ихъ батюшкѣ, по возвращеніи его. Такимъ образомъ рѣдкая способность молодой дѣвушки служила какъ-бы электрическимъ телеграфомъ для любящаго сердца подругѣ, томившейся въ тревожной неизвѣстности разлуки.

Е. М. Оленина разсказывала другой, еще болѣе поразительный случай. Когда я ее знала, она была благоразумною, практическою женщиной, большаго роста, массивною, съ правильными чертами, съ здоровыми нервами, хотя уже старою, и ничего не высказывалось въ ней нервнаго, похожаго на воспріимчивость и раздражительноеть воображенія. Но въ 1807 году она была еще молодою дѣвушкою. У кого-то въ деревнѣ собралось много ея же лѣтъ подругъ, и у всѣхъ было тяжело на сердцѣ: у кого отецъ, у кого братъ, у кого женихъ былъ на войнѣ. Одинъ разъ сидѣли онѣ всѣ въ комнатѣ у дочери хозяина; бесѣда шла объ опасностяхъ и трудахъ отсутствующихъ милыхъ, и сѣтовали онѣ, что къ нимъ, въ деревню, и вѣстей не доходитъ изъ арміи: Богъ знаетъ, кто изъ близкихъ живъ, кто убитъ, кто раненъ. Между такими рѣчами одной изъ нихъ пришла мысль поглядѣть да погадать въ зеркалѣ, какъ дѣлается на святкахъ. Которая изъ нихъ стала насмѣхаться, которая сомнѣваться, а нѣкоторыя и пристали къ этому предложенію. «Посмотри-ка», сказала одна изъ нихъ хозяйской дочкѣ,—«посмотри, гдѣ мой братъ? Что съ нимъ теперь?» Сѣла за зеркало хозяйская дочка; все обстановили какъ должно, и стала она смотрѣть, а другія всѣ разсѣлись поодаль и молчали или тихо, тихо, шепотомъ переговаривались, чтобъ не мѣшать вѣщуньѣ. Долго сидѣла она, не произнося тоже ни слова, — оно уже стало и надоѣдать другимъ,—какъ вдругъ заговорила: «Вотъ, вотъ, туманъ схо-

дитъ со стекла, вотъ лѣсокъ, песчаный берегъ, рѣка, большая, быстрая рѣка! Господи, сколько народу! Все войска, лагерь, солдаты, пушки, кони, на обоихъ берегахъ. Что̀ это тамъ суетятся у подошвы горы, на самомъ берегу? Кажется, всѣ штабные тутъ.... А, отчалила лодка съ того берега; въ ней маленькаго роста генералъ сидитъ; вотъ плотъ на серединѣ рѣки, другая лодка причалила, смотри!» Оленина подошла и стала за стуломъ подруги, посмотрѣла въ зеркало и сама увидала все это. «Вотъ, и другой генералъ взошелъ на плотъ; онъ повернулся — Государь!» вскрикнула хозяйская дочь и вскочила сама, пораженная удивленіемъ.

Это было 13-е Іюня 1807 года, день Тильзитскаго свиданія двухъ императоровъ, о которомъ уже, конечно, никто не думалъ, не гадалъ, и всего менѣе эти молодыя дѣвушки.

Всѣ эти чудные разсказы я, разумѣется, слышала гораздо позже, или по крайней мѣрѣ ихъ повторяли мнѣ послѣ; но съ самыхъ первыхъ лѣтъ я помню многія историческія преданія, въ которыхъ часто играло роль чудесное, а само историческое не всегда было вѣрно. Такъ, помню, я очень долго держалась (про себя) мнѣнія, будто гр. Николай Михайловичъ Каменскій былъ отравленъ происками старшаго брата и предательствомъ Закревскаго. Эта нелѣпая легенда ходила между домашними фельдмаршальши графини Каменской, и одна бывшая горничная матушки передавала эти свѣдѣнія намъ въ дѣтской, куда ходила къ моей Дадѣ. Я была такъ увѣрена въ истинѣ этого разсказа, что увидѣвъ въ первый разъ графа Сергѣя Михайловича, много лѣтъ спустя, когда мнѣ было уже лѣтъ пятнадцать или шестнадцать, я посмотрѣла на него съ ужасомъ и содроганіемъ и спѣшила уйдти изъ комнаты: такъ онъ мнѣ казался страшенъ. Уже гораздо позже, учась новѣйшей исторіи, я навела справки и, спросивъ конфиденціально о томъ у матушки, убѣдилась наконецъ, что это была клевета.

Эта бывшая горничная, жена нашего буфетчика, Авдотья Харитоновна, много передавала намъ военныхъ разсказовъ. Мужъ ея, Иванъ Сергѣевъ, былъ отставной сержантъ или унтеръ-офицеръ и служилъ при Суворовѣ, иногда и въ должности деньщика. Эту чету я помню только не молодою; потомъ состарѣлись они въ моихъ глазахъ, и Суворовскій солдатъ умеръ нѣсколько лѣтъ прежде жены. Они крѣпко любили другъ друга. Жена, окруживъ мужа нѣжностію и заботою до послѣдняго часа, тосковала по немъ всю остальную жизнь свою и, умирая, просила, чтобъ ее похоронили, буде можно, недалеко отъ него и положили бы съ нею въ гробъ его портретъ. Гаврила, нашъ милый, нашъ добрый Гаврила, также жилъ душа въ душу съ своею

старушкой Афимьей. Вижу, какъ теперь, какъ она стоитъ, маленькая, бѣленькая, сѣденькая, въ своемъ свѣтленькомъ платьицѣ, въ своемъ чисто-выбѣленномъ съ густою оборкою чепцѣ, держитъ въ рукѣ свѣчу и тихо плачетъ, и тихо крестится, пока соборуютъ умирающаго 90-лѣтняго Гаврилу; а онъ, съ спокойствіемъ духа и кроткою твердостію Русскаго простолюдина, безъ страха и волненія, смотритъ въ глаза приближающейся смерти и только безпокоится объ одномъ—чтобъ я не простудилась, переходя черезъ дворъ изъ нашихъ комнатъ въ его! Послѣ окончанія обряда онъ приподнялся, поцѣловалъ меня и дрожащимъ голосомъ сказалъ мнѣ: «Берегитесь!» Послѣдняя забота его была о дочери любимаго барина. Онъ черезъ нѣсколько часовъ скончался. Я такъ плакала и горевала, что меня не пустили къ тѣлу, и я уже не видала его послѣ смерти; а старушка Афимья перебралась на нашу половину, такая же бѣленькая и сѣденькая, тихая и кроткая. Она не носила ни чернаго платья, ни чернаго чепца, и слезъ не много проронила, и о старикѣ своемъ не говорила; но не прошло полгода, она сошла за нимъ въ могилу безъ особой болѣзни, безъ внѣшнихъ знаковъ особеннаго горя, тихо, кротко, покорно; какъ жила, такъ и умерла.

Однако я опять забѣгаю впередъ. Гаврила Никитичъ и Авдотья Харитоновна много разсказывали мнѣ, или при мнѣ моей нянѣ, о недавнихъ событіяхъ исторіи. Дядя моего отца со всѣмъ семействомъ погибъ отъ Пугачева, и еще долго, долго, до втораго и третьяго поколѣнія, дѣти слушали съ ужасомъ отъ старыхъ служителей семейства, какимъ образомъ кормилица спрятала было груднаго ребенка дяди и думала, что спасла его; но шайка внезапно воротилась, и одинъ изъ злодѣевъ, схвативъ за ноги ребенка, размозжилъ ему черепъ объ стѣну въ глазахъ вѣрной кормилицы. Объ этомъ дядѣ батюшка часто вспоминалъ. Между прочимъ онъ разсказывалъ одно замѣчательное обстоятельство. Дядя его изучалъ хиромантію и иногда довольно вѣрно угадывалъ по сгибамъ руки или чертамъ лица судьбу человѣка. Онъ какъ-то познакомился съ другимъ, свѣдущимъ по этой части; единство предмета занятій и любовь къ нему сблизили ихъ. Послѣ нѣкотораго времени, новый знакомецъ сказалъ ему (конечно не безъ оговорокъ), что его ожидаетъ смертная казнь. «Знаю», отвѣчалъ дядя моего отца, «но знаю тоже, что я никогда этой казни не заслужу и погибну безвинно; для моего спокойствія мнѣ больше и не нужно». Онъ погибъ въ слѣдующемъ году отъ Пугачева.

Много жертвъ пало изъ нашего семейства около Казани въ это смутное время, и разсказы Гаврилы такъ дѣйствовали на меня, что

я не чувствовала никакой жалости, а скорѣе какое-то злорадостное любопытство, когда доходило до описанія желѣзной клѣтки, въ которую посадили изверга.—Не такъ безжалостно относилась я къ Волжскимъ разбойникамъ, въ похожденіяхъ которыхъ все-таки слышалось и увлекательное удальство, и даже какое-то дикое великодушіе: хотя они и разоряли, и грабили, и жгли селенія, но по крайней мѣрѣ изъ простой корысти, смѣшанной съ тѣмъ наслажденіемъ, которое находится въ чрезвычайномъ подвигѣ, даже преступномъ, въ опасности, въ борьбѣ, въ успѣхѣ, въ самой *силѣ*, будь она нравственная или физическая. Чуялось ли это смутно ребенку,—не знаю; а можетъ быть, и самъ Гаврила болѣе сочувственно относился къ нимъ въ своихъ разсказахъ, чѣмъ къ Пугачеву; но Волжскіе *недобрые молодцы* остались навсегда въ моей памяти съ почти-героическимъ оттѣнкомъ. Рано зарождается въ женщинахъ какая-то безразсудная отвага, и даже въ ребячествѣ опасность манитъ ихъ и привлекаетъ къ себѣ—не изъ за цѣли, а изъ-за тревоги и обаянія въ самомъ чувствѣ побѣжденнаго страха, изъ-за *призванія* къ самопожертвованію, къ произвольному *страданію* за другихъ, безъ разбора и почти безъ сознанія; по крайней мѣрѣ, по большей части такъ бываетъ. Жизнь и ея горькій опытъ дѣлаютъ насъ боязливыми, но по природѣ у насъ есть врожденная жажда *подвига*, которая иныхъ бросаетъ въ крайности аскетизма, другихъ въ крайности разврата, а въ болѣе счастливыхъ развиваетъ тотъ героизмъ семейнаго ежеминутнаго самозабвенія и самоотреченія, который остается тайною домашняго очага и потому не цѣнится или отрицается посторонними. Дайте правильный исходъ этому врожденному геройству, и вы увидите княгиню Наталью Долгорукову, Гертруду Фонъ-деръ-Бартъ, Корнелію, мать Граховъ, или тѣхъ скромныхъ героинь-христіанокъ, которыя послѣдовали въ 1826 году за мужьями въ Сибирь, и тѣхъ сестеръ милосердія, которыя во Франціи, въ Пруссіи, въ Крыму отдавали и отдаютъ всю жизнь свою на жертву, въ помощь и облегченіе недугующихъ, страждующихъ, плѣненныхъ. Не давайте правильнаго исхода этой женской отвагѣ, — вы найдете m-lle de la Vallière, Agnès Sorel и даже Ninon de Lenclos, и нашихъ современныхъ нигилистокъ! Эти сорныя травы и эти цѣлебныя зелья — произрастенія одной и той же почвы.

Итакъ, въ разсказахъ ли Гаврилы, или въ моемъ собственномъ воображеніи, удалые молодцы, которые плыли «внизъ по матушкѣ по Волгѣ», промышляя по своему, вооруженною рукой и слагая звучныя пѣсни свои, были довольно увлекательныя лица, и мнѣ становилось жаль подъ часъ, что прошло то бурное, славное время. Бывало, бабушка Катерина Ермолаевна, когда жила вдовою въ Танкѣевкѣ (Спас-

скаго уѣзда Казанской губерніи), созоветъ всѣхъ дворовыхъ и молодыхъ крестьянъ, наберетъ такимъ образомъ отрядъ человѣкъ въ 300 или 400, раздастъ имъ охотничьи ружья, пистолеты, патроны, поставитъ двѣ маленькія пушки у воротъ усадьбы; канава вокругъ сада исполняетъ должность рва, и бабушка съ маленькимъ сыномъ засядетъ въ своей импровизированной крѣпости, ожидая осады непріятеля. Большею частію этимъ и кончалась бѣда. Добрые молодцы съ пѣснями проплывутъ вдоль рѣки у берега: оружіе спрятано, расшива (лодка) съ золоченою кормой и носомъ несется быстро на своихъ натянутыхъ парусахъ; сидятъ по ея бокамъ смирно и лѣниво молодые купчики,— хозяинъ въ щегольскомъ полукафтанѣ или полушубкѣ, съ шапкой на бекрень, распоряжается, будто торговцы ѣдутъ на ярмарку. Но не похожъ этотъ удалой соколиный взглядъ, эта молодецкая осанка, эта ловкая, быстрая походка на скромнаго купеческаго сына: это самъ молодой атаманъ, это его шайка съ нимъ, и какъ затянутъ они пѣсню, да гаркнетъ онъ своимъ звонкимъ голосомъ: «въ темномъ лѣсѣ», такъ по всему берегу и забьется сердце у мужичковъ, и пока несутся звуки, удаляясь, утихая, замирая на водахъ, стоятъ они да крестятся и откликаются и старый и малый; а парней иногда въ душѣ и тянетъ туда къ Волгѣ, къ разгулу этой заманчивой жизни, между тѣмъ какъ молодухи сожалѣютъ о дѣвкѣ-красавицѣ, что̀ сидитъ на палубѣ, разодѣтая въ парчевомъ шушунѣ съ длинною лентой въ длинной косѣ, и на нее такъ дерзко и любовно поглядываетъ удалой атаманъ. Признаться, мнѣ совсѣмъ не жаль бывало, а скорѣе завидно этой невѣстѣ (какъ я полагала) разбойника, которая дѣлила съ нимъ опасности его тревожной жизни. Однако эта преступная зависть проходила, и я возвращалась къ законному сочувствію и восторгу, когда рѣчь доходила до опасности, въ которой бабушка сама оказалась однажды. Въ приволжскихъ деревняхъ мужики позажиточнѣе большею частію откупались отъ молодцевъ, выходя на берегъ съ хлѣбомъ и солью, съ шитыми шелкомъ и золотомъ полотенцами и ручниками, на которыхъ, кромѣ хлѣба, лежали и деньги, собранныя всѣмъ міромъ и подносимыя добрымъ молодцамъ; а разбойники, имѣя своего рода *честь* *), почитали недозволеннымъ нападать на такихъ слабыхъ и сговорчивыхъ людей. Но бабушка имѣла тоже свои понятія о чести и достоинствѣ барыни-помѣщицы и не соглашалась на такія сдѣлки съ непріятелемъ. Пока живъ былъ дѣдушка, его огромная псовая охота служила оборонoй усадьбѣ и острасткой для разбойниковъ.

---

*) Честь въ смыслѣ *point d'honneur*. Le point d'honneur, говоритъ Грабовскій, c'est la contrefaçon de la conscience. (Щегольство честью есть поддѣлка совѣсти).

Но послѣ него экономическіе разсчеты заставили уничтожить весь этотъ штатъ и всѣхъ собакъ, оставивъ только злѣйшихъ изъ послѣднихъ для ночнаго карауда, между тѣмъ какъ воинственные псари превратились въ мирныхъ ткачей вновь увеличенной и усовершенствованной полотняной фабрики. Разбойники знали все это и рѣшились наказать Катерину Ермолаевну за ея гордость и несговорчивость. Однако, изъ презрѣнія ли къ женщинѣ, или изъ рыцарства, они объявили заранѣе походъ на нее. Высадившись большою шайкой на заливныхъ лугахъ имѣнія, они кинулись къ усадьбѣ. Крикъ, плачъ и вой поднялся въ деревнѣ, которая лежитъ противъ самой усадьбы, на другомъ берегу пруда; а Катерина Ермолаевна, велѣвъ зарядить пушки и ружья и палить въ добрыхъ молодцевъ, какъ только станутъ подходить, отправила вѣрнаго слугу къ ближайшему пикету съ требованіемъ помощи; но не скоро могъ пробраться посланный, и не скоро, даже, на подводахъ, пріѣхала военная команда. Во все это время Катерина Ермолаевна, съ замѣчательнымъ присутствіемъ духа и распорядительностію, выдержала нешуточное нападеніе разъяренныхъ разбойниковъ, и не будь этихъ двухъ пушченокъ, ей бы, вѣроятно, не сдобровать; однако Богъ помогъ! Команда пришла во время, и усадьба и деревня уцѣлѣли. Съ тѣхъ поръ эти двѣ пушки служили уже только украшеніемъ или трофеями въ усадьбѣ, да въ необыкновенно торжественныхъ случаяхъ изъ нихъ палили холостыми зарядами въ видѣ салютовъ. Уже послѣ кончины Катерины Ермолаевны, батюшка ѣздилъ въ свою Казанскую вотчину на освященіе вновь оконченной или перестроенной церкви надъ могилами его отца и дѣдовъ. Разумѣется, одна изъ достославныхъ этихъ пушченокъ была подвезена къ церкви, и во время благодарственнаго молебствія изъ нея дали залпъ, потомъ другой; а тамъ вдругъ трескъ, шумъ, ужасный крикъ, и батюшка выбѣжалъ изъ церкви узнать, какая бѣда случилась. Вышло, что отставной солдатъ, исправлявшій должность артилериста, неосторожно передалъ молодому парню, котораго онъ взялъ себѣ въ прислугу, полупотухшій фитиль, и тотъ, стоя подлѣ пушки съ мѣшкомъ на шеѣ, полнымъ патроновъ, положилъ курящійся фитиль въ мѣшокъ. Послѣдовалъ ужасный взрывъ. Парень былъ страшнымъ образомъ раненъ; лицо все опалено, глаза или по крайней мѣрѣ вѣки, повреждены, а главное, вся грудь растерзана, такъ сказать, вспахана порохомъ: кожа содрана, мясо въ клочкахъ, кость обнажена. Сорокъ лѣтъ спустя, батюшка не могъ говорить объ этомъ безъ содроганія: такъ ужасно было положеніе бѣднаго мужика, такъ раздирательны были его крики и стоны. Что дѣлать? Казалось, онъ долженъ умереть въ мученіяхъ. Батюшка сейчасъ же послалъ за

докторомъ, а между тѣмъ обступили его крестьяне: «Позволь, баринъ, позвать бабъ-знахарокъ; у насъ есть двѣ; онѣ вылѣчатъ, у нихъ есть заговоръ отъ всякой боли». Нечего было препираться о разумности или неразумія такого лѣченія въ эту минуту. Несчастнаго страдальца отнесли въ сарай по близости, положили на сѣно, и пришли двѣ бабы. Онѣ требовали, чтобы всѣ вышли вонъ, въ томъ числѣ и батюшка; что́ тамъ дѣлалось въ сараѣ, онъ, слѣдовательно, не видалъ; но не прошло двухъ минутъ, какъ крики и стоны прекратились, боль унялась, и раненый заснулъ. Когда докторъ прискакалъ, больной былъ совершенно спокоенъ: не было ни боли, ни жару, и послѣ перевязки и другихъ медицинскихъ пособій онъ выздоровѣлъ. Мгновенно-совершенное утоленіе боли и жару осталось несомнѣннымъ, но необъяснимымъ событіемъ.

Тутъ же на Волгѣ, — не знаю только въ Казанской ли губерніи,—знаменитый Ванька-Каинъ держалъ свою шайку и ходилъ съ нею въ разбой. Не знаю его происхожденія и первоначальнаго образа жизни; но, по разсказамъ моего дѣтства, его натура была не обыкновенная, не дюжинная: и добрые великодушные порывы его, и поэтическая тоска, и минуты отчаяннаго раскаянія дѣлаютъ изъ него истинно-драматическое лицо. Безстрашный, предпріимчивый, лукавый, онъ умѣлъ и переряжаться, и скрываться, и дерзко обманывать, и неудержимо за собой увлекать, и безпощадно разрушать, и великодушно миловать. Сопротивленіе отчаяннымъ его набѣгамъ наказывалось пожаромъ и грабежемъ; но бѣдному, слабому, ищущему у него самого защиты онъ никогда не отказывалъ, и часто, бывало, одаритъ, грабленнымъ добромъ конечно, но все таки поставитъ на ноги бѣдняка, возстановитъ цѣлое семейство честное, «сотворя себѣ други изъ мамоны неправды», завидуя со слезами честности и невинности ихъ. Таборъ свой держалъ онъ въ строгомъ повиновеніи, но съ теплой къ нему любовью. Лѣтомъ таборъ этотъ, большею частію, стоялъ въ непроходимомъ лѣсу, гдѣ шатры были раскинуты на свѣжей зеленой лужайкѣ, въ самой чащѣ лѣса, вблизи источника ключевой воды, въ тѣни старыхъ сосенъ и липъ; а склады разбойниковъ, т. е. оружіе и ворованныя вещи, находились въ подземельяхъ тутъ же въ лѣсу, куда никто не зналъ какъ пройти, кромѣ ихъ, и куда грабители какъ будто исчезали съ большой дороги, когда возвращались по одиночкѣ съ какого-нибудь ночнаго похожденія, или съ какого-нибудь праздника или базара, гдѣ они толкались и плясали и пили, какъ честные люди. Въ это ихъ святилище никто не отваживался заходить, и даже страхъ бралъ путника, когда издали услышитъ протяжный, пронзительный свистъ или дальніе отголоски пѣсни, пѣсни нѣжной и заунывной,

сложенной нерѣдко самимъ атаманомъ-поэтомъ. Многія изъ самыхъ гармоническихъ и поэтическихъ пѣсней, которыя и понынѣ поются, сочинены Ванькой-Каиномъ. Однажды, въ неудержимомъ порывѣ раскаянія, онъ рѣшился пойти и самъ выдать себя властямъ, что бы изъ того ни вышло; такъ, по крайней мѣрѣ, гласилъ разсказъ, дошедшій до меня. Вмѣсто казни или тюрьмы, его за чистосердечное раскаяніе приняли въ милость и, въ доказательство измѣненной нравственности и возвращенія къ добру, ему поручили помогать полиціи открывать и ловить разбойниковъ, и хоть оно, вѣроятно, ему было и не совсѣмъ ловко, однако Ванька-Каинъ пошелъ изъ воровъ въ сыщики, иногда негоцировалъ мирную сдачу разбойниковъ, а иногда накрывалъ ихъ на самомъ мѣстѣ воровства. Но наконецъ дошла очередь и до его бывшей шайки. Взялся онъ вести съ прежними товарищами переговоры, обратить ихъ и склонить къ повиновенію законамъ. Отправился Ванька-Каинъ, и отправился одинъ, какъ это бывало, когда дѣло шло о мирной сдачѣ. Пробрался онъ въ лѣсъ раноранехонько утромъ, а въ лѣсу такъ зеленѣло и благоухало, такъ сладко пѣли птицы, такъ тихо шептали листья, такъ вольно гулялъ вѣтерокъ! Шелъ Ванька, и каждый кустъ, и каждая травка, и стройная сосна, и широкій папортникъ, и кривой дубнякъ, и бѣлая березка, всѣ какъ будто шлютъ ему привѣтъ, какъ будто говорятъ ему о прежней волѣ; и вотъ, сквозятъ и пробираются съ высоты деревъ на землю веселые лучи солнца, и выходитъ онъ изъ чащи лѣса на свѣжую лужайку у самаго ключа, гдѣ стоялъ его шатеръ. И такая взяла его тоска по прежнему раздолью, по прежнему разгулу, по прежнимъ товарищамъ и по прежней власти, что свиснулъ онъ своимъ молодецкимъ свистомъ и собралъ всю шайку вокругъ себя. «Вотъ, я вашъ опять, ребята!» вскричалъ атаманъ; — «надоѣла мнѣ городская ихъ жизнь, надоѣло мнѣ ѣсть даровой ихъ хлѣбъ, надоѣло мнѣ жить честнымъ по ихъ человѣкомъ! Давайте, ребята, волю молодецкую, да удалые набѣги наши, да веселый разгулъ! Ужъ не атаманъ вамъ теперь я, а стану въ ваши ряды опять!» Такъ кончились переговоры о сдачѣ; походъ Ваньки-Каина въ лѣсъ, въ свой старый таборъ кончился тѣмъ, что попалъ онъ опять въ атаманы разбойниковъ и пошелъ съ ними по прежнему гулять. Наконецъ ужъ его поймали, и онъ всю остальную жизнь просидѣлъ въ тюрьмѣ. Не знаю, это преданіе совсѣмъ ли согласно съ истиной; но такъ гласитъ оно. Разсказъ обыкновенно заключался словами: «Какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ».

Къ этимъ не весьма точнымъ преданіямъ о подвигахъ разбойниковъ присоединялись и не совсѣмъ точныя повѣствованія о военныхъ

дѣйствіяхъ Суворова, Каменскаго, Кутузова; но все-таки *общія впечатлѣнія* были довольно вѣрны. Такъ, въ моей памяти сохранился Суворовъ какъ гигантская фигура, шагающая, *едва ли не буквально*, въ два шага черезъ цѣлую цѣпь снѣжныхъ горъ, съ шуткою на устахъ, съ веселою насмѣшкой въ глазахъ. Кутузовъ исчезалъ въ громадности развалинъ, пожаровъ, разоренія и неумолимой мести народной. Страданія и борьба всеобщія какъ-будто магнетически передавались пониманію ребенка простыми моими собесѣдниками, и среди ужасныхъ сценъ гибели, голода и крови побѣда нашихъ казалась мнѣ непосредственною небесною карою, которой исполнитель былъ Александръ Павловичъ, являясь мнѣ въ образѣ Архангела Михаила, со щитомъ и пламеннымъ мечемъ въ рукахъ. Смутно, но неизгладимо осталось у меня впечатлѣніе, въ послѣдствіи столь великолѣпно переданное въ стихахъ Хомякова:

Не сила людская повергла тебя,
Не всталъ тебѣ ровный соперникъ;
Но Тотъ, Кто предѣлы морямъ положилъ,
Въ побѣдномъ бою твой булатъ сокрушилъ,
Въ пожарѣ святомъ твой вѣнецъ растопилъ,
И снѣгомъ засыпалъ дружины...

О Барклаѣ, разумѣется, я тогда и не слыхала; а къ Наполеону я всю жизнь сохранила враждебное чувство, внушенное моими старыми собесѣдниками, которые относились къ нему не лучше, чѣмъ къ Пугачеву. За то молодой графъ Каменскій являлся въ ихъ разсказахъ щедро одаренный всею славою и всею привлекательностью юности, красоты, геройства и безвременной кончины. Да, вообще война съ Турками для этихъ современниковъ Екатерины, а чрезъ нихъ и для меня, казалась какимъ-то нормальнымъ состояніемъ для Россіи, какъ въ древнія времена война съ Татарами и Польшей, которая прекращалась лишь перемиріями, болѣе или менѣе продолжительными, но не кончалась вѣчнымъ миромъ, пока не была сокрушена ихъ сила.

Записывая все это, я спрашиваю себя: стоитъ ли оно труда? Можетъ быть, однако, оно останется отголоскомъ понятій и воззрѣній того времени, столь отдаленнаго и не похожаго на нынѣшнее, что даже я, на второмъ полувѣкѣ жизни, сохранила о немъ только преданія и общее впечатлѣніе. Правда, у меня Суворовскіе и Каменскаго подвиги часто сливались въ одно, и когда я слушала про взятіе Очакова или Измаила, главнокомандующій не ясно представлялся мнѣ; кровавые, но блистательные *личные* подвиги (почти невозможные при новой системѣ войны, гдѣ нужно сражаться въ полуверстѣ другъ отъ друга)

плѣняли и сильно врѣзывались въ память. Смѣшеніе христіанскаго съ мусульманскимъ населеніемъ, эти братья, которыхъ надобно было щадить и охранять въ самую минуту штурма, когда не давали пощады невѣрнымъ и отъ нихъ не принимали ея, все это придавало романическій интересъ военнымъ дѣйствіямъ. Такъ (уже это Ланжеронъ разсказывалъ батюшкѣ), при взятіи Измаила, ворвавшись въ городъ, Русскіе пошли въ штыки, опрокидывая передъ собою живыя стѣны непріятельскаго войска, въ бѣшеной атакѣ встрѣчая бѣшеный же отпоръ; кровь лилась буквально ручьями, такъ что шли они по щиколку въ крови, и никогда никакая прачка не могла вымыть и выбѣлить чулки, въ которыхъ былъ Ланжеронъ въ этотъ день,—такъ напитались они кровію. Во время этого штурма, когда Русскіе солдаты неслись такимъ неодолимымъ потокомъ, духовенство у дверей православныхъ церквей, и въ защиту своихъ, и въ привѣтъ побѣдителямъ, выходило съ крестомъ и святою водою. Солдаты отнимутъ правую руку отъ ружья, перекрестятся, и опять за штыкъ, опять колоть въ ожесточеніи боя, съ опьяненіемъ чувства побѣды. «А прекрасно было смотрѣть на этихъ молодцевъ», говаривалъ Ланжеронъ; «да не дурно было посмотрѣть и на Турокъ: бѣшено, отчаянно они дрались. А наши, не щадили никого, кто попадется на встрѣчу; и женщины, и дѣти погибали, если случались на дорогѣ. Шла эта живая сокрушительная волна или тромба, не разбирая что̀ на ея дорогѣ; все уноситъ съ собою, все стираетъ съ лица земли; развѣ офицеры успѣютъ спасти ребенка и возмутъ его себѣ. О, прекрасное зрѣлище это было!» прибавлялъ Ланжеронъ *). Въ пылу такихъ восторженныхъ воспоминаній, Ланжеронъ на канунѣ штурма какой-то крѣпости приготовилъ было приказъ въ подражаніе Суворовскимъ, который и показывалъ батюшкѣ. Но Каменскій не одобрилъ его, и потому приказъ этотъ на ломанномъ Русскомъ языкѣ не былъ обнародованъ. Онъ былъ слѣдующій: «Коли, руби, граби! Знай—бери!»

Впрочемъ, кромѣ родственныхъ преданій о Каменскомъ, разсказанныхъ Авдотьей Харитоновной и Гаврилою, у насъ еще было живое олицетвореніе христіанскаго элемента Турціи, старушка-Гречанка, вдова казацкаго генерала, который женился на ней въ одномъ изъ своихъ походовъ. Дарья Егоровна была постоянная посѣтительница нашей дѣтской, и какъ теперь вижу ея блѣдное лицо, правильныя классическія черты и бѣлую кисейную фату или большую вуаль, ко-

*) Не мѣшаетъ припомнить, что Ланжеронъ былъ самъ поэтъ и стихотворецъ. При взятіи Измаила взята въ плѣнъ бабка И. С. Аксакова, въ чертахъ лица, въ характерѣ и въ дѣятельности котораго было такъ много южнаго. П. Б.

торою она покрывала голову и обвивала шею и лицо широкими граціозными складками. Маленькая ростомъ, съ сѣдыми до бѣлизны волосами, съ матовою бѣлизною грустнаго, благороднаго лица, съ нѣсколько потухшимъ и блуждающимъ взглядомъ, въ своемъ синемъ суконномъ платьѣ, въ родѣ широкой рясы, она рознилась отъ всего окружавшаго ее въ нашей дѣтской, въ которой она представляла какой-то особый міръ и занимала мѣсто между барыней и няней по генеральскому своему чину и по бѣдности (можетъ быть), но особенно, по совершенной необразованности своей: кажется, она не знала даже грамоты. Но Дарья Егоровна, хоть и была тиха и далеко не краснорѣчива, однако самымъ краснорѣчіемъ фактовъ много вносила животрепещущаго интереса въ мой дѣтскій міръ. Страданія христіанъ, борьба и подвиги ихъ, самое имя Грековъ принимали для меня такую дѣйствительность, такое близкое, *домашнее* значеніе съ самыхъ раннихъ лѣтъ, что я и теперь не могу привыкнуть къ равнодушію, непониманію или незнанію въ дѣлахъ христіанъ на Востокѣ, которыя встрѣчаю такъ часто у насъ въ Россіи. Али-Паша Янинскій и Бобелина, которая тогда занимала первое мѣсто на табакеркахъ и лубочныхъ картинкахъ, были мнѣ такъ же знакомы и близки, какъ Петръ Великій и Екатерина, и когда въ послѣдствіи мнѣ стали читать «Абидосскую Невѣсту» и «Бахчисарайскій Фонтанъ», я чувствовала себя дома между этими лицами, и ихъ среда казалась мнѣ гораздо ближе и родственнѣе, чѣмъ дѣйствующія лица Англійскаго high-life въ «Almack's» и «Pelham». Такъ сильны слѣды впечатлѣній перваго дѣтства, что даже, когда изгладилась память о самихъ происшествіяхъ, и забыты всѣ подробности, все-таки общее настроеніе упрямо гнѣздится гдѣ-то въ потаенномъ уголкѣ нашего ума, и при первомъ прикосновеніи въ настоящемъ какого-либо случая, подходящаго къ прошлымъ событіямъ, повѣетъ на душу какъ бы роднымъ, свѣжимъ воздухомъ, и оживаютъ въ памяти всѣ люди, мысли и чувства, давно уснувшія!

Это восточное явленіе между нами, Дарья Егоровна, не была диковинкой въ то время. Греки и Гречанки, Болгары и Сербы переходили по одиночкѣ или переселялись цѣлыми семьями и даже деревнями на нашемъ Югѣ; а обычай привозить съ собою, послѣ походовъ, спасеннаго отъ гибели Турченка или взятыхъ въ плѣнъ Турчанокъ и *дарить* ихъ своимъ родственникамъ на воспитаніе или въ прислугу, занесъ много примѣси южной крови между нами, и въ пользу намъ, а не въ ущербъ, судя по Жуковскому, Аксаковымъ, Айвазовскому, которые по женской линіи Турецкаго происхожденія, и по Пушкину, который, какъ извѣстно, былъ по матери потомокъ Негра.

Одна плѣнная Турчанка, уже не молодая, была подарена моей матери въ служанки ея двоюроднымъ братомъ, Поликарповымъ, по возвращеніи изъ похода, и такъ страстно привязалась къ своей молодой барышнѣ, что ревновала ее безумно и мучила ее и себя упреками, слезами, отчаяніемъ, со всею необузданностію огненнаго, восточнаго нрава. Этой Турчанки я не знавала (она умерла до моего рожденія), но я много слышала о другой Турчанкѣ, прозванной Марьей, которая играла нѣкоторую роль во внутреннихъ интригахъ дома или, точнѣе, маленькаго двора у фельдмаршала Каменскаго въ Москвѣ.

Въ Москвѣ же былъ странный случай, который разсказывала мнѣ (уже долго, долго послѣ) Марья Алексѣевна Хомякова, мать поэта, сама знавшая и лицъ, и происшествіе, и совершенно неспособная ко лжи. Одинъ изъ нашихъ генераловъ, возвратясь изъ похода на Турокъ, привезъ съ собою Турецкаго ребенка, вѣроятно, спасеннаго имъ въ какой-нибудь свалкѣ, и подарилъ его своему другу Дурнову. Мальчикъ вышелъ умненькій, ласковый, добронравный. Дурновъ полюбилъ его и сталъ воспитывать какъ сына, но не хотѣлъ его окрестить, пока тотъ самъ не понялъ бы и не изучилъ истинъ христіанской вѣры. Малый подросталъ, съ любовію и жаромъ учился, дѣлалъ быстрые успѣхи и радовалъ сердце пріемнаго отца своего. Наконецъ Дурновъ сталъ заговаривать съ нимъ о принятіи христіанства, о святомъ крещеніи. Молодой человѣкъ съ жаромъ, даже съ увлеченіемъ говорилъ объ истинахъ вѣры, съ убѣжденіемъ о православной церкви, ходилъ съ домашними на церковныя службы, молился, казалось, усердно; но все откладывалъ крещеніе и говорилъ Дурнову: «Погоди, батюшка; скажу тебѣ, когда будетъ пора». Такъ прошло еще нѣсколько времени; ему уже минуло 16 лѣтъ, и въ немъ замѣтили какую-то перемѣну. Шумная веселость утихла въ немъ; живые, безбоязненные, свѣтлые глаза подернулись грустью; звонкій смѣхъ замолкъ, и тихая улыбка казалась какъ-то преждевременною на цвѣтущемъ ребяческомъ лицѣ. «Теперь», сказалъ онъ однажды, «я скоро попрошу тебя крестить меня, батюшка; отецъ ты мнѣ болѣе чѣмъ родной! Теперь скоро пора; но прежде есть у меня просьба къ тебѣ: не откажи. Прикажи купить краски, палитру, кисти; дай мнѣ заказать лѣстницу какъ скажу; да позволь мнѣ на этотъ одинъ мѣсяцъ не пускать никого въ мою комнату, и самъ не ходи». Дурновъ уже давно привыкъ не отказывать ни въ чемъ своему пріемному сыну; какъ желалъ онъ, такъ и сдѣлали. Молодой Турокъ весь день просиживалъ въ своей комнатѣ; а какъ стемнѣетъ, придетъ къ Дурнову, по прежнему — читаетъ, занимается, разговариваетъ, но про занятія въ своей комнатѣ ни полслова; только сталъ онъ блѣднѣть,

и черные глаза горѣли какимъ-то неземнымъ тихимъ огнемъ, какимъ-то выраженіемъ блаженнаго спокойствія. Въ концѣ мѣсяца онъ просилъ Дурнова приготовить все къ крещенію и повелъ его въ свою комнату. Палитра, краски, кисти лежали на окнѣ; лѣстница, служившая ему въ родѣ подмостокъ, была отодвинута отъ стѣны, которая завѣшена была простыней; юноша сдернулъ простыню, и Дурновъ увидѣлъ большой, писанный во всю стѣну, святой убрусъ, поддержанный двумя ангелами, и на убрусѣ ликъ Спасителя Нерукотворенный, колоссальнаго размѣра, прекраснаго письма. «Вотъ задача, которую я долженъ былъ исполнить, батюшка; теперь хочу креститься въ вѣру Христову; я жажду соединиться съ Нимъ». Обрадованный, растроганный Дурновъ спѣшилъ все приготовить, и его воспитанникъ съ благоговѣйною радостію крестился на другой день. Когда онъ причащался, всѣ присутствующіе были поражены неземною красотою, которою, такъ сказать, преобразился неофитъ. Въ тихой радости провелъ онъ весь этотъ день и безпрестанно благодарилъ Дурнова за всѣ его благодѣянія и за величайшее изъ всѣхъ—за познаніе истины и принятіе христіанства, за это неописанное блаженство, говоря, что онъ болѣе чѣмъ родной отецъ для него, что онъ не преходящую даровалъ ему, а жизнь вѣчную. Вечеромъ юноша нѣжно простился съ своимъ названнымъ отцомъ, обнималъ, благодарилъ его опять, просилъ благословенія; видѣли, что долго молился онъ въ своей комнатѣ передъ написаннымъ Нерукотвореннымъ Спасомъ; потомъ тихо заснулъ—заснулъ непробуднымъ сномъ. На другое утро его нашли мертвымъ въ постели, съ закрытыми глазами, съ улыбкой на устахъ, съ сложенными на груди руками.

Кто вникнетъ въ тайну молодой души? Какой неземный голосъ, ей одной внятный, сказалъ ему судьбу его и призвалъ его въ урочный часъ къ паки-бытію купели? Кто объяснитъ это необъяснимое дѣйствіе благодати, призывающей къ Отцу Небесному невѣдомымъ, таинственнымъ путемъ въ глубинѣ сердца избранниковъ своихъ? Дурновъ оплакивалъ съ родительскою любовью своего пріемыша, хотя и упрекалъ себя за свое горе при такой святой блаженной кончинѣ. Комната, гдѣ скончался юноша, сдѣлалась часовней или молельной, гдѣ ежедневно молился Дурновъ. Въ 1812 году домъ сгорѣлъ, но стѣна съ образомъ уцѣлѣла, только изображеніе было очень повреждено; его реставрировали, и отъ оригинала остались только одинъ глазъ и бровь. Однако, набожные люди продолжали пріѣзжать молиться тутъ, а въ послѣдствіи въ немъ была основана богадѣльня на 40 престарѣлыхъ вдовъ и дѣвицъ, и комната молодаго Турка освящена въ прекрасную домовую церковь, весь день открытую, куда со всѣхъ

концевъ Москвы приходятъ и донынѣ служить молебны передъ образомъ, писаннымъ на стѣнѣ. Что-то мирное, свѣтлое, чистое вѣетъ тамъ на васъ, какъ свѣтла и чиста была душа юноши, освятившаго своимъ обращеніемъ и смертію это мѣсто. Богадѣльню зовутъ Барыковскою по имени основателя, а церковь—Спаса на Стоженкѣ. Другое пристанище для бѣдныхъ выросло и пріютилось противъ богадѣльни—домъ призрѣнія убогихъ во имя Христа-Спасителя. Такой свѣтлый слѣдъ оставилъ по себѣ этотъ ребенокъ, привезенный изъ чужой невѣрной стороны, принятый и приголубленный безграничною христіанскою любовію Россіи. По истинѣ здѣсь показалъ Господь весь глубокій смыслъ Имъ нѣкогда сказанныхъ святыхъ словесъ: «Аще кто пріиметъ «отроча таково во имя Мое, пріемлетъ Мя; а пріемляй Мя, пріемлетъ «пославшаго Мя Отца».

Всѣ эти разсказы относятся ко времени, предшествовавшему моему рожденію; но моральная атмосфера ихъ окружала мои первые годы, и память о моей дѣтской неразрывно связана съ ними. Изъ ежедневныхъ посѣтителей и друзей моихъ, самый милый, добрый и любезный былъ Василій Андреевичъ Жуковскій. Онъ для меня былъ такое же предвѣчное существо, какъ отецъ и мать, какъ Дада и Гаврила, которые для меня не имѣли начала, которые, казалось, всегда существовали и никогда не были дѣтьми, ни даже очень молодыми людьми, а всегда *большими*, что-то въ родѣ перваго человѣка, сотвореннаго совершеннолѣтнимъ. По нѣмецки мнѣ бы хотѣлось сказать о Жуковскомъ: ein Urfreund. И батюшка, и матушка всегда были такіе веселые, когда приходили въ дѣтскую съ Жуковскимъ, а Жуковскій былъ такъ добръ, такъ ласковъ, шутливъ. Моя тетушка (сестра матери) Марья Андреевна Поликарпова, въ эти первые годы, помнится мнѣ красавицей, нарядною и гораздо важнѣе съ виду, нежели матушка *). Мужъ ея, еще лучше ея лицомъ, бывалъ часто, но не занимался мною, такъ что я помню, въ это время, только его красивую наружность.

Другое милое, доброе, любимое лицо моей дѣтской была Татьяна Васильевна Шлыкова, лучшій другъ матушки. Она была замѣчательная женщина, изъ крѣпостныхъ графа Шереметева, бывшая танцовщица на его домашнемъ театрѣ. Ея образованіе состояло только въ

*) Издатель „Русскаго Архива“ съ живымъ чувствомъ сердечной признательности вспоминаетъ Марью Андреевну Поликарпову; въ ея Старицкомъ помѣстьи, селѣ Панафидинѣ, провелъ онъ вторую половину 1852 года и наслышался отъ нея многихъ разсказовъ про старину. Память ея уважена въ Тверскомъ краю. Сосредоточенность, чувство долга и собственнаго достоинства счастливо сочетались въ этой достойной женщинѣ съ дѣятельностью горячаго сердца П. Б.

Русской грамотѣ и танцахъ; но природный умъ, врождебное достоинство и благородство души, теплота и нѣжность сердца и нашъ народный здравый смыслъ сдѣлали изъ нея неоцѣннаго, вѣрнаго и добраго друга, истинно-пріятную собесѣдницу, даже въ кругу такихъ взыскательныхъ людей, какъ батюшка, какъ Дашковъ, какъ Сѣверинъ, Жуковскій и Александръ Тургеневъ были ей короткими пріятелями, и до конца ея жизни батюшка любилъ видаться и разговаривать съ нею. Она оставалась всю жизнь въ семействѣ графа Шереметева, какъ лучшій другъ, какъ вторая мать графа, любима, почитаема тремя поколѣніями, и скончалась недавно въ ихъ домѣ, въ ихъ семействѣ, оплаканная всѣми. Въ ней видѣлся типъ того, къ чему можетъ и должна придти масса народа нашего, когда она проникнется здравымъ элементарнымъ образованіемъ и будетъ болѣе обезпечена въ средствахъ къ жизни, безъ крайности нынѣшняго изнурительнаго труда. Это, можетъ быть, мечта; но мнѣ кажется, что мечта осуществится, когда, съ умноженіемъ рукъ и машинъ, улучшится у насъ состояніе рабочаго класса, тогда какъ теперь женская работа въ нашемъ сельскомъ быту рѣшительно превышаетъ силы человѣческія и убиваетъ всѣ природныя способности ума и души.

Еще смутно помнится мнѣ женское лицо, не только оживленное, но лихорадочно-тревожное, съ быстрою мимикой жестовъ, съ пытливымъ взглядомъ, но безъ словъ. Это была нѣмая дѣвушка, тоже другъ матушки, Алена Ивановна Михельсонъ, дочь извѣстнаго генерала. Она вышла потомъ замужъ за барона Розена и умерла въ родахъ, когда мы были за границей; я помню только ея наружность. Она была одною изъ моихъ крестныхъ матерей; но другую, настоящую воспріемницу мою, графиню Каменскую, я знала только по большому портрету, который всегда висѣлъ въ моей дѣтской, и по отзывамъ родителей моихъ и всѣхъ домашнихъ, которые такъ любили и почитали ее, что она казалась мнѣ какимъ-то важно-милостивымъ, прекраснымъ и благодѣтельнымъ, но не совсѣмъ земнымъ существомъ. Такъ она и осталась для меня миѳомъ или отдаленнымъ историческимъ лицомъ; я никогда не видала ея.

Здѣсь кончаются мои легенды, здѣсь граница баснословныхъ временъ, миѳологіи, золотаго вѣка моего перваго дѣтства. Воспоминанія, болѣе вѣрныя, болѣе положительныя, хотя иногда менѣе глубокія, такъ сказать, менѣе яркія, заступаютъ мѣсто чудесныхъ видѣній и сновъ. Перехожу къ исторіи, къ сознательному отчету не въ томъ собственно, что̀ сама видѣла, но по крайней мѣрѣ въ томъ, что̀ неоднократно слышала отъ моихъ родителей и твердо заучила съ ранней молодости. Какъ тяжело и пусто мнѣ становится въ настоящемъ, когда бросишь взглядъ на этотъ длинный рядъ протекшихъ годовъ!

«Душа моя—элизіумъ тѣней», сказалъ нѣкогда Тютчевъ. И сколько, сколько ихъ возстаетъ около меня и роится въ моей памяти, пока пишу я эти строки въ полночный часъ, при однообразномъ стукѣ этихъ дѣдовскихъ часовъ, пережившихъ столько поколѣній, столькихъ славныхъ, столькихъ сильныхъ, столькихъ доблестныхъ и прелестныхъ человѣческихъ лицъ! Тутъ и поэтическій образъ Александры Андреевны Воейковой: молодая, прекрасная, съ нѣжно-глубокимъ взглядомъ ласковыхъ глазъ, съ легкими кудрями темно-русыхъ волосъ и черными бровями, съ болѣзненнымъ, но свѣтлымъ видомъ всей ея фигуры, она осталась для меня такимъ неземнымъ видѣніемъ изъ времень моего дѣтства, что долго я своего ангела-хранителя воображала съ ея чертами *). И возлѣ нея, вѣрные ей до гроба и по смерти, друзья ея: Жуковскій, съ своимъ добродушнымъ и веселымъ смѣхомъ, съ своими шутками и балагурствомъ, столь не похожими на меланхолію его стиховъ, и Перовскій (Василій Алексѣевичъ), съ его красивою наружностью, густыми кудрявыми волосами и свѣтлыми смѣющимися глазами, играющій съ нами какъ будто самъ ребенокъ, и шутающій моего маленькаго брата своею шляпою моряка безъ султана, увѣряя, что онъ полицейскій и при первомъ капризѣ уведетъ его на съѣзжую. Умный и веселый, нѣжный и постоянный въ своихъ привязанностяхъ, онъ остался до конца вѣренъ всѣмъ, кого любилъ въ молодости. Но какъ измѣняется въ моихъ мысляхъ этотъ отрадный образъ изъ дней моего дѣтства, когда припоминаю послѣднее свиданіе съ нимъ въ Петергофѣ, въ 1857 году! Изнуренный, изсохшій весь, со впалыми потухшими глазами, еле переводящій дыханіе помощію креазота, съ выраженіемъ страданія и горя, раздирающимъ мнѣ душу: отъ прежняго Перовскаго нашего остались лишь густые вьющіеся волосы и нѣжное, неизмѣнно-вѣрное сердце!—Вотъ, на своихъ низкихъ подвижныхъ креслахъ, слѣпой поэтъ Козловъ, на котораго смотрѣли мы съ такимъ глубокимъ почитаніемъ, что умолкали въ самомъ разгарѣ нашихъ игръ, когда катился онъ въ креслахъ въ гостиную Александры Андреевны.

Тутъ и веселый кружокъ Арзамасскій. Красавецъ и баловень аристократическихъ собраній, остроумный, ловкій, веселый, съ при-

*) Отъ дольней жизни, какъ душа,
Манишь ты въ край иной,
И при тебѣ душа полна
Священной тишиной,

сказалъ ей Баратынскій. Покойный графъ А. В. Адлербергъ, въ дѣтствѣ своемъ знавшій эту необыкновенную женщину († 1829), говаривалъ о ней не иначе какъ съ умиленіемъ. П. Б.

мѣсью самолюбія фата, но высоко-образованный, истинно-просвѣщенный Уваровъ; и съ сановитою южною красотою своею, съ прекрасными чертами смуглаго лица, высокаго роста и возвышенной души, любимый и цѣнимый по какому-то инстинкту даже нами, дѣтьми, Дашковъ, котораго, въ нашемъ наивномъ почитаніи и любви, мы прозвали *пальмовымъ деревомъ* (пальмою между людьми), какъ прозвали мы Сѣверина *подсолнечникомъ* за его желтое и кисленькое лицо, чопорную фигуру, и особенно за измѣну (какъ мы думали) Каподистріи и обратное движеніе къ восходившему солнцу министерства, Нессельроду. Вотъ и черные, какъ смоль, раскаленные, какъ угли, глаза Вигеля, котораго раздражительность и негодованіе на меня въ моемъ дѣтствѣ я узнала только по его запискамъ; помню же я его, какъ частаго посѣтителя, хорошаго пріятеля всѣхъ Арзамасцевъ и друга нашего дома, съ табакеркой въ рукахъ, которую онъ вертѣлъ, играя ею и особеннымъ манеромъ постукивая по ней, а взявши щепотку табаку, *какъ будто клевалъ по ней пальцами*, какъ птица клюетъ клювомъ, когда готовился сказать что-нибудь колкое или забавное. А тамъ широкое лицо и тучная фигура Александра Тургенева, тоже ежедневнаго гостя, но мало занимавшагося дѣтьми, на котораго мы съ изумленіемъ глядѣли за обѣдомъ, когда онъ глоталъ все, что̀ находилось подъ рукою — и хлѣбъ съ солью, и бисквиты съ виномъ, и пирожки съ супомъ, и конфекты съ говядиной, и фрукты съ маіонезомъ, безъ всякаго разбора, безъ всякой послѣдовательности, какъ попадетъ, было бы съѣстное; а послѣ обѣда поставятъ предъ нимъ сухіе фрукты, пастилу и т. п., и онъ опять все ѣстъ, между прочимъ кедровые орѣхи цѣлою горстью за разъ, потомъ заснетъ на диванѣ, и спитъ, и даже храпитъ подъ шумъ разговора и веселаго смѣха друзей. Помню, какъ теперь, голубой, набивнаго бархата, диванъ и овальный столъ изъ желтаго тополя въ гостиной нашей, гдѣ сиживалъ онъ. Эта способность глотать все, что̀ ни попадетъ, и спать потомъ такъ сладко дѣлали его въ моихъ глазахъ какимъ-то boa constrictor безвредной породы или добрымъ огромъ, который однако дѣтей не ѣстъ, а не прочь даже подѣлиться съ ними конфектами. Мы его прозвали по французски le gouffre, потому что этою пропастью или омутомъ мгновенно пожиралось все съѣстное.

А вотъ и Пушкинъ, съ своимъ веселымъ, заливающимся, ребяческимъ смѣхомъ, съ безпрестаннымъ фейерверкомъ остроумныхъ, блистательныхъ словъ и добродушныхъ шутокъ, а потомъ растерзанный, измученный, убитый жестокимъ легкомысліемъ пустыхъ, тупыхъ умниковъ салонныхъ, не постигшихъ ни нѣжности, ни гордости его огненной души.

Вотъ умный, живой, по-русски добродушный англоманъ—Кривцовъ, съ механическою деревянною ногою, которая всегда возбуждала во мнѣ любопытство и удивленіе: такъ мало замѣтно было легкое прихрамываніе въ его походкѣ, благодаря искусному механизму этой ноги.

Вотъ красивое, нѣжное, почти женственное лицо Бутенева, съ кроткимъ и умнымъ выраженіемъ глазъ и при нѣсколько-застѣнчивомъ обращеніи; а съ нимъ его хорошенькая смуглая жена (урожденная Шевичъ), съ ея большими южными глазами, ласковыми и томными, съ непринужденностью откровеннаго и милаго обращенія, съ привѣтливою ласкою своею къ намъ, дѣтямъ.

Образъ Батюшкова неопредѣленно, туманно рисуется передо мною лишь однажды въ той же голубой гостинной; небольшаго росту, молодой, красивый человѣкъ, съ нѣжными чертами, мягкими волнистыми русыми волосами и съ страннымъ взглядомъ разбѣгающихся глазъ. Я проходила черезъ гостинную въ дѣтскую, и отецъ остановилъ меня у дверей, гдѣ онъ стоялъ съ Батюшковымъ, сказавъ ему: «Vous ne reconnaîtrez pas la petite» *). Вѣроятно, онъ былъ долго въ отсутствіи, или насъ не было въ Петербургѣ. Въ слѣдующее лѣто, на дачѣ, помню, что стали говорить у насъ съ горестью, что онъ дѣлался такой странный, и стали бояться, не лишился бы онъ ума.

Вотъ, наконецъ, и душа всего отцовскаго круга, плѣнительный, почтенный образъ Карамзина, съ его статнымъ ростомъ, тонкими благородными чертами, плавною спокойною походкой и развѣвающимися на ходу жидкими сѣдыми волосами. Въ немъ рисуется предо мною понынѣ какая-то особенная гармонія въ выраженіи, въ голосѣ, въ движеніяхъ, во всей наружности; она поражала даже 12-лѣтнюю дѣвочку, не понимавшую въ немъ внутренней гармоніи всѣхъ мыслей и чувствъ его нравственной природы.

А тамъ, въ аллеяхъ Эмса, поэтическая тѣнь Каподистріи, съ глубокимъ проницающимъ взглядомъ черныхъ глазъ, съ грустною рѣшимостью на высокомъ лбу, выраженіе котораго казалось еще рѣшительнѣе и грустнѣе отъ противоположности черныхъ густыхъ бровей съ сѣдиною волосъ.

Въ аллеяхъ Царскосельскаго сада вспоминаю другое историческое лицо — князя Кочубея, во всей привлекательности стариннаго тона, съ мягкимъ достоинствомъ или даже важностію высшаго круга Французскаго, съ привѣтливостью улыбки и пріема, съ его аристократическою красой, устоявшею противъ разрушительной силы

*) Вы не узнаете малютку.

времени лѣтъ. Такого же свойства была красота и князя Михаила Семеновича Воронцова; но въ немъ выражалось больше тонкости и меньше прямодушія, больше ума и меньше привлекательности. Въ Кочубеѣ сквозь Французскій лоскъ проглядывало Русское добродушіе *); Воронцовъ смотрѣлъ истымъ лордомъ, безъ всякой примѣси родной безпечности и laisser-aller.—Тутъ же вспоминается и сутуловатый, черноволосый, всегда раскраснѣвшійся, всегда кипѣвшій и горячившійся, но всегда честный и добрый Дибичъ — *генералъ-самоваръ*, какъ прозвали его солдаты. И тутъ же его счастливый соперникъ, товарищъ молодости батюшки, Паскевичъ, въ юности баловень природы и двора, въ зрѣлыхъ лѣтахъ баловень Фортуны; красавецъ собой, талантливый предводитель, человѣкъ въ сущности добрый, горячо любившій отечество и славу, но испорченный блистательностью своихъ успѣховъ, жаловавшійся отцу моему на Дунаѣ въ 1811 году на свою злую судьбу, на несправедливость людей и рока, потому что въ 30 лѣтъ онъ не былъ еще главнокомандующимъ, и опять упрекавшій судьбу и свое злосчастіе, въ предсмертной своей болѣзни, восклицая: «Вы думаете, скиръ меня съѣдаетъ? Нѣтъ, заѣла меня Силистрія; она тутъ сидитъ, гложетъ меня!...» Въ этихъ словахъ слышатся и мученія физическія, и безсознательные упреки совѣсти человѣка-гражданина, горюющаго о Россіи и о военной славѣ ея и о своей!

И сколько, сколько еще тѣней, безвременно покинувшихъ землю, когда жизнь сулила такъ много радостей, когда такъ много обѣщали они сами внести въ нее и добраго, и славнаго, и полезнаго!

Вотъ Лермонтовъ, съ страшнымъ смѣшеніемъ самолюбія не совсѣмъ ловкаго свѣтскаго человѣка и скромности даровитаго поэта, неумолимо строгій въ оцѣнкѣ своихъ стиховъ, взыскательный до крайности къ собственному таланту и гордый весьма посредственными успѣхами въ гостинныхъ. Они скоро бы надоѣли ему, если бы не сгубили безвременно тогда именно, когда возрасталъ и зрѣлъ его высокій поэтическій даръ.—Вотъ Оскаръ Раденъ, веселостью и колкостью ума, основательностью образованія, настойчивостію трудолюбія, честностію и теплотою чувства, блескомъ дарованій и даже некрасивой наружностью столь похожій на своего послѣдняго начальника, отца

*) Это Русское добродушіе было въ немъ и въ самой блистательной его молодости, въ эпоху огромнаго вліянія его на дѣла, во время тріумвирата всесильныхъ друзей и совѣтниковъ Александра Павловича. Тетушка моя Марья Андреевна, еще ребенкомъ, ѣзжала съ своей матерью, княгиней Щербатовой, къ Безбородкѣ на его дачу, и ее съ другими дѣтьми качали на качеляхъ князь Кочубей, Чарторыжскій и Новосильцевъ. Кочубей въ особенности мастерски качалъ, такъ что дѣвочки радовались его появленію, когда онѣ играли въ саду.

моего, который видѣлъ въ немъ будущаго преемника и государственнаго человѣка.—Вотъ Павелъ Хрущовъ, соединявшій въ себѣ восторженность юности съ твердымъ терпѣніемъ позднихъ лѣтъ, спокойствіе зрѣлаго разума съ пылкостью души, порывающейся ко всему великому и прекрасному, даровитый, трудолюбивый, любившій Россію выше всего земнаго. Казалось, готовился въ немъ дѣятель для государства и народа; лицомъ и душою онъ напоминалъ Каподистрію и думалъ идти по одной съ нимъ дипломатической дорогѣ, но не дожилъ и до 25 лѣтъ!

Вотъ и еще благородный и умный, чистый и честный другъ будущаго царя — Іосифъ Віельгорскій, который тоже сошелъ въ могилу нетронутый нравственною заразой свѣтской среды. Она томила его молодую душу, и онъ убѣгалъ отъ нея въ тѣсный кругъ своей или самой царской семьи и въ учебную комнату, гдѣ слушалъ съ Великимъ Княземъ мирныя и правдивыя рѣчи и уроки, согрѣтые любящею душою и спокойнымъ духомъ Жуковскаго и честнымъ прямодушіемъ Мердера и Плетнева.

Вотъ и недавно исчезнувшій, благородный, честный, свѣтлый, хочется сказать, благочестивый кружокъ Московскій: Хомяковъ, съ его многостороннимъ образованіемъ, съ истиннымъ даромъ языковъ, съ изумительнымъ блескомъ и глубиной ума, съ добродушною, почти дѣтскою веселостью и свѣтлою возвышенностью души; Константинъ Аксаковъ, съ его цѣльною, непреклонною и вмѣстѣ нѣжною натурой, честностью и чистотою христіанина первыхъ вѣковъ; Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій, съ задумчивымъ и пытливымъ взглядомъ, съ какою-то меланхоліей человѣка, живущаго въ отвлеченномъ созерцаніи духовнаго міра. Какъ-то свѣтла становится грусть воспоминанія о нихъ: такъ глубоко проникнуты были они христіанскими чувствами, христіанскою истиной, что и скорбь по нихъ возвышается далеко выше житейской печали, и надъ этими могилами самыя слезы безъ горечи. Останавливаешься надъ ними, какъ на мѣстѣ покоя на пути въ ту горнюю Галилею, гдѣ опередили они насъ и «варяютъ ны» съ самимъ Спасителемъ.

О, много, много ихъ, этихъ прекрасныхъ тѣней тѣснится тутъ передъ мысленными очами моими, и всѣхъ не пересчитать!...

А надъ всею этою толпой отшедшихъ высится величественное и трагическое лицо Императора, восшедшаго на престолъ среди волненій бури, и среди ломки и потрясеній бури сошедшаго въ могилу. Какъ ясно видится онъ мнѣ! Вотъ онъ во всемъ блескѣ величія и красоты, во всей силѣ молодости, со всею бодростію духа для совершенія великихъ начинаній, вѣнчанный герой моего юнаго воображенія,

покоритель невѣрныхъ, освободитель Сербовъ, возсоздатель Греціи! Потомъ... измученный, сокрушенный исполинскою войною со внѣшнею враждой и предательствомъ, съ внутреннею разоблаченною ложью, и наконецъ убитый горемъ, на смертномъ одрѣ, во всей красѣ конечнаго покоя и отдыха отъ невыносимой, разбившей сердце, сломившей всѣ силы душевныя и тѣлесныя, неровной борьбы, непредвидѣнной тогда, невполнѣ понятой и нынѣ.

Зимній дворецъ. Февраль 1867 года.

II.

О происхожденіи нашего рода выпишу то, что находится въ 1-мъ томѣ біографіи покойнаго отца моего *):

«По фамильнымъ преданіямъ Блудовы ведутъ родъ свой отъ Ивещея (во св. крещеніи Іоны) *Блудта*, бывшаго воеводою въ Кіевѣ, въ 981 году и умертвившаго великаго князя Ярополка. Блудтъ, впослѣдствіи, кровію своею омылъ преступленіе: служа вѣрно Россіи и великому князю Ярославу, онъ сложилъ голову въ битвѣ съ королемъ Польскимъ, Болеславомъ Храбрымъ. О сынѣ его, Горденѣ Блудовичѣ, упоминается въ древнихъ нашихъ пѣсняхъ между богатырями великаго князя Владимира. Съ тѣхъ поръ до Татарскаго разгрома потомки Блудта служили великимъ князьямъ Кіевскимъ. Когда же южная Россія присоединилась къ Литвѣ, родъ Блудтовыхъ или Блудтичей раздѣлился на нѣсколько вѣтвей, изъ которыхъ одна служила князьямъ Моравскимъ, другая перешла въ Польшу, а главная оставалась въ Малороссіи, сражалась подъ Гедеминомъ противъ Татаръ и подъ Владиславомъ II-мъ Ягайловичемъ (королемъ Венгерскимъ и Польскимъ) противъ Турокъ, въ битвѣ подъ Варною, гдѣ Блудовы стяжали и гербъ свой, извѣстный подъ именемъ Топачь».

«Отсюда преданія переходятъ въ историческую генеалогію, основанную на документахъ. Вскорѣ по смерти Владислава, гоненіе на Русскіе дворянскіе роды, оставшіеся вѣрными православію, заставило Ѳеодора Блудта (или уже Блудова), со многими другими, покинуть Кіевъ; онъ перешелъ въ подданство великихъ князей Московскихъ, съ согласія Казимира IV-го и Александра Литовскаго, какъ упоминается въ трактатахъ великаго князя Василія Васильевича III. Блудовы основались въ своей Смоленской вотчинѣ, около Вязьмы, гдѣ и до сихъ поръ владѣютъ небольшимъ имѣніемъ. Внукъ Ѳеодора, Борисъ, былъ посломъ Іоанна Васильевича при Крымскомъ ханѣ Сайдетъ-Гиреѣ. Игнатій Блудовъ служилъ товарищемъ Андрея Курбскаго, ходилъ подъ Казань и въ Ливонію, бился съ Крымскими Татарами и съ войскомъ

*) Т. е. въ книгѣ Е. П. Ковалевскаго: „Графъ Блудовъ и его время". Спб. 1866. П. Б.

Стефана Баторія подъ Смоленскомъ. Назарій Блудовъ, прозванный Беркутомъ, со своими Вязьмичами, изъ первыхъ отвѣчалъ на призывъ Троицкаго архимандрита Діонисія, выступивъ съ ополченіемъ къ лаврѣ».

«Съ тѣхъ поръ исторія не упоминаетъ о предкахъ нашихъ. Они сошли со сцены вмѣстѣ съ народными дѣятелями великой эпохи, и тихо жили въ своихъ вотчинахъ, послуживъ по нѣскольку лѣтъ отечеству, какъ бы для успокоенія совѣсти. Но преданія о борьбѣ, страданіяхъ и подвигахъ предковъ, для охраненія цѣлости Россіи и православной вѣры, хранились въ родѣ Блудовыхъ, переходя изъ поколѣнія къ поколѣніе».

Матушка моя была урожд. княжна Щербатова, и ея происхожденіе отъ князей Черниговскихъ съ малолѣтства пріучило насъ къ особенному почитанію святаго князя Михаила, замученнаго въ ордѣ за Христову вѣру, котораго мощи находятся въ Архангельскомъ соборѣ, въ Кремлѣ. Помню, съ какимъ особеннымъ чувствомъ относилась я къ исторіи первыхъ князей Русскихъ, какъ родственно я сочувствовала прабабкѣ своей св. Ольгѣ, Владимиру Равноапостольному, и особенно Святославу Ольговичу и Игорю Всеволодовичу и полку его; съ какимъ интересомъ я слѣдила за путаницей происшествій въ эпоху княжескихъ междоусобій, когда стала читать Русскую Исторію. Конечно, этимъ семейнымъ преданіямъ должно приписать то чутье, которое ребенку указывало на поэтическую сторону этой части исторіи Карамзина, столь мало цѣнимую вообще читателями. Сколько сладостныхъ слезъ пролила я надъ прелестнымъ эпизодомъ про подвиги и дружбу Святослава Ольговича и сына Юрія Долгорукаго, и какъ напоминалъ онъ мнѣ дружбу Давида и Іонаѳана въ Ветхомъ Завѣтѣ! Отъ матушки тоже часто слышали мы о необыкновенномъ происшествіи, случившемся съ ея дѣдомъ, княземъ Николаемъ Петровичемъ Щербатовымъ и, какъ часто, стоя у кивота съ образами въ ея спальнѣ, я молилась одна или разсказывала моему другу, Катѣ Воейковой, про явленный образъ Казанской Божіей Матери, перешедшій къ намъ отъ этого прадѣда.

Въ родословной своей дѣдъ мой написалъ, между прочимъ о своемъ дѣдѣ такъ: «Князь Петръ Григорьевичъ въ 1671 году пожалованъ царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ въ стряпчіе; въ 1678 году Апрѣля 3-го числа царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ пожалованъ въ стольники; въ 1679 году былъ въ Кіевскомъ походѣ, для обороны города Кіева и другихъ Малороссійскихъ городовъ, въ Сѣвскѣ и Путивлѣ, въ полку боярина и воеводы князя Михаила Алексѣевича Черкасскаго съ товарищами; въ 1683, 1689 и 1690 годахъ былъ въ Троицкихъ походахъ съ государями (царями Іоанномъ и Петръ Алексѣев.) ради

бывшихъ тогда безпокойствъ въ Москвѣ... Скончался въ 1704 году». И такъ, князь Петръ Григорьевичъ Щербатовъ, стольникъ царскій, пережившій смутное время правленія царевны Софіи, скончался съ концомъ старыхъ порядковъ Россіи, и сынъ его, князь Николай Петровичъ, уже начинаетъ новую службу, по новому порядку вещей, которому онъ былъ душевно преданъ, и значится въ родословной: «По именному Его Величества царя Петра Алексѣевича указу записанъ въ Преображенскій полкъ солдатомъ, и тогожъ году (а число года пропущено), пожалованъ сержантомъ; тогожъ году пожалованъ прапорщикомъ и неотлучно, въ продолженіе всей Шведской войны, находился при Его Царскомъ Величествѣ, какъ на морѣ на галерахъ, такъ и на сухомъ пути; а въ 1711 году, за храбрые поступки, особеннымъ Его Величества указомъ, въ тотъ же Преображенскій полкъ пожалованъ поручикомъ. По кончинѣ же Петра Великаго, не желая болѣе служить въ гвардіи, выпущенъ въ премьеръ-маіоры въ драгунскій Роповъ полкъ, и того же году взялъ свою отставку».

Всей душою преданный великому человѣку, «кѣмъ наша двинулась земля», упоенный славою славнаго времени, ослѣпленный блескомъ этого новаго міра, открывавшагося передъ изумленнымъ взоромъ тогдашней молодежи, во всемъ обольстительномъ очарованіи науки, силы и гордости человѣческой, во всей распущенности нравовъ и во всемъ разгулѣ ума, прадѣдъ мой вполнѣ увлекся духомъ времени или, лучше сказать, духомъ своего полу-военнаго, полу-придворнаго кружка, и унесся, можетъ быть, далѣе другихъ въ открытую пучину вольнодумства, почти до отрицанія Всемогущаго Бога. Его портретъ остался у насъ. Лицо смуглое и черные, умные глаза, стриженные по-европейски волосы, бритая борода, небольшіе усы, костюмъ Нѣмецкій,— придаютъ ему какое-то сходство съ самимъ Петромъ I-мъ; но нѣтъ открытаго и отважнаго взгляда Петра. Тонкое, слегка насмѣшливое выраженіе веселыхъ, нѣсколько прищуренныхъ глазъ, и улыбка (далеко неидеальная) довольно грубаго рта, у человѣка, насладившагося своею молодостью безъ слишкомъ большой разборчивости и сдержанности, носятъ отпечатокъ скептицизма и страстности. А все-таки есть что-то привлекательное въ этомъ лицѣ:—это человѣкъ недюжинный, этотъ человѣкъ участвовалъ въ оргіяхъ Петра и въ пирушкахъ Ѳеофана Прокоповича; но этотъ человѣкъ находился тоже *неотлучно при Петрѣ во всю Шведскую войну, и на морѣ на галерахъ, и на сухомъ пути*, въ битвѣ подъ Полтавой; и по кончинѣ Петра *не пожелалъ болье служить*, оплакивая, въ страстномъ порывѣ горести, полководца и царя, которому поклонялся и котораго любилъ, какъ генія и героя. Въ какое время именно, не знаю,—въ правленіе ли Меншикова, или

Долгоруковыхъ, князь Николай Петровичъ жилъ спокойно въ отставкѣ въ своемъ семейномъ кругу (онъ былъ женатъ на Шереметевой), какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный день, его арестовали и посадили въ Петропавловскую крѣпость. Онъ не имѣлъ ничего на совѣсти и не могъ понять, какую на него взвели клевету; ему, разумѣется, ничего не объявляли. Это впрочемъ было обыкновеніе того времени; но обыкновенными тоже вещами считались тогда пытка и казнь смертная, во всей разнообразности жестокаго воображенія и жестокихъ нравовъ тогдашнихъ. И вотъ, оторванный отъ жены и дѣтей, отъ удобствъ своего барскаго дома, князь Николай Петровичъ, безвинно обвиненный, томился въ безмолвномъ уединеніи каземата, въ безвѣстности равно о близкихъ своихъ и о недругахъ, погубившихъ его, и въ тревожномъ ожиданіи мученій и казни, но не искалъ утѣшенія въ забытой имъ, утраченой вѣрѣ, опираясь лишь на горделивое сознаніе своей юридической невинности. Долго, оставленный всѣми, безъ занятія, безъ книгъ, безъ сношеній съ людьми, упорно крѣпился онъ, какъ философъ и стоикъ, противъ случайностей жизни и противъ коварства человѣческаго, гордо вооружаясь безплоднымъ терпѣніемъ, безнадежнымъ презрѣніемъ къ ударамъ слѣпой фортуны—классической богини, вычитанной имъ въ виршахъ и прозѣ подражателей Эллинскихъ поэтовъ.

Время шло тяжело и медленно, и никакой перемѣны не приносило за собой въ положеніи мнимаго государственнаго преступника. Однажды, послѣ длиннаго, безконечнаго дня, проведеннаго въ размышленіяхъ и догадкахъ о вѣроятно роковой развязкѣ своей судьбы, князь заснулъ. Уже давно перестали являться ему, даже во снѣ, прежнія свѣтлыя картины и лица; уже давно самыя сновидѣнія его заключались въ тѣсной рамкѣ каземата; даже спящаго воображеніе уже не имѣло силы унести его изъ плѣна, возвести отъ тли. Такъ и на этотъ разъ, во снѣ князь Николай Петровичъ увидѣлъ себя къ своемъ тѣсномъ сыромъ, тюремномъ жильѣ; но мракъ темницы рѣдѣлъ, какъ рѣдѣетъ темь въ ночи, передъ разсвѣтомъ, гораздо прежде тѣмъ займется заря,—и душная атмосфера, какъ будто легкая струя воздуха, тянула сверху, и ему стало свободнѣе дышать. Смутное, тревожное предчувствіе охватило его, онъ ожидалъ чего-то или кого-то, и волненіе давно забытой надежды овладѣло имъ. Дверь отворилась безъ обычнаго скрыпа, безъ раздражающаго звука ключа и замковъ, и вмѣсто единственнаго посѣтителя его; очереднаго караульнаго, предсталъ предъ нимъ «нѣкій древній, благолѣпный мужъ». Лицо его сіяло такой чистой, жалостливой любовью; такой тихій свѣтъ и такая атмосфера покоя окружали его, что спящій не могъ себѣ дать отчета въ подробностяхъ

явленія, черты, одежда, все ускользало въ неопредѣленности, передъ свѣтозарнымъ выраженіемъ любви, кротости, жалости на этомъ лицѣ. Въ радостномъ изумленіи смотрѣлъ на него князь, и безмолвствовалъ; и вотъ послышался тихій, но сладко-внятный шепотъ: «Ты не спишь, князь Николай», сказалъ гармоническій голосъ; «ты не спишь, но очи твои держатся, и ты не видишь ни своего положенія, ни ожидающей тебя судьбы. Судьба твоя въ твоихъ рукахъ. Ты напрасно ищешь причины твоего заточенія въ злобѣ или происках враговъ. Люди здѣсь слѣпое орудіе; твоя печаль не къ смерти, не къ смерти; а къ славѣ Божіей. Князь Николай, забылъ ты Бога! Обратись, прибѣгни къ молитвѣ! И Тотъ, Кто разрѣшалъ узы святыхъ Апостоловъ и отверзъ темницу ихъ, Тотъ выведетъ и тебя отсюда, и возвратитъ тебя твоей сѣтующей, молящейся семьѣ».—Князь проснулся, вскочилъ съ постели; все было темно, пусто и сыро въ казематѣ по прежнему. Не было слѣдовъ видѣнія, но что-то необычное зашевелилось въ его душѣ; смутныя воспоминанія дѣтства и сладкихъ минутъ довѣрчиваго умиленія, когда въ первое число мѣсяца служили дома всенощную, или когда освящали воду наканунѣ Крещенія Господня, или когда стоялъ онъ полусонный, но радостный подлѣ матери въ ихъ приходѣ со свѣчею и вербою въ рукѣ.... Прочь это ребячество подумалъ онъ. Неужели я такъ слабъ и опустился въ этой темнотѣ и скорби, что стану вѣрить снамъ и молиться на иконы святыхъ? А порадовалась бы этому малодушію моя бѣдная княгиня Анна Васильевна: она такъ часто уговаривала меня хоть «Отче Нашъ» прочесть съ нею, когда она усердно клала земные поклоны передъ кивотомъ своимъ, со всею набожностью своего Шереметевскаго рода.

Такъ отшучивался отъ впечатлѣній сна князь Николай Петровичъ; но эти впечатлѣнія его преслѣдовали весь день и, вспоминая неземную красоту явившагося ему старца, онъ невольно искалъ сходства съ знакомыми ликами, изображенными на иконахъ на стѣнахъ Московскихъ церквей. Однако гордость и упрямство взяли верхъ, и не прочелъ онъ ни одной молитвы, даже не сказалъ про себя со вздохомъ «Господи помилуй!»

Опять потянулись долгіе дни, и ничего не случилось, что бы могло прервать однообразное томленіе тюремной жизни. Уже впечатлѣніе необыкновеннаго сна сглаживалось изъ памяти князя, вполнѣ возвратившагося къ своему безутѣшному стоицизму, какъ вдругъ опять повторился тотъ же сонъ, во всѣхъ своихъ подробностяхъ; только сіяющій ликъ старца какъ бы подернулся грустью, и онъ съ тихимъ упрекомъ выговорилъ князю за его невѣріе.

Князь Николай Петровичъ былъ потрясенъ. Такъ много времени прошло послѣ перваго сновидѣнія; воспоминаніе и даже впечатлѣніе этого сна такъ изгладились изъ его памяти, что явленіе нельзя было приписать его собственному воображенію. Неужели тутъ есть что-нибудь сверхъестественное? На этотъ разъ онъ былъ вполнѣ озабоченъ, и мысль его была безпрестанно занята видѣніемъ; но покориться, смирить себя и свою гордость, заплакать и молиться онъ не хотѣлъ и упрямо крѣпился. Но онъ уже не зналъ душевнаго покоя, и черезъ нѣсколько ночей опять увидѣлъ чудный сонъ. Лучезарный старецъ предсталъ попрежнему предъ нимъ, но строгость лица его поразила князя. «Очи твои держатся и сердце окаменѣло, князь Николай», сказалъ онъ, «а время идетъ, срокъ близокъ: кайся и молись! Ты мнѣ не вѣришь, ты не вѣришь въ Пославшаго меня; повѣришь, можетъ быть, вещественному доказательству истины моихъ словъ. Когда поведутъ тебя на ежедневную прогулку въ равелинъ, идучи по корридору, взгляни на третью дверь отъ твоего каземата; надъ нею повѣшена икона. Попроси офицера снять ее и дать тебѣ, это образъ Казанской Божіей Матери. Возьми его, молись, проси заступленія Пречистой Дѣвы Богоматери. И опять говорю: вѣруй, проси, и просящему дастся; будешь освобожденъ и возвращенъ семейству, которое молится за тебя. Это мое послѣднее посѣщеніе; меня ты не увидишь болѣе. Въ твоихъ рукахъ твоя судьба; выбирай: позорная смерть, или свобода и долгая, мирная жизнь»!

Сновидѣніе исчезло, и съ пробужденіемъ закипѣли мысли и чувства у князя Николая Петровича. Невольно, неодолимо вливалась вѣра въ душу его; и какъ ни боролся съ самимъ собою, надежда и молитва воскресали въ его сердцѣ, хотя гордость не допускала еще словъ на его уста. День, другой, онъ шелъ по корридору, и только досчитывалъ до третьей двери, но крѣпился и не поднималъ глазъ вверхъ. Однако не утерпѣлъ, и одинъ разъ рѣшился посмотрѣть. Какой-то маленькій, темный четвероугольникъ точно чернѣлъ надъ дверью; но князь не погрѣшилъ противъ дисциплины: ничего не спросилъ у дежурнаго офицера; однако этотъ четвероугольникъ тянулъ и манилъ его къ себѣ ежедневно, а по ночамъ, догадки о томъ, точно-ли это изображеніе святое, и именно Божіей Матери, какъ было сказано ему во снѣ, мѣшали ему спать. Наконецъ онъ рѣшился попросить снять этотъ образъ и позволить ему взять его къ себѣ. Дежурный офицеръ позволилъ; и когда, оставшись одинъ въ своемъ казематѣ, онъ сталъ разбирать и чистить образокъ, вышло, что это точно изображеніе, называемое Казанской Божіей Матерью. И *это вещественное доказательство* истины словъ, слышанныхъ во снѣ, или, скажемъ лучше, святое

дѣйствіе благодати неистощимой любви Бога къ грѣшному человѣчеству, согрѣло сердце князя Николая Петровича и открыло ему глаза. Увѣровалъ онъ, какъ Ѳома, палъ ницъ, и со словами «Господь мой и Богъ мой!», полилась, изъ глубины пробужденной души его, горячая мольба и благодареніе; и миръ, и покой, и свѣтъ разлились въ упрямомъ, смущенномъ умѣ. Чрезъ нѣсколько дней пришелъ приказъ возвратить его на волю; такъ же безъ всякихъ объясненій послѣдовало его освобожденіе, какъ прежде, послѣдовалъ его арестъ.

Князь Николай Петровичъ взялъ съ собою образъ, сдѣлалъ на него золотой окладъ, и передъ кивотомъ, куда поставилъ его, онъ читалъ съ своею княгиней «Отче нашъ» съ такою же вѣрою и усердіемъ какъ сама Анна Васильевна, дочь благочестиваго Шереметевскаго дома. И конечно, отецъ мой и мать съ неменьшей теплотою и чистотою вѣры молились передъ этой фамильной святыней, которою дѣдъ мой благословилъ свою любимую дочь, Анну Андреевну, мою мать.

Эта княгиня Анна Васильевна была дочь Василія Петровича Шереметева, роднаго брата Фельдмаршала, перваго *графа* того имени. Князь Николай Петровичъ Щербатовъ не только былъ близокъ къ Шереметевымъ по родству, но и по образу мыслей и политическому направленію. Ни тотъ, ни другой не были приневолены Петромъ принять новые порядки: они сами, по доброй волѣ, по убѣжденію и увлеченію, совершенно принадлежали къ сторонникамъ Европейскаго просвѣщенія и всей душей предались завѣтнымъ мыслямъ Петра. Что они «смѣло сѣяли просвѣщеніе» и между женскими лицами своего семейства, доказываютъ Записки дочери Фельдмаршала, кн. Натальи Борисовны Долгоруковой, писанныя такъ непринужденно, просто и хорошо, что дай Богъ и въ наши дни такимъ Русскимъ слогомъ писать. Къ этой привлекательной и достойной удивленія героини супружеской вѣрности и любви братъ ея графъ Петръ Борисовичъ относился нехорошо, можно сказать, жестоко. Когда Наталью Борисовну просватали, ему было только 17 лѣтъ; отказать всесильному временщику, который умѣлъ понравиться сестрѣ, не было никакаго повода, и даже было бы небезопасно. Но политическія страсти были въ полномъ разгарѣ, и члены Верховнаго Совѣта, равно какъ и самъ блистательный, высокомѣрный князь Долгоруковъ, были вообще ненавистны. Долгоруковы и Голицыны уже замышляли олигархію, а Шереметеву не полагали дать въ ней участія. Онъ слѣдовательно не былъ связанъ ничѣмъ, а самый планъ ихъ былъ въ высшей степени противенъ всему дворянству въ Россіи, какъ батюшка очень часто слыхалъ отъ старожиловъ въ дѣтствѣ. Смерть Петра II и паденіе Долгоруковыхъ еще умножило нерасположеніе Петра Борисовича противъ этого брака, и онъ упо-

требилъ всѣ усилія, чтобы удержать сестру и спасти ее отъ грозившаго несчастія. Но она страстно любила жениха и не хотѣла измѣнить данному слову въ минуту недоумѣнія, колебанія, когда не знали еще, какъ примется предполагаемый переворотъ. Это благородное упрямство, кажется, поссорило ее съ братомъ; она сама жалуется на своихъ родственниковъ въ своихъ Запискахъ, и я никогда о ней не слыхала въ дѣтствѣ, какъ о другихъ членахъ этого близкаго намъ семейства, и только въ послѣдствіи, когда уже выучилась читать, узнала трогательную повѣсть ея жизни и стала гордиться мыслью, что она была родственницей нашихъ предковъ. Замѣчательно, до какой степени были ненавистны большинству дворянства всякія попытки къ олигархіи, всякія аристократическія выходки въ Россіи; а между тѣмъ, онѣ-то именно и повторялись у насъ—боярами - перелѣтами, принявшими Польскія воззрѣнія во время избранія Михаила Ѳеодоровича, равно какъ и полуобразованными, гладко отшлифованными на Европейскій ладъ князьями верховными, мечтавшими о Шведскихъ порядкахъ при восшествіи Анны Іоанновны, и наконецъ не очень высоко образованными, но весьма благовоспитанными господами нашихъ дней, мечтающими объ Англійской Камерѣ Перовъ. Даже наши малообразованные и совсѣмъ необтесанные приверженцы молодой Россіи, поклонявшіеся Парижской коммунѣ (за двѣ недѣли до ея паденія), за ея требованіе, чтобы право голосованія оставалось въ рукахъ городовъ и лишило бы голоса этихъ грубыхъ, невѣжественныхъ крестьянъ, даже часто великіе реформаторы de l'Internationale мѣтятъ въ олигархію, *въ правленіе меньшинства*, аристократіи *интеллигенціи*, разума. Какъ хороша интеллигенція, увидѣли мы въ Парижѣ; какъ основателенъ разумъ, свидѣтельствуютъ посмертныя Записки Герцена, такъ забавно разоблачающія всю несостоятельность нашихъ эмигрантовъ. И на всѣ эти попытки большинство дворянъ отвѣчало противодѣйствіемъ; а народъ—упрямствомъ *твердаго бездѣйствія* или поучительной насмѣшкою, какъ случилось еще недавно, когда, обратясь къ работникамъ у какого-то строющагося дома въ Петербургѣ, одинъ изъ шумѣвшихъ на улицахъ студентовъ 1862 года сказалъ:—смотрите, насъ ведутъ въ крѣпость! и получилъ въ отвѣтъ: Туда вамъ и дорога!—Порою, приходилось и похуже нашей аристократіи, когда случится, народъ *опьянѣетъ*, такъ сказать, теряетъ свое отличительное Русское свойство—здравый разсудокъ. Такъ было при Стенькѣ Разинѣ, при Пугачевѣ, при Желѣзнякѣ. Вообще, масса дворянства и весь простой народъ понимали доселѣ, что всѣ эти предполаемыя нововведенія не идутъ къ нашему строю жизни, и что много государей (даже порядочныхъ) хуже одного даже дурнаго. Какъ будто столѣтія междо-

усобій и безпорядковъ и близкая гибель земли въ междуцарствіе оставили такіе глубокіе слѣды въ исторіи нашей, что безсознательно проникнутъ ими весь Русскій людъ и ставитъ единство власти также высоко, какъ единство земли. Дай Богъ, чтобы умѣли *осмыслить* въ насъ эти убѣжденія наши учители и правители, и дали Россіи терпѣливо дойти до того новаго строя политической жизни, до котораго не могутъ достигнуть чужіе народы ни кровію своею, ни своею цивилизаціей; и въ его же основу ляжетъ та вѣра, коей главное ученіе состоитъ въ божественныхъ словахъ: «Любите другъ друга!» Но для такого воспитанія Россіи нужно было-бы новое министерство, которое д'Ацеліо такъ мѣтко называетъ: Ministerio dell'esempio, «министерство хорошаго примѣра»; а возможно ли составить хоть департаментъ такой при министерствѣ просвѣщенія или внутреннихъ дѣлъ? Увы, тяжелый грѣхъ беремъ на себя мы, всѣ и каждый, считающіе себя честными людьми и подающіе такой бѣдственный примѣръ нашей распущенностью, лѣнью, непостоянствомъ и легкомысліемъ!

Господи! На какіе примѣры успѣла наглядѣться Россія и съ нею прадѣдъ мой, дожившій до временъ Елисаветы. Послѣ величія, часто запятнаннаго кровію и развратомъ, но все-таки истиннаго величія Петра,—пустой развратъ Екатерины I, грабежъ Меншикова, однако хоть нѣкоторые отблески прошлаго царствованія, хоть нѣкоторая послѣдовательность въ политическомъ направленіи, и исполненіе хоть однаго изъ плановъ Петра основаніемъ Академіи Наукъ. Потомъ, за кратковременнымъ царствованіемъ Петра II, придворные перевороты, убивающіе всѣ надежды благоразумныхъ послѣдователей Петра Великаго, и наконецъ, сплошная грязь и кровь Бирончины! Ужъ это было самое тяжкое испытаніе для тѣхъ, которые предпочитали одного государя многочисленной олигархіи. Въ это тяжелое время, князь Николай Петровичъ Щербатовъ, бывшій вторично на службѣ комендантомъ Кронштадта и вышедшій опять изъ службы, оставилъ навсегда Петербургъ. Жизнь въ новомъ городѣ Петра, при основаніи котораго онъ находился, на возрастаніи котораго такія возлагалъ надежды и предавался такимъ золотымъ мечтамъ славы и добра, жизнь въ этомъ разцвѣтающемъ городѣ сдѣлалась ему невыносимою. Онъ воротился на жительство въ Москву. Фельдмаршала графа Шереметева уже давно не было въ живыхъ; сынъ его жилъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, въ домѣ на Дворцовой набережной (купленномъ потомъ въ удѣлъ, теперь же перестроенномъ для дворца великаго князя Михаила Николаевича). Нынѣшній домъ Шереметева, со своимъ большимъ дворомъ и садомъ, былъ тогда загороднымъ домомъ. Фонтанка и находящіеся за нею кварталы тогда были внѣ черты города и счи-

тались дачами. Въ послѣдствіи, дѣдъ мой купилъ у Апраксина домъ въ Семеновскомъ полку (нынѣ купца Масленикова), который также считался загороднымъ; тамъ жилъ Апраксинъ, когда былъ сосланъ, съ запрещеніемъ въѣзда въ столицу, и туда всѣ его друзья и родственники съѣзжались, чтобы веселиться и пировать съ нимъ. Ссылка не всегда бывала въ Березовъ. Впрочемъ я не увѣрена, что онъ здѣсь именно жилъ и съѣзжались къ нему, или въ другомъ его домѣ за нѣсколько верстъ у «Четырехъ Рукъ». Только знаю, что дѣдъ купилъ домъ у Апраксина, а при императорѣ Павлѣ домъ этотъ уже вошелъ въ черту города.

Но возвращаюсь къ графу Петру Борисовичу Шереметеву. Графъ Петръ Борисовичъ былъ вообще добрый человѣкъ, нѣжный и родственникъ, какъ онъ доказалъ моему дѣду. Князь Н. П. Щербатовъ переѣхалъ уже на жительство въ Москву, когда ему пришло время отдать на службу сына своего, моего дѣда, князя Андрея, и отправить 16-ти лѣтняго мальчика въ Петербургъ. Это было въ самомъ началѣ царствованія Елисаветы. Его отправили прямо къ двоюродному брату уже скончавшейся матери и, живя въ его домѣ, онъ скоро привязался къ нему и къ его женѣ, графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ, урожденной княжнѣ Черкасской, самой нѣжной привязанностію. Они его полюбили, какъ своего сына, особенно Варвара Алексѣевна. Она была очень хороша собой, если судить по ея портретамъ, была умна, распорядительна и принесла за собою огромную часть огромнаго нынѣ Шереметевскаго имѣнія. Кажется, Останкино, съ его старой красивой церковью, принесено ею же въ приданое. Она тоже принадлежала къ дому одного изъ приверженцевъ Петровскихъ реформъ и держалась нововведеній; но въ то время это направленіе не мѣшало сохранять благочестивые обычаи и православныя вѣрованія и преданія, и даже многія уродливыя привычки старины, такъ напр.: когда она съ мужемъ ѣздила въ Москву, въ одной каретѣ съ нею ѣхала дура, а съ графомъ шутъ. Эти путешествія требовали большихъ приготовленій, и дѣдъ мой записывалъ для нея всѣ распоряженія. Что-то среднее между маршрутомъ и церемоніаломъ одного путешествія долго хранилось въ бумагахъ у матушки, пока не украли у насъ шкатулки съ фамильными бумагами (воображая вѣроятно, что въ ней были деньги или драгоцѣнности). Въ то время, конечно, поѣздка въ 700 верстъ по ухабамъ, пескамъ и бревенчатой мостовой выходила настоящимъ путешествіемъ, и даже затруднительнымъ и тяжелымъ. За то люди богатые и знатные, какъ Шереметевы, ѣхали цѣлымъ караваномъ. Впередъ отправлялся поваръ съ цѣлой походной кухней и провизіей; съ нимъ отправлялся дворецкій съ винами, столовымъ бѣльемъ и серебромъ. Еще раньше отправлялся обойщикъ съ коврами, занавѣсками, посте-

лями и бѣльемъ. Въ городахъ доставали квартиру для ночлега или у знакомыхъ, или у зажиточныхъ купцовъ, какъ и теперь люди *съ протекціей* (дружеской или служебной) принуждены дѣлать въ глуби Россіи. Въ деревняхъ выбирали почище избу и отдѣлывали коврами и занавѣсами до приличнаго и опрятнаго вида. Потомъ уже отправлялись господа съ шутами и карлицами, съ дѣтьми и няньками, гувернерами и гувернантками, и ѣхали такъ дней 7 или 8 до Москвы. Не знаю, часто ли повторялись у Шереметева эти путешествія; но дѣдъ мой, во всякомъ случаѣ, не могъ часто сопровождать своихъ родственниковъ, потому что былъ на службѣ, а именно въ Измайловскомъ полку. У Шереметевыхъ тогда еще не было сыновей, а черезъ полтора года послѣ его переселенія къ нимъ, родилась у нихъ дочь Анна Петровна, которую князь Андрей полюбилъ съ ея рожденія, какъ дочь, какъ сестру, какъ друга, и которая была для него главнымъ предметомъ заботы сердечной, радости и любви до самой ея смерти. Былъ ли онъ влюбленъ въ нее? Такой ли любовію она ему отвѣчала? Если и было такъ, что они сами не подозрѣвали этого. 18-тью годами старше ея, онъ вѣроятно все еще видѣлъ въ ней ребенка, котораго онъ лелѣялъ и няньчилъ почти съ ея рожденія; она въ немъ видѣла и друга, и пестуна; да въ то время ихъ родство считалось слишкомъ близкимъ, чтобы помышлять о бракѣ, и также мало приходило въ голову влюбиться въ двоюродную сестру или племянницу, какъ въ сестру родную. Можно судить разно объ этомъ предразсудкѣ, но конечно имъ упрочивались и размѣрялись родственныя связи семей, и такъ какъ мы еще далеко не дожили до христіанской любви между всѣми людьми, всѣхъ странъ міра, о которой толкуютъ космополиты: то было не дурно поддержать этотъ обширный кругъ родства, равно какъ и болѣе обширный кругъ единства народнаго, которое тоже презираютъ люди, находящіе все это слишкомъ узкимъ для нихъ, хотя бо́льшею частію они любятъ и поклоняются всему человѣчеству, представляемому въ себѣ самихъ только, со всею гордостью своего колоссальнаго и благовиднаго эгоизма. Но дѣдушка и Анна Петровна любили другъ друга просто, крѣпко и неизмѣнно, какъ братъ и сестра, и ея портреты въ разныхъ возрастахъ и въ разныхъ нарядахъ остались у меня до сихъ поръ свидѣтельствомъ ихъ дружбы. Къ сожалѣнію, переписка ихъ, очень большая, потеряна тоже въ украденой шкатулкѣ. Я въ дѣтствѣ слышала объ Аннѣ Петровнѣ, какъ объ очаровательной женщинѣ; но по портретамъ нельзя судить объ этомъ: на нихъ у нея хорошіе, хотя небольшіе, черные глаза, смуглое, оживленное лице и маленькія, тонкія, красивыя руки; но черты не хороши. На гробницѣ ея, въ Лазаревской церкви Невской Лавры,

надпись гласитъ: «была фрейлиной премудрой монархини, но была не долго». Къ ней сватался богатый и знатный, отчасти можно сказать и знаменитый, графъ Никита Ивановичъ Панинъ. Это была совершенно приличная партія для богатой и знатной невѣсты; родители ее благословили и помолвили. Дѣдушка, какъ старшій братъ, одобрилъ и поддержалъ выборъ. Всѣ были довольны, кромѣ одной женщины, мнѣ неизвѣстной, которую графъ Панинъ покинулъ для Анны Петровны. Это было въ то самое время, когда въ Петербургѣ свирѣпствовала повальная болѣзнь—оспа и когда императрица выписывала изъ-за границы вновь открытое предупреждающее средство—ваксину. Болѣзнь эта поражала ужасомъ, многихъ уложила въ гробъ, но еще больше людей изуродовала, и, разумѣется, молодыя женщины особливо опасались ея. Графъ Панинъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ привоза ваксины, торопилъ, выписывалъ и уговорилъ невѣсту при первой возможности привить ее себѣ. Это составляло ежедневный разговоръ, толки, заботы; все это было извѣстно и той несчастной, которая возненавидѣла невинную, не знавшую даже о ея существованіи, Анну Петровну. Тогда была мода для молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ высшаго круга нюхать табакъ, будто потому, что было здорово для глазъ, а въ сущности вѣроятно ради прекрасныхъ и миніатюрныхъ табакерокъ (которыхъ нѣсколько осталось и у насъ, послѣ матушки). Графу Панину вздумалось подарить невѣстѣ такую драгоцѣнную игрушку съ какимъ-то особенно хорошимъ табакомъ. Не знаю, какимъ образомъ удалось ея соперницѣ исполнить злую мысль: она нашла средство достать оспенной матеріи самой злокачественной отъ одного больнаго, и впустила ее въ табакерку. Можетъ быть, въ своей ревности, она думала только изуродовать соперницу, въ надеждѣ, что съ потерей красоты она потеряетъ и любовь жениха; но бѣдная Анна Петровна, вдохнувъ этотъ ядъ, заразилась самой ужасной оспой и расплатилась жизнью. Для дѣда моего это былъ ужасный ударъ. Съ нею онъ лишился лучшихъ радостей жизни и, кромѣ горести утраты, мучила его мысль, что эта чистая, высокая, благородная душа сдѣлалась жертвою низкой зависти гнуснаго разсчета продажной красавицы и недостойной темной соперницы. Бѣдная Анна Петровна и не думала ей вредить; она и не знала, что кому-нибудь помѣшала, принявъ, по желанію родителей и по приличію свѣтскому, предложеніе Панина. Такъ ли она должна была кончить на 24-мъ году свою мирную и вмѣстѣ съ тѣмъ блистательную жизнь? Есть утраты сердечныя, тяжелыя, есть утраты жгучія, жестокія, есть утраты незамѣнимыя; но въ жизни каждаго человѣка, между многими и многими утратами, есть одна, которая перемѣняетъ всего человѣка, которая отрываетъ у него часть сердца;

притупляетъ умъ, отнимаетъ всю упругость молодости, всю вѣру въ счастіе, отъ которой не справиться никогда: это есть утрата не самаго близкаго человѣка, не самаго любимаго, но человѣка самаго *нужнаго* душѣ. И отчего онъ такъ нуженъ? Отъ обстоятельствъ-ли? Отъ вліянія? Отъ сходства-ли, отъ противуположности-ль характеровъ? Трудно сказать, и себѣ самому не дашь отвѣта. Знаешь только, что будто что-то оборвалось въ сердцѣ, и на этомъ мѣстѣ всегда останется пустота; оно и свято, и больно, и становится страшно туда заглянуть, и уже никогда не найдти тамъ душевнаго клада, которымъ такъ богата была жизнь! До тѣхъ поръ часто разставался дѣдушка съ Анною Петровной: онъ былъ нѣсколько разъ посыланъ курьеромъ въ армію, и въ Парижѣ былъ при блистательномъ и распутномъ дворѣ Людовика XV, и любовался Маріей Антуанетой, Madame Élisabeth и принцессой Ламбаль, во всей прелести ихъ юной красоты, и увлекался съ ними безпечною ихъ веселостью, не предвидя ужаснаго исхода всего этого блеска и всѣхъ добрыхъ намѣреній честнаго, добродѣтельнаго и великодушнаго Людовика XVI-го. Но среди грома войны и среди блистательныхъ Версальскихъ праздниковъ, мысль его отрадно покоилась на воспоминаніи лучшихъ радостей семейныхъ, и тянуло его домой, къ этой сочувственной душѣ, которая и вблизи и вдали дѣлила радости его и горе, и боялась, и молилась, и торжествовала съ нимъ и за него. Гдѣ бы онъ ни находился, переписка частая и откровенная, хоть немного, замѣняла дорогую привычку искренняго обмѣна мыслей и чувствъ. А теперь—гдѣ найти эту ребяческую веселость и довѣріе, эту дѣтскую и дружескую вѣру и любовь, съ которыми она обращалась къ нему за совѣтомъ и участіемъ, и въ свою очередь поддерживала, и одобряла, и безсознательно наставляла его на жизненномъ пути, этимъ кроткимъ, тайнымъ, можно сказать, таинственнымъ вліяніемъ женскаго такта и любви? Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, намекая на собственную жизнь, сказалъ мнѣ однажды: «Еслибъ женщины знали, какое вліяніе къ добру или ко злу имѣетъ непремѣнно какая-нибудь женщина въ жизни каждаго мужчины, онѣ бы не жаловались на ничтожность своего положенія и были бы менѣе опрометчивы въ своихъ дѣйствіяхъ и словахъ».]

Дѣдъ мой, кн. Андрей Николаевичъ испыталъ это вліяніе къ добру и къ возвышенію и очищенію души его, во всю жизнь своей кузины, а послѣ ея смерти еще крѣпче прежняго привязался къ ея матери, Варварѣ Алексѣевнѣ, которая уже давно замѣняла ему родную мать. Не знаю, прежде ли смерти Анны Петровны, или въ горестное время послѣ ея потери, но князь Андрей Николаевичъ сталъ играть и проигрывать значительныя суммы, разстраивая имѣніе, наслѣдован-

ное послѣ отца своего, умершаго въ 1758 году. Графъ и графиня Шереметевы хотѣли вознаградить потерю и подарить ему имѣніе въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ, выгодное по близости къ столицѣ; но дѣдъ мой и слышать не хотѣлъ о какомъ либо даже ничтожномъ ущербѣ ихъ сыну, и рѣшительно и неуклонно отказался, не смотря на настойчивыя предложенія Варвары Алексѣевны и на повтореніе этого предложенія впослѣдствіи ихъ сыномъ, Николаемъ Петровичемъ. Истинная сыновняя любовь князя Андрея Николаевича къ богатымъ родственникамъ доходила до всякаго самопожертвованія, но не до матеріальной выгоды. Дѣдъ мой, равно какъ матушка и отецъ мой и его мать, были очень щекотливы на счетъ денегъ, и не разъ подвергались шуткамъ, если не насмѣшкамъ, получая названіе Кузьмы и Демьяна Безсребренниковъ. Отчасти, можетъ быть, князю Андрею Николаевичу не хотѣлось воспользоваться предложеніемъ дяди и потому, чтобы не казалось, что онъ ихъ располагаетъ къ себѣ въ ущербъ своему брату, князю Павлу Николаевичу. Объ этомъ братѣ я ничего не слыхала ни отъ кого, но за то много слышала о его семействѣ.

Одна дочь князя Павла Николаевича, княжна Елисавета Павловна, красавица собой, была изъ первыхъ воспитанницъ Смольнаго монастыря, когда только что было основано это училище Екатериною II. По выходѣ изъ Смольнаго, она жила у моего дѣда и особенно любила мою мать, которая тогда была еще дѣвочкой и которою она занималась, какъ маленькою сестрой. За то у насъ въ семействѣ сохранилась особенная любовь къ ней и какое-то нѣжное почтеніе. Я хорошо помню ее въ ея старости: тонкія, благородныя черты, сѣдые волосы, мягкіе и волнистые въ своей сѣдинѣ, не покрытые никакимъ чепцомъ (не знаю почему), большіе, ласковые, кроткіе глаза, каріе съ свѣтлыми, золотистыми точками или искрами въ нихъ, какъ бываетъ въ глазахъ карихъ, но не черныхъ (не умѣю хорошо выразить). На ней всегда были темный тафтяной капотъ (douillette) и большая, теплая шаль, приколотая булавкой; подлѣ нея стоялъ круглый столикъ, на немъ серебряный колокольчикъ съ черной ручкой Такъ сидѣла она всегда миловидная, граціозная, привѣтливая, но неподвижная: ея исхудалыя руки были изуродованы ревматизмами, отъ которыхъ она совсѣмъ потеряла движеніе ногъ. До этого состоянія паралича довела ее походная жизнь въ сырыхъ квартирахъ и палаткахъ, въ которыхъ ей приходилось перебиваться внутри Россіи, въ Молдавіи и на Кавказѣ, слѣдуя всюду за любимымъ мужемъ, гдѣ только по военнымъ правиламъ дозволялось женщинамъ находиться. Она была замужемъ за Александромъ Васильевичемъ Поликарповымъ, хорошимъ генераломъ, побывавшимъ во всѣхъ походахъ въ Турціи,

командовавшимъ отрядомъ на Кавказѣ, и бывшимъ потомъ губернаторомъ въ Твери, гдѣ у него было значительное имѣніе, въ которомъ они любили жить лѣтомъ и въ которомъ Елисавета Павловна отстроилась послѣ смерти мужа.

Она была изъ старушекъ высокаго круга первая, которую я узнала. Онѣ теперь совсѣмъ перевелись, и мнѣ кажется, что ихъ мѣсто остается пусто. Въ наше же поколѣніе слишкомъ часто случалось видѣть, какъ старухи сидятъ въ одиночествѣ, съ трудомъ добиваясь партнера дóма, посѣщаемыя только на полчаса, много на часъ времени, черезъ день или два, своими дочерьми, внучками или невѣстками, пріѣзжающими поочереди и тяжело воздыхающими отъ такого подвига, когда возвращаются отъ этихъ скучныхъ старухъ или стариковъ. У насъ (да и вообще въ то время) не было такъ. Сынъ Елисаветы Павловны съ женою жилъ у нея, тоже незамужняя дочь; а моя мать и отецъ, считая ее старшею въ семьѣ, не пропускали ни одного дня, чтобы не побывать у нея, большею частію проводили у ней вечера, въ какой-то vie de château, одни за партіей картъ, другія за работой; а отецъ моей былъ ихъ чтецомъ, и неисчислимое множество романовъ въ переводѣ на Французскій языкъ miss Radclife, miss Burney, Валтеръ-Скотта прочелъ онъ имъ. Мы, бывало, слышимъ оживленную бесѣду объ этихъ чтеніяхъ, критику или похвалу, разсказы и анекдóты; но ни одной мнѣ не помнится жалобы на скуку или *обузу* этого безсмѣннаго дежурства у старой родственницы. Иногда мы слыхали о болѣе многочисленныхъ вечеринкахъ у нея; а на святкахъ къ ней или отъ нея отправлялись матушка моя, тетушка Марья Андреевна (невѣстка Елисаветы Павловны) и нѣсколько другихъ молодыхъ людей, иногда и съ батюшкой, подъ маскою, цѣлою толпой, *на огонекъ*, въ дома знакомыхъ, или по крайней мѣрѣ, извѣстныхъ людей, но къ которымъ не были выѣзжи. И такъ *интриговали* подъ маской, танцовали подъ музыку клавикордъ, забавляли другихъ и себя, и уѣзжали, не открывая своихъ лицъ, ни именъ, въ наемныхъ каретахъ, кучера которыхъ сами не знали кого возили, такъ что секретъ соблюдался. А иногда и не по одному разу пріѣзжали въ домъ въ продолженіе святокъ; и много было шутокъ, смѣху, догадокъ и строгой тайны и невинныхъ обмановъ и живой, молодой веселости въ этихъ продѣлкахъ. Говорили ѣхать *на огонекъ*, потому что въ тѣхъ домахъ хорошаго общества, въ которыхъ хотѣли принимать незнакомыхъ масокъ, ставили свѣчи въ окнахъ (какъ теперь дѣлается взамѣнъ иллюминаціи), и это служило сигналомъ или приглашеніемъ для молодежи, разъѣзжавшей цѣлыми обществами подъ маской. Разумѣется, не проходило безъ сердечныхъ приключеній: иногда молодой человѣкъ, не имѣвшій возмож-

ности быть представленнымъ въ домъ, т.-е. въ семейство дѣвушки, которую онъ любилъ, могъ пріѣхать подъ маской, видѣть ея обстановку, семейную жизнь, комнаты, гдѣ она жила, пяльцы, въ которыхъ она вышивала, клѣтку ея канарейки; все это казалось такъ мило, такъ близко къ сердцу, такъ много давало счастія влюбленному того времени, а разговоръ могъ быть гораздо свободнѣе, и многое высказывалось и угадывалось среди хохота и шутокъ маскированныхъ гостей, подъ обаяніемъ тайной тревоги, недоумѣнія, таинственности и любопытства. Все это кажется смѣшно, вяло и глуповато въ наше время, но шуточное повтореніе фразы: «C'est ici que rose respire» имѣло тогда болѣе глубокое значеніе для искренняго и чистаго сердца молодаго человѣка, нежели даже сознавалось. Я еще была ребенкомъ въ то время и не принадлежу къ этому поколѣнію; но мнѣ кажется, право, qu'ils etaient dans le vrai *), и что эта наивность есть наивность полевыхъ цвѣтовъ, фіалокъ, ландышей и васильковъ въ сравненіи съ пышной красотой и опьяняющимъ запахомъ датуры-фастуозы или Японской лиліи. У насъ меньше простоты и больше наглости, какъ кажется мнѣ; не знаю, кто въ выигрышѣ. Но возвращаюсь къ Елисаветѣ Павловнѣ Поликарповой. Она еще была въ дѣвушкахъ, когда князь Григорій Григорьевичъ Орловъ, похоронивъ молодую жену въ Швейцаріи, возвратился ко двору въ Петербургъ. Его романъ такъ извѣстенъ, что не знаю нужно ли его повторять. Въ самое время его всемогущества при Екатеринѣ II, онъ влюбился въ свою двоюродную сестру Зиновьеву. Съ своеволіемъ, характеризующемъ Орловыхъ и вообще то время, съ привычкою видѣть одно только повиновеніе и даже подобострастіе, всесильный князь Орловъ вдругъ очутился передъ препятствіемъ почти непреодолимымъ, и, можетъ быть, это именно и побудило его непремѣнно жениться на двоюродной сестрѣ, проступокъ неслыханный въ то время; а могущество его должно было исчезнуть съ признаніемъ своей новой страсти передъ Императрицей. Оскорбленная въ своемъ самолюбіи, но врядъ ли въ сердечномъ чувствѣ, Екатерина согласилась на его удаленіе, и онъ уѣхалъ съ Зиновьевой въ Швейцарію; тамъ, кажется, или на дорогѣ, они обвѣнчались. Матушка еще пѣвала пѣсню или романсъ, написанный Зиновьевой въ то время. Онъ начинался такъ:

Желанья наши совершились,
И всѣ напасти ужь прошли.
Со тобой мы въ вѣкъ соединились.
Счастливы дни теперь пришли.

*) Они были правы.

Любимъ ты мной, и я тобой!
Чего еще душа желаетъ?
Чтобъ ты всегда мнѣ вѣренъ былъ,
Чтобъ ты жену не разлюбилъ.
Мнѣ всякій край съ тобою рай! [1])

Послѣ перваго порыва страсти, пѣсня переходитъ въ страхъ за будущее, въ опасеніе, что ей измѣнитъ, что ее разлюбитъ мужъ. Предчувствіе не обмануло ея: для Орлова любовь была лишь прихотью. Скоро честолюбіе пробудилось опять, жажда власти, наслажденій гордости и самолюбія завладѣли имъ: онъ сталъ упрекать жену, удаляться отъ нея. Но для нея любовь его была всей жизнью, она не вынесла его перемѣны, зачахла и умерла, какъ Англичане говорятъ, отъ разбитаго сердца (broken hearted). Орловъ поспѣшилъ назадъ; но хотя его сердце могло спокойно совершить двойную измѣну, разумъ его не устоялъ противъ страданій гордости. Прежняго положенія онъ, разумѣется, не могъ воротить, и это-то горе было невыносимо для высокомѣрнаго временщика: онъ помѣшался, но такъ какъ его помѣшательство было безвредно, то его оставляли на свободѣ. Онъ по старому знакомству былъ съ визитомъ у дѣда моего; а у насъ ужъ такое *родовое* преданіе и обычай, что бывшему сильному человѣку, въ дни его паденія и опалы, всегда оказывать вдвое больше почету и привѣту, нежели въ дни его могущества. Это въ своемъ родѣ гордость, можетъ быть, но она ведетъ свое начало отъ благороднаго чувства. Ламенѣ гдѣ-то написалъ. «Tous les hommes sont mes frères, mais ceux qui pleurent, sont mes enfants» [2]). Прекрасное выраженіе нѣжнаго христіанскаго чувства. Въ отношеніяхъ общественныхъ и политическихъ, нѣжности нечего искать и требовать; а чувство общаго человѣческаго достоинства не выражается ли такъ: счастливому государственному человѣку должный почетъ, а падшему—радушіе, почитаніе и предупредительность. Это антитезисъ древняго изреченія vae victis [3]) и подобаетъ обществу новѣйшему, которое, со всѣми своими пороками, все-таки основано на христіанствѣ, хотя, увы! забываетъ свое происхожденіе, или отъ него отрекается. Вотъ дѣдъ мой и счелъ долгомъ принять князя Орлова радушно; а Орловъ,

---

[1]) Эти рифмованные куплеты, которые нельзя назвать стихами, были однако въ модѣ въ свое время, по той же поговоркѣ, что ce qui est trop mauvais pour dire, se chante (что слишкомъ плохо для того, чтобы произносить, то поется), или потому, что они все-таки выражаютъ отдѣльную страсть, какъ пѣсенка, прославленная Мольеромъ.

[2]) Всѣ люди мнѣ братья, но плачущіе—мнѣ дѣти.

[3]) Горе побѣжденнымъ.

увидѣвъ красавицу-племянницу, сталъ посѣщать домъ Щербатовыхъ ежедневно, наконецъ нѣсколько разъ въ день, и сталъ ухаживать за Елисаветой Павловной и свататься къ ней. Но тутъ уже была граница великодушію и христіанской снисходительности. Выдать ужаснувшуюся племянницу за сумасшедшаго милліонера было не въ характерѣ и не въ преданіяхъ нашей семьи, и князь Андрей Николаевичъ былъ принужденъ отказать Орлову не только отъ брака, но послѣ и отъ дома. Елисавета Павловна всегда вспоминала съ ужасомъ о страхѣ, который наводила на нее любовь этого страстнаго, своевольнаго, неистоваго безумца-фаворита. Если судить по разсказамъ близкихъ людей, что-то въ родѣ страха чувствовала и безстрашная Екатерина во время его силы. Она даже писала къ Понятовскому, когда онъ хотѣлъ пріѣхать въ Петербургъ послѣ ея восшествія на престолъ: «ne venez pas; les Orloff ne le permettraient pas» *). Впрочемъ, такъ какъ она сама не желала возвращенія прежнихъ отношеній къ Понятовскому, то можетъ быть своенравіе Орлова служило лишь предлогомъ. Какъ бы ни было, княжна Елисавета Павловна Щербатова избавилась отъ своего сумасшедшаго жениха.

Но былъ другой искатель ея руки, которому она не отказала и къ которому сохранила во всю жизнь самую нѣжную, самую страстную любовь. Это былъ Александръ Васильевичъ Поликарповъ, о которомъ я уже говорила. Красавецъ собой, храбрый и любезный въ своей молодости, онъ въ послѣдствіи заслужилъ себѣ одинаково любовь и почтеніе за свою справедливость и безпристрастіе, какъ сенаторъ. Изъ военной службы онъ перешелъ въ гражданскую, утомленный походами и лагерною жизнью, которые стоили ему здоровья жены. Онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Тверь. Ну тутъ ему не посчастливилось, вслѣдствіе такого же фамильнаго воззрѣнія на вещи, какъ и у насъ въ семьѣ. По восшествіи на престолъ Павла Петровича, друзья и временщики Екатерины, какъ извѣстно, были удалены не только отъ двора, но даже изъ столицы. Между ними была и княгиня Дашкова. Ей надобно было проѣхать черезъ Тверь. Поликарповъ рѣшилъ, что приметъ ее съ тѣмъ же почетомъ, какъ принялъ бы при Екатеринѣ. Онъ былъ отставленъ отъ мѣста, только при Александрѣ опять вызванъ на службу и назначенъ сенаторомъ. Въ этотъ промежутокъ времени онъ жилъ въ своихъ Тверскихъ вотчинахъ, и когда пріѣзжалъ въ Петербургъ, то останавливался у моего дѣда. Такимъ образомъ, близкія и родственныя отношенія не прерывались

*) Не пріѣзжайте: Орловы этого не позволятъ.

между обоими семействами. Въ Сенатѣ онъ былъ извѣстенъ строгою честностію, и иногда въ полномъ собраніи ему случалось выговаривать министрамъ, Лопухину и др., когда онъ замѣчалъ лицепріятіе съ ихъ стороны въ какихъ-нибудь тяжебныхъ дѣлахъ. Что вы себя губите, говаривалъ онъ: вѣдь вы души своей не жалѣете! Какой отвѣтъ дадите Богу, что вдову (или сироту) обижаете? И въ такомъ родѣ рѣчи держалъ Поликарповъ по тогдашнему патріархальному обращенію стариковъ между собою, даже въ оффиціальныхъ сношеніяхъ. По всѣмъ разсказамъ тогдашнихъ временъ надо полагать, что между заслуженнымъ дворянствомъ хорошихъ родовъ, но не принадлежавшимъ къ тому Французскому кругу, который составлялъ собственно избранное общество Екатерины, царствовали какое-то добродушіе и домашнее обращеніе съ дѣлами, не совсѣмъ похожее на должную важность судей-спеціалистовъ, и когда они говорили другъ другу *ты*, не было нечего похожаго на гордое *ты*, которое говорили другъ другу Испанскіе гранды. Какъ бы то ни было, но Поликарпова знали бѣдные, имъ защищаемые люди, и бывало, если пріѣдетъ изъ-за тридевять земель для тяжбы мать семейства безъ знакомыхъ, безъ связей, безъ понятій о законахъ, ей говорятъ:—поди къ Александру Васильевичу, тотъ уже не выдастъ имъ твое право; онъ ихъ не боится, всякому скажетъ правду, по совѣсти разсудитъ.

Однакожъ этотъ человѣкъ, такъ рѣзко выговаривавшій любому сенатору въ полномъ присутствіи, былъ способенъ на утонченную любезность съ женщинами. Я уже говорила, какъ онъ пожертвовалъ своимъ положеніемъ и рисковалъ еще хуже, ради учтивости къ княгинѣ Дашковой. Много лѣтъ спустя, уже бывши сенаторомъ, онъ часто вздыхалъ по домашнимъ дѣламъ въ свое Тверское имѣніе, даже осенью и зимою, а лѣто тамъ все проживалъ. Онъ тогда сблизился съ великой княгиней Екатериной Павловной, которая жила въ Твери, и какъ всѣ, которые ее знали, былъ очарованъ ея умомъ, любезностію и горячностію любви ея къ Россіи, къ ея преуспѣянію и развитію, и ко всему прекрасному и благородному, и у насъ и у другихъ. Она часто обращалась къ нему за совѣтомъ, какъ къ старинному и коренному уроженцу Тверскому. Однажды она стала ему жаловаться на высокую цѣну дровъ, и спросила, что́ дѣлать? Онъ совѣтовалъ успокоиться и обождать, потому что цѣны скоро упадутъ. Затѣмъ онъ отправился въ свое имѣніе, велѣлъ вырубить лѣсную дачу и отправить дрова на продажу въ Тверь по самымъ низкимъ цѣнамъ. Разумѣется пришлось и всѣмъ другимъ понизить цѣны,—и дрова подешевѣли. Великая Княгиня никогда ничего объ этомъ не узнала и удивлялась только дальновидности Поликарпова на счетъ рыночныхъ цѣнъ,

не подозрѣвая, какъ дорого онъ самъ поплатился. Добрую славу свою, какъ защитникъ и помощникъ бѣдныхъ и слабыхъ, Поликарповъ распространилъ дальше Петербурга и Твери; когда, по случаю голода, его послали въ разныя губерніи для продовольствія народа, своею честностію, добротою и умѣньемъ по хозяйству, онъ исполнилъ съ успѣхомъ порученіе, оставляя по себѣ память во многихъ и многихъ благодарныхъ сердцахъ. Ему дали тогда въ помощники молодаго человѣка мало извѣстнаго, но даровитаго и честнаго (что бы ни говорили о немъ послѣ, когда клевета по обыкновенію стала преслѣдовать высокопоставленнаго государственнаго дѣятеля). Этотъ молодой человѣкъ былъ Канкринъ, и я съ удовольствіемъ записываю хорошую черту изъ его жизни. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда уже Канкринъ пошелъ въ гору и получилъ видное мѣсто по Министерству Финансовъ, онъ пріѣхалъ ко вдовѣ А. В. Поликарпова, напомнилъ ей, что онъ при ея мужѣ началъ первую дѣятельную службу и пользовался его честнымъ примѣромъ и опытностію. Я его ученикъ, говорилъ съ любезностію Канкринъ Елисаветѣ Павловнѣ. Въ сущности, вѣроятно соображенія и несомнѣнная даровитость Канкрина въ денежныхъ дѣлахъ много способствовали, напротивъ, успѣху его посылки; что̀ касается его щедрости, добродушія и любви къ народу, конечно можно было всякому учиться у Александра Васильевича Поликарпова. Эти качества наслѣдственны въ ихъ семействѣ. Его единственный сынъ Александръ Александровичъ былъ не менѣе щедръ и добръ; а внукъ его Евгеній Александровичъ, скончавшійся 21 Января 1871 года, былъ одинъ изъ тѣхъ неизвѣстныхъ свѣту подвижниковъ гражданскихъ, тѣхъ добрыхъ воиновъ безкровной борьбы добра со зломъ, тѣхъ стойкихъ героевъ *долга* во всѣхъ отношеніяхъ жизни, одинъ изъ тѣхъ людей, про которыхъ сказано, что они знаемы

Лишь Богу, да Его Святымъ.

Ими держится наша земля, не только земля Русская, но вся наша грѣшная земля, здѣшняго міра. Безъ такихъ людей огнь Божій пожралъ бы насъ, какъ Содомъ и Гоморру; да и безъ явной кары небесной, сами люди бы погубили и истребили всѣхъ и вся, какъ намъ доказываетъ это Парижская коммуна. Одно изъ лучшихъ воспоминаній моей жизни — это такіе люди, и, слава Богу, немало знала я ихъ. Изъ нихъ Евгеній Александровичъ Поликарповъ самый близкій мнѣ, столько же по родству, сколько по душѣ. Но кончина его еще слишкомъ близка, слѣдъ его еще не остылъ, и рано говорить о его дѣйствіяхъ и о немъ.

У дѣда моего кн. Андрея Николаевича Щербатова была еще другая дочь Анна, и въ ней и черезъ нее соединяются лучшія родственныя воспоминанія семейства матери моей и семейства моего отца. Его мать, Екатерина Ермолаевна Блудова, имѣла рѣдкое счастіе, которое достается только избраннымъ немногимъ: *у нея былъ другъ*, не въ свѣтскомъ смыслѣ слова подруги или пріятельницы, но искренній, неизмѣнный другъ, съ которымъ она дѣлилась мыслями и чувствами, съ которымъ видѣлась ежедневно и отъ котораго не имѣла ничего скрытаго. Этотъ другъ была графиня Анна Павловна Каменская, жена фельдмаршала, мать Николая Михайловича, командовавшаго арміей въ Финляндіи и на Дунаѣ. Ихъ дома въ Москвѣ были очень близки*), и калитка изъ сада Каменскихъ открывалась въ садъ Блудовыхъ, такъ что сосѣдки ходили другъ къ другу безпрестанно, безъ того этикета и сборовъ, которые въ то время требовались при всякомъ выѣздѣ въ каретѣ для женщинъ высшаго общества. Дружба эта перешла и на второе поколѣніе, и отецъ мой, сестра его и всѣ ея дѣти, до конца жизни графини Каменской, были всегда у нея на ногѣ самыхъ близкихъ, любимыхъ родственниковъ. Потому и графъ Николай Михайловичъ, главнокомандующій, просилъ къ себѣ отца моего въ армію, и у Каменскихъ онъ познакомился съ своею женою, моею матерью, родственницей ихъ, прежде нежели поѣхалъ въ южную армію. Дружба между его матерью и матерью Каменскаго и развивавшаяся склонность къ нему моей матери (любезной кузины Николая Михайловича) конечно содѣйствовали къ назначенію его управляющимъ канцеляріею главнокомандующаго арміей въ Турціи. Это былъ постъ важный по тогдашнимъ обстоятельствамъ, и блистательное начало карьеры для молодаго человѣка, 25-ти-лѣтняго, не бывшаго ни на какихъ видныхъ мѣстахъ до тѣхъ поръ и не принадлежавшаго къ аристократическому кругу Петербургскаго двора. Не знакомство по службѣ съ Николаемъ Михайловичемъ Каменскимъ повело къ женитьбѣ отца моего (какъ написалъ князь Петръ Долгоруковъ), а дружба фамильная и взаимная любовь между нимъ и родственницей Каменскихъ дали случай Николаю Михайловичу оцѣнить способности моего отца и повели къ назначенію его по службѣ.

Графиня Анна Павловна Каменская была одна изъ первыхъ красавицъ своего времени, благородная душой, добрая сердцемъ, мягкая нравомъ. Объ ней всѣ знавшіе ея помнятъ, какъ объ ангелѣ во плоти. Въ замужествѣ она не была счастлива, и крутой,

*) Домъ или скорѣе дворецъ графовъ Каменскихъ въ Москвѣ на Смоленскомъ бульварѣ, нынѣшнее зданіе Земледѣльческой Школы (съ домовою церковью). П. Б.

деспотическій характеръ мужа много заставилъ ее страдать. Сверхъ того у него была извѣстная всѣмъ, нагло выставленная на свѣтъ связь съ простою, злою женщиной, къ которой онъ уѣзжалъ безпрестанно въ деревню на цѣлые мѣсяцы, когда не былъ въ Петербургѣ или въ арміи, оставляя графиню Каменскую одну въ Москвѣ; но она никогда не заслужила ни малѣйшаго упрека, никогда злословіе не касалось ея. Такія двѣ женщины, какъ она и бабушка моя Катерина Ермолаевна, должны были, такъ сказать, пополнять другъ друга въ моральномъ отношеніи, и твердость характера, превосходство ума Катерины Ермолаевны давали ей большое вліяніе на графиню Каменскую. Одна дочь, тоже несчастная въ замужествѣ *), и двое сыновей составляли семейство Каменскихъ. Сергѣй, старшій, съ недостатками отца, но безъ его талантовъ, былъ однако любимъ матерью (многіе даже думали, что онъ былъ ея любимымъ сыномъ) и, страннымъ образомъ, она видѣла въ блистательной карьерѣ меньшаго сына, перегнавшаго его по службѣ, что-то въ родѣ несправедливости судьбы. Она уговорила главнокомандующаго дать старшему брату случай отличиться и показать тѣ военныя способности, которыя она воображала врожденными во всѣхъ членахъ ихъ семейства. Этотъ случай, какъ увѣряли, думалъ ему доставить братъ его при осадѣ Рущука. Извѣстно, какія бѣдственныя послѣдствія имѣло это распоряженіе. Сергѣй Михайловичъ, подобно отцу, жилъ дурно съ женой, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей, умершихъ дѣвицами. До старости лѣтъ жилъ онъ разгульной жизнью въ Орлѣ и въ своемъ имѣніи, въ той же губерніи, и славился особенно своимъ домашнимъ театромъ и всѣмъ, что обыкновенно соединялось съ этими труппами крѣпостныхъ актеровъ и актрисъ. Онъ издержалъ на это удовольствіе все огромное богатство отцовское и, не жалѣя денегъ на этотъ предметъ, «*хотѣлъ купить*» славнаго актера Щепкина у его помѣщика, какъ тотъ самъ разсказываетъ; но нѣсколько почитателей его таланта сложились и выкупили Харьковскую театральную знаменитость, сдѣлавшуюся въ послѣдствіи знаменитостью для всей Россіи. Послѣ смерти первой жены, урожденной Ефимовой, Сергѣй Михайловичъ женился на молодой, хорошей собой, вдовѣ Кириловой, отъ которой имѣлъ много дѣтей; теперешніе графы Каменскіе—его сыновья и внучата. Одинъ изъ сыновей, Андрей, способный, красивый собою, напоминавшій по наружности знаменитаго дядю, выбралъ было военное поприще для службы, но не долго оставался въ ней, женился, уѣхалъ въ деревню и умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, въ разстройствѣ ума. Другіе, кто умеръ, кто остался въ живыхъ, недолго служили, и особеннаго ничего не слыхать о нихъ.

*) Гр. Марья Михайловна Каменская за Григорьемъ Павловичемъ Ржевскимъ. П Б.

если не вѣрить молвѣ объ ужасномъ преступленіи, совершенномъ въ Смоленскомъ земствѣ, которое, къ несчастію, приписываютъ одному изъ нихъ. Самъ фельдмаршалъ, извѣстный въ исторіи какъ человѣкъ съ истиннымъ талантомъ военачальника, былъ настоящимъ *большимъ барином*ъ того времени, позволявшимъ себѣ все, что́ его богатство, его санъ, его положеніе въ свѣтѣ могли доставить ему къ удовлетворенію его прихотей и къ наслажденію матеріальной жизнью. Сластолюбивый деспотъ, онъ, какъ многіе богачи того времени, былъ не разборчивъ въ своихъ связяхъ, и наконецъ подпалъ подъ вліяніе грубой, даже некрасивой женщины и, какъ уже сказано, проводилъ съ нею въ деревнѣ все свободное отъ службы время; въ Москвѣ же, въ своемъ законномъ семействѣ, онъ являлся какимъ-то повелителемъ, грозою всѣхъ домашнихъ. Строгая чистота, спокойное достоинство Катерины Ермолаевны Блудовой были для него особенно антипатичны, а нѣжная дружба, ежедневныя свиданія съ его женой были ему такъ противны, что двѣ пріятельницы запирали калитку между своими садами, и посѣщенія ихъ дѣлались формальными визитами, какъ скоро фельдмаршалъ являлся въ свой домъ на Смоленскомъ бульварѣ. Впрочемъ, надобно замѣтить, что первое охлажденіе между нимъ и женою произошло отъ вмѣшательства одной изъ ея родственницъ и, можетъ быть, безъ этого вмѣшательства, ея кротость и красота взяли бы верхъ надъ его наклонностями. Какъ бы то ни было однако, его любовная связь погубила его. Богатство и власть, которою надѣлялъ ее фельдмаршалъ въ своемъ имѣніи, не удовлетворяли его любовницы: ей захотѣлось положенія *честной женщины*, т. е. ей захотѣлось выйти замужъ, и предметомъ этой законной любви, или этого разсчета, она избрала полицейскаго чиновника, а средствомъ къ достиженію цѣли — убійство. Обѣщаніемъ наградъ и надеждой на безнаказанность она уговорила одного молодаго парня изъ дворовыхъ, не любившихъ вообще своего крутаго помѣщика, разрубить ему черепъ топоромъ въ лѣсу, черезъ который онъ ѣхалъ зимою въ саняхъ; кучеръ былъ соучастникомъ, или, по крайней мѣрѣ, не защитилъ барина, и оба приговорены были къ заслуженной казни; но сама виновница кроваваго преступленія осталась въ сторонѣ, благодаря протекціи полицейскаго, за котораго она вышла замужъ. Отъ нея былъ у фельдмаршала сынъ незаконный и потому не носившій титула графскаго, но названный однако Петромъ Михайловичемъ Каменскимъ. Онъ въ молодости показалъ замѣчательныя военныя способности и страстную любовь къ военному дѣлу. Братъ его, главнокомандующій, взялъ его къ себѣ въ адъютанты; послѣ его смерти онъ прослужилъ и отличился, сколько можно, въ ма-

лыхъ офицерскихъ чинахъ, въ кампаніяхъ отъ 1812 до 1815 года, и уже послѣ войны, за какую-то погрѣшность противъ дисциплины, былъ сосланъ въ одну изъ крѣпостей внутреннихъ губерній Россіи; тамъ онъ утонулъ, какъ говорятъ, случайно, купаясь; иные думаютъ, что онъ утопился отъ унынія и скуки.

Наконецъ, самый даровитый членъ семейства Каменскихъ, молодой главнокомандующій, тоже погибъ въ цвѣтѣ лѣтъ насильственною смертью. Николай Михайловичъ Каменскій, съ блистательными способностями, такъ сказать наслѣдственными, не наслѣдовалъ отъ отца ни его крутаго нрава, ни его привычекъ. Онъ воспитывался въ Петербургѣ въ кадетскомъ корпусѣ и былъ порученъ попеченію дяди, князя Щербатова. Онъ былъ хорошъ собою, талантливъ, пылокъ,благороденъ, и скоро сдѣлался самымъ искреннимъ другомъ своей молодой кузины, княжны Анны Андреевны. Она до конца жизни (а пережила его 37 лѣтъ) вспоминала о немъ съ искренней дружбой; онъ былъ ея довѣреннымъ другомъ, зналъ о любви Дмитрія Николаевича Блудова, и съ своей стороны употребилъ всѣ усилія къ преодолѣнію препятствій къ ихъ свадьбѣ. Онъ тѣмъ горячѣе сочувствовалъ Дмитрію Николаевичу, что самъ былъ влюбленъ въ подругу своихъ кузинъ, дочь Нѣмки ключницы или кастелянши. Елисавета Карловна жила, воспитывалась и выѣзжала въ свѣтъ съ княжной Анной Андреевной. Ея красота, добронравіе, образованность и равенство въ обхожденіи съ ней семейства Щербатовыхъ и ихъ посѣтителей, заставили молодаго графа совершенно забыть ея происхожденіе. Ежедневныя свиданія, естественное сближеніе между ними, не обращали на себя вниманія въ домѣ, гдѣ привыкли смотрѣть на Елисавету Карловну, какъ на родную; и княгиня Щербатова тогда только догадалась о любви племянника, когда узнала, что онъ сбирается увезти ее и обвѣнчаться съ ней. Тогда всѣ неодолимыя препятствія къ такой развязкѣ, при характерѣ фельдмаршала, вдругъ стали ясны въ глазахъ княгини. Предвидя бѣду, она обратилась къ самой матери Елисаветы Карловны. Выманить согласіе у фельдмаршала и даже у матери была бы пустая попытка, а обойтись безъ этого согласія было бы слишкомъ опасно: фельдмаршалъ не остановился бы ни передъ какой крайностію, разжаловалъ бы сына въ солдаты, сослалъ бы его, а что бы было съ несчастной, непризнанной женою! Мать очень хорошо поняла опасность; но, видя, что никакія мольбы и увѣщанія не дѣйствуютъ на влюбленнаго юношу, рѣшилась на принудительныя мѣры съ дочерью и выдала ее замужъ за другаго жениха, молодаго офицера, съ состояніемъ, по имени Кислинскаго. Горе, негодо-

ваніе, отчаяніе молодаго Каменскаго только усиливали его любовь къ похищенной у него женщинѣ, и тронули ее. Они были разлучены не на долгое время, сошлись опять, и уже только смерть Елисаветы Карловны положила конецъ ихъ любви. Лѣта проходили, и графиня Каменская уговаривала, упрашивала сына жениться; но онъ всю душу отдалъ этой первой и послѣдней любви, и *устроенная* по разсчетамъ, или удобству, женитьба была ему противна, даже послѣ смерти Елисаветы Карловны. Между тѣмъ, мать его въ Москвѣ выбрала ему знатную, богатую невѣсту, добрую, съ нѣжнымъ сердцемъ, съ пламеннымъ воображеніемъ, но необыкновенно дурную собою, графиню Анну Алексѣевну Орлову-Чесменскую. Она полюбила Николая Михайловича; его красивая наружность, ловкость, воинская слава, все въ немъ плѣняло ее; но въ ней было болѣзненное сознаніе своей непривлекательности и неотступная мысль о корыстолюбивыхъ планахъ своихъ жениховъ; говорятъ, что незаконный сынъ ея отца, съ которымъ она была на братской ногѣ, тоже способствовалъ по своимъ разсчетамъ такому недовѣрію. Она, можетъ быть, видѣла и холодность къ себѣ Николая Михайловича, чуя, можетъ быть, въ сердцѣ, что у него всѣ нѣжныя чувства схоронены были навсегда. Какъ бы то ни было, любя его романической любовію, она однако отказала ему, когда, передъ отъѣздомъ его въ армію, мать уговорила его свататься. Отказъ былъ такъ неожиданъ, душевное расположеніе графини Орловой такъ извѣстно графинѣ Каменской, что даже образъ въ богатой ризѣ, весь въ жемчугахъ и дорогихъ каменьяхъ, былъ уже приготовленъ для благословленія сына на женитьбу. Этимъ образомъ она въ послѣдствіи благословила мать мою, когда та выходила замужъ; этою же иконой Божіей Матери «*Утоли моя печали*» батюшка благословилъ моего старшаго брата Андрея на бракъ съ дочерью графа Альтена (Ганноверца). Я упоминаю объ этихъ подробностяхъ, потому что, по мѣткому замѣчанію одного Англійскаго путешественника, фамильныя иконы, переходящія изъ поколѣнія въ поколѣніе, «*отцовское благословеніе*», занимаютъ или занимали доселѣ въ старыхъ дворянскихъ семьяхъ, равно какъ и въ зажиточныхъ дворахъ крестьянскихъ, мѣсто старой библіи въ Англійскихъ семьяхъ и фамильныхъ портретовъ западной Европы. Они и святыня родовая, и родовое приданое. Какъ бы ни было, фамильныя иконы составляютъ часть, весьма немногочисленную, древностей Русскихъ непроданныхъ и неистребленныхъ безпечностію и нерадѣніемъ нашимъ. Графиня Орлова отвергла Каменскаго, но по смерти его не могла утѣшиться и, отказавшись на всегда отъ замужества, посвятила всю жизнь свою на дѣла богоугодныя, на молитву и на украшеніе и обо-

гащеніе обителей иноческихъ и церквей, *замаливая грѣхъ* отца и утоляя горесть и любовь собственнаго сердца. Тогда однако Николай Михайловичъ не могъ угадать, какъ вѣрно и неизмѣнно онъ былъ любимъ въ то само время, когда его удаляли. Гордость его страдала, и щекотливость бладороднаго сердца оскорблена была мыслію, что на него должны смотрѣть, какъ на человѣка гоняющагося за невѣстой-милліонершей. Онъ былъ разстроенъ и не въ духѣ, когда прощался съ матерью; сѣлъ въ коляску, чтобы ѣхать въ армію, и въ это время юродивый подошелъ къ экипажу и протянулъ къ нему руку съ платкомъ, говоря: — На, возьми на счастіе! Добрый путь! Каменскій зналъ юродиваго, бывшаго часто въ ихъ домѣ, улыбнулся ему привѣтливо и взялъ платокъ. Но ему не вѣрилось въ счастіе, было тяжело на душѣ, а мысли были взволнованы самоупрекомъ за слабость, съ которою согласился онъ сдѣлать предложеніе, за самолюбіе, а не любовь, которое страдало отъ отказа. Онъ взялъ платокъ, чтобы не обидѣть бѣднаго юродиваго, но тутъ же машинально передалъ его своему адъютанту,—а этотъ адъютантъ былъ Закревскій. Домашніе Каменскихъ вздохнули, и всегда потомъ, разсказывая этотъ случай, замѣчали, какъ ихъ любимый графъ, предметъ ихъ гордости и славы, *передалъ свое счастіе Закревскому*, и уже не возвратился живымъ на родину. Когда вскрыли его тѣло, открыли слѣды отравы. Его привезли въ Россію и похоронили въ Орловскомъ имѣніи подлѣ отца; но мать просила, чтобы *сердце* было отдано ей; оно хранилось въ приходской церкви ея дома въ Москвѣ, пока она была въ живыхъ, а послѣ ея смерти, по ея просьбѣ, похоронено съ нею на кладбищѣ въ Дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ она указала себѣ могилу, возлѣ друга своего, Катерины Ермолаевны Блудовой. Графиня А. А. Орлова умерла болѣе 30 лѣтъ спустя послѣ смерти графа Каменскаго; но еще въ послѣднихъ годахъ своей жизни, всецѣло посвященной добрымъ дѣламъ и молитвѣ, она въ душевныхъ изліяніяхъ съ одной вѣрной подругой своей молодости (г-жею Гераръ) вспоминала о Каменскомъ, объ этомъ умершемъ, отвергнутомъ ею женихѣ, со всею горячностью, со всѣмъ увлеченіемъ любви двадцатилѣтней дѣвушки. Ни холодъ лѣтъ, ни время, ни постъ, ни молитва, ни смерть, ничто не охладило любви сильной и гордой, которая не позволила принять его руки, при мысли, что его сердце схоронено въ могилѣ другой, любимой имъ женщины.— Графиня Анна Алексѣевна была вообще не дюжинная натура; и, не смотря на ея далеко некрасивое лицо и ничѣмъ незамѣчательный разговоръ, было для меня что-то привлекательное въ ней, какая-то искренность, теплота, простота, и то, что̀ такъ непереводимо хорошо выражается по-англійски словомъ earnestness. Но все разсказанное

выше случилось въ послѣдствіи; въ концѣ же царствованія Екатерины, въ кратковременное царствованіе Павла и въ первые года Александра, домъ Каменскихъ, по разсказамъ современниковъ, былъ типомъ Московскаго барскаго дома, съ неумолимымъ деспотизмомъ хозяина, съ аристократическимъ этикетомъ Запада, и вмѣстѣ съ добродушіемъ Русскимъ, передъ которымъ исчезали и гордость и этикетъ. Няни, мамы, Турчанки, т. е. взятыя въ плѣнъ Турецкія дѣвушки, подаренныя по возвращеніи изъ арміи нашихъ военныхъ знакомымъ дамамъ, крещеныя ими въ христіанскую вѣру и кое-какъ воспитанныя, Калмычки, карлицы, горничныя и сѣнныя дѣвушки, которыя въ важныхъ случаяхъ, какъ напр. при свадьбахъ, пѣли Русскія обрядовыя пѣсни, какъ въ древнія времена, или какъ и нынѣ у крестьянъ, все это сливалось во многихъ знатныхъ домахъ со всѣми утонченностями западной роскоши и свѣтскости. На домашнемъ театрѣ любители, родственники и родственницы графини Каменской играли комедіи Вольтера и Мариво; когда дочь фельдмаршала выходила замужъ, горничныя дѣвушки и приживалки пѣли свадебныя пѣсни ежедневно во все время между помолвкою и свадьбой, до того что, наконецъ, графининъ попугай выучился напѣву и нѣкоторымъ словамъ такъ твердо, что продолжалъ пѣть ихъ, когда невѣста уже давно была замужемъ за Ржевскимъ. Въ этой средѣ сохранялась все-таки *Русская*, хотя уродливая жизнь; а любовь къ отечеству и строгость нравовъ отличали графиню Каменскую столько же, сколько и бабушку мою, Катерину Ермолаевну. По всѣмъ разсказамъ, слышаннымъ мною объ этихъ двухъ женщинахъ, онѣ представляются мнѣ, среди обстановки XVIII-го вѣка, въ строгомъ и вмѣстѣ кроткомъ образѣ тѣхъ первыхъ христіанскихъ женъ Рима, въ которыхъ соединялось стоическое достоинство древнихъ матронъ съ чистотой апостольскаго типа супруги и матери. Но возвращаюсь къ моему дѣду князю Андрею Николаевичу Щербатову.

Съ другой кузиной, своей граф. Варварой Петровной Шереметевой онъ не былъ такъ близокъ какъ съ Анной Петровной; однако отношенія ихъ были добрыя, родственныя и тоже продолжались между семействомъ ея и моимъ нѣсколько поколѣній. Она вышла замужъ за графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго. Одна дочь ея, Варвара Алексѣевна, была за княземъ Репнинымъ; другая, Екатерина Алексѣевна, за Сергѣемъ Семеновичемъ Уваровымъ, съ которымъ мы поэтому считались въ родствѣ, и это отчасти сблизило его съ отцемъ моимъ въ ихъ молодости. Истинно-братское отношеніе къ графу Николаю Петровичу Шереметеву дѣдъ мой сохранилъ во всю свою жизнь; и отъ этой сердечной дружбы наши семьи остались такъ близки до нынѣ, хотя родства уже болѣе не до-

ищемся съ нынѣшнимъ поколѣніемъ, развѣ какой Ирландецъ станетъ считать степени родства (an Irish cousin). Дѣдъ мой, князь Андрей Николаевичъ пріѣхалъ на службу въ Петербургъ, когда во всѣхъ сердцахъ возраждалась надежда на спокойствіе и славу. Елисавета Петровна была любима Русскими, какъ дочь Петра и какъ представительница Русскаго начала, послѣ долгаго правленія иностранцевъ: знали, что она болѣе гордилась тѣмъ, что она дочь Петра, реформатора и героя, нежели тѣмъ, что она дочь императора великой державы; знали, что она будетъ приближать къ себѣ бывшихъ сподвижниковъ отца; не смотря на страшную распущенность нравовъ ея, знали, что она *по своему* (скажемъ, по тогдашнему) благочестива и что, по тогдашнему, она, въ сравненіи съ звѣрскою жестокостію того времени, мягкосердна и милостива къ противникамъ власти. Кажется, не будетъ неумѣстно записать нѣсколько преданій объ ней, которыя родители мои слышали отъ князя А. Н. Щербатова и отъ Разумовскихъ. Она провела молодость въ безпрестанной тревогѣ и опасеніяхъ за свободу и жизнь свою, въ враждебной средѣ сторонниковъ царицы Евдокіи, при восшествіи на престолъ Петра II, потомъ Бирона, потомъ Анны Леопольдовны, и только своимъ бездѣйствіемъ и невмѣшательствомъ въ дѣла, своею посредственностію и страстью къ забавамъ и увеселеніямъ, избѣгала подозрѣнія и преслѣдованія. Маскарады, танцы, театральныя представленія, казалось, одни занимали ее. У нея точно не было геніальности и не было образованія, но природный умъ и страстная любовь къ славѣ отца заставляли ее понимать, что она бы повела Россію на путь лучшій, по крайней мѣрѣ, чѣмъ Бирон, и что такая мысль могла прійти на умъ самому правителю-фавориту. Ей нужно было скрывать все это ради безопасности своей, и она считала себя и показывалась *умершею* ко всему въ политикѣ и въ управленіи; такъ она о себѣ говорила. Восшествіе же свое на престолъ она считала политическимъ *воскресеніемъ Лазаря*, возстаніемъ отъ мертвыхъ, и потому любила церкви освящать во имя *Воскресенія Господня*, иконы *Воскресенія* ставила и въ церквахъ и у себя, предпочитая ихъ другимъ изображеніямъ. Она въ то время дала обѣщаніе ежегодно ходить на богомолье въ Троицко-Сергіеву Лавру за Москвой, и когда это оказалось неудобнымъ (особенно ея приближеннымъ и министрамъ), то подали мысль выстроить во имя Св. Сергія обитель по близости къ Петербургу, и исполнять свой обѣтъ, ходя пѣшкомъ въ монастырь на Петергофской дорогѣ, выстроенный ею, который нынѣ зовутъ Сергіевской пустынью. Она туда и синодики фамильные отдала. Я не знала этого, и нѣсколько лѣтъ назадъ случайно была тамъ у обѣдни въ послѣднюю Субботу мѣ-

сяца, не помню котораго. Вдругъ, среди великолѣпнаго пѣнія и службы, поминовеніе умершихъ начинается съ «*Патріарха Филарета, инокини Марѳы*, продолжается рядомъ царей, великихъ князей, императоровъ, императрицъ до Елисаветы Петровны. Не могу сказать, какъ поразительно показался мнѣ, въ своей неожиданности, этотъ перечень славныхъ именъ, представляющихъ собою такую громаду историческихъ событій вѣка, столь не похожаго на нашъ, которыя однакожъ уже были зачаткомъ всего нашего современнаго строя. Это было въ самое тяжелое время Севастопольской осады; камнемъ лежало на сердцѣ у всѣхъ насъ отчаянное положеніе Крыма, а недалеко, почти на взморьѣ, гдѣ стоитъ обитель,—сновали непріятельскіе пароходы. Но одно имя Филарета Никитича отозвалось утѣшеніемъ и надеждою для насъ. То ли было съ Россіей? И Богъ помогъ, и бодро высвободилась она отъ чужаго населенія и отъ родной измѣны! Я справилась потомъ, и мнѣ сказали: въ послѣднюю Субботу каждаго мѣсяца поминаются всѣ усопшіе дома Романовыхъ. Не помню, поминается ли Софья Алексѣевна. Елисавета Петровна также начала строить церковь Воскресенія Господня, нынѣ Соборъ учебныхъ заведеній, гдѣ Смольный домъ для воспитанія дѣвицъ; но здѣсь она хотѣла основать женскій монастырь, не успѣла докончить, а Екатерина, вмѣсто того, построила женское училище, которое потому и называется *Смольнымъ монастыремъ*, хотя монахинь тамъ нѣтъ. Когда Елисавету уговаривали дозволить Жидамъ селиться въ Русскихъ городахъ, и говорили ей о выгодахъ такого населенія, она отвѣчала: «отъ враговъ Христова имени не желаю интересной прибыли». (Петръ на такое предложеніе отвѣчалъ отказомъ, но иначе: На что мнѣ Жиды, сказалъ онъ; мои Русскіе не хуже умѣютъ плутовать). Хотя шла войною за Марію Терезію, Елисавета, однако, открывала широко поле Россіи православнымъ Славянамъ, уходящимъ отъ притѣсненія нашей церкви Австрійскимъ правительствомъ, и Сербы съ воеводства и приморія тысячами перешли на нашъ Югъ подъ предводительствомъ Шевича, Депрерадовича, Хорвата и другихъ, населяя край вѣрнымъ и храбрымъ народомъ, совершенно обрусѣвшимъ уже во второмъ поколѣніи, но помнившимъ свое происхожденіе и всегда готовымъ протянуть руку своимъ землякамъ. Во время Семилѣтней войны солдаты, отправляясь въ походъ, говорили: Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ (Фридрихъ II), значитъ, обижаетъ Марью Терентьевну, такъ государыня за нее заступается; бабье дѣло, нельзя не помочь! Но помогая Австрійскому правительству по своимъ политическимъ соображеніямъ, или по совѣту министровъ, она не считала нужнымъ принимать на себя никакой солидарности съ внутренними мѣрами этого правитель-

ства, и ея врожденное чувство Русское заставляло понимать и постоянно поддерживать общность интересовъ нашихъ съ интересами единовѣрцевъ и единоплеменниковъ нашихъ всюду, не взирая на преходящія обстоятельства, которыя насъ сближали съ тѣмъ или съ другимъ правительствомъ. Значеніе единой церкви понималось ею *инстинктивно*, какъ оно понималось сознательно ея геніальнымъ отцемъ; однакоже нельзя Петра Великаго прозвать *Славянофиломъ* или *ханжей*.

Мнѣ кажется, дѣло въ томъ, что вождь и царь тогдашней *молодой Россіи* былъ все-таки Русскій характеромъ, обычаями и сердцемъ, между тѣмъ какъ нынѣшняя молодая Россія разныхъ оттѣнковъ (я не говорю о совершенно обезумѣвшей эмиграціи нашей) уже потеряла всякое сознаніе своего происхожденія, своего народа, своего края, и точно также, какъ нѣкоторые изъ нашихъ блистательнѣйшихъ дѣльцевъ, видитъ въ себѣ и въ насъ всѣхъ Англичанъ, Нѣмцевъ, Французовъ, даже Итальянцевъ (въ отношеніи къ отжившимъ уже свой вѣкъ въ Италіи бандитамъ, брави и карбонари). Это впрочемъ, со всѣми своими неудобствами спасительная черта нашихъ людей *прогресса* (какъ ненавижу я это слово, и какъ смыслъ его не похожъ на Русское слово *успѣхъ* или *преуспѣяніе!*) Эта черта спасительна, потому что она лишаетъ ихъ всѣхъ возможности дѣлать серьезный вредъ Россіи, хотя, конечно, ихъ недоразумѣніе и высокомѣрное презрѣніе къ вѣрованіямъ и чувствамъ своего народа много тормозятъ преуспѣяніе нашей страны.

Аделіо (котораго патріотизмъ былъ во всякомъ случаѣ *удачнѣе* Герценова), въ своихъ письмахъ 40-хъ годовъ, не разъ возстаетъ противъ сумазбродовъ, которые хотятъ непремѣнно *передвигать пальцемъ стрѣлку часовъ, чтобы пробилъ желанный часъ*,—думая ускорить ходъ времени, которое не допускаетъ неправильности въ числахъ, такъ же неуклонно, какъ ариѳметика. Петръ оттого только и могъ исполнить задачу, завѣщанную первымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ, Годуновымъ и Алексѣемъ Михайловичемъ, что стрѣлка уже стояла на предназначенномъ часу: онъ ея не передвигалъ, хоть и кажется для поверхностнаго наблюдателя, что все было дѣло насилія и произвола. Истинные реформаторы суть всегда олицетвореніе цѣлой эпохи, и они всегда глубоко, сознательно и твердо проникнуты мыслью о необходимости предпріятія; они проникнуты (иногда даже безсознательно) однимъ общимъ чувствомъ, однимъ общимъ стремленіемъ съ массою, на которую дѣйствуютъ. А выскочки-благодѣтели человѣчества только губятъ въ потокахъ чернилъ, если не крови, многія благія намѣренія и *относительно* пра-

вильныя мысли, которыя безъ ихъ неловкаго посредничества могли бы созрѣть и принести свою долю пользы.

Отецъ мой былъ глубоко убѣжденъ въ истинѣ такого воззрѣнія, которое часто и часто высказывалъ, и которое такъ величественно и благополучно оправдалось на нашихъ глазахъ въ царственномъ реформаторѣ 1861 года. Я помню, что въ 30-хъ годахъ, въ то время, когда много было совѣщаній, предположеній и мѣропріятій въ отношеніи къ лучшему средству дойти безбѣдно до освобожденія крестьянъ, батюшка былъ очень занятъ этою мыслью. Онъ жилъ на Аптекарскомъ островѣ, а мы къ нему пріѣзжали въ гости на нѣсколько часовъ, потому что домикъ былъ слишкомъ малъ для помѣщенія нашего семейства [1]). Однажды какъ-то его любимая большая собака, поплававши по Невѣ и порывшись около берега, вытащила что-то такое, что̀ принесла къ батюшкѣ, и съ торжествомъ, скаля зубы, отряхиваясь и поднимая глаза на хозяина, положила къ его ногамъ, по собачьему обычаю, при мнѣ. Это не былъ камушекъ, однако что-то твердое. Когда счистили песокъ и тину и вымыли хорошенько, оказалось, что это костяная крышка, оторванная отъ малой табакерки съ рѣзьбою и девизомъ: Корабль съ натянутыми парусами на волнистой каймѣ, и вырѣзано подъ нею старинными буквами: *Жду вѣтра силы и ожидаю время.* Этотъ девизъ находится въ собраніи девизовъ временъ Петра Великаго, въ книжкѣ, затерянной мною теперь. Батюшка, вспомнивъ это, сказалъ, что можетъ быть эта крышка отбилась отъ табакерки какого-нибудь моряка Петровскаго, взялъ ее себѣ (она теперь у меня) и сталъ говорить намъ о Петрѣ и о реформахъ или революціяхъ времени его и всякаго времени, въ такомъ смыслѣ, какъ я написала выше, прилагая свои мысли и къ тому, что̀ обработывалось въ 30-хъ годахъ. Онъ очень любилъ Петра и говаривалъ, что все въ немъ, и добро и зло, всѣ его блистательныя качества и пороки были колоссальны, и что среди всѣхъ, даже худшихъ дѣйствій его жизни, какъ напримѣръ смерть царевича Алексѣя [2]), любовь къ

[1]) Этотъ домикъ съ тѣхъ поръ перестроенъ и теперь очень помѣстителенъ. Въ то время отецъ мой былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Отецъ мой былъ убѣжденъ, что Петръ принялъ ужасное рѣшеніе противъ сына не по ненависти къ нему, и не по любви къ меньшому сыну, не вслѣдствіе интригъ Екатерины, а единственно изъ опасенія, что если самъ Алексѣй Петровичъ не захочетъ царствовать, то партія его непремѣнно возведетъ его на престолъ и непремѣнно погубитъ Россію возвращеніемъ къ оставленнымъ порядкамъ, къ расшатавшемуся строю, при которомъ она не въ силахъ будетъ дать отпоръ врагамъ. Онъ думалъ сперва, заклеймивъ его судебнымъ приговоромъ, сдѣлать его воцареніе невозможнымъ; но въ теченіи суда Петръ увидалъ, какъ много царевичъ имѣлъ приверженцевъ (въ томъ

Россіи, къ славѣ и могуществу ея, стояли выше всякаго личнаго чувства, и что это все-таки имѣло отголосокъ въ народѣ, не смотря на противодѣйствіе, на неудовольствія, на бунты. Это свидѣтельствуютъ многія пѣсни, сложившіяся въ народѣ о немъ, и многія преданія, еще жившія въ памяти простолюдиновъ, приближенныхъ къ моему дѣду и бабушкѣ. Уже въ тогдашнее время, Петръ являлся въ колоссальномъ, легендарномъ образѣ, въ разсказахъ его современниковъ. Между прочимъ было повѣріе, что Петръ *пропадалъ* и находился въ какомъ-то невѣдомомъ, заколдованномъ краѣ, откуда вынесъ несокрушимую силу и волшебныя знанія, и потому всегда побѣждалъ враговъ и успѣвалъ во всѣхъ предпріятіяхъ. Одна старушка даже считала время отъ этой эпохи: я вышла замужъ или такой-то родился или умеръ передъ тѣмъ или послѣ того, какъ *царь пропадалъ*. Такъ глубоко подѣйствовали на воображеніе народное путешествія Петра и всѣ перемѣны, которыя онъ сталъ вводить по своемъ возвращеніи. Надобно вспомнить тоже, что, какъ ни былъ онъ крутъ, а часто и жестокъ, однакожъ въ немъ жестокость не была кровожадностію, не была безумной прихотью; да сверхъ того, правленіе Меншикова и Бирона до того превзошли все, что было даже дурнаго при Петрѣ, что его образъ долженъ былъ выступить передъ народомъ во всемъ блескѣ золотаго вѣка. Вступленіе на престолъ дочери его было общей радостью для Россіи, по разсказамъ всѣхъ современниковъ. Воинская слава, Русскіе дѣятели, процвѣтаніе торговли, возвращеніе достоинства православной церкви, всего этого ожидали отъ Елисаветы Петровны и не обманулись. Батюшка, который всегда стоялъ за свободу торговли, говаривалъ, сколько добра уже сдѣлала одна мѣра уничтоженія внутреннихъ таможень, и особенно обращалъ вниманіе на то, что, не смотря на Семилѣтнюю войну, на роскошь двора, на всѣ великолѣпныя постройки ея царствованія, на огромные, но разумные расходы, она умирая оставила Россію въ цвѣтущемъ положеніи, безъ долговъ и съ громадою золотой монеты въ казнѣ. Ея православіе было искренно, и наружныя проявленія ея вѣрованій были по обычаю и по сердцу

числѣ былъ даже князь Яковъ Долгоруковъ), и мало по малу зараждалась мысль о необходимости его *стереть* для огражденія государственнаго зданія, воздвигнутаго съ такимъ усиліемъ и любовію. Батюшка находилъ, что записки Гордона не должно бы отвергать такъ рѣшительно, и что Петръ дѣйствовалъ по суровому чувству долга, съ какимъ Брутъ, въ древнемъ Римѣ, приговорилъ къ смерти своихъ сыновей; что же касается до пытки, то въ прежнія времена не понимали *допроса* иначе, какъ *посредствомъ* пытки. По-французски даже и выражались: „la question“. Такъ смотрѣлъ на это дѣло отецъ мой.

ея подданныхъ. Увѣряли, что, рѣшившись на переворотъ противъ Анны Леопольдовны, она дала обѣщаніе не казнить смертною казнію никого изъ своихъ противниковъ. Это преданіе подтверждается закономъ, уничтожающимъ смертную казнь вообще. Можно возразить, конечно, что казни ужасныя совершались при ней изъ за-пустяковъ, что, напримѣръ, Лопухиной былъ *вырванъ языкъ палачемъ* за то особенно, что она говорила непочтительно объ Елисаветѣ, хвастаясь, что она сама красивѣе императрицы. Съ другой стороны, развратъ ея превосходилъ всякое воображеніе. Съ искренней вѣрою, какъ могли соединяться такія дѣла и такіе нравы?

Вообще, судя о прошлыхъ временахъ и поколѣніяхъ, мы слишкомъ привыкли судить по современному не имъ, а *намъ*, нынѣшнему направленію ума, по современнымъ намъ нравамъ, забывая, какъ неизмѣримо много значитъ среда, въ которой вращается человѣкъ, какъ онъ зависимъ отъ современныхъ *ему* воззрѣній. Конечно, еслибы наша вѣра была чиста и крѣпка, какъ вѣра первыхъ христіанъ, и мы бы словомъ и дѣломъ были истинные послѣдователи Христа, мы могли бы находить такія противорѣчія непостижимыми и не довѣрять тѣмъ историческимъ лицамъ, которыхъ вѣрованія не выказывались во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ. Но вспомнимъ, что Елисавета Петровна родилась и жила среди двора и семьи Петра и Екатерины I-й, жила во времена Регента Орлеана и Людовика XV; вспомнимъ, какіе были нравы при всѣхъ дворахъ Европы, съ которой мы брали примѣръ; вспомнимъ неминуемый законъ реакціи, который лежитъ въ основаніи человѣческой природы, и вспомнимъ, изъ какой рабской неволи и притупляющей монотонности жизни только что высвободились женщины знатныхъ и царскихъ семействъ у насъ. Вспомнимъ все это, и мы поймемъ, что на Елисавету Петровну могли смотрѣть иначе, нежели мы на нее смотрѣли бы теперь, какъ на чудовищное явленіе порока, а часто и жестокости. Мы поймемъ, что, напротивъ, ее цѣнили высоко; мы поймемъ, что она искренно вѣровала, искренно каялась и тотчасъ же начинала опять грѣшить. Да не то ли самое повторяется ежедневно, ежеминутно съ большинствомъ самыхъ искреннихъ христіанъ? Въ другомъ видѣ, съ другимъ, добропорядочнымъ образомъ жизни, со строгостью нравовъ и утонченной филантропіей нашихъ дней, неужели мы не лжемъ самимъ себѣ и Богу, когда мы такъ хлопотливо холодны въ нашихъ благотвореніяхъ, такъ жестки въ нашихъ сужденіяхъ, такъ горды своимъ просвѣщеніемъ, такъ своевольны въ своихъ мнѣніяхъ и мѣримъ такою разною мѣрою въ отношеніи къ нашимъ друзьямъ или противникамъ? Развѣ все это христіанское дѣло? А все-

таки и мы, дѣлающіе эти *приличныя* беззаконія, вѣруемъ искренно, каемся и опять впадаемъ въ тѣже грѣхи!

И такъ ее точно любили, и любили за ея *православіе*, за ея *милосердіе*, за *сравнительную* мягкость, за *сравнительную* свободу дѣйствій, которую получили при ней; и все-таки она первая во всемъ христіанскомъ мірѣ, со временъ Владимира, *отмѣнила смертную казнь*. Какъ ни ужасны были наказанія при ней и послѣ нея, и хотя въ исключительныхъ случаяхъ, въ видѣ изъятія, и смертная казнь бываетъ у насъ: все-таки самое *начало* безкровнаго суда говорило сердцу и воображенію и, въ самомъ дѣлѣ, было великое основаніе для закона новаго, до котораго только въ наши дни додумались Европейскіе филантропы-юристы, да и то не всѣ.

Отецъ мой вообще былъ такого мягкаго и человѣколюбиваго нрава, что съ трудомъ могъ рѣшиться смѣнить пьянаго лакея; однако онъ думалъ, что смертная казнь, сама по себѣ, можетъ находить мѣсто въ законодательствѣ. Онъ полагалъ, что она менѣе ужасна, чѣмъ иныя наказанія, какъ наприм. *одиночное* заключеніе, или тѣлесныя наказанія, какъ *кнутъ*, который тѣмъ былъ особенно жестокъ, что зависѣлъ совершенно отъ произвола: могъ убить человѣка, или могъ не причинить ему даже боли. Достовѣрно, что одинъ любознательный иностранецъ однажды заплатилъ большую сумму палачу, чтобы тотъ ему доказалъ на дѣлѣ, что можетъ разорвать рубашку на спинѣ человѣка и не коснуться его кожи. Увѣряютъ, что палачъ исполнилъ этотъ фокусъ на спинѣ самого иностранца. Объ этихъ отвратительныхъ вещахъ теперь, слава Богу, можно вспоминать хотя съ содраганіемъ, но безъ той глубокой тоски, которая брала меня въ то время, когда еще не была отмѣнена торговая казнь. Отецъ мой всегда съ омерзѣніемъ и негодованіемъ говорилъ объ этой казни и постоянно старался объ отмѣненіи ея. Смертная казнь, по его мнѣнію, менѣе жестока для самаго преступника, и вмѣстѣ несомнѣнно и вѣрно защищаетъ честныхъ людей (большинство общества) отъ новыхъ покушеній преступниковъ, повторяющихся періодически у насъ побѣгами ссыльныхъ и каторжниковъ. Но онъ говорилъ, что *однако* онъ всегда будетъ противъ возстановленія смертной казни *въ Россіи*, потому что отмѣна ея была изъ числа тѣхъ мѣръ, которыхъ можно не принимать, но разъ *принявши* нельзя снова отмѣнить безъ потрясенія общаго довѣрія, а безъ довѣрія самыя основы государства колеблятся. Такой *даръ*, какъ судъ безъ смертнаго приговора, разъ полученный народомъ отъ одного изъ государей, долженъ всегда сохраняться *въ основаніи* законодательства, хотя военный судъ и временныя исключенія бываютъ необходимы въ данныхъ об-

стоятельствахъ. Потому онъ настаивалъ, чтобы военное положеніе было *сперва* объявлено всякій разъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ признается скорбная необходимость временнаго примѣненія смертной казни къ особенно опаснымъ преступленіямъ. Не мое дѣло судить о такихъ вещахъ; но мнѣ кажется, что когда-нибудь придетъ время, когда смертная казнь исчезнетъ всюду изъ христіанскаго общества *въ нормальномъ* состоянія края, коль скоро есть время на хладнокровное размышленіе. Разумѣется, въ болѣзненномъ состояніи общества, когда свирѣпствуютъ война и междоусобія, поневолѣ приходится силою противустоять силѣ и защищаться чѣмъ попало. Это женское воззрѣніе, конечно, не имѣетъ вѣсу; но Елисавета Петровна по женскому смотрѣла на этотъ вопросъ, и ей были благодарны.

Послѣ 16 лѣтъ придворныхъ переворотовъ и безжалостнаго деспотизма временщиковъ, вся Россія вздохнула и просіяла. Дѣдъ мой съ восхищеніемъ наслаждался спокойствіемъ и внутреннимъ миромъ этого времени, и все это *разцвѣтаніе*, эти начатки художествъ и наукъ, эти лекціи, эти театры, эти картины великихъ мастеровъ, которыя начинали привозить изъ-за границы, эти живые образцы утонченности свѣтской, которые являлись изъ Парижа, эти архитекторы, живописцы, пѣвцы, актеры, которые вносили съ собою, если не всегда чистый, то все-таки художественный элементъ въ нашу общественную жизнь (между тѣмъ, какъ блистательныя побѣды нашихъ войскъ надъ первымъ полководцемъ того времени Фридрихомъ Великимъ, взятіе Кенигсберга и Берлина, покрывали громкой славой имя Русское): все это 16-лѣтнему юношѣ открывало цѣлый міръ прекрасныхъ ощущеній, и на портретѣ его, писанномъ не много лѣтъ позднѣе, видятся спокойствіе и мирное счастіе. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ началѣ 1742 года, какъ я уже говорила, когда еще свѣжа была память объ ужасахъ и темномъ, тяжеломъ давленіи въ моральномъ воздухѣ передъ тѣмъ.

Одинъ изъ родственниковъ его (никакъ не могу вспомнить его имени) разсказывалъ, какъ очевидецъ, объ извѣстномъ, неразгаданномъ явленіи передъ смертію Анны Іоанновны. Этотъ разсказъ, часто повторяемый, однакожъ долженъ найти мѣсто въ моей коллекціи чудесныхъ случаевъ и привидѣній. Вотъ какъ разсказывалъ мой дѣдъ. Его товарищъ былъ дежурный со взводомъ солдатъ въ караулѣ, вечеромъ, за нѣсколько дней до смерти Анны Іоанновны. Это было во дворцѣ на Фонтанкѣ, у Аничкина моста, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ теперь Троицкое подворье, въ покояхъ митрополита Московскаго. Караулъ стоялъ въ комнатѣ подлѣ тронной залы; часовой былъ у открытыхъ дверей. Императрица уже удалилась *во внутренніе покои*, говоря сло-

вами гофъ-фурьерскихъ записокъ. Все стихло. Было уже за полночь, и офицеръ усѣлся, чтобы вздремнуть. Вдругъ часовой зоветъ на караулъ, солдаты вскочили на ноги, офицеръ вынулъ шпагу, чтобы отдать честь. Онъ видитъ, что императрица Анна Іоанновна ходитъ по тронной залѣ взадъ и впередъ, склоня задумчиво голову, закинувъ назадъ руки, не обращая вниманія ни на кого. Часовой стоитъ, какъ вкопанный, рука на прикладѣ, весь взводъ стоитъ въ ожиданіи; но что-то необычайное въ лицѣ Императрицы, и эта странность ночной прогулки по тронной залѣ начинаетъ ихъ всѣхъ смущать. Офицеръ, видя, что она рѣшительно не собирается идти дальше залы и не смѣя слишкомъ приблизиться къ дверямъ, дерзаетъ наконецъ пройти другимъ ходомъ въ дежурную женскую и спросить, не знаютъ ли намѣренія Императрицы. Тутъ онъ встрѣчаетъ Бирона и рапортуетъ ему, что́ случилось. Не можетъ быть, говоритъ герцогъ: я сейчасъ отъ Императрицы, она ушла въ спальню ложиться.

— Взгляните сами: она въ тронной залѣ.

Биронъ идетъ и тоже видитъ ее.—Это какая-нибудь интрига, обманъ, какой-нибудь заговоръ, чтобы подѣйствовать на солдатъ! вскричалъ онъ, кинулся къ Императрицѣ и уговорилъ ее выйти, чтобы въ глазахъ караула изобличить какую-то самозванку, какую-то женщину, пользующуюся нѣкоторымъ сходствомъ съ ней, чтобы морочить людей, вѣроятно съ дурнымъ намѣреніемъ. Императрица рѣшилась выйти, какъ была, въ пудермантелѣ. Биронъ пошелъ съ нею. Они увидѣли женщину, поразительно похожую на нее, которая нимало не смутилась. Дерзкая! вскричалъ Биронъ, и вызвалъ весь караулъ. Молодой офицеръ, товарищъ моего дѣда, своими глазами увидѣлъ *двѣ Анны Іоанновны*, изъ которыхъ настоящую, живую, можно было отличить отъ другой только по наряду и потому, что она вошла съ Бирономъ изъ другой двери. Императрица, постоявъ минуту въ удивленіи, выступила впередъ, пошла къ этой женщинѣ и спросила: Кто ты? Зачѣмъ ты пришла? Не отвѣчая ни слова, та стала пятиться, не сводя глазъ съ Императрицы, отступая въ направленіи къ трону и, наконецъ, все-таки лицомъ къ Императрицѣ, стала подниматься, пятившись, на ступеньки подъ балдахинъ. Это дерзкая обманщица! Вотъ Императрица! Она приказываетъ вамъ, стрѣляйте въ эту женщину, сказалъ Биронъ взводу. Изумленный, растерявшійся офицеръ скомандовалъ, солдаты прицѣлились. Женщина, стоявшая на ступеняхъ у самаго трона, обратила глаза еще разъ на Императрицу и исчезла. Анна Іоанновна повернулась къ Бирону, сказала:—Это моя смерть! поклонилась остолбенѣвшимъ солдатамъ и ушла къ себѣ.

Это одинъ изъ самыхъ достовѣрныхъ разсказовъ о привидѣніяхъ. Очень мнѣ досадно, что я забыла имя офицера, который былъ очень близокъ къ дѣду и самъ передавалъ ему всѣ подробности не долго послѣ этого неразгаданнаго случая. Черезъ нѣсколько дней или часовъ Анна Іоанновна скончалась, я тоже не запомню срока (для меня, вообще числа и собственныя имена всегда было трудно запомнить, между тѣмъ какъ обстоятельства, слова и мысли остаются живо и крѣпко въ памяти до сихъ поръ). Много слышали отецъ мой и мать про царствованіе Елисаветы, про образъ тогдашней жизни, и батюшка говаривалъ, бывало, что не удивишься легкости нравовъ Екатерины II, когда подумаешь, въ какой моральный омутъ привезли 14-ти лѣтнюю красавицу-принцессу, и выдали ее за человѣка, еле вышедшаго изъ отрочества, не способнаго цѣнить ея умъ и блистательныя качества, и уже испорченнаго той придворной средой, въ которой онъ жилъ.

Сама Елисавета была замужемъ за Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ; это достовѣрно, и батюшка слышалъ отъ близкихъ Разумовскому людей, что, когда Орловъ пріѣхалъ къ нему послѣ смерти Елисаветы Петровны и, съ задней мыслію воспользоваться примѣромъ, спросилъ, есть ли у него документъ о совершеніи брака, то онъ досталъ свидѣтельство и при Орловѣ сжегъ его въ каминѣ. Всѣ друзья и родственники Разумовскаго были совершенно увѣрены въ истинѣ этого благороднаго порыва, а преданіе гласитъ, будто въ память своего бракосочетанія Императрица украсила вызолоченнымъ вѣнцомъ (короною) церковь, въ которой вѣнчалась съ нимъ въ Москвѣ. Разумовскій, какъ извѣстно, былъ простой казакъ Малороссійскій и придворный пѣвчій. Онъ плѣнилъ своимъ голосомъ Елисавету, а сдѣлавшись ея мужемъ, онъ за собою привлекъ ко двору и семью, и родство, и другихъ Малороссіянъ, которые сдѣлали менѣе блистательную карьеру, но все же пошли въ чины. Одинъ изъ такихъ, бывшій пѣвчій съ глубокимъ басовымъ голосомъ, дослужился до д. ст. совѣтника, не отличившись ничѣмъ, и разъ, споря съ однимъ неважнымъ по своему положенію дворяниномъ, сказалъ:—Вѣдь я генералъ.—Какой ты генералъ, отвѣчалъ тотъ: ты развѣ генералъ-басъ.

Эти легкія карьеры, сдѣланныя безъ заслугъ, по одной протекціи фаворита, произвели дурное впечатлѣніе на столбовое дворянство, Петербургское и Московское, и дали поводъ многимъ думать, что въ Малороссіи нѣтъ древняго дворянства, тогда какъ, напротивъ, изъ этой колыбели Руси происходятъ самые древніе роды наши. Но, въ моемъ дѣтствѣ, многіе при мнѣ говорили не разъ, чуть ли не съ такимъ сомнѣніемъ, о дворянскомъ происхожденіи Малороссійскихъ фамилій, какъ о графскомъ титулѣ Поляковъ. Признавали однако до-

стоинство генеалогіи нѣкоторыхъ знатныхъ и высокозаслуженныхъ вельможъ, какъ напр. Безбородки, Кочубея, но на остальныхъ смотрѣли, какъ на что-то въ родѣ ихъ кліентовъ (въ Римскомъ смыслѣ слова), и я запомнила еще съ тѣхъ поръ риѳмованную будто бы родословную выходцевъ изъ южнаго края:

Безбородко роди Кочубея,
Кочубей роди Комбурлея,
Комбурлей роди Гамалея,
Гамалей роди Кравченко,
Кравченко роди Марченко,
Марченко роди пана Толоча и пр.

Впрочемъ, Петербургское высшее общество, какъ видно, смотрѣло на свой кружокъ, какъ на единственно аристократическій, и даже какъ на единственно порядочный. Помню, не одинъ разъ слышала я такія рѣчи: Манеры и тонъ общества совсѣмъ испортились съ тѣхъ поръ, какъ вся Москва переѣхала сюда послѣ пожара. Вообще, странныя у насъ воззрѣнія на этотъ счетъ. Батюшка, бывало, говаривалъ, что мы имѣемъ дворянство *историческое* изъ самыхъ древнихъ родовъ Европы (съ 862 года), а у насъ однако образовалась аристократія *самозванная*, преоригинальная. Вы находите или *находили* во всѣхъ земляхъ аристократію политическую, привилегированную, или аристократію таланта и образованія; но у насъ не признается ни одна изъ нихъ, а есть аристократія чисто-салонная, une aristocratie de coterie. Разумѣется, мнѣнія на этотъ счетъ рознятся; но по мнѣ, это не дурно, хотя иногда смѣшно. Не дурно, что у насъ двери настежъ въ эту безвредную, самообольщающуюся салонную среду, между тѣмъ какъ каждый, даже изъ знаменитѣйшихъ родовъ нашей исторіи, долженъ самъ завоевывать политическое положеніе своею службою. И все-таки *въ основаніи* лежитъ драгоцѣнное начало, даже если оно часто становится только юридической фикціею: это правило, что образованіемъ (экзаменомъ) и трудомъ (службою) всякій можетъ дойти до высшей степени политической дѣятельности и вліянія, и что нѣтъ замкнутаго сословія у насъ. Гдѣ нѣтъ замкнутости, тамъ нѣтъ и ненависти между сословіями, хотя, конечно, ничто не исключаетъ и не искореняетъ мелкихъ страстей человѣческаго общества, и хотя у насъ, какъ вездѣ, завидуютъ и ревнуютъ къ салоннымъ и придворнымъ успѣхамъ, и бранятъ людей высокопоставленныхъ на службѣ, и завидуютъ имъ; но все же каждый порядочный человѣкъ знаетъ, что нѣтъ серьознаго, неодолимаго препятствія, которое бы мѣшало ему пробивать себѣ дорогу вверхъ. Это меня много утѣшаетъ, когда ви-

жу смѣшную сторону нѣкоторыхъ нашихъ аристократовъ. Истинно же радуетъ меня всякій примѣръ твердой, терпѣливой и бодрой жизненной борьбы съ невыгодной обстановкой въ молодости человѣка, дошедшаго до высокаго политическаго положенія, будь этотъ человѣкъ столбовой дворянинъ, или простолюдинъ вчерашній. Замѣчательно, какъ много изъ самыхъ даровитыхъ и вліятельныхъ людей, моего знакомства, въ молодости перебивались съ трудомъ для достиженія даже наинужнѣйшихъ средствъ къ жизни, и какъ много эта нужда, эти лишенія въ молодости способствовали къ закалу ихъ души, ихъ способностей и характера. Бѣдность, даже мимоходная, которая заставляетъ работать, если она честно и бодро выдержана, возвышаетъ человѣка на столько же, на сколько совершенная нищета и безпорядокъ, который въ ней гнѣздится, растлѣваютъ самыя лучшія натуры. Впрочемъ, всякая крайность разрушаетъ гармонію естественныхъ законовъ мірозданія; и какъ крайность нищеты, такъ и крайность богатства, матеріальнаго преизбытка, развращаетъ человѣка. Есть безстыдство богача, точно также какъ безстыдство нищаго. Одинъ думаетъ, что онъ въ правѣ *все купить*, другой, что въ правѣ *всего просить*; высокомѣріе одного и наглость другаго равно унизительны для человѣческаго достоинства и, въ сущности, тотъ и другой-жалкія творенія. Мальчикъ оборванный, таскающійся по грязи и протягивающій руку съ плаксивою просьбою о копѣйкѣ въ компаніи съ пьяными бабами и притворными калеками, можетъ быть не въ бо́льшей степени развратится, нежели въ *своемъ родѣ* развратится малолѣтній милліонеръ, окруженный со дня рожденія льстецами и угодниками всякаго возраста и пола, утопающій въ нѣгѣ и своеволіи съ самой колыбели, незнающій противорѣчія, ни препятствія въ исполненіи своихъ прихотей. Видала я съ болью сердечной, какъ грязли и заглушались лучшіе порывы гордыхъ и чистыхъ натуръ подъ невыносимымъ гнетомъ нищеты; такъ точно, какъ знала я жалкихъ богачей, у которыхъ заглохли всѣ лучшія стремленія души отъ поклоненія собственному могуществу, чисто-матеріальному могуществу золота, и отъ подобострастія личныхъ эксплуататоровъ. Такъ было во всѣ періоды исторіи человѣчества, такъ есть и теперь, такъ было и во время Елисаветы. Это могущество богатства, соединенное со всемогуществомъ власти, не могло не вскружить головы тогдашнимъ временщикамъ.

Вся же масса дворянства, составляющая огромное большинство землевладѣльцевъ (монастыри и церкви владѣли, кажется, около десятой части населенныхъ имѣній), масса дворянства была рѣшительно и долгое время представительницей умственнаго движе-

нія въ Россіи. Въ теченіе столѣтія и больше, можно по истинѣ называть дворянство *передовымъ* сословіемъ. Это сословіе однако въ массѣ своей не отрывалось совершенно отъ народа по своимъ вѣрованіямъ и религіознымъ обычаямъ, и одинъ иностранецъ, побывавши во внутреннихъ губерніяхъ лѣтъ двадцать назадъ, былъ пораженъ тѣмъ, что наше дворянское сословіе, разнящееся отъ народа во всѣхъ наружныхъ пріемахъ жизни, отъ платья и прически до языка, вдругъ, въ церкви, является совершенно такимъ же, какъ самъ необтесанный мужикъ, и кладетъ земные поклоны, прикладывается къ иконамъ или мощамъ съ благоговѣйнымъ выраженіемъ лица, оставившимъ иностранцу впечатлѣніе полной искренности. Еслибъ онъ заглянулъ поближе въ ихъ домашнюю жизнь, то увидѣлъ бы и тутъ больше сходства съ народомъ, нежели бы онъ могъ понять. Въ этой массѣ стараго (однако *непридворнаго*) дворянства, служившаго непремѣнно въ военной службѣ, не могло быть страшнаго своеволія богатыхъ сосѣдей его. Походы же въ Пруссію и Швецію пріучили къ дисциплинѣ, къ нѣкоторой выдержкѣ, и расширили умственный горизонтъ. Хорошія натуры облагораживались, а, возвращаясь еще молодыми въ свои помѣстья, не успѣвали совершенно переродиться въ иностранцевъ. Сохранялась, это правда, нѣкоторая сословная гордость; но она никакъ не мѣшала чистосердечно смотрѣть на прислугу, напримѣръ, на *домочадцевъ*, какъ на что-то въ родѣ бѣдныхъ родственниковъ; давая слугѣ потасовки собственноручно, все-таки баринъ не требовалъ отъ него службы *автомата*, не считалъ, что, платя ему жалованье и кормя его по положенію контракта, можетъ смотрѣть на него, какъ на вещь, на машину, и не справляться никогда о человѣческой сторонѣ этой машины, о его чувствахъ, горестяхъ и радостяхъ душевныхъ, о его отношеніяхъ къ барину, какъ къ человѣку же, какъ это становится принято въ иныхъ домахъ хорошаго тона, или какъ прикидываются, что оно принято. Не думаю, чтобы мы въ сущности когда-либо дошли до этого верха безобразія.

Все вышесказанное далеко не ново; но я записываю, какъ живое преданіе, какъ образцы мыслей чувствъ и мнѣній, дошедшіе до родителей моихъ, непосредственно отъ современниковъ и дѣйствовавшихъ лицъ, а не какъ *возстановленіе заднимъ числомъ* духа эпохи по документамъ всякаго рода, даже по памфлетамъ и доносамъ, что случается встрѣчать слишкомъ часто въ сочиненіяхъ, даже научныхъ. Карамзинъ говаривалъ отцу моему не разъ, какъ надо быть осторожнымъ въ оцѣнкѣ лицъ и событій прошлаго времени, остерегаться собственнаго увлеченія при изученіи современныхъ описаній и односторонникъ разсказовъ, а надо принимать во вниманіе совокупность показа-

ній и глубоко укоренившійся общій взглядъ на лица и на событія, когда этотъ взглядъ *переходитъ въ сознаніе народное.* Карамзинъ говорилъ ему, напримѣръ, что хотя точныхъ доказательствъ нѣтъ противъ Бориса Годунова въ дѣлѣ убіенія царевича Димитрія, однако у него полное внутреннее убѣжденіе въ его соучастіи, убѣжденіе, исходящее отъ того, что, изучая исторію вообще, онъ проникнулся мыслью, что не можетъ остаться осужденнымъ во мнѣніи своего народа, въ теченіе двухъ столѣтій, историческое лицо, оклеветанное *невинно.* Онъ полагалъ, что потомство есть своего рода кассаціонный судъ, который разбираетъ *инстинктивно* дѣла прошедшихъ временъ (своего народа, разумѣется) и что есть великая историческая правда, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, правда Божія, возстановляющая честь и невинность тѣхъ дѣятелей, которыхъ имена пострадали только отъ страстей и злобы, или отъ предразсудковъ современниковъ, и что, по словамъ Іоанна Миллера, die Welt-Geschichte ist das Welt-Gericht *).

Такъ точно и въ обратномъ отношеніи, Карамзинъ почиталъ чистыми и достойными тѣ лица, которыя, какъ Димитрій Донской, какъ Скопинъ Шуйскій, какъ Пожарскій, какъ Мининъ, оставили свѣтлую и святую память по себѣ въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, не смотря на современныя одиночныя обвиненія, Карамзинъ (осуждать котораго теперь въ модѣ) понималъ всю увлекательность *исторической находки,* открытія новаго документа; но онъ крайне осторожно обращался съ такими открытіями, тщательно сравнивая и критически разбирая каждое изъ нихъ; потому что на задачу историка онъ смотрѣлъ, какъ на великое, святое служеніе истинѣ и отечеству, требующее безпристрастія и обдуманности судьи, ставящаго окончательно на видъ всю совокупность показаній, уликъ и моральнаго убѣжденія въ дѣлѣ, представляемомъ къ приговору этого великаго суда присяжныхъ — потомства: потомства, которое не должно подкупать, льстя его минутнымъ страстямъ, ни обольщать блескомъ и увлекательностью изложенія.

(1870).

(Съ дозволенія графини А. Д. Блудовой перепечатано вновь изъ журнала «Заря» 1871 и 1872 годовъ).

*) Всемірная исторія есть всемірное судьбище.